

Нартекс
Byzantina Ukrainensia

Том 3

ОКСФОРДСКОЕ РУКОВОДСТВО
ПО ВИЗАНТИНИСТИКЕ

THE OXFORD HANDBOOK OF
BYZANTINE STUDIES

THE OXFORD HANDBOOK OF

BYZANTINE STUDIES

Edited by

ELIZABETH JEFFREYS

with

JOHN HALDON

and

ROBIN CORMACK

ОКСФОРДСКОЕ РУКОВОДСТВО ПО ВИЗАНТИНИСТИКЕ

под редакцией

ЭЛИЗАБЕТ ДЖЕФФРИС

ДЖОНА ХЭЛДОНА

РОБИНА КОРМАКА

Главный редактор перевода
С. Б. Сорочан

Выпуск 1

Харьков «Майдан» 2014

УДК 94(4)"0375/1492"

ББК 63.3(0)4

О-52

Оксфордское руководство по византистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак; пер. с англ. В. В. Швеца; гл. ред. С. Б. Сорочан; ред. А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын, А. Г. Чекаль. – Вып. 1. – Харьков: Майдан, 2014. – 516 с. (Нартекс. Byzantina Ucrainensia. Том 3).

ISBN 978-966-372-515-4.

Оксфордское руководство по византистике, подготовленное плеядой лучших специалистов мирового уровня во главе с ответственными редакторами Э. Джеффрис, Дж. Хэлдоном и Р. Кормаком, отличается уникальной структурой, позволяющей познакомить читателя со всеми сторонами римской цивилизации и историей ее изучения. Каждая из глав пособия в предельно краткой форме и вместе с тем глубоко знакомит с основными проблемами византистики, отражая ее современные достижения. Вып. 1 включает первые две части книги.

Издание может быть одинаково полезным как профессиональному исследователю, так и начинающему византисту, а также всем, кто интересуется историей Византии.

Редакционный совет:

Онуфрий (О. В. Легкий), митрополит Харьковский и Богодуховский, магистр богословия (Харьков)

Г. Атанасов, доктор исторических наук, профессор (Силистра)

Н. Н. Болгов, доктор исторических наук, профессор (Белгород)

Л. В. Войтович, доктор исторических наук, профессор (Львов)

А. Г. Герцен, кандидат исторических наук, доцент (Симферополь)

Г. Ю. Ивакин, член-корреспондент НАНУ (Киев)

С. П. Карпов, академик РАН (Москва)

А. П. Моця, член-корреспондент НАНУ (Киев)

П. П. Толочко, академик НАНУ (Киев)

А. А. Тортика, доктор исторических наук, профессор (Харьков)

Редакционная коллегия:

С. Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор, главный редактор (Харьков)

Николай (Н. В. Терновецкий), протоиерей, настоятель Свято-Пантелеимоновского храма (Харьков)

Владимир (В. В. Швеца), архимандрит, настоятель Свято-Антониевского храма

при Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина (Харьков)

Петр (П. В. Казачков), протоиерей, настоятель Свято-Алекса́ндро-Невского храма,

кандидат богословия (Харьков)

А. Н. Домановский, кандидат исторических наук, доцент, зам. главного редактора (Харьков)

А. Д. Каплин, доктор исторических наук, профессор (Харьков)

С. И. Лиман, доктор исторических наук, профессор (Харьков)

П. Е. Михалицын, кандидат богословия, кандидат исторических наук, отв. секретарь (Харьков)

Ю. М. Могаричев, доктор исторических наук, профессор (Симферополь)

С. И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьков)

А. В. Сазанов, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Рекомендовано к печати ученым советом

Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, Харьков, площадь Свободы, 4,

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,

кафедра истории древнего мира и средних веков.

Тел. (057) 707-53-37; e-mail: byznartex@gmail.com

Печатается при финансовой поддержке

*Харьковской епархии Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата),
Свято-Пантелеимоновского храма (Харьков) и Свято-Алекса́ндро-Невского храма (Харьков)*

УДК 94(4)"0375/1492"

ББК 63.3(0)4

© Oxford University Press, 2008

© Харьковский национальный университет имени
В. Н. Каразина, 2014

© Свято-Пантелеимоновский храм (Харьков), 2014

© Швеца В. В., перевод, 2014

ISBN 978-966-372-515-4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Б. Сорочан. От редактора издания</i>	9
--	---

Часть I ДИСЦИПЛИНА

I.1. Византинистика как научная дисциплина <i>Элизабет Джеффрис, Джон Хэлдон, Робин Кормак</i>	11
I.2. Исследовательский инструментарий (instrumenta): в помощь изучающим дисциплину	
I.2.1. Первоисточники <i>Джон Хэлдон</i>	31
I.2.2. Хронология и датировка <i>Энтони Брайер</i>	42
I.2.3. Позднеримские и византийские разновесы (гири) и весовое оборудование <i>Кристофер Энтивистл</i>	50
I.2.4. Археология <i>Джеймс Кроу</i>	58
I.2.5. Критические подходы в истории искусств <i>Лесли Брубакер</i>	70
I.2.6. Иконография <i>Кэтлин Корриган</i>	78
I.2.7. Литературная критика <i>Панайотис А. Агапитос</i>	88
I.2.8. Текстология <i>Майкл Джеффрис</i>	97
I.2.9. Лексикография и электронные текстовые ресурсы <i>Эрих Трапп</i>	106

I.2.10. Греческая палеография	
<i>Найджел Уилсон</i>	112
I.2.11. Папирология	
<i>Тодд Хики</i>	125
I.2.12. Документы	
А. Документы: имперские хрисовулы	
<i>Андреас Э. Мюллер</i>	137
Б. Документы: Афон	
<i>Розмари Моррис</i>	143
В. Документы: Венецианский Крит	
<i>Салли Макки</i>	148
I.2.13. Эпиграфика	
<i>Кирилл Мэнго</i>	151
I.2.14. Сигиллография	
<i>Джон Несбитт</i>	157
I.2.15. Нумизматика	
<i>Эвридика Георгантели</i>	164
I.2.16. Просопография	
<i>Дайон Смит</i>	182
I.2.17. Дендрохронология	
<i>Питер Ян Кьюнихолм</i>	189
I.2.18. Штампы на кирпиче	
<i>Джонатан Бардилл</i>	200
I.2.19. Топография Константинополя	
<i>Сесили Хеннесси</i>	209

Часть II

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА МИРА: ЛАНДШАФТ, ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

II.3. Политическая география византийского мира	
II.3.1. Географический обзор	
<i>Марк Уиттоу</i>	223

II.3.2. Политико-исторический обзор	
А. Политико-исторический обзор, ок. 250–518 гг.	
<i>Джеффри Гритрекс</i>	236
В. Политико-исторический обзор, 518–800 гг.	
<i>Джон Хэлдон</i>	254
С. Политико-исторический обзор, 800–1204 гг.	
<i>Кэтрин Холмс</i>	269
Д. Политико-исторический обзор, 1204–1453 гг.	
<i>Ангелики Лайу</i>	286
II.4. Коммуникации: Мосты и дороги	
<i>Клаус Белке</i>	301
II.5. Население, демография, заболевания	
<i>Дионисий Статакопулос</i>	315
II.6. Населенные пункты	
II.6.1. Большие и малые города	
<i>Хелен Саради</i>	323
II.6.2. Деревня	
<i>Алан Харвей</i>	334
II.7. Здания: внешняя и внутренняя отделка	
II.7.1. Строительные материалы и техники	
<i>Джонатан Бардилл</i>	341
II.7.2. Церкви и монастыри	
<i>Роберт Оустерхаут</i>	359
II.7.3. Гражданские и военные здания	
<i>Харламπος Бакирцис</i>	379
II.7.4. Стенная роспись и мозаика	
<i>Робин Кормак</i>	390
II.8. Производство и технологии	
II.8.1. Сельское хозяйство	
и сельскохозяйственные технологии	
<i>Майкл Деккер</i>	401
II.8.2. Ткани и одежды	
<i>Мария Парани</i>	411

II.8.3. Производство шелка	
<i>Дэвид Якоби</i>	425
II.8.4. Керамика	
<i>Памела Армстронг</i>	433
II.8.5. Обработка металлов	
<i>Марлиа Манделл Мэнго</i>	449
II.8.6. Слоновая кость, стеатит, эмаль и стекло	
<i>Энтони Катлер</i>	458
II.8.7. Изготовление книг	
<i>Джон Лауден</i>	468
II.8.8. Технологии вооружения и военные действия	
<i>Джон Хэлдон</i>	479
II.8.9. Кораблестроение и мореплавание	
<i>Джон Прайор</i>	489
II.8.10. Бытовые технологии	
<i>Майкл Деккер</i>	499
Иллюстрации, планы, карты, таблицы	511

ОТ РЕДАКТОРА ИЗДАНИЯ

Продолжая начатую первым томом «Нартекса» традицию публикации научных монографий по византистике, редколлегия решила издать давно готовившийся перевод с английского языка большой коллективной работы – «Оксфордского руководства по византистике», подготовленной, без преувеличения сказать, плеядой лучших специалистов мирового уровня во главе с ответственными редакторами Э. Джеффрис, Дж. Хэлдоном и Р. Кормаком¹. На фоне имеющихся десятков и сотен обобщающих работ по истории Византии², включая узкоспециализированные руководства, подготовленные тем же Оксфордским университетским издательством (см., например: *The Oxford Handbook of Early Christian Studies*, 2008; *The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World*, 2011; *The Oxford Handbook of Late Antiquity*, 2012; *The Oxford Handbook of the State in the Ancient Near East and Mediterranean*, 2013 и др.), эта выделяется не только всеохватностью предмета, но и уникальной структурой, позволяющей познакомить читателя со всеми сторонами ромейской цивилизации и историей ее изучения.

Каждая из частей «Руководства», разделенная в свою очередь на множество подразделов, в предельно краткой форме и вместе с тем глубоко знакомит с основными проблемами византистики, отражая ее современные достижения. Такого рода издание может быть одинаково полезно как профессиональному исследователю, так и начинающему византисту, причем последнему в особенно большой степени, поскольку в состоянии заменить полноценный учебный курс и стать прекрасным пособием-справочником. Единственный его недостаток – отражение преимущественно опыта западной византистики, слабый учет вклада исследователей восточной Европы, что, впрочем, вообще характерно для основной массы западных специалистов по истории Византии, причина чего видится прежде всего в существующем языковом барьере, – особенно в нежелании большинства из них знакомиться с русскоязычными и украиноязычными изданиями. Тем не менее, редколлегия решила не корректировать представленную в «Руководстве» преимущественно англоязычную специальную литературу и дополнять

¹ *The Oxford Handbook of Byzantine Studies* / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. – XXIX, 1021 p.

² См.: Войтович Л., Домановський А., Козак Н., Лильо І., Мельник М., Сорочан С., Файда О. *Історія Візантії. Вступ до візантістики* / За ред. проф. С. Б. Сорочана та проф. Л. В. Войтовича. – Львів: Апірії, 2011. – С. 833–837.

ее соответствующими отечественными работами, полагая, что этим исказит оксфордский проект, который мы попытались донести до читателя в виде как можно более точного, максимально близкого к тексту перевода. Мировой престиж Оксфордского университетского издательства, как нам кажется, требует именно такого осторожного обращения. Единственное, что мы позволили себе сделать, учитывая большой объем издания, – разделить его на два выпуска. Таким образом, начатое в «Нартексе» том 3 мы завершим в «Нартексе» том 4., поместив туда полные списки авторов, иллюстраций и сокращений.

Кропотливая работа над переводом и его редактированием длилась больше четырех лет, но она не была бы успешно завершена без помощи сотрудников Оксфордского университетского издательства, предоставивших нам лицензионное право на издание, приобретенное в октябре 2013 г. сроком на четыре года (Translation Agreement number 10799009). В связи с этим хочется особенно поблагодарить за содействие и неизменную доброжелательную помощь сотрудников издательства – Жана Кроссера (Global Business Development Manager) и Софи Девеуа (Global Business Development Assistant, Global Business Development and Rights). Отдельная благодарность – митрополиту Харьковскому и Богодуховскому Онуфрию, настоятелю Свято-Пантелеимоновского храма г. Харькова протоиерею Николаю Терновецкому и настоятелю Свято-Александро-Невского храма г. Харькова протоиерею Петру Казачкову, по благословению и с материальной поддержки которых состоялся этот важный научный проект, несмотря на все перипетии нашего трудного во всех отношениях времени. Особая признательность архимандриту Владимиру (Швецу), настоятелю Свято-Антониевского храма при Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина за непростой и кропотливый труд переводчика, А. Домановскому, П. Михалицыну и А. Чекалю за помощь при редактировании текста, а также всем тем, кто внес посильный вклад в осуществление этого проекта.

*Главный редактор
проф. С. Б. Сорочан*

ЧАСТЬ I

ДИСЦИПЛИНА

Глава I.1 ВИЗАНТИНИСТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Элизабет Джеффрис, Джон Хэлдон, Робин Кормак

Предмет исследования византистики – история и культура государства, ставшего известным как Византийская империя или Восточная Римская империя. Ее центром являлся город Константинополь (ныне Стамбул), основанный, как принято считать, в 324 г. императором Константином Великим в качестве столицы восточной части Римской империи (хотя, на самом деле, первоначальные намерения Константина на этот счет все еще являются предметом обсуждения). Ее границы изменялись на протяжении веков, но она оставалась отдельным и, по большей части, основным политическим образованием в Европе, восточном Средиземноморье и прилегающих районах в течение более чем тысячелетия, до окончательного завоевания Османской Турцией в 1453 г., причем ее влияние продолжает ощущаться и по сей день. Ее императоры и граждане считали себя римлянами (*romaioi*), тогда как жители Константинополя обычно называли себя константинопольцами, а свой город – градом Царицы Небесной.

Термин «византийский» происходит от латинского *Byzantium*, названия города, основанного в VIII в. до н. э. на том месте, где позднее Константином был построен Константинополь, и является позднейшей конструкцией, введенной в употребление в Европе XVII в. Слова «Византия» и «византийский» в настоящее время свободно применяются ко всем сторонам жизни Восточной Римской империи и ее культуры. Так как сама Византия сформировалась в результате расширения Римской империи на восток, ее структура власти и управления были подобием и органичным продолжением позднеримской империи первых веков н. э., а языком административного управления первоначально являлся латинский. При этом язык письменной культуры, тем не менее, был греческим. С самого своего начала Константинополь был христианским городом; его епископ со временем стал Вселенским Патриархом Православной Церкви, а обряды и образ мышления христианства распространились на весь византийский образ жизни. Определяющей характеристикой этой империи является то, что она была

римской по своему законодательству и управлению, греческой по языку и литературе и христианской в отношении религии.

Для англоязычного мира XXI столетия, как и в целом для Западной Европы, Византия является чем-то наподобие «черной дыры», призрачной и малоизвестной (если вообще известной), в отличие от Западной Римской империи, на основании материальных свидетельств жизнедеятельности которой можно сейчас весьма достоверно построить ее модель. По своей сути эта разница в восприятии отражает лингвистическое и культурное, равно как и политическое разделение между Восточной и Западной Европой, образовавшееся в эпоху поздней античности и средневековья, когда на Востоке преобладало православие с греческим языком и литературой, в то время как Запад был римско-католическим с латинским языком и литературой: в некоторых вопросах между ними, можно сказать, существовал непреодолимый барьер. В современном мире это разделение все еще заметно во многих сферах. Оно отразилось и в содержании пособий для средних и высших учебных заведений, в которых Византии отводилось очень мало места, несмотря на то, что исследователи классических языков и литературы (хоть и нехотя) не могут все же не признать, что без участия византийских переписчиков ни один древнегреческий текст не дожил бы до настоящего времени. Византия вызывала лишь косвенный интерес. Этот *damnatio memoriae*, этот «приговор к забвению», тем не менее, сейчас исполняется уже не так строго, как раньше. Явным тому свидетельством является усиленный интерес к выставкам византийского искусства, наиболее выдающиеся из которых прошли в Музее Искусств Метрополитен («Эпоха духовности» в 1977 г., «Слава Византии» в 1997 г. и «Византия: вера и власть, 1261–1557 гг.» в 2004 г.) и сопровождались масштабными продажами выставочных каталогов. В число причин, объясняющих повышенную познавательную активность в отношении Византии и ее культуры, следует включить развитие туризма и невысокую стоимость путешествий в Грецию и Турцию, где доступ к большинству памятников уже не является таким рискованным приключением, каким был еще не так давно.

Тем не менее, академические центры с самой разнообразной структурой, занимавшиеся исследованиями Византии, существовали в большинстве стран Европы и Северной Америки в течение многих лет: в некоторых случаях – неофициально, как результат личного исследовательского интереса, в других случаях, с конца XIX в. – официально. Эти центры и превратили занятие, которое могло остаться на уровне обычного увлечения антиквариатом любителями древностей, к примеру, эмалей или икон, в целостную научную дисциплину. Первоначальным, хотя и не всегда действенным, стимулом к изучению Византии было то, что в большинстве своем коллекции греческих рукописей, – будь то классические или средневековые тексты, – датируются византийским периодом и являются списками, сделанными на территориях, находившихся под властью Византии. Такие коллекции, собранные в результате стечения разнообразных исторических обстоятельств, находятся, к примеру, в Афинах, Лондоне, Мадриде, Париже, Ватикане, Вене. Это означает, что первоначально Византия в равной степени находилась в центре интереса и филологии, и истории. С другой стороны, к понятию «Византия» имеет непосредственное отношение богословская традиция

и церковные структуры, хотя это всего лишь часть определения византийской культуры.

Франция впервые заинтересовалась «le bas empire»¹, известной при дворе Людовика XIV как позднейший период Римской империи, параллель с историей которой создавала благоприятную почву для схожих имперских устремлений двух государств. Следствием этого стал повышенный интерес к приобретению текстов византийской эпохи, в первую очередь исторических сочинений, в результате чего были впервые опубликованы многие произведения, в основном из королевских коллекций. Эти парижские издания, переизданные затем в Венеции, оставались важным исследовательским инструментарием до тех пор, пока на смену им не пришли тексты, изданные в Бонне в XIX в. Рукописи из парижских библиотек послужили материалом для создания и такого важного академического инструментария как «*Glossarium mediae et infimae Graecitatis*» (1688 г.) Дюканжа, по сей день не полностью вышедшего из употребления. Научный интерес к византистике, неизменно сохранявшийся во французских академических кругах, в последние годы нашел свое отражение в ряде важных научных трудов в Сорбонне и Collège de France.

Возможно, наиболее значимый шаг к созданию научной дисциплины был сделан в 1890 г. в Мюнхене Карлом Крумбахом (1856–1909 гг.). Этим шагом явилось основание журнала «*Byzantinische Zeitschrift*», первого официального периодического издания, полностью посвященного данной области знаний; и открытие при Мюнхенском университете Института византийских исследований, который продолжает свою работу и по сей день.

В Германии появились и другие важные научные центры, к примеру, Берлин, Бонн и Гамбург. Не менее значимыми были научные достижения Афин, где вновь созданные Университет и Академия, проявляли усиленный интерес к исследованиям в данной области.

Весьма важная исследовательская работа ученых дореволюционной России, с большими трудностями продолжавшаяся в эпоху сталинизма, получила отражение и обрела второе дыхание в поздних трудах Александра Каждана после его переезда в Вашингтон в 1970 г.

Следующим наиболее значимым шагом в развитии этой дисциплины стала организация ряда международных конгрессов византистов, первый из которых, собравший всего около 30 участников, состоялся в 1924 г. в Бухаресте. Они стали проводиться каждые пять лет, их работа приостанавливалась только на время Второй мировой войны. Последние из них прошли в Москве (1991 г.), Копенгагене (1996 г.), Париже (2001 г.) и Лондоне (2006 г.). Практически каждый конгресс сопровождался публикацией пленарных документов, кратких статей и сообщений, ставших неоценимым документальным свидетельством того, как менялись область интересов и методология.

В 1920–1930-х гг. собиратели и знатоки изящных искусств обратили особое внимание на византийские художественные изделия (иконы, гравюры на слоновой кости, эмали): при их абстрактных качествах, сочетавшихся с хорошим

¹ Дословно – «нижней империей» (прим. переводчика).

вкусом, они были относительно недороги. Американские ценители изящных искусств, мистер Роберт Блисс и его супруга в своем доме, очаровательном поместье XVIII в. в Вашингтоне, округ Колумбия, составили избранную коллекцию художественных изделий и научную библиотеку. В 1940 г. они передали ее в дар Гарвардскому университету. Сформированная затем на ее основе научно-исследовательская библиотека и коллекция на византийскую тематику в Дамбартон Оакс (Dumbarton Oaks) представляла собой собрание книг, равных которым практически не было, и поэтому стала одним из наиболее значимых источников информации в этой области знаний. Отделения византистики в большинстве североамериканских университетов многим обязаны этому учреждению.

После Второй мировой войны византистика развивалась как часть системы высшего образования. В Австрии, аккумулирующей в Государственной библиотеке Вены значительное количество собраний греческих рукописей и расположенной на перекрестке дорог, соединяющих католическую и православную Европу, был основан Institut der Österreichischen Byzantinistik¹. В этом учреждении вскоре после его основания под чутким руководством Герберта Хунгера, на закате научной деятельности последнего, была инициирована крупная серия исследовательских проектов, начиная с создания современных каталогов рукописей и включая далее издание текстов, исследование печатей и картографирование византийских территорий («*Tabula Imperii Byzantini*»). В Великобритании, где византистика развивалась усилиями отдельных ученых, таких, как Дж. Б. Бюри (1861–1927 гг.) и позже его ученик Стивен Рансимен (1903–2000 гг.), при слабой поддержке со стороны учебных заведений 1960-е гг. ознаменовались созданием (в Бирмингеме) и усилением ранее существовавших (в Кембридже, Лондоне, Оксфорде) образовательных учреждений, связанных с указанной спецификой. По примеру американских специалистов, проводивших каждые пять лет в Дамбартон Оакс симпозиумы и конгрессы, британские византисты стали собираться на ежегодные симпозиумы, материалы которых регулярно публиковались. Несколько удивляющая состоятельность, присущая, судя по научным публикациям, австралийской школе византистики, может рассматриваться как одно из британских достижений, поскольку большинство ее представителей прошли обучение в Соединенном Королевстве.

Сегодня византистика как научная дисциплина изучается во многих университетах Запада: либо соответствующими подразделениями, либо отдельными учеными. Ее основными информационными органами продолжают оставаться такие академические журналы как «*Byzantine and Modern Greek Studies*», «*Byzantinische Zeitschrift*», «*Byzantinoslavica*», «*Dumbarton Oaks Papers*», «*Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*», «*Revue des Études Byzantines*», «*Византийский временник*», хотя распространение получают и электронные информационные источники.

Популярность византистики как области научных знаний отражают массовый характер распространения высшего образования в университетах и приравненных к ним учреждениях, особенно в Соединенных Штатах и Западной Ев-

¹ Институт австрийской византистики – прим. переводчика.

ропе, а также растущая познавательная активность и интерес к изучению пост-классических истоков большинства «западных» культур. Вдобавок существует соответствующая заинтересованность в сближении со своими средневековыми истоками со стороны представителей некоторых современных культур, в чем со времен средневековья и до наших дней немалую роль играет Православная Церковь. Популярность дисциплины отражает также интерес к изучению одной из сторон своего культурного наследия, проявляемый вторым, третьим и четвертым поколением иммигрантов из Греции и Восточной Европы в США, Канаде, и, особенно, Австралии, где благодаря распространенному сочетанию изучения византийской и современной греческой культуры появился и развивается небольшой, но довольно оживленный образовательный рынок. Политические и культурные события недавнего прошлого и настоящего времени увеличили степень осознания значения Византии и ее вклада в формирование современного общественного устройства на Балканах и в регионе Восточного Средиземноморья.

С определенной долей иронии нужно отметить, что изначально, в эпоху раннего Ренессанса, интерес к Византии и ее наследию впервые возник именно по причинам политического характера. Угроза экспансии со стороны Османской империи, осознаваемая Центральной и Западной Европой, привлекла внимание политических и интеллектуальных кругов Запада к истории взаимоотношений Византии и Турции, что в свою очередь способствовало дальнейшему изучению истории Восточной Римской империи или, во всяком случае, ее послеримского имперского прошлого, особенно в Италии на протяжении XVI в. (см.: краткое практическое введение в дисциплину – Moravcsik 1976).

Находясь в тесной связи с политическими, историческими и насущными геостратегическими интересами, изучение греческого языка и его эволюции в пост-классическом мире становится центральной частью этой развивающейся традиции. Лингвистическая эволюция греческого языка в его устной и письменной формах, функциональная и культурная дифференциация различных стилей речи и диалектов всерьез и надолго стали обширной сферой изучения для лингвистов и филологов. Способствовала росту интереса к этой дисциплине и необходимость прочтения средневековых исторических текстов и хроник (летописей), а также понимание неотложных проблем и запросов культурно-политических кругов того времени, отраженных в этих исторических документах.

Но, как и многие из направлений западной науки, история Византии до совсем недавнего времени изучалась как бы с внешней стороны, поскольку научные исследования Византии менее всего развивались на территориях, непосредственно являющихся частью ее историко-культурного наследия: на юге Балкан и в Малой Азии. Интерес к дисциплине, существовавший в период османского правления, особенно возрос к концу XVIII в., что проявилось не столько в возобновлении внимания к самому византийскому государству, сколько в смене направления существовавших тогда научных течений: от более или менее строгого, «ортодоксального», взгляда на Византию и ее наследие, как на «хранимую Богом Империю», к более открытому плюралистическому и, следует отметить, более научному, в котором чувствовалось влияние рационализма и Просвещения.

Просвещение¹ не обязательно предполагает наличие просветительского подхода в процессе изучения Византии. Так, например, суждение Эдварда Гиббона (1776–1789 гг.) было весьма схожим с взглядом, который в значительной мере определялся влиянием характерной для XVIII в. английской интерпретации греческой философии и стоических ценностей Римской республики (столь удобно сочетавшейся с представлениями о себе высших слоев английского общества), а также неприязнью, испытываемой многими просветителями к политике средневековой Церкви, Восточной или Западной, – взглядом, который до определенной степени разделяли многие греческие мыслители-рационалисты, такие, как Адамантиос Кораес (1748–1833 гг.). «Рационалистическая» враждебность к Византии, обнаруживаемая такими исследователями, как Э. Гиббон, конечно, полностью отличается от непреодолимого влечения к морализаторству и порожденной им крайней враждебности со стороны писателей поздней Викторианской эпохи, таких, как Уильям Леки, чьи взгляды Э. Гиббон, возможно, воспринял бы не менее неприязненно: «О, эта Византийская империя! Всеобщий вердикт истории таков, что она представляла собой, без малейшего сомнения, наиболее совершенную в своем основании культуру, принявшую со временем самую презренную из форм, которую когда-либо принимала цивилизация. Не было другой такой продолжительно существовавшей цивилизации, настолько лишенной всех признаков и составляющих величия, и ни одной другой, суть которой столь точно отражалась бы эпитетом «посредственная»... История империи – это история постоянной неблагодарности: монотонная цепь интриг священников, евнухов, женщин, череда отравлений и заговоров» (Lecky 1869: vol. 2, 13–14).

Византистика как предмет, изучающий историю, язык и литературу Византии, имеет, как было сказано, длинную родословную. Но кого бы мы ни считали основателем дисциплины: то ли Иеронима Вольфа, то ли Эдварда Гиббона, то ли Карла Крумбахера (Beck 1958, 1966), ясно, что в большей степени, нежели многие другие, данная сфера изучения общественных отношений прошлого представляет собой междисциплинарную и, что может быть еще более важно, поликультурную область исследования. Это отразилось и на предмете ее исследования, который сам по себе поликультурен, – история многоязычного государства, в котором греческий язык и Православная Церковь являлись ключевыми объединяющими факторами. Обширный ряд материалов, представленных в данном издании, полно и четко иллюстрирует данную точку зрения. В то же время отсутствие необходимых для изучения данной научной и академической дисциплины знаний, умений, навыков, а также и месторасположение самой империи, – в стороне от так называемого «мэйнстрима» западной культуры, – иногда приводили к негативным последствиям до такой степени, что византистика стала считаться чем-то вроде второстепенной и маргинальной области исследований. Здесь, в определенной мере, сказались и языковая сложность источников, и то, что географический центр исследований сформировался только в XIX и XX вв., притом весьма далеко от регионов, где первоначально развивался сам объект исследования.

¹ Имеется в виду временная принадлежность к эпохе Просвещения – *прим. переводчика*.

Только в Греции (и в среде эмигрантов из Греции) представлен византийский «мэйнстрим», что, в свою очередь, привносит свои определенные неудобства. Отсюда возникают проблемы культурно-политического и этно-исторического характера, а также трудности, связанные с неослабевающей ролью Православной Церкви и ее особым взглядом на византийское прошлое, наряду с современными национально-политическими проблемами идентичности и отношений с соседними государствами и культурами. В сочетании все это повлияло на выбор таких подходов к истории Византии, которые стали подстраиваться под вкусы и представления рядового носителя современной греческой культуры. Внутренние разногласия оказали, в свою очередь, влияние на характер публикаций, поэтому в сочинениях исследователей-византинистов не греческого происхождения прослеживаются и романтическая филэллинская, и антиэллинская тенденции (Cameron 1992). Литература по этой теме многочисленна и общеизвестна, так что нет необходимости в дальнейшем освещении предмета в таком контексте. Но важно помнить тот факт, что изучение византистики всегда осуществлялось как бы сквозь «двухфокусную линзу» — с позиций «внутренней» перспективы (воззрений, рожденных и привнесенных представителями современной эллинистической традиции) и «внешней» точки зрения (взглядов, сформировавшихся за пределами современной греческой культуры), что и определило в значительной мере современный характер дискурса византинистов.

Византистика, как мы уже имели возможность убедиться, — это вполне подходящий термин, объединяющий в себе огромный спектр подразделов этой науки, зачастую имеющих мало общего друг с другом, что наглядно иллюстрирует содержание данного справочника. Но эти «подразделы», если можно их так назвать, сами по себе «подразделяются» на две обширных категории: инструментальную и интерпретационную. В первом случае имеются в виду дисциплины, в рамках которых осуществляется подготовка и анализ материальных источников того или иного рода, без чего, разумеется, невозможно осуществить должным образом ни одно широко аргументированное интерпретационное или обобщающее исследование. Инструментальная традиция в целом преобладала в сфере византистики, что обусловлено самим характером источников: литературных, эпиграфических, археологических, визуально репрезентативных. Большинство византинистов обладают знаниями и навыками, по крайней мере, в одной, а зачастую более чем в одной из таких инструментальных областей. Эти навыки уходят корнями в позитивизм XIX в., точнее, в позитивистское понятие «научности», преобладавшее в европейской и североамериканской школах историографической мысли и формировавшее их. Вплоть до недавнего времени складывалось так, что при подготовке желающих углубленно изучать византистику акцент, — во многих отношениях совершенно справедливо, — делался на технические и методологические познания и навыки, используемые для внутренней и внешней оценки текстовых данных. В частности, основная роль, в силу необходимости, отводилась методам и приоритетам классической филологии, пусть даже сегодня они уже не так актуальны (воздержимся от оценок и суждений по этому поводу). При наличии большого числа отдельных исключений, в целом, этот вынужденный акцент на практические навыки ведет,

тем не менее, к обесцениванию сознательной теоретизации и размышления. Без особых колебаний, избегая теоретической абстракции как во многом излишней, специалисты получали возможность достижения своих целей путем использования методов, которые по своему достоинству и научной ценности считаются более или менее посредственными. Такой подход неизбежно многократно применялся византинистами для осмысления своих достижений в изучении «прошлого» и направлений дальнейшего конструирования или генерирования познаний о прошлом.

В 1980-е гг. некоторые из традиционных взглядов оказались под вопросом, что отражало более широкую тенденцию в историографии, в продолжение дискуссии между теми, кто был настроен оспаривать теоретические предположения, лежащие в основе и составляющие содержание их исследований, и теми, кто не был заинтересован в таких дебатах, предпочитая рассматривать их как неуместные либо невозможные (Haldon 1984). Византинистика середины 1980-х гг. сама по себе оказалась вовлеченной в процесс, который Т. С. Кун назвал «сменой парадигмы», процесс, в ходе которого традиционная система (или системы) предположений и приоритетов, равно как теорий и подходов, меняется или дополняется и далее преобразуется под влиянием различных систем взглядов. Хотя существенных изменений самого предмета и взглядов исследователей особо не отмечалось, но произошел значительный сдвиг позиций и предположений относительно того, что следует считать приемлемым материалом исследований и какие именно вопросы следует рассматривать. Это было, в некотором смысле, полностью предсказуемо: смена социальных и культурных ценностей и приоритетов, изменения в среднем образовании, а также пересмотр большинства насущных политических вопросов естественным образом отразились на уровне учебных программ университетов и колледжей. Воздействие программ гендерных исследований и феминистской историографии в частности прослеживалось в том, какого рода социально-исторические вопросы стали рассматриваться, в особенности последующими поколениями молодых ученых. Не менее впечатляющие изменения произошли в повестке дня историков искусства и археологов, в результате чего дисциплина¹ под названием «Византинистика» выглядит сегодня совершенно иначе, чем всего лишь 20 лет назад.

Так как высокий уровень византийского искусства вызывал больший интерес, чем особенности истории и литературы Византии, значительная доля внимания исследователей уделялась именно этому направлению. Поверхностное и часто высказываемое мнение относительно истории византийского искусства таково, что оно развивалось в значительной мере изолированно от прочих дисциплин данной области и даже от широкого круга научных интересов истории искусств, как простое эмпирическое исследование материальных объектов с археологической точки зрения. В действительности же историография истории искусства Византии свидетельствует о ее соответствии передовым научным тенденциям, а в основе ее развития лежит целый комплекс национальных и международных интересов.

¹ Или пакет дисциплин – прим. переводчика.

Интерес к истории искусства Византии до середины XIX в. сохранялся лишь у французских и немецких ученых и в основном касался «новогреческой» составляющей данной культуры (Crimson 1996: 73). Последовавший затем международный расцвет популярности предмета был вызван текущими эстетическими и политическими запросами, внутрицерковными дебатами, личным интересом к средневековью (Bullen 2003: 4). В Великобритании инициатором исследований в данном направлении стал Джон Раскин, автор бестселлера *«Камни Венеции»* (Ruskin 1851–3) и критического описания церкви Сан-Марко. Таким образом, интерес к византийскому искусству первоначально развивался в сфере архитектурных изысканий, что позволяло избегать негативного отношения к Византии в духе просветительских воззрений Э. Гиббона. Влияние на работы Дж. Раскина оказал путешественник Роберт Керзон (Curzon 1849: 34–40), который, в свою очередь, значительной частью своих научных убеждений относительно «интеллектуального» и «бесстрастного» характера византийского искусства обязан *«Руководству по христианской иконографии»* (Didron 1845), а также опубликованной в XVIII в. *«Герменее»* Дионисия из Фурна. Последняя, несмотря на более позднюю дату публикации, трактовалась как подтверждение зависимости византийских художников от Церкви и отсутствия у них оригинальности (см.: Netherington 1974). Серьезный интерес к византийской античности выражен в ключевой монографии В. Р. Лезебая и Х. Свенсона *«Церковь Св. Софии, Константинополь: Исследование византийского строительства»* (Lethaby and Swainson 1894). Будучи специалистом в области искусства и архитектурного строительства, а также истории архитектуры, В. Р. Лезебай оказал влияние на распространение византийского стиля в Великобритании. Он поощрял молодых архитекторов посещать Британскую школу археологов в Афинах и зарисовывать византийские архитектурные памятники Греции и Малой Азии. Характерной чертой этого полного бурной деятельности периода вплоть до начала войны 1914 г. было сочетание архитектурного черчения и фотографии при составлении описаний византийских памятников. Такие описания составлялись в ходе полевых исследований командами энергичных специалистов из Германии, России, Франции и Великобритании. Особенно полными и тщательно составленными считаются фотографические описания Милета, сделанные в Малой Азии, и Джерфаниона – в Каппадокии.

Подоплекой всей этой деятельности долгое время был вопрос о происхождении раннехристианского и византийского искусства. В центре дискуссии о нем оказался центрический купольный собор Св. Софии в Константинополе. Инициатором дебатов по этому вопросу стал Стржиговски (Strzygowski 1901), поначалу искавший его прототипы на эллинистическом Востоке, но потом обратившийся к Востоку, не подвергнутому влиянию греко-римской эпохи, в частности, к Ирану с Арменией как посредников в процессе передачи восточных идей. Противоположная точка зрения сводилась к тому, что предшественниками этого собора являлись исключительно архитектурные сооружения Римской империи.

Спорам по поводу указанной двойственности подходов положил конец Вард-Перкинс (Ward-Perkins 1947), доказавший факт развития раннехристианской архитектуры в Римской империи и признававший при этом эклектичность рим-

ской архитектуры как таковой. Поразительные открытия в Дуре Европос не повлияли на эту оценку значимости Рима (исключение составляет монография: Breasted 1924), но обширная география ряда памятников восточно-римской христианской архитектуры породила сомнения относительно того, что именно в идеале включают в себя понятия «византийское искусство» и «византийская архитектура» и насколько широко следует их трактовать. Вопрос остается открытым: наиболее распространенным является определение византийского искусства как искусства собственно Константинополя, но оно же является и наиболее узким и может определенным образом искажать наше восприятие, так как устанавливает понятие нормы, отклонения от которой могут рассматриваться негативно – как проявления провинциальности или второсортности. Общераспространенный дискурс рассматривает генезис византийского искусства скорее как постепенную трансформацию греко-римского искусства, чем как отказ от него. Но все это не дает ответа на вопрос, что все-таки в большей степени отражает византийское искусство – политическое устройство, религию или стиль (Mango 1991).

История византийской архитектуры развивалась в рамках четырех подходов (Mango 1991): классификация зданий по типологии и по так называемым «региональным направлениям»; символический или идеологический подход к архитектуре (согласно которому собор, к примеру, символизирует небо); функциональный подход к объяснению архитектурных форм и их особенностей (излагался в работах Krautheimer 1942 и Grabar 1946); социально-экономический подход (в работах Tchalenko 1953–8). Соответствующие подходы могут применяться также и в отношении других разделов истории искусств.

Вопрос происхождения византийского искусства в равной степени интересовал и русских ученых, справедливо сопоставлявших значимости эллинистического Востока и Рима (Кондаков 1886, Айналов 1961, Лазарев 1947–8), и особенно уделявших внимание достоверности рукописей. Популяризации изучения рукописей послужили также работы Виккофа (Wickhoff 1895) за счет реабилитации поздней античности и акцента на венских инновациях. Иллюстрации к книгам стали основой обучения специалистов в области истории искусств на протяжении большей части XX в. Вейцман (Weitzmann 1947) ввел в употребление филологический метод изучения рукописей, позволявший строить предположения относительно количества книг с цветными иллюстрациями в эпоху античности и судить о вытекающем отсюда характере византийских рукописей. Его методология действовала исходя из предположения о том, что процессы копирования изображений подчинялись тем же правилам, что и сама передача текстов, и что все они вели свое происхождение от «достоверного» архетипа. Хотя данная точка зрения и имела влияние, однако со временем она была раскритикована как преувеличивающая значимость изучения утраченной модели первоисточника по сохранившимся материалам (см.: Walter 1971; Lowden 1992).

Методика Вейцмана утратила актуальность с появлением подхода Дер Нерсисяна (Der Nersessian 1962), который при рассмотрении гомилий Григория¹, датированных IX в., искал не их источники, а анализировал то, как их изготовите-

¹ Богослова (Назианзина) – прим. переводчика.

ли задумали и подобрали иллюстрации, демонстрирующие значения и аллюзии каждой из проповедей св. отца. Хотя и более широкому, но тем не менее сильно формализованному подходу в определении византийского искусства следовал Китцингер (Kitzinger 1976), занимавшийся выяснением происхождения диалектов и стилистических изменений (в период крушения иконоборства). Этот исследователь многим был обязан трактовке искусства Возрождения, которую сформулировал Вольфлин (Wölfflin 1915), а также Веницианской школе истории искусства.

Важные открытия, сделанные в Константинополе Византийским институтом, основанным Уитмором, который в 1932 г. инициировал кампанию по восстановлению мозаики в соборах св. Софии и Карие Ками (*Kariye Camii*), постепенно вытеснили процесс изучения рукописей из центра внимания истории искусств. После 1959 г. под патронатом научного центра в Дамбартон Оакс эта работа по обнаружению и восстановлению византийских памятников, а также их внешней и внутренней отделки продолжилась в Стамбуле; территория поиска расширилась, охватив Кипр, так что в итоге центр внимания исследователей сместился от Равенны в Италии к Восточному Средиземноморью. В то же время полным ходом идет публикация памятников в Греции и на Балканах. В работах Джурича (Djurić), Орландоса (Orlandos), Сотериу (Soteriou), Ксингопулоса (Xyngopoulos), Чатзидакиса (Chatzidakis), Мурики (Mouriki) и других документально отражены размеры и виды уцелевшего архитектурного наследия Греции (в том числе памятники поствизантийской эпохи). Этот интерес к установлению дат и стилистических последовательностей в византийском искусстве нашел свое отражение в тематике международных конгрессов, на которых византийское искусство было представлено в соответствии с периодизацией по столетиям. Широкомасштабную дискуссию в сфере монументального искусства вызвал так называемый «византийский вопрос» о том, как оценить вклад Византии в становление итальянского Ренессанса. Демус (Demus 1948, 1950, 1970) дал определение мозаичной отделки¹, исследовал процесс ее распространения на Запад (подробнее до него: Bugon and Talbot Rice 1931) и отбросил общепринятую в истории искусства точку зрения, сформулированную Джорджо Вазари (1511–1574 гг.), утверждавшим, что итальянский Ренессанс был отказом от византийской традиции. Демус установил тот факт, что Восток и Запад в XIII в. находились в тесном общении, а в XIV в. последовали различными путями развития (которые, однако, нельзя назвать полностью независимыми друг от друга).

Следующая смена акцентов дисциплины связана с обнаружением и дальнейшей публикацией икон из монастыря св. Екатерины (см.: Soteriou 1956–8; Weitzmann 1982) – открытие заключалось в том, что настенная роспись являлась основным средством передачи информации на протяжении всего византийского периода и, несмотря на удаленность от Константинополя, монастырь располагал работами высочайшего качества. Вейцман (Weitzmann 1982) уделял большое внимание иконам, которые считал работой западных художников, следуя методологии Бучтала (Buchthal 1957), выработанной в процессе исследования руко-

¹ Как особому виду изобразительного искусства – прим. переводчика.

писей Иерусалимского королевства. Значительное по масштабам исследование, проводившееся недавно, посвящалось изучению и реставрации икон в других православных монастырях и частных коллекциях с целью установления роли и функций икон (чему способствовало существование соответствующих документированных свидетельств о произведениях искусства в нотариальном архиве венецианского Крита). Бельтинг (Belting 1990), изучив эти материалы, показал важную роль монастырей XI и XII вв. в процессе формирования новых иконографических образцов для Пасхального и других богослужебных циклов, включая почитание чудотворных икон.

Магвайер (Maguire 1992) описал некоторые аспекты новейшей истории искусств (интерес к искусству текста, литургическому искусству). Рассматривая современный этап в сочетании с другими периодами истории искусств, основной сменой акцентов следует считать переход от стилистической оценки шедевров с точки зрения авторства (как, например, в работе: Talbot Rice 1959) к антропологическому анализу видения образов в социуме (Cormack 1985; Nelson 2000). Это приводит к формированию постструктуралистской теоретической традиции, чему содействует имевшая большое влияние подборка искусствоведческих текстов Мэнго (Mango 1972).

Парадокс византийской истории искусств заключается в том, что ее зачастую трактуют как фрагментарную и ограниченную рамками специальной литературы, хотя она являлась постоянным объектом исследований на протяжении длительного периода времени (Dalton 1911; Diehl 1925–6). Данные исследования охватывали общие вопросы своего времени, учитывая то, какие материалы и источники информации сохранились, и то, как утрата части наследия Константинополя могла нарушить стилистические взаимосвязи. Содержание этих исследований во многом соответствует национальным традициям и интересам и в своем выборе в большей степени склоняется к национальным литературным наследиям и их особенностям. Однако недавний полемический обзор источников изображения образа Христа свидетельствует о карикатурном характере европейских имперских наклонностей в отличие от более эгалитарной, по-видимому, трансатлантической позиции (Mathews 1993). На сегодняшний день проблематика этой дисциплины (истории искусств) по большей части связана не со сферой теоретических интересов, а с масштабными выставками избранных артефактов в крупнейших галереях Европы и Америки. Такие экспозиции демонстрируют новейшие открытия и наиболее важные материальные памятники в этой области науки, что вызывает одобрение широкой публики и комментарии специалистов. Эти выставки ставят вопрос о месте византийского искусства в истории общемирового искусства и о том, какие сферы истории искусств пересекаются с ее традиционными задачами.

Некоторые из вышеупомянутых достижений являются всего лишь естественным результатом смещения центра исследовательского внимания в результате смены поколений студентов и ученых. Но справедливо будет также отметить, что, начиная с конца 1970-х гг., изменения в науке происходили быстрее и имели более далеко идущие последствия, чем до того; произошло значительное расширение круга вопросов, занимавших умы ученых, что резко контрастировало

с замедленными темпами изменений в период перед Второй мировой войной и далее, до 1970-х гг. От более тесного вовлечения в теоретические споры особенно выиграли две сферы, а именно: история искусств (как именно, обсуждалось выше) и литературные исследования (Mullett 1990; Brubaker 1992). Научные позиции в отношении византийской литературы традиционно были глубоко консервативны и во многом формировались на основе старых подходов к изучению классических текстов: первоочередное внимание уделялось подготовке критических изданий, изучение рукописей и лингвистический анализ выступали в качестве второстепенных задач. «Corpus Fontium Byzantinae Historiae», с 1967 г. выпускающий современные издания работ византийских историков в целях замены изданий «Боннского корпуса» («Bonn Corpus») (XIX в.), следует этим строгим правилам, прибегая, однако же, чем дальше, тем больше, к переводу на современные языки. Поразительно то, что несмотря на наличие серийных изданий текстов с параллельным переводом (например, Лозб (Loeb): Прокопий, «Греческая антология»; Бюде (Budé): Пселл, «Хронография»; Анна Комнина, «Алексиада»; «Христианские источники» («Sources Chrésiennes»): Косьма Индикоплов) и краткими аннотациями, по-видимому, практически отсутствуют серьезные попытки полного литературного комментария. Исключение составляют отдельные успешные литературные интерпретации (например: Smith 1999) и сильные произведения критиков, таких как Александр Каждан или Яков Любарский (1998).

В сфере социальной и экономической истории, которая также до определенной степени связана с открытиями и достижениями в других областях, история византийской культуры особенно ощутимо медлила с рассмотрением, – даже просто для того, чтобы оспорить и отбросить, – некоторых насущных проблем. Это хорошо показано в книге Александра Каждана и Жилия Констэбля «*Народ и власть в Византии: введение в современную византистику*», в которой историографические споры, к примеру, о структурализме, представлены как относительно новые, тогда как на самом деле структурализм уже долгое время является главной темой дискуссий в других областях науки (Kazhdan and Constable 1982). Разумеется, отдельные ученые в отношении различных сторон этого предмета проявляют стремление поколебать установившийся консенсус, но они почти не оказывают непосредственного влияния вне сфер и направлений их собственной исследовательской работы. Этот консерватизм или, возможно, осторожность можно приписать относительно замкнутому и обособленному характеру данной научной сферы как таковой. Иронией, возможно, покажется то, что изучение Византии, ее культуры, экономики, общественных отношений выросло непосредственно из классической филологии и именно классическая филология со свойственными ранним периодам ее развития позитивизмом и эмпиричностью оставила сходные тенденции в наследство византистике. Хотя сейчас все это и кажется до некоторой степени парадоксальным, тем не менее в последней четверти XX в. классическая филология создала почву для достижений и в структурной лингвистике, и в сравнительной литературной теории, и в постструктуралистской критике традиционных подходов к определению понятий авторства, читателя, межтекстовых связей. И это тогда как сфера исследований римской истории, общества, социальных институтов претерпела подобные изменения

уже в 1960-е гг. в результате схожих научных достижений, равно как и в результате впечатляющих успехов археологии и связанных с ней наук.

Необходимо отметить, что исследование Византии не относится к области неразрешимых задач, чему подтверждением являются научные споры, которые продолжаются вокруг византистики в сфере исторических и социальных научных теорий. Дискуссии об авторском замысле (относительно многообразия возможностей, предоставляемых читателю сообщениями из текста – письменного или визуального) или культурно обусловленной природе восприятия вызвали новый виток споров об интерпретационных возможностях и характере вопросов, которые могут быть поставлены перед нами действительностью. Но другие дебаты, в частности, о культурно обусловленном построении самой действительности, не попали в поле зрения византистов. Это особенно верно в отношении того, что несколько неточно принято называть «постмодернизмом». За некоторыми исключениями, византисты вновь предпочли не участвовать в данной дискуссии, оставаясь в привычных для них рамках неподтвержденных предположений позитивизма традиционной западной историографии. В 1990-е гг. споры о том, что называют «новым историзмом» и «постмодернизмом», оставили свой след в византистике; опять же речь не идет о тех ученых, которые являются специалистами в теории литературы и искусства (см., например: Stone 1991; Joyce 1991; Kelly 1991). Дискуссии между историками и философами относительно проблем, затронутых в спорах об эпистемологическом статусе историографии и онтологическом статусе прошлого, вызвали поляризацию точек зрения, которая едва ли коснулась большинства византистов, однако нельзя сказать, что они не знали о них – в действительности часто имеет место определенный разрыв между личной интеллектуальной деятельностью и интеллектуальным или институциональным контекстом, в которой она осуществляется.

Несмотря на то, что Византийская империя представляет собой один из наиболее интересных примеров государственных образований эпохи поздней античности, просуществовавший к тому же, хотя и в сильно измененном виде, до глубокого средневековья, специалисты в областях сравнительной истории и теории государства уделяли ей поразительно мало внимания, особенно если сравнивать с тем, сколько его уделялось Римской империи, от которой Византия берет свое начало. Как мы полагаем, это следствие того факта, что историки и специалисты в области византистики обычно неохотно обобщают результаты своих работ и не склонны делать обширные выводы на основе сравнений. Одним из результатов указанного факта стало то, что неспециалисту все еще достаточно сложно получить доступ к информации по данной дисциплине, несмотря на опубликованное в первом десятилетии XXI в. значительное количество популярной исторической литературы, которое начинает нарушать эту относительную изоляцию (Treadgold 1997; Haldon 2000; Gregory 2005; Mitchell 2007; Cameron 2007).

Число проблем, подлежащих научному рассмотрению в рамках дисциплины, растет. Новые перспективы открылись, в первую очередь, в изучении византийской литературы (например: Cameron 1991; Mullett 1997), а также под влиянием западной средневековой и римской археологии, в исследовании византийской

материальной культуры, урбанизма и связанных с этим явлений. Но недостаток синтезирующих специальных работ в данной области, которые представили бы Византию в долгосрочной сравнительной перспективе, приводит к тому, что ученые, далекие от данной проблематики, все еще стараются поменьше упоминать или вообще умалчивать о ней. Работы таких исследователей, как Петер Браун (Brown 1971, 1981) и Александр Каждан (1974) – о различных аспектах истории социальной культуры Рима (в позднюю эпоху существования империи), Византии и средневекового Запада; Майкла Маккормика (McCormick 1998, 2001) – о путях сообщения между исламским миром, Восточной Римской империей, средневековыми Италией и Францией; Криса Викхема (Wickham 2005) – о развитии общества и экономики в Европе и Средиземноморье после V в. н. э., или Алана Харвея (Harvey 1989) и Мишеля Каплана (Kaplan 1992) – об аграрной экономике Византии в широком контексте – тяготеют к рассмотрению проблем с точки зрения более широко охватывающей, сравнительной перспективы. Но даже и в 2008 г. Византию еще зачастую, особенно в общеисторической и популярной литературе, представляют особым, единственным в своем роде пережитком прошлого: вершиной Православной духовности, римского права и восточного деспотизма, – скорее исключением, нежели обычным явлением в истории Балкан и Анатолии. Исследователи, исходящие из более широких, сравнительных позиций, только недавно и, по большей части, достаточно поверхностно стали включать в синтез и Византию. Майкл Мэн в первом томе превосходного обзора *«Истоки социальной власти»* (Mann 1986), упоминает об этом кратко, на уровне постановки проблемы, Рансимен во втором томе *«Трактата о социальной теории»* столь же краток, но выводы и заключения делает лучше (Runciman 1989); в большинстве прочих сравнительных обзоров – к примеру, в работе Тейнтера *«Разрушение сложных обществ»* (Tainter 1988) – византийской проблематике посвящено лишь несколько незначительных фраз. Пери Андерсон в работе *«Переход от античности к феодализму»* (Anderson 1974) уделяет серьезное внимание проблематике Восточного Рима, но его весьма удачной трактовке в глазах современного читателя вредит то, что со времени написания книги в начале 1970-х гг. наука значительно продвинулась вперед в понимании того, как развивалось Восточно-Римское государство. К тому же, большая часть таких дебатов велась с точки зрения тяготеющего, пусть даже ненамеренно, представления о средневековой восточно-римской культуре как застойной и косной, препятствуя, таким образом, какой бы то ни было возможности разглядеть динамизм структур, скрытый за низкими, на первый взгляд, но вполне очевидными по некоторым источникам темпами изменений. Но показательным в данной ситуации, наверное, является то, что работа такого рода, пусть даже искаженная и проблемная, во многом была делом рук специалистов в других сферах науки и в области сравнительных исследований, поэтому, за некоторым исключением (например: Haldon 1993, 1995), не встречала отклика у византинистов. Хорошим примером тому стала попытка представить византийскую культуру в сравнительном и цивилизационном контексте как часть критики работы о «византийской» основе истории Балкан и Восточной Европы (Arnasson 2000), с которой византинисты, судя по всему, не знакомы.

Византия и византистика привлекали «внешнее» внимание (т. е. внимание специалистов из других сфер) в двух следующих вопросах: во-первых, в том, что касается развития так называемого «Византийского сообщества», то есть обособленного «византинизированного» культурного пространства в Восточной и Юго-Восточной Европе, а также в Западной России. На развитие этих культур с давних времен воздействовали, а в некоторых отношениях и по сей день продолжают воздействовать устойчивые традиции Византии, прежде всего, в том, что касается уважения к православному христианству и церковной организации, а также связанной с ними культуры императорского двора с его претензиями на вселенское влияние. Воздействие византийских традиций не ограничивалось уровнем народного благочестия и церковным устройством или вопросами дворцовой культуры и религиозного искусства. Оно затрагивало также отношение к власти и ее осмыслению, взаимоотношения между правителем и элитой, между центром и периферией. Специалистами из других областей науки было также проведено несколько широкомасштабных сравнительных исследований (упоминания вновь заслуживают Манн и Рансимэн, оба рассматривали проблему с разных сторон и ни один из них не уделил большого внимания вопросу византийского влияния); опубликован весьма полезный отчет с обзором основных проблем, выполненный специалистом и послуживший хорошей исходной точкой для дальнейшей сравнительной работы (Obolensky 1971).

Второй вопрос касался переходных периодов и преобразований: там, где Византия напрямую сталкивается с внешним миром, особенно в том, что касается истории западной средневековой Европы, она привлекает наибольшее внимание. Так, период с конца IV по VII вв., в течение которого западный римский мир преобразовывался в разнообразные германские, наследовавшие ему государства, период, в течение которого Римская империя в ее предположительно традиционной форме окончательно исчезла, вызвал некоторые дискуссии в области сравнительной истории, затронувшие также ряд более широких вопросов (например: de Ste. Croix 1981; Cameron 1993; Haldon 1993, 1995). Даже более изученный период Крестовых походов, особенно с первого по четвертый Крестовый поход (1097–1204 гг.), в течение которых Византия и западные христианские культуры вступали в непосредственное и зачастую враждебное соприкосновение, стал важным стимулом для сравнительных исследований как в отношении истории культуры, так и в применении к политическому устройству и социальным отношениям, лежащим в их основе. Это стало наиболее очевидным в ходе дискуссии относительно того, была или нет когда-либо Византия феодальным государством в западном смысле, и даже если этот спор сейчас уже, кажется, в прошлом (см.: Reynolds 1994), но он также оказал влияние на другие аспекты истории византийского мира (например: Jacoby 1993).

Наибольшим преимуществом византистики, вероятно, является ее международная и поликультурная интеллектуальная и институциональная основа. С какими бы трудностями ни сталкивались исследователи византийской культуры и истории в различных национальных контекстах и какими бы консервативными или, наоборот, радикальными ни были некоторые элементы этого значительного международного организма, ее интернациональность означает, что она представ-

ляет собой важный и живой предмет изучения, а ее экспоненциальный рост на протяжении последних тридцати-сорока лет свидетельствует о том, что новые влияния, новые течения, новые подходы к старым проблемам и новые пути работы над разрешением этих проблем становятся постоянной характеристикой каждой крупной международной конференции или симпозиума. И это оживленное поле научной деятельности и интеллектуальных поисков все в большей и большей степени воздействует на смежные области исследований.

Данное издание создано с намерением описать состояние византистики на сегодняшний день. Оно включает библиографию и ссылки на источники информации для начинающих. Мы попытались рассмотреть наибольшее количество тем и сфер изучения, которые, в принципе, возможно было охватить; их число и разнообразие однозначно свидетельствует об актуальности данной дисциплины в настоящее время и указывает на проблемы и перспективы, требующие обсуждения в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- AINALOV, D. V. 1961. *The Hellenistic Origins of Byzantine Art* (1900–1), trans. E. Sobolevitch and S. Sobolevitch, ed. C. Mango (New Brunswick).
- ANDERSON, P. 1974. *Passages from Antiquity to Feudalism* (London).
- ARNASSON, J. 2000. 'Approaching Byzantium: identity, predicament and afterlife', *Thesis Eleven* 62: 39–69.
- BECK H.-G. 1958. 'Die byzantinischen Studien in Deutschland vor Karl Krumbacher', *Χάλικες* (Munich): 67–119 (repr. in *Ideen und Realitäten in Byzanz* (London 1972): № I).
- 1966. 'Hieronymus Wolf', in *Lebensbilder aus dem Bayerischen* (Munich): 169–93 (repr. in *Ideen und Realitäten in Byzanz* (London 1972): № II).
- 1977. *Byzantinistik Heute* (Munich).
- BELTING, H. 1990. *Bild und Kult* (Munich) (trans. E. Jephcott, *Likeness and Presence: A History of the Image before the Era of Art* (Chicago, 1994)).
- BREASTED, J. H. 1924. *Oriental Forerunners of Byzantine Painting* (Chicago).
- BROWN, P. 1971. *The World of Late Antiquity* (London).
- 1981. *The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity* (Chicago).
- BRUBAKER, L. 1992. 'Parallel universes: Byzantine art history in 1990 and 1991', *Byzantine and Modern Greek Studies* 16: 203–33.
- BUCHTHAL, H. 1957. *Miniature Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem* (Oxford).
- BULLEN, J. B. 2003. *Byzantium Rediscovered* (London).
- BYRON, R., and Talbot Rice, D. 1931. *The Birth of Western Painting* (London).
- CAMERON, A. M. 1991. *Christianity and the Rhetoric of Empire: The Development of Christian Discourse* (Berkeley).
- 1992. 'The use and abuse of Byzantium: an essay on reception', Inaugural lecture, King's College, London (London, 1992) (repr. in *Changing Cultures in Early Byzantium* (Aldershot, 1996): № XIII).
- 1993. *The Mediterranean World in Late Antiquity, A. D. 395–600* (London).

- 2007. *The Byzantines* (Oxford).
- CORMACK, R. 1985. *Writing in Gold: Byzantine Society and its Icons* (London).
- and Jeffreys, E. 2000. *Through the Looking Glass: Byzantium through British Eyes* (Aldershot): 147–211.
- CRINSON, M. 1996. *Empire Building: Orientalism and Victorian Architecture* (London).
- CURZON, R. 1849. *Visits to Monasteries in the Levant* (London).
- DALTON, O. M. 1911. *Byzantine Art and Archaeology* (London).
- DE STE. CROIX, G. E. M. 1981. *The Class Struggle in the Ancient Greek World* (London).
- DEMUS, O. 1948. *Byzantine Mosaic Decoration: Aspects of Monumental Art in Byzantium* (London).
- 1950. *Mosaics of Normal Sicily* (London).
- 1970. *Byzantine Art and the West* (New York).
- DER NERSESSIAN, S. 1962. 'The illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus: Paris Gr. 510. A study of the connections between text and images', *Dumbarton Oaks Papers* 16: 195–228.
- DIDRON, A. N. 1845. *Manuel d'iconographie chrétienne* (Paris).
- DIEHL, C. 1925–6. *Manuel d'art byzantine* (Paris, 2nd edn.).
- GRABAR, A. 1946. *Martyrium: recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*, 2 vols. (Paris).
- GREGORY, T. E. 2005. *A History of Byzantium* (Oxford).
- HALDON, J. F. 1984. "'Jargon" vs. "the facts"? Byzantine history-writing and contemporary debates', *Byzantine and Modern Greek Studies* 9: 95–132.
- 1993. *The State and the Tributary Mode of Production* (London).
- 1995. 'Pre-industrial states and the distribution of resources: the nature of the problem', in A. M. Cameron (ed.), *The Byzantine and Early Islamic Near East III: States, Resources and Armies: Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam* (Princeton): 1–25.
- 2000. *Byzantium: A History* (Stroud).
- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire 900–1200* (Cambridge).
- HETHERINGTON, P. 1974. *The 'Painter's manual' of Dionysius of Fournà: An English Translation [from the Greek] with commentary of cod. gr. 708 in the Saltykov-Shchedrin State Public Library, Leningrad* (London).
- JACOBY, D. 1993. 'The Venetian presence in the Latin empire of Constantinople (1204–1261): the challenge of feudalism and the Byzantine inheritance', *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 43: 141–201.
- JOYCE, P. 1991. 'History and Post-Modernism I', *Past and Present* 133: 204–9.
- KAPLAN, M. 1992. *Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol* (Paris).
- КАЖДАН, А. 1974. *Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв.* (Москва).
- and CONSTABLE, G. 1982. *People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies* (Washington, DC).
- KELLY, C. 1991. 'History and Post-Modernism II', *Past and Present* 133: 209–13.
- KITZINGER, E. 1976. *The Art of Byzantium and the Mediaeval West: Selected Studies*, ed. W. E. Kleinbauer (Bloomington).

- KONDAKOV, N. 1886. *Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures* (Paris).
- KRAUTHEIMER, R. 1942. 'Introduction to an "Iconography of Mediaeval Architecture"' // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes* 5: 1–33.
- ЛАЗАРЕВ, В. Н. 1947–8. *История византийской живописи* (Москва).
- LECKY, W. E. H. 1869. *A History of European Morals from Augustus to Charlemagne*, 2 vols. (London).
- LETHEBY, W. R., and Swainson, H. 1894. *The Church of Sancta Sophia, Constantinople: A Study of Byzantine Building* (London).
- LJUBARSKI, J. 1998. 'Quellenforschung and/or literary criticism: narrative structures in Byzantine historical writings', *Symbolae Osloenses* 73: 5–21.
- LOWDEN, J. 1992. *The Octateuchs: A Study in Byzantine Manuscript Illumination* (University Park).
- MCCORMICK, M. 1998. 'Bateaux de vie, bateaux de mort. Maladie, commerce, transports anonymes et le passage économique du Bas-Empire au moyen âge', *Morfologie sociali e culturali in Europa fra tarda Antichità e alto Medioevo*, *Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo* 45 (Spoleto): 35–118.
- 2001. *Origins of the European Economy: Communications and Commerce, A. D. 300–900* (Cambridge).
- MAGUIRE, H. 1992. 'Byzantine art history in the second half of the twentieth century', in A. E. Laiou and H. Maguire (eds.), *Byzantium: A World Civilization* (Washington, DC): 119–55.
- MANGO, C. 1972. *The Art of the Byzantine Empire, 312–1453: Sources and Documents* (Englewood Cliffs).
- 1991. 'Approaches to Byzantine architecture', *Muqarnas* 8: 40–4.
- MANN, M. 1986. *The Sources of Social Power, vol. 1: A History of Power from the Beginnings to A. D. 1760* (Cambridge).
- MATHEWS, T. F. 1993. *The Clash of Gods: A Reinterpretation of Early Christian Art* (Princeton).
- MAZAL, O. 1988. *Manuel d'études byzantines* (Louvain): 14–24.
- MITCHELL, S. 2007. *A History of the Roman Empire, A. D. 284–641* (Oxford).
- MORAVCSIK, Gy. 1976. *Einführung in die Byzantinistik* (Darmstadt) (trans. of Bevezetés a bizantinológiába (Budapest, 1966)).
- MULLETT, M. 1990. 'Dancing with deconstructionists in the garden of the Muses: new literary history vs.?', *Byzantine and Modern Greek Studies* 14: 233–43.
- 1997. *Theophylact of Ochrid: Reading the Letters of a Byzantine Archbishop* (Aldershot).
- NELSON, R. (ed.) 2000. *Visuality Before and Beyond the Renaissance: Seeing as Others Saw* (Cambridge).
- OBOLENSKY, D. 1971. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453* (London).
- OSTROGORSKY, G. 1968. *History of the Byzantine State*, trans. J. Hussey (Oxford): 1–21.
- REYNOLDS, S. 1994. *Fiefs and Vassals* (Oxford).
- RUNCIMAN, W. G. 1989. *A Treatise on Social Theory*, vol. 1: *The Methodology of Social Theory*; vol. 2: *Substantive Social Theory* (Cambridge).
- RUSKIN, J. 1851–3. *The Stones of Venice* (Cambridge).
- SMITH, O. 1999. *The Byzantine Achilleid: The Naples Version* (ed. P. A. Agapitos and K. Hult, Vienna).

- SOTERIOU, G. M., and Soteriou, M. 1956–8. *Icons of Mount Sinai* (in Greek) (Athens).
- STONE, L. 1991. 'Notes. History and post-modernism', *Past and Present* 131: 217–18.
- STRZYGOWSKI, J. 1901. *Orient oder Rom: Beiträge zur Geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst* (Leipzig).
- TAINTER, J. 1988. *The Collapse of Complex Societies* (Cambridge).
- TALBOT RICE, D. 1959. *Art of Byzantium* (London).
- TCHALENKO, G. 1953–8. *Villages antiques de la Syrie nord: le massif du Bélus à l'époque romaine* (Paris).
- TREADGOLD, W. 1997. *A History of the Byzantine State and Society* (Stanford).
- WALTER, C. 1971. 'Liturgy and the illustration of Gregory of Nazianzen's Homilies: an essay in iconographical methodology', *Revue des Études Byzantines* 29: 183–212.
- WARD-PERKINS, J. B. 1947. 'The Italian element in late Roman and early medieval architecture', *Proceedings of the British Academy* 33: 1–32.
- WEITZMANN, K. 1947. *Illustrations in Roll and Codex: A Study of the Origin and Method of Text Illustration* (Princeton).
- 1982. *Studies in the Arts at Sinai* (Princeton).
- WICKHAM, C. 2005. *Framing the Middle Ages: Europe and the Mediterranean, 400–800* (Oxford).
- WICKHOFF, F. 1895. *Der Wiener Genesis* (Vienna).
- WÖLFFLIN, H. 1915. *Kunstgeschichtliche Grundbegriffe* (Munich).

1.2. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ (INSTRUMENTA): В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ДИСЦИПЛИНУ

Глава 1.2.1 ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Джон Хэлдон

В распоряжении изучающего историю византийской культуры и византийскую цивилизацию имеется обширный ряд источников информации. Пользование большинством из них требует столь же обширного количества знаний и навыков и сопряжено с существенными методологическими и интерпретационными проблемами. В действительности, поскольку ни один человек не может в совершенстве владеть всеми необходимыми познаниями и языками, в составе предмета неизбежно образуем некоторое количество тематических подразделов, определяемых, с одной стороны, традиционными границами дисциплины, а с другой – развитием новых направлений как поиска, так и интерпретации информации о прошлом. Историк, таким образом, неизбежно зависит во многих случаях и от всех источников информации по проблеме или вопросу, и от анализа и изучения таких источников специалистами с целью, собственно, оценки их достоверности и исследования содержащийся или представленной в них информации или данных. Византиноведческое исследование осложняется, в первую очередь, полиэтнической и полилингвистической основой этой культуры: несмотря на то, что греческий язык стал к началу VII в. преобладающим языком государственного управления, значимую роль продолжали играть и другие языки, в частности, латинский и производные от него средневековые наречия, распространенные в Италии и на значительных по своим размерам территориях Балкан и бассейна Дуная, а также армянский – в регионах восточной Анатолии. Языки семитской группы, в особенности сирийский, в самой Сирии и южнее, продолжали играть существенную роль, или, как, например, арабский начиная с VII в., еще и увеличивать свою значимость.

Другие языки, такие как грузинский на Кавказе и коптский в Египте, также играли свою роль, особенно в создании важных источников информации. По

прошествии времени вошли в употребление и приобрели важность новые языки, к примеру, различные славянские языки на Балканах, тюркские языки в евроазиатской степной зоне, на Среднем Востоке и в Малой Азии после X в., причем, каждый из них представлял для специалистов особое поле для проведения исследований и экспертиз. Как мы убедились в начале главы, история византистики как научной дисциплины и предмет ее изучения сформировались частично на основе классических исследований, поскольку изучение средневекового греческого языка и литературы уходит своими корнями именно в эти дисциплины, частично в результате напряженных отношений и конфликтов между Западной и Восточной Церквями в истории христианства, и еще отчасти как следствие «исторического» и политического интереса, проявляемого начиная с XVI в. и далее Западной Европой к Османской Турции и истории различных национальных государственных образований, сформировавшихся на основе средневекового и, в конечном счете, позднего римского мира (см.: I.1. Византистика как научная дисциплина). Таким образом, она всегда была междисциплинарным предметом, над изучением которого представителям разных сфер науки приходилось работать вместе, а также предметом междисциплинарным, поскольку, несмотря на предпринимаемые время от времени усилия в этом направлении, ни одна нация или государство в его современном виде не может назвать себя прямым потомком Византийской империи, хотя многие современные культуры частично ведут от нее свою родословную по той или иной линии – религиозной, культурной или символической (Moravcsik 1976; Karayannopoulos and Weiss 1982).

Из этого далее следует, что источники информации по дисциплине весьма сложны и разнообразны по своему составу. Обобщенно их можно подразделить на две смысловые категории: письменные и неписьменные, или материальные. Однако во многих случаях понятия «письменные» и «материальные» источники совпадают (например, свинцовые печати и надписи относят и к тем, и к другим), поэтому в целом различие между ними нельзя считать признаком дисциплинарного разделения. В то же время, письменные источники информации можно далее подразделить на литературные и нелитературные (или, как вариант, «менее литературные»). Значительное количество письменной документации из архивных источников (налоговые документы, договора, списки епархий, завешания, акты (охранные грамоты), подтверждающие освобождение от налогообложения и т. д.) вряд ли могут считаться «литературой», тогда как агиографические и исторические документы, письма, юридические документы, а также имперские и церковные законодательные документы, напротив, могут считаться таковой. В то же время, помимо прочего, имеются весьма существенные различия стилей и особенностей изложения внутри самих этих категорий, так что каждая из них стала предметом подробного изучения и тщательного анализа для нескольких поколений ученых. Археология, ландшафтные обзоры¹, керамика, архитектура и история архитектуры, история искусств, изучение миниатюр, будь то металлы, драгоценные камни, слоновая кость или иные материалы, другие специализированные области исследований – все это представляет собой еще один вид «пер-

¹ Описания местности – прим. переводчика.

воисточников» и также может подразделяться на большое количество подгрупп, каждая из которых имеет свое методологическое и теоретическое обоснование, обнародованное либо необнародованное в виде публикации по результатам исследования или в ходе дискуссии. Во многих случаях вопросы методологии с неизбежностью вызвали разделение в правах между специальными дисциплинами, например, палеографией и кодикологией, составляющими основу изучения и анализа всех средневековых письменных документов и материальных носителей, послуживших средством их передачи (см. отдельное вступление к данному пособию, помещенное выше).

Споры вокруг специфических типов источников, приведенных в последующих главах данного пособия, обнаруживают, таким образом, весьма значительный уровень специализации и вследствие этого некоторую разобщенность, которая неизбежна, в частности, из-за того, что дисциплины, которые составляют «Византистику» в широком смысле этого понятия, выработали свою собственную специальную методологию, литературу, учебные программы. Доступ к первоисточникам зависит и от осведомленности об этих различных сторонах предмета, с одной стороны, и, с другой стороны, от наличия соответствующих лингвистических или других навыков, в большей степени, если не полностью, приобретаемых в университетах, где желающим предоставляется соответствующее образование. В такой окончательно специализированной научной среде постепенно возрастает и становится важной роль обобщающих исследований по истории византистики, использующих описанные здесь источники, и энциклопедические отчеты по отдельным темам или областям знаний – мотив создания данного пособия как раз в том, чтобы сделать доступным более широкому, чем до сих пор, кругу читателей, полный обзор источников информации, проблемы и методы, характерные для этой области исследований.

Источники по византийской истории весьма подвержены влиянию временного периода – иными словами, их относительное количество, ценность и доступность зависит от рассматриваемой эпохи или периода времени. Так, не раз отмечались и стали широко известными: нехватка простых традиционных историографических данных, для относительно большей части периода VII – конца VIII вв.; стремительный рост и расцвет агиографической литературы в период с VI по XI вв. и следующее затем постепенное снижение ее значимости; чрезвычайное увеличение количества доступных для изучения частных писем и собраний писем после IX в., продолжавшееся до последних дней империи в XV в. и практически полное отсутствие светской литературы на местных наречиях с VI по XII вв. Подобные нюансы характерны для многих категорий письменных источников, в том числе, например, для свинцовых печатей, игравших ведущую роль с VI–VII по XII вв. и имевших значительно меньшее значение до того и впоследствии. Тем не менее эта хронологическая неравномерность не является простым отражением набора случаев передачи и сохранения информации. Раньше утверждалось, что практически полное отсутствие светской историографии в «смутное время» Византийской империи – VII–IX вв. означало, что этот пробел действительно невосполним. Но такая точка зрения подразумевала два предположения, которые были поставлены под сомнение последующими по-

колениями исследователей Византии: первое из них заключалось в отсутствии альтернативных источников информации о византийском обществе и культуре того периода, а второе в том, что наблюдалось продолжительное и абсолютное сокращение количества письменных источников, снижение общего уровня культуры и грамотности. В действительности, сейчас становится все более явным, что отсутствие традиционных «исторических» письменных источников можно компенсировать более тщательным и глубоким анализом, к примеру, теологических источников, археологических сведений, материалов по истории искусств, сигиллографических текстов. Следствием является признание того факта, что развитие культурных приоритетов не всегда носит осознанный или планируемый характер, отражающий условия существования и развития культур, социальные отношения, экономические реалии, и что понимание того, как происходят постепенные и внезапные (эволюционные и революционные) изменения приоритетов, и какими могли бы быть результаты таких изменений в отношении формирования современной культуры, способно пролить на процесс и ход истории не меньше света, чем повествовательный текст. Отсутствие историографических источников в VII–IX вв. в значительной степени является следствием таких внезапных изменений – сдвигов восприятия культурных ценностей и приоритетов, так же, как является им и параллельное распространение теологической литературы всех видов, равно как и дальнейшее возрождение историографии является следствием одного из таких внезапных изменений (Cameron 1992 b).

Но в то же время, это влечет за собой осознание необходимости объединять различные типы информации, пользоваться как можно большим количеством источников, типов источников информации и материальных данных и осуществлять исследование в рамках более широкого ряда дисциплин, чем это зачастую требовалось для изучения предмета ранее. Состав источников меняется в зависимости от периода, поскольку, как мы видели, становятся доступными или, наоборот, исчезают различные типы данных. Наиболее важно то, что ценность различных категорий материалов может меняться с течением времени. Агиографические произведения, к примеру, хотя и подчиняются всегда основным функциональным требованиям – восхвалению героев, изображению их благочестия и, зачастую, предопределенных им свыше способностей, заранее предначертанных судеб и свершений, их борьбе со злом, будь то житейским или духовным, содержат большое количество данных о социальных отношениях, экономической жизни и даже государственном управлении, равно как и о верованиях, взаимоотношениях и образе мышления (как персонажей агиографического повествования, так и самого создателя и автора жития святого, чья история, как правило, отражает ценностные суждения и идеологические приоритеты своего времени). Хотя в большей степени это относится к раннему периоду, нежели к периоду после XI в., когда преобладающей в этом жанре становится формализованная и сдержанная манера изложения (Dümmer 1990; Vavřínek 1990; Aigrain 1953, and 2000; Karayannopoulos and Weiss 1982: 71–5).

Экономические и материальные условия создания письменных источников являются, таким образом, критично важным фактором, непосредственно влияв-

шим на то, как использовались тексты. Уровень грамотности населения Византии в разное время остается предметом споров. Он, вероятно, был более ограниченным, чем это зачастую предполагается, по крайней мере, в том, что касается хороших знаний классического языка и литературы античного и римского периодов. В повседневной жизни умением читать, писать и считать обладали все, что, безусловно, позволяло должным образом осуществлять имперское государственное управление (Wilson 1975; Mango 1975; Mullett 1990; Oikonomides 1995). Но, начиная с середины VII в. помимо Константинополя оставалось один-два крупных городских центра, где частные учителя в семьях обучали тех, кто мог себе позволить за это платить, либо существовали монастыри, где основой обучения были библейские или святоотеческие тексты. Как следствие, в провинциях, начиная с того времени, уровень грамотности, похоже, довольно сильно понизился и даже часть сельских священников, возможно, имела не более, чем весьма скромное базовое образование. Есть данные о наличии в большинстве городских центров частных учителей, которые до конца IX – начала X вв. были не слишком многочисленны и осуществляли обучение по традиционной программе, включавшей риторику, философию, арифметику, а также изучение и понимание античных авторов. С другой стороны, Церковь, в особенности монастыри, и в городе, и в сельской местности, предоставляла образование как начального, так, временами, и довольно высокого уровня. Но Церковь неодобрительно относилась к дохристианской литературе античности, что все более и более ограничивало как интерес к ней, так и ее доступность. Тем не менее, классическая литература употреблялась с целью построения аллегорий или формализации, и со временем заняла определенное положение в более ярко выраженном и осознанном христианском контексте V–VI вв. и далее (Mullett 1990; Lemerle 1986: 281–308; Patlagean 1979).

Количество обладателей такого рода культурного капитала до конца IX в. было, вероятно, весьма ограниченным (Irigoín 1975). Хотя обладание или распоряжение книгами и их собраниями (библиотеками) само по себе не является определяющим показателем грамотности, источники утверждают, что количество значительных по своим размерам библиотек было относительно ограниченным. Только некоторые монастыри и, возможно, также Патриархат в Константинополе могли предоставить полный курс изучения библейской и святоотеческой литературы, равно как и отдельных элементов риторики (что являлось основой для написания большинства теологических и полемических произведений). В этом отношении в течение VII–VIII вв. и далее, вплоть до более позднего периода, существовала строгая преемственность традиции, к примеру, в произведениях таких богословов, как Максим Исповедник или Анастасий Синаит. И только с распространением традиционной классической программы высшего образования во второй половине IX в. и особенно в XI–XII вв., отчасти благодаря имперскому покровительству, эта картина ограниченного доступа и содержательной узости образования наконец поменялась. Сопоставление различных типов образования по степени их доступности, способствовавший обучению культурный и политический контекст, литературная продукция того периода, – все это лишь недавно стало предметом серьезного научного изучения.

По аналогичному принципу, поскольку пергамен был дорог, то его хранение и повторное использование играло важную роль в процессе сохранения самих литературных и богословских текстов – отсюда критичная значимость кодикологии и палеографии для изучения дисциплины. Лишь немногие частные собрания насчитывали более нескольких книг. Вероятно, в императорском владении и во дворце, как и в Патриархате, имелась библиотека, но ее размеры невыяснены (Volk 1955; Wilson 1980). Ограничение доступа к основополагающим произведениям приводило к тому, что избранные места из авторитетных источников подбирались таким образом, чтобы проиллюстрировать определенные проблемы или доводы, так что роль таких компендиумов, известных как *florilegia*, стала особенно важной в период иконоборства и после него. Тем не менее надежность и достоверность цитат такого рода сама по себе составляла проблему, поэтому потребность в дополнительных данных для выявления аутентичности текстов, используемых спорящими сторонами, в определенной мере начала ощущаться уже на Вселенском соборе 680 г. и стала весьма заметной на Вселенском соборе 787 г. Многие из текстов, оказавшихся в центре дискуссии о природе иконоборского конфликта, являются в этом отношении спорными, поэтому в дебатах того периода для доказательства подлинности текста применялась апелляция к святоотеческому авторитету и другие более изощренные способы проверки текстов, дальнейшее усложнение количества параметров проверки стало еще одной проблемой, с которой пришлось столкнуться историкам-исследователям богословских дискуссий периода от начала VII в. (Brubaker 1998: 1220–4; Cameron 1992a: 5–17).

Следовательно, каждая категория источников является носителем свойственного ей особого ряда проблем, и в отношении содержания, и в отношении композиции, авторства и принадлежности, функциональной и лингвистической манеры, не говоря уже о традиции создания рукописей, их подлинности и авторской принадлежности, процессе передачи. Вопросы текстуальной интерполяции и различий прочтения еще более усложняют предмет исследования и, в конечном счете, установление взаимосвязи и взаимозависимости одного из принадлежащих к определенному типу текста с другим и единичной версии текста с различными вариантами его воспроизведения. Ценность каждого отдельно взятого текстового источника и ценность интерпретации его самого либо его содержания всегда, таким образом, представляет собой актуальный или потенциальный предмет спора или обсуждения.

Конечно, неписьменные источники являются предметом споров и разногласий в неменьшей степени. Сведения из области археологии дают нам представление о многих ключевых аспектах средневекового быта: оросительные системы, фортификационные сооружения, питание, одежда, инструменты, предметы повседневной жизни, равно как и информацию о производстве и распределении предметов роскоши. Они содержат информацию относительно способов обмена, как коммерческого, так и некоммерческого, относительно животноводства, технологии и связанных с ними вопросов. Короче говоря, археология снабжает нас сведениями относительно тех сторон средневековой жизни, о которых зачастую полностью умалчивают письменные источники (Sodini 1993, 2003;

Lavan and Bowden 2003). Археологические исследования необходимы для составления сколько-нибудь полноценной картины экономической и социальной истории Византии, поскольку письменные источники содержат весьма отрывочную информацию на такие темы, как внешний вид и размеры домов, двorcов, крепостей или устройство сельской общины. Но дело еще и в том, что археология Византийских земель, за некоторым исключением, сильно отстала от археологии средневекового Запада, и проблема не только в технике проведения исследований или научных позициях, но также в национальной политике, финансировании и научных кадрах (Karayannopoulos and Weiss 1982: 37–45; 318, 335–6; 365–6).

Тем не менее, благодаря археологии мы достигли значительного расширения и усовершенствования наших познаний о материальной стороне жизни византийского общества. Проектирование, сооружение и развитие фортификационных сооружений (Foss and Winfield 1986), церквей и вспомогательных зданий, история определенных городских поселений и прилегающих к ним районов – по всем этим вопросам археология смогла многое поведать нам, выступая одновременно мерилom достоверности письменных источников. Истинность сказанного наиболее очевидна в отношении истории византийских городов, где региональная и локальная диверсификация сильно усложняет картину. Возможно, что не будь археологических данных, преобладающим стал бы совершенно иной взгляд на сущность городской жизни и ее взаимосвязь с сельской – представление, основанное на литературном топосе и позднееримской законодательной терминологии, которая содержала мало сведений относительно материальной стороны и реалий социально-экономического развития больших и малых городов византийского периода. Археологическое исследование может прояснить, к примеру, общее месторасположение городского центра и дать некоторое понятие как о его внешнем виде, так и о землепользовании, плотности населения, социальной организации и экономическом статусе. И тем не менее, к моменту написания данного очерка были проведены раскопки и детальное обследование лишь немногих (по сравнению, например, с тем, какая работа была проделана в западной части империи) поселений (Russell 1986; Lavan 2001).

Еще одним примером того, как период времени влияет на источники свидетельств, являются правовые тексты и имперские законодательные документы, с одной стороны, и архивные материалы – хартии, грамоты освобождений от налогов, списки налогоплательщиков и тому подобное, с другой. Имперское законодательство, к примеру, будучи широко доступным вплоть до начала VII в., почти перестало фигурировать в числе первоисточников с конца VII в. и до конца IX в. За исключением Эклоги Льва III и Константина V, изданной в 741 г., и двух новелл императрицы Ирины, относящихся к 790-м гг., до наших дней не дошло практически ни одного законодательного акта, начиная от последних лет правления Ираклидов и до середины правления Василия I. Тем не менее это не означает, что императоры в то время не издавали юридических документов и не провозглашали законов, а свидетельствует скорее о том, что используемые ими формы законодательства были другими, более регионально направленными и временными, скорее имперскими указами (простаγμαми), чем новеллами,

документами, имевшими специфическое и ограниченное назначение. К тому же этот пробел отражает определенный подход к законодательству и законотворчеству, согласно которому необходимость в принятии новых законов была невелика или вообще отсутствовала, достаточно было просто убеждаться, что общество твердо придерживается законодательного наследия великих императоров и создателей законов, таких, как Юстиниан I. Это особенно проявилось в кодификациях конца IX–X вв., особенно в шестидесятитомных *Василиках* и еще более отчетливо в руководстве по правовой практике, известном как *Пира судьи Евстафия*, составленном некоторое время спустя после 1030-х гг. (Pieler 1978; Karayannopoulos and Weiss 1982, I: 91–134; Brubaker and Haldon 2001: 286–93).

С другой стороны, отдельные получатели имперских щедрот, особенно пользовавшиеся освобождениями от налогов на землю и собственность, прежде всего монастыри, сохраняли большое количество таких имперских указов и дарственных актов, поскольку им приходилось доказывать свои права другим землевладельцам, с которыми они могли вступить в конфликт, равно как государству и его представителям – сборщикам налогов. Это отчасти объясняет неравномерность, наблюдавшуюся в различные периоды между количеством сохранившихся до наших дней имперских законодательных текстов, действие которых распространялось на всю территорию страны, и документов частного пользования, подтверждавших индивидуальные права и привилегии. Но неравномерность можно объяснить и тем, что отношения между государством, центром которого являлся императорский двор в Константинополе, и налогоплательщиками-землевладельцами также изменялись с течением времени. Преобладание архивных документов над общими законодательными инструментами отражает «приватизацию» прав и привилегий в связи с повышением уровня налогообложения и изменением условий, установленных правительством в лице правящей династии и окружавшей ее аристократии для содержания «общественных» или государственных земель и распоряжения ими. Отметим, что на средневековом Западе архивные документы составляли основу письменных первоисточников, начиная с гораздо более раннего периода, поскольку акценты в самой сущности отношений собственности, взаимоотношений правителя и землевладельцев были расставлены иначе. Это также нашло свое отражение в историографии и летописании – большое количество монастырских общин, которые вели свои собственные летописи в Западной Европе, контрастирует с намного меньшим количеством таких летописных записей в Византии, хотя количество монастырей, больших и малых, было значительным, – еще один довод в пользу предположения об иначе расставленных акцентах в отношениях региональных общин с различными королевскими дворами и составлявшей их элитой (Magdalino 1994).

Рассматривая ценность различных категорий первичной информации, историк, таким образом, должен помнить как о конкретных условиях создания каждого специального документа или серии документов, так равно и об общих исторических и культурных условиях, в которых они были созданы. Это особенно очевидно в отношении искусства, где различие типов визуальной полемики, выбор стиля и формата изображений и циклов изображений отражали достижения

церковной политики и богословия, равно как и культурные приоритеты и особенности восприятия. Подобные соображения применимы также к сигиллографии, где выбор формулировки надписи, типа монограммы и использование образов являлся частью политической, равно как и культурной жизни своего времени (Brubaker and Haldon 2001: 37–79).

Категория «первоисточники» охватывает и подразумевает, таким образом, гораздо большее, нежели просто средневековые документы и произведения искусства. Оно включает в себя также обширный объем специальной литературы по каждому типу данных, необходимой для оценки и использования источника, о котором идет речь, равно как и широкий ряд вспомогательных дисциплин в сочетании со смежными областями знаний вне византистики как таковой. Палеография, кодикология, история искусств, керамология, – назовем только четыре из более чем двух десятков дисциплин, которые встретятся читателю в этом руководстве, – по своему содержанию гораздо ближе к истории технических знаний и учений, нежели к византийской истории и культуре как таковым и связаны с учением и историей учений о других родственных средневековых и древних культурах. Изучение византийской культуры и цивилизации, безусловно, носит межнациональный характер, но верно еще и то, что оно не может быть успешным и практически полезным без осознания ее multidisciplinaryности, cross-culturalных интеллектуальных и научных основ.

ЛИТЕРАТУРА

- AIGRAIN, R. 1953, 2000. *L'Hagiographie: ses sources, ses méthodes, son histoire* (Mayenne; repr. Brussels, with bibliographical supplement).
- BECK, H.-G. 1959. *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich* (Munich).
- BROWNING, R. 1978. 'Literacy in the Byzantine world', *BMGS* 4: 39–54.
- BRUBAKER, L. 1998. 'Icons before iconoclasm?', in *Morfologie sociali e culturali in europa fra tarda antichità e alto medioevo* (Spoleto): 1215–54.
- and Haldon, J. 2001. *Byzantium in the Iconoclast Period (ca. 680–850). The Sources: An Annotated Survey* (Aldershot).
- CAMERON, A. M. 1992a. 'The language of images: the rise of icons and Christian representation', in D. Wood (ed.), *The Church and the Arts* (Oxford): 1–42.
- 1992b. 'New themes and styles in Greek literature: seventh–eighth centuries', in A. M. Cameron and L. Conrad (eds.), *The Byzantine and Early Islamic Near East, i: Problems in the Literary Source Material* (Princeton): 81–105.
- DÜMMER, J. 1990. 'Griechische Hagiographie', in Winkelmann and Brandes 1990: 284–96.
- FOSS, C., and Winfield, D.C. 1986. *Byzantine Fortifications: An Introduction* (Pretoria).
- HUNGER, H. 1978. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, 2 vols. (Munich).
- IRIGOIN, J. 1975. 'Centres de copie et bibliothèques', in *Byzantine Books and Bookmen* (Washington, DC): 17–28.
- KAZHDAN, A., with Sherry, L., and Angelidi, C. 1999. *A History of Byzantine Literature (650–850)* (Athens).

- KARAYANNOPOULOS, J., and Weiss, G. 1982. *Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453)* (Wiesbaden).
- LAVAN, L. (ed.) 2001. *Recent Research in Late Antique Urbanism* (Journal of Roman Archaeology, Supplementary series 42).
- and Bowden, W. (eds.) 2003. *Theory and Practice in Late Antique Archaeology* (Leiden).
- LEMERLE, P. 1986. *Byzantine Humanism: The First Phase*, trans. A. Moffatt and H. Lindsay (Canberra).
- MAGDALINO, P. 1994. 'Justice and finance in the Byzantine state, ninth to twelfth centuries', in A. E. Laiou and D. Simon (eds.), *Law and Society in Byzantium, Ninth–Twelfth Centuries* (Washington, DC): 93–115.
- MANGO, C. 1975. 'The availability of books in the Byzantine empire, AD 750–850', in *Byzantine Books and Bookmen: A Dumbarton Oaks Symposium* (Washington, DC): 29–45.
- MOFFATT, A. 1977. 'Schooling in the iconoclast centuries', in A. A. M. Bryer and J. Herrin (eds.), *Iconoclasm* (Birmingham): 85–92.
- MORAVCSIK, Gy. 1976. *Einführung in die Byzantinologie* (Darmstadt).
- 1983. *Byzantinoturcica*, i: *Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker*; ii: *Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen* (Berlin, 3rd edn.).
- MULLETT, M. 1990. 'Writing in early medieval Byzantium', in R. McKitterick (ed.), *The Uses of Literacy in Early Medieval Europe* (Cambridge): 156–85.
- OIKONOMIDES, N. 1995. 'Byzance: à propos d'alphabétisation', in J. Hamesse (ed.), *Bilan et perspectives des études médiévales en Europe* (Louvain-la-Neuve): 35–42.
- PATLAGEAN, E. 1979. 'Discours écrit, discours parlé: niveaux de culture à Byzance au VIIIe–XIe siècle', *Annales* 34: 264–78.
- PIELER, P. E. 1978. 'Byzantinische Rechtsliteratur', in Hunger 1978: vol. 2, 343–480.
- RUSSELL, J. 1986. 'Transformations in early Byzantine urban life: the contribution and limitations of archaeological evidence', in *The 17th International Byzantine Congress: Major Papers* (New York): 137–54.
- SODINI, J.-P. 1993. 'La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde Byzantin (IV–VII siècle)', *DOP* 47: 139–84.
- 2003. 'Archaeology and late antique social structures', in Lavan and Bowden 2003: 25–56.
- VAVŘÍNEK, V. 1990. 'Altkirchenslawische Hagiographie', in Winkelmann and Brandes 1990: 297–304.
- VOLK, O. 1955. *Die byzantinischen Klosterbibliotheken von Konstantinopel, Thessalonike und Kleinasien* (Munich).
- WILSON, N. G. 1975. 'Books and readers in Byzantium', in *Byzantine Books and Bookmen: A Dumbarton Oaks Symposium* (Washington, DC): 1–16.
- 1980. 'The libraries of the Byzantine world', in D. Harlfinger (ed.), *Griechische Kodikologie und Textüberlieferung* (Darmstadt): 276–309.
- WINKELMANN, F., and Brandes, W. (eds.) 1990. *Quellen zur Geschichte des Frühen Byzanz (4.–9. Jahrhundert). Bestand und probleme* (Berlin).

Дополнительные полезные источники

- BUCHWALD, W., HOHLWEG, A., and PRINZ, O. (eds.) 1982. *Tusculum-Lexikon griechischer und lateinischer Autoren des Altertums und des Mittelalters* (Munich–Zurich, 3rd edn.).
- HÖRANDNER, W. 1978. ‘Byzanz’, in M. Bernath and G. Krallert, *Historische Bücherkunde Südosteuropa*, i: *Mittelalter*, 1 (Munich): 131–408.
- KAZHDAN, A., and others (eds.) 1991. *The Oxford Dictionary of Byzantium*, 3 vols. (New York–Oxford).
- PEETERS, P. 1950. *Orient et Byzance: le tréfonds oriental de l’hagiographie byzantine* (Brussels).
- ŠEVČENKO, I. 1995. *Observations on the Study of Byzantine Hagiography in the Last Half-Century or Two Looks Back and One Look Forward* (Toronto).
- WESSEL, K., and RESTLE, M. (eds.) 1978. *Reallexikon der byzantinischen Kunst* (Stuttgart).
- WIRTH, P. (ed.) 1968. *Reallexikon der Byzantinistik*, vol. 1, 1–6 (Amsterdam).

Глава I.2.2 ХРОНОЛОГИЯ И ДАТИРОВКА

Энтони Брайер

Основные черты византийской идентичности наиболее близко отражены в системе или системах хронологии и дат, субъект которой располагается в сочетании земного и космического порядков, т. е. в конечном итоге, в византийской эре.

Такая идентичность была, возможно, тем последним, что оставалось у страдающих от голода эфиопов, когда поп-исполнитель Боб Гелдоф окончательно лишил их ее, сочинив в пользу голодающих к 25 декабря 1984 г. душераздирающую композицию под названием «Знают ли они, что сегодня Рождество?». А знал ли он сам, что Рождество в Эфиопии, к тому моменту лишенной статуса империи, праздновалось 29-го числа месяца тахасаса 1700 года (даже не в тот же день, что для Гелдофа)? Тот год открывал новое столетие коптской эры мучеников при Диоклетиане, еще более древней и ошибочной.

Эры политических триумфов могут иметь большую длительность. Вплоть до XX в. н.э. сирийские христиане вели счет времени по селевкидской эре, началом которой стало вступление в 312 г. до н. э. в Вавилон Селевка Никатора, что проще рассчитать в привычной для нас системе летоисчисления, чем ориентируясь по смене вавилонского «Великого года», на 432 000 лет отстоящего от нашего времени. Идеологические эры укореняются менее глубоко. Так, эра французской революции окончилась «годом XIV» в 1806 г., а фашистская эра 1922 г. угасла с Муссолини, никак не затронув коптскую эру на завоеванных территориях Франции и Италии, но все они могут считаться более уязвимыми в сравнении с календарем Гедольфа, в котором общей «нашей» эрой¹ стало христианство, а точкой отсчета Воплощение и Рождество Христово, по поводу даты которого согласия, можно с уверенностью сказать, не наблюдается.

Проблем не возникает и с малыми конечными отрезками времени, исчисляемыми в минутах, чашках кофе или сигаретах. Византийцы также оставили нам

¹ В английском варианте аббревиатуре «н. э.» соответствует «CE» – Common Era – буквально «общая» или «наша эра», либо «AD» – Annus Domini – эра от Рождества Христова (*прим. переводчика*).

в наследство 24-х часовую систему счета времени в сутках, поставившую в затруднительное положение часовых дел мастеров более поздних времен, потому что длительность 12 часового светового дня и ночи изо дня в день менялась. Они часто исчислялись по три часа в память о страстях Христовых и монастырских часах.

Исторические эры, такие как селевкидская, достаточно распространены. Но только две культурные традиции, еврейская и христианская, отважились применить космическую эру для повседневного использования в виде календаря, и только византийская эра связывает великий конец времен с Судным Днем в Восьмой день, в Миллениум или Эру (Grumel 1958; Kuzenkov 2006; Magdalino 2003).

Обычные календари создают небольшую путаницу, пытаясь сочетать ход лунных месяцев и солнечных лет. Византийцы следовали римскому Юлианскому календарю (*старый стиль*). Некоторые из приверженцев календарного старого стиля, в том числе на горе Афон, вынуждены были, тем не менее, принять поправки, внесенные Григорианским календарем (*новый стиль*) Римского Папы Григория XIII в 1582 г. Православные и протестантские страны были обеспокоены нововведением Папы, хотя в научном смысле оно и было точнее. Так, Шекспир и Сервантес умерли в один день – день Св. Георгия, 23 апреля 1616 г., однако, предстали перед своим Создателем с разницей в 11 дней, но Шекспир знал все о Двенадцатой рождественской ночи. В Санкт-Петербурге Октябрьская (по старому стилю) революция на самом деле произошла в ноябре (новый стиль), но год тогда был 1917, потому что Петр Великий отказался от византийского летоисчисления 1 января 1700 г. от Рождества Христова. Несоответствия, проистекающие от применения исключительно лунного календаря, более существенны. В исламе года нумеруются от «хиджры» – бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину 15 июля 622 г., тогда как сам год в исламском летоисчислении (*Annus Hegirae*) не совпадает с общепринятым (*Annus Domini*) ежегодно на 11 дней. Это означало, что Османская империя была вынуждена приспособливать свой государственный долг к финансовому «солнечному» году финансирующих ее западных банков, предоставляя государству удобное пространство для маневра путем использования одного календаря при получении денежных средств, а другого при их расходовании. В 1878 г. лорд Джон Хей овладел таким образом Кипром посредством двух повозок, запряженных мулами и нагруженных шестипенсовыми монетами для погашения задолженностей. Но к 1882 г. или 1300 г. по мусульманскому летоисчислению сэр Уильям Рамсей докладывал об обеспокоенности Турции по поводу наступления нового исламского столетия (Ramsay 1897: 136). Тем не менее наступление 1400 г. по мусульманскому летоисчислению прошло в Турции достаточно спокойно, потому что к тому времени оно приходилось на 21-е число месяца икинджитешрина в 1979 г. н. э. – хотя многие оставались верны более ранней иранской традиции праздновать Новый год в Навруз – 22 марта по новому стилю. Но как отметить Третье Тысячелетие «нашей» или «от Рождества Христова» эры в формально нерелигиозной, но фактически мусульманской Турции? Найденное на практике неофициальное и половинчатое решение заключалось в том, чтобы совместить его с какой-нибудь другой круглой датой.

К счастью, наступление Третьего Тысячелетия совпало с оживлением в Турции интереса к празднованию Седьмого столетия с момента основания Османского государства 27 июля 1299 г. – подлинность даты засвидетельствована византийской хроникой у Эдварда Гиббона (Gibbon 1788, vol. 6, 311).

Такие несоответствия минимальны по сравнению с расхождениями сведений относительно принятия византийской эры. Оно не связано ни с политической датой (как селевкидская эра), ни с датой основания города, так как Рим был основан *Ab Urbe Condita* в 753 г. до н. э. Евсевий датирует основание Трапезунда тремя годами, а освящение Константинополя состоялось 11 мая 330 г. н. э. и никак не связано с введением календаря. Хронология Вселенских соборов до 787 г. или времен двух правителей и пяти епископов, описанных св. Феофаном Исповедником к 813 г. не обнаруживает в Византии эффективной системы измерения времени. Но Феофан придерживался последовательности представлений о сотворении мира (*Annus Mundi*), Воплощении и Воскресении Христа приблизительно 5500 лет спустя (Munitiz 1978: 202; Mango and Scott (trans.) 1997: LXIII–LXXIV). Непонятно только, было ли такое летоисчисление введено после получившей распространение в V в. александрийской эры, датировавшей сотворение мира 19 марта 5494 г. до н. э., и откуда в итоге пошла господствующая византийская эра с датой сотворения мира 1 сентября 5509 г. до н. э. Византийская эра в основном строилась на расчетах даты Пасхи Дионисием Эксихом в начале VI в. н. э., тогда как Рождество Христово было отнесено к 753 г. от основания Рима (AUC). Не важно, что еврейская пасха и Тайная Вечеря 14-го нисана фактически не соответствуют ни одной общепринятой дате, или что дошедший до наших дней еврейский год сотворения мира (*Annus Mundi*) – 3761 до н. э. (современные израильтяне также используют «Эру Второго Храма», разрушенного в 70 г. н. э.) отличается более чем на 1700 лет от любых христианских расчетов, выполненных на основе греческой Септуагинты или еврейской Библии, как доказал Евсевий. В практическом смысле проблема сводилась к установлению даты празднования Пасхи, что и стало основной темой Пролога к Пасхальной хронике, датируемого приблизительно 630-м г. н. э. (Beaucamp and others 1979: 229–258). Затруднения также вызвала необходимость разделить полномочия Кельтской и Римской церквей на заседании собора в Витби в 663 г., когда византийская система летоисчисления была уже известна в Британии. В самой Византии иеромонах Георгий установил, если не сказать выдумал, в 638–639 гг. способ вычисления даты Пасхи на основе общей начальной точки лунного и солнечного циклов в момент Сотворения Мира: византийского *Annus Mundi*, византийской эры – 5509 г. до н. э. Он сделал даже более того, установив первый номинальный индикт.

Наиболее всеупотребительной мерой времени в Византии фактически стал пятнадцатилетний цикл индикта, начавшийся 1 сентября 312 г. и ставший обязательным с 537 г. Изначально представляя собой период налогообложения, индикт был не только основой вековых расчетов. Новый год в нем предшествовал римскому, наступавшему в январе с окончанием номинального срока консульства. Мартовский Новый год, привязанный к весеннему равноденствию, продержался в обиходе дольше, но к X в. н. э. празднование Нового года в сентябре согласно индикту стало неотъемлемой частью византийского летоисчисления

и литургического календаря. Было ли просто удобным стечением обстоятельств то, что первый индикт должен был начаться в день Сотворения Мира (*Annus Mundi*), чтобы привести в соответствие обе системы? Годы индикта удобны для запоминания и нуждаются лишь в другом контексте для установления их последовательности. В рамках индикта византийцы смогли наконец запомнить дни празднования своих святых по Константинопольскому синаксарию X в.

Полная византийская эра имеет еще и преимущество конвергентности циклов, включая номинальный индикт. Ее появление в VII в. плохо зафиксировано документально. Но в соответствии с постройкой Храма в Иерусалиме, она датирует «Пятошестой» Трулльский собор 6200 годом от Сотворения Мира или 691–692 г. от Рождества Христова. В 693 г. в Афинах появляется первая записанная эпиграфическая дата – на Пантеоне, являвшемся тогда кафоликоном: воскресенье, 19 октября, 7 индикта, 6202 г. от Сотворения Мира (Grumel 1958: 125). Полностью византийская эра находит отражение в официальных документах только в Новелах 947 г., для поддержания в монастырской хронографии александрийской эры (которой пользовался Феофан Исповедник), похоже обладавшей антииконоборскими чертами. Между ними было лишь около 16 лет разницы, но это все же стало причиной хронологических затруднений в X в. и уклончивости Михаила Пселла в XI в. Для армян, всегда придерживавшихся православия в вопросах религии (никто не упрекнет их в межконфессиональности, смешении конфессий) и при этом не принявших византийского летоисчисления во всей его полноте и последовательности, такие вопросы были жизненно важными. Так, армяне искренне не желали отменить праздник араджавор, предшествовавший Великому посту. Когда Византия отказалась от него в 1064 г., король Гагик II провозгласил, что они будут «отстаивать его до самого конца отныне и вовеки» (Sharf 1995: 227). Некоторые византийцы остро осознавали постигший их кризис середины седьмого тысячелетия, совпавший с 1000 г. от Рождества Христова на Западе, но к 7000 г. от Сотворения Мира Судный День как-то обошел их стороной (Magdalino 2003: 233–70).

Современные методы установления дат достигают абсолютной точности. Радиоуглеродный метод датирования (C–14) создает свои собственные календари. Еще более привлекательный метод – дендрология позволяет теперь точно определить, когда было срублено дерево, ставшее впоследствии иконой или балкой храма Св. Софии, равно как и то, в каком климате оно росло. Но специалисты подходят к хронологии с осторожностью. Наиболее совершенным методом, позволяющим подтвердить ту или иную дату в византийской записи, могут быть сведения о затмении, время которого можно установить точно (von Oppolzer 1887: 244, 246, 353). К примеру, поворотным моментом первой Персидской войны Ираклидов стало лунное затмение 28 июля 622 г., повергшее в изумление обе стороны (Oikonomides 1975: 5). Анна Комнина утверждала, что предвидение ее отцом солнечного затмения «выбило» печенегов из седла, и если это было затмение, датируемое 1 августа 1087 г., как предполагалось вначале, то в Византии оно было едва видимо, так что его называли «литературным затмением» – темный и малопонятный термин (Newton 1972: 550–5). Но солнечное затмение наверняка омрачило полдень в Трапезунде в начале Великого поста

1337 г. между четырьмя и шестью часами в понедельник 3 марта 6845 г. от Сотворения Мира, 5 индикта, о чем Панариот добавляет: «Народ восстал против императора, так что они собрались вместе за стеной крепости и швыряли в нее камнями» (Byrge 1986: 347–52). Они восстали против своего императора Василия из-за его супружеской измены – внебрачной связи с Ириной Трапезундской, но поскольку его жену-императрицу также звали Ириной, то митрополит уверил Патриарха, что это они молились за здоровье «официальной» Ирины. Одержимый хронологией Панариот был протонотарием при Алексее III, сыне Василия от местной Ирины.

Панариот записал сведения о затмениях, заставших Трапезунд врасплох, с точностью до одного часа, в то время как известные ему астрономы по большому счету должны были уметь заранее предсказывать их письменно. Возможно, они и делали это. В Понте обилие общедоступной информации, предостережений и пояснений относительно лунного затмения 12 августа 1971 г. не помешало народу забрасывать камнями экраны летних кинотеатров и приносить в жертву овец, фотографируя при этом убывающую луну.

В Константинополе своего рода решением проблемы стало введение в литургический календарь ежегодного обряда в честь солнечного затмения 8 августа 891 г. Избавление от этого единичного затмения почему-то отразилось на восприятии византийской властью небесных порядков. Но византийская эра также предусматривает и Восьмой День в 7000 г. от Сотворения Мира, такое понятие свойственно также армянам (Sharf 1995: 28–51).

Опыт Афанасия Никитина, русского православного купца, яркая иллюстрация проблем времени и идентичности в канун последнего дня. В 1466 г. он отправился в путь из Твери с целью торговли с татарами и в итоге дошел до Индии. Его путевые заметки начинаются типичным русским обращением к Богу: «Молитвами Святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного раба Твоего...». Но в 1472 г. его дневник завершает нечто вроде арабской молитвы, которая звучит так: «Остальное в руках Божьих. Аллах Защитник знает, аминь. Во имя Аллаха Благого и Милосердного, Господь велик!». Под разными именами монотеистические религии чтут одного и того же Бога, но Афанасий мало помалу почти утратил собственную идентичность вместе со своим календарем. «Великий День Воскресенья Христова мне неизвестен: я определил его по приметам – Великий Христианский праздник наступает за девять или десять дней до Мусульманского праздника. У меня с собой ничего нет, даже книг...» Вооружившись книгами и калькулятором, мы можем приблизительно подсчитать и указать в данном справочнике, что, скорее всего, та Православная Пасха наступила в период перед Мусульманским Эйд аль-Фитром, 17 апреля 1468 г., что было за 8 дней до 1 шавала 872 г. по мусульманскому летоисчислению, когда Афанасий, вероятно, был в Персии.

Вскоре Афанасий путешествовал под именем ходжи Юсуфа Коросани. Будучи остановлен мусульманским чиновником, он заявил: «Господин! Вы молитесь, я тоже молюсь, у вас пять молитв, у меня – три. Вы местный, а я иностранец». На что чиновник ответил: «Вы, кажется, и впрямь не мусульманин, но вы не знаете и христианской веры».

Афанасий/Юсуф начал свое возвращение из Хайдарабада около 1471 г., но не указал, какой день был тогда в этом городе по календарю династии Гупта, отсчет времени по которому велся с 26 февраля 320 г. от Рождества Христова. На его родине в России это был старый добрый 6979 г. от Сотворения Мира по византийскому летоисчислению, то есть 6963 г. от Сотворения Мира согласно александрийской эре, но при этом 7057 г. от Сотворения Мира (или 159-й Пасхальный цикл) по грузинскому летоисчислению. По данным менее амбициозных и по сей день живых календарей, тогда был 1782 г. селевкидской эры и 1187 г. эры коптских мучеников. Афанасий прошел через Армению, где, как свидетельствует колофон одной из старинных книг, был «год 920 Хакасской эры [= 387 г. Малой армянской эры], те самые горестные времена, когда мы мучились в руках неверных и страдали от несправедливых сборщиков налогов, преследовавших и грабивших армянскую нацию» (Sanjian 1969: 301).

В 1472 г. или 876 г. по мусульманскому летоисчислению Афанасий/Юсуф достиг Трапезунда, который с 1461 г. был покорен Османской империей, пересек Черное море и прибыл в Крым. Крым, который османы присоединили только в 1475 г., был тогда муравейником, кишавшим разными народами и их правительствами, для каждого из которых держаться своего собственного календаря было вопросом жизни и смерти. Были там и армяне различных летоисчислений. В Чуфут-Кале караимы, евреи-фундаменталисты неталмудистского толка должны были бы считать тот год 5233-м от Сотворения Мира – если бы не «календарные» разногласия с иудеями Константинополя. Но даты, на которые действительно стоило обращать внимание, определялись в Крыму представителями трех основных светских властей. В Каффе генуэзский консул Антониетто Кабелла датировал документы 1472 г. от Рождества Христова. В Феодоро-Мангупе Александр, князь готский, вел счет времени в византийском летоисчислении, хотя и 5 индикта. Хан крымских татар Менгли Гирей использовал мусульманское летоисчисление «от хиджры», но в то же время монголы радовались наступлению года кролика (или, может быть, тигра) в 12-летнем китайском календарном цикле. Тем, кому интересно узнать, в каком стиле крымские татары отмечают Новый год в наши дни, придется вскарабкаться во время весеннего равноденствия к белому водопаду Аксу, недалеко от Ялты, в Крыму, чтобы лично обнаружить гирлянды флажков на деревьях и фонтан, полный битых бутылок из-под водки.

Афанасий Никитин вернулся в Россию в 1472 г., в том же, 6980 г. от Сотворения Мира, в котором монах Геннадий умер в монастыре Прodrома на горе Меникион. Он известен как Геннадий II Схоларий, ставший первым Патриархом Османской империи после падения Константинополя. Он заключил соглашение с султаном, признавшим юридическую и финансовую самостоятельность Православия в Исламском государстве, хотя точных записей этого до нашего времени не сохранилось. Но сохранились записи Геннадия относительно его ортодоксальных ожиданий Восьмого дня византийской эры (Turner 1964). Повлияло ли это внутреннее знание на земные переговоры Патриарха с султаном? Они, похоже, провели краткосрочную холдинговую операцию менее чем за сорок лет до того, как истек срок договора аренды жизни всего человечества.

Тем не менее, в 1492 г. никто и не заметил наступления Восьмого дня. В Константинополе Патриарх Максим IV (1491–1497 гг.), который, будучи монахом горы Афон, сам писал о Судном Дне, был в большей степени озабочен статусом Православия на Венецианских территориях. На самом Афоне монахи монастырей св. Пантелеимона и Пантократора датировали тем самым 7000 г. от Сотворения Мира судебные заседания по поводу имущественных споров, как говорится, без комментариев (Kravari 1991: 180). Кроме того, ужасные последствия Страшного Суда еще более ярко изображались в православной живописи после 1492 г. В действительности же, большинство православных с того времени спокойно изменило летоисчисление от Сотворения Мира на летоисчисление от Рождества Христова, хотя Россия придерживалась его до 7208 г. от Сотворения Мира, а популярный в османской Греции альманах затянул с отсрочкой Судного Дня до 1773 г. от Рождества Христова.

Что же произошло в Конце Времен? Как известно каждому школьнику, Христофор Колумб «открыл» Америку (или, скорее, Кубу) 27 октября 1492 г. Он таким образом на несколько дней опоздал, поскольку с 1 сентября год был уже 7001 от Сотворения Мира. Но посчитайте снова, на этот раз включительно. На Кубе президент Фидель Кастро корректно, хотя и несколько нетривиально, отложил празднование третьего тысячелетия до 2001 г. н. э. 1492 г. не только не положил начала новой календарной эры, но еще и завершил в Америке целую археологическую эру, получившую (на этот раз политически совершенно не корректно) название «Доколумбовой».

В те времена еще одному монаху горы Афон по имени Максим (иначе Михаил Триволис, 1470–1566 гг.) пришлось признать Восьмой день началом новой, полностью непредсказуемой эры. Св. Максим Грек был первым, кто поведал России об Америке: «И нынче они живут там в новом мире и новом человеческом обществе» (Denissoff 1942).

Для решения задач более практического характера византинистам понадобится калькулятор и расчетные таблицы Грюмеля (Grumel 1958), – в его работе присутствует аргументация относительно прото-византийской эры с началом в 5510 г. до Рождества Христова, о которой я для простоты не упоминал.

ЛИТЕРАТУРА

- BEAUCAMP, J., and others. 1979. 'Temps et histoire, I: Le Prologue de la Chronique Pascale', *TM* 7: 229–301.
- BRYER, A. 1986. 'Epithalamy and eclipses in fourteenth-century Trebizond', in N. A. Stratos (ed.), *Byzantion. Aphieroma ston Andrea N. Strato* (Athens): vol. 2, 347–52.
- DENISSOFF, E. 1942. *Maxime le Grec et l'Occident* (Paris).
- GIBBON, E. 1788. *The Decline and Fall of the Roman Empire* (London).
- GRUMEL, V. 1958. *La chronologie* (Paris).
- KRAVARI, V. (ed.) 1991. *Actes du Pantocrator* (Paris).

- KUZENKOV, P. 2006. 'How old is the world? The Byzantine Era and its rivals', in E. Jeffreys (ed.), *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies* (Aldershot): vol. 3, 23–4.
- LENHOFF, G. 1979. 'Beyond Three Seas: Afanasij Nikitin's journey from orthodoxy to apostasy', *East European Quarterly* 13: 431–47.
- MAGDALINO, P. 2003. 'The Year 1000 in Byzantium', in P. Magdalino (ed.), *Byzantium in the Year 1000* (Leiden): 233–70.
- MANGO, C., and SCOTT, R. (trans.) 1997. *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantium and Near Eastern History AD 284–813* (Oxford).
- MUNITIZ, J. 1978. 'Synoptic Byzantine chronologies of the Councils', *REB* 36: 193–218.
- NEWTON, R. R. 1972. *Medieval Chronicles and the Rotation of the Earth* (Baltimore).
- OIKONOMIDES, N. 1975. 'A chronological note on the first Persian campaign of Heraclius (622)', *BMGS* 1: 1–9.
- OPPOLZER, T. von 1887. *Canon der Finsternisse* (Vienna).
- RAMSAY, W. M. 1897. *Impressions of Turkey during Twelve Years' Wanderings* (London).
- SANJIAN, A. K. 1969. *Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480: A Source for Middle Eastern History* (Cambridge, Mass.).
- SHARF, A. 1995. *Jews and other Minorities in Byzantium* (Jerusalem).
- TURNER, G. J. G. 1964. 'Pages from late Byzantine philosophy of History', *BZ* 57: 365–72.

Рекомендуемая литература

- AVENI, A. 2000. *Empires of Time: Calendars, Clocks and Cultures* (London).
- BORST, A. 1993. *The Ordering of Time: From the Ancient Computer to the Modern Computer* (Oxford).
- BOWMAN, S. B. 1985. *The Jews of Byzantium* (Alabama).
- BRYER, A. 2001. 'Do they know it's Christmas?', *History Today* 51: 36–8.
- CAPELLI, A. 1969. *Cronologia. Cronografia e Calendario Perpetuo* (Milan).
- DANIÉLOU, J. 1956. 'The Eighth Day', in J. Daniélou (ed.), *The Bible and the Liturgy* (London): 262–86.
- FREEMAN-GRENVILLE, G. S. P. 1995. *The Islamic and Christian Calendars* (London).
- GARIDIS, M. K. 1985. *Études sur le Jugement dernier post-Byzantin* (Thessalonike).
- LEITZMANN, D. H., and ALAND, D. K. 1956. *Zeitrechnung der römischen Kaiserzeit des Mittelalters und der Neuzeit für die Jahre 1–2000 nach Christus* (Berlin).
- SAHILLIOGLU, H. 1970. 'Sivis year crises in the Ottoman empire', in M. A. Cook, (ed.), *Studies in the Economic History of the Middle East* (Oxford): 230–52.
- STEEL, D. 2000. *Marking Time: The Epic Quest to Invent the Perfect Calendar* (New York).

Глава I.2.3

ПОЗДНЕРИМСКИЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ РАЗНОВЕСЫ (ГИРИ) И ВЕСОВОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

Кристофер Энтвистл

Материалы

Византийские разновесы изготавливались из золота, серебра, «бронзы», свинца и камня. Сохранившиеся до наших дней золотые и серебряные разновесы – исключительная редкость. «Бронза», а точнее сплав меди и олова, также использовалась не часто, что без сомнения является следствием утраты на протяжении IV в. н.э. оловодобывающих провинций на западе. Большинство «бронзовых» изделий в действительности изготовлены либо из латуни (сплав меди и цинка), либо из «пушечной бронзы» (медь, олово, цинк). Названиям обоих этих сплавов зачастую предшествует приставка «свинцово-», означающая преднамеренное добавление в их состав свинца в количестве от 5 до 35%. Огромное количество византийских металлических разновесов сделано из этих двух сплавов. Свинцовые и каменные разновесы – редкость. С другой стороны, стеклянные веса, начиная приблизительно с конца V до середины VII вв., были популярной альтернативой металлическим, особенно для взвешивания монет.

Метрология

Двенадцатеричная система измерения веса использовалась на протяжении всего византийского периода. Основной единицей этой системы был византийский фунт (литра), который в свою очередь произошел от позднеримского фунта. Литра делилась на двенадцать унций, унция – на множество скрипул, каждая из которых при весе в 1,13 г являлась наименьшей единицей системы весов (см. табл. 1). Литра подразделялась также на 72 солида: солид, позже ставший известным как номисма, был стандартной золотой монетой, введенной в обращение Константином Великим в 309 г., которой удалось сохранить свой вес и пробу до X в. Солид весил 24 силиквы или кератия; силиква – единица естественного происхождения, средний вес семени рожкового дерева или растения св. Иоанна

(*Ceratonia siliqua*), сейчас считается равным 0,189 г (см. табл. 1). Ничто не мешало изучению византийской метрологии больше, чем попытки определить вес литры с точностью до двух-трех знаков после запятой. Законодательство IV в. предписывало, чтобы из семидесяти двух солидов чеканился один фунт. Это число, использовавшееся для определения веса позднеримского фунта и пришедшего ему на смену византийского фунта на протяжении большей части его истории, в обобщенном виде было получено путем умножения веса солида/номизмы на семьдесят два. Нумизматы строили различные теоретические предположения относительно веса солида – чаще всего называлась цифра 4,55 или 4,54 г – оценивая таким образом фунт приблизительно как 327,6 г или 326,8 г в позднеримский и ранневизантийский периоды. Эрнст Шилбах в *Byzantinische Metrologie*, своем всеобъемлющем руководстве по византийской метрологии, предложил следующие количественные оценки фунта в период с IV по XV вв.: 324 г. (IV–VI вв.); 322 г. (VI–VII вв.); 320 г. (VII–IX вв.); 319 г. (IX–XIII вв.), и с этого времени – дальнейшее понижение последнего значения (Schilbach 1970: 166–8). Любое существенное отклонение от этих цифр зачастую объяснялось ссылкой на так называемый «провинциальный» фунт, который, как, например, у Шилбаха, считался равным около 285 г в VI–VII вв. Но, как справедливо указал Симон Бендалл, различие между его (Шилбаха) константинопольским фунтом и провинциальным фунтом составляет около 12%, что должно означать, что провинциальный солид весил 4 г вместо 4,5 г!» (Bendall, 1996). Это, безусловно, не так. Нет сомнения, что «провинциальный» фунт существовал, по крайней мере, в римский период. На свинцовой гире из Баниаса ясно (по-гречески) указано: «Одна треть местного веса» (Kushnir-Stein 1995). Многие однофунтовые разновесы, сохранившиеся в европейских и американских коллекциях, наводят на мысль о необходимости с повышенной осторожностью подходить к оценке веса позднеримского/ранневизантийского фунта. Из тринадцати однофунтовых разновесов в обширной коллекции Британского музея ближайшим к эталонному значению в 327,6 г является образец, вес которого составляет 323,76 г. Из числа остальных образцов шесть весят в пределах от 318 до 300 г. В практических целях обобщенное значение в пределах между 325 г и 327 г для позднеримского/ранневизантийского периода кажется вполне приемлемым. Соответственно, когда определение даты изготовления разновеса затруднено из-за отсутствия археологических или внутренних сведений, надлежит еще более скептически относиться к возможности универсального применения такой меры веса, как «фунт». Тем не менее, кажется весьма маловероятным, чтобы ответственная за это бюрократическая система, насколько мы можем судить о ней по законодательству того времени, имела возможность производить и контролировать производство тысяч гирь для товаров и монет с уровнем точности до двух знаков после запятой. Позднеримская и византийская метрологическая система может быть представлена в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1. Позднеримская и византийская метрологическая система

1 фунт = 12 унций = 72 солида = 288 скрипул = 1,728 кератия

1 унция = 6 солидов = 24 скрипулы = 144 кератия

1 солид = 4 скрипулы = 24 кератия

1 скрипула (или грамм) = 6 кератиев

1 кератий (или силиква)

Административное управление

На протяжении большей части римского периода управление взвешиванием и измерением входило в обязанности членов магистрата¹ или агорономов (*agoronomo*) отдельных городов. Пытаясь противодействовать постоянной подделке монет, Юлиан в 363 г., издал указ о введении должности зигостата (буквально – весовщика) для разрешения споров между продавцами и покупателями. Позднее законодательство IV в. предписывало, чтобы «меры (*modii*) бронзы или камня, меры жидкостей (*sextarii*) и разновесов (*pondera*) находились в каждом поселении и городе». В правление Юстиниана положение еще более изменилось. Глава 15 Новеллы 128 (CXXVIII), датируемой 545 г., разделяет ответственность за выпуск гирь между префектами претория (разновесы для взвешивания товаров) и *comes sacrorum largitionum* (разновесы для взвешивания монет) и предписывает, чтобы разновесы и меры отныне «сохранялись в самом святом храме каждого города». Наличие такого, на первый взгляд, строгого разделения полномочий не подтверждается тем небольшим количеством сохранившихся разновесов, на которых есть соответствующие надписи. Тем не менее, имена трех префектов претория – Валентина, Иоанна и Фоки – написаны на весах для взвешивания товаров, так же, как имена Иоанна и Юлиана (оба занимали должности *comes sacrorum largitionum*) на образцах весом в 3 и 6 унций соответственно. В западной части империи имя некоего Катулинуса, являвшегося *vir clarissimus* и *praefectus urbi*, значителен как имя выпускавшего и товарные, и монетные гири в эпоху правления Теодориха. Возможно наиболее знаменитые из сохранившихся, целые серии монетных разновесов – образцы весом в 72, 36, 18 и 3 номисмы соответственно – выпускались Зимархом, эпархом Константинопольским в конце 550-х или начале 560-х гг. Ясно, однако, что не ранее середины VI в. городской префект Константинополя уже выпускал как товарные, так и монетные разновесы из стекла и металла. Книга Эпарха подтверждает его главенствующее положение в отношении администрации разновесов и мер в столице к IX в. (Nicole 1970: 32, 45, 47, 48, 56). Другие названия титулов, записанные на сохранившихся до наших дней разновесах: *comes rei privatae*, комит, комит Фракии, анфипат, и, в западной части империи, проконсул, *vir laudibilis* и *vir clarissimus*.

¹ Эдил – член магистрата в Древнем Риме, ответственный за общественные работы, игры, здания и дороги (прим. переводчика).

Типология и хронология

Металл

В производстве римских и византийских металлических гирь преимущественно использовались три основных формы. Самая ранняя – форма приплюснутой дважды усеченной сферы является производной от римских каменных гирь (рис. 1).

Хотя известно несколько подобных образцов, относящихся к VI в., большинство изделий этого типа, найденных в Восточном Средиземноморье, следует, вероятнее всего, датировать периодом от 200 до 450 г. н.э. Недавние раскопки в Риме, в Крипте Бальби указывают на то, что на Западе гири сфероидального типа производились в больших количествах вплоть до VI в. Плоские гири в форме квадрата, похоже, являлись основным типом на протяжении большей части V–VI вв., тогда как гири в форме плоского диска стали преобладающим типом не раньше VII в. Один из наиболее ранних

по дате изготовления дискообразных образцов относится к 560-м гг.; образцы, датируемые немного более поздним периодом – известны со времени правления Юстина II в 575 г. и Маврикия Тиверия в 592 г. (Buckton 1994: № 81). Разновесы VII в., согласно данным археологии, тяготеют к дискообразной форме. Так, например, все разновесы, сохранившиеся после кораблекрушения в Ясси Ада недалеко от юго-западного побережья Турции, и последние находки на раскопках в Бет-Шиане (Израиль) и Мафраке (Иордания) имеют форму диска и датируются VII или VIII вв. Прочие дискообразные византийские гири были приспособлены для использования арабскими чиновниками, находившимися на службе в 690-е или в период между 705 и 715 гг. Недавно во время раскопок в Сан Винченцо аль Волтурно в Италии в южной части поселения была обнаружена мастерская. Среди найденных там изделий из металла были гири дискообразной формы массой в 2 унции, прошедшие первую фазу обработки в мастерской, датируемые, судя по чеканке на них, 820–830 гг. Если датировка коринфских находок верна, то разновесы дисковой формы продолжали изготавливать вплоть до XI в., такое датирование подтверждается результатами последних раскопок на месте кораблекрушения в Серце Лимани. Гирь, предназначенных для взвешивания товаров, изготовленных в период с XII в. до падения Константинополя, ни разу обнаружено не было (см. Entwistle 2002 – библиография по этим вопросам).

На большинстве византийских гирь просто обозначены соответствующие весовые значения и могут присутствовать дополнительные декоративные мотивы, такие как крест. Тем не менее, возможно выделить и приблизительно датировать некоторые иконографические типы. Наиболее популярным в ранневизантийский период является «крест в орнаменте». Он принимает две формы: орнамент, обрамляющий выпуклый прямо стоящий крест с весовыми значениями по бокам,

Рис. 1. Сфероидальная гиря в 6 унций из медного сплава, 200–400 гг. н. э. (Отдел Доистории и Европы, Британский музей)

Рис. 2. Гирия в 3 унции из медного сплава с архитектурным украшением, IV–V вв. н. э. (Отдел Доистории и Европы, Британский музей)

или орнамент, обрамляющий крест, возвышающийся над весовыми значениями. Эти два типа рисунка в основном находят на квадратных гириях, датируемых V и VI вв., на всей территории империи в пределах от Голландии на севере до Португалии на западе, Судана на юге и Крыма на востоке. К прочим отличительным типам относятся разновесы с архитектурными украшениями – или одной аркой, обрамляющей крест и весовые значения (рис. 2), или фасадом,

состоящим из двух треугольных арок и одной закругленной, обрамляющей те же изображения – либо «императорские» разновесы, то есть гири, украшенные одним и более императорским изображением.

Стандартный для этого типа разновесов формат изображения – бюсты двух императоров, с нимбами, диадемами и одетых в доспехи, в обрамлении орнамента. На более сложных, тщательно проработанных образцах императоры представлены в полный рост со щитами, копьями или луками, участвующими в охотничьих сценах, или помещены рядом с другими персонажами, например, богинями удачи или победы; многие из таких разновесов украшены серебряной или медной инкрустацией (рис. 3).

Рис. 3. Гирия в 1 фунт из медного сплава с изображением двух императоров; конец IV – конец V вв. н. э. (Отдел Доистории и Европы, Британский музей)

Рис. 4 а, б. Гири *exagium solidi* из медного сплава с изображением Гонория, Феодосия и Фортуны (реверс), 408–423 гг. н. э. (Отдел Доистории и Европы, Британский музей)

Единственными в своем роде среди прочих серий разновесов, исключительными по нанесенным на них изображениям императоров являются *exagia solidi* (рис. 4 – а, б).

Такие гири были введены в употребление Юлианом. Большинство из них следует относить к концу IV – началу V вв., хотя известны и образцы, датируемые периодом правления Маркиана и Льва: о времени изготовления свидетельствуют императорские монограммы, украшающие их реверс (Buckton 1994: 28–34, 79–82, 108).

Стекло

Стеклянные византийские разновесы обычно имеют форму диска, на большую их часть нанесены монограммы или надписи, имеющие отношение к выпускающим их органам власти, точнее, префекту Константинополя. Они отличались широким разнообразием цветов, но преобладали четыре из них: темно-синий, сине-зеленый, бледно-зеленый и желто-коричневый. Точное функциональное назначение этих стеклянных дисков, то есть то, что они якобы употреблялись для взвешивания солида и его частей, порой оспаривалось на том основании, что они не всегда точно соответствуют достоинству монет. Предположение, в скрытой форме присутствующее в подобной аргументации, состоит в том, что эти разновесы изначально предназначались для высокоточного взвешивания монет, а не (как можно было бы заключить судя по современным монетным гилям) для простого приблизительного определения веса с целью удостовериться в его соответствии допустимым границам, вне которых монета не могла находиться в обращении. Недавний статистический анализ более чем пяти сотен образцов говорит о том, что большинство из них предназначалось для взвешивания солидов/номисм (теоретически их вес составлял 4,54 г) и его частей – семиссий (теоретически их вес составлял 2,27 г) и тремиссий (теоретически их вес составлял 1,55 г). Очень редкая группа стеклянных гирь с обозначениями веса, нанесенными методом оттиска показывает, что они были изготовлены для взвешивания не только легковесных солидов, но также унций и их многочисленных частей.

Известно много различных иконографических типов стеклянных гирь, но большая часть из них попадает в одну из следующих семи категорий: гири с нанесением квадратной монограммы; гири с нанесением крестообразной моно-

граммы; гири с монограммой по центру, заключенной в надпись; гири с одним или двумя императорскими бюстами, иногда расположенные рядом с монограммой или бюстом епарха или Христа; гири с бюстом епарха и сопроводительной надписью; гири с обозначением веса; и, наконец, гири с изображениями пониженного качества – с монограммой или бюстами, иногда еще называемые «арабо-византийскими», потому, что они предположительно выпускались коптскими купцами в условиях административного вакуума последовавшего за завоеванием Египта арабами в 640-х гг., вплоть до введения чисто арабских стеклянных весов Абд аль-Маликом в 691 г. Из этих семи категорий наиболее многочисленными являются первые две. Сохранность такого большого количества различных типов стеклянных разновесов наводит на мысль о том, что, если приблизительная хронология их изготовления верна (большинство из них датируются VI в. или первой половиной VII в.), то монограммы должны относиться не только к префектам Константинополя, но и к епархам наиболее крупных городов империи. Окончательное исчезновение стеклянных разновесов в течение VII в. может, вероятно, быть приписано, как экономическому спаду в течение этого периода, так и развалу административного аппарата, задействованного в их изготовлении и распространении вследствие перехода в руки арабов и персов таких важных провинций как Сирия и Египет (Buckton 1994: nos. 82–91 с библиографией).

Весовое оборудование

Основным инструментом для взвешивания товаров широкого потребления в византийский период были весы-кампан, в старину именовавшиеся также безменом. Они представляют собой рычаг с двумя неравными по длине плечами и две или три точки опоры. Такие весы действуют на основе простого принципа механики. Когда рычаг находится в положении равновесия, две противодействующих силы – вес предмета и вес противовеса – направлены противоположно по отношению друг ко другу как плечи рычага, таким образом, что вес предмета, умноженный на расстояние, отделяющее его от точки опоры равняется весу противовеса, умноженному на расстояние, отделяющее его от точки опоры. Рычаг в большинстве случаев имеет форму коромысла¹, прямоугольного в своем поперечном сечении с тремя крюками для подвешивания, выполняющими функцию точки опоры. С более короткого плеча свешивается подвесной элемент для поддержки взвешиваемых товаров, тогда как более длинное плечо с лицевой стороны разделено на три части, соответствующие точкам опоры. Вдоль этого плеча следует перемещать противовес до того момента, когда будет достигнуто состояние равновесия и вес товаров будет указан расположением противовеса на соответствующей шкале. Чтобы шкала читалась четко, безмен следовало подвешивать на цепях справа, а деления шкалы должны были находиться слева. Наиболее удаленная от центра точка опоры применялась для взвешивания самых тяжелых, ближайшая к центру – для взвешивания самых легких грузов. Один и тот же противовес был выверен для взвешивания во всех позициях.

¹ Возм.: бруса – *прим. переводчика*.

Рис. 5. Противовес из медного сплава в форме медведя, обнимающего своего детеныша, V–VI вв. н. э. (Отдел Доистории и Европы, Британский музей)

Противовесы (до наших дней дошли только изготовленные в ранневизантийский период) принимали различные формы – фигур людей и животных, простые геометрические формы. Последние обычно представляли собой сферу или полусферу с оболочкой из медного сплава и свинцовым наполнением. Фигурные противовесы изготавливались в виде животных, таких как медведи (рис. 5) и бабуины, или человеческих изображений – императоров, императриц, Тюхе или греческих богинь с Афиной/Минервой в качестве наиболее популярного персонажа (Franken 1994).

Для взвешивания более легких грузов или монет предпочтение отдавалось двум другим весовым приборам: весам с равными плечами и складным весам с противовесом. Первый представлял собой обычный балансир, на концах которого подвешены две чаши. Одна предназначалась для взвешиваемых товаров, вторая – для гирь. Точкой опоры был либо расположенный по центру крюк, либо индикатор или стрелка в центре. Складные весы, которые, вероятно, использовались преимущественно для взвешивания монет, имели складной балансир, имевший на каждом плече точку сборки, равноудаленную от точки равновесия, что позволяло складывать их, когда ими не пользовались.

ЛИТЕРАТУРА

- BENDALL, S. 1996. *Byzantine Weights: An Introduction* (London).
- BUCKTON, D. (ed.) 1994. *Byzantium: Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections* (London).
- ENTWISTLE, C. 2002. 'Byzantine weights', in *EHB*: 611–14.
- FRANKEN, N. 1994. *Aequipondia: figürliche laufgewichte römischer und frühbyzantinischer Schnellwaagen* (Alfter).
- KUSHNIR-STEIN, A. 1995. 'Two inscribed weights from Banias', *Israel Exploration Journal* 45. 1: 48–51.
- NICOLE, J. (ed.) 1970. *To eparchikon biblion (The Book of the Eparch)* (London).
- SCHILBACH, E. 1970. *Byzantinische Metrologie* (Munich).

Глава I.2.4 АРХЕОЛОГИЯ

Джеймс Кроу

Среди разнообразных направлений археологии Средиземноморья византийская археология занимает достаточно скромное положение. Даже очищенные от следов Парфенона с тем, чтобы явить миру славу классических Афин, памятники и реликвии Византии редко находятся в центре большинства археологических поселений древнего мира. За такими заметными исключениями как памятники Константинополя и Фессалоники или средневековый город Мистра, материальные свидетельства существования византийского мира были, в лучшем случае, оставлены без внимания, а во многих случаях уничтожены с целью обнаружения более древних строений и культурных слоев. Сам предмет за пределами Греции преподается в немногих университетах; кроме того, читается небольшое количество обобщающих вводных курсов (Zanini 1998; Paliouras 2004; Dark 2005).

Тем не менее, археология как самостоятельная дисциплина внесла вклад в понимание византийского мира и постепенно чем дальше, тем больше возрастает осведомленность о том, насколько изучение построек, исторического ландшафта, материальной культуры, включая керамику, способно открывать различные и все более широкие перспективы изучения прошлого. Опубликованная недавно «Экономическая история Византии» полностью опирается на археологические данные (Laiou 2002; см. также недавние публикации о «повседневной жизни» у Rautman 2006; о домохозяйстве и материальной культуре Греции в эпоху позднего средневековья Sigalos 2004 и Vionis 2008; и о керамике – Vroom 2003).

История методологии

Любая дискуссия о характере и развитии византийской археологии требует рассматривать в качестве сопряженных дисциплин византийское искусство и историю архитектуры. Все три предмета касаются различных аспектов материального мира Византии и, в конечном счете, основываются на исследовании вещественных следов древних строений, художественных ценностей, поселе-

ний и незаселенной местности. Хотя каждый из этих предметов с целью разъяснения и контекстуализации восприятий и мотиваций прошлого может черпать информацию из исторических текстов, в конечном итоге все дисциплины основываются на физически сохранившихся различных категориях вещественных свидетельств прошлого. Вследствие такого соответствия исследования в сфере археологии Византии часто проводились учеными исходя из целого ряда предположений, что привело к всевозрастающей дифференциации и изменению определений того, что следует понимать под археологией как дисциплиной.

Так, в Великобритании перед Первой мировой войной можно выявить три различных подхода. Во-первых, подход, вытекающий из личного опыта хранителя музея О. М. Далтона (Британский музей), опубликовавшего в 1911 г. свое «Византийское искусство и археологию» (Dalton 1911). Эта книга была руководством по раннехристианскому и византийскому искусству и художественным ценностям, охватывающим впечатляюще широкий ряд материалов от произведений изобразительного искусства: стенной росписи, мозаики, икон, рукописей, до «искусства декоративной миниатюры», включающего монеты, изделия из металла, стекла, керамики, и архитектурной отделки. Не считая стенной росписи и мозаики, которые до сих пор остаются *in situ*, большинство из того, что он описал, происходило из коллекций и каталогов международных музеев и включало категории данных, часто исключаемые из рассмотрения современными историками византийского искусства. Во-вторых, археология построек, в особенности храмовых, была представлена исследованиями и экспедициями ученых, таких, например, как Гертруда Белл, чья работа в соавторстве с Уильямом Рамси описывает Бинбиркилиз («1001 церковь»), одно из главных поселений с каменной застройкой в центральной Анатолии (рис. 1).

Главным образом, она касалась установления таксономии¹ церквей, путем описания, документирования, классификации древних построек, и лишь в не-

Рис. 1. Рабочие Гертруды Белл на раскопках византийского поселения в Мэден Сехире, Бинбиркилиз, Турция, 1907 г.

¹ Классификация по схожести внутреннего строения — прим. переводчика.

значительной мере затрагивала причины их постройки и особенности использования (Ramsay and Bell 1909; Kleinbauer 1991). В-третьих, подход, считающийся образцом для большинства ученых, ассоциируемый с Британской школой археологии в Афинах в десятилетия перед Второй мировой войной, который демонстрировал широкий интерес к материальной культуре византийского мира, часто рассматриваемой в контексте, в котором сейчас следовало бы выражать эллинистическую историю в «долгосрочном периоде», простирающемся от доисторических до новейших времен (Kleinbauer 1991: XLVI–XLVIII). Одной из работ, служащей тому примером, является исследование Кизика Ф. В. Хаслаком, включающее не только исследование памятников, топографию и эпиграфику классического города, но распространяющееся также на византийские и более поздние османские памятники на его территории (Hasluck 1910). С этих позиций можно рассматривать основы подхода к ландшафтной археологии и истории, не ограничивая ее более изучением отдельных памятников или объектов. Приведенные примеры заимствованы из работ британских византинистов, но аналогичные подходы применялись и другими европейскими учеными того времени, такими, к примеру, как Йозеф Стржиговски (Josef Strzygowski) и Чарльз Дайел (Charles Diehl).

Хронология

В разных частях восточного Средиземноморья археологи пользуются различными определениями византийской археологии. Для тех, кто работает в Иордане, Израиле, Сирии, а также Египте, данным понятием определяется Христианский период в истории Восточной Римской империи – от тетрархии (300 г. н. э.) до арабского нашествия в 640 г.; период, который многие другие предпочли бы считать скорее позднеантичным, нежели византийским, период, от которого, собственно и произошла специальная археология (см. Lavan and Bowden 2003). Для целей данного издания, однако, к рассмотрению принят период, начиная с конца VI в. и до окончательного завоевания Византии османами в 1453–1461 гг. Далее, мы должны принять во внимание географическое определение византийских земель, которое в данной главе ограничивается в основном территориями таких современных стран, как Греция, Турция, Болгария. Целесообразно было бы включить сюда также часть Италии, Албании, южные страны бывшей Югославии, Крым и Кипр, но для краткости они исключены из рассмотрения. Тем не менее, специальные исследования на этот счет будут упоминаться по мере необходимости. Каждое из этих первых трех государств образовалось из Османской империи в XIX – начале XX вв. (Finkel 2005) и в каждом были различные реакции на формирование новых национальных идентичностей, что в свою очередь оказало прямое влияние на дивергентный характер развития направлений археологии Византии в каждом из них.

Национальные программы исследований

В современной Греции, несмотря на то, что византийское прошлое считается там ядром национальной идентичности, византийская археология организована отдельно от археологии доисторического и классического периодов, как в том, что касается музеев, так и в отношении государственного управления археологией, в районных эфортах, таким образом, относительно греческой культуры сохраняется дихотомия между классическим и христианским средневековым прошлым. Вследствие этого классическому и более раннему историческому периодам придается большее значение в ущерб изучению и сохранению византийского прошлого (см. Kotsakis, у Meskell 1998: 54–55). Вдобавок, до недавнего времени имел место всеобъемлющий акцент на церковной археологии, и нет ничего удивительного в том, что это создало предпосылки для основания главного музея и самой дисциплины в рамках более широкого европейского интереса к раннехристианской археологии (Frend 1996; Konstantios 2004: 9–13).

В Болгарии, независимой от Османской империи с 1878 г., средневековая археология находилась в лучшем положении, являясь частью более широкой национальной программы научных исследований, предусматривавшей льготы для обширной сферы византийской археологии. Первое и Второе Болгарские царства эпохи средневековья рассматривались как подтверждение легитимности нового болгарского государства, а с конца XIX в. отдельные его центры – сначала королевства в Плиске и Преславе, а позднее – в Тырново стали средоточием основных раскопок, хотя в силу того, что большинство научных отчетов выполнено на болгарском языке, их значение так никогда полностью оценено и не было (см. Mijatev and others 1974). В Софии средневековые древности поровну разделены между Национальным Археологическим и Национальным Историческим музеями; имеются крупные коллекции регионального масштаба в Преславе, Шумене и Велико-Тырново (Evans and Wixom 1997: 321–335), тогда как средневековая болгарская и византийская археология являются составляющими Национального Института археологии.

Республика Турция – самое молодое из вышеупомянутых новых национальных государственных образований (1923 г.), и хотя, по официальному определению, она является светским государством, населяют ее преимущественно мусульмане, что стало результатом обмена населением после Лозаннского договора (1922 г.) (см. обзор турецкой археологии Özdoğan, у Meskell 1998: 111–123, и о размежевании с греческой археологией см.: Ousterhout and Bakirtzis 2007: 1–6). Доисторическая археология Анатолии сыграла решающую роль в формировании новой турецкой национальной идентичности, это наиболее явно демонстрирует Музей анатолийских цивилизаций в Анкаре, где выставлены лишь отдельные экспонаты классического и более поздних периодов в противовес сокровищам более далекого прошлого. По контрасту, в Археологическом музее в Стамбуле, основанном в конце XIX в., более широко представлено имущество Османской империи, но в то же время экспонируются и сокровища византийского города. Управление общественной археологией осуществляется через систему региональных музеев, и византийская археология остается представленной неполно,

поскольку лишь недавно произошел рост количества образовательных программ, включающих византийскую археологию и историю искусств. Вдобавок, за некоторыми исключениями (отметим Semevi Eyice и Yildiz Ötügen), большинство исследовательских проектов, касающихся византийской археологии, велось иностранными учеными либо как часть долгосрочных программ, как, например, австрийские раскопки в Эфесе, либо в ходе изучения определенных памятников, таких, как Алахан, ставший предметом исследования британской экспедиции. С быстрым распространением университетского образования в Турции на протяжении последнего десятилетия ситуация значительно улучшилась. К тому же, многие турецкие специалисты прошли обучение в Европе и других местах, что расширило кругозор национальной археологии.

Научные подходы в археологии

Как и все научные дисциплины, археология за последние три десятилетия изменилась под влиянием новых теоретических перспектив, зачастую уходящих корнями в литературную теорию и социальную антропологию (см. Greene 2002 – общедоступное введение в археологический метод и теорию). Все археологические исследования можно разделить на определенное количество категорий в зависимости от типа местности и памятников, техник, применяемых при их исследовании, ряда разнообразных художественных ценностей и другого материала, обнаруженного в ходе осмотра или раскопок. К тому же нам приходится принимать во внимание многообразие подходов к вещественным данным и различия в выводах и интерпретациях, которые можно сделать на их основании. Археология византийского мира является исторической археологией, помещенной в хронологические рамки и черпающей информацию из текстов. Наиболее простой способ использовать ее данные – это позволить археологии иллюстрировать историческое повествование, происходящее из письменных источников; примером является то, как библейская археология в прошлом использовалась для демонстрации и наглядного подтверждения достоверности библейских текстов (Silberman, у Meskell 1998: 175–188). Археологи и историки текстов пришли к признанию того факта, что отношение между текстом и материальной культурой являются одновременно и более сложными, и потенциально более обогащающими с точки зрения понимания прошлого. Обе стороны по-своему повествовательны: в одном случае повествовательность происходит от текста и памяти, в другом носителями овеященной информации являются строения и художественные ценности. Понимание этих взаимоотношений означает начало равноправного диалога, в котором ни одной из сторон не отдается предпочтения перед другой.

Населенные пункты I: сельская местность

Археологи зачастую проводят различия между местностью – определенными местами человеческой деятельности с представленными там археологическими отложениями и художественными ценностями и ландшафтом – естественными особенностями среды, способствующими деятельности человека,

являющимися продуктом взаимодействия природного и человеческого фактора. В византийской археологии под влиянием исторической географии, и, в частности, проекта *Tabula Imperii Byzantini* (TIB), инициированного в Вене более тридцати лет назад, акцент делался на «местности», поэтому неудивительно, что им и посвящены тексты (источников). Местности по своему расположению могут быть разделены просто: на сельские и городские. Драматичным событием в истории исследований византийского села стала публикация документов сессии, посвященной селам, на Парижском конгрессе в 2001 г. (Lefort and others 2005). Они касаются каждой из трех основных стран и еще многого кроме того. С неизбежностью, раннее средневековье (600–850 гг.) является последним хорошо представленным в своих хронологических рамках периодом, но также явно и то, что у Греции и Болгарии есть некоторые основания для документального описания устройства сельского дома и сельской материальной культуры (см. в особенности Pitarakis 2005 о металлических изделиях, и Vorderstrasse 2005 о том, как распространялись и терялись монеты). Хотя общественное устройство византийского мира и было сельским (см.: Howard-Johnston 2004), археологи Анатолии мало сделали для описания и исследования сел. Вплоть до совсем недавнего времени практически не было информации о раскопках в них, за исключением публикаций в составе работ о поселениях ранних периодов, как, например, столица хеттов в Богацкёй (Boğazköy) (Neve 1991), или о более близком к современному периоду поселении бронзового века – Килиз Тепе в Исаурии (Postgate and Thomas 2007) (рис. 2).

Кроме того, известны сельские поселения в Бинбиркилисе и Каракадаге на северо-западе Коньи, где Белл опубликовал описания храмов, хотя общий план местности Рамсеем был утрачен (Ramsay and Bell 1909). Тем не менее, сама сущность археологических открытий в восточном Средиземноморье подверглась значимым изменениям, два из которых можно отметить. Недавно в ходе раскопок, предшествовавших сооружению нового аэропорта Элиферис Венизелос за пределами Афин, был выявлен ряд поселений, датируемых начиная от доисторических времен и заканчивая временами позднего средневековья; в том числе обнаружены села раннесредневекового средне-византийского типа, планы и некоторые находки из которых выставлены теперь в музее аэропорта. Рас-

Рис. 2. Скелет, обнаруженный в ходе раскопок храма поздневизантийского периода в Килиз Тепе в Исаурии. По результатам радиоуглеродного анализа кости могут быть отнесены к концу XII–XIII вв. (М. Р. С. Jackson, у Postgate and Thomas 2007; о радиоуглеродном методе датирования см.: Bronk Ramsey and others 2000: 73–74).

копки, предшествовавшие сооружению основной до недавнего времени ветви трубопровода через восточную Анатолию до Мерсина позволили исследовать средневековое село к северо-востоку от Карса.

Месторасположение сельских поселений может также определяться в ходе обследований земной поверхности с помощью визуальной археологии, особенно в Греции, и эта техника внесла значительный вклад в понимание распределения и изменений месторасположения поселений в контексте изучения различных временных периодов. Среди наиболее важных современных исследований – исследования в Беотии, которыми более 20 лет руководит Джон Бинтлиф (Bintliff 2000); а также другие, в том числе исследования Армстронга (Armstrong 2002) в Лаконии и Бейярда (Baird 2004) в долине Кони, равно как и продолжающиеся исследования в Анатолии, связанные с Сагаласским проектом и раскопками в Хаси Мусулар в северной Ликии (см. также ниже общую главу II.6.2. Деревня).

Населенные пункты II: город

Основной исследовательский интерес со стороны археологов и историков раннего средневекового периода (VII–IX вв.) вызывает гибель классических городов. Существуют различные взгляды на то, нужно ли понимать ее как окончание существования, или же как преобразование (см. обзор исторических и археологических подходов в ранней средневековой Италии у Ward-Perkins 1997). Археологические и исторические сведения допускают большое число интерпретаций (см.: Wickham 2005: 626–635; Haldon 1999), хотя обсуждение не всегда в достаточной мере выявляет нюансы, признавая в целом наличие регионального разнообразия территорий от Адриатики до восточного Понта (ср.: Hodges 2006: 184–185). Важно отметить наличие большего разнообразия данных, чем это зачастую признается. Что касается Анатолии, у нас просто нет точных археологических сведений о таких городах, как Иконий и Кесария, и очень мало их о таких крупных центрах, как Анкира или Никея. Можно сделать вывод, что и монументальные остатки городских защитных сооружений, и несколько главных храмов представляют собой эффективную систему сопротивления и обеспечивают эффективность имперского управления в городском центре (Howard-Johnston 2004) либо, как альтернативный вариант, представляют собой «пустую пародию на классический город» (Hodges 2006: 185). Раскопки в Амории свидетельствуют о продолжительной экономической деятельности (Lightfoot 2007), и важно также признать, что некоторые города пришли к принятию особых функций, но не соответствовали в достаточной степени образцу *sittà ad isole*, в отличие от некоторых городов на Западе, которые «до конца прошли путем дезурбанизации» (Wickham 2005: 676). Без археологии раннего средневекового домохозяйства (см.: Dark 2004), как это известно теперь на примере Рима того периода, по-прежнему сложно объяснить расположение христианских памятников и оборонительных сооружений в византийском полисе (см.: Crow and Hill 1995, и Crow 1996 – дискуссию об образцах из Амастрии и северной Анатолии).

Города средневизантийского и более позднего периодов более охотно изучаются археологами по дошедшим до наших дней их останкам, таких как Мистра

и Жераки в Пелопоннесе, и по таким раскопкам, как в Коринфе (см. общую дискуссию по Ousterhout in Evans and Wixom 1997: 192–199; исследования поздневизантийского и османского домохозяйства – Sigalos 2004 and Vionis 2008). В Анатолии раскопки в Амории свидетельствуют о наличии поселения и экономической деятельности вплоть до периода позднего средневековья, но в других местах исследования, начиная с этого момента все более сокращаются, и пренебрежение к византийскому прошлому в Анатолии сочетается с интересом к периоду сельджуков и более поздним периодам (см.: Özddan, у Meskell 1998: 119), где основное внимание ученых до недавнего времени вызывала история искусств.

Памятники

Оборонительные сооружения были важным элементом городской и сельской археологии византийских земель. Городские укрепления уже упоминались выше: единственным обобщающим исследованием является монография Фосса и Винфильда (Foss and Winfield 1986), хотя вторая часть этой работы в большей степени касается установления хронологии архитектурных стилей, нежели осмысления цели и роли оборонительных сооружений в византийском обществе. Тем не менее, эта тематика развивается, и в работе Бакиртзиса и Ореопулоса (Bakirtzis and Oreopoulos 2001) рассматривается не только форма оборонительных сооружений, но также экономический и символический аспекты их создания. Защитные сооружения в сельской местности рассматриваются в серии *TIB*, так что из этого и других исследований (см.: Dunn 1999, Crow 1996) совершенно ясно, что некоторые из них представляли собой результат вмешательства государства, являясь частью имперской системы безопасности, тогда как другие служили убежищами местного характера или принадлежали региональным властям. Исключительным в своем роде исследованием регионального среза данной темы является отчет Брейе и Винфильда о византийских памятниках в Понте (Bryer and Winfield 1985).

Храмы, безусловно, являются лучше всего документально обоснованным типом построек, известным, как по архитектурным описаниям, так и по раскопкам. Историки архитектуры тяготели к тому, чтобы выделять элитные здания как привилегированные в сравнении с постройками, распространенными в Византии повсеместно (Ousterhout 1999), хотя последние исследования в Канти Килизе (Кападдокия) помещают отдельно стоящий храм в широкий ряд прочих построек из тесаного камня (Ousterhout 2005). Последнее достижение заключается в том, чтобы изучать храмы как часть более широкого окружения, будь то городского (Ousterhout 2000) или сельского (Nixon 2006). Строительство и ремонт храмов может рассматриваться как одна из общих черт экономической жизни, а также как признак особого покровительства (об оценке построек эпохи иконоборства по Остерхауту см.: Brubaker and Haldon 2001). Нерешенной остается проблема ограниченности доступа к подробным базам данных о храмах или связанных с ними остатках строений, на которые можно было бы опираться (тем не менее, см. обзор церковной скульптуры в Вифинии (Ötügen 1996), или недавно изданный путеводитель по храмам Наксоса (Mastoropoulos 2006), где впервые представлен

практически полный каталог храмов и их убранства). Это более позднее исследование обнаруживает также и то, до какой степени в сфере истории искусств исследование внутренней отделки препятствовало более полному исследованию зданий в их социальном и ландшафтном контексте. Такие исследования могут впоследствии привести к широкомасштабным спорам в отношении религиозного мира Византии, в том числе на темы паломничества, сакрального и мирского (см.: Gerstel 2005; Maguire and others 1989; Nixon 2006). Наконец, говоря о памятниках, мы должны знать о том, что памятники и исторические места прошлого продолжают оставаться предметом рассуждений, споров, переосмысления для современных общин (см. недавние тому примеры у Costa and Ricci 2005).

Ландшафтная археология может также способствовать пониманию вопросов землепользования и изменений в землевладении, хотя такие исследования редко касались восточного Средиземноморья, за исключением таких его областей, как Понт или Киклады, где имеются документы, сохранившиеся со времен позднего средневековья. Подобным образом ограничено было и применение археологии окружающей среды для научного исследования ландшафтных изменений, особенно в областях, лежащих за пределами бассейна Эгейского моря. Еще одной потенциальной областью исследований является применение оросительных систем, известных по монастырским и прочим текстам (Gerolymatou 2005), хотя вплоть до настоящего времени полевые работы ограничивались пределами Каппадокии (Bicchi 1995).

Исследования по византийской керамике уже упоминались выше, и сильные стороны традиционного для истории искусств подхода проявились в каталоге выставки «Слава Византии» (см.: Evans and Wixom 1997: 255–271; в качестве учебного руководства с расширенной библиографией см.: Vroom 2005); однако полностью потенциал гончарных изделий как источника для изучения экономической жизни Византии еще предстоит осмыслить (см. также ниже глава II.8.4.

Рис. 3. Восстановленные фрагменты амфоры VIII–IX вв. «византийского глобулярного» типа, представляющая собой сохранившуюся копию более ранних позднеримских форм ПР 1 и 2. Найдена на раскопках позднеантичного и византийского пресса оливкового масла в Пиргос Чеймарру, Наксос. Амфоры данного типа также известны по раскопкам в Константинополе, Крите, Эгине и указывают на наличие продолжительных и устойчивых торговых связей между удаленными друг от друга на большие расстояния населенными пунктами на побережье Эгейского моря (информация и фото А. Вионис).

Керамика). Врум, Вионис (Vroom 2003, Vionis 2008) (рис. 3) и другие, начинающие исследования в области социальной археологии с изучения материальной культуры, включая керамику и изделия из металла. Данные, полученные в результате полевого исследования керамики, эффективно сочетались с информацией из исторических источников в работе Армстронга о византийской Лаконии (Armstrong 2002). Важный дополнительный источник сведений о торговле и технологии обеспечивает подводная археология. Значительное количество исследований было произведено на юго-западном побережье Турции, особенно в Яси Ада и Серце Лимани, на местах кораблекрушений, датируемых соответственно VII и XI вв. (Kingsley 2004). А на более близком к Константинополю расстоянии раскопки Негриса Гунзенина на острове Прокопесс в Мраморном море позволили оценить степень развития торговли амфорами для вина в X и XI вв. На южном побережье в черте самого города раскопки, проводимые с лета 2005 г. в районе порта Феодосия, выявили останки более чем двадцати семи кораблей, некоторые из них длиной до 30 метров, севших на мель на илистом дне этой византийской гавани. Их палубы и трюмы все еще полны обычными для того времени грузами: амфорами, мелкими предметами, сосудами с благовониями, а также канатами и другими останками органического происхождения. Раскопки в данной местности все еще продолжались в начале 2007 г., и это служит живым напоминанием о тех возможностях, которые археология может представить для более широкого понимания жизни византийского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- ARMSTRONG, P. 2002. 'The survey area in the Byzantine and Ottoman periods', in W. Cavanagh and others (eds.), *Continuity and Change in the Greek Rural Landscape: The Laconian Survey* (London): 330–402.
- BAIRD, D. 2004 'Settlement expansion on the Konya Plain, Anatolia: 5th–7th centuries AD', in W. Bowden (ed.), *Recent Research on the Late Antique Countryside* (Leiden): 219–47.
- BAKIRTZIS, N., and Oreopoulos, P. 2001. *An Essay on Byzantine Fortification, Northern Greece 4th–15th c.* (Athens).
- BARDILL, J. 2004. *Brickstamps of Constantinople*, 2 vols. (Oxford).
- BICCHI, A. R., and others. 1995. 'Evidence for hydrogeological planning in Cappadocia', in G. Bertuchi, R. Bixio, and M. Traverso (eds.), *La città sotterranea della Cappadocia* (Genoa): 78–86.
- BINTLIFF, J. 2000. 'Beyond the dots on the map: future directions for surface artefact survey in Greece', in J. Bintliff, M. Kuna, and N. Venclova (eds.), *The Future of Surface Artefact Surveys in Europe* (Sheffield): 3–20.
- BRONK RAMSEY, C., and others. 2000. 'Turkey' *Archaeometry* 42 (2): 73–4.
- BRUBAKER, L., and HALDON, J. 2001. *Byzantium in the Iconoclast Period (ca. 680–850). The Sources: An Annotated Survey* (Aldershot).
- BRYER, A. A. M., and WINFIELD, D. C. 1985. *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos* (Washington, DC).

- COSTA, P. M., and RICCI, A. 2005. *Tra passato e presente: progetti di archeologia al liceo Italiano I.M.I. di Istanbul* (Istanbul).
- CROW, J. 1996. 'Alexios I Komnenos and Kastamon: castles and settlement in middle Byzantine Paphlagonia', in M. Mullett and D. Smythe (eds.), *Alexios I Komnenos* (Belfast).
- and Hill, S. J. 1995. 'The Byzantine fortifications of Amastris in Paphlagonia', *Anatolian Studies* 45: 251–66.
- DALTON, O. M. 1911. *Byzantine Art and Archaeology* (Oxford).
- DARK, K. 2004. 'Houses, streets and shops in Byzantine Constantinople from the fifth to the twelfth centuries', *Journal of Medieval History* 30: 83–107.
- 2005. 'Archaeology', in J. Harris (ed.), *Palgrave Advances in Byzantine History* (London): 166–84.
- DUNN, A. 1999. 'From polis to kastron in southern Macedonia', in A. Bazzana (ed.), *Archéologie des espaces agraires méditerranéens au moyen âge* (= *Castrum* 5; Madrid): 399–414.
- EVANS, H., and WIXOM, W. D. (eds.) 1997. *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, AD 843–1261*. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York).
- FINKEL, C. 2005. *Osman's Dream: The Story of the Ottoman Empire 1300–1923* (London).
- FOSS, C., and WINFIELD, D. C. 1986. *Byzantine Fortifications: An Introduction* (Pretoria).
- FREND, W. H. C. 1996. *The Archaeology of Early Christianity: A History* (London).
- GEROLYMATOU, M. 2005. 'La Gestion de l'eau dans les campagnes Byzantines (8e–15e siècle)', *REB* 63:195–205.
- GERSTEL, S. E. J. 2005. 'The Byzantine village church: observations on its location and on agricultural aspects of its program', in Lefort and others 2005: 165–78.
- GREENE, K. 2002. *Archaeology: An-Introduction* (London, 4th edn.).
- HALDON, J. 1999. 'The idea of the town in the Byzantine empire', in G. P. Brigoglio and B. Ward-Perkins (eds.), *The Idea and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Leiden): 25–58.
- HASLUCK, F. W. 1910. *Cyzicus, being some account of the history and antiquities of that city, and of the district adjacent to it, with the towns of Apollonia ad Rhyndacum, Miletupolis, Hadrianutherae, Priapus, Zeleia, etc.* (Cambridge).
- HODGES, R. 2006. *Goodbye to the Vikings? Re-reading Early Medieval Archaeology* (London).
- HOWARD-JOHNSTON, J. 2004. 'Social change in early medieval Byzantium', in R. Evans (ed.), *Lordship and Learning: Studies in Memory of Trevor Aston* (London): 39–50.
- KINGSLEY, S. 2004. *Barbarian Seas, Late Roman to Islam* (London).
- KLEINBAUER, W. E. 1991. *Early Christian and Byzantine Architecture: An Annotated Bibliography and Historiography* (Boston).
- KODER, J., and HILD, F. 2000. *Byzanz als Raum: zu methoden und Inhalten der Historischen Geographie des Östlichen Mittelmeerraumes im Mittelalter* (Vienna).
- KONSTANTIOS, D., and others. 2004. *The World of the Byzantine Museum* (Athens).
- LAIOU, A. E., and others (eds.) 2002. *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century*, 3 vols. (Washington, DC).
- LAVAN, L., and BOWDEN, W. (eds.) 2003. *Theory and Practice in Late Antique Archaeology* (Leiden).
- LEFORT, J., MORRISSON, C., and SODINI, J.-P. (eds.) 2005. *Les villages dans l'Empire byzantin (IVe–XVe siècle)* (Paris).

- LIGHTFOOT, C. S., and LIGHTFOOT, M. 2007. *Amorium, a Byzantine City in Anatolia: An Archaeological Guide* (Istanbul).
- MAGUIRE, E., MAGUIRE, H., and DUNCAN-FLOWERS, M. J. 1989. *Art and Holy Powers in the Early Christian House* (Urbana).
- MASTOROPOULOS, G. S. *Naxos, Byzantine Monuments* (Athens).
- MESKELL, L. (ed.) 1998. *Archaeology under Fire: Nationalism, Politics and Heritage in the Eastern Mediterranean and Near East* (London).
- MIJATEV, K., and others. 1974. *Carevgrad Târnov, lepalais des rois bulgares pendant le deuxième royaume Bulgare: céramique, objets domestiques et armement, parures et tissus*, vol. 2 (Sophia).
- NEVE, P. 1991. 'Boǎzköy-Hattousa in byzantinischer Zeit', *Hommes et richesses dans l'Empire byzantine* II (Paris): 91–111.
- NIXON, L. 2006. *Making a Landscape Sacred: Outlying Churches and Icon Stands in Sphakia, Southwestern Crete* (Oxford).
- ÖTÜKEN, Y. 1996. *Forschungen im nordwestlichen Kleinasien: antike und Byzantinische Denkmäler in der Provinz Bursa* (Tübingen).
- OUSTERHOUT, R. 1999. *Master Builders of Byzantium* (Princeton).
- 2000. 'Contextualizing the later churches of Constantinople: suggested methodologies and a few examples', *DOP* 54: 241–50.
- 2005. *A Byzantine Settlement in Cappadocia* (Washington, DC).
- and Bakirtzis, C. 2007. *The Byzantine Monuments of the Evros/Meriç River Valley* (Thessalonike).
- PALIOURAS, A. 2004. *Eisagogi sti Vyzantini Archaialogia* (Ioannina, 3rd edn.).
- PITARAKIS, B. 2005. 'Témoignage des objets métalliques dans le village médiéval (X^e–XIVe siècle)', in Lefort and others 2005: 247–65.
- POSTGATE, J. N., and THOMAS, D. C. (eds.) 2007. *Excavations at Kilise Tepe, 1994–98: From Bronze Age to Byzantine in Western Cilicia*, 2 vols. (Cambridge).
- RAMSAY, W. M., and BELL, G. L. 1909. *The Thousand and One Churches* (London).
- RAUTMAN, M. 2006. *Daily Life in the Byzantine Empire* (London).
- SIGALOS, E. 2004. *Housing in Medieval and Post-Medieval Greece* (Oxford).
- VIONIS, A. K. 2008. 'Crusader' and 'Ottoman' Material Life: *The Archaeology of Built Environment and Domestic Material Culture in the Medieval and Post-Medieval Cyclades, Greece (c. 13th–20th AD)* (Leuven).
- VORDERSTRASSE, T. 2005. 'Coin circulation in some Syrian villages (5th–11th centuries)', in Lefort and others 2005: 495–510.
- VROOM, J. 2003. *After Antiquity: Ceramics and Society in the Aegean from the 7th to the 20th Century A.C. A Case Study from Boeotia, Central Greece* (Leiden).
- 2005. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean: An Introduction and Field Guide* (Utrecht).
- WARD-PERKINS, B. 1997. 'Continuists, catastrophists, and the towns of post-Roman northern Italy', *PBSR* 45:157–76.
- WICKHAM, C. 2005. *Framing the Early Middle Ages, Europe and the Mediterranean, 400–800* (Oxford).
- ZANINI, E. 1998. *Introduzione all'archeologia byzantina* (Rome, 2nd edn.).

Глава I.2.5 КРИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИИ ИСКУССТВ

Лесли Брубакер

«Критическими» подходы к византийскому искусству были всегда, и историки искусств всегда опирались на самые разнообразные методологические стратегии. За одним заметным исключением в лице Курта Вейцмана, непосредственный акцент на теории – явление недавнее, и большинство византинистов молча, без комментариев, приспосабливают к нему частные критические тактики. Для большинства специалистов в области истории искусств теория является методологическим инструментом, таким же, как знание ряда языков, – необходимостью для изучения дисциплины, но не самоцелью.

До 1980 г.

В XVIII–XIX вв. споры о сущности искусства и истории искусств затрагивали тему Византии, но никогда не уделяли ей основного внимания. Поэтому критические подходы к искусству Восточной Римской империи вплоть до XX в. в большинстве своем не отличались от подходов к средневековому искусству вообще. Наиболее значимое следствие такой предпосылки – парадигматическая важность формы, ставшей в XIX в. основным элементом искусства (Summers 1989: 375). С тех пор историю искусств, в том числе византийскую историю искусств, отличал присущий дисциплине формализм, то есть форма и способ представления обычно считались более важными, нежели содержание. Одним из последствий этого является то, что византийское искусство обычно чаще классифицируют по видам носителей и тому, где и когда они были произведены, нежели по содержанию произведений. Еще один результат заключается в том, что реабилитация византийского искусства в конце XIX – начале XX вв. основывалась на возобновившейся склонности восхищаться стилистическими формами (Nelson 2000: 160), а не на оценке и понимании содержания.

После Второй мировой войны основные течения, преобладавшие в американской и европейской научных школах византийского искусства, до 1980 г. раз-

вивались тремя ведущими теоретиками, которые перенесли традиции австрийской и германской науки на британскую и американскую почву. Отто Демус (Otto Demus), Эрнст Китцингер (Ernst Kitzinger), Курт Вейцман (Kurt Weitzmann) были имплицитными формалистами или структуралистами, использовавшими критический подход, близко связанный с формализмом, где предпочтение отдается конструкции, хотя зачастую жанровой, а не стилистической. Демус и Китцингер первоначально интересовались общедоступными образами, особенно настенной росписью. Вейцман сосредоточился на рукописях, которые считал средством широкого распространения информации и образов, – немногие сегодня отстаивали бы такую точку зрения. Четвертый ведущий специалист, Андре Грабар, русский эмигрант, обосновавшийся в Париже, больше интересовался визуальной тематикой, в основном преобразованием римских имперских мотивов в христианской иконографии (Grabar 1936; Grabar 1968).

Основной исследовательский вклад Демуса имел двусторонний характер: он признавал значение пространственной иерархии и высоко ценил важность ремесленной техники. Ранневизантийские авторы определяли отдельные участки интерьера храма как представляющие разнообразные места, связанные с земной жизнью Христа (Maguire 1987: 24–8; Palmer 1988; Rodley 1988; McVey 1993). Демус в большей степени занимался средним и поздним византийским периодом, и хотя в его модели содержание и ценилось, в центре ее все же находилась структура. Исходной предпосылкой книги *«Византийский мозаичный декор»* (Demus 1948), написанной во время войны в Канаде в негостеприимных условиях лагеря для переселенцев, было то, что внутреннее пространство византийской церкви отображало иерархические отношения человеческого и божественного, представляя людей-святых как возводящих вверх к рассказам о жизни воплотившегося Спасителя и в конечном итоге к божественному образу Христа в куполе. Это теоретическое построение подверглось определенной критике (к примеру, Mathews 1988; James 1994), но в основном до сих пор остается парадигматическим. Следствием его стали, в том числе, исследования соотношения между православной литургией и внутренней планировкой храма (к примеру, Mathews 1971) и в более широком смысле исследования политической и церковной топографии (Krautheimer 1983).

Второй весомый вклад Демуса основывался на его длительном участии в реставрации мозаик собора Сан-Марко в Венеции, что привело его к продолжению изучения технических аспектов ремесленного производства в Византии и прилегающих к ней районов (Demus 1984, а в настоящее время James 2006). Это способствовало повышению интереса к взаимоотношениям Византии и Запада (*Byzantine Art* 1966; Demus 1970), в частности, Византии и Италии (Demus 1950), которые, как считалось вначале, благоприятствовали византийскому вкладу в западное искусство, но с недавних пор этот интерес приобрел более уравновешенный характер (Buckton 1988; Brubaker 1991; Derbes 1996; Derbes and Neff 2004).

Китцингер был более явно выраженным формалистом. Его в основном занимало то, как стиль взаимодействует со смысловым значением. Как и Демус, он часто интересовался иерархиями, но по Китцингеру они создавались по сред-

ствам различных стилистических «манер» (Kitzinger 1958: 36–37): он утверждал, к примеру, что ангелы, Богородица с Младенцем и святые, изображенные на иконах VI–VII вв., на горе Синай представлены в менее импрессионистской манере, более четко и наглядно показывающей относительный уровень человеческого в них (Kitzinger 1977: 117–118). Эта концепция использования стиля для передачи смыслового значения окончательно оформилась в работе «*Византийское искусство в процессе своего формирования*» (Kitzinger 1977). Позже она применялась в отношении имперских портретов учеником Китцингера, Генри Магвайером (1989), утверждавшим, что различие между плоскими «бесплотными» телами и объемными головами визуально отображают имперские ассоциации с божественными посланцами, ангелами.

В дополнение к целому ряду публикаций об отношениях между Византией и Италией (Kitzinger 1960; 1966; 1990) важным вкладом Китцингера стали развитие тематики «вечного эллинизма» – повторяющегося возврата к греко-римскому наследию в искусстве Восточной Римской империи (Kitzinger 1958) и исследование о возрастающей роли икон в VI и VII вв. (Kitzinger 1954). Оба эти достижения подвергались критике в более поздних публикациях (к примеру, Kinney 1982; Brubaker 1998; Mathews 1999, который также «нападает» на Грабара).

В отличие от Китцингера, формализм Вейцмана базировался на морфологии: его краеугольным камнем была иконографическая композиция, а не стиль изображения. Однако, он также подчеркивал значение греко-римского прошлого, но основное внимание уделял иллюстрациям к рукописям, средству передачи информации и образа аудитории гораздо более узкой, нежели у храмовой росписи. Нужно, кстати, сказать, что он сам не согласился бы с такой точкой зрения, поскольку был уверен, что рукопись как предмет, который можно переносить с места на место, потенциально способна оказывать влияние на прочие средства передачи информации. Он изложил теоретическую модель распространения иллюстрированных рукописей от свитков (*rotuli*) к книге (рукописи; *codices*), основным тезисом которой было то, что первоначально миниатюры разрабатывались для первоисточника, эти оригинальные изображения подробно и точно соответствовали такому тексту. В последствии иллюстраторы заимствовали их из первоисточников, упрощая и искажая в процессе воспроизведения (Weitzmann 1947). Чем чаще встречаются в тексте иллюстрации, тем он ближе к «рукописи-прототипу». Следовательно, Вейцман утверждал, что наполненные иллюстрациями средневизантийские Октатеухи¹ должны следовать раннехристианскому образцу. В конечном итоге он предположил наличие еврейского первоисточника для миниатюр Ветхого Завета (Weitzmann and Bernabò 1999: 299–312). Эта модель имела большое влияние в странах, открытых для теоретических разработок, и меньшее в Великобритании с ее традиционным акцентом на прагматизм. Ее недостаток тем не менее заключался не в явно теоретическом характере, а в применении к миниатюрам методологии, разработанной для анализа текстов (филология). Поскольку тексты могли быть относительно однородными, миниатюры

¹ Октатеух (Oktateuch, Восьмикнижие) – под этим термином понимаются объединенные в один корпус первые восемь книг Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисус Навин, Судей и Руфь (прим. переводчика).

использовались для придания им привлекательности и соответствовали аудитории того времени, поэтому нет ничего удивительного в том, что миниатюры могли добавить и, что показательно, зачастую добавляли подробности к уже существующим или даже подсказывали новые циклы образов в дополнение к расположенному рядом с ними тексту.

После 1980 г.

В конце 1970-х распространение получило то, что с легкой руки антрополога Клиффорда Гирца стало модным называть «нечетким описанием»: при всей многослойности реинтерпретаций относительно «скипетра» из слоновой кости, предположительно приписываемого Льву IV, Кэтлин Корриган выложила на стол все свои методологические «карты» и произвела на свет классический и утонченный образчик «контекстного искусства» (Corrigan 1978). К середине 1980-х контекстный подход в целом стал преобладающим у историков искусства, хотя из современного обзора литературы по дисциплине (Cormack, 1986a) явствует, что мало чему удалось повлиять на британские взгляды в отношении византийской истории искусств за предшествующие десять лет. Тем не менее, в 1987 г. Джон Хэлдон, не историк искусств, а один из британских византинистов раннего периода, работавших на исключительно теоретических основах (Haldon 1984–1985), на Весеннем симпозиуме по византистике в Бирмингеме на тему «*Византийский взгляд*» предложил докладчикам рассматривать материальную культуру с общетеоретических позиций. Вскоре после того увидели свет два обнародованных там доклада: один касался экфрасиса (Macrides and Magdalino 1988), другой – перцепции (Brubaker 1989b). С того времени, специалисты в области истории искусства Византии все чаще приветствовали применение теоретических моделей, разрабатываемых в более широком контексте культурологических исследований, особенно в контексте литературного критицизма (к примеру, Thomas 1990; Wharton 1990; Nelson 1999), антропологии (к примеру, Cutler 1991), теорий визуализации (к примеру, Nelson 2000) и исследования средств передачи информации (к примеру, Belting 2001). И, тем не менее, к началу 1990-х гг. становится ясно, что параллельные миры «традиционной» и «теоретической» истории византийского искусства уживаются в условиях неловкости и взаимного противоречия (Brubaker 1992; Maguire 1992).

В числе по-прежнему распространенных критических подходов – соображения относительно значимости зрительного восприятия (Kalavrezou 1994), цвета (James 1996) и пола (к примеру, James (ed.) 1997; James 2001), того, как историография дисциплины повлияла на современное понимание византийской образности (к примеру, Nelson 1996), аргументы против «тирании типичного» (Cutler 1987: 154). Не нося однозначно теоретического характера, теория рецепции (которая, грубо говоря, подчеркивает роль зрителя) и теория отношения между вербальными и визуальными коммуникациями выделяются в качестве наиболее значимых тем нового тысячелетия, и обе они пересекаются с вопросами о роли потребителя информации и источников интерпретации, то есть того, как следует рассматривать византийские образы в целом.

Теория рецепции впервые возникла как способ толкования литературных произведений, подчеркивавших динамическую взаимосвязь между текстом и читателем, который всегда лично вовлечен в текст как таковой (Eagleton 1996: 67–78 – удачное введение в данную теорию). В визуальной терминологии это переход от концепции «зрительской роли» (Gombrich 1969: 181–287), где зрители объясняют то, что видят, сквозь призму собственного опыта и положения, к концепции «зрителя как субъекта», когда «смотрящий индивидуум» является как бы центром по отношению к тому, что он видит (Burgin 1986: 69). Особенно привлекательно в этом подходе то, что он снимает искусственные различия между стилем и содержанием и рассматривает «видение» как активное событие со зрителем как участником создания смысла работы. Это на самом деле диалог между видящим и видимым (Maguire 1996).

Однако мы всегда должны допускать, что существует два типа зрителя: современный наблюдатель (мы сами) и средневековый. Византийцы, конечно же, не были статичны по своей сущности. Их «способы видения» (Berger 1972) были так же подвержены влиянию окружения, как и наши: из огромного количества прочих факторов, как то, время, место, социальный статус, пол, жанр, каждый по-своему участвует во взаимодействии между зрителем и образом. Это было однозначно выявлено Робертом Нельсоном (Nelson 1989) и различия между современным и средневековым взглядом, или, как это иногда называют сторонники теории рецепции, различия в потреблении образов, стали материалом для публикаций, начиная с середины 1980-х гг. и далее (например: Vikan 1989; Cutler 1995; Maguire 1995). Было доказано, что в системе византийских образов прошлое было частью настоящего, в чем и заключалось их фундаментальное отличие от средневековых (и современных) западных изображений, представлявших прошлое как прошлое или как события, предвещавшие будущее (Kessler 1985: 88; Nelson 2001).

Наше понимание мира неизбежно отличается от того, что было близко любому жителю Восточного Рима: несмотря на то, в нашем распоряжении несметное количество информации, наш собственный опыт восприятия цвета, наша собственная трактовка этого материала в его соотношении с тем, что знали византийцы в любом случае невозможно определить точно. Это привело некоторых ученых к утверждению, что мы слишком переоцениваем наши познания и, как следствие, чрезмерно увлекаемся интерпретацией византийских образов, слишком охотно допуская, что византийские потребители думали так же, как и мы (пример: Cormack 1986b; Cutler and Oikonomides 1988), – аргументы, которые решительно оспаривались (к примеру, Kalavrezou 1989). И что, возможно, еще более полезно, это также повлекло за собой переоценку того, как видели византийцы и как они реагировали на увиденное (к примеру: Brubaker 1989b; Maguire 1996; Nelson 2000). В частности, пересмотрены взаимоотношения византийских слов-обозначений образов и описаний видимого и самих этих образов (к примеру: James and Webb 1991; Brubaker 2006). Слова и образы воспринимаются по-разному: слова описывают, а образы показывают. К этой теме, похоже, придется время от времени возвращаться в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- BELTING, H. 2001. *Bild-Anthropologie: Entwürfe für eine Bildwissenschaft* (Munich). A good summary of the contents appeared in English in the review by C. Wood in *Art Bulletin* 86/2 (2004): 370–3.
- BERGER, J. 1972. *Ways of Seeing* (London).
- BRUBAKER, L. 1989a. 'Byzantine art in the ninth century: theory, practice, and culture', *BMGS* 13: 23–93.
- 1989b. 'Perception and conception: art, theory and culture in ninth-century Byzantium', *Word & Image* 5/1: 19–32.
- 1991. 'The introduction of painted initials in Byzantium', *Scriptorium* 45: 22–46.
- 1992. 'Parallel universes: Byzantine art history in 1990 and 1991', *BMGS* 16: 203–33.
- 1998. 'Icons before Iconoclasm?', *Morfologie sociali e culturali in europa fra tarda antichità e alto medioevo* (Spoleto): 1215–54.
- 1999. *Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium: Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus* (Cambridge).
- 2006. 'Pictures are good to think with: looking at, with, and through Byzantium', in P. Odorico and others (eds.), *L'Écriture de la mémoire: la littérature de l'historiographie* (Paris): 221–40.
- BUCKTON, D. 1988. 'Byzantine enamel and the west', in J. Howard-Johnston (ed.), *Byzantium and the West ca 850–ca 1200* (= *BF* 13): 235–44.
- BURGIN, V. 1986. *The End of Art Theory, Criticism and Postmodernity* (Houndsmills).
- Byzantine Art—an European Art* 1966 (Athens).
- CORMACK, R. 1986a. 'New art history vs old art history: writing art history', *BMGS* 10: 223–31.
- 1986b. 'Patronage and new programs of Byzantine iconography', *The 17th International Byzantine Congress, Major Paper* (New York): 609–38; repr. in idem, *The Byzantine Eye: Studies in Art and Patronage* (London, 1989): № X.
- CORRIGAN, K. 1978. 'The ivory scepter of Leo VI: a statement of post-iconoclastic imperial ideology', *Art Bulletin* 60: 407–16.
- CUTLER, A. 1987. 'Under the sign of the Deesis: on the question of representativeness in medieval art and literature', *DOP* 41: 145–54.
- 1991. 'Stalking the beast: art history as asymptotic exercise', *Word & Image* 7: 223–38; repr. in idem, *Byzantium, Italy and the North: Papers on Cultural Relations* (London, 2000): 1–25.
- 1995. 'Originality as a cultural phenomenon', in A. Littlewood (ed.), *Originality and Innovation in Byzantine Literature, Art and Music* (Oxford): 203–16; repr. in idem, *Byzantium, Italy and the North: Papers on Cultural Relations* (London, 2000): 26–45.
- and OIKONOMIDES, N. 1988. 'An imperial Byzantine casket and its fate at a humanist's hands', *Art Bulletin* 70: 77–87.
- DEMUS, O. 1948. *Byzantine Mosaic Decoration: Aspects of Monumental Art in Byzantium* (London).
- 1950. *The Mosaics of Norman Sicily* (London).
- 1970. *Byzantine Art and the West* (New York).
- 1984. *The Mosaics of San Marco in Venice*, 2 parts in 4 vols. (Chicago).

- DERBES, A. 1996. *Picturing the Passion in Late Medieval Italy: Narrative Painting Franciscan ideologies, and the Levant* (Cambridge).
- and NEFF, A. 2004. 'Italy, the Mendicant Orders, and the Byzantine Sphere', in H. Evans (ed.) *Byzantium: Faith and Power* (New York): 449–61.
- EAGLETON, T. 1996. *Literary Theory: An Introduction* (Oxford, 2nd edn.).
- GOMBRICH, E. 1969. *Art and Illusion: A Study in the Psychology of Pictorial Representation* (Princeton, 2nd edn.).
- GRABAR, A. 1936. *L'Empereur dans l'art byzantin* (Paris).
- 1968. *Christian Iconography: A Study of its Origins* (Princeton).
- HALDON, J. 1984–5. '“Jargon” vs. “the facts”? Byzantine history writing and contemporary debates', *BMGS* 9: 95–132.
- JAMES, L. 1994. 'Monks, monastic art, the sanctoral cycle and the middle Byzantine church', in M. Mullett and A. Kirby (eds.), *The Theotokos Evergetis and Eleventh-Century Monasticism* (Belfast): 162–75.
- 1996. *Light and Colour in Byzantine Art* (Oxford).
- (ed.) 1997. *Women, Men and Eunuchs: Gender in Byzantium* (London).
- 2001. *Empresses and Power in Early Byzantium* (London).
- 2006. 'Byzantine glass mosaic tesserae: some material considerations', *BMGS* 30: 29–47.
- and WEBB, R. 1991. '“To understand ultimate things and enter secret places”: ekphrasis and art in Byzantium', *Art History* 14: 1–17.
- KALAVREZOU, I. 1989. 'A new type of icon: ivories and steatites', in *Constantine VII Porphyrogenitus and his Age* (Athens): 377–6.
- 1994. 'Irregular marriages in the eleventh century and the Zoe and Constantine mosaic in Hagia Sophia', in A. E. Laiou and D. Simon (eds.), *Law and Society in Byzantium, Ninth–Twelfth Centuries* (Washington, DC): 241–59.
- KESSLER, H. 1985. 'Pictorial narrative and church mission in sixth-century Gaul', *Studies in the History of Art* 16: 75–91.
- KINNEY, D. 1982. 'The makings of Byzantine art', *Byzantine Studies/Études byzantines* 9: 316–33.
- KITZINGER, E. 1954. 'The cult of images in the age before Iconoclasm', *DOP* 8: 85–150; repr. in idem, *The Art of Byzantium and the Medieval West: Selected Studies*, ed. W. E. Kleinbauer (Bloomington, 1976): 90–156.
- 1958. 'Byzantine art in the period between Justinian and Iconoclasm', *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress* 4/1. Munich: 1–50; repr. in idem, *The Art of Byzantium and the Medieval West: Selected Studies*, ed. W. E. Kleinbauer (Bloomington, 1976): 157–206.
- 1960. *The Mosaics of Monreale* (Palermo).
- 1966. 'The Byzantine contribution to western art of the twelfth and thirteenth centuries', *DOP* 20: 25–48; repr. in idem, *The Art of Byzantium and the Medieval West: Selected Studies*, ed. W. E. Kleinbauer (Bloomington, 1976): 357–88.
- 1977. *Byzantine Art in the Making: Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art 3rd–7th Century* (Cambridge, Mass.).
- 1990. With S. ĆURČIĆ. *The Mosaics of St Mary's of the Admiral in Palermo* (Washington, DC).
- KRAUTHEIMER, R. 1983. *Three Christian Capitals: Topography and Politics* (Berkeley).

- MACRIDES, R., and MAGDALINO, P. 1988. 'The architecture of ekphrasis: construction and context of Paul the Silentiary's ekphrasis of Hagia Sophia', *BMGS* 12: 47–82.
- MCVEY, K. E. 1993. 'The Sogitha on the church of Edessa in the context of other early Greek and Syriac hymns for the consecration of church buildings', *Aram* 5: 329–70.
- MAGUIRE, H. 1987. *Earth and Ocean: The Terrestrial World in Early Byzantine Art* (London).
- 1989. 'Style and ideology in Byzantine imperial art', *Gesta* 28/2: 217–31.
- 1992. 'Byzantine art history in the second half of the twentieth century', in A. E. Laiou and H. Maguire (eds.), *Byzantium: A World Civilization* (Washington, DC): 119–55.
- 1995. 'Originality in Byzantine art criticism', in A. Littlewood (ed.), *Originality in Byzantine Art, Literature and Music* (Oxford): 101–14.
- MAGUIRE, H. 1996. *Image and Imagination: The Byzantine Epigram as Evidence for Viewer Response* (Toronto).
- MATHEWS, T. F. 1971. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy* (London).
- 1988. 'The sequel to Nicaea II in Byzantine church decoration', *Perkins Journal of Theology* 41/3: 11–21; repr. in *Art and Architecture in Byzantium and Armenia* (Aldershot 1995): № XII.
- 1999. *The Clash of Gods: A Reinterpretation of Early Christian Art*, rev. edn. (Princeton).
- NELSON, R. 1989. 'The discourse of icons, then and now', *Art History* 12/2: 144–57.
- 1996. 'Living on the Byzantine borders of western art', *Gesta* 35/1: 3–11.
- 1999. 'The Chora and the Great Church: intervisuality in fourteenth-century Constantinople', *BMGS* 23: 67–101.
- 2000. 'To say and to see: ekphrasis and vision in Byzantium', in R. Nelson (ed.), *Visuality Before and Beyond the Renaissance: Seeing as Others Saw* (Cambridge): 143–68.
- 2001. 'Byzantine art and the west: an asymmetrical relationship', *XXe Congrès international des études byzantines, Pré-Actes, I: Séances plénières* (Paris): 107–10.
- PALMER, A. 1988. 'The inauguration anthem of Hagia Sophia in Edessa', *BMGS* 12: 117–67.
- RODLEY, L. 1988. 'The architecture of the church at Edessa', *BMGS* 12: 158–67.
- SUMMERS, D. 1989. '“Form”, nineteenth-century metaphysics, and the problem of art historical description', *Critical Inquiry* 15: 372–406.
- THOMAS, T. 1990. 'Orientalism and the creation of early Byzantine style in the East', *Byzantine Studies Conference* 16: 58–9.
- VIKAN, G. 1989. 'Ruminations on edible icons: originals and copies in the art of Byzantium', *Studies in the History of Art* 20: 47–59.
- WEITZMANN, K. 1947. *Illustrations in Roll and Codex: A Study in the Origin and Method of Text Illustration* (Princeton).
- and BERNABÒ, M. 1999. *The Byzantine Octateuchs*, 2 vols. (Princeton).
- WHARTON, A. 1990. 'Rereading *Martyrium*: the modernist and postmodernist texts', *Gesta* 29/1: 3–7.

Углубленное чтение

PODRO, M. 1982. *The Critical Historians of Art* (New Haven).

Глава I.2.6 ИКОНОГРАФИЯ

Кэтлин Корриган

Термин «иконография», в переводе с греческого «образописание», в энциклопедиях и словарях искусства обычно соседствует с «иконологией» (например, Lash 1996), и обе они по определению сводятся к «описательному и классификационному изучению образов с целью понимания прямого или косвенного значения представленного сюжета» (Cassidy 1993; Bialostocki 1963). Наибольшую известность иконографический/иконологический метод приобрел в изложении Панофски, что и легло в основу его *«Иконологических исследований»* (Panofsky 1939). Панофски описал три уровня интерпретации изображений: во-первых, доиконографическое описание, в котором определение лиц и предметов дается на основе общего знакомства его автора с изображаемыми предметами и событиями (например, мужчина, играющий на арфе или женщина, беседующая с крылатым существом); во-вторых, иконографический анализ, в котором вторичный или соответствующий изображению сюжет определяется на основе знания интерпретатором литературных источников, отдельных тем и понятий, а также истории типов изображений (например, мужчина, играющий на арфе, представляет образ Орфея, а женщина, беседующая с крылатым существом, отображает новозаветную историю Благовещения); в-третьих, иконологическая интерпретация, открывающая внутренний смысл или содержание. По словам Панофски, «под ней понимается установление основополагающих принципов, отображающих базовые отношения нации, временного периода, общественного класса, религиозных или философских убеждений, выражаемые одной личностью и сосредоточенные в одной работе».

Хотя иконографический и иконологический анализ долгое время доминировал в работах по истории искусств, в последние годы некоторые исследователи выступили с критикой методики Панофски и предложили изменения к ней (например, Cassidy 1993). Отмечалось также, что не все критики и последователи методики Панофски полностью одобряли ее в деталях. Далее приведены некоторые критические подходы, в рамках которых проводятся текущие научные исследования:

- есть тенденция предпочитать текст изображению – для объяснения изображения ученые ищут соответствующий текстовый документ, и склонны рассматривать изображение скорее как иллюстрацию к тексту, нежели как форму выражения, имеющую свою собственную историю и действующую по своим собственным принципам;
- историки искусств в большей степени склонны опираться на религиозные, философские или литературные источники в противовес текстам более популярного характера, например, басням и песням (Camille 1993);
- они рассматривают изображение как расшифровывающее замысел заказчика и художника и склонны пренебрегать вкладом зрителя в истолкование его смысла;
- окончательная или авторитетная интерпретация изображения дается относительно редко, современные историки искусств предпочитают более гибкие интерпретации и признают многозначность изображений (Bann 2003).

В настоящее время историки искусств близко к сердцу принимают такого рода идеи критиков. Они все еще используют иконографический анализ в качестве инструмента, но многие из рассматриваемых проблем и предположений изменились.

Иконография всегда составляла основу изучения раннехристианского и Византийского искусства. Фактически, с самого начала некоторые из ранних работ по иконографии посвящались христианскому искусству позднеримского и средневекового периодов. Спорить можно лишь по поводу выбора среди многочисленных и важных источников, ставших предметом исследований в области раннехристианской и византийской иконографии.

Раннее христианское искусство, то есть роспись на стенах катакомб и высеченных в камне саркофагов, стало первым объектом изучения иконографов XIX в. Такое искусство состоит в первую очередь из одиночных образов или сюжетов, таких, как оранты (фигуры в молитвенной позе), добрый пастырь, якоря, рыбы, или краткие сюжеты из Св. Писания, как то: история Авраама и Исаака, самаритянка у колодца, Ной и его ковчег. В начале ученых особенно интересовали идентификация и классификация изображений, которые они в большинстве своем относили к I или II векам. Они также попытались сопоставлять изображаемые предметы с описаниями, библейскими и святоотеческими источниками, используя последние для идентификации и пояснения образов (de Rossi 1864–77 и 1857; Didron 1843; Wilpert 1903, 1916 и 1929–36; см. также глава III.16.1. Искусство и текст).

Ученые середины XX в. критически оценивали попытки отыскать какой-либо письменный или святоотеческий источник для каждой сцены или сюжета. Они находили методы, используемые предшественниками, несколько ненаучными и ставили под сомнение дату появления изображений в катакомбах, предпочитая относить их к III в., как это в целом принято сегодня. Таким образом, основополагающим вопросом, интересующим этих ученых стало то, почему христианские живописные образы впервые появились в столь позднее время. Некоторые доказывали, что причиной тому была позиция неприятия изображений, занимаемая частью Церкви раннего периода и одерживавшая верх благодаря давлению со

стороны менее образованных мирян, являвшихся ее членами (Klauser 1958–67; Kitzinger 1954). Андре Грабар предполагал, что эксперименты в области иконографии, относящиеся к раннему периоду существования Церкви, могли явиться ответом на существующее изобразительное искусство конкурирующих религиозных течений, таких, как иудаизм и даже манихейство (Grabar 1968). Позже ученые предположили, что ранняя Церковь не обязательно отрицала изображения, и что христиане могли использовать изобразительное искусство и до III в., но оно было иконографически неотличимо от прочих изображений их современников (Murray 1977, 1981; Finney 1977, 1994; Jensen 2000).

Еще один вопрос касается возникновения и развития христианской иконографии. Со времен Константина Великого и до эпохи правления Юстиниана (с IV по VI вв.) развивалась более сложная и тщательно проработанная система образов, которая большей частью и легла в основу византийской иконографии. На протяжении этого периода распространение получили ветхо- и новозаветные повествования, равно как и более абстрактные или символические изображения, выражающие различные догматы Церкви, а также иконографические изображения Христа, Богородицы и святых (*ODB*: ‘Old Testament Illustration’, ‘New Testament Illustration’; Kitzinger 1977, 1980; Weitzmann 1979). Также развитие получили различные техники визуального представления, как то: иллюстрированное повествование; типология, то есть сопоставление сцен из Ветхого и Нового Завета или даже двух сцен из Нового Завета, или сочетание элементов различных текстовых и иллюстрированных источников для создания сложных визуальных рядов. Ученые занимались не только описанием этих новых изобразительных форм, но также определением источников и процессов, используемых в их создании. Особый интерес представлял вопрос о том, как и до какой степени христианская иконография основывалась на языческой (Klauser 1958–67), имперской римской (Grabar 1968; Mathews 1993) и еврейской (Goodenough 1953–68, 1962; Weitzmann and Kessler 1990; Gutmann 1984). В отношении иллюстраций к рукописям Курт Вейцман с некоторыми из своих студентов исследовал то, какие библейские тексты были снабжены рисунками в течение раннехристианского периода, зачастую опираясь на средневизантийские (IX–X вв.) экземпляры, которые, как они полагали, вели свое происхождение от раннехристианских образцов (к примеру, Weitzmann 1947, 1975, Weitzmann and Bernabò 1999; см. также главы I.2.5. Критические подходы в истории искусств и II.8.7. Изготовление книг).

С VII по IX вв. в центре дискуссий оказались такие вопросы как влияние на византийское искусство иконоборства и теория изображений (см. глава III.16.4. Искусство и иконоборство). Малочисленность работ, датируемых периодом иконоборства, создавала сложности при отслеживании процесса иконографического развития и заставила ученых заинтересоваться, в какой степени в иконографии (так же, как в стилистике и технике) выражена преемственность между работами, созданными до и после иконоборства (Cormack 1977; Kitzinger 1988; Grabar 1957). Поскольку современные ученые, кажется, менее заинтересованы в описании развития иконографии на протяжении длительных периодов, данный вопрос на сегодняшний день затрагивается в меньшей степени. Внимание ученых в настоящее время сосредоточено на том, как дебаты о природе Христа и изобра-

зимости божественного, равно как и политическое окружение эпохи иконоборства, послужили созданию новой иконографии и новых стратегий визуального представления (Barber 2002; Brubaker 1999; Cormack 1985; Corrigan 1988, 1992; Kartsonis 1986).

К IX в. византийская иконография, в особенности основанная на Новом Завете, стала полностью стандартизированной. Это, конечно, было отчасти благодаря теории изображений, получившей развитие во время иконоборского противостояния. Изображения, то есть, библейские картины, а также иконографические изображения Христа, Богородицы и святых считались состоящими в особой связи со своими прототипами. Установившиеся иконографические каноны имели силу традиции и не подлежали изменению без веской причины. Тем не менее, хотя традиций в иконографии придерживались твердо, в ней находили свое выражение новые идеи и по-новому разрабатывались старые сюжеты. Один путь заключался в комбинировании, сопоставлении или модификации традиционных образов. Ученых сегодня интересует то, в какой мере значение изображений зависит от контекста, в котором они находятся и функции, которую выполняют; предпринимаются своего рода попытки почувствовать (как, предположительно, чувствовал это византийский зритель) новые значения, происходящие от неуловимых иконографических изменений или в результате новых сопоставлений сцен или мотивов. Так, много внимания уделялось размещению традиционных изображений (например, сцен праздников) в церковной росписи. И если анализ средневизантийской церковной росписи, проведенный в середине XX в. Демусом (Demus 1948) был нацелен на определение «классической системы» размещения изображений, современных ученых больше интересуют ее вариации – многозначность, создаваемая различными расположениями, комбинациями и разнообразием обстоятельств, в которых рассматривались изображения (к примеру, Maguire 1981, 1987, 1998; см. также глава II.7.4. Стенная роспись и мозаика).

Но в иконографии средневизантийского периода были и новые направления. К примеру, значимые нововведения появились в иконографии Страстей Христовых, где разрабатывались новые сюжеты, как то: погребальный тренос (плач), Муж Скорбей. Эти и другие ранее существовавшие изображения отныне представлялись с большей эмоциональностью (Pallas 1965; Belting 1980–1). Интерес к контексту, в данном случае к литургии, позволил ученым понять, как развивалась и воздействовала на зрителя новая иконография. Он также вызвал непрекращающиеся дискуссии по поводу иконографической планировки в различных частях византийской церкви (например, притворе или алтаре) в средний и поздний периоды существования Византии.

Что касается такого носителя изображений как рукопись, средневизантийская эпоха, в особенности XI и XII вв., была плодотворным периодом развития новой иконографии. С целью иллюстрации библейских, монастырских и литургических текстов, таких как Октатеух, Евангелия, Книга Царств, Лествица прп. Иоанна Лествичника, Повесть о Варлааме и Иоасафе, создавались целые циклы изображений. Системы изображений разрабатывались также для различных литургических книг. И снова смена подходов позволила ученым распознать

эти иконографические нововведения, то есть ученые стали меньше интересоваться отслеживанием происхождения сохранившихся циклов изображений средневизантийского периода от более ранних источников и больше заботятся о понимании их непосредственно в средневизантийском контексте (Lowden 1992; Dolezal 1998).

История иконографического представления Христа и Св. Девы Марии еще одна важная тема для изучающих раннехристианскую и византийскую иконографию. Это непростая история, граничащая с теологией и теориями представления. Особенно важна для иконографии история различных иконографических «типов» Христа и Богородицы, появляющихся в византийском искусстве (к примеру, Христос Пантократор, Умиление). Когда создавались эти типы, как они получили свои названия, как соотносятся название типа и его иконография, и конечно то, каково более глубокое значение этих разнообразных иконографических типов – все это важные вопросы, подлежащие обсуждению (*ODB*: ‘Christ’ and ‘Virgin Mary’; Belting 1994; Kessler and Wolf 1998; Pentcheva 2006; Vassilaki 2000; а также глава III.16.5. Иконы).

Следует отличать иконографию святых в византийском искусстве от той, которую мы обнаруживаем в искусстве средневекового Запада, где основное внимание уделялось портретным изображениям, а не повествовательным циклам. К раннехристианскому периоду относятся несколько кратких «мученических» циклов, встречавшихся в гробницах некоторых мучеников, а начиная с XII в. агиографические циклы изображений святых появляются в монументальной живописи и на иконах, созданных по мотивам житий (*ODB*: ‘Hagiographical Illustration’; Ševčenko 1983). С другой стороны, размещать единичные, стандартизированные портретные изображения сцен мученичества даже в рукописях житий святых (менологиях и синаксарях) становится обыкновением (Ševčenko 1990). Как это было и в случае с изображениями к Новому Завету, обсуждавшемся выше, в период после иконоборства иконография портретных изображений святых стала стандартизированной, сами они – ясно узнаваемыми, выдерживалась их связь с прототипом. В этом случае также центром внимания иконографического исследования становится выбор изображений святых и их месторасположение в храме (Maguire 1996).

Имперская иконография раннехристианского периода продолжает разрабатывать многие темы, которые можно обнаружить и в позднеримском имперском искусстве, к примеру, индивидуальные портреты императоров и императриц, священные изображения императора и прочих государственных официальных лиц и церемоний. Арка Константина Великого, к примеру, содержит в числе украшающих ее фризов изображения *adlocutio*, *largitio* и *profectio*, а на основании обелиска Феодосия I есть роспись, изображающая его самого, восседающего в своей ложе на ипподроме в Константинополе. Так же и скульптурные колонны Феодосия и Аркадия в Константинополе, созданные по образцу колонн Траяна и Марка Аврелия в Риме продолжили давние традиции изобразительного искусства на военную тематику. Одним из основных вопросов, стоявших перед исследователями этого периода был вопрос о преемственности в отношении римского прошлого и влиянии христианства на иконографию имперских портретов и сцен.

Ко времени Юстиниана имперское искусство полностью усвоило христианскую символику, и византийский император представлялся как глава христианского государства, назначенный Богом (Grabar 1936; MacCormack 1981; MacCormick 1986).

Имперская иконография среднего и позднего византийского периодов гораздо более ограничена по своему охвату и включает, в первую очередь, портреты на всех видах носителей, включая монеты и печати. Единственной работой иконографа было распознавать различные одеяния и знаки отличия императора и его двора, расшифровывая их значения (Parani 2003; Grierson and Bellinger 1966–99; Nesbitt and Oikonomides 1991). Стандартизация в имперской иконографии вдохновила ученых попытаться понять значение небольших изменений в одеяниях, знаках отличия, позах, жестах и расположении образов и постараться соотнести их с политической, династической, религиозной значимостью представленных личностей (Kalavrezou 1994; см. также глава III.9.1. Император и двор).

Изображение языческих богов и мифологических предметов образует еще одну сферу, в которой со всей очевидностью представляется важным отношение к греко-римскому прошлому. Долгое время ученых занимал вопрос преемственности или отсутствия таковой между римским и раннехристианским, византийским периодами, для иконографических изображений и их значений. Относительно раннехристианского периода ученые интересовались тем, до какой степени сохранилась языческая иконография, как изменялись ее значения, как и до каких пределов она использовалась христианами (Hanfmann 1980). В целом эти вопросы тесно связаны с проблемой языческо-христианского взаимодействия в IV в., по которой имеется значительное количество специальной литературы. Современный интерес к многозначности образа и взаимоотношению иконографии и культурной идентичности заставил ученых несколько иначе взглянуть на эту проблему (Elsner 1995; Shelton 1981).

Также преобладающим в исследованиях средневизантийского периода был вопрос сохранения или возрождения иконографии времен языческого прошлого. Многочисленные работы Курта Вейцмана, касающиеся этой проблемы, включая его авторитетную статью о «Македонском Ренессансе» середины X в., задали параметры данной дискуссии. Он привлек внимание к использованию классических персонификаций и мифологических сцен в рукописях и прочих носителях, к иллюстрации некоторых «первично научных» классических текстов (Weitzmann 1951, 1971a, 1971b). В то время, когда средневековый «Ренессанс» был важной темой научных дискуссий (Panofsky 1960; Kitzinger 1940, 1977), Вейцман склонен был скорее показывать, как византийское искусство и культура сохранили и передали Западу работы классической античности. Позже ученые обращались к идее Ренессанса X в. и предпочитали сосредотачивать внимание на значениях, присущих классическим сюжетам и мотивам, в их византийской трактовке (Cutler 1974; Kalavrezou-Maxeiner 1985). Изучающие византийскую иконографию могут обратиться к практическим руководствам и энциклопедиям классической мифологии и открыть для себя изначальные значения таких сюжетов (см.: *Lexicon Iconographicum Mythologia Classica*), а затем попробовать по-

нять их в византийском контексте. Даже просто дать определение лиц и событий, которые, вероятно, ведут происхождение от классической языческой традиции, может быть нелегкой задачей, поскольку, в отличие от христианской иконографии, неповторяемость и узнаваемость в ней считались не всегда важными.

ЛИТЕРАТУРА

- BANN, S. 2003. 'Meaning/Interpretation', in R. Nelson and R. Schiff (eds.), *Critical Terms for Art History* (Chicago): 128–42.
- BARBER, C. 2002. *Figure and Likeness: On the Limits of Representation in Byzantine Iconoclasm* (Princeton).
- BELTING, H. 1980–1. 'An image and its function in the Liturgy: the Man of Sorrows in Byzantium', *DOP* 34–5: 1–16.
- 1994. *Likeness and Presence: A History of the Image before the Era of Art*, trans. E. Jephcott (Chicago).
- BIALOSTOCKI, J. 1963. 'Iconography and iconology', *Encyclopedia of World Art*, vol. 7: 769–85 (New York).
- BRUBAKER, L. 1999. *Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium: Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus* (Cambridge).
- CAMILLE, M. 1993. 'Mouths and meanings: towards an anti-iconography of medieval art', in Cassidy, 1993: 43–58.
- CASSIDY, B. (ed.) 1993. *Iconography at the Crossroads* (Princeton).
- CORMACK, R. 1977. 'The arts during the Age of Iconoclasm' and 'Painting after Iconoclasm', in A. Bryer and J. Herrin (eds.), *Iconoclasm* (Birmingham): 35–44, 147–63.
- 1985. *Writing in Gold: Byzantine Society and its Icons* (London).
- CORRIGAN, K. 1988. 'The witness of John the Baptist on an early Byzantine icon in Kiev', *DOP* 42: 1–11.
- 1992. *Visual Polemics in the Ninth-Century Byzantine Psalters* (Cambridge).
- CUTLER, A. 1974. 'The "mythological" bowl in the Treasury of San Marco at Venice', in D. K. Kouymjian (ed.), *Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History: Studies in Honor of George C. Miles* (Beirut): 235–54.
- DEMUS, O. 1948. *Byzantine Mosaic Decoration: Aspects of Monumental Art in Byzantium* (London).
- DIDRON, A. N. 1843. *Iconographie chrétienne* (Paris).
- DOLEZAL, M. L. 1998. 'Manuscript studies in the twentieth century: Kurt Weitzmann reconsidered', *BMGS* 22: 216–63.
- ELSNER, J. 1995. *Art and the Roman Viewer: The Transformation of Art from the Pagan World to Christianity* (Cambridge).
- FINNEY, P. C. 1977. 'Antecedents of Byzantine iconoclasm: Christian evidence before Constantine', in J. Gutmann (ed.), *The Image and the Word* (Missoula): 27–47.
- 1994. *The Invisible God: The Earliest Christians on Art* (New York).
- GERSTEL, S. 1999. *Beholding the Sacred Mysteries: Programs of the Byzantine Sanctuary* (Seattle).

- GOODENOUGH, E. 1953–68. *Jewish Symbols in the Greco-Roman Period*, 13 vols. (New York).
- 1962. ‘Catacomb Art’, *Journal of Biblical Literature* 81: 113–42.
- GRABAR, A. 1936. *L’Empereur dans l’art byzantin; recherches sur l’art officiel de l’empire d’Orient* (Paris).
- 1957, 1984 (2nd edn.). *L’Iconoclasme byzantin: dossier archéologique* (Paris).
- 1968. *Christian Iconography: A Study of its Origins* (Princeton).
- GRIERSON, P., and BELLINGER, A. R. (eds.) 1966–99. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*, 5 vols. (Washington, DC).
- GUTMANN, J. 1984. ‘Early synagogue and Jewish catacomb art and its relation to Christian art’, *ANRW II*. 21. 2: 1313–42 (Berlin).
- HANFMANN, G. 1980. ‘The continuity of classical art: culture, myth, and faith’, in K. Weitzmann (ed.), *Age of Spirituality: A Symposium* (New York): 75–99.
- JENSEN, R. M. 2000. *Understanding Early Christian Art* (London – New York).
- KALAVREZOU, I. 1994. ‘Irregular marriages in the eleventh century and the Zoe and Constantine Mosaic in Hagia Sophia’, in A. E. Laiou and D. Simon (eds.), *Law and Society in Byzantium: Ninth–Twelfth Centuries* (Washington, DC): 241–59.
- KARTSONIS, A. 1986. *Anastasis: The Making of an Image* (Princeton).
- KESSLER, H., and WOLF, G. 1998. *The Holy Face and the Paradox of Representation* (Bologna).
- KITZINGER, E. 1940. *Early Medieval Art in the British Museum* (London).
- KITZINGER, E. 1954. ‘The cult of images in the age before Iconoclasm’, *DOP* 8: 83–150; repr. in idem, *The Art of Byzantium and the Medieval West: Selected Studies*, ed. W. E. Kleinbauer (Bloomington, 1976): 90–156.
- 1977. *Byzantine Art in the Making: Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art, 3rd–7th Century* (London).
- 1980. ‘Christian imagery: growth and impact’, in K. Weitzmann (ed.), *Age of Spirituality: A Symposium* (Princeton): 141–63.
- 1988. ‘Reflections on the feast cycle in Byzantine art’, *Cahiers archéologiques* 36: 51–73.
- KLAUSER, T. 1958–67. ‘Studien zur Entstehungsgeschichte der christlichen Kunst’, *Jahrbuch für Antike und Christentum* 1: 20–51; 2: 115–45; 3: 112–33; 4: 128–45; 5: 118–24; 6: 71–100; 7: 67–76; 8–9: 126–79; 10: 82–120.
- LASH, W. F. 1996. ‘Iconography and iconology’, *Grove Dictionary of Art* (London), vol. 15: 89–98.
- LOWDEN, J. 1992. *The Octateuchs: A Study in Byzantine Manuscript Illustration* (University Park, Pa.).
- MACCORMACK, S. 1981. *Art and Ceremony in Late Antiquity* (Berkeley).
- MCCORMICK, M. 1986. *Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West* (Cambridge).
- MAGUIRE, H. 1981. *Art and Eloquence in Byzantium* (Princeton).
- 1987. *Earth and Ocean: The Terrestrial World in Early Byzantine Art* (University Park, Pa.).
- 1996. *The Icons of their Bodies: Saints and their Images in Byzantium* (Princeton).
- 1998. ‘The cycle of images in the Church’, in L. Safran (ed.), *Heaven on Earth: Art and the Church in Byzantium* (University Park, Pa.): 121–51.

- MATHEWS, T. F. 1993. *The Clash of Gods: A Reinterpretation of Early Christian Art* (Princeton).
- MURRAY, C. M. 1977. 'Art and the early church', *JTS*, NS 28: 304–45.
- 1981. *Rebirth and Afterlife: A Study of the Transmutation of Some Pagan Imagery in Early Christian Art* (Oxford).
- NESBITT, J., and OIKONOMIDES, N. 1991. *Catalogue of Byzantine Seals*, 5 vols. (in progress) (Washington, DC).
- PALLAS, D. 1965. *Die Passion und Bestattung Christi in Byzanz. Der Ritus—das Bild* (Munich).
- PANOFSKY, E. 1939. *Studies in Iconology* (New York).
- 1960. *Renaissance and Resuscitations in Western Art* (Copenhagen).
- PARANI, M. 2003. *Reconstructing the Reality of Images: Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th–15th Centuries)* (Leiden–Boston).
- PENTCHEVA, B. 2006. *Icons and Power: The Mother of God in Byzantium* (University Park, Pa.).
- ROSSI, G. B. DE 1857. *Inscriptiones christianae urbis Romae* (Rome).
- 1864–77. *La Roma sotterranea cristiana* (Rome).
- ŠEVČENKO, N. P. 1983. *The Life of St. Nicholas in Byzantine Art* (Turin).
- 1990. *Illustrated Manuscripts of the Metaphrastian Menologion* (Chicago – London).
- SHELTON, K. 1981. *The Esquiline Treasure* (London).
- VASSILAKI, M. 2000. *Mother of God: Representations of the Virgin in Byzantine Art* (Athens – Milan).
- WEITZMANN, K. 1947. *Illustrations in Roll and Codex: A Study of the Origin and Method of Text Illustration* (Princeton).
- 1951. *Greek Mythology in Byzantine Art* (Princeton).
- 1971a. 'The classical heritage in the art of Constantinople', in H. Kessler (ed.), *Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination* (Chicago; orig. pub. 1954): 126–50.
- 1971b. 'The character and intellectual origins of the Macedonian Renaissance', in H. Kessler (ed.), *Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination* (Chicago; orig. pub. 1963): 176–223.
- 1975. 'The selection of texts for cyclic illustration in Byzantine manuscripts', in *Byzantine Books and Bookmen* (Washington, DC): 69–109.
- (ed.) 1979. *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century* (New York).
- and BERNABÒ, M. 1999. *The Byzantine Octateuchs* (Princeton).
- and KESSLER, H. 1990. *The Frescoes of the Dura Synagogue and Christian Art* (Washington, DC).
- WILPERT, J. 1903. *Die Malereien der katakomben Roms* (Freiburg im Breisgau).
- 1916. *Die römischen Mosaiken und Malereien der kirchlichen Bauten vom IV. bis XIII. Jahrhundert* (Freiburg im Breisgau).
- 1929–36. *I sarcofagi cristiani antichi* (Rome).

Углубленное чтение

В представленном списке нет ни одного авторитетного источника по раннехристианской и византийской иконографии, хотя есть ряд перечисленных ниже словарей и энциклопедий, которые содержат важные статьи. Также полезны статьи таких вышеупомянутых авторов как Bann 2003; Bialostocki 1963; Lash 1996. Иногда, однако, сильные места могут содержаться в монографиях, посвященных отдельным памятникам (например, Mouriki 1985; Hadermann-Misguich 1975; Underwood 1966–75), и в описании собрания на специфическом носителе (например, Kalavrezou-Maxeiner 1985), или в нескольких последних выставочных каталогах представленных ниже. Студентам также следует обращаться к Принстонскому индексу христианского искусства (the Princeton Index of Christian Art), который теперь доступен on line, и который систематически пополняется византийским материалом.

EVANS, H. (ed.) 2004. *Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York).

— and WIXOM, W (eds.) 1997. *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261*. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York).

HADERMANN-MISGUICH, L. 1975. *L'Église St Georges de Kurbinovo* (Brussels).

KALAVREZOU-MAXEINER, I. 1985. *Byzantine Icons in Steatite*, 2 vols. (Vienna).

KUNSTLE, K. 1926–8. *Ikonographie der christlichen Kunst* (Freiburg im Breisgau).

MILLET, G. 1916. *Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIVe, XVe et XVIe siècles* (Paris).

MOURIKI, D. 1985. *The Mosaics of the Nea Moni of Chios* (Athens).

SCHILLER, G. 1971–80. *Ikonographie der christlichen Kunst* (Gutersloh; first 2 vols. trans, into English by Janet Seligman, New York 1972).

UNDERWOOD, P. 1966–75. *The Kariye Djami*, 4 vols. (New York).

Энциклопедии со статьями по раннехристианской и византийской иконографии

Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. 1907–53. F. Cabrol, H. Leclercq (eds.), 15 vols. (Paris).

Dictionary of the Middle Ages. 1982–2004. J. R. Strayer (ed.), 14 vols. (New York).

Enciclopedia dell'arte medievale. 1991–2002. A. Romanini (ed.), 12 vols. (Rome).

Encyclopedia of Early Christianity. 1997. E. Ferguson (ed.), 2 vols. (New York, 2nd edn.).

Lexicon Iconographicum Mythologiae Classica. 1981–99. J. Boardman (ed.) (Zurich).

Lexikon der christliche Ikonographie. 1968–76. E. Kirschbaum (ed.), 8 vols. (Freiburg).

Oxford Dictionary of Byzantium. 1991. A. P. Kazhdan (ed.), 3 vols. (New York).

Reallexikon für Antike und Christentum. 1950. T. Klauser (ed.), 15 vols. in progress (Stuttgart); (<http://217.160.73.214/doelger/>).

Reallexikon zur byzantinischen Kunst. 1966. K. Wessel, M. Restle (eds.), 6 vols. in progress (Stuttgart).

Глава I.2.7 ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Панайотис А. Агапитос

Определенная целенаправленная попытка применить для литературного понимания текстов, написанных в Византии, литературную критику, отчасти при поддержке литературной теории, была сделана только в последние тридцать лет. Причиной такой задержки была нехватка различных основополагающих филологических инструментов (грамматик, словарей, критических изданий, комментариев, переводов), а также и нежелание специалистов признать, что византийские тексты могут иметь самостоятельное литературное значение, отличное от их ценности как исторического или культурологического документа. Поэтому нет ничего удивительного в том, что первые усилия в этой области были направлены на тексты, которые легче вписывались в современные концепции литературы, как, например, романы. Но даже и эти первые попытки литературной интерпретации достаточно ясно показали, что византийские тексты сверх того, что они выполняли различные функции в конкретных культурных условиях их возникновения, являлись ценными и в литературном смысле, и что стремление к их пониманию весьма способствует более точной оценке византийской культуры как таковой. Огромное и разнообразное количество литературных произведений Византии бросает настоящий вызов критикам, желающим дать толкование средневековых греческих текстов с литературной точки зрения. Есть и две еще более широкие сферы, которые критики находят полезным подвергнуть интерпретации: во-первых, собственно византийские концепции литературы и литературный критицизм, и, во-вторых, инструменты, предоставляемые в распоряжение критиков современной литературной теорией. Тем не менее обе сферы требуют обращения к ним с определенной долей осторожности.

К примеру, власть и подражание (Hunger 1969–70; Kustas 1973; Ševčenko 1981) являются двумя средневековыми концепциями, противоречащими современным понятиям о творчестве в искусстве. Средневековые тексты по большей части писались под «властью» покровителя (правителя, епископа, ученого-коллеги или даже святого) и в большинстве своем создавались в качестве подражания старинным образцам. Эти концепции, внедряемые на уровне обучения и посредством

каждодневных упражнений в риторике, сформировались как результат метакультурной и металингвистической идеологии, которая не способствовала оригинальности в романтическом смысле этого понятия. Однако эти ограничительные концепции в значительной мере способствовали развитию творческого подхода, так как они заставляли авторов бросать вызов канонам и вводить новшества, претендуя на то, что они делают не так, как принято.

Роль текста в условиях рукописной культуры – еще одно затруднение, с которым приходится сталкиваться современному критику. Средневековый текст является частью рукописной книги, но в то же время, сама эта книга является полноправным текстом. План книги, содержание, орнамент, заметки на полях представляют собой часть ее текста, и его правильная интерпретация состоит в оценке этого сложносоставного единства слова и его материального представления. Когда Иоанн Мавропод в конце XI в. готовил для публикации подборку своих произведений (стихотворений, писем, слов), книга была сделана таким образом, что содержала вводный материал (стихотворения, содержание) и представляла отдельные работы как единое целое (рукопись существует и по сей день: Vat. gr. 676). Подобный манускрипт-сборник, созданный при дворе Ласкаридов в Никее в XIII в. (Florence, Laur., Conv. Soppr. 627) включает на первый взгляд несвязанные между собой тексты, которые при ближайшем рассмотрении оказываются влияющими друг на друга и таким образом отражают литературные вкусы, характерные для того исторического момента. В рамках рукописной культуры критик сталкивается с постоянством и единственностью каждой отдельной рукописи, но изменчивостью и множественностью существующих копий и вариантов каждого текста. Так, манускрипт-сборник начала XVI в. (Naples, Bibl. Naz. III Aa 9) представляет собой собрание местных литературных произведений поучительного характера, объединенных с целью воспитания юноши. Несвязанные тексты (датируемые XII–XIV вв. и встречающиеся также в других сборниках) были отобраны с целью создания нового текста. Подобным же образом, шесть проповедей о Богородице Иакова Коккинобафа сохранились в виде двух тождественных иллюстрированных манускриптов XII в. (Paris, BN gr. 1208 и Vat. Gr. 1162), в которых текст и изображение формируют единое целое. В этом смысле средневековый текст – это одновременно и частный, и публичный образ. К примеру, надписи, относившиеся к предметам или зданиям (Hörandner 1992; Talbot 1999), или же сопровождавшие портрет автора в рукописи (к примеру, Михаил II Палеолог в рукописи Par. BN Suppl. gr. 309), предназначались для того, чтобы их читали и рассматривали одновременно, устанавливая особое понятие о визуальной текстуальности у читателя/зрителя.

Особенностью образования в области средневековой литературы является необходимость изучать восприятие литературы и процесса ее создания непосредственно византийцами. Даже беглый взгляд на имеющиеся факты убеждает, что в Византии уделяли большое внимание обучению и чтению. Так, полководец Кекавмен в XI в. советует своему сыну быть разборчивым в чтении (Litavrin 1972: 154, 212, 240), тогда как поэт Мануил Фил в XIV в. дает наставления по поводу того, как читать эротический роман (Knös 1962). Во многих случаях византийцы критически отзывались о том, что читали, позволяя нам бросить беглый взгляд на

тот или иной вопрос, касающийся их литературного вкуса. К примеру, Михаил Пселл характеризует императора Льва VI как достаточно холодного, скучного автора посредственных нравоучений (Aerts 1990: 90. 13–19), тогда как Константин Акрополит в конце XIII в. обижается на провокационно написанный сатирический диалог XII в. под названием «*Тимарион*» (Romano 1991: 180–1). Такие читательские отзывы обуславливают необходимость авторского самопредставления как способа предвратить критику. С одной стороны, св. Феофан Исповедник поясняет читателям своей «*Хронографии*», что ничего не написал от себя (de Boor 1883: 4. 12–15), с другой стороны, Никифор Васиlaki в XII в. составляет обширный пролог к одному из изданий своих работ, в котором излагает свои взгляды на литературу и оправдывает использование крайне экстравагантного и манерного стиля (Garzya 1984: 1–9). Византийцы также придавали особую важность публичному представлению работы, связывая ее литературные качества с ее возможным исполнением. Так, Пселл хвалит монаха Крустула как оратора, потому что тот, подобно настоящему актеру, с успехом выступил со своей речью (Littlewood 1985: 141–3), тогда как Михаил Итал подчеркивает литературное качество письма, указывая на силу своего собственного прочтения его вслух (Gautier 1972: 153–4). Такие сделанные при случае замечания по поводу их собственных литературных произведений дают основания для того, чтобы отнести значительные по своим объемам собрания текстов к разряду византийской литературной критике в широком понимании этого термина. В большинстве случаев такие тексты писались в рамках школьной программы или как филологический труд и касались толкования древнегреческой литературы. Такие тексты (схолии, комментарии, эссе, лекции) крайне важны для понимания византийского способа восприятия литературы. Прочитывая, к примеру, схолии, сопровождающие издания древних трагиков (Smith 1996), современный критик сможет сформировать мнение о литературных и филологических занятиях в различные периоды существования средневековой и поздней Византии. А споры относительно античной метрики больше, чем в половине случаев, смогут приоткрыть для нас средневековые понятия ритмической структуры, столь отличной от античных форм (Hörandner 1995; Lauxtermann 1998). Подобным же образом исследования различных текстов в разное время позволяет критикам выявлять важные изменения литературных вкусов и эстетических оценок древней литературы. К таким случаям относятся эволюция понятия «драма», применяемого в IX в. Фотием к античному роману и ведущего посредством реинтерпретации трагедии к повторному появлению романа уже как «риторической драмы» в XII в. (Agapitos 1998a), или изменение вкусов, отразившееся в написании агиографических произведений (Nägg 1999). Критические эссе византийских писателей на более давних авторов (такие писал Пселл о творчестве Иоанна Златоуста (Hörandner 1996) и Феодор Метохит об Иоанне Златоусте и Синезии (Hult 2002)) важны для понимания собственного подхода средневековых авторов к литературной композиции.

Не менее важной представляется и византийская концепция жанра – сфера, которой современные ученые уделяли мало внимания. Однако более пристальное исследование того, что византийцы могли сказать по поводу жанра и того, каким образом они составляли тексты, принадлежавшие к старинным жанрам

(к примеру, эпистолография и историография) показывает устойчивую тенденцию к одновременному использованию традиционного и нового или к экспериментам в области смешения жанров и отклонения от них. В качестве примера различных жанровых подходов могут быть выбраны две обширные категории произведений. Первая категория подразумевает похоронную литературу. Хотя сами термины, обозначающие похоронные жанры античности (плачи, эпитафии, групповые или индивидуальные надгробные речи, обращения с соболезнованиями) сохранились, их значение и структура изменились до такой степени, что они полностью вытеснили традиционные риторические образцы (Agapitos 2003). Попытка воспринимать эти тексты исключительно как бесконечные вариации на одну и ту же тему ведет к отсутствию понимания возможностей развития данного жанра в рамках концепции подражания. Вторая категория включает тексты, отображающие автобиографический дискурс. И хотя в старину не было такого жанра, как автобиография, византийцы развивали устойчивый дискурс самопредставления, выходящего за общепринятые жанровые границы, создавая новые способы написания историографических, проповеднических, агиографических работ, а также завещаний и прочих «нелитературных» документов (Angold 1998; Hinterberger 1999).

Столкнувшись с обширным комплексом византийской литературы и критическим дискурсом, изучающие средневековую греческую литературу должны будут обратиться к литературной теории, если не хотят остаться в границах позитивистского и эмпирического подходов. Очевидно, что современная литературная теория, за некоторыми исключениями, имела отношение лишь к современной литературе. Это делает невозможным точное применение какой-либо части теории по причине больших социально-культурных различий между средневековым и современным процессами создания текста. Тем не менее понятия метакультуры и метаязыка, столь распространенные повсюду в византийской литературе, также типичны для модернистской и постмодернистской литературы, что и позволяет применять критические подходы, используя напряженность, существующую в искусстве между каноническими работами и их антагонистами.

Последний подраздел данной главы имеет целью представить различные литературные теории, с указанием характерных примеров исследований, которые велись в рамках этих теорий применительно к византийской литературе. Одно из таких направлений – социо-историческое исследование текстов. Так, отношения между литературой и обществом, изображаемые в литературных текстах, дают ключ к созданию образов в искусстве в масштабах всего византийского общества, идет ли речь о том, как воспроизводится социальная история в Житиях святых (Patlagean 1968) или о том, как риторика становится инструментом политической пропаганды (Odorico 1983). Исторический анализ также является подходом, полезным для понимания изменений в византийском обществе, к примеру, смены литературного образа придворного писателя (Magdalino 1997) или развития автобиографического рассуждения (Angold 1998). Новый историзм дает, в частности, столь важное понимание социальных и эстетических функций текстов в системе литературных и политических связей, как в случае с эпистолографией (Mullett 1997).

Еще одно направление – изучение текстуальности и поэзии. Здесь особо важно появление автора как литературного персонажа, к примеру, историографа как действующего лица в его собственном произведении (Любарский 1991) или эпистолога как создателя своего собственного риторического персонажа (Ραραϊοαννου 2000). Особенно показательно изучение постоянства византийских авторов в представлении текста визуально, как в случае с повествовательными отрывками романов (Agapitos 1999) или визуальных образов в виде текста, как в случае с описаниями зданий или предметов искусства (James and Webb 1991; Webb 1999), что способствует более глубокому пониманию средневековой поэзии. В таком контексте очень важно изучение стилистики, так же как и исследование разнообразных путей применения многочисленных стилистических уровней разными авторами, работающими в одном жанре (Hunger 1978) или одним автором, пишущим в различных жанрах (Hörandner 1993). Стилль может повлиять на текст путем использования ниспровергающего дискурса, в особенности это верно для случаев, когда социальный или политический критицизм излагается в форме хвалы, как в *«Хронографии»* Пселла (Любарский 1978; Kaldellis 1999) или *«Тимарионе»* (Alexiou 1982–3). Изучение ритма также способствует пониманию эстетики византийской литературы, как в отношении ритмической организации прозы (Duffy 1999), так и в отношении метрики квантитативного и тонического стихосложения (Lauxtermann 1999).

Обратимся к более широко применяемым подходам. Одной из сфер, в которых возможен плодотворный анализ, является тематика произведений, к примеру, ландшафт, как один из мотивов романа (Littlewood 1979), сказочная тема в агиографических произведениях (Guidorizzi 1983) или похищение невесты в героической поэзии (Mackridge 1993). Подобным же образом формализм и структурализм представляют собой тонкие инструменты для понимания литературной «механики» составляющих текста. Такие подходы применялись к изучению сновидений в романах эпохи Комнинов (MacAlister 1996, на основании работ Бахтина) или функций персонажей в романах эпохи Палеологов (Алексидзе 1979, с использованием работ Проппа). Они также обусловили прочтение историографического дискурса, к примеру, стереотипной работы Иоанна Малалы (Любарский 1982) или весьма нетрадиционной работы Никиты Хониата (Kazhdan and Franklin 1984). Очевидно, что изучение структуры является важной частью нарратологии, а теоретическое обоснование применялось при изучении различных видов текста, таких как гимны св. Романа Сладкопевца (Barkhuizen 1986, на основании работ Успенского), историографических и риторических произведений (Cupane 1997, с использованием работ Дженетт) или любовных романов (Agapitos 1991 и Nilson 2001, на основе широкой выборки теоретических моделей).

Важность метаязыка и возможностей представления в византийской литературе позволяют творчески применять подходы, ориентированные на читателя. Межтекстуальность является великолепным инструментом для оценки сложностей подражания, к примеру, при разборе литературных ссылок у Анны Комнины (Reinsch 1998) или трансгрессивного диалога с литературным каноном жанра (Agapitos 1998b), тогда как теория общего восприятия помогает объяс-

нить особые отношения между текстом и аудиторией в средневековой Византии, характерные, например, для агиографии (Reinsch 1991) или народного романа (Ciprane 1995). Отношение текста и аудитории играет в Византии важную роль в формировании массовых образов «я» и пола. В этом смысле, психоаналитические подходы, такие как изучение ментального пространства у Кекавмена и в Дигенисе Акрите (Galatariotou 1996) или эмоциональное самопредставление в письме-соболезновании (Littlewood 1999) являются плодотворной почвой для углубленного понимания души византийского текста. Подобным же образом феминизм и гендерные исследования позволяют точно понять значение социолитературных образов византийских мужчин и женщин как создателей и адресатов текстов, будь то «амбивалентный» образ женской святости (Galatariotou 1984–5; Constantinou 2005) или авторские образы материнства в «Алексиаде» (Gouma-Peterson 2000).

Обзор представленных здесь теоретических подходов в целом показывает, что все пути плодотворного изучения и понимания византийской литературы широко открыты для заинтересованной критики. Тем не менее следует подчеркнуть два момента. Первый – это междисциплинарность. Сотрудничество между различными сферами, начиная от истории и социологии и заканчивая филологией и историей искусств, должно составлять неотъемлемую часть современных подходов к литературной интерпретации, приводя к сравнительному изучению византийской, средневековой западной, исламской и славянской литературы. Второй момент – это необходимость, применяя литературную критику к византийским текстам, использовать в качестве дополняющих методов «теорию» литературы, как византийской, так и современной, вместе с ее «историей».

ЛИТЕРАТУРА

- AERTS, W. J. 1990. *Michaelis Pselli Historia Syntomos* (Berlin).
- AGAPITOS, P. A. 1991. *Narrative Structure in the Byzantine Vernacular Romances: A Textual and Literary Study of Kallimachos, Belthandros and Libistros* (Munich).
- 1998a. 'Narrative, rhetoric, and "drama" rediscovered: scholars and poets in Byzantium interpret Heliodorus', in R. Hunter (ed.), *Studies in Heliodorus* (Cambridge): 125–56.
- 1998b. 'Mischung der Gattungen und Überschreitung der Gesetze: Die Grabrede des Eusthathios von Thessalonike auf Nikolaos Hagiotheodorites', *JÖB* 48: 119–46.
- 1999. 'Dreams and the spatial aesthetics of narrative presentation in *Livistros and Rhodamne*', *DOP* 53: 111–47.
- 2003. 'Ancient models and novel mixtures: the concept of genre in Byzantine funerary literature from Patriarch Photios to Eustathios of Thessalonike', in G. Nagy and A. Stavropoulou (eds.), *Modern Greek Literature: Critical Essays* (New York–London): 5–23.
- АЛЕКСИДЗЕ, А. Д. 1979. Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV вв.) (Тбилиси).
- ALEXIOU, M. 1982–3. 'Literary subversion and the aristocracy in twelfth-century Byzantium: a stylistic analysis of Timarion (ch. 6–10)', *BMGS* 8: 29–45.
- ANGOLD, M. 1998. 'The autobiographical impulse in Byzantium', *DOP* 52: 52–73.

- BARKHUIZEN, J. H. 1986. 'Romanos Melodos: essay on the poetics of his kontakion "Resurrection of Christ" (Maas-Trypanis 24)', *BZ* 79: 17–28, 268–81.
- BOOR, C DE 1883. *Theophanis Chronographia. Volumen primum textum graecum continens* (Leipzig).
- CONSTANTINOIU, S. 2005. *Female Corporeal Performances: Reading the Body in Byzantine Passions and Lives of Holy Women* (Uppsala).
- CUPANE, C. 1995. 'Leggere e/o ascoltare: Note sulla ricezione primaria e sul pubblico della letteratura greca medievale', in A. Pioletti (ed.), *Medioevo romanzo e orientate: Oralità, scrittura, modelli narrativi* (Messina): 83–105.
- 1997. 'La "guerra civile" della primavera 1181 nel racconto di Niceta Coniate e Eustazio di Tessalonica: Narratologia historiae ancilla?', *JÖB* 47: 179–94.
- DUFFY, J. 1999. 'Embellishing the steps: elements of presentation and style in *The Heavenly Ladder* of John Climacus', *DOP* 53: 1–17.
- GALATARIOTOU, C. 1984–5. 'Holy women and witches: aspects of Byzantine conceptions of gender', *BMGS* 9: 55–94.
- 1996. 'Open space/closed space: the perceived worlds of Kekaumenos and Digenes Akrites', in M. Mullett and D. Smythe (eds.), *Alexios I Komnenos* (Belfast): 303–28.
- GARZYA, A. 1984. *Nicephori Basilacae Orationes et epistolae* (Leipzig).
- GAUTIER, P. 1972. *Michel Italikos: Lettres et discours* (Paris).
- GOUMA-PETERSON, T. 2000. 'Gender and power: passages to the maternal in Anna Komnene's Alexiad', in eadem (ed.), *Anna Komnene and her Times* (New York–London): 107–24.
- GUIDORIZZI, G. 1983. 'Motivi fiabeschi nell'agiografia bizantina', in P. L. Leone (ed.), *Studi bizantini e neogreci* (Lecce): 349–60.
- HÄGG, T. 1999. 'Photius as a reader of hagiography: selection and criticism', *DOP* 53: 43–58.
- HINTERBERGER, M. 1999. *Autobiographische Traditionen in Byzanz* (Vienna).
- HÖRANDNER, W. 1992. 'Ein Zyklus von Epigrammen zu Darstellungen von Herrenfesten und Wunderszenen', *DOP* 46: 107–15.
- 1993. 'Autor oder Genus? Diskussionsbeiträge zur "Prodromischen Frage" aus gegebenem Anlass', *Byzantinoslavica* 54: 314–24.
- 1995. 'Beobachtungen zur Literarästhetik der Byzantiner. Einige byzantinische Zeugnisse zu Metrik und Rhythmik', *Byzantinoslavica* 56: 279–90.
- 1996. 'Literary criticism in 11th-century Byzantium: views of Michael Psellos on John Chrysostom's style', *International Journal of the Classical Tradition* 2: 336–44.
- HULT, K. 2002. *Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy: Semeioseis gnomikai 1–26 and 71* (Göteborg).
- HUNGER, H. 1969–70. 'On the imitation (Mimesis) of antiquity in Byzantine literature', *DOP* 23–4: 17–38 (= *Byzantinistische Grundlagenforschung* (London): XV).
- 1978. 'Stilstufen in der Geschichtsschreibung des 12. Jahrhunderts: Anna Komnena und Michale Glykas', *Byzantine Studies* 5: 139–70.
- JAMES, L., and WEBB, R. 1991. '“To understand ultimate things and enter secret places”: ekphrasis and art in Byzantium', *Art History* 14: 1–17.
- KALDELLIS, A. 1999. *The Argument of Psellos' Chronographia* (Leiden).
- KAZHDAN, A., and FRANKLIN, S. 1984. 'Nicetas Choniates and others: aspects of the art of literature', in eadem, *Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries* (Cambridge–Paris): 256–86.

- KNÖS, B. 1962. 'Qui est l'auteur du roman de Callimaque et Chrysorrhoe?', *Hellenika* 17: 274–95.
- KUSTAS, G. L. 1973. *Studies in Byzantine Rhetoric* (Thessalonike).
- LAUXTERMANN, M. D. 1998. 'The velocity of pure iambs: Byzantine observations on the metre and rhythm of the dodecasyllable', *JÖB* 48: 9–33.
- 1999. *The Spring of Rhythm: An Essay on the Political Verse and other Byzantine Metres* (Vienna).
- ЛИТАВРИН, Г. Г. 1972. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинения византийского полководца XI века (Москва).
- LITTLEWOOD, A. R. 1979. 'Romantic paradises: the rôle of the garden in the Byzantine romance', *BMGS* 5: 95–114.
- 1985. *Michaelis Pselli Oratoria minora* (Leipzig).
- LITTLEWOOD, A. R. 1999. 'The Byzantine letter of consolation in the Macedonian and Komnenian Periods', *DOP* 53: 19–41.
- ЛЮБАРСКИЙ, Я. Н. 1978. Михаил Пселл: личность и творчество (Москва).
- 1982. 'Хронография Иоанна Малалы. Проблемы композиции', в A. Rexheuser and K.-H. Ruffmann (eds.), *Festschrift für Fairy Lilienfeld* (Erlangen): 411–30.
- 1991. '“Writers’ intrusion” in early Byzantine literature', in *XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Major Papers* (Moscow): 433–56.
- MACALISTER, S. 1996. *Dreams and Suicides: The Greek Novel from Antiquity to the Byzantine Empire* (London–New York).
- MACKRIDGE, P. 1993. '“None but the brave deserve the fair”: abduction, elopement, seduction and marriage in the Escorial *Digenes Akrites* and Modern Greek heroic songs', in R. Beaton and D. Ricks (eds.), *Digenes Akrites: New Approaches to Byzantine Heroic Poetry* (Aldershot): 150–60.
- MAGDALINO, P. 1997. 'In search of the Byzantine courtier: Leo Choirosphaktes and Constantine Manasses', in H. Maguire (ed.), *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* (Washington, DC): 141–65.
- MULLETT, M. 1997. *Theophylact of Ochrid: Reading the Letters of a Byzantine Archbishop* (Aldershot).
- NILSSON, I. 2001. *Erotic Pathos, Rhetorical Pleasure: Narrative Technique and Mimesis in Eumathios Makrembolites' Hysmine and Hysminias* (Uppsala).
- ODORICO, P. 1983. 'La politica dell'immaginario di Leone VI il Saggio', *Byzantion* 53: 597–631.
- PAPAIOANNOU, E. N. 2000. 'Michael Psellos' rhetorical gender', *BMGS* 24: 133–46.
- PATLAGEAN, E. 1968. 'Ancienne hagiographie byzantine et histoire sociale', *Annales* 23: 106–26.
- REINSCH, D. R. 1991. 'Autor und Leser in frühbyzantinischen hagiographischen und historiographischen Werken', in *XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Major Papers* (Moscow): 400–14.
- 1998. 'Die Zitate in der *Alexias* Anna Komnenes', *Symmeikta* 12: 63–73.
- ROMANO, R. 1991. *Constantino Acropolita: Epistole* (Naples).
- ŠEVČENKO, I. 1981. 'Levels of style in Byzantine prose', *JÖB* 31: 289–312.
- SMITH, O. L. 1996. 'Medieval and Renaissance commentaries in Greek on classical Greek texts', *Classica et Medievalia* 47: 391–405.
- TALBOT, A.-M. 1999. 'Epigrams in context: metrical inscriptions on art and architecture of the Palaiologan Era', *DOP* 53: 75–90.

WEBB, R. 1999. 'The aesthetics of sacred space: narrative, metaphor, and motion in *ekphraseis* of church buildings', *DOP* 53: 59–74.

Углубленное чтение

Здесь нет руководства по литературной критике византийского литературного наследия, но очерк литературы А. Р. Литтвуда (A. R. Littlewood), представленный в J. Harris (ed.), *Palgrave Advances in Byzantine History* (Basingstoke, 2005): 133–46, является весьма полезным. Для интересующегося студента могут быть полезны статьи из коллективного многотомника по исследованию классицизма в Византии (M. Mullett and R. Scott (eds.), *Byzantium and the Classical Tradition* (Birmingham, 1981)), исследование романов эпохи Комнинов (P. A. Agapitos and D. R. Reinsch (eds.), *Der Roman im Byzanz der Komnenenzeit* (Frankfurt am M. 2000)) и эпохи Палеологов (P. A. Agapitos and others, 'Genre, structure and poetics in the Byzantine vernacular romances of love', *Symbolae Osloenses* 79 (2004): 7–101), исследование византийской историографии (Ja. N. Ljubarskij and others, 'Quellenforschung and/or literary criticism: narrative structures in Byzantine historical writings', *Symbolae Osloenses* 73 (1998): 5–73), и риторики в самом широком смысле (E. Jeffreys (ed.), *Rhetoric in Byzantium* (Aldershot, 2003)). Армянские акты и текущие симпозиумы по византийской литературе, под редакцией P. Odorico и P. A. Agapitos, публикуются в парижской серии *Dossiers Byzantins* (с 2002 г. были опубликованы четыре тома). Некоторые из спорных вопросов по средневековой латинской и народной литературе, затронутые в настоящей главе, обсуждались группой западных медиевистов (S. G. Nichols (ed.), 'The new philology', *Speculum* 65 (1990): 1–108), в то время как широкий спектр средневековой теории литературы теперь представлен в A. Minnis and I. Johnson (eds.), *The Cambridge History of Literary Criticism*, vol. 2: *The Middle Ages* (Cambridge, 2004). Краткий обзор современных литературных теорий с важной библиографией можно найти в R. Selden (ed.), *The Cambridge History of Literary Criticism*, vol. 8: *From Formalism to Poststructuralism* (Cambridge, 1995).

Глава I.2.8 ТЕКСТОЛОГИЯ

Майкл Джеффрис

Текстология¹ исследует уцелевшие рукописи, стараясь воспроизвести их в наиболее раннем, обычно – в «первоначальном» виде. Целью при этом является устранение ошибок, неизбежных при переписывании, особенно, при переписывании вручную. Текстуальная критика была впервые применена к античной классической литературе и Библии, ее методы, развитые таким образом, употребляются для обработки рукописей, датируемых временем гораздо более поздним, нежели дата создания содержащихся в них произведений. В дальнейшем текстуальная критика распространилась и на более современные рукописи и печатные издания, а теперь сталкивается и с очередным новшеством – электронным текстом (Greetham 1994). В данной главе внимание будет сосредоточено на изданиях византийских текстов современными учеными. Некоторые примеры текстуального анализа, проводимого самими византийцами, приведены в главе I.2.10.

Материал для введения в текстологию византийских произведений выбрать не так легко. Нет надобности подчеркивать необходимость близкого знакомства с автором, его языком и образом мышления, уровнем творчества, хотя именно в этом причины высокого престижа данной дисциплины. Здесь не место и для перечисления правил палеографии, которых должен придерживаться критик даже для грекоязычных текстов (не говоря уже о других языках Византийской империи). Существуют визуальные неясности в развитии существующих систем письменности, способные вызывать ошибки при переписывании. Основы их изучения изложены в главе о палеографии (I.2.10), а ссылки приведены в библиографии (Thompson 1912; вкратце у West 1973: 15–29). Основной темой данного очерка является, развивавшаяся в течение столетий сложная система отношений между различными вариантами рукописей. Но даже и это может поначалу показаться ненужным, поскольку византистика (в ее греческом измерении), как и классический греческий язык, кажутся словно специально созданными для текстологии, а существующие руководства по классической литературной крити-

¹ Или текстуальная критика – прим. переводчика.

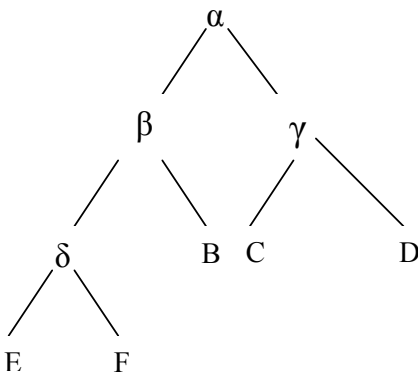
ке – шедеврами простоты и краткости (Maas 1958; West 1973). Многие рукописи византийских текстов неотличимы от рукописей классических авторов, и потому возникает соблазн без разбора применять к ним классические правила. Но зачастую между классическими и византийскими образцами текста имеются значительные различия. Далее будет приведен пример более детального разбора.

Подготовка к изданию обычно не является предметом споров. Издателю нужно выбрать из соответствующей библиографии и стандартного общего перечня рукописей все рукописи рассматриваемого текста. Косвенные свидетельства в составе других работ также важны. Как можно большее число рукописей должно быть доступно в виде слайдов и микрофильмов. Следующая задача наиболее тягостна: рукописи необходимо детально сравнить («сопоставить») и составить полный список различий между ними в тексте и в их окончательном издании. Обычно распечатывается и принимается за основу транслитерация хорошей рукописи, и уже в ней отмечают расхождения с другими версиями. Иногда за основу принимают предыдущее издание не без опасности повторить его ошибки. Рукописи, непосредственно скопированные с других сохранившихся текстов, исключают из рассмотрения как *deskriptum* (*descripti*).

Ключевая техника классической литературной критики состоит в выявлении ошибок, общих для более, чем одной рукописи. Если ошибка возникает в одном и том же месте в двух или более случаях, это не похоже на результат раздельного неверного копирования: мы можем предположить, что это было сделано один раз, а затем сознательно перенесено в остальные версии. Рукописи, содержащие общую ошибку, могут быть обозначены как семейство в пределах группы свидетельств, имеющих отношение к искомому тексту. В ходе длительной работы этот процесс может быть повторен многократно, и таким образом будут описаны многие группы семейств. Существуют техники составления из них родового древа или *stemma codicum* – исторической схемы связей между рукописями. Если условия благоприятны, это может стать инструментом для принятия решений при выборе вариантов. Анализ происхождения друг от друга рукописей, содержащих ошибку, показывает, где она начала повторяться постоянно. Тот же процесс может быть применен и в другом случае: занеся пары сходных вариантов в стемму, можно доказать, что один из них оригинальный, а другой ошибочный, даже если

это и неясно из контекста. Этот метод обладает позитивистской точностью, столь необычной в гуманитарных науках (обо всем этом см.: Reynolds and Wilson 1968: 137–62; West 1973: 15–29; и образец византийской практики в Reinsch 1990).

Приведенная здесь воображаемая стемма показывает пять сохранившихся манускриптов (BCDEF) и еще три (βγδ) рукописи, существование которых можно предположить, происходящих от оригинального архетипа (α). Если какое-либо разночтение есть, к примеру в семействе BCD, но отсут-

ствуется в EF, или встречается в BEFC, но отсутствует в D, оно, вероятно, было в оригинале. В первом случае это было ошибкой при переписке рукописи δ , во втором – рукописи D. Стеммы зачастую более сложны, чем эта.

С этой методологией долгое время отождествлялись два ограничения, а их последствия являлись предметом дискуссий. В некоторых случаях (к примеру, Библия или другие основополагающие религиозные тексты), сохранившиеся рукописи слишком многочисленны для составления полной стеммы. В других случаях текст содержал контаминацию – это означало, что переписчик, решив создать копию текста, сверялся (иногда по памяти) с более чем одной из его предыдущих версий. Такая практика нарушает всю точность стеммы, иногда фатально. Противники стемматизации настаивают, и не без оснований, что контаминация гораздо более распространена, чем это зачастую утверждают текстологи (Pasquali 1934: 111–83). Последствия таких затруднений будут рассматриваться далее.

Техника текстуальной критики развивалась применительно к классическому греческому языку и латыни. Здесь современный ученый, вооружившись словарями, грамматиками и средствами компьютерной связи, может проникнуть вглубь веков, обратившись к произведениям классических авторов напрямую, минуя средневековых переписчиков, которые писали, зачастую искажая сохранившиеся рукописи. Переписчики не владели ни греческим, ни латынью как родными языками. Их ошибки и заблуждения часто можно с точностью и уверенностью проанализировать и использовать при построении стемм и воссоздании античных произведений. Использование позитивистской методологии часто затруднено из-за недостаточной чистоты данных, над которыми она работает.

В византистике по ряду причин все немного не так. Во-первых, язык византийских текстов менее предсказуем, чем древнегреческий. Это зачастую является результатом конфликтов и давления, к примеру, подражание классическим авторам в противовес бытующему византийскому языку, что затрудняет выявление ошибок. Еще более значимо то, что в позднейших византийских текстах переписчик может быть современником автора и находиться с ним в одной лингвистической среде. Иногда переписчики воспроизводят текст, приближая его к разговорному языку, на котором говорят и автор, и они сами. Крайний случай – текст-автограф – написанный сочинителем собственноручно, авторскую принадлежность которого не может оспаривать ни один ученый. Такие тексты не обнаружены ни одной из наук о древности, кроме папирологии, и имея с ними дело, издатель нуждается в помощи современных текстуальных методов.

Классическая текстология сохраняет свою роль в издании византийских текстов, но требует вдумчивой предварительной подготовки в рамках культурного треугольника «манускрипт – его списки – издатель». Для использования стемматического метода, издатели должны быть способны выявить общие ошибки в свидетельствах. Разночтения, равные по значимости, которые нельзя считать ошибочными, не подходят для стемматического анализа и требуют другого подхода (схожую аргументацию об издании рукописей на старофранцузском языке см. у Bédier 1928). В последующих примерах мы будем ссылаться скорее на различные виды текстов, чем на тексты определенных писателей, потому что анализ авторских текстов связан с особенными трудностями, мешающими обсуждать метод в целом.

Первый пример касается работ византийского подражания, написанных по образцу классических авторов. За некоторыми исключениями имитация неидеальна. Может случиться, что в ней используется слишком много старинных деталей: характерные черты оригинала могут повторяться гораздо чаще, чем это приемлемо в нем самом. Опытный переписчик мог быть знаком с оригиналом (возможно, переписав его когда-либо) и успешно выявлять слабые места в подражании. Он мог, копируя, улучшать византийский текст, чтобы при прочтении он больше походил на свой оригинал. Положение переписчика и современного издателя в этом смысле опасно схожи. Издатели, столкнувшись с рукописью, содержащей оригинальные ошибки в подражании, написанном византийским автором, в том случае, если они уже исправлены кем-либо, могут счесть более поздний экземпляр более близким к первоначальному. Вариант, исправленный переписчиком, мог также выглядеть лучше ошибочного авторского подражания. Такое суждение могло привести к ошибочной стемме и плохому изданию. С учетом такой опасности издателям необходимо пытаться строить стеммы, сводя их к ошибкам, не связанным с подражаниями (к примеру, лакунами и интерполяциями).

Вторая категория содержит тексты, один из сохранившихся экземпляров которых написан автором собственноручно. Означает ли это, что издателям нужно лишь напечатать автограф, игнорируя прочие варианты текста? Собственно, в этом и заключается главное изменение в практике текстуальной критики, распространившейся со времен античности на весь современный мир. В старину текстология за некоторыми исключениями признавала единственную оригинальную авторскую версию для каждого текста: большинство классических стемм содержат единственный архетип в самом верху, отдельно от прочих, за ним зачастую следуют пропуски – века потерянных копий до ближайшего сохранившегося текста. Тем не менее в позднейших рукописных культурах, в которых сохранились авторские и околоавторские рукописи, они (эти рукописи) зачастую обнаруживались в нескольких различных версиях. Несколько недавних изданий пьес Шекспира включают многочисленные хронологические версии (к примеру, Warren 1989). Позднее, с появлением книгопечатания количество авторских текстов еще более возросло, особенно это относится к гранкам с авторской правкой. Таким образом, поскольку византийские автографы нуждаются в особенном внимании со стороны издателя, при их публикации следует соблюдать осторожность. Если сохранился единственный автограф, то все-таки следует исследовать и прочие свидетельства, чтобы проверить, совпадают ли они если не точно, то хотя бы приблизительно. В таком случае они могут также претендовать на место в издании.

Третья категория включает менее изученные пласты византийской письменной культуры, как-то: популярная агиография и «народные» тексты, которые в конечном счете допускали использование разговорного греческого. В том, что касается многих Житий святых и всей народной литературы глагол «копировать» в отношении к работе переписчика требует очень осторожного применения. Эти жанры некоторым образом позволяли копиистам изменять текст на различных уровнях, возможно, включая или опуская эпизоды, исходя из потребностей читателей (или слушателей, если текст читался вслух.) В других местах могли быть существенные повышения или понижения лингвистического уровня. Во многих языках та-

кие жанры представлены немногими точными копиями, только «редакциями», со многими изменениями (Cerquiglini 1989, Zumthor 1987). Понятие «копирование» до того растяжимо, что включает случаи, в которых переписчик читал отрывок некоторой длины, наскоро запоминал его, а затем записывал со многими небольшими, а иногда и большими изменениями лингвистической формы, вероятно, напомиравшей авторскую манеру. Зачастую из самого характера допускаемых ошибок становится ясным, что память работала «на слух», а не «на глаз», заменяя одно слово-омофон другим. Можно утверждать, что такие переписчики, копируя работу для новых читателей, продолжали процесс сочинения (Doane 1991).

Несмотря на бесчисленные изменения текста от рукописи к рукописи сложно осуждать переписчиков за ошибки. Переписывание – это правило, а не исключение, и все варианты текста находятся в одинаковом положении. Даже широкомаштабные изменения неоднозначны – неясно, имеют ли место вставки в одном из семейств переписываемых документов, или опущения в другом. Изменение лингвистического уровня может означать его повышение в одной из групп или снижение в другой: ни то, ни другое не является «ошибкой». В таких случаях стемма должна основываться на вставках или опущениях, которые не похожи на преднамеренные. Там, где такие тексты являются точными переводами или копиями предыдущих работ, возможно утверждать, что фразы, непосредственно передающие смысл оригинала «верны», тогда как варианты, не имеющие эквивалента в первоисточнике, «ошибочны». Иначе стандартная критическая методология бессильна.

Когда завершен отбор всех словоформ издания, версия, которой отдано предпочтение, становится текстом в основной части страницы, а не вошедшие в нее варианты размещают внизу в *apparatus criticus*. Такое разделение надвое зачастую неудовлетворительно, особенно если вошедшее в основной текст не намного достовернее отвергнутого. Это объясняет, почему редакторы могут отдавать предпочтение нестандартным решениям. Я не буду говорить о построении самого *apparatus*, просто посоветую прочесть соответствующий раздел в практическом руководстве по текстологии (West 1973: 86–94). Вопрос еще и в том, остается ли латынь языком, наиболее подходящим для его создания?

Закончу свой очерк перечислением издательских методов, возможность применения которых принимается во внимание, когда стандартная практика терпит фиаско, как в некоторых из случаев, упомянутых выше. Первый касается применения электронных носителей вместо книг, тогда как в остальных обсуждаются альтернативные пути организации издания, независимо от вида носителя. Отныне дискутировать об этом будут менее глубоко. Всем издателям приходится решать, какое место в своей работе следует отводить традиционным приемам издательского дела, но последующие утверждения касаются различных немногочисленных случаев, когда применяются нетрадиционные решения. Надеюсь, мне простят неизбежные упрощения.

В электронном виде информация либо распространяется на CD или DVD дисках, либо хранится на сервере и доступна через Интернет. Первые легче продать, они полностью удовлетворяют покупателей, собирающих коробочки с дисками у себя на полках. Второй способ, если перечисляются деньги, требует систем регистраций и паролей, но информацию при этом легче обновлять (в случае необхо-

димости) и можно использовать мощное и гибкое приложение на сервере вместо того, чтобы полагаться на компьютер пользователя с маленькой программой на диске. Преимущество и первого и второго способов перед книгой – это обширные возможности хранения печатного слова (хотя даже объем CD диска имеет свои границы и зачастую недостаточен, если содержит иллюстрации или факсимиле рукописей). Если, к примеру, издатель хочет показать десяток версий текста длиной в 100 страниц, это несложно будет сделать в виде электронного издания, но, весьма вероятно, нельзя будет опубликовать в виде книги. Более того, сложно напечатать тысячу страниц такого текста, удовлетворив при этом все возможные запросы читателя. Однако легко создать электронную программу, позволяющую пользователям, к примеру, переходить при чтении от версии к версии, не теряя в тексте того, на чем они остановились, сравнивать на экране сразу две версии, вместе с их переводами, факсимиле, сравнительным материалом, заметками, если необходимо. Сюда же можно включить и альтернативные издания, созданные в рамках различных методологий. При столь существенном содействии высоких технологий возможности издателя ограничены разве что его воображением, деньгами и силами. Те, кто не отличается повышенной компьютерной грамотностью, имеют все больше возможностей преуспеть, действуя самостоятельно. В таких случаях не вдаются в детали, потому что подробности устареют к моменту выхода в печать. И последнее замечание: электронные тексты, хотя и распространены в издательстве современной литературы, менее свойственны для изданий средневековой литературы (см.: Duggan, *Piers Plowman*; Kiernan, *Beowulf*; Robinson, *Chaucer*). Еще более редкими они остаются для нелатинских шрифтов, которые лишь недавно достигли функционального паритета (посредством Юникода) с языками латинского шрифта, для которых и были впервые применены компьютеры (но см.: Kapsomenos 2005). Византийские электронные издания (кроме тех, в которых просто представлен текст) не имеют подготовленной аудитории. Но потенциальные преимущества таковы, что их возникновение неизбежно.

Существуют также специализированные компьютерные программы для сопоставления рукописей, некоторые из которых формируют и предварительную стемму, и *apparatus*. По моему ограниченному опыту, такие программы многофункциональны и эффективны. Вопрос в том, чего стоит вся эта неизбежная обширная предварительная работа. К примеру, чтобы подготовить заранее точные транскрипции всех рукописей, требуется проделать гораздо большую работу, чем при их сопоставлении, что может заставить издателя принять решение не в пользу программы. Но такое соотношение затрат может измениться по мере совершенствования технологий (Greetham 1994: 359–61).

Одним из альтернативных методов издания и представления текстов является публикация двух и более несовпадающих рукописей, расположенных на странице таким образом, чтобы различные версии можно было сравнить. Существует несколько таких изданий популярных поздневизантийских текстов (Schmitt 1904; Trapp 1971; Bakker, and van Gemert 1988). Как только читатель привыкнет к такому формату, эти издания достигнут своей цели, несмотря на критику в их адрес за то, что они слишком длинны, требуют дорогостоящего книжного формата и оставляют уродливые пробелы в тех местах, где в рукописи отсутствует

читаемое. Текст, требующий такого обращения, может быть хорошим кандидатом для издания в электронном виде.

Еще одной альтернативой уже использовавшейся для византийских народных текстов является *best-text* (*Leithandschrift*) издания (Eideneier 1991). Имея дело со множеством различных вариантов рукописей, но представляющих в основном одну и ту же работу, издатели *best-text* публикуют одну наиболее убедительную версию, выбирая ее исходя из различных соображений, в числе которых возраст и полнота рукописи. Прочие варианты рукописи, даже если их текст явно лучше *best-text*, отсылаются в *apparatus*. Другие рукописи включаются в состав основного текста только если *Leithandschrift* неадекватен и искаженный отрывок нуждается в замене. Основные преимущества такого подхода заключаются в публикации преимущественно оригинального средневекового текста, а не современного продукта издательских усилий, и во избежание бессмысленных мучений с равноценными вариантами.

Библейские и прочие тексты с большим количеством рукописей или же тексты, подвергавшиеся обширным исправлениям, тяготеют к изданию «эkleктическими» методами. Последнее прилагательное носит положительный оттенок, когда используется сторонниками метода, и негативный – для его противников. Эkleктические издатели делают специальный акцент на чувственном и всестороннем знании авторской стилистики и языка, подкрепляемом некими объективными критериями, которые можно найти в их поддержку, как то анализ образцов текста (там, где полный анализ неосуществим) и частичная стемма там, где получить полную картину невозможно. Издательское решение в таком особом случае, как Греческая Библия¹ и статус ее ранних версий, постепенно эволюционируя по мере публикации Нового Завета и других современных ей папирусов, в свое время зависело от большинства проголосовавших в специальных комиссиях ученых. И было бы неразумно сегодня добавлять что-либо к уже определенному числу текстов, изданных таким образом.

Если обратиться к издательской практике в современном мире, то англоязычная ортодоксальность, преобладавшая в третьей четверти XX в., позднее была подорвана и разрушена повсеместным и всепроникающим французским и немецким влиянием. Речь идет о теории *copy-text* Грега-Бауэрса (Greg 1950–1; Bowers 1964; Tanselle 1988). Она подразделяла различия в тексте на существенные и второстепенные. К существенным относились реально имеющиеся различия словарного состава и значений слов, а второстепенные (орфография, пунктуация и т. д.), как мог надеяться писатель, приводились в норму его издательским домом. По контрасту с изданиями на греческом языке, большинство серьезных изданий работ раннего современного периода с точностью до буквы воспроизводят оригинальную рукопись.

Теория Грега-Бауэрса развивалась из концепции *best-text*, но для двух образцов текста. В случае существенных различий *copy-text* сверялся с конечным авторским замыслом, обычно с последним, перед смертью писателя изданием; для второстепенных за основу принимался последний текст, подготовленный ав-

¹ Скорее всего, речь идет о Септуагинте – прим. переводчика.

тором лично (обычно – черновик первого печатного экземпляра). Эта десятилетиями господствовавшая система, столь же позитивистская, как и метод стеммы, была разрушена из-за отсутствия гибкости и ложности критериев. Было доказано, что последние издания не всегда представляли окончательный авторский замысел, пока многие писатели ожидали исправления второстепенных разночтений от своих издателей. Если не принимать во внимание существование печатного станка, то различия между существенными и второстепенными разночтениями могут интересовать и издателей византийских произведений. Но метод Грега-Бауэрса на сегодняшний день устарел.

Его место заняло пост-модернистский смешанный подход (Bornstein and Williams 1993). Я укажу лишь несколько более или менее общих взглядов, которые кажутся полезными при издании византийской литературы. Здесь явственно прослеживается влияние школы «*Анналов*», так же как явно выражен и недружелюбный настрой по отношению к классическим методам:

1. изданию подлежат подлинные тексты древности, а не их современные переработки (Doane 1991);
2. тексты должны публиковаться не как результат личного намерения, а как продукт культуры, зачастую при участии команды специалистов (McGann 1983);
3. в изданиях следует рассматривать сочинительство как процесс, а не как момент творческого озарения (Eggert 1991);
4. амбициозные требования пунктов 2–3 могут быть достижимы путем применения электронных средств (Shillingsburg 2006).

И последнее, рекомендуем издателям византийской литературы в качестве «противоядия» ко все еще преобладающим классическим методикам прочесть последнюю книгу об издательском деле в эпоху Ренессанса, сменившую времена Византии, в которой методы классической научной школы являются лишь одним из многих доступных инструментов (Hunter 2007). Главы о книгопечатании интересны, хотя и менее достоверны, нежели разделы, касающиеся рукописей. И даже после такой прививки против гипер-классицизма и эллиноцентризма издание подлинных византийских текстов продолжится в традиционном стиле. Я надеюсь, тем не менее, что издатели только выиграют, не закрывая окно в мир, к которому Византия стремилась так же, как к своему классическому прошлому.

ЛИТЕРАТУРА

В последнее время английские тексты и редакторская теория занимают центральное место при получении стипендии в современной текстологии. Поэтому в библиографии для англоязычного справочника я отдал предпочтение современным английским исследованиям в противовес работам на других языках.

BARKER, W. E, and VAN GEMERT, A. E 1988. *Historia tou Belisariou* (Athens).

BÉDIER, J. 1928. 'La tradition manuscrite du Lai du l'Ombre: réflexions sur l'art d'éditer les anciens textes', *Romania* 54: 161–96, 321–56.

- BORNSTEIN, G., and WILLIAMS, R. (eds.) 1993. *Palimpsest: Editorial Theory in the Humanities* (Ann Arbor).
- BOWERS, F. 1964. *Bibliography and Textual Criticism* (Oxford).
- CERQUIGLINI, B. 1989. *Éloge de la variante: histoire critique de la philologie* (Paris).
- DOANE, A. N. 1991. 'Oral texts, intertexts and intratexts: editing Old English', in J. Clayton and E. Rothstein (eds.), *Influence and Intertextuality in Literary History* (Madison–London): 75–113.
- DUGGAN, H. *Piers Plowman* (<http://jefferson.village.virginia.edu/seenet/piers/>).
- EGGERT, R. 1991. 'Textual product or textual process: procedures and assumptions of critical editing', in R. Cohen (ed.), *Devils and Angels: Textual Editing and Critical Theory* (Charlottesville).
- EIDENEIER, H. 1991. *Ptochoprodromos. Einführung, kritische Ausgabe, deutsche Übersetzung, Glossar* (Cologne).
- MOENNIG, U., and TOUFEXIS, N. 2001. *Theoria kai praxe ton ekdoseon tes hystero Byzantines kai metabyzantines demodous grammateias* (Herakleio).
- GREETHAM, D. C. 1994. *Textual Scholarship: An Introduction* (New York–London).
- GREG, W. W. 1950–1. 'The rationale of copy-text', *Studies in Bibliography* 3: 19–36.
- HUNTER, M. 2007. *Editing Early Modern Texts: An Introduction to Principles and Practice* (Basingstoke).
- KAPSOMENOS, E. 2005. *Dionysios Solomos. Ho bios, to ergo, he poietike tou. Philologike melete kai ekdose se elektronike morphe* (Athens).
- KIERNAN, K., *Beowulf* (<http://www.uky.edu/~kiernan/eBeowulf/guide.htm>).
- MAAS, R. 1958. *Textual Criticism*, trans. B. Flower (Oxford; 1st pub. Leipzig, 1924).
- MCGANN, J. J. 1983. *A Critique of Modern Textual Criticism* (Chicago; repr. Charlottesville, 1992).
- METZGER, B. M., and EHRLMAN, B. D. 2005. *The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption and Restoration* (4th edn. New York–Oxford).
- PASQUALI, G. 1934. *Storia della tradizione e critica del testo* (Florence).
- REINSCH, D. R. 1990. 'Zum Text der Alexias Anna Komnenes', *JÖB* 40: 233–68.
- REYNOLDS, L. D., and WILSON, N. G. 1968. *Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature* (Oxford).
- ROBINSON, P., *Chaucer* (<http://www.canterburytalesproject.org/>).
- SCHMITT, J. 1904. *The Chronicle of the Morea* (London).
- SHILLINGSBURG, P. L. 1996. *Editing in the Computer Age* (Ann Arbor).
- 2006. *From Gutenberg to Google: Electronic Representations of Literary Texts* (Cambridge).
- TANSSELLE, G. T. 1988. *Textual Criticism since Greg, A Chronicle* (Charlottesville).
- THOMSON, E. M. 1912. *An Introduction to Greek and Latin Palaeography* (Oxford).
- TRAPP, E. 1971. *Digenis Akrites. Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen* (Vienna).
- WARREN, M. (ed.) 1989. *The Parallel 'King Lear' 1608–1623* (Berkeley).
- WEST, M. L. 1973. *Textual Criticism and Editorial Technique Applicable to Greek and Latin Texts* (Stuttgart).
- ZUMTHOR, P. 1987. *Essai de poétique médiévale* (Paris).

Глава I.2.9

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ТЕКСТОВЫЕ РЕСУРСЫ

Эрих Трапп

История и современная ситуация

Византийские грамматики, лексикографы и филологи проявляли мало интереса к развитию их собственного разговорного языка. Наиболее заметным исключением являлся Евстафий Фессалоникийский, который в своих комментариях к Гомеру часто цитирует современные ему формы слов на народном языке, чтобы пояснить те или иные слова, обороты или события в произведениях Гомера. Ценный для лексикографов материал можно найти у Суды (особенно касающийся специальной терминологии), а также у Псевдо-Зонары, в *Etymologicum Gudianum* и некоторых других.

Современная лексикография средневекового греческого языка началась в XVII в. с работ Мерсиуса (Meursius) и Дюканжа (Du Cange). И хотя последний принял в расчет многие из неопубликованных тогда текстов Парижских рукописей, его *Glossarium* (Du Cange 1688) долго еще пополнялся как за счет потока новых печатавшихся изданий, так и за счет обнаружения всевозможных ошибок. Большую помощь и по сей день может оказать парижское издание *Thesaurus graecae linguae* Стефана (1572 г.) (Hase and others 1831–65) в состав которого входила лексика от времен античности и до XV в., не принадлежавшая, однако, к народному языку. «Лексикон римского и византийского периодов» Софоклеса (Sophocles 1870) во многом обязан этому изданию, хотя он и сделал важный шаг к модернизации цитат, используя *Patrologia Graeca* Миня. Ценное дополнение к этой стандартной лексике, опубликованное в 1888 г. (Koumanoudes), выполняет, однако, функции простого индекса, поскольку вряд ли на основе этой работы когда-либо осуществлялся перевод или давался комментарий к лемме¹.

¹ Англ. «lemma» – цитируемое в словаре слово и все его формы с указанием возможных изменений (прим. переводчика).

Если обратиться к XX в., то здесь важный вклад в греческую лексикографию первой внесла Англия, включив многие византийские тексты (датируемые периодом до VI в.) в новое издание Лиддла и Скотта (Liddell and Scott 1925–40, Supplement 1996), и позднее, изучая греческую патристику, в частности, Феодора Студита (начало IX в.) (Lampe 1961–8). Намного более масштабный проект – «Греко-испанский словарь» (Adrados and others 1980), где кроме необходимой модернизации и усовершенствования, увеличения количества цитируемого материала и добавления некоторых имен собственных, удалось избежать главной ошибки – языческая и христианская лексика периода I–VI вв. больше не рассматриваются отдельно друг от друга. А поскольку выполнение этой огромной задачи займет еще многие десятилетия, в 1998 г. тем временем был издан весьма важный полный библиографический справочник (Colera and Somolinos).

Однако, основная задача в сфере работы над современным словарем византийской лексики все еще подлежит осуществлению. На этот раз сама Греция подарила миру великолепного филолога и первопроходца в области изучения демотики Е. Криараса, предпринявшего создание словаря литературы на народном языке (Kriaras 1969), который на сегодняшний день готов на две трети (см. также Kazazes and Karanastases 2001). Таким образом, стало ясно, что значительный разрыв между Лиддлом-Скоттом, Лэмпом и Криарасом (в отношении количества текстов, подлежащих обработке) должен быть покрыт за счет нового лексического словаря среднего уровня сложности (Trapp 1994; = *LBG*). По мере пополнения этот новый словарь станет незаменимым инструментом исследований в области византистики. Имея в основе работы Лиддла-Скотта и Лэмпа, он, таким образом, не содержит словарных статей о понятиях, описанных у этих авторов дважды и более. Основное внимание уделяется текстам, написанным с IX до начала XIII вв. Тексты на народном языке, написанные с XII по XIV вв., полностью рассматривались у Криараса и в данном случае к рассмотрению не принимались. Коллекция материалов комплектовалась с помощью (*Thesaurus Linguae Graecae* = *TLG*) (см. далее), так же, как и упоминавшаяся уже ранее изданная лексика, что дало возможность исправить многие недостатки у Лиддла и Скотта, но больше всего у Лэмпа. Специальное внимание уделялось ранней агиографии (IV–VIII вв.), которая довольно скудным образом рассматривалась у Лэмпа в *Patristic Lexicon*. Дополнительный материал (в основном из парижских рукописей) был взят из неопубликованной коллекции Эммануила Миллера. В случае, когда слово встречалось очень часто, число ссылок на него ограничено ранними периодами, особенно если оно было подробно охарактеризовано в *TLG*. В конце каждой леммы, там, где это возможно, даны ссылки на другие словари и на избранную специальную литературу. Все дополнения и исправления, попавшие в поле зрения издателя, тщательно собирались, но до окончания проекта с ними не работали, чтобы не терять времени (следуя, таким образом, манере, отличной от той, в которой составлялся лексикон Криараса).

Около ста лет назад появилась идея создания нового печатного издания *Thesaurus linguae graecae*, по образцу *Thesaurus linguae latinae*, находившегося тогда в процессе разработки. Поскольку объем необходимого материала для этого издания был в восемь раз больше чем в *Thesaurus linguae latinae*, прошло более

шестидесяти лет до появления компьютерной базы данных и создания профессионального лексикона (*TLG*). *TLG* впервые вышел в нескольких CD-версиях, которые постепенно расширялись в объеме, и на сегодняшний день охватывают не только произведения всех античных авторов и большинство писаний Отцов Церкви, но также труды всех важнейших историков Византии, равно, как и некоторые другие средневековые тексты. Начиная с 2001 г. к этой программе были добавлены сотни дополненных и усовершенствованных изданий византийских текстов, но они доступны только через Интернет (с тем существенным недостатком, что являются слишком дорогостоящими для обычного ученого). Эта база данных наиболее полезна для византинистов следующими возможностями: удобным поиском новых слов; хорошо налаженной системой прослеживания цитат и их параллелей из наиболее важных, для исследователя, авторов; обширной базой источников для осуществления выверенных и полномасштабных изданий и т. д. Но мы не должны забывать, что *TLG* в его современной форме не избавляет от необходимости сверяться с печатными текстами и их критическим аппаратом. Важным дополнением к этому незаменимому электронному инструменту является еще один CD-диск, содержащий «Греческие документальные тексты» (1991–6, опубликованные до 1995 г. тексты надписей и папирусов). Хотя основная часть его материала касается античности, однако в расчет принимаются ранне- и средневизантийские надписи и даже некоторые печати; не забыты также очень важные папирусы VII – начала IX в., в большинстве своем написанные в период арабского правления в Египте. Поскольку более поздние источники совершенно не представлены ни у Лиддла и Скотта, ни в дополнениях к их работе, новую и редкую лексику из них пришлось включить в состав нового *LBG*. В дополнение к использованию CD с «Греческими документальными текстами», папирологам, а также любому из греческих филологов стоит однажды в год заглядывать в Интернет, где Д. Хейдждорн размещает усовершенствованный список слов, взятых из новых публикаций, пополняя, таким образом, словарь греческой папирологии, основанный Преизигке и продолженный Кисслингом, Рупрехтом и прочими в форме индексов (Preisigke, Kiessling, Rupprecht, and others. 1925–2000) (см. также глава I.2.11. Папирология).

Можно было бы предположить, что создание печатных конкордансов, особенно характерное для Европы, а также США в послевоенный период, в ближайшем будущем сойдет на нет. Тем не менее, до сих пор все еще появляются новые их образцы, наиболее важным из которых является *Thesaurus Patrum Graecorum* (1990). Этот проект, почерпнувший исходные материалы из *TLG*, имеет следующие преимущества: в нем используются исправленные тексты изданий, он содержит список редких или «проблемных» слов, в нем приводится исчерпывающая информация по именам собственным, в нем даются полноценные словарные статьи (т. н. полная лемматизация) и в нем представлена словарная статистика. Единственным сомнительным аспектом представляется использование микрофишей, содержащих конкордансы имен собственных (вместо самих печатных версий). Наверняка среднестатистический пользователь предпочел бы обратиться напрямую к *TLG*, и не быть вынужденным использовать дополнительное механическое оборудование?

Основные проблемы

(а) Хотя древнегреческие и средневековые ученые и грамматики проявляли интерес к этимологии, по крайней мере, в том, что касается классической лексики, ее основы по-настоящему были заложены только с развитием современной лингвистики. Для изучения современного греческого у нас есть лексикон Андриотиса (Andriotes 1974), тогда как аналогичные исследования в области византистики пока еще в самом разгаре. Рассматривая истоки византийской лексики, следует выделить два основных аспекта: с одной стороны, эволюцию древнегреческой лексики в направлении более современных форм, а с другой стороны, влияние языков соседних народов в условиях определенного времени и местности. Влияние латыни, результатом которого являются производные от традиционной римской терминологии (в области законодательства, военного дела, административного управления), намного сильнее влияния других языков. Далее на значительном расстоянии следуют арабский и славянский языки, а позднее – итальянский, французский и турецкий.

(б) Еще одной проблемой, затронувшей византийские тексты в большей степени, нежели древнегреческие, является вопрос надежности изданий. Только постепенно, путем взаимодействия переиздания и лексикографического процесса, можно будет исключить все еще многочисленные неуместные аттические корректуры более ранних издателей, чтобы найти твердые основания для необходимых изменений текста, и объединить наши познания в области средневековой орфографии (особенно в том, что касается расстановки ударений и развития отдельных слов из предложных фраз). Тем не менее, было бы весьма неразумно принять за основу модель, которой следовал Криарас, начиная от пятого тома своей работы и далее, и использовать акцентуацию *monotoniko*. Такая система ударений результат не исторического развития, а современного практического использования, и потому вряд ли является следствием трудов византийских переписчиков.

(в) Филология имеет тенденцию стремиться к полноте. В качестве примера можно привести *Thesaurus linguae latinae*, составителям которого потребовалось более ста лет, чтобы покрыть две трети алфавита. Что же касается античного греческого языка, то многочисленные упущения у Лиддла и Скотта теперь могут быть восполнены за счет *TLG*, так же как и многие недостатки работы Лэмпа для патристического периода. Однако для византийского периода только народная литература находится в процессе разработки своего лексикона, который скрупулезно пополняется каждым новым значимым словом (имеется в виду уже упоминаемое издание Криараса). *LBG* находится в совершенно иной ситуации. Большие объемы текстов, с которыми приходится иметь дело, требуют дифференцированного подхода и преследуют двоякую цель: выявить как можно больше новых и редких слов из тысяч различных изданий и допустить, при этом, как можно меньше ошибок. Конечно же, останется еще много пробелов в отношении семантики, которые придется восполнять будущим поколениям, читая и перечитывая тексты.

(г) Очень важный вопрос касается вариантности чтений, возникающей прежде всего в процессе длительного развития традиции создания манускриптов.

Однако, уже более ста лет назад стало известно, что литература на народном языке особенно подвержена преднамеренным изменениям, и этот факт должен все более и более приниматься в расчет для других, наиболее аттических текстов. Поэтому научный аппарат таких надежных изданий как хроника Константина Манасси или роман Евстафия Макримволита будут максимально использованы в *LBG*.

(д) Это подводит нас к проблеме индексов и специализированных глоссариев. В ходе подготовки *LBG* часто становилось понятным, что в указателях как к старым, так и к современным изданиям (включая некоторые тома *CFHB*), пропущены не только интересные варианты, но и многие редкие и единственные в своем значении слова. В сравнении с классическими филологами византистами, за редким исключением, не настолько повезло со специальными словарями. Одним из них является давно устаревший лексикон Пселла (Renauld 1920), другим – исчерпывающий инструмент для изучения средневековых греческих документов Сицилии и южной Италии (Caracausi 1990). Впрочем, в наше время благодаря *TLG* отсутствие хороших индексов будет не столь ощутимо и работы, подобные работе Каракаузи, по-прежнему будут оставаться лучшим способом глубокого проникновения в лексику отдельного автора или группы текстов.

(е) В средневековом греческом языке очень важную роль играют специальная лексика: законодательство, управление, военное дело, медицина (включая ятрософию (иатрософию)), астрономия и астрология, наименование растений и проч. Как явствует из введения к работе Лиддла и Скотта, многие специалисты внесли свой вклад в освещение технических терминов такого рода. В этом же нуждается и лексикон византийского периода, особенно *LBG* (до сих пор только термины из области ботаники получили удовлетворительную трактовку), по крайней мере, в необходимом приложении или в возможно новом издании.

(ж) Исследования в области византистики в любом случае требуют как смотреть вперед, так и оглядываться назад, в прошлое для нахождения верной перспективы. В сфере лексикологии в расчет также необходимо принимать и современный период. Так, в средневековой и даже позднеантичной лексике (особенно в формах, встречающихся в нелитературных папирусах) можно найти много примеров слов, которые плохо отражены в литературе, но сохранились в современном греческом и его диалектах (в особенности понтийском).

ЛИТЕРАТУРА

- ADRADOS, F., GANGUTIA, E., and others. 1980. *Diccionario griego-español* (Madrid).
 ANDRIOTES, N. 1974. *Lexikon der Archaismen in neugriechischen Dialekten* (Vienna).
 — 1988. *Etymologiko lexiko tes koines neoellenikes* (Thessalonike, 3rd edn.).
 CARACAUSI, G. 1990. *Lessico greco della Sicilia dell'Italia meridionale (secoli X–XIV)* (Palermo).
 COLERA, P., SOMOLINOS, J., and others. 1998. *Repertorio bibliográfico de la lexicografía griega* (Madrid).

- Du CANGE, C DUFRESNE SIEUR. 1688. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis* (Lyons).
- GREEK DOCUMENTARY TEXTS, CD-Rom 7.1991–6 (The Packard Humanities Institute).
- HASE, C. B., DINDORF, G., and DINDORF, L. 1831–65. *Thesaurus graecae linguae ab H. Stephano constructus* (Paris).
- Historikon lexikon tes neas hellenikes*. 1933. (Athens).
- KAZAZES, I. N., and KARANASTASES, T. A. 2001. *Epitome tou Lexikou tes mesaionikes hellenikes demodous grammateias 1100–1669 tou E. Kriaras, Tomos A, A-K* (Thessalonike).
- KOUMANOUDES, S. 1888. *Synagoge lexeon athesauriston en tois hellenikois lexikois* (Athens).
- KRIARAS, E. 1969. (continued 2006 by I. Kazazes and others). *Lexiko tes mesaionikes hellenikes demodous grammateias* (Thessalonike).
- LAMPE, G. W. H. 1961–8. *A Patristic Greek Lexicon* (Oxford).
- LIDDELL, H. G., and SCOTT, R. 1925–40, 1996. *Greek-English Lexicon with Revised Supplement* (Oxford, 9th edn.).
- MEURSIUS, J. 1614. *Glossarium graecobarbarum* (Leiden).
- PAPADOPOULOS, A. 1958–61. *Historikon lexiko tes Pontikes dialektou* (Athens).
- PREISIGKE, F., KIESSLING, E., RUPPRECHT, H., and others. 1925–2000. *Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden I–III, Suppl. I–III* (Berlin–Amsterdam–Wiesbaden).
- RENAULD, E. 1920. *Lexique choisi de Psellos* (Paris).
- SOPHOCLES, E. A. 1870. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods* (Cambridge, Mass.).
- Thesaurus Linguae Graecae*, CD-Rom E. 2000 (University of California).
- Thesaurus Patrum Graecorum*. 1990. (Turnhout).
- TRAPP, E., and others, 1994. *Lexikon zur byzantinischen Gräzität* (Vienna).

Углубленное чтение

- HÖRANDNER, W., and TRAPP, E. 1991. *Lexicographica Byzantina* (Vienna).
- TRAPP, E. 1987. 'A Greek Lexicon of the middle Byzantine period', *BMGS* 11: 231–9.
- 1994. 'Lexicographical notes illustrating continuity and change in medieval Greek', *DOP* 49: 243–55.
- 1997. 'Das Lexikon zur byzantinischen Gräzität', *3000 Jahre Griechische Kultur* (Sankt Augustin): 83–97.
- 2003. 'The role of vocabulary in Byzantine rhetoric as a stylistic device', in E. Jeffreys (ed.), *Rhetoric in Byzantium* (Aldershot): 137–50.
- and others. 1988. *Studien zur byzantinischen Lexikographie* (Vienna).

Глава I.2.10 ГРЕЧЕСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

Найджел Уилсон

I

Палеография обязана своим существованием недобросовестности монахов и теологов. Ее изобрели, когда возросла необходимость проверять подлинность документов и рукописей, цитируемых в церковной полемике в конце XVII в. Честь этого изобретения принадлежит французским бенедиктинцам Конгрегации св. Мавра, в частности, Жану Мабильону, чей труд *De Re Diplomatica* 1681 г. положил твердое основание изучению старинных латинских рукописей и документов, и Бернару де Монфакону, в 1708 г. опубликовавшему *Paleographia Graeca*, работу, сверяться с которой время от времени и не без пользы можно даже сегодня. Заглавия этих двух книг и дали названия двум вновь созданным вспомогательным дисциплинам – дипломатике и палеографии; разница между ними проистекает от того факта, что Мабильон изначально занимался документами, тогда как Монфакон основной интерес проявлял к экспертизе рукописей, которые использовались для новых изданий греческих Отцов Церкви, опубликованных под эгидой ордена (см.: Wattenbach 1896: 1–39).

Ни одна сфера исследований не является полностью новой и беспрецедентной. К примеру, нам известно и о древних грамматиках, предлагавших трактовать неизвестное слово в *Илиаде* 4.412 как результат неправильного прочтения букв, схожих по своей форме, в данном случае, «тав» и «лямбда» (цитируется в изложении трудов Елладия в *Библиотеке* Фотия, «кодекс» 279 (531 b 15–21)). Время от времени средневековые ученые обращались к «древним» или «очень древним» копиям, как сделал это Димитрий Триклиний, к примеру, в своих комментариях к произведению Эсхила «Персы» 632 и 1025 и Софокла «Электра» 850. Но дальше этого они не пошли, равно как и лучшие ученые Итальянского Ренессанса, добившиеся сверх того лишь сравнительно небольших успехов. Амброджио Траверсари был поражен древностью знаменитой копии Эсхила, Софокла и Аполлония Родосского, находящейся в данный момент во Флоренции (Laug. 32.9), и оценил ее возраст в шестьсот лет. Кардинал Виссарион, исследуя

проблему подделки в тексте св. Василия, признавал, что дату создания этого, очевидно, очень старого манускрипта нельзя установить точно, так как в выходных сведениях в колофоне не был проставлен год его создания (Easterling 1977: 179–87; Wilson 1992a: 61).

Немногие ученые имели возможность исследовать рукописи в достаточно большом количестве для приобретения опыта, который позволил бы им очертить для себя границы предмета, и даже после выхода книги Монфакона. Это было помехой для многих. Поэтому становление науки проходило медленно. Следующий значимый вклад внесли *Commentatio Palaeographica* добавленные Ф. Дж. Бэстом в его издании 1811 г. *De Dialectis* Григория Коринфского (Schaefer 1811: 701–861, 914–38, с семью иллюстрациями; ср. Sirian and D’Aiuto 1995: 11).

Место Монфакона занял полновесный трактат Виктора Гардхаузена (Viktor Gardthausen), в 1879 г. опубликовавшего свою *Griechische Paläographie*, подвергнушуюся существенным изменениям во втором, двухтомном издании (Leipzig, 1911–13). Трактат не был проиллюстрирован фотографиями, но к нему прилагались таблицы, содержащие образцы написания букв, взятые из многочисленных документов и рукописей, датируемых периодом вплоть до конца XV в. И хотя такие таблицы все еще могут пригодиться неопытным студентам, они не могут передать общего впечатления от того или иного почерка, что также важно. Если почерк имеет хоть немного характерных особенностей, и рассматриваются они выборочно и невнимательно, сделанные на этом основании выводы могут ввести в заблуждение. Работа Гардхаузена на сегодняшний день устарела, а план издания нового всеобъемлющего справочника до сих пор не осуществлен.

Между греческой и латинской палеографией существуют различия. В первую очередь, это вопрос хронологического порядка. В принципе, в рассмотрение следовало бы включить все греческие рукописные шрифты от времен античности и далее. Во времена Монфакона только монеты и надписи были источником данных об античном мире, но как только в больших количествах начали находить папирусы, ситуация полностью изменилась и история рукописных шрифтов, применявшихся с 350 г. до н. э. и далее стала изучаться довольно широко. На практике папирология стала отдельной дисциплиной (см. глава I.2.11), а греческие палеографы обычно считают свою дисциплину ведущей начало от 350 г. н. э., что является приблизительной датой появления самых знаменитых образцов каллиграфического шрифта, ставшего стандартным в литературных текстах на весьма долгое время. С другой стороны, нижний хронологический предел возникновения греческой палеографии относится, наверное, к немного более позднему времени, чем латинской. Хорошо известен тот факт, что печатание греческих текстов по-настоящему началось лишь с конца XV в., и при этом вплоть до второй половины XVI в. все еще создавались и рукописные копии, особенно редких текстов, в результате чего концом периода считается 1600 г.

Второе различие касается идентификации стилей, характерных для конкретного региона или отдельного скриптория. Для латинских книг такая стилевая идентификация более точна. В грекоязычном мире, похоже, наблюдается более высокий уровень единообразия. Таким регионом, созданные в котором книги можно отличить от прочих, является так называемая Итало-Греческая область,

то есть южная Италия и Сицилия. Но объективные данные не всегда имеют решающее значение, и в некоторых случаях принадлежность определяется степенью убежденности (см.: Reinsch 1991: 79–97, особенно 90–1). Что касается отдельных скрипториев, утверждалось, что рукописи, произведенные в Студийском монастыре в Константинополе, отличаются наличием знака в виде двух или трех крестов в верхнем поле на первой странице. Однако вполне очевидно, что такой обычай был особенностью не одного монастыря и, таким образом, кресты – это скорее намек на место происхождения, чем его доказательство (как это было осознано у Leroy 1961: 48–9; ср.: Wilson 1972–3: примечания в таблицах 25 и 26).

В этом довольно важном аспекте греческая палеография получает, таким образом, менее точные результаты, чем латинская. Справедливо также будет заметить, что до недавнего времени многие греческие рукописи создавали дополнительную проблему: точно датировать их было затруднительно, с одной стороны, из-за намеренного архаизма, практиковавшегося некоторыми переписчиками, а с другой стороны, из-за быстрого развития скорописи, практиковавшейся некоторыми читателями, в особенности учителями и учеными, не обладавшими каллиграфическим почерком. Существенный прогресс характерен сегодня для обеих этих групп документов. С определенной долей уверенности считается узнаваемой одна общая форма архаичного письма, применявшаяся в 1280–1330 гг. (как именно – обсуждается ниже), также стала яснее логика развития научных скорописных почерков.

II

В середине IV в., когда свиткам в большинстве своем пришли на смену кодексы, новый каллиграфический шрифт был усовершенствован. Этот шрифт, обычно называемый унциальным, развивался постепенно, в течение долгого периода. На несколько веков он стал, вероятно, наиболее важным, хотя ни в коем случае не единственным шрифтом, применявшимся для литературных текстов (обильно иллюстрированное обсуждение особенностей унциального шрифта см. у Cavallo 1967; а наиболее полезный альбом, содержащий образцы других рукописных стилей, Cavallo and Maehler 1987). Пример консервативного литургического применения унциального шрифта см. на рис. 1.

Так как оба наиболее известных ранних образца унциального шрифта являются библейскими – Синайский кодекс (London, BL, Add. 43725) и Ватиканский кодекс (Vat, gr. 1209), этот тип письма обычно относят к библейскому унциальному, или маюскульному. Но указанное прилагательное сбивает с толку, поскольку есть небольшие фрагменты, доказывающие, что с его помощью также писались и классические тексты (Cavallo 1967: 64–5 приводит несколько примеров из папирусов). Основные черты данного шрифта в той его форме, которую можно назвать канонической, заключаются в его почти эпиграфической равномерности, контрасте между тонкими и толстыми штрихами, отсутствии засечек и тенденции удлинять нижние выносные элементы у букв «ро» и «ипсилон». Следует заметить, что в других типах письма не наблюдается разделения слов, пунктуация

рудиментарна, а ударений обычно не хватает (в некоторых рукописях они были добавлены позже и явно другими чернилами).

Постепенно элегантность шрифта была утрачена. Добавились засечки и некоторые буквы стали шире, чем следует. Датирование образцов, начиная с V в. и далее, часто едва ли основывается на чем-то большем, нежели простое субъективное суждение относительно того, до какой степени шрифт отклоняется от лучших образцов каллиграфии. В колофонах того периода точные даты не указывались. Лишь две книги можно датировать с приблизительной точностью. Одна из них – знаменитый Венский Диоскорид (Vienna, ÖNB, Med. gr. 1) 512 г. н. э. Другая – наиболее известный из латинских манускриптов VI в., флорентийские *Пандекты*, хранящаяся в Библиотеке Лауренциана, в которой многочисленные переписчики вписали отрывки на греческом языке. Эту книгу, вероятно, следует датировать несколькими годами позднее составления *Дигест* в 533 г.

Ударения и придыхания, похоже, проставлялись самими переписчиками, а не добавлялись позднее. Один из переписчиков использует очень грубую форму буквы «фи», почти как в коптском унциале. Так или иначе, но эти переписчики, владевшие двумя языками, достигали довольно высоких стандартов, не будучи каллиграфами высшей пробы (см.: Wilson 1992b: 1–6). Точно также как обстоит дело с установлением дат, мы сталкиваемся с проблемами в определении мест происхождения рукописей: рискованно было настаивать на происхождении документа из какого-либо определенного региона. Даже когда можно исследовать мельчайшие стилистические различия, нет надежного средства для определения того, являются ли они характеристиками отдельного скриптория, целого региона или периода времени. Кавалло (Cavallo 1967) сделал героическую попытку различить книги по месту создания, но скептицизм по этому поводу закономерен (см.: Wilson 1971: 238–40). Тем не менее Т. С. Скит (Skeat 1999: 583–625) сейчас уже определенно утверждает, что Синайский и Ватиканский кодексы были написаны в одном и том же скриптории в Кесарии.

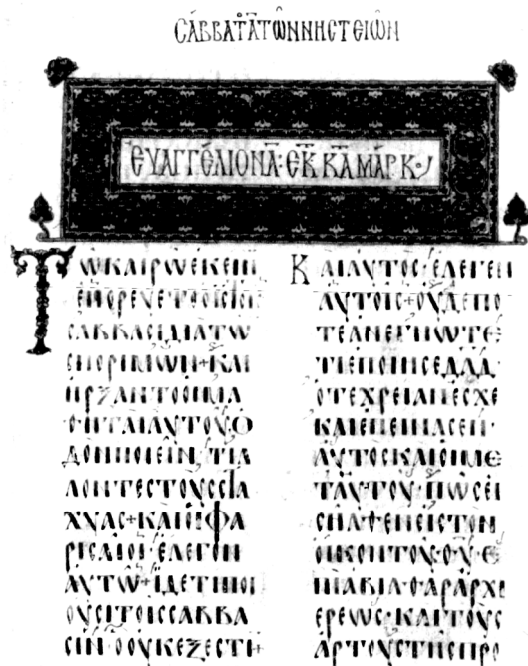

Рис. 1. Lincoln Gr. 15, с. 243 (ранее XI в.)

Евангелие (Колледж Линкольна, Оксфорд)

Существовали и другие разновидности унциала. Одна из них, о которой стоит упомянуть, известна как александрийский или коптский унциал, поскольку считается, что она послужила образцом для коптского алфавита. Она предположительно пользовалась популярностью в V–VI вв. и продолжала применяться еще некоторое время и позднее. Угловатость библейского унциального шрифта сменилась округлостью начертаний, особенно это касается букв «альфа», «ми», «фи», писавшихся зачастую широкими штрихами, тогда как «эпсилон» и «сигма» на удивление – узкими. Он использовался в литературных текстах, наиболее известный из которых Р. Оху. 2258 Каллимаха, знаменитый своими обильными схолиями на полях. Когда появился этот шрифт и насколько широко он использовался за пределами Египта, остается невыясненным (список примеров и обсуждение см.: Irgoin 1959: 29–51, пространнее у Hemmerdinger 1964: 125–8).

Другой основной разновидностью унциала является наклонный, остроконечный стиль, используемый со времен поздней античности до X в. Наклон обычно правый, исключение – «Oxford, Bodl. Auct. T. infra II.2», обычно датируемый 979 г. В позднейших образцах этого шрифта его основными отличительными чертами являются широкие штрихи и выступающие засечки. Результат зачастую непригляден.

Во всех типах унциального шрифта сокращения, как правило, встречаются редко. Можно найти регулярно употребляемое *nomina sacra*, но с другой стороны переписчики сокращают сами себя, используя ξ или S вместо *kaí* и горизонтальный штрих в конце строки вместо «ни».

III

Использование маюскульных, капитальных шрифтов неэкономно с точки зрения производства кодексов, и они не могут писаться так же быстро, как скорописные формы букв. Были ли когда-нибудь по-настоящему в дефиците папирус или пергамен, остается неясным (обсуждение особенностей использования и изготовления папируса во времена поздней античности см.: Lewis 1974: 90–4, а о письменных принадлежностях в средневековье в целом см. находящуюся в печати работу Уилсона). Тем не менее, до некоторой степени вероятно, что в VIII в. переписчики начинают поиск альтернативных форм почерков, которые могли бы заменить унциал, экспериментируя с модификациями шрифтов, используемых в документах. Известны различные стили минускульного письма. Результат одного из таких экспериментов виден в Vat. gr. 2200, расшифровка которого требует от читателя величайшего мастерства. То же касается и других подобных экспериментов, что особенно заметно в случае находок в монастыре св. Екатерины на Синае в 1975 г.; см. иллюстрации 9a–d в предварительной публикации Politis 1980: 5–17, дополненной Nikolopoulos 1999. Еще один пример был найден в заметках на полях у Wolfenbittel, Helmst. 75a (иллюстрации в Cavallo and Maehler 1987: plate 44). Но то каллиграфическое решение этой задачи, которое имело всеобщее распространение, заключается в том, что был создан шрифт весьма элегантной формы, создающий в то же время минимум проблем читателю. Хотя вероятнее всего он был придуман в конце VIII в., и некоторые со-

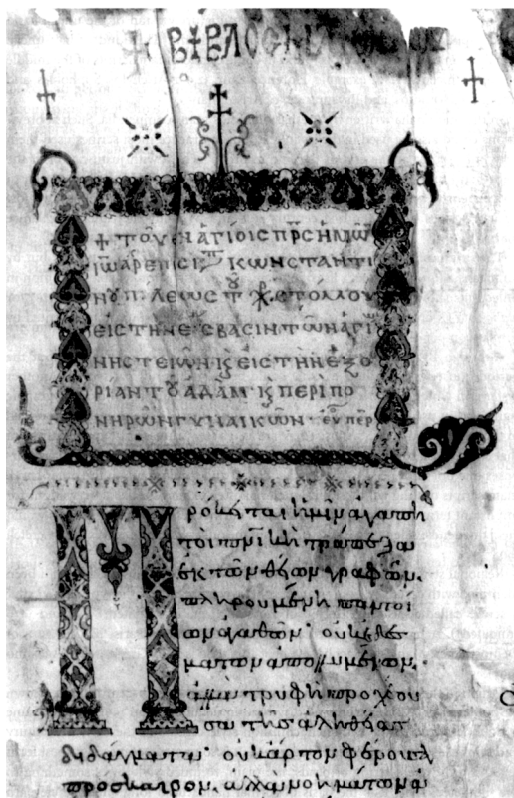
хранившиеся экземпляры могут быть даже настолько же древними, как и первый точно дотированный и дошедший до нас образец 835 г. (St Petersburg 219, копия Евангелия). Точно не установлено, где была изобретена эта удачная форма минускульного письма. Одно из возможных мест ее появления на свет – монастырь св. Иоанна Крестителя, основанный прп. Федором Студитом в Константинополе (см.: Allen 1920: 1–12).

На первый взгляд это письмо кажется странным и тяжелым для прочтения. Легче становится, когда осознаешь, что существуют лигатуры, соединяющие вместе две или три буквы, и в них один и тот же знак может выполнять двойную функцию: он представляет собой последнюю часть одной буквы и первую часть другой. И хотя шрифт первого датируемого образца и кажется элегантным и зрелым, следует отметить, что в минускульном письме IX в. ударения и придыхания зачастую отсутствуют и разделение слов также не в чести. В IX – начале X вв. многие переписчики писали исключительно минускульным письмом, то есть шрифтом, уменьшенным до соответствующего размера и не включавшим в себя унциальных форм. Тем не менее в IX в. некоторые переписчики начали отклоняться от стандартного стиля и использовать маленькие унциальные буквы. Частота появления в тексте таких букв предположительно может служить грубым указателем даты создания рукописи, но пользоваться этим следует с осторожностью. Существует предположение, что книги, произведенные в Итало-Греческой области, по сравнению с изданиями митрополии и Востока, имели старомодный вид (статистика была предоставлена Follieri 1962: 15–36; опасения высказаны Irgoin 1966: 263). Наиболее поздними экземплярами рукописей с установленной датой по всей видимости являются: Oxford Auct. D.4.1 (950 г.) и Meteora 565 (969 г.) (см. диск 24 в *MGB*, с комментариями). С того времени и далее переписчики стали регулярно практиковать размещение букв шрифта ниже линии строки вместо того, чтобы располагать их на этой линии. Рис. 2 является примером стандартного минускульного почерка X в.

Вероятно, лучшей каллиграфией в IX в. отличаются документы, местом создания которых является общеизвестный «скрипторий Алена». Они узнаваемы по превосходному почерку главного каллиграфа и использованию редкого сокращения (большинство рукописей были идентифицированы в работе Алена (Allen 1893: 48–55); а сокращением является \vee вместо слога «*альфа-йота*»). Такие книги, возможно, изготавливались в окружении Фотия. Немного позднее, на рубеже века, некоторые книги, написанные по заказу библиотеки Арфы, также демонстрируют высокие стандарты почерка; лучшим, вероятно, является Евклид, написанный для него Стефаном в 888 г. (Oxford, Bodl., D’Orville 301).

В этом и других произведениях Арфы собственноручно добавил маргиналии¹, представляющие собой очень четкий и миниатюрный образец унциального почерка, истоки которого вероятно восходят к поздней античности. Эта разновидность полуунциального шрифта и стала применяться. Она обнаруживается в некоторых классических рукописях X в., к примеру, Florence, Laur. 32.9 – Эсхил, Софокл, Аполлоний Родосский, и Ravenna 429 – Аристофан.

¹ Заметки на полях – прим. переводчика.

Рис. 2. Laud Gr. 75, fo. 2^r (977 н. э.).

Иоанн Златоуст. Гомилии на Книгу Бытие (библиотека Бодлиана Оксфордского университета)

В маргиналиях, оставленных Арефой, можно найти множество сокращений. Такие сокращения можно было использовать и в основном тексте, но на практике большинство переписчиков делали это весьма редко, употребляя их в виде исключения в конце строки, чтобы способствовать выравниванию правого поля текста. Стоит отметить, что они часто сопротивлялись искушению сэкономить дорогостоящие письменные материалы. Такая же умеренность отличала большинство античных переписчиков ранее I в. до н.э., и еще многих с того времени (McNamee 1981: XI).

Истоки этих сокращений неясны. Некоторые из них, но отнюдь не все, восходят к эпохе античности, к при-

меру, список старинных аббревиатур слогов, повсеместно применявшихся во флексиях, не очень близок и свойственен византийской системе письма, кроме знака J вместо «альфа-йота» (McNamee 1981: 115–17). Но формы глагола $\epsilon\iota\mu\acute{\iota}$ представлены схожим сокращением.

Хотя византийские сокращения и не были одинаковы во всех областях империи на протяжении рассматриваемого периода, большинство переписчиков придерживались так называемой «нормальной системы». Другая система, с более высокой долей слогов, представленных тахиграфическими символами, некоторое время использовалась в монастыре Гроттаферрата возле Рима, основанном в X в. св. Нилом. Также есть немного рукописей, по всей видимости, из того же самого монастыря, демонстрирующих полностью сформировавшуюся стенографическую систему. Для обычных повседневных задач нет необходимости осваивать вторую или третью системы. С другой стороны, рукописи, имеющие отношение к специализированной тематике часто содержат специальные сокращения значимых терминов, к примеру, грамматических. Дальнейшие исследования сокращений могли бы быть плодотворны. Хотя работа Алена все еще используется специалистами, единственным систематическим исследованием остается Cereteli 1904².

Региональные стили раннего (т. е. IX–X вв.) византийского минускула точно не выявлены. К примеру, не утихают споры вокруг типа почерка, названного по имени переписчика Анастасием (переписчик рукописи Paris, BN, gr. 1470 (дати-

ровано 890 г.), и 1476 (недатировано). Знаменитым классическим манускриптом, написанным в этом стиле, является рукопись Демосфена (Paris, BN, gr. 2934). Многие ученые считают этот стиль итало-греческим (см.: D'Agostino 1997).

Свои начала от капитального письма, вероятнее всего, берет и другой популярный стиль X в., известный как «bouletée» или «Kirchenlehrerstil», подробно обсуждавшийся у Agati 1992 и то же самое, без сомнения, верно в отношении крайне общепотребительного стиля, созданного в XI в. и известного как «Perlschrift» («Жемчужный шрифт»); (см.: Hunger 1954). Он назван так потому, что в своем наилучшем виде немного похож на нитку бус. Будучи простым шрифтом округлой формы, в некоторой степени обязанным стилю «bouletée», он является базовым для формализованных стилей письма, использовавшихся еще долгое время после XI в. О предварительной классификации книжных шрифтов, использовавшихся в XI и XII вв. см.: Canart and Perria 1991: 67–118.

IV

Консерватизм был характерной чертой византийской литературы, проявлявшейся и в шрифтах того или иного периода. Переписчики имитировали стиль почерка, служивший им образцом, подавляя любую склонность проявить индивидуальный характер. Это особенно верно в отношении библейских, литургических и теологических текстов. Имитации зачастую были столь успешны, что во многих случаях нам очень сложно их датировать. Мода на архаику явственно прослеживалась в эпоху Палеологов (1280–1330 гг.). Многие из сохранившихся книг того периода демонстрируют устойчивую, но не полностью выхолащенную и лишенную таланта имитацию каллиграфии XI и XII вв. Некоторые содержат классические тексты, например, Платона (Vat. gr. 225–6), Теофраста (Vat. gr. 1302). Недавнее исследование поставило нас в более выгодную позицию, дав возможность отличать оригинал от копии (Prato 1979: 151–93).

Три случая исключительного архаизма: пражская рукопись Платона 1300 г. (Prague, VI. Fa. 1) и копии XV в. Аполлония Родосского и Архимеда стали предметом особого внимания. О пражском Платоне см. недавнюю публикацию Irigoín 1997; об Архимеде (Florence, Laur. 28.4), см. Irigoín 2000; о рукописи Аполлония Родосского (Vat. Pal. gr. 186) см. у Irigoín 1981. В последнем случае ответ подсказал пергамен. Его цвет и текстура наводили на мысль скорее об итальянском, чем о византийском происхождении. В других случаях можно было утверждать, что некоторые даты исключены, потому что книга написана на определенном виде бумаги. Что же касается других палеографических проблем, то здесь необходимо применить весь имеющийся опыт, прежде чем вынести по ним достоверное суждение. Ограничимся одним полезным советом: как правило, даже самый аккуратный из архаичных переписчиков в конечном счете выдает себя каким-либо анахронизмом, к примеру, использованием сокращения в форме, неизвестной в прежние, более ранние времена, сочетанием ударений и придыханий или ударений и буквенных сокращений.

В поздний период эпохи Палеологов был введен в употребление новый стиль формализованного письма, который, в конце концов, надолго стал считаться воз-

можным образцом. Он назван в честь монастыря Одигон в столице¹, где и получил свое начало, и ассоциируется в особенности с переписчиком по имени Иоасаф, трудившимся с 1360 по 1406 гг. (см.: Politis 1958: 26 ff. и Politis 1982; Иоасаф значится под номером 208 в *RGK*, vol. 1).

V

В XII в. нам встретятся различные стили, которые, хотя и не заслуживая эпитета каллиграфических, не являются скорописью и не отличаются особенной индивидуальностью. Некоторые из них относят к провинциальным областям Византии. Заметным и легко узнаваемым примером является так называемый шрифт Реджио, используемый многими итало-греческими копиистами, особенно теми, кто работал в области, находившейся под влиянием известного монастыря Сан-Сальваторе в Мессине². Для него характерны выступающая «лямбда», узкая «эпсилон», широкая «ми» (об этом стиле см.: Canart and Leroy 1977 и Foti 1989). Менее узнаваем шрифт, приписываемый Калабрийскому монастырю Патирион в Россано. Он подобен Реджио и предположительно доводится ему предком. На некоторых его образцах представлена «омега» с чрезмерно удлинённой нижней частью; ещё одной традиционной отличительной чертой является надписание ударения перед знаком придыхания. Ни один из этих признаков не является общим для всех (см.: Lucà 1985–6). Совсем другой стиль развивался в противоположном конце Итало-Греческой области – в районе «каблука Итальянского сапога» – вокруг г. Отранто. Наиболее характерные его примеры относятся к XIII в. (см.: Jacob 1977).

Несколько более противоречива принадлежность ещё одного стиля, так что, возможно, даже уместнее было бы говорить о двух стилях: Палестинском и/или Кипрском. Один из них был назван стилем «Эпсилон», другой известен как 2400 или «*Каракхиссар*», как намек на две рукописи, одна из которых теперь находится в Чикаго и значится под таким номером в списке манускриптов Нового Завета, а другая сейчас в Санкт-Петербурге (gr. 105), но была куплена в Каракхиссаре возле Трабзона (Трапезунда).

Книги, написанные этим вторым стилем, многочисленны; в каталог их уже занесено более восьмидесяти. Наиболее свежие исследования по этой проблеме подтверждают ту точку зрения, что эти типы шрифта развивались в одно и то же время и в столице, и в Палестине (Gamillscheg 1987).

VI

Переписчики, воспроизводившие тексты для личного пользования, зачастую меньше заботились об их каллиграфической форме. Индивидуальные особенности почерка не подавлялись, и распознать таких переписчиков относительно

¹ Монастырь Одигон или Панагии Одигитрии в Константинополе, основанный св. Пульхерией, сестрой императора Феодосия II, в V в. – *прим. переводчика*.

² Сантиссимо-Сальваторе – монастырь византийского обряда в Мессине (Сицилия), основан в IX в. (*прим. переводчика*).

легко. Многие из таких переписчиков были учителями; они часто копировали классические тексты. Уже в X в. время от времени проявляется склонность писать «своим» почерком или авторской скорописью, но явно выраженную индивидуальность письма с элементами скорописи, проявляющуюся, в частности, в чрезмерной длине штриха при написании «*альфа*», сокращениях вместо «*он*» и «*ων*», и в расстановке ударений, мы обнаруживаем лишь в середине XI в. Рукопись Исократа, датируемая 1063 г. (Vat. gr. 65), великолепный тому пример. Проследить за ходом развития таких почерков не так просто, так как немногие рукописи имеют даты в колофоне. Тем не менее некоторые официальные документы, содержащие дату и являющиеся скорее оригиналами нежели копиями, имеют некоторые сходные черты скорописи и позволяют выстроить определенную картину. Можно уточнить дату, прежде приписанную большинству манускриптов в стиле скорописи; применение элементов скорописи, как считалось, указывало на более позднюю дату, скажем, XIII–XIV вв. Поразительнейшим примером тому является переписчик Иоанникий. Он был очень плодovit: его многообразный почерк узнаваем приблизительно в двадцати рукописях, почти все из которых содержат классические тексты и в большинстве своем строго соответствуют традициям. Его манускрипты с уверенностью датировали 1320 г., но впоследствии их пришлось «переместить» в XII в., поскольку некоторые из его книг имели на полях пометки пизанского переводчика Бургундио, умершего в 1193 г. Самая последняя из работ – латинские версии Аристотеля, составленные из копий, сделанных Иоанникием, – наводит на мысль о том, что он писал как минимум в 1135–1140 гг. Его почерк, хотя и значим для исследователей, но представляет собой нечто вроде крайности. Более типичен шрифт, применявшийся его современником Евстафием, который можно описать как почерк ученого, при этом, однако же, довольно чистый (о формах скорописи или почерках ученых предшествующий X в. см.: Menchelli 1996; об их развитии в XI и XII вв. см.: Wilson 1977; об Иоанникии см.: Wilson 1983, 1986, и 1991, а также Vuillemin-Diem and Rashed 1997: 178).

В ранний период эпохи Палеологов многочисленные почерки ученых резко контрастировали с архаичным письмом. Их ряд широк: один общепотребительный тип письма (1280–1310 гг.) живописно назван «*Fettaugenmode*», а один из его вариантов можно назвать «почерком вита-гамма» из-за выступающей формы этих двух букв. Последний стиль, как обычно считалось, применялся не позднее 1300 г., тем не менее один из имеющихся его образцов, датированный 1312–1313 гг., хранится в Париже, BN, Suppl. gr. 462 (RGK II, plate 150). Термин «*Fettaugenmode*» предложил Г. Хунгер (Hunger 1977: 283–90), а «почерк вита-гамма» обязан своим названием Н. Г. Уилсону (Wilson 1977: 263–7). Почерк Патриарха позднего периода Григория Кипрского (ум. 1291 г.) представляет собой несколько утонченный вариант этого письма. Но некоторым ученым также удавалось писать достаточно четко, пример тому – Димитрий Триклиний, чей почерк мог послужить образцом для учеников его школы.

В период с 1350 по 1600 гг. наблюдается огромное разнообразие индивидуальных стилей письма. В большом числе дошедших до нас манускриптов можно распознать работу известных переписчиков (даже если некоторые из них оста-

ются анонимами). Соображения относительно классификации типов можно найти у Harlfinger 1977.

Когда печатникам пришло время заняться внешним видом типографских шрифтов, то в идеале было бы желательно принимать во внимание историю греческой письменности в эпоху античности и средневековья. В одном известном случае, когда это было сделано, результатом стали заглавные буквы в эпиграфическом стиле, украсившие Флорентийские издания Ианоса Ласкариса (1494–1496 гг.). Но в основном они предпочитали более простые решения, выбирая в качестве модели шрифт современного им копииста, имевшего репутацию каллиграфа. Очевидно, именно такое объяснение, наиболее соответствует стилю оформления рукописей, применявшемуся наиболее влиятельным издателем греческих текстов, Альдом Мануцием (см.: Barker 1992).

ЛИТЕРАТУРА

- AGATI, M. L. 1992. *La minuscola 'bouletée'* (Città del Vaticano).
- ALLEN, T. W. 1889. *Notes on Abbreviations in Greek Manuscripts* (repr. 1974; Oxford).
- 1893. 'A group of ninth-century Greek manuscripts', *Journal of Philology* 21: 48–55.
- 1920. 'The origin of the Greek minuscule hand', *JHS* 40: 1–12.
- BARKER, N. 1992. *Aldus Manutius and the Development of Greek Script and Type in the Fifteenth Century* (New York, 2nd edn.).
- CANART, P., and LEROY, J. 1977. 'Les manuscrits en style de Reggio', in *La paléographie* 1977: 241–61.
- and PERRIA, L. 1991. 'Les écritures livresques des Xle et Xlle siècles', in *Paleografia e codicologia greca* (Alessandria): 67–118.
- CAVALLO, G. 1967. *Ricerche sulla maiuscola biblica* (Florence).
- and MAEHLER, H. 1987. *Greek Bookhands of the Early Byzantine Period* (London).
- DE GREGORIO, G., and MANIACI, M. (eds.) 1991. *Scritture, libri e testi nelle aree provinciali di Bisanzio* (Spoleto).
- CERETELI, G. F. 1904. *Sokrashchenija v grecheskih rukopisjah* (St Petersburg, 2nd edn.).
- D'AGOSTINO, M. 1997. *La minuscola 'tipo Anastasio' dalla scrittura alla decorazione* (Bari).
- EASTERLING, P. E. 1977. 'Before palaeography: notes on early descriptions and datings of Greek manuscripts', in *Studia Codicologica* (Texte und Untersuchungen 124; Berlin).
- FOLLIERI, E. 1962. 'La reintroduzione di lettere semionciali nei più antichi manoscritti in minuscola', *Bollettino dell'archivio paleografico italiano* 1: 15–36.
- FOTI, M. B. 1989. *Il monastero del S.mo Salvatore in lingua Phari* (Messina).
- GAMILLSCHG, E. 1987. 'Fragen zur Lokalisierung der Handschriften der Gruppe 2400', *JÖB* 37: 313–21.
- GARDTHAUSEN, V. 1911–13. *Griechische Paläographie* (Leipzig, 2nd edn.).
- HARLFINGER, D. 1977. 'Zu griechischen Kopisten und Schriftstilen des 15. und 16. Jahrhunderts', in *La paléographie* 1977: 327–62.
- HEMMERDINGER, B. 1964. 'La culture classique grecque du VIe au IXe siècle', *Byzantion* 34: 125–8.

- HUNGER, H. 1954. *Die Perlschrift, eine Stilrichtung der griechischen Buchschrift des 11. Jahrhunderts* (Vienna).
- 1977. 'Archaïsierende Minuskel und Gebrauchsschrift zur Blütezeit der Fettaugenmode', in *La paléographie* 1977: 283–90.
- IRIGOIN, J. 1959. 'L'Onciale grecque de type copte', *JÖBG* 8: 29–51.
- 1966. 'Structure et évolution des écritures livresques de l'époque byzantine', in P. Wirth (ed.), *Polychronion (Festschrift Dölger)* (Heidelberg): 253–65.
- 1981. 'Une écriture d'imitation: le Palatinus Vaticanus graecus 186', *ICS* 6: 416–49.
- 1997. 'La datation du manuscrit L de Platon (Pragensis VI Fa 1): une aporie paléographique', *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata* 51: 27–35.
- 2000. 'Une écriture d'imitation: le Laurentianus 28, 4 d'Archimède', *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata* 54: 307–17.
- JACOB, A. 1977. 'Les écritures de Terre d'Otrante', in *La paléographie* 1977: 269–81.
- La paléographie* 1977. *La paléographie grecque et byzantine* (Paris).
- LEROY, J. 1961. 'Un témoin ancien des Petites Catéchèses de Theodore Studite', *Scriptorium* 15: 48–9.
- LEWIS, N. 1974. *Papyrus in Classical Antiquity* (Oxford).
- LUCÀ, S. 1985–6. 'Rossano, il Patir e lo stile Rossanese', *RSBN* 22–3: 90–170.
- McNAMEE, K. 1981. *Abbreviations in Greek Literary Papyri and Ostraca* (BASP Supplement № 3; Chicago).
- MENCHELLI, M. 1996. 'Note sulla corsiveggiante del X secolo', *Bollettino dei classici* 17: 133–41.
- MGB. See Wilson, N. G. 1972–3.
- NIKOLOPOULOS, P. G. 1999. *The New Finds of Sinai* (Athens).
- POLITIS, L. 1958. 'Eine Schreiberschule im Kloster von Hodegon', *BZ* 51: 17–36, 261–87.
- 1980. 'Nouveaux manuscrits grecs découverts au Mont Sinai', *Scriptorium* 34: 5–17.
- 1982. 'Nouvelles données sur Joasaph, copiste du monastère der Hodèges', *ICS* 7: 299–322.
- PRATO, G. 1979. 'Scritture librerie arcaizzanti della prima età dei paleologi e loro modelli', *Scrittura e civiltà* 3: 151–93.
- REINSCH, D. R. 1991. 'Bemerkungen zu epirotischen Handschriften', in Cavallo and others: vol. 1: 79–97.
- RGK = E. Gamillscheg and D. Harlfinger, *Repertorium der griechischen Kopisten* (Vienna, 1981).
- SCHAEFER, G. H. (ed.) 1811. *Gregory of Corinth, De Dialectis* (Leipzig).
- SKEAT, T. C. 1999. 'The Codex Sinaiticus, the Codex Vaticanus and Constantine', *JTS* 100: 583–625.
- SIRINIAN, A., and D'AIUTO, F. 1995. 'Osservazioni paleografiche su antiche traduzioni armene dal greco', *RSBN* 32: 3–16.
- VUILLEMIN-DIEM, G., and RASHED, M. 1997. 'Burgundio de Pise et ses manuscrits grecs d'Aristote: Laur. 87.7 et Laur. 81.18', *Recherches de théologie et philosophie médiévales* 64: 136–89.
- WATTENBACH, W. 1896 (repr. 1958). *Das Schriftwesen im Mittelalter* (Leipzig, 3rd edn.).
- WILSON, N. G. 1971. Review of Cavallo 1967 in *JEA* 57: 238–40.
- 1972–3. *Medieval Greek Bookhands* (Boston).

- 1977. 'Nicaean and Palaeologan hands: introduction to a discussion', in *La paléographie* 1977: 263–7.
- 1983. 'A mysterious Byzantine scriptorium: Ioannikios and his colleagues', *Scrittura e Civiltà* 7: 161–76.
- 1986. 'New light on Burgundio of Pisa', *SIFC* 3: 113–18.
- 1991. 'Ioannikios and Burgundio: a survey of the problem', in G. Cavallo and others: 447–55.
- 1992a. *From Byzantium to Italy* (London).
- 1992b. 'A Greek palaeographer looks at the Florentine Pandects', *Subseciva Groningana* 5: 1–6.
- планируемое (материалы круглого стола, проведенного в рамках Парижского конгресса византинистов 2001) (ed. E. Lamberz and P. Speck).

Углубленное чтение

- Краткое, но фундаментальное введение представлено Н. Hunger в Н.-G. Nesselrath (ed.), *Emleitung in die griechische Philologie* (Stuttgart–Leipzig, 1997), 26–44. Оно включает ряд иллюстраций и библиографический указатель. Несмотря на свою краткость оно более полезно, чем книги В. А. van Groningen и Е. Mioni. Е. Maunde Thompson's *An Introduction to Greek and Latin Palaeography* (Oxford 1912; repr. 2000), содержит полезные транскрипции для начинающих. Достаточно полная библиография вплоть до 1966 г. представлена М. Wittek, *Album de paléographie grecque* (Gand, 1967), 11–15. Более свежая библиография: Р. Canart, *Paleografia e codicologia greca: una rassegna bibliographica* (Littera Antiqua 7; Vatican City, 1991).
- Неоценимы образчики именных и датированных почерков представлены в *RGK*, содержащиеся в настоящий момент в хранилищах библиотек Франции, Великобритании и Ватикана. Много важных статей по данной проблематике увидели свет в хорошо иллюстрированных трудах конгрессов по греческой палеографии, проходящих с 1974 г.: *La paléographie grecque et byzantine* (Paris, 1977); *Paleografia e codicologia greca* (Alessandria, 1991); *Scritture, libri e testi nelle aree provinciali di Bisanzio* (Spoleto, 1991); *I manoscritti greci tra riflessione e dibattito* (Florence, 2000).

Глава I.2.11 ПАПИРОЛОГИЯ

Todd Хики

В самом узком смысле слова «папирология» означает расшифровку и перевод текстов, написанных или нацарапанных на различных носителях текста, в числе которых среди прочих значатся специально обработанные кожи животных (к примеру, пергамен), полотно, древесина, глина (*ostraka*) и, само собой разумеется, папирус. Вопрос сохранности этих текстов также стоит на повестке дня многих папирологов. И хотя папирология традиционно рассматривалась как второстепенная или вспомогательная дисциплина, нечто вроде *Hilfsmittel*¹ в классических исследованиях и других областях, многие издатели текстов также заинтересованы в синтезе, то есть в использовании тех зачастую не имеющих себе равных возможностей, которые папирология предоставляет историкам. Ценность данных папирологии для исследования источников в рамках основных дисциплин все более признается учеными, работающими вне области исследований этой вспомогательной дисциплины: Веаусамп 1992 всего лишь один (и при том замечательный) тому пример.

Большинство текстов, с которыми имеет дело папирология, египетского происхождения. Сухой климат этого края особенно способствует сохранности древнего органического материала, несмотря на то, что, по причине повышения уровня грунтовых вод (в результате строительства Ассуанской плотины) и расширения сельскохозяйственных угодий, теперь это уже не совсем так. Крайние районы пустыни в долине Нила были особенно богаты находками; тогда как сырая Дельта и другие сельскохозяйственные районы, так же как и современные поселения (к большому сожалению, даже Александрия) не располагают условиями, способствующими хранению рукописей. Папирусы часто находят в заброшенных зданиях (например, Bell 1944: 22) или на мусорных свалках (возможно, наиболее известный из таких случаев описан Grenfell 1896–7). В древние времена они часто подвергались переработке, из них получали нечто вроде папьемаше (картона) и создавали для мумий маски, накладки на грудь и ноги (ср.: Petrie

¹ Вспомогательное средство – прим. переводчика.

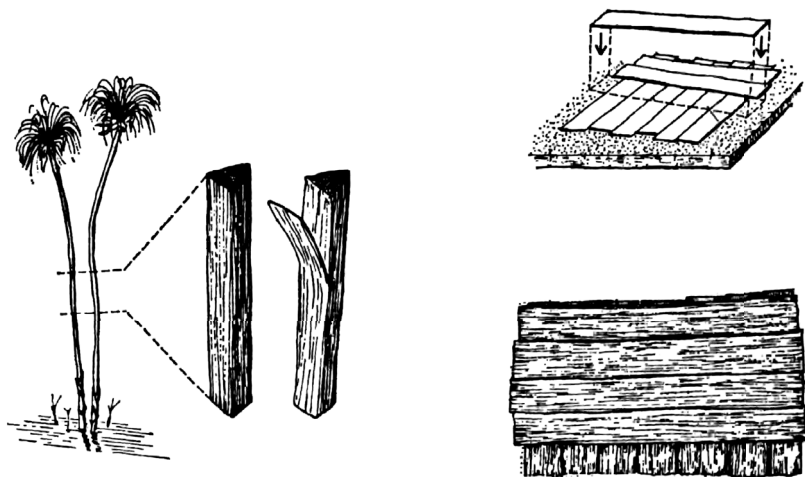

Рис. 1. Производство листов папируса

1891: 34). Карбонизация (методом выдержки на огне) предохраняет папирус от сырости, но делает исключительно трудным его прочтение без помощи специальной (к примеру, мультиспектральной) техники (ср.: Booras and Seely 1999; www.papyrology.ox.ac.uk/POxy/multi/index.html). Это, однозначно, способствовало сохранению папирусов, обнаруженных в ходе раскопок церкви в Петре (ср.: Frösén and others 2002), но некарбонизированные экземпляры сохранились и за пределами Египта, не только в засушливых областях, таких как Хирбет Мирд (см.: van Haelst 1991) и Нессана (см.: Kraemer 1958), но также и в архиепископском архиве Равенны (см.: Tjäder 1954–82) и в библиотеке графа фон Шонборна в Поммерсфельде, где они и были обнаружены в переплете средневекового кодекса (Sirks and others 1996).

Упомянув об истоке большинства текстов, то есть о Египте, следует сказать, что *terminus a quo* византийской папирологии считается время правления Диоклетиана, но имеются также и убедительные аргументы в пользу более точной периодизации, различающей позднеантичный период (до 450 г. н. э.) и византийскую эпоху (от 450 г. до исламского завоевания; ср.: Giardina 1989; Bagnall 2003). Основными языками папирусов тех времен являлись греческий, латинский (в основном в военном и юридическом контекстах) и коптский. Среди прочих упоминались и такие языки, как пахлави (со времен завоевания Египта Сассанидами; ср.: Weber 1992, 2002), сирийский (Brashear 1998 и Brock 1999), готский (наряду с латынью; ср.: Kuhlmann 1994: 196–207), и армянский (точнее, армянская письменность; см.: J. Clackson 2000). Тексты, написанные не на греческом или латыни, традиционно считались прерогативой египтологов, иранологов, семитологов и т. п., но на протяжении последних двадцати лет слышались призывы к применению и более холистических подходов (например Hobson 1988; McCoull 1992). Многие византийские папирологи уже освоили коптский в дополнение к латыни и греческому, тогда как специалисты в области коптской культуры, чем

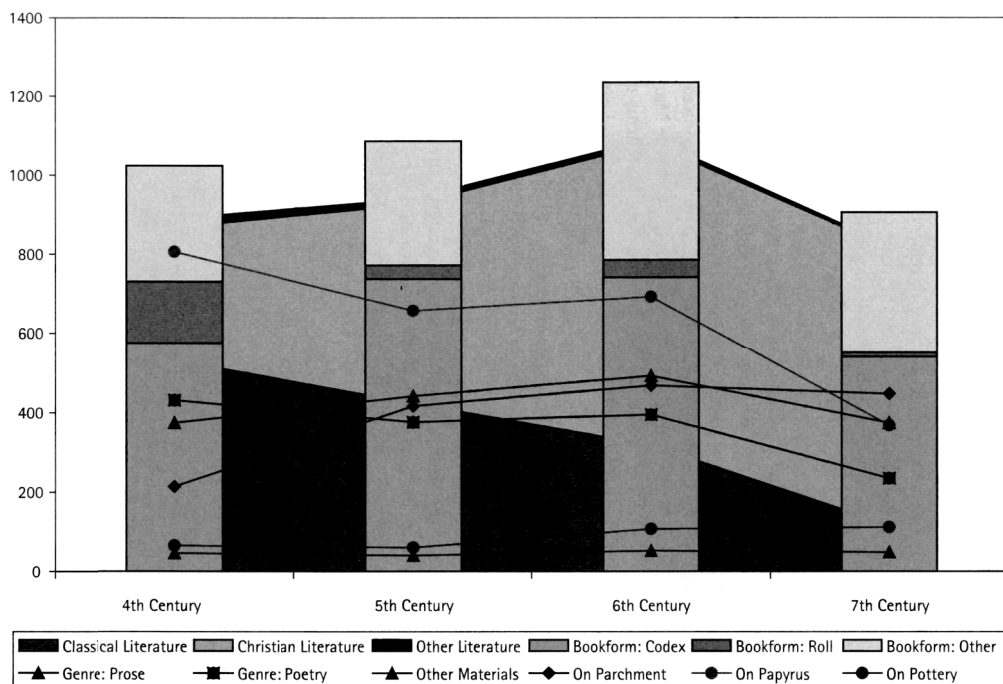

Рис. 2. Количественный и качественный состав литературных текстов, 301–700 г. н. э. (источник: Leuven Database of Ancient Books)

далее, тем больше включают в свои публикации соответствующие греческие папирусы (например S. Clackson 2000).

В широком смысле папирусы классифицируются на литературные и документальные; зачастую выделяют и третью категорию текстов – амулеты и гороскопы (о таких текстах см., например Jones 1999; Papaconstantinou 1994; Preisendanz and Henrichs 1974).

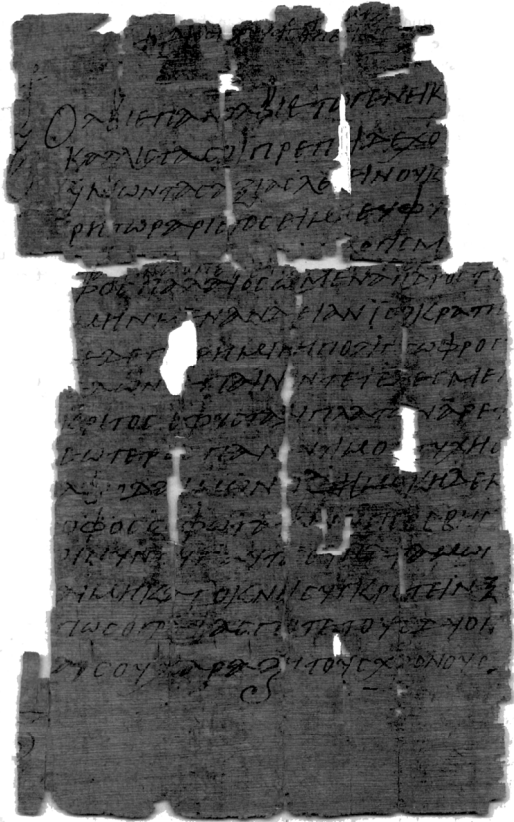
Литературные папирусы содержат как тексты известных авторов (которые в свою очередь подразделяются на сохранившиеся в средневековой рукописной традиции и несохранившиеся), так и *adespota* (произведения неустановленных авторов). Работа Тернера (Turner 1980) остается лучшим введением в их изучение. Не удивительно, что в IV–VII вв. литература в целом становится все более и более христианской (ср.: рис. 2. Количественный и качественный состав литературных текстов, 301–700 гг.). Тем не менее классическая литература оставалась испытанной составляющей консервативной образовательной системы (ср.: Cribiore 1996). На протяжении этого же периода также понемногу выходили из употребления свитки папируса. Это отчасти было связано с тем, что христиане предпочитали кодекс, и к VI в. пергамен в кодексах заменил папирус, возможно, потому, что он был более прочным, в особенности по краям. В число важнейших литературных текстов, датируемых византийским периодом, входят: Каирский Кодекс Менандра (Austin 1973: nos. 136, 139, 174, 185, 197); большинство папирусов Бодмера (изумительное собрание греческих и коптских текстов, как светских,

так и церковных. Библиографические подробности под ‘P. Bodmer’ см.: Oates and others 2005); папирусы Туры (Ориген, Дидим Слепец; работы, в большинстве своем опубликованные в серии *Papyrologische Texte und Abhandlungen*); кодексы гностиков Наг Хаммади (критические издания, опубликованные в серии «Исследования Наг Хаммади»); Кельнский кодекс Мани (Koenen and Römer 1988); Страсбургская космогония (‘Mercurius mundi et Hermupolis magnae conditor’; Gigli Picardi 1990). Многие из «странствующих поэтов» (Cameron 1965; также см.: Cameron 2007), представлявших важную позднеантичную школу классической поэзии, были верхнеегипетского происхождения и некоторые из их работ сохранились на папирусе. Так, Берлинский кодекс содержит часть *Дионисиака* (*Dionysiaca*) Нонна (Schubart and von Wilamowitz-Moellendorff 1907: 94–106); Венский кодекс – работы колоритнейшего Пампрепия Панополитанского (наряду с эпистолярными произведениями св. Григория Богослова (Назианзина); Livrea 1979); в Оксфордском папирусе частично сохранилось «Падение Трои» Трифидора (Browne and others 1972: 9–10); и *Влемиомахия* – обзор произведений Гомера, предположительно написанный Олимпиодором из Фив, о военной кампании против влеммиев (Livrea 1978; Steinrück 1999). Также заслуживает упоминания, хотя и принадлежит к другому разряду произведений, автограф стихотворений Диоскора Афродитского, мастерски представленный у Фурне (Fournet 1999); традиционно они подвергались резкой критике (ср.: Bell and Crum 1925: 177; Cameron 1965: 509; более благосклонные отзывы: Baldwin 1984), но в недавних исследованиях ученые снизили до контекстуализации этих произведений (например MacCoull 1988; Kuehn 1995).

Однако обширное количество (более 90%) египетских текстов на папирусе и тому подобных материалах являются не литературными, а документальными, то есть договорами, письмами, счетами и т. п. Хорошее введение в теорию их расшифровки и перевода – работы Pestman 1994 и Youtie 1963 и 1974, но компетентность (и способность судить о работе других, что представляется основным даже для тех, кто не стремится публиковать папирусы) приходит только посредством личного и при том многократного прочтения хороших изданий текстов с оригинальных папирусов (или, что менее оптимально, факсимиле). *Папирусы Оксиринок* (*Oxyrhynchus Papyri*) – наиболее достоверное серийное издание, в котором с определенной частотой продолжается публикация византийских материалов. Изображения этих папирусов легко доступны через онлайн вебсайта Оксиринок (<http://www.papyrology.ox.ac.uk/POxy>).

Корпус документальных папирусов представляет собой целый ряд не имеющих себе равных и, честно говоря, использованных далеко не полностью возможностей для исследователей, интересующихся социальной, экономической и культурной историей ранней Византии. Bagnall 1995 – замечательное введение, описывающее эти возможности, тогда как работы Banaji 2002 (об экономике и обществе) и Wilfong 2002 (по вопросам пола; см. также: Wilfong 2007) самые недавние из тех, что могут добавить нечто ценное к его примерам, тогда как Keenan 1992 заслуживает повторного упоминания как виртуозное исследование документального текста. Случается, что документальный папирус сам по себе имеет историческое значение, иногда настолько важное, что оно привлекает внимание

Рис. 3. Диоскор Афродитский, ямбический энкомий Рому (P. Rein II 82; соединенный с P. Lond. Lit. 98)

неспециалистов (например, Feissel and Worp 1986, издание, торжественно открывшее Сатеровские классические чтения Фергуса Миллара, о чем см.: Millar 2006), но обычно документальные папирусы имеют наибольшую ценность, когда рассматриваются в общем контексте. Аккумуляция взаимосвязанных данных в подобных группах документов зачастую образует явно критическую массу сведений, необходимую для постановки вопросов, которые ведут от поверхностного и описательного изучения древностей к темам, имеющим более широкое историческое значение. Группы текстов, специально подобранные и объединенные еще в эпоху античности, принято называть «архивами». Как в случае с архивом поэта Диоскора, они могут включать, как литературные, так и документальные тексты, причем на двух языках. А поскольку многие папирусы были приобретены их нынешними хранителями на рынке антиквариата (или вследствие нелегальных раскопок), может быть сложно, если вообще возможно, определить, отвечает ли та или иная группа папирусов критерию «специально подобранной». Если сомнения на этот счет имеют место, или же в тех случаях, когда тексты, имеющие отношение друг к другу со всей очевидностью не сохранялись вместе в эпоху античности, предпочтительнее употреблять по отношению к ним термин «досье» (ср.: Martin 1994). Архивы и досье всех периодов (с библиографией) удобно представлены на домашней странице Лувенского сайта, содержащего Архивы Папирусов (<http://trismegistos.org/arch.php>). Некоторые из них весьма обширны: архив Диоскора, к примеру, насчитывает более 600 документов, тогда как архивы, связанные с именами Флавиев Апионов (весьма знатный род, представители которого известны также и из литературных источников; ср.: Mazza 2001) и Аврелия Исидора (основные тексты опубликованы: Boak and Youtie 1960, Bagnall and Lewis 1979) включают около 180 и 300 документов соответственно. Изначальная принадлежность или связь с определенным индивидуумом или индивидуумами, конечно, не является единственным плодотворным основанием для создания и воссоздания групп текстов;

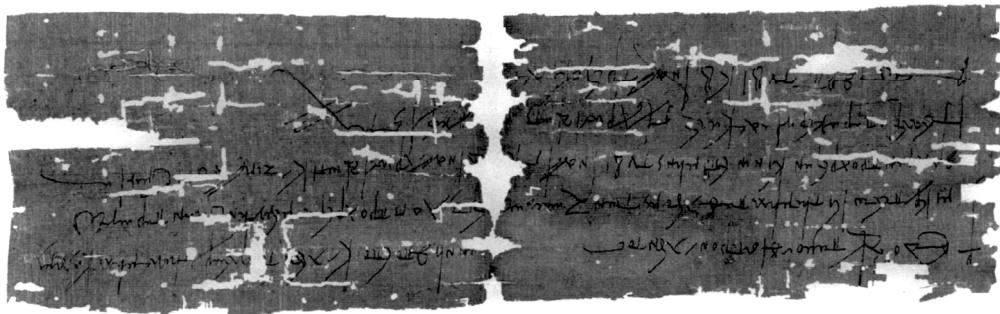

Рис. 4. Расписка об авансе в счет заработной платы из архива Апионов (P. Oxy. Descr. 19)

можно также использовать (самостоятельно или в сочетании с прочими) классификационные признаки жанра, происхождения и пр.

Как любой другой источник информации, документальные папирусы следует использовать с осторожностью. Очевидно, что события в них освещаются не совсем привычным современному историку образом, и на этом следует остановиться чуть подробнее. Достаточно заметить, что в случае большинства источников пессимизм в отношении их содержания безоснователен (и ни в коем случае не должен препятствовать построению моделей и проверке имеющихся данных). Тем не менее имеется несколько менее явных ограничений, с которыми следует считаться. Одно из них – географическое. Уже отмечалось недостаточное количество материалов, обнаруженных в Дельте Нила (и Александрии). К этому следует добавить, что тексты, найденные в Среднем и Верхнем Египте, распределены не равномерно, а, скорее, сконцентрированы в нескольких районах (ср.: рис. 5)

И даже в рамках представленных районов распределение не оптимально. В этом смысле наиболее резко выделяется Антеополь (Antaiopolite), который вряд ли вообще присутствовал бы на рис. 5, если бы в пределах его границ не был обнаружен архив поэта Диоскора. Документация из этих широко представленных областей по своему происхождению большей частью городская, найденная в *митрополиях* (Арсиное, Оксиринхе, Ермополе и т. д.). Сельская местность редко изобилует ценными находками, подобными тем, что сделаны в комах Птолемеев (Ptolemaic) и Файюме. Афродизий, вотчину Диоскора, можно было бы назвать исключением, не слишком, однако, показательным: она была столицей нома до римского периода включительно и ее значение как административного центра еще более возросло во времена исламского завоевания. Тексты найденные в Афродизии (византийской коме Афродиты) преимущественно касаются дел представителей сельской элиты, как-то: самого Диоскора, его отца Аполлоса и зятя сестры Аполлоса, Фибаммона (о деревнях византийского Египта, ср.: Keenan 2007).

Рис. 5 также описывает хронологическое распределение основной массы греческих и латинских документов: изобилие текстов в IV в. (хотя их число не превышает количества текстов, датируемых любым из предыдущих трех веков

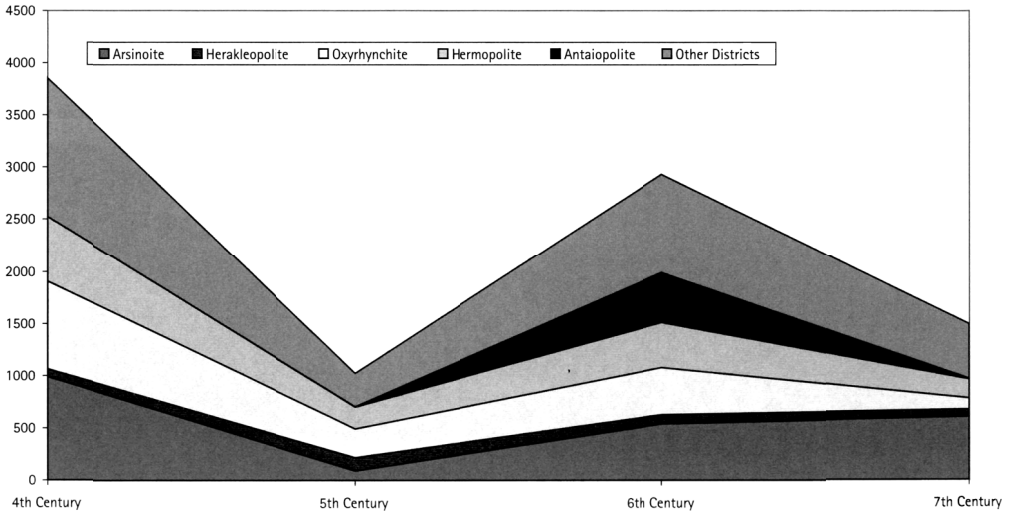

Рис. 5. Происхождение греческих и латинских документальных папирусов (источник: Heidelberg Gesamtverzeichnis der griechischen Papyrusurkunden Ägyptens)

римской истории, и составляет всего около трети от числа находок, датируемых II в.), стремительный спад в V в., значительное улучшение положения в VI в., и снова существенный спад в VII в. На рис. 5 представлены только византийские тексты (материалы, датируемые периодом вплоть до исламского завоевания). Последний спад мог бы выглядеть и намного более драматично; так, например, имеется лишь около 70 греческих текстов, датируемых критическим периодом между уходом Сассанидов из Египта (629 г.) и окончательной капитуляцией перед мусульманскими войсками (642 г.). V в. традиционно называли «темным», и почти не может быть сомнений в том, что тексты, обязанные ему своим происхождением, малочисленны. Это несчастливое стечение обстоятельств – следствие существенных преобразований (к примеру, увеличения численности бюрократической элиты, ср.: Vanaj 2002), имевших место на протяжении этого периода. Кроме того, спад V в. наверняка был не настолько крут, как можно было бы утверждать, глядя на рис. 5. Это в некоторой степени теоретическое построение на основе данных об издании текстов. Отбирая папирусы для публикации, издатели нередко останавливались на тех из них, которые были каким-либо образом связаны с материалами, публиковавшимися ранее, и разница получилась в пользу документов, датируемых IV и VI вв. Если разбираться еще строже, станет понятно, что издатели, будучи в курсе особенностей хронологического распределения документов, в тех случаях, когда необходимо датировать текст основываясь лишь на его рукописи, имеют тенденцию склоняться к периодам, изобилующим текстами. Разумеется, сами по себе эти периоды характеризуются большим количеством договоров (comparanda) с достоверно установленной датой. Спад, характерный для VII в. сложнее оценить количественно, учитывая тот факт, что некоторые издатели, присваивая даты рукописям, предпочли византийский период мусульманскому.

Однако, еще более обманчиво впечатление (преувеличенное непосредственным изображением действительности в документальном тексте), что папирусы дают доступ к сведениям о «широких массах» или «обычных людях». Хотя их социальные границы и простираются дальше, чем у литературных источников, сами по себе они все-таки достаточно узки. Документальные тексты создавались теми, кто был достаточно образован и умел писать, или достаточно богат, и мог нанять писцов, то есть, как правило, владельцами земельной собственности, частными лицами или организациями. Менее состоятельные члены общества фигурируют в папирусах лишь тогда, когда они представляют определенный интерес для землевладельца, к примеру, как арендаторы, должники, производители каких-либо услуг, налогоплательщики. И даже в этих случаях отношения такого рода не всегда оформляются документально. Отсюда две противоположные крайности: наиболее постоянные и нерушимые обычные договора и наиболее скоротечные и меняемые соглашения о найме – чаще всего оставались устными. Влияние такого рода отсутствия сведений на исследование определенных тем (например, сельской экономики) очевидно, но преодолимо: эвристическим инструментом могут служить методы и данные таких сфер, как антропология (ср.: Keenan 1989).

Дополнительные ресурсы

Домашняя страница Лувенского сайта с коллекциями папирусов (<http://www.trismegistos.org/coll.php>) содержит ценную информацию, касающуюся коллекций папирусов во всем мире, со ссылками на коллекции веб-сайтов, многие из которых включают и изображения папирусов. Объединенный каталог Интернет-проекта APIS (Advanced Papyrological Information System – усовершенствованная папирологическая информационная система) (<http://www.columbia.edu/cu/lweb/projects/digital/apis>) является еще одним великолепным источником изображений. На опубликованные папирусы (а также папирологические данные, инструменты и т. д.) лучше ссылаться согласно работе Oates and others 2005, которая также полезна для расшифровки сокращений, принятых в папирологии. Основным исследовательским инструментом является Папирологическая библиография (*Bibliographie papyrologique*), база данных с возможностью создания файлов (и ежегодным пополнением), приобрести которую можно, связавшись с Фондом египтологии королевы Елизаветы (Fondation Égyptologique Reine Élisabeth) в Брюсселе. Стандартными каталогами литературных текстов являются Pack 1965 (греческие и латинские классические тексты; ср. также вебсайт Центра документации литературной папирологии (Centre de Documentation de Papyrologie Littéraire), <http://www.ulg.ac.be/facphl/services/cedopal>) и van Haelst 1976 (еврейские и христианские тексты – сайт, дополненный Корнелией Ромер (Cornelia Römer), <http://www.ucl.ac.uk/GrandLat/research/christianpapyri.htm>). Лувенская база данных античных книг (Leuven Database of Ancient Books, <http://ldab.arts.kuleuven.be>) во многом охватывающая ту же сферу, ссылается на оба названных источника и является более удобной. LDAB, так же, как и Пэк включает законодательство (*Codex Theodosianus*, *Corpus Iuris Civilis* и др.), тогда как Amelotti and

Zingale 1985 содержат ссылки на законы Юстиниана в папирусах (и надписи). Коптские литературные тексты см. на сайте Собрание рукописной коптской литературы (Corpus dei Manoscritti Copti Letterari, <http://cmic.let.uniroma1.it>).

Поиск в корпусе документальных папирусов может производиться посредством Герцогского банка данных документальных папирусов (Duke Databank of Documentary Papyri), размещенном в настоящее время на сайте Интернет-проекта Персей (Perseus Project, http://www.perseus.tufts.edu/cache/perscoll_DDBDP.html) с «зеркалами» в Чикаго и Берлине. Более свежие издания в электронной форме недоступны, поэтому стоит также сверяться с *Wörterlisten*, подготовленным на Семинаре по вопросам папирологии в Гейдельбергском университете (Universität Heidelberg) (<http://www.papy.uni-hd.de/WL/WL.html>). Исправления к опубликованным документальным текстам собраны у Preisigke and others 1922; Clarysse and others 1989 – это конкорданс первых семи томов их работы. Поскольку греческие документальные тексты не отличаются стандартностью лексики (LSJ, Lampe и др.), необходимо пользоваться специальными словарями, один из которых – Preisigke, Kiessling, Rupprecht, and others 1925 – наиболее важен. Crum 1939 содержит основную лексику коптского языка, тогда как Förster 2002 представляет собой полезную компиляцию греческих слов, найденных в коптских документальных текстах. Richter 2002 – замечательное пособие по лексике и грамматике коптских законодательных текстов. О грамматике греческих документальных папирусов см.: Gignac 1976–81 и Mandilaras 1973. Turner and Parsons 1987 – стандартный справочник по палеографии греческих литературных текстов, тогда как у Seider 1967–90 можно справляться относительно документальных текстов. Cavallo and others 1998 – замечательный источник, содержащий договоры (comparanda) обеих разновидностей. В настоящее время чувствуется недостаток хорошего руководства по коптской палеографии. Хронологические системы (даты консульств, правлений, индиктов и т. д.), использовавшиеся в документальных текстах, полно освещены в работе Bagnall and Worp 2004. Алфавитные указатели в работе Kenyon and others 1893–1917 являются полезной отправной точкой для изучения сокращений и символов.

Работа Bagnall 1993 – великолепное синтетическое исследование истории Египта от Диоклетиана и до V в., а относительно периода вплоть до исламского завоевания см. эссе Bagnall 2007, а также соответствующие части работы Wickham 2005. Можно порекомендовать работу Keenan 2000 – исследование, ограниченное по своему временному охвату 600 г.; также полезны могут быть Kaegi 1998 и Wilfong 1998. Более давние труды, такие как Hardy 1931, Johnson and West 1949, Rouillard 1928 и 1953 все еще представляют ценность, но пользоваться ими следует с осторожностью. Замечательную *point de départ*¹ для изучения историографии византийского Египта представляет собой Keenan 1993.

¹ Отправную точку – прим. переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

- AMELOTTI, M., and ZINGALE, L. M. 1985. *Le costituzioni giustinianee nei papiri e nelle epigrafi* (Milan, 2nd edn.).
- AUSTIN, C. 1973. *Comicorum Graecorum fragmenta in papyris reperta* (Berlin).
- BAGNALL, R. S. 1993. *Egypt in Late Antiquity* (Princeton).
- 1995. *Reading Papyri, Writing Ancient History* (London).
- 2003. 'Periodizing when you don't have to: the concept of Late Antiquity in Egypt', in *Gab es eine Spätantike?* (Frankfurt): 39–49.
- (ed.) 2007. *Egypt in the Byzantine World, 300–700* (Cambridge).
- and LEWIS, N. 1979. *Fourth-Century Documents from Karanis* (Missoula).
- and Worp, K. A. 2004. *Chronological Systems of Byzantine Egypt* (Leiden, 2nd edn.).
- BALDWIN, B. 1984. 'Dioscorus of Aphrodito: the worst poet of Antiquity?', *Atti del XVII Congresso Internazionale di Papirologia*, vol. 2: 327–31.
- BANAJI, J. 2002. *Agrarian Change in Late Antiquity: Gold, Labour and Aristocratic Dominance* (Oxford).
- BEAUCAMP, J. 1992. *Le statut de la femme à Byzance (4e–7e siècle), II: Les pratiques sociales* (Paris).
- BELL, H. I. 1944. 'An Egyptian village in the age of Justinian', *JHS* 64: 21–36.
- and CRUM, W. E. 1925. 'A Greek-Coptic glossary', *Aegyptus* 6: 177–226.
- BOAK, A. E. R., and YOUTIE, H. C. 1960. *The Archive of Aurelius Isidorus in the Egyptian Museum, Cairo, and the University of Michigan* (Ann Arbor).
- BOORAS, S. W., and SEELY, D. R. 1999. 'Multispectral imaging of the Herculaneum papyri', *Bolletino del Centro internazionale per lo studio dei papiri ercolanesi* 29: 95–100.
- BRASHEAR, W. M. 1998. 'Syriaca', *Archiv* 44: 86–127.
- BROCK, S. 1999. 'A Syriac letter on papyrus: P. Berol. inv. 8285', *Hugoye* 2 (<http://syrcom.cua.edu/Hugoye/Vol2No2/HV2N2Brock.html>).
- BROWNE, G. M., and others. 1972. *The Oxyrhynchus Papyri*, vol. 41 (London).
- CAMERON, A. D. E. 1965. 'Wandering poets: a literary movement in Byzantine Egypt', *Historia* 14: 470–509.
- 2007. 'Poets and pagans in Byzantine Egypt', in *Bagnall 2007*.
- CAVALLO, G., and others. 1998. *Scrivere libri e documenti nel mondo antico* (Florence).
- CLACKSON, J. 2000. 'A Greek papyrus in Armenian script', *ZPE* 129: 223–58.
- CLACKSON, S. 2000. *Coptic and Greek Texts Relating to the Hermopolite Monastery of Apa Apollo* (Oxford).
- CLARYSSE, W., and others. 1989. *Berichtigungsliste der griechischen Papyrusurkunden aus Ägypten: Konkordanz und Supplement zu Band I–VII* (Leuven).
- CRIBIORE, R. 1996. *Writing, Teachers, and Students in Graeco-Roman Egypt* (Atlanta).
- CRUM, W. E. 1939. *Coptic Dictionary* (Oxford).
- FEISSEL, D., and Worp, K. A. 1986. 'La requête d'Appion, évêque de Syène, à Théodose II: P. Leid. Z révisé', *OMRL* 68: 97–111.
- FÖRSTER, H. 2002. *Wörterbuch der griechischen Wörter in den koptischen documentarischen Texten* (Berlin).
- FOURNET, J.-L. 1999. *Hellénisme dans l'Égypte du VIe siècle: la bibliothèque et l'œuvre de Dioscore d'Aphrodité* (Cairo).

- FRÖSÉN, J., and others. 2002. *The Petra Papyri I* (Amman).
- GIARDINA, A. 1989. 'Egitto bizantino or tardoantico? Problemi della terminologia e della periodizzazione', in L. Criscuolo and G. Geraci (eds.), *Egitto e storia antica* (Bologna): 89–103.
- GIGLI PICARDI, D. 1990. *La 'Cosmogonia di Strasburgo'* (Florence).
- GIGNAC, F. T. 1976–81. *A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods*, 2 vols. (Milan).
- GRENFELL, B. P. 1896–7. 'Oxyrhynchus and its papyri', *Archaeological Report 1896–1897* (Egypt Exploration Fund): 1–12.
- HARDY, E. R. 1931. *The Large Estates of Byzantine Egypt* (New York).
- HOBSON, D. W. 1988. 'Towards a broader context for the study of Greco-Roman Egypt', *EMC* 32: 353–63.
- JOHNSON, A. C., and WEST, L. C. 1949. *Byzantine Egypt: Economic Studies* (Princeton).
- JONES, A. 1999. *Astronomical Papyri from Oxyrhynchus*, 2 vols. (Philadelphia).
- KAEGI, W. E. 1998. 'Egypt on the eve of the Muslim Conquest', in C. Petry (ed.), *The Cambridge History of Egypt*, vol. 1: 34–61.
- KEENAN, J. G. 1989. 'Pastoralism in Roman Egypt', *BASP* 26: 175–200.
- 1992. 'A Constantinople loan, A.D. 541', *BASP* 29: 175–82.
- 1993. 'Papyrology and Byzantine historiography', *BASP* 30: 137–44.
- 2000. 'Egypt', in *CAH* 14: 612–37.
- 2007. 'Byzantine Egyptian villages', in *Bagnall 2007*.
- KENYON, F., and others. 1893–1917. *Greek Papyri in the British Museum*, 5 vols. (London).
- KOENEN, L., and RÖMER, C. 1988. *Der Kölner Mani-Kodex: Über das Werden seines Leibes* (Opladen).
- KRAEMER, C. J. 1958. *Excavations at Nessana, III: Non-Literary Papyri* (Princeton).
- KUEHN, C. A. 1995. *Channels of Imperishable Fire: The Beginnings of Christian Mystical Poetry and Dioscorus of Aphrodito* (New York).
- KUHLMANN, P. 1994. *Die Giessener literarischen Papyri und die Caracalla-Erlasse* (Giessen).
- LIVREA, E. 1978. *Anonymi fortasse Olympiodori Thebani Blemyomachia* (Meisenheim am Glan).
- 1979. *Pamphrepi Panopolitani carmina* (Leipzig).
- MACCOULL, L. S. B. 1988. *Dioscorus of Aphrodito: His Work and his World* (Berkeley–Los Angeles).
- 1992. 'Towards an appropriate context for the study of late antique Egypt', *AHB* 6: 73–9.
- MANDILARAS, B. G. 1973. *The Verb in the Greek Non-Literary Papyri* (Athens).
- MARTIN, A. 1994. 'Archives privées et cachettes documentaires', in A. Bülow-Jacobsen (ed.), *Proceedings of the 20th International Congress of Papyrologists* (Copenhagen): 569–77.
- MAZZA, R. 2001. *L'archivio degli Apioni: Terra, lavoro e proprietà senatoria nell'Egitto tardoantico* (Bari).
- MILLAR, F. 2006. *A Greek Roman Empire: Power and Belief under Theodosius II* (408–450) (Berkeley).
- OATES, J., and others. 2005. *Checklist of Greek, Latin, Demotic and Coptic papyri, ostraca and tablets* (<http://scriptorium.lib.duke.edu/papyrus/texts/clist.html>).
- PACK, R. A. 1965. *The Greek and Latin Literary Texts from Greco-Roman Egypt* (Ann Arbor, 2nd edn.).

- PAPACONSTANTINOU, A. 1994. 'Oracles chrétiens dans l'Égypte byzantine: le témoignage des papyrus', *ZPE* 104: 281–6.
- PESTMAN, P. W. 1994. *The New Papyrological Primer* (Leiden, 2nd edn.).
- PETRIE, W. M. F. 1891. *Illahun, Kahun, and Gurob* (London).
- PREISENDANZ, K., and HENRICHS, A. 1974. *Papyri Graecae Magicae*, 2 vols. (Munich).
- PREISIGKE, E, and others. 1922. *Berichtigungsliste der griechischen Papyrusurkunden aus Ägypten*, 11 vols. (Berlin–Leipzig–Heidelberg–Leiden).
- KIESSLING, E., RUPPRECHT, H., and others. 1925. *Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden I–IV, Suppl. I–III* (Berlin–Amsterdam–Wiesbaden).
- RICHTER, T. S. 2002. *Rechtsementik und forensische Rhetorik: Untersuchungen zu Wortschatz, Stil und Grammatik der Sprache koptischer Rechtsurkunden* (Leipzig).
- ROUILLARD, G. 1928. *L'Administration civile de l'Égypte byzantine* (Paris, 2nd edn.).
- 1953. *La vie rurale dans l'Empire byzantin* (Paris).
- SCHUBART, W, and VON WILAMOWITZ-MOELLENDORFF, U. 1907. *Griechische Dichterfragmente* (Berlin).
- SEIDER, R. 1967–90. *Paläographie der griechischen Papyri*, 3 vols. (Stuttgart).
- SIRKS, B., and others. 1996. *Ein frühbyzantinisches Szenario für die Amtswechslung in der Sitione* (Munich).
- STEINRÜCK, M. 1999. 'Neues zur Blemyomachie', *ZPE* 126: 99–114.
- TJÄDER, J.-O. 1954–82. *Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700*, 3 vols. (Lund–Stockholm).
- TURNER, E. G. 1980. *Greek Papyri: An Introduction* (Oxford, 2nd edn.).
- and PARSONS, P. J. 1987. *Greek Manuscripts of the Ancient World* (London, 2nd edn.).
- VAN HAELEST, J. 1976. *Catalogue des papyrus littéraires juifs et chrétiens* (Paris).
- 1991. 'Cinq textes provenant de Khirbet Mird', *Ancient Society* 22: 297–317.
- WEBER, D. 1992. *Ostraca, Papyri und Pergamente: Textband* (London).
- 2002. 'Eine spätsassanidische Rechtsurkunde aus Ägypten', *Tyche* 17: 185–92.
- WICKHAM, C. 2005. *Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean, 400–800* (Oxford).
- WILFONG, T. G. 1998. 'The non-Muslim communities: the Christians', in C. Petry (ed.), *The Cambridge History of Egypt*, 1: 175–97.
- 2002. *Women of Jeme: Lives in a Coptic Town in Late Antique Egypt* (Ann Arbor).
- 2007. 'Gender and society in Byzantine Egypt', in *Bagnall 2007*.
- YOUTIE, H. C. 1963. 'The papyrologist: artificer of fact', *GRBS* 4: 19–32.
- 1974. *The Textual Criticism of Documentary Papyri: Prolegomena* (London, 2nd edn.).

Глава I.2.12 А ДОКУМЕНТЫ: ИМПЕРСКИЕ ХРИСОВУЛЫ

Андреас Э. Мюллер

В Византии, в сравнении со средневековой Западной Европой, оригинальная традиция имперского письма была заложена поздно и отличалась относительно ограниченным объемом вплоть до самого конца Империи. Тогда как западный медиевист имеет в своем распоряжении почти 900 оригинальных имперских документов, относящихся только ко времени правления императора Фридриха II, византинист за весь период существования Империи (330–1453 гг.) располагает приблизительно всего 250 имперскими документами в оригинале, самый ранний из которых датируется серединой XI в. (если не принимать во внимание исключение, так называемое «имперское письмо Сен Дени» IX в.). К середине XIII в. насчитывалось не более 30 оригинальных имперских документов, и лишь после этого времени традиция создания письменных документов начинает приносить обильные плоды. Критичность ситуации в отношении традиции имперского письма по сути не изменится и в том случае, если наряду с оригинальными документами рассматривать и копии рукописей: даже в этом случае общее количество сохранившихся образцов имперского письма будет меньше количества сохранившихся оригинальных документов времен Фридриха II. Такая ситуация имеет серьезные последствия для наших возможностей познания природы и развития византийской имперской документации. Она означает, что многие вопросы, например, вопросы о том, как и когда появились имперские грамоты привилегий, останутся невыясненными ввиду отсутствия материалов.

В целом о византийских имперских документах можно сказать, что известные нам оригиналы, созданные в 1052–1451 гг., делятся на три основных категории (если не принимать во внимание дипломатическую корреспонденцию и законодательные акты (о которых см., например, глава III.14. Право: Законодательная литература)): 1) «великая грамота привилегий», известная со времен Алексея I Комнина и до конца Империи как *chrysoboullos logos* (в оригинале их сохранилось около 150); 2) «малая грамота привилегий», известная как *sigillion* или *chrysoboullon sigillion* (до наших дней дошло не более дюжины оригиналов,

датируемых периодом от 1092 до 1342 гг.); и 3) *prostagma* или *horismos* – тип административного документа, дошедшего до нас в количестве около 60 образцов, датируемых от начала XIII в. до 1445 г.).

Первые два типа в самом своем названии содержат указание на то, что они были скреплены золотой печатью, подвешивавшейся к нижнему полю документа на ленте из пурпурного шелка, в настоящее время в большинстве случаев утраченной. Великая имперская грамота привилегий в той форме, в которой она встречалась с середины XI в. и до начала XII в., в большей степени, нежели любой другой документ является достойным выражением имперского величия, отвечает идеологии византийского правителя и представительским запросам этой идеологии. Такая грамота, состоявшая из множества отдельных листов, склеенных вместе, часто достигала весьма значительной длины (до 7 метров). В заглавии документа располагалась молитва (*invocatio*) ко Св. Троице и перечисление титулов (*intitulatio*) издавшего ее императора, написанные в рамке большими буквами. Затем следовало вводное воззвание, написанное по-гречески, но с использованием смеси греческих и латинских букв. Оно было обращено ко всему миру (+ *pasin hois to paron epideiknytai sigillion*; см.: Kresten 1971). Далее шла основная часть документа – написанный минускульным шрифтом текст, выполненный буквами особой формы, по-видимому предназначавшимися для имперской канцелярии. В самом тексте переписчик оставлял пустые места для добавления определенных слов (обычно *logos*). Их позднее, красными чернилами, использовавшимися исключительно в имперской канцелярии, заполнял, утверждавший документ служащий каниклия (*epi tou kanikleiou*). В последние строки документа этот служащий также вносил составные части даты, пропущенные переписчиком (месяц, индикт и недостающие части года от сотворения мира; ср.: I.2.2. Хронология и даты), а также дописывал латинское слово *legimus* витиеватым почерком внизу под текстом, подтверждая этим его достоверность. Подготовленную таким образом великую грамоту привилегий несли на подпись императору. Он лично вписывал красными чернилами свое имя. С 1079 г. и до конца существования империи для этого существовала неизменная формула N. N. *en Christo to Theo pistos basileus kai autocrator Romaion (o Doukas, Angelos* и т. д.). В конце концов, грамоту запечатывали, располагая золотую печать на сгибе (*plica*) нижнего поля, и в виде свитка доставляли получателю.

На обратной стороне документа мы довольно часто находим разного рода записи. Один из видов, – так называемую «фиксирующую пометку», – служащий мог написать что-либо (довольно обширный текст или просто волнистую линию) в том месте, где соединялись путем склеивания отдельные листы, чтобы предотвратить таким образом возможные последующие манипуляции – вставку или перекомпоновку листов. Во многих случаях фиксирующая пометка является в то же время «пометкой составителя», посредством которой уполномоченный служащий документально подтверждал, что он является составителем, ответственным за выпуск данной грамоты (*dia tou* N. N.; об этом см.: Karayannopoulos 1998). В ином случае такая пометка составителя могла быть расположена на лицевой части документа ниже подписи императора. На обороте документа можно найти и так называемую «пометку регистрации», иными словами пометки

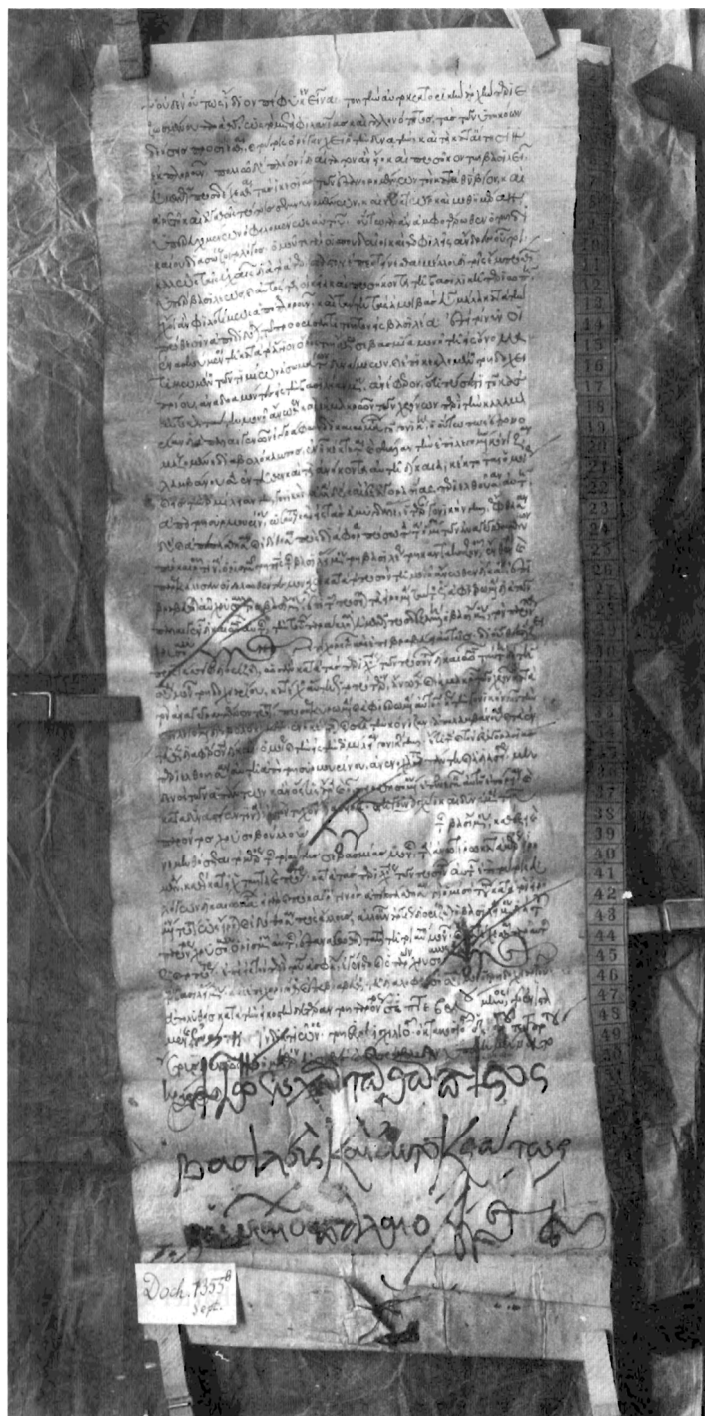

Рис. 1. Хрисовул, 22 сентября 1355 г., выданный Иоанном V Палеологом монастырю Дохиар, Святая Гора Афон (Dölger 1965: no. 3048)

служащих тех подразделений имперской администрации, через которые документ должен был пройти, чтобы попасть в реестры (*katestrothe eis to secreton...*).

Уже ближе к концу XII в. можно было наблюдать явно выраженное упрощение внешней формы великой грамоты привилегий, произошедшее, по всей вероятности, не позднее середины этого века. Налицо небольшое отступление от каллиграфической тщательности шрифта и заданной формы букв. Шрифт, используемый в текстах, приближен к типичному для рукописных книг того времени, или даже, возможно, к повседневному стилю письма. Словесную вводную часть – призывание Св. Троицы, перечисление титулов императора, вступительное воззвание, а к концу XII в. также и *legimus* – стали опускать. Прочие характерные признаки, – слова красными чернилами (см.: Müller 1995) и золотая печать, – сохранялись до конца. В XIV в. пергамен заменил восточную бумагу, став наиболее предпочтительным материалом для письма, и это изменение привело к сокращению прежде длинного документа (об этом в целом см.: Oikonomides 1985).

«Малая грамота привилегий», примеры которой сохранились в сравнительно небольшом количестве, не содержит *invocatio*, перечисления титулов и вступительного возвания, но имеет слова, написанные красным (в данном случае называемые *sigillion*), *legimus* (до конца XII в.) и золотую печать. Слова, написанные императором собственноручно, были не его именем, а своеобразным дополнением к документу, так называемой менологемой (*menologema*), то есть датой

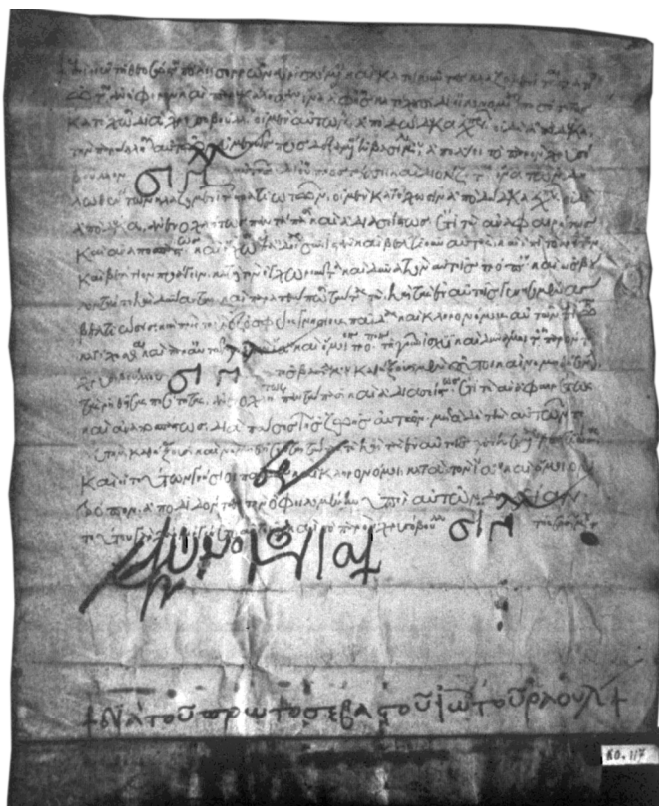

Рис. 2. *Chrysobullon sigillion*, ноябрь 1342, выданный Иоанном V Палеологом воинам Клазомен (Dölger 1965: no. 2883)

с указанием месяца и индикта (*meni N., indictionos N.*), написанной красными чернилами (см.: Kresten 1994). Пометки к грамотам данного типа могли добавляться таким же образом, как и к великой грамоте привилегий.

Что же касается третьего основного типа византийских имперских документов, простагмы (*prostagma*) или хорисмы (*horismos*), старейший из сохранившихся его экземпляров имеет довольно позднюю дату – 1214 г. Будучи по своему характеру административным распоряжением, этот документ, в большинстве случаев, был довольно краток. Материалом для его написания всегда являлась бумага, вначале восточного, затем – западного происхождения. Шрифт обычно представлял собой повседневный стиль письма того времени, иногда крайне схематичный и курсивный. Простагма обычно имеет прямоугольную форму, а в качестве подписи автограф (менологему) императора красными чернилами. Вплоть до конца XIV в. это было единственное, что свидетельствовало о дате ее издания. Как показывают дошедшие до нас экземпляры, прежде чем отправить по адресу простагму, в отличие от грамоты привилегий, не сворачивали, а складывали. Потом где-то в XIII в. ее стали скреплять восковой печатью с оттиском императорского перстня-печатки сфендона (*sphendone*), которая, вероятно, соединяла два встречных края согнутого листа бумаги. Простагма также могла иметь вышеперечисленные канцелярские пометки.

Рис. 3. Простагма, январь 1344 г., выданная протосу Святой Горы Афон Иоанном V Палеологом (Dölger 1965: no. 2893)

По своему внутреннему строению все три описанных типа имперских документов значительно отличались друг от друга. Великая грамота привилегий, как правило, начинается с предисловия в риторическом стиле, развивающего некую общую тему (император как помощник и покровитель добродетели и т. д.; см.: Hunger 1964), и потом переходит к повествованию (*narratio*) о частном случае — в большинстве своем дело касается отказа в праве собственности или подтверждения такого права, вопросов неприкосновенности, уменьшения налогов или полного освобождения от них и тому подобных тем. За *narratio* следует *dispositio*, обычно слово в слово повторяющее факты, содержащиеся в *narratio*. Текст документа сильно формализован. Император постоянно говорит о себе в третьем лице (*he basileia mou/hemon* и т. п. Заканчивается текст (в той форме, которая вряд ли менялась с XI по XV в.) заявлением о передаче грамоты другому лицу, датой и так называемой *kratos*-формулой, объявлявшей, что следующая далее внизу документа надпись сделана императором собственноручно (см.: Dölger 1962).

Более проста в этом отношении по своей внешней форме малая грамота привилегий. В ней отсутствует торжественное предисловие и *kratos*-формула. А ее текст больше похож на текст сжатого административного распоряжения (простагму или хорисму). Документ этого последнего типа, будучи адресован определенному лицу, начинается с обращения к получателю, а затем простым языком излагает имперские указания. В конце документа часто содержится заверение, что распоряжение было отдано *di'asphaleian* в отношении получателя, или же предписание уполномоченному чиновнику обратить внимание на *prostagma di'asphaleian* и после этого доставить его заинтересованному лицу или уведомить его о распоряжении.

ЛИТЕРАТУРА

- DÖLGER, F. 1962. 'Ein Echtheitsmerkmal des byzantinischen Chrysobulls', *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 10: 99–105.
- 1965. *Regesten der Kaiserurkunden des öströmischen Reiches von 565–1453*, vol. 5 (Munich).
- HUNGER, H. 1964. *Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden* (Vienna).
- KARAYANNOPULOS, J. 1998. 'Zu den "diá-Vermerken" der byzantinischen Kaiserurkunden', in G. de Gregorio and O. Kresten (eds.), *Documenti medievali greci e latini* (Spoleto): 203–32.
- KRESTEN, O. 1971. 'Zur sogenannten Pertinenzzeile der byzantinischen Kaiserurkunde', *Byzantina* 3: 53–68.
- 1994. 'ΜΗΝΟΛΟΓΗΜΑ. Anmerkungen zu einem byzantinischen Unterfertigungstyp', *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung* 102: 3–52.
- MÜLLER, A. E. 1995. 'Die Entwicklung der roten Urkundenselbstbezeichnungen in den Privilegien byzantinischer Kaiser', *BZ* 88: 85–104.
- OIKONOMIDES, N. 1985. 'La chancellerie impériale de Byzance du 13e au 15e siècle', *RÉB* 43: 167–95.

Глава I.2.12 Б ДОКУМЕНТЫ: АФОН

Розмари Моррис

Современная история изучения монастырских архивов горы Афон начинается с фотографических экспедиций французского византиниста Габриэля Милле (Gabriel Millet) сразу после Первой мировой войны. При помощи фотографического отделения французской армии, размещавшегося в то время в Фессалониках, и поддержке Французской школы искусств в Афинах, Милле привез фотографические пластинки и копии документов из монастырей: Великой Лавры, Кутлумуша, Пантократора, Россикона¹, Ксенофонта и Дохиара. Он также собирал материалы в Протате, административном центре Святой Горы (Rouillard and Collomp 1937: IX–XIII). Хотя экспедиции Милле поставили архивы Афона на твердую научную основу, сделав их изучение вопросом первоочередной важности для последующих поколений французских византинистов, они не были первыми попытками описать эти богатые источники. Еще в 1843 г. парижанин греческого происхождения, ученый Миноидес Минас (1790–1860 гг.) был послан французским правительством на Афон для приобретения манускриптов в Национальную библиотеку (Bibliothèque Nationale) и снял копии с документов в монастырях Эсфигмен, Хиландар, Ксиропотам и Кастамонит, которые впоследствии были занесены в каталоги палеографом Генри Омонтом (Enepekides 1953: 61–5). В середине XIX в. русские экспедиции под началом П. И. Севастьянова собрали материал, включая фотографии, результатом чего позднее стали публикации документов горы Афон в периодическом издании «Византийский временник» с 1903 г. и далее. Этот материал зачастую был неполон: Луи Пети издал 15 византийских документов из Ксенофонта; Миле позже сфотографировал (41 снимок) их в том же монастыре. На самом Афоне описи документов сохранялись подолгу, и к 1926 г. отец Спиридон из Великой Лавры при сотрудничестве британского ученого Кёрсопа Лэйка создал коллекцию из 162 документов этой обители, лишь 37 из которых были ранее сфотографированы Милле. Ученик Милле, Жермен Руйар на Втором международном конгрессе

¹ Свято-Пантелеимонов монастырь – прим. переводчика.

византистов (Rouillard 1929), объявил о проекте, предполагавшем фотографирование, редактирование, публикацию всех архивов Афона (начиная с архива Великой Лавры). Первый том того, что должно было стать серией изданий «Архивы Афона» (*Archives de l'Athos*), под редакцией Руйара и Пьера Колома вышел в 1937 г. (Rouillard and Collomp 1937). С того времени публикация документов горы Афон осуществлялась также и в других изданиях (Mošin and Sovre 1948; Dölger 1948), французские ученые перефотографировали и издали документы около 25 монастырей (к 2007 г.) – данное начинание стало основой и центром деятельности французских византистов (см.: http://www.college-de-france.fr/chaire23/frameset_publications.htm). Габриэль Милле лично поручал издательскую работу вначале Руйару и Колому, а позднее – Полю Лемерлю, ставшему впоследствии директором проекта. Теперь эту роль выполняет Кристоф Гирос, а самому начинанию оказывают финансовую поддержку правительства Франции, Греции и Канады, а также научные и финансовые организации и частные лица в этих странах. А поскольку монастырское братство Афона остается строго мужским, «Архивы Афона» предоставляют женщинам-ученым единственную возможность доступа к этим ресурсам.

Издательские принципы, установленные Милле, остались в силе. Каждый том текстов сопровождается альбомом фотографий. Даны детализированные описания текстов с позиций палеографии и дипломатики. Всегда добавляется пунктуация и, в большинстве случаев, если существуют фотографии документов, о которых идет речь, осуществляется их дипломатическое издание. В самом тексте, будь то оригинал или копия, ничего не изменяется: орфография сохраняется, а возможные исправления указываются только в *apparatus criticus*. Используемые издателем специальные символы, например, те, что обозначают опущение буквы или слова, заимствуются из числа общепринятых среди папирологов. В случаях, когда фотографий не существует, но имеются копии афонских описей, издание всегда является критическим. В *apparatus* текст восстанавливается и предлагаются различные варианты его прочтения (Rouillard and Collomp 1937: XXXI–XXXIV). В обоих случаях каждый документ снабжен кратким заголовком, идентифицирующим его дипломатический тип, происхождение и, там, где это возможно, дату создания. Тексту предшествует предисловие – его подробное содержание на французском языке, сопровождаемое заметками и комментариями. Таким образом, обеспечивается высокий уровень доступности текстов даже для не говорящих по-гречески читателей.

Богатое наследие горы Афон не имеет себе равных среди прочих сохранившихся византийских архивов в том, что касается времени создания и типологии документов. Самый ранний из сохранившихся в подлиннике текст (из Протата) датирован не ранее, чем конец XI в., тогда как тома «Архивов Афона» публикуют только документы, датируемые средневековым периодом (обычно не позднее XVI в.). Изучение истории монастырей Афона и их характерных черт вплоть до сегодняшнего дня имеет гораздо более серьезное значение (Papachryssanthou 1975). Документы, написанные на греческом, грузинском, сербском, русском и османско-турецком языках представляют собой полезный источник для изучения их эволюции в средневековый период (Vompaire 1960: 68–71). Многие до-

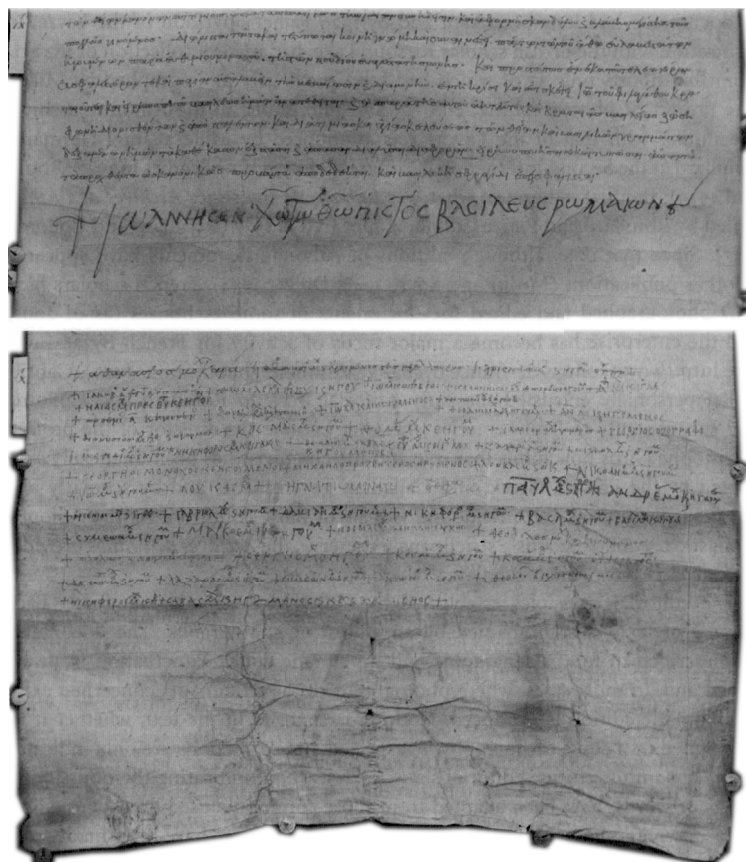

Рис. 1. Типикон Цимисия (до 972 г.) с подписями монахов

кументы имеют свои оригинальные печати, что представляет существенное дополнение к византийскому сигиллографическому корпусу.

Содержание архивов Афона уместно будет подразделить на публичные и частные документы. Среди наиболее важных из числа изданных византийскими государственными властями – имперские типиконы (*typika*) Иоанна Цимисия (971–972 гг.), Константина IX Мономаха (1045 г.) и Мануила II Палеолога (1406 г.), регламентировавшие монастырскую жизнь Святой Горы (Papachryssanthou 1975). Имперские хрисовулы, утверждавшие или возобновлявшие привилегии отдельных монастырей, часто являлись единственной сохранившейся копией такого рода дарственных актов. Многие документы касались финансового управления собственностью не только на самой Святой Горе, но и на всей обширной территории Фракии, Македонии и островов вне пределов их побережья. Они зачастую свидетельствуют о причастности местных властей в провинциях к предоставлению привилегий или попыткам устанавливать и собирать налоги, осуществлять призыв на военную службу. Документы Афона дают, таким образом, беспрецедентную возможность проникновения в суть работы юридической, военной, финансовой систем организации византийских провинций. Из них можно также

почерпнуть важную просопографическую информацию, проследив развитие во времени карьеры профессиональных управляющих. Задача составления каталога актов отдельных византийских управляющих, впервые обоснованная Руйаром, теперь уже реально выполнима (Rouillard 1936: 307). Природу монашеского лидерства в обителях Афона удалось прояснить вследствие сопоставления списков свидетелей составления документов и их подписей на документах некоторых монастырей и самого Протата, а сохранившиеся документы, изданные Патриархом Константинопольским содержат сведения не только об эволюции этого института, но также и об отношениях «светской» Церкви¹ с монастырскими общинами Афона как во времена Византии, так и в условиях турецкого владычества.

Документы частного происхождения можно ранжировать начиная от записей о передаче в дар или продаже земли мирянами до важных примеров завещаний, в которые вписаны не только случаи дарения земли, но и передача литургических предметов, икон, книг, дорогих тканей и денег. *Синодик Ивирона* (XI в.) – список дарителей, их даров и дней их литургических поминаний дает не имеющую равных возможность получить представление о богатстве и благочестии грузинской аристократии, а записи из других монастырей подобным же образом предоставляют богатейший материал для изучения изменений имперского и в меньшей степени светского покровительства монастырям Афона (Lefort and others 1985). Детализированные описания эволюции земельных пожертвований в пользу каждого из монастырей представляют собой исключительно ценный элемент комментариев к каждому тому «Архивов Афона» с замечательными картами-иллюстрациями. Доступность материалов Афона вызвала революцию в изучении топографии как самой горы, так и прилегающих к ней районов Фракии и Македонии (Lefort 1982; Kravari 1989).

Публикация «Архивов Афона» не только обеспечила доступ ко многим новым материалам для изучения истории создания и развития отдельных обителей и их земель, она также предоставила редкостную возможность проследить эволюцию средневекового архива в течение нескольких сотен лет. Изучение принципов, лежащих в основе сохранения документов, дошедших до наших дней, и методов их хранения, более поздних аннотаций к ним и ранних реестров, в которые они заносились или копировались, способствует пониманию функций и целей таких собраний (Guillou 1960).

Сохранившиеся средневековые архивы Афона далеко не полны; в них часто отсутствуют материалы XII–XIII вв. Материалы, публиковавшиеся в «Архивах Афона» ограничиваются документами юридического и т.п. характера и потому не содержат документов, подобных сборнику XII в. *Diegesis merike*, в котором дан поверхностный отчет о событиях на горе в конце XI в. (вторжение владх, причем как мужчин, так и женщин, продолжительные скандалы вокруг принятия евнухов в некоторые обители) (Meyer 1894). Многие из таких параисторических документов Афона претендуют на современное переиздание. Однако некоторое внимание в «Архивах Афона» уделяется зачастую сложным и путанным историям основания монастырских общин на горе. Документальные материалы,

¹ Скорее всего, речь идет о представителях белого духовенства – прим. переводчика.

таким образом, способствуют изучению не только истории основания, дарений и образовавшихся вследствие их состояний монастырей Афона, органов правления на Святой Горе и их отношений с «внешними» властями, но также эволюции традиций Афона и восприятия прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- BOMPAIRE, J. 1960. 'Remarques sur la langue des actes d'archives, notamment à l'époque des Paléologues', *Akten des XI. Internationalen Byzantinisten Kongresses (Munich, 1958)*, vol. 1: 68–71.
- DÖLGER, F. 1948. *Aus den Schatzkammern des heiligen Berges* (Munich).
- ΕΝΕΠΕΚΙΔΗΣ, R. 1953. 'Quelques documents byzantins des archives du Mont Athos', *Atti del VIII congresso internazionale di studi bizantini (Palermo, 1951) = Studi Bizantini e neoellenici* 7: 61–5.
- GUILLOU, A. 1960. 'La tradition des actes d'un monastère athonite: Lavra', *Akten des XI. Internationalen Byzantinisten Kongresses (Munich, 1958)*, vol. 1: 212–15.
- KRAVARI, V. 1989. *Villes et villages de Macédoine occidentale* (Paris).
- LEFORT, J. 1981. 'Le cadastre de Radolibos (1103), les géomètres et leurs mathématiques', *TM* 8: 269–313.
- 1982. Villages de Macédoine, I: *La Chalcidique occidentale* (Paris).
- 1985. 'Radolibos: population et paysage', *TM* 9: 195–234.
- OIKONOMIDES, N., PAPACHRYSSANTHOU, D., KRAVARI, V., ΜΕΤΡΕΒΕΛΙ, H. (eds.) 1985. *Actes d'Iviron, I, Archives de l'Athos, XIV* (Paris).
- MEYER, P. 1894. *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athos-Klöster* (Leipzig).
- MOŠIN, V., and SOVRE, A. 1948. *Supplementa ad acta graeca Chilandarii* (Ljubljana).
- PAPACHRYSSANTHOU, D. 1975. *Actes du Prôtaton, Archives de l'Athos, VII* (Paris).
- ROUILLARD, G. 1929. 'Les archives de Lavra (Mission Millet)', *Deuxième congrès international des études byzantines (Belgrade, 1927)*: 103.
- 1936. 'Les actes de Lavra à l'époque des Paléologues', in *Atti del V congresso internazionale di studi bizantini (Rome, 1936) = Studi Byzantini e neoellenici* 5: 300–7.
- and COLLOMP, P. 1937. *Actes de Lavra, I, Archives de l'Athos, I* (Paris).

Глава I.2.12 В ДОКУМЕНТЫ: ВЕНЕЦИАНСКИЙ КРИТ

Салли Макки

Государственные Архивы Венеции (ГАВ) – неизбежный пункт назначения для любого желающего провести оригинальное исследование, углубившись в историю обширнейшего и древнейшего из венецианских территориальных владений, острова Крит (Thiriet 1959; Maltezou 1991: 17–47; Gasparis 1997; Greene 2000; McKee 2000). Среди хранящихся в ГАВ документов – остатки Критской канцелярии, переданные туда в 1669 г. по окончании длительной войны между Венецией и османами за владение островом. Исключительно ценный фонд документов, принадлежащий Криту и Эгейским островам, оставшийся от Критской канцелярии, расположен отдельно от прочих секций ГАВ и потому более доступен и понятен, чем окружающие его намного более обширные архивы венецианской бюрократии (Gerland 1899).

После того, как Венецианское правительство переместило Критскую канцелярию в Венецию, документы были переданы в Государственный архив (Tierolo 1973). Затем все содержимое Критской канцелярии было разделено на две основных части. Одну часть составляют правительственные, финансовые и юридические записи, сейчас их собрание известно как Архив герцога Кандийского (АГК). Хотя АГК и обширен, опыт подсказывает одно правило: чем позднее дата, тем больше материалов сохранилось. То есть XIII в. материально представлен хуже и меньше всего, а XVI–XVII вв. изобилуют источниками для изучения. Неполнота записей, тем не менее, может и не быть результатом одной лишь небрежности. В те первые века венецианской оккупации практические навыки хранения записей развивались на Крите в то же время, что и в Венеции. К примеру, двусмысленные и беспорядочные справки в протоколах судебных заседаний показывают, что один из реестров обсуждений в трех советах Кандии (Candia)¹, датируемый 1344–1363 гг., мог быть вообще единственным существовавшим реестром.

Еще одна категория документов, имеющая отношение к венецианскому Криту – нотариальные записи, отделенные от документов АГК и переданные в но-

¹ Итальянское название о. Крит – прим. переводчика.

тариальный архив ГАВ, секцию под названием *Notai di Candia* (NDC). Эти документы, всего более 300 дел, перечисленных в указателях ГАВ в алфавитном порядке согласно именам нотариусов, составляют наиболее обширную часть сохранившихся критских источников. Сложно переоценить значение этих записей, особенно с тех пор, как они изредка стали подвергаться систематической обработке. Они содержат ценную информацию относительно экономической и социальной жизни колонии и ее населения, немалую часть которого составляют критские евреи, чье присутствие и деятельность в Кандии из этих документов очевидны (Starr 1942).

И здесь тоже стоит упомянуть о некоторых предосторожностях в отношении целостности архивов. В сравнении с нотариальными реестрами всех нотариусов, работавших в колонии с 1211 по 1669 гг., NDC неполон настолько, что требует осторожности при изучении документов и значительной ограниченности обобщений. Во-первых, поскольку сохранились только реестры нотариусов, работавших в стенах Кандии, ученый должен иметь в виду, что были также и нотариусы, жившие и работавшие в предместьях города и окрестных деревнях. Таким образом, хотя сельскому населению прилежащих к Кандии районов часто случалось пользоваться услугами нотариуса в городе, большинство имен в протоколах являются все же именами жителей города и его окрестностей. Более того, хотя в колонии и были нотариусы, оформлявшие документы на латыни, греческом и иврите, только нотариусы, составлявшие свои акты на латинском языке протоколировали их и эти протоколы сохранились. Наконец, анализируя нотариальные реестры, важно иметь в виду вероятные пропорции оригинальных канцелярских документов, представленных в сохранившихся нотариальных реестрах. До наших дней дошли нотариальные протоколы приблизительно половины всей нотариальной деятельности Кандии XIV–XVI вв. Это не означает, что половину Критской канцелярии можно обнаружить в ГАВ. У каждого нотариуса кроме сохранившегося полного или фрагментарного протокола должно было быть также и еще несколько протоколов, которые не сохранились. То есть, ученым, работающим с нотариальными источниками, надо иметь в виду, что, по некоторым оценкам, только от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ оригинальных канцелярских документов находятся сейчас в ГАВ.

С АГК и NDC в ближайшие десятилетия предстоит много работы, но оба они имеют свои пределы, ограниченные в сравнении с перекрывающей их структурой ГАВ. По некоторым вопросам ученые, возможно, сочтут необходимым обратиться куда-либо еще в поисках дальнейших следов истории колонии и других рискованных заморских предприятий Венеции и венецианцев. Новые материалы еще будут отыскивать и в самом ГАВ. Эти находки вначале, вероятнее всего, повлекут за собой розыск венецианских и греческих критских семей, эмигрировавших в митрополию на протяжении XIV, XV, XVI вв. Ограниченная представленность различных серий документов в ГАВ показывает, что документацию колонистов венецианского Крита относительно легко отличить от других в широком ряду источников, простирающемся от обсуждений государственных правовых норм до частных семейных архивов. Как один из примеров – серии документов прокураторов Сан-Марко, содержащие государственные бумаги многих венецианских патрициев, живших на Крите.

ЛІТЕРАТУРА

- GASPARIS, G. 1997. *E ge kai oi agrotēs ste mesaionike Krete, 130S–140S ai.* [*Land and Peasants in Medieval Crete, 13th–14th c.*] (Athens).
- GERLAND, E. 1899. *Das Archiv des Herzogs von Kandia im Königl. Staatsarchiv zu Venedig* (Strasburg).
- GREENE, M. 2000. *A Shared World: Christians and Muslims in the Early Modern Mediterranean* (Princeton).
- McKEE, S. 2000. *Uncommon Dominion: Venetian Crete and the Myth of Ethnic Purity* (Philadelphia).
- MALTEZOU, C. 1991. 'The historical and social context', in D. Holton (ed.), *Literature and Society in Renaissance Crete* (Cambridge): 17–47.
- STARR, J. 1942. 'Jewish life in Crete under the rule of Venice', *Proceedings of the American Academy for Jewish Research* 12: 59–114.
- THIRIET, F. 1959. *La Romanie vénitienne au moyen âge* (Paris).
- ТИЕПОЛО, М. Ф. 1973. 'Note sul riordino degli archivi del Duca e dei notai di Candia nell'Archivio di Stato di Venezia', *Thesaurismata* 10: 88–100.

Глава I.2.13 ЭПИГРАФИКА

Кирилл Мэнго

В широком понимании дисциплина эпиграфика охватывает все надписи кроме текстов рукописей, в первую очередь, надписи на камнях, предназначенные для общественного обозрения, а также надписи в живописи, мозаике, на монетах, печатах и гирях, предметах, находящихся в частной и церковной собственности, как то: серебряные блюда, ювелирные изделия, изделия из слоновой кости, литургические сосуды.

Естественной средой распространения выгравированных на камне надписей (только они и будут интересовать нас в данном случае) был греко-римский город. Побуждаемые столь присущим городу чувством собственного достоинства (чтобы не сказать собственной важности), древние города произвели на свет невероятное количество надписей, постепенное обнаружение и публикация которых вызвали революцию в сфере наших знаний об античности: постановления местного совета, а позднее – имперского правительства, посвящения богам, чествования благотворителей, списки победителей атлетических состязаний, эпитафии и т. д. Количество сохранившихся надписей в эпоху поздней античности характеризуется резким снижением, но число надписей в традиционных категориях за исключением агонистических держалось на определенном уровне до 600 г. н. э. Указы продолжали писать на камне или даже бронзе: это действительно считалось основной частью их публикации, дополняющей их тиражирование в форме рукописей. Такие надписи, разумеется, требовали много места, к примеру, надпись префекта претории Дионисия (480 г. н. э.), найденная в Миласе (Кария) имела около 5 м в длину, более 1 м в высоту и была написана на подиуме языческого храма. Сюда же мы можем отнести тарифы сборов, взимаемых с товарооборота, как, например, относящиеся к Авидосу в Геллеспонте, Селевкии в Сирии, Аназарбу в Киликии. Почетные надписи, обычно размещаемые на постаменте статуй, также сохранились и в действительности приобрели более витиеватые формы, будучи изложены элегическим метром и являя читателям много не до конца понятных слов (рис. 1). В дополнение к сохранившимся образцам существенное количество надписей (преимущественно из Константинополя)

Рис. 1. Постамент египетского обелиска, Ипподром, Стамбул (390 г. н. э.)

было скопировано в Палатинскую антологию в IX–X вв. Приветственные надписи в адрес императора и цирковых партий (Голубые и Зеленые), возможно, стали более многочисленными в эпоху поздней античности.

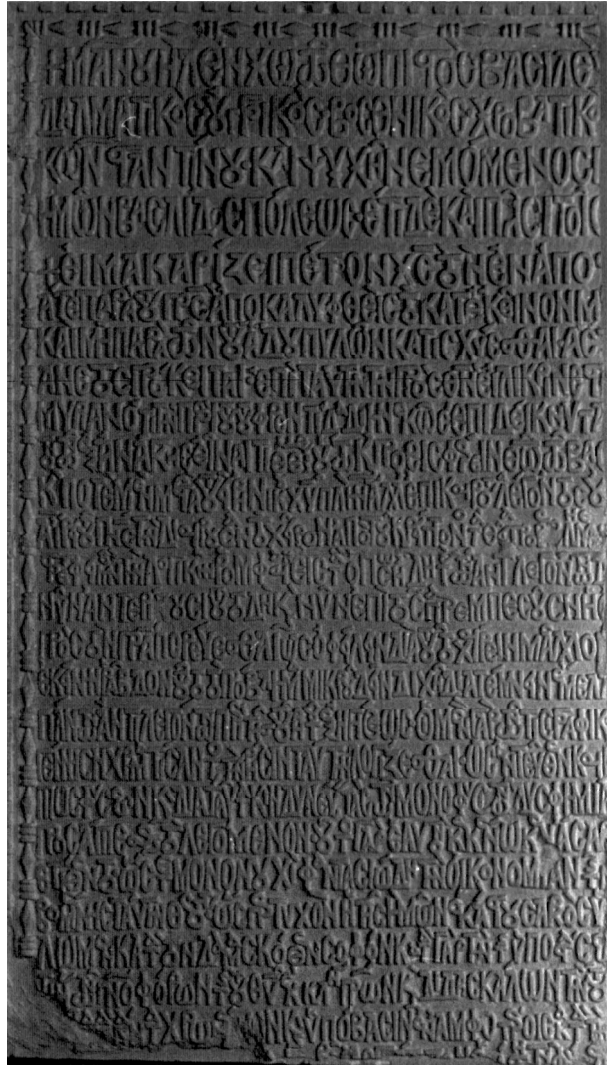
Приход христианства мало повлиял на то, что принято называть «эпиграфической традицией». Религиозные посвящения и молитвы отныне были адресованы новому Богу, его святым и ангелам. Надгробные памятники украшались крестом, часто содержали обозначение *pistos* (христианин) и различные религиозные формулировки, как, например, акроним ХМГ (= Христос рожденный Марией). Могильные камни с надписями принято было устанавливать для совсем обычных людей, часто указывая место происхождения или род занятий покойных: торговцы, пекари, парикмахеры, лавочники, солдаты (иногда готы или другие варвары по происхождению). В Корикосе (Киликия) в замечательной серии более чем из 500 эпитафий упоминается около 115 различных профессий. Еще одна интересная серия в некрополе Тира, как можно было ожидать, особо выделяет ловцов пурпуровых раковин и красильщиков пурпура. Дата смерти обычно выражена формулой: день, месяц, индикт, в исключительных случаях – год правления консула или императора.

В Константинополе самая поздняя из датированных эпитафий рядовых граждан относится к 610 г. н. э. С тех пор и до конца византийского государства, и даже еще позднее память обычных людей перестали увековечивать эпиграфически (кроме отдельных случаев граффити), их погребали в могилах без опознавательных знаков. Такое развитие событий свидетельствовало о почти полном отказе от эпиграфической традиции. Надписи-указы больше не наносились на камень, два-три исключения, которые приходят на ум, по своей природе относились к актам собственности, как, например, акт дарения соляного прииска церкви св. Димитрия в Фессалониках Юстинианом II или подтверждение в 1228 г. некоторых привилегий в пользу церкви в Корфу Феодором, деспотом Эпира. Еще более поздняя надпись на камне находится сейчас в Риме. Псевдо-декрет Мануила I

Рис. 2. Соборный эдикт, 1166 г.,
Музей Айя Софии, Стамбул

(размеры камня $4,60 \times 4,10$ м), заключал в себе теологическое определение, принятое церковным собором 1166 г. Надпись создавалась специально, с целью увековечения древности документа (рис. 2). Что касается почетных надписей, то они умерли естественной смертью как только перестали устанавливать статуи. Наиболее поздний случай отмечен в Константинополе (статуя Никиты, двоюродного брата императора Ираклия) и приблизительно датирован 615 г. Даже пограничные камни с надписями, распространенные в VI в., с тех пор практически исчезли.

Упадок эпиграфики после VI в. может быть проиллюстрирован при помощи региональных собраний. Собрание греческих христианских надписей Х. Грегуара (Grégoire 1922), территориально охватывающее весь запад Малой Азии и Эгейские острова (признаться, устаревшее, но в целом не знающее аналогов), насчитывает 43 средневековые надписи из общего количества 500. Афродизий, подвергшийся обширным раскопкам, дал около 1500 надписей времен ранней Империи, 223 – поздней Империи (с середины III по VI вв.) и только семь надписей последующего периода существования Византии, которое закончилось в этой части Малой Азии в XI–XII вв. В случае если считать Афродизий недостаточно репрезентативным, мы можем рассмотреть Фессалонику, которая процветала до самого конца византийского периода и часто описывалась как второй город Империи. Собрание Фессалоникийских надписей (*IG IX/2/1* за 1972 г.) содержит 1020 экспонатов, подавляющее большинство из которых – языческие тексты. Христианских надписей вплоть до VII в. насчитывается около 130. Относительно периода

византийского средневековья общая цифра точно не известна, но таких, которые представляли бы исторический интерес, не более 28. И куда бы, к какой бы части Империи мы ни обратились, картина будет приблизительно одна и та же.

Основные категории надписей, дошедшие до нас из средневековья – это элитарная эпитафия и надпись на здании. Нельзя сказать, что сохранившиеся надписи многочисленны: в каталоге того, что можно назвать «усыпальницами великих» (саркофаги и псевдо-саркофаги) на всей территории Греции начиная с XI в. и далее 92 позиции, из них только 14 имеют надписи (одна на славянском и одна на французском языке). Данных слишком мало, чтобы им быть статистически достоверными, но тем не менее стоит отметить, что 10 надписей из 14 относятся к XIII–XIV вв. и половина из них в стихотворной (двенадцатисложной) форме. Распространение эпитафий в стихах лучше всего изучать по работам известных поэтов, от Христофора Митиленского и Иоанна Мавропода в XI в. до неутомимого Мануила Филадельфа в XIV в. и Марка Евгеника в XV в. Некоторые из этих произведений, сохранившиеся в рукописных списках, могут быть и просто литературными упражнениями, но многие, конечно же, сочинялись для написания на надгробиях. Общими для них чертами являются их длина, непрерывное и настойчивое упоминание благородных предков покойного и титулов, которые он носил. Здесь мы становимся свидетелями того, как вырабатывается новый вид аристократической эпитафии, далеко отстоящий от лаконичной надгробной надписи античности. Одним из лучших сохранившихся примеров является надпись на могиле комита конюшен (*comes stabuli*) Михаила Торника (24 стиха) в боковой часовне монастыря Хора в Константинополе (XIV ст.).

Могины аристократов обычно сооружались в семейных монастырях. Поэтому их помпезные эпитафии адресованы ограниченному кругу лиц. Надписи на зданиях, напротив, были видны всем и каждому. В них часто упоминалось о строительстве и ремонтных работах сооружения, и они могли быть предельно лаконичными (нечто вроде: «Башня Феофила, благоверного во Христе императора»), но, случалось, разражались стихами. Обширная серия таких надписей существует на стенах Константинополя, другие примеры – на стенах Никеи, Анкиры, Селимврии и т. д. Для большей четкости буквы иногда покрывали свинцом. В церквях обычным делом было размещать памятную надпись об основателях на каменном карнизе над центральной дверью, как например, в церкви Панагия Халкион в Фессалонике, в 1028 г., но чаще все же, особенно в случае, когда здание было относительно скромным, надпись наносилась краской в нартексе¹ или где-либо еще. Эпиграммы в адрес основателей храмов относительно редки. В Константинополе имеется два ярких примера, подобных надписей VI в., полностью опоясывающих неф, одна – в церкви св. Сергия и Вакха, другая – невиданной длины (76 стихов) в церкви св. Полиевкта. Что касается последней, то сохранилось лишь несколько ее фрагментов, но полный текст можно найти в Палатинской антологии, I, 10. Традиции частично сохранялись и в Средние века. В Константинополе есть пример надписи с внешней стороны (конец апсиды) церкви Константина Липса 907 г. и более длинной, относящейся к нача-

¹ Притворе – прим. переводчика.

лу XIV в., на двух стенах пареклессии св. Марии Паммакаристос (Фетхи Ками, Fethiye Camii). Еще более удивительна надпись из 12 стихов гекзаметром 873–874 гг. в провинциальной церкви в Скрипу (Беотия).

Если граффити и заслуживают упоминания в этой связи, то во многом лишь благодаря исторически значимой их серии в Афинах. В дополнение к молитвенным воззваниям верующих, они включают большое количество датированных некрологов (не путать с эпитафиями). На колонах Парфенона, служившего кафоликоном Афин, 232 надписи-граффити. 64 из них – некрологи местных епископов, в хронологическом порядке с 693 по 1175 гг., и лиц, принадлежавших к их клиру. Кроме того, серии граффити обнаружены в Пропилее, Эрехтейоне, Гефестиионе (служивших местом устройства монастырей) и в церкви Панагии Ликодемийской. Практику вырезывания некрологов на стенах и колонах церквей до некоторой степени можно отнести на счет редкости правильных с литературной точки зрения эпитафий.

Примечательно то, что византийский эпиграфический шрифт до X в. не отличался разнообразием. Надписи выполнялись капитальным письмом овальной, круглой, квадратной или ромбовидной формы, формы скорописи применялись нечасто, если вообще применялись. «Сигма» всегда имела форму полумесяца, «омега» была W-образной. Не считая вездесущей $\text{O}(\text{ov})$, лигатуры сокращались для вертикально ориентированных букв (MN IP , и т. д.) Общеприняты были сокращения *nomina sacra* санов (как церковных, так и светских) и слов, обозначающих даты (день, месяц, индикт). Латинская «S» являлась и символом наличия аббревиатуры, и сокращением *kaí*. К X в. буквы тяготеют к вытянутой форме, шрифт становится более сжатым, так же, как и в рукописях того времени (круглые буквы «е», «θ», «ο», «с» становятся миндалевидными и остроконечными с двух сторон). Между словами нет разделений, акцентуации или пунктуации, но в случае с метрическими надписями конец каждого стиха часто обозначается тремя точками, расположенными вертикально.

Большие изменения происходят ближе к началу XI в. Пожертвовав четкостью, надписям придают декоративную форму. Отныне они изобилуют лигатурами и сокращениями, заимствованными из орнаментальных заголовков в рукописях, символы скорописи чередуются с капитальными формами, буквы зачастую размещаются друг над другом, вводятся акценты и придыхания. Возможно, сказалось влияние арабской каллиграфии или *vjaz'* (вязи) в славянском письме.

Византийское эпиграфическое письмо сохранялось у греков и во времена османского правления, приблизительно до 1800 г., когда во всеобщее пользование был введен древнегреческий алфавит.

БИБЛИОГРАФИЯ

Обзор раннехристианских надписей представлен у M. Guarducci, *Epigrafia greca*, IV (Rome, 1978). В G. Cavallo and C. Mango (eds.), *Epigrafia medievale greca e latina* (Spoleto, 1995) нет широкого обсуждения византийской эпиграфики от VI в. и далее,

но несколько уместных статей здесь можно обнаружить. Для библиографических ссылок см.: F. Bérard, D. Feissel, and others, *Guide de l'épigraphiste* (Paris, 1986); J. S. Allen and I. Ševčenko, *Dumbarton Oaks Bibliographies*, II.1: *Epigraphy* (Washington, DC, 1981); D. Feissel, *Chroniques d'épigraphie byzantine*, 1987–2004 (Paris, 2006).

Некоторые региональные коллекции

- BANDY, A. C. 1970. *The Greek Christian Inscriptions of Crete* (Athens).
- BEES, N. A. 1941. *Corpus der griechisch-christlichen Inschriften von Hellas*, I. 1 (более публикаций не было), *Isthmos-Korinthos* (Athens).
- BEŠEVLIJEV, V. 1964. *Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien* (Berlin).
- DAGRON, G., and FEISSEL, D. 1987. *Inscriptions de Cilicie* (Paris).
- FEISSEL, D. 1983. *Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle* (Paris).
- and PHILIPPIDIS-BRAAT, A. 1985. 'Inscriptions du Péloponnèse', *TM* 9: 267–396.
- GRÉGOIRE, H. 1922. *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure*, I (более публикаций не было) (Paris; repr. Amsterdam, 1968). Index by E. Hanton, *Byzantion* 4 (1927–8): 53–136.
- GUILLOU, A. 1996. *Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie* (Rome).
- JALABERT, L., MOUTERDE, R., and others. 1929. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie (IGLS)* (Paris).
- MILLET, G. 1899. 'Inscriptions byzantines de Mistra', *BCH* 33: 97–156.
- Monumenta Asiae Minoris Antiqua (MAMA)*. 1928. (Manchester): includes Phrygia, Lycaonia, Caria, Cilicia.
- ORLANDOS, A. K., and VRANOUSES, L. 1973. *Ta charagmata tou Parthenonos* (Athens).
- ROUECHÉ, C., and REYNOLDS, J. M. 1989. *Aphrodisias in Late Antiquity* (London).
- SPIESER, J.-M. 1973, 1979. 'Les inscriptions de Thessalonique', *TM* 5: 145–80; 7: 333–48.

Глава I.2.14 СИГИЛЛОГРАФИЯ

Джон Несбитт

Термин «сигиллография» относится к вспомогательной дисциплине, в центре внимания которой в первую очередь находятся чтение, датирование, интерпретация византийских свинцовых печатей. Печати изготавливались из золота, серебра, воска и свинца, но изделий из хрупких и дорогостоящих материалов сохранилось мало. В домашнем хозяйстве воск использовали для опечатывания разнообразных предметов, включая крышки шкатулок и письма. Чтобы скрепить что-либо восковой печатью, нужно было использовать перстень-печатку из металла или твердого камня или печать конической формы из этих же материалов (Vikan and Nesbitt 1980: 10–25). На официальном уровне восковые печати использовались начиная, по меньшей мере, с 1074 г. и далее для ратификации некоторых имперских указов, таких как *horismoi*, а равно и некоторые *chrysoboulla sigilla*, к которым дополнительно могла прикрепляться золотая печать (Oikonomides 1979: 125). Использование золотых печатей было исключительным правом императора. Они прикреплялись к хрисовулам (*chrysoboulla*) – важным государственным документам, к числу которых относили и переписку с главами иностранных государств (Grierson 1966; см.: Dölger 1948: no. 7, иллюстрация 7 в качестве примера). Известно лишь около сорока золотых печатей, но и среди печатей из прочих металлов серебряные буллы, использовавшиеся для придания силы закона нормативным актам греческих деспотов Эпира и Пелопонесса, не меньшая редкость (ср.: глава I.2.12А. Документы: имперские хрисовулы).

Напротив, свинцовых печатей только в Гарвардской коллекции хранится приблизительно 17 000, а по всему миру их насчитывается, наверное, около 60 000. Явное численное превосходство дошедших до нас свинцовых печатей делает их важным источником исследований в области истории и истории искусств. Но чтобы полностью оценить их потенциал, нам необходимо вначале понять, кто же пользовался свинцовыми печатями. Ответ прост и заключается он в том, что использование свинцовых печатей было общераспространенной практикой, встречавшейся во всех слоях общества, начиная от императоров, выдающихся

деятелей Церкви и имперских чиновников, и заканчивая обычными священниками и простыми дельцами. Пример см.: Zacos and Veglery 1972: позиции nos. 7, 1480, 1576 и 1706, где опубликованы соответственно печати императора Маврикия Тиверия, Георгия прагматеута (*pragmateutes*), Павла Диакона и Анастасия, торговца шелком.

Далее следует понять, какую информацию обычно сообщают нам печати и как эта информация выражена. Поскольку одной из основных функций свинцовой печати было подтверждение подлинности подписи, в частном или общественном контексте, печать обычно содержала либо имя, либо имя и звание ее владельца. В VI–VII вв. владельца можно было определить по простой надписи в родительном падеже, см., например, Zacos and Veglery 1972: no. 795, «(печать) Дорофея илюстрия». Опять же, надпись может начинаться и молитвой, как отмечали Zacos and Veglery 1972: no. 799, «Матерь Божья, помоги Епифанию стратилату». Молитва может быть представлена полностью со всеми ее составляющими, или в форме крестообразной монограммы. Монограмматический прием использовался также и для выражения имени. Монограмма могла быть блочной или крестовидной. Блочная монограмма состоит из большой буквы в центре, в которую вписываются другие буквы; она использовалась на протяжении всего VI в. Крестовидная монограмма – Крест с буквами в верхней и нижней части и на концах поперечной перекладины – введен в употребление около 540 г. и после 600 г., случалось, заменял блочную монограмму. При прочтении монограммы могут возникать трудности, особенно если ее целью было передать как имя владельца, так и его сан. Дело осложняет тот факт, что некоторые буквы содержат «скрытые буквы». К примеру, «вита» (B) может читаться или просто как «вита» (B), или как «вита» и «ро» (P). Как дополнение к письменному слову следует рассматривать визуальный образ. Несмотря на то, что на печатях обнаружено множество изображений, наблюдается ярко выраженное предпочтение образа Св. Девы Марии (рис. 1).

Исследовав изображения, представленные в главе, посвященной иконографии, работы Zacos and Veglery 1972, мы обнаружим, к примеру, двенадцать печатей, носящих изображения Христа (nos. 1096–1107) (ср.: рис. 2), на шести печатях – изображение св. Софии (nos. 1275–1280), и еще на двух – бюст св. Тита (nos. 1293 и 1294). И напротив, мы видим, что общее количество образцов, украшенных изображением Божьей Матери (одной или держащей Христа), составляет 133 (nos. 1108–1238). Изображения святых пользовались определенной популяр-

Рис. 1. Печать Николая Афинянина (Дамбартон Оакс, Византийская коллекция)

Рис. 2. Печать Никифора Вогтаниата (Дамбартон Оакс, Византийская коллекция)

ностью, но иногда, ввиду отсутствия опознавательных надписей, затруднительно установить имя святого на изображении. Это особенно верно в отношении святых-воинов. Пример см.: Zacos and Veglery 1972, nos. 1281A–1291, где святые воины, представленные на печатях, похоже, являются просто типом святых, а не каким-то определенным лицом. Существенную помощь нам оказывает тот факт, что в более поздние времена (после 850 г.) рядом с изображениями на религиозную тематику обычно в столбик надписывали имя изображаемого лица.

На протяжении периодов, когда властвовало иконоборство, изображения лиц святых, конечно, исчезали, и в обычай владельцев печатей вошло украшать их лицевую сторону крестовидной монограммой с молитвой. После окончания иконоборства этот мотив был повсеместно заменен изображением Креста другого типа, так называемого «Креста на ступенях». С течением времени изображение Креста, представленного на ступенях, преобразовалось из «животворящего Креста» (или простого Креста) с одной поперечной перекладиной в изысканное, тщательно проработанное и украшенное изображение «патриаршего Креста» с тремя ветвями, растущими из основания и закруглениями на концах поперечной перекладины (рис. 3). Примером может служить печать Михаила, катепана (*katapano*) Италии, датируемая, согласно документу, к которому она до сих пор все еще прикреплена, маем 975 г. (Oikonomides 1986: no. 70). В первый век после иконоборства изображения на печатях тяготели к консерватизму. Часто их украшал «Крест на ступенях» или изображение Божьей Матери с младенцем Христом.

С 940 г. в ряду иконографических мотивов начинает наблюдаться разнообразие. Одно из самых интересных усовершенствований – использование приемов анимализма. См., например, Oikonomides 1986: no. 65, изображение печати Катакалона, стратига Фессалоники с профилем грифона на лицевой стороне. После

Рис. 3. Печать Василия, хартулария Армениака (Дамбартон Оакс, Византийская коллекция)

Рис. 4. Печать Панарета, судьи фемы Армениак (Дам-
бартон Оакс, Византийская
коллекция)

950 г. и на протяжении XI в. наблюдалось уменьшение популярности Св. Девы Марии и соответствующее смещение предпочтений в сторону изображений святых. Большой популярностью пользовалось изображение св. Николая, далее следовали образы святых-воинов и св. Михаила. В некоторых случаях мы обнаруживаем и нетипичные изображения, как, например, изображение на печати XII в. в полный рост св. Зотика – покровителя одноименной христианской общины, или бюст св. Кодрата на печати некоего Филоксена, епископа Магнезии (Laurent 1972: no. 1916; Laurent 1963: no. 270). В XI в. печати начинают украшать сценическими мотивами, как то: Благовещение, Воскресение, Успение, Преображение. Иногда встречаются изображения группы лиц (ср.: рис. 4. Печать Панарета, судьи фемы Армениак), как на печати Иоанна, митрополита Серр. Здесь мы видим бюст Христа в центре в окружении св. Георгия и св. Феодора (Nesbitt and Oikonomides 1991: no. 42.4). Одна из наиболее известных групп имеет отношение к печатям экдика (*ekdikoi*) храма Св. Софии, особенно распространены образцы, носящие изображение императора Юстиниана и Св. Девы Марии, поддерживающих макет храма.

Владелец печати был волен (за исключением времен иконоборства) украсить ее любым изображением, которое считал подходящим. Поэтому печати как таковые являются великолепным барометром для измерения популярности почитания тех или иных святых. Конечно, некто, например, Фома, эпопт (*epoptes*) Стримона и Фессалоники, мог поместить на своей печати изображение своего святого-покровителя – св. Фомы (Oikonomides 1986: no. 63), но в большинстве случаев взаимосвязь между именем человека и образом святого на печати отсутствует. Печати являются также основным инструментом исторических исследований в области административной истории, истории Церкви и просопографии (см.: глава 1.2.16. Просопография).

Печати удостоверяют или подтверждают данные других источников касательно персонала тех или иных административных подразделений. По изображениям на печатях мы узнаем о существовании служб, которые нигде больше не упоминаются. К примеру, изготовленная в VIII в. печать Феодора, куратора (*kourator*) Кромн (Пафлагония) содержит единственное упоминание об этой отдельно взятой куратории (*kouratoreia*) (McGeer, Nesbitt, and Oikonomides 2001: no. 19.1). О существовании должностного лица, называемого *epi ton ktematon* мы знаем также только по печатям.

Иногда они обнаруживают необычные совмещения должностей. В качестве иллюстрации отметим печать XI в. Никиты, хартулария (*chartoularios*) Великого Орфанотрофиона и епископа Ионополиса (McGeer, Nesbitt, and Oikonomides 2001: nos. 18.2 и 18.3). Никита пользовался доходами от двух должностей, разделенных географически. Он был одновременно ревизором, закрепленным за Орфанотрофионом храма св. Павла в столице, и епископом, возведенным в сан в Ионополисе Пафлагонийском. В тех случаях, когда две и более печати приемлемо будет приписать одному и тому же лицу, мы можем проследить индивидуальный *cursus honorum*¹. Например, карьера некоего Василия, судьи Пелопоннеса и Эллады, в общих чертах описана у Икономидеса (Nesbitt and Oikonomides 1994: 30). Печати помогают заполнять пробелы между именами епископов определенной епархии, помогают в проверке того, назначались ли епископы в наиболее отдаленные епископаты во времена бедствий, и создавались ли новые епархии в более спокойные времена. Так, лишь благодаря случайно сохранившейся свинцовой печати нам известно об организации епархии на острове Орови в Арголиде (см.: Penna 1995). Однако, следует отметить, что некоторое количество мест, где создавались епархии, имело одинаковые названия и не всегда возможно отличить одну местность от другой. Вследствие этого, имея дело с печатью епископа Нисского, мы сталкиваемся с тем фактом, что это название носили три различных епархиальных центра, и потому печать с названием Ниссы с одинаковой вероятностью может относиться к митрополиям Кессарии, Эфеса или Мир. Печати особенно помогают при составлении списков родовых имен, в частности, более скромной, нетитулованной знати. Но проблема возникает, когда человек имеет дело с печатями, на которые нанесены одни и те же имя и титул. В этом случае необходимо установить, имеем ли мы дело с печатями, изготовленными по одному и тому же шаблону и, следовательно, одним и тем же человеком.

Для датировки печатей используются различные критерии. До 850 г. печати, в большинстве своем, имели на краях завитки. Позднее на их края наносили точки. До 850 г. была распространена «вита» (V) с двумя полуокружиями, после 850 г. форма этой буквы изменилась, «вита» стала писаться с одним полуокругом (R) (о датировании печатей см.: Zacos and Vegler 1972: xiii, 971; Oikonomides 1986: таблица на обороте с. 164). Мы видим, что после 810 г. букву «ро» стали украшать засечкой сверху. До 1030 г. «ипсилон» в составе лигатуры «омикрон/ипсилон» имеет раздвоенную форму наподобие буквы «v». С 1030 г. «ипсилон» принимает вид подковы, как буква «и». Такая форма была в ходу до второй половины XII в. Дополнительный орнамент также может служить признаком, по которому определяется дата. В VIII в. общепринятым украшением был Крест между двумя завитками или между двумя шариками. Приблизительно в начале XI в. наблюдается появление Креста или шара между двумя горизонтальными полосами. В XII в. распространилась практика помещать Крест на отдельной линии вверху. В VI в. знак сокращения имел вид латинской «s». В IX в. этот знак стал более вытянутым и похожим на «S». В X в. малые знаки сокращения ставились посередине строки и часто выглядели как запятые (commas) или как зна-

¹ Карьерный путь – прим. переводчика.

ки тупого/острого удараения. В XI в. знаки сокращений в виде запятых (comma) ставились внизу строки. Так же, начиная с конца XI в., особенно в метрических стихах, стали вновь использоваться ударения и знаки придыхания. Употребление *stigma* вместо «С» и «Т» появилось в конце XI в. Такие формальные аспекты важны за неимением лучших критериев, то есть внутренней информации. К примеру, если печать свидетельствует о том, что ее владелец носил звание протопроедра (*protoproedros*), она не может быть датирована ранее, нежели 1060-м г., по той простой причине, что само это звание было учреждено лишь тогда. Еще пример, печать XI в. некоего Михаила магистра (*magistros*), веста (*vestes*), *epi ton kriseon* была датируется после 1042–1045 гг., потому что секрет (*sekreton*), к которому он принадлежал, впервые был создан императором Константином Мономахом именно в эти годы. Обычно мы можем датировать печать с точностью до года или полугода на основе внешнего вида ее образца, иконографического стиля, формы букв и знаков аббревиатуры. А имея в распоряжении такое средство установления даты, как звания и титулы, можно еще более сузить временной диапазон.

ЛИТЕРАТУРА

- DÖLGER, F. 1948. *Aus den Schatzkammern des heiligen Berges* (Munich).
- GRIERSON, P. 1966. 'Byzantine gold bullae, with a catalogue of those at Dumbarton Oaks', *DOP* 20: 239–50.
- LAURENT, V. 1963. *Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. L'Église*, vol. 1 (Paris).
- 1972. *Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. L'Église*, vol. 3 (Paris).
- McGEER, E., NESBITT, J., and OIKONOMIDES, N. 2001. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and the Fogg Museum of Art*, vol. 4 (Washington, DC).
- NESBITT, J., and OIKONOMIDES, N. 1991. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*, vol. 1 (Washington, DC).
- 1994. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and the Fogg Museum of Art*, vol. 2 (Washington, DC).
- OIKONOMIDES, N. 1979. 'Quelques remarques sur le scellement des actes impériaux byzantins (XIIIe–XVe s.)', *Zbornik Filozofskog fakulteta* 14.1: 123–8.
- 1986. *Dated Lead Seals* (Washington, DC).
- PENNA, V. 1995. 'The island of Orovi in the Argolid: bishopric and administrative center', in N. Oikonomides (ed.), *Studies in Byzantine Sigillography*, 4 (Washington, DC): 163–73.
- VIKAN, G., and NESBITT, J. 1980. *Security in Byzantium* (Washington, DC).
- ZACOS, G., and VEGLERY, A. 1972. *Byzantine Lead Seals* (Basel).

Углубленное чтение

Общий краткий обзор приемов опечатывания см.: Vikan and Nesbitt 1980: 10–25. Полезный обзор функций печатей и их типология приведен в N. Oikonomides, *Byzan-*

tine Lead Seals (Washington, DC, 1985). Указатель статей по сигиллографии см.: N. Oikonomides (ed.), *Studies in Byzantine Sigillography*, 3 (Washington, DC, 1993): 143–208, idem, *Studies in Byzantine Sigillography*, 5 (Washington, DC, 1998): 43–201; and J.-C. Cheynet and C. Sode, *Studies in Byzantine Sigillography*, 8 (Munich–Leipzig, 2003): 151–2. Современные каталоги музеев и частных коллекций (в дополнение к процитированному выше) содержатся в: G. Zacos, *Byzantine Lead Seals*, vol. 2 (Berne, 1984); W. Seibt, *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*, vol. 1 (Vienna, 1978), and A.-K. Wassiliou and W. Seibt, *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*, vol. 2 (Vienna, 2004); J.-C. Cheynet, C. Morrisson, and W. Seibt (eds.), *Sceaux byzantins de la Collection Henri Seyrig* (Paris, 1991); and V. Laurent, *Le corpus des sceaux de l'empire. L'Administration centrale*, vol. 2 (Paris, 1981). Обзор изображений на печатях см. в каталоге экспозиции музея: W. Seibt and M.-L. Zarnitz, *Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk, Katalog zur Ausstellung* (Vienna, 1997) и статью: J. Cotsonis, 'The contribution of Byzantine lead seals to the study of the cult of the saints (sixth–twelfth century)', *Byzantion* 75 (2005): 382–497.

Глава I.2.15 НУМИЗМАТИКА

Эвридика Георгантели

Монеты во все времена являлись важным проявлением современного искусства, а в дни, когда драгоценные металлы были еще и общепринятой формой валюты, монеты отражали изменения экономической и политической обстановки.

Ф. Д. Уиттинг

Нумизматика, изучение монет, в свое время воспринималась как маловероятный кандидат на участие в интерпретации культурной, религиозной и политической истории древнего и средневекового мира или его политической географии и экономики. Однако нумизматика связана со всеми этими областями и количество ее междисциплинарных связей столь же многочисленно, сколь бесчисленно количество монет, найденных на протяжении тысячелетия истории Византии. Изначально обсуждавшаяся философами как часть их подхода к политической науке, позднее систематизированная как научная дисциплина коллекционирования и занятия антикваров, нумизматика с того времени совершила впечатляющий скачок в своем развитии и теперь твердо стоит на основании средневековой истории, археологии и истории искусств.

Начала

Нумизматика — это изучение монет (*nummus* — латинское слово, обозначающее римскую медную монету самого низкого достоинства, *νόμισμα* — монета в древней, средневековой и современной Греции) в отношении их размеров и веса, ценности металла, пробы, места выпуска¹ и хронологии, но также и изучение условий, в которых выполнялась чеканка, то есть социо-экономической истории, политической идеологии, религиозных обычаев, языка и искусства (Grierson 1975, 1992; Casey 1986; Morrisson 1992; Howgego 1995). Начала ну-

¹ Имеется ввиду принадлежность к определенному монетному двору — прим. переводчика.

мизматики можно проследить в XIII – XIV вв., когда работы Аристотеля, благодаря арабским переводам и византийским комментариям, сделали широко доступными западноевропейским мыслителям и познакомили их с принципами *Политики* и *Этики* (Langholm 1983; Laiou 1999). Изучение чеканки монеты было для христианских философов, таких как Фома Аквинский, средством анализа социальных структур и почвой для дискуссий об идеальной королевской власти и правительстве. Согласно работе Аквината *De Regimine Principum* чеканка монеты являлась основой теократического порядка и монархической власти и позволяла объединить народные массы в организованный единый организм. (Sigmund 1988: 14–29). Аристотелева интерпретация значения чеканки монеты долго оказывала влияние на философов, таких, к примеру, как Жан Буридан и Никола Оресм. Последний еще более усовершенствовал подход Аристотеля в своем исследовании истоков и использования чеканки монеты от времен античности до средневековья. Его «Трактат о деньгах» (*Traité des monnaies*) суммирует принципы построения и использования денежной системы в обществе: монеты являются средством обмена натуральных богатств, они просты в обращении, легко переносимы с места на место, соответствуют определенным стандартам, их форма утверждена и чеканка организована правящей властью, и потому они принадлежат не отдельному индивиду, а целому сообществу и каждому из его членов (Dupuy and Chartrain 1989: гл. 1–6).

XV–XVI вв. явились для нумизматики поворотным моментом. Дискуссия о монетной системе переходит от абстракции к скрупулезному описанию и поиску древних монет и медалей, которые частично входили в состав первых крупных коллекций антиквариата на Западе. Интерес к иностранным и древним монетам не был, конечно, новым явлением: упоминания о найденных кладах и коллекциях монет можно найти достаточно рано – уже в римский и византийский периоды (Morrisson 1981). В позднем средневековье среди тех, кто активно занялся коллекционированием древних монет, были Папа Бонифаций VIII и поэт Петрарка, но, на самом деле, известные коллекции древностей, включая монеты, были созданы окружением Римских пап, королей и принцев лишь в эпоху Возрождения. Между 1402 и 1413 гг. две интересные разнородные коллекции медалей были составлены во Франции герцогом де Бери. Медали, изображающие Ираклия и Константина Великого, согласно описи герцога де Бери, создавались на основе подлинных античных медалей (Jones 1979; Scher 1994). Записи, показывающие хорошее знание поздневизантийских канцелярских формулировок, а также портреты и Ираклия, и Константина, созданные на основе портрета василевса Мануила II говорят о другом: обе медали изначально создавались как подделка, они являются великолепным свидетельством визита Мануила в Париж в 1400–1401 гг., отражением художественных вкусов Франции того времени и связей с античными западными правителями и аристократией, что и постарались передать изготовители данной подделкой.

Изучение монет как источника античной и средневековой истории получило дальнейшее развитие в XVII–XVIII вв., когда работы Езекииля Спанхейма (Spanheim 1664), Шарля Патина (Patin 1665), Франсуа Леблана (Le Blanc 1689), Луиса Жобера (Jobert 1692) и Шарля Дюканжа (Du Cange, C. Dufresne Sieur 1678)

заложили основы методологии нумизматики. В частности, «Наука о медалях» («*La Science des médailles*») Жобера, позднее переведенная на итальянский язык Алессандро Помпео Берти (Alessandro Pompeo Berti. *La scienza delle medaglie. Nuova edizione con annotazioni storiche e critiche*, Venice 1756), является перво-классным эссе о чеканке монеты от времен античности и до современности. Согласно Жоберу, чеканка византийской монеты скорее была неотъемлемой частью античного мира, чем отдельно взятым явлением. Он скрупулезно рассмотрел византийские надписи, названия, титулы, звания, числительные римского и греческого периодов. Упоминаются также и хронологические границы, в которые Жобер помещает византийскую монетную систему: чеканка «позднеимперских», как он их называет, монет началась с основанием Константинополя и окончилась его падением и завоеванием турками.

Византийские коллекции монет и нумизматические исследования

Быстрое изучение и систематическое исследование византийских монет в XIX–XX вв. связано с возникновением специализированных коллекций монет в Европе и США. Такие коллекции создавались с целью размещения высококачественных монет, имевших особую историю, и следовали уже установившейся тенденции возобновления интереса к Византии. Многочисленные нумизматические собрания позволили светилам XIX в., таким, как Поль де Сольси (de Saulcy 1836) и Пьер Жюстен Сабатье (Sabatier 1861), классифицировать и проанализировать серии монет в своих публикациях, которые до сих пор служат справочными изданиями. В Западной Европе великолепные коллекции византийских монет создавались в Париже (ср.: Morrisson 2001a), Лондоне, Вене, Копенгагене, Риме и Брюсселе. В Восточной Европе богатые жители Стамбула, Бухареста, Александрии и Афин увлекались коллекционированием византийских монет и печатей, что было связано с их стремлением проследить преемственность культурной и политической истории своего края от бывших Византийских земель. В 1926 г. Антонис Бенакис завещал греческому государству впечатляющую коллекцию, составленную в Александрии (Souloyannis 2004), подражая примеру братьев Зосимов, которые в середине XIX в. стали первыми основными благотворителями вновь созданного Нумизматического музея Афин (1996: 15–47). В Санкт-Петербурге музей Эрмитажа заметно обогатился в 1890 г., полностью перекупив знаменитую коллекцию Фотиад-паши (Guruleva 1991). В Италии вкладом в нумизматику Томазо Бертеле явилась не только его впечатляющая коллекция, которой позднее суждено было стать частью коллекции Дамбартон Оакс, но также и его многочисленные исследования с особым акцентом на чеканки монет поздневизантийской империи и ее отношениях с Западом (Bertelè and Morrisson 1978). В течение того же периода наиболее активными коллекционерами в Британии являлись, без сомнения, Филипп Грирсон (Grierson), Хью Гудакар (Goodacre 1960), Симон Бендалл (Bendall 1988), Филипп Уиттинг (Whitting 1973) и Джеффри Хейнс (Haines), последние двое основали в 1967 г. великолепную коллекцию монет при Институте Барбера в Бирмингем-

ском университете. В Париже Микелис Курсанскис тщательно описал историю империи Трапезунда по коллекции ее монет, находящейся сейчас в Париже, в Национальной библиотеке Франции. По ту сторону Атлантического океана, в Дамбартон Оакс, в Вашингтоне, благодаря наследованиям и приобретениям с 1947 по 1960 гг., сформировалась наиболее всеобъемлющая в мировом масштабе коллекция византийских монет (Grierson 1999a: 61–65). В Нью-Йорке византийские монеты стали частью коллекции Американского Нумизматического общества в 1940-х гг. В 1946 г. был назначен первый хранитель римских и византийских монет, и с тех пор коллекция продолжала расти за счет значительных приобретений и передачи монет в наследство.

Коллекции не предназначены для неподвижного хранения в скрытых от посторонних и недоступных местах. Их настоящее существование в значительной степени зависит от приобретения новых экспонатов, научных исследований, публикации каталогов собраний, выставочных программ, освещающих взаимоотношения искусства и общества в отдельные периоды, обучающей и образовательной деятельности, которая может сделать монеты наиболее постоянными, доступными и универсальными музейными экспонатами (Whitting 1966).

В 1908 г. хранители Британского музея опубликовали двухтомник Варвика Роса «*Имперские византийские монеты в Британском музее*» («*Imperial Byzantine Coins in the British Museum*»). В 1911 г. Рос дополнил ранее вышедшие два тома третьим, посвященным монетам вандалов, остготов и ломбардов, равно как и чеканке монеты соперничавших с ними государств Фессалоник, Никеи, Трапезунда и Эпира (Wroth 1908 и 1911). Издание-аналог каталога Роса появилось не ранее 1966 г., на этот раз в Дамбартон Оакс. «*Каталог византийских монет в коллекциях Дамбартон Оакс и Уитмора, том I (от Анастасия I до Маврикия)*» («*Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. I (Anastasios I to Maurice)*») Альфреда Беллинджера первый в серии монументальных исследований, охватывающих всю историю византийской монетной системы. Каждый том, черпавший информацию, прежде всего, из коллекции монет Дамбартон Оакс, является достаточным свидетельством не только блестящего синтеза, осуществленного, в частности, Филиппом Грирсоном (Grierson 1968, 1973, 1999b) и Майклом Хенди (Hendy 1969, 1999), но также и конструктивного сотрудничества между Дамбартон Оакс и Филиппом Грирсоном, наблюдавшим за созданием Коллекции Дамбартон Оакс и служившим советником Дамбартон Оакс по нумизматике до 1999 г. Тем временем Сесиль Моррисон в своем двухтомном каталоге объединила и полностью исследовала как единое целое различные коллекции монет Национальной библиотеки Франции, которые до 1963 г. хранились отдельно друг от друга (Morrisson 1970).

Монеты из других европейских коллекций заявили о себе в более коротких, но важных публикациях, которые усовершенствовали наши познания о византийской монетной системе (например, Longuet 1957). Конец XX – начало XXI вв. стали свидетелями дальнейших публикаций на эту тему (например, Berger 1987; Bateson and Campbell 1998; Ireland 2000; Radić and Ivanišević 2006), ознакомивших исследователей с широким кругом материалов. И хотя каталоги в печатной форме конечно же будут продолжать издаваться, быстрое развитие цифровой

фотографии и электронных баз данных указывает на то, что более эффективной, в отношении затрат, альтернативой является публикация каталогов монет в мировой веб-сети. Коллекция Бирмингемского университета уже предоставляет на своем сайте некоторую информацию о своих византийских фондах, и почерпнуть ее можно непосредственно на сайте хранилища (<http://www.numismatics.org>), хотя изображения доступны лишь в небольшом количестве.

Нумизматические выставки и образовательные программы также весьма благотворны, особенно для широкой публики, и конечно, в силах вывести Византию на передний план, дополнив ее портрет чертами финансово мощного, культурно космополитичного и утонченного общества. Выставки являются также постоянным следствием пополнения музейных собраний, научных исследований и желания затронуть и вовлечь в свои программы широкую публику. Византийские монеты часто изображались в недавних выставочных каталогах (например, Kalavrezou 2003; Evans 2004; Penna 2006), тогда как электронная выставка византийских монет Дамбартон Оакс (www.doaks.org/coins) имеет целью рассмотреть византийскую монетную систему как часть византийской и средневековой европейской жизни и культуры.

Византийская монетная система: от Анастасия I до Константина XI (Whitting 1973; Grierson 1982 and 1999b)

История византийской монетной системы начинается с правления Анастасия, который в 491 г. провел денежную реформу как часть более широкого комплекса мер, направленных на улучшения экономической жизнедеятельности Восточной Римской империи. Реформа, проводившаяся в два этапа, основывалась на римской мелкой медной монете – нуммий (*nummus*) и произвела в результате логически выстроенную систему размена нуммия, в порядке от наименьшей монеты в 5-нуммиев до наибольшей в 40-нуммиев (рис. 1). Монеты любого номинала (свыше 5-нуммиев) на реверсе носили стоимость в виде цифры по-гречески, номер индикта (*indictio*) и метку монетного двора. Христианские символы, такие как Крест и Хрисма все чаще возникали и на аверсе, и на реверсе монет, но процесс внедрения христианства на самом деле лучше всего отражен в оформлении золотых монет (рис. 2). Изображения римских императоров, пронзающих копьем поверженного врага или наступающих на него ногой, на обратной стороне монеты постепенно уступили место представлению Константинополя – нового, христианского Рима империи, тогда как прежняя Виктория преобразовалась в ангела, держащего изящной работы Кресты и колонны с Хрисмой наверху. Лицевая сторона ранневизантийских золотых монет предназначалась для одного императора, тогда как включение по особым случаям его соправителей распространяло идеи династической преемственности в империи, где наследственная смена власти никогда не была закреплена законодательно. Система медной монеты Анастасия была усовершенствована Юстинианом I, результатом военных кампаний и завоеваний которого стало открытие новых монетных дворов в восточных и западных провинциях империи.

На медные монеты теперь стали наносить даты регионального года, изменения в оформлении, как, например, бюст императора в фас (рис. 3), кроме того чеканка медной монеты получила особый кредит доверия в экономической системе империи (Metcalf 1969; Hendy 1985; Hahn 1973, 1975, 1981, and 1989).

VII–VIII вв., напротив, являются периодом длительного упадка медных монет в том, что касается их вида, веса, стоимости, в результате чего, случалось, выходили из обращения монеты более мелкого номинала, оставляя фоллис (*follis*) единственной медной монетой, имеющей ценность. Более того, противоречия иконоборства и вопросы престолонаследия наилучшим образом отразились в оформлении металлических монет любой стоимости, религиозные образы которых были заменены символом Креста и семейными портретами, украшающими и аверс, и реверс золотых монет (рис. 4–6) (Frances 1966; Grierson 1968, 1973; Metcalf 2001; Morrisson 1986, 2001b).

В период с 820 по 1081 гг. количество монет, обнаруженных в одном экземпляре, случайных находок или находок на местности, значительно возрастает в сравнении с предыдущим периодом, иногда называемым византийским средневековьем. Рост количества находок монет отражает экспансию денежного производства и обращения, которые в свою очередь являются отражением имперских начинаний и изменений финансовой практики в Византийской империи. Византия второй четверти IX в. становится свидетельницей масштабной денежной реформы, предпринятой василевсом Феофилом, чья новая медная монета – фоллис (рис. 7) стала образцом для последующих двух с половиной столетий. Реформа Феофила ознаменовала начало постепенного оздоровления монетарного сектора экономики (Metcalf 1979). Снижение содержания золота и ценности чеканки золотой монеты, впервые введенной в обращение Никифором II Фокой (рис. 8), продолжалось в XI в. на фоне борьбы между центральным правительством и местной аристократией, тяжелейших расходов на содержание имперского двора, продолжающегося увеличения расходов на оборону, значительной потери доходов и рабочей силы, последовавших после вторжения турков в Малую Азию (Grierson 1973; Harvey 1989; Hendy 1985; Metcalf 1979; Morrisson 1976).

Монетная система, которую Алексей I Комнин унаследовал от Никифора III, отличалась состоянием продолжительного упадка. В нее входили: два золотых номинала – полновесный гистаменон (*histamenon*) и немногим более легкий тетартерон (*tetarteron*), весом всего около 8 карат чистого золота (рис. 9–10). Серебряный милиарисий (*miliariesion*) и его доли практически перестали выпускаться и даже фоллис резко потерял в весе (рис. 11). Алексей отменил такую систему и заменил новой, основной чертой которой было использование нескольких номиналов монет вогнутой формы из сплавов, одинаковых по весу, но совершенно различных по содержанию металлов, и, следовательно, стоимости (Metcalf 1979; Morrisson 1979; Hendy 1985, 1999; Koutava-Delivoria 1995; об экономике этого периода см.: Harvey 1989). Вогнутые монеты новой системы были трех номиналов. Золотой иперпирон (*hyperpyron*) заменил устаревший гистаменон, но, хотя он и был обычного веса (4,5 г), его золотое содержание было только 20 ½ карат (рис. 12). Далее шла монета электрум трахи (*electrum trachy*), сплав серебра и золота, которая при золотом содержании 6 карат стоила приблизительно ⅓ ипер-

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

- Рис. 1. Медный *фоллис* Анастасия (491–518), большая серия, монетный двор Константинополя, официина Δ, вес 18.12 г., the Barber Institute Coin Collection B109; P. D. Whitting Collection
- Рис. 2. Золотой *солид* Анастасия (491–518), монетный двор Константинополя, вес 4.47 г., the Barber Institute Coin Collection B16; P. D. Whitting Collection
- Рис. 3. Медный *фоллис* Юстиниана I (527–565), монетный двор Антиохии, официина Γ, 13-й год царствования (=539/40), вес 17.45 г., the Barber Institute Coin Collection B792; P. D. Whitting Collection
- Рис. 4. Золотой *солид* Юстиниана II, второе царствование (705–711), монетный двор Константинополя, класс II, вес 4.41 г., the Barber Institute Coin Collection B4463; P. D. Whitting Collection
- Рис. 5. Золотой *солид* Льва IV (775–780), монетный двор Константинополя, класс I, вес 4.41 г., the Barber Institute Coin Collection B4583; P. D. Whitting Collection
- Рис. 6. Серебряный *милиарисий* Льва V (813–820), монетный двор Константинополя, вес 2.15 г., the Barber Institute Coin Collection B4634; P. D. Whitting Collection
- Рис. 7. Медный *фоллис* Феофила (829–842), монетный двор Константинополя, вес 6.84 г., the Barber Institute Coin Collection B4695; G. Haines Collection
- Рис. 8. Золотая *номисма гистаменон* Никифора II (963–969), монетный двор Константинополя, класс II, вес 4.44 г., the Barber Institute Coin Collection B4928; G. Haines Collection
- Рис. 9. Золотая *номисма гистаменон* Никифора III (1078–1081), монетный двор Константинополя, класс II, вес 4.1 г., the Barber Institute Coin Collection B5498; G. Haines Collection
- Рис. 10. Золотая *номисма тетартерон* Никифора III (1078–1081), монетный двор Константинополя, класс II, вес 3.2 г., the Barber Institute Coin Collection B5502; P. D. Whitting Collection
- Рис. 11. Медный *фоллис* Никифора III (1078–1081), монетный двор Константинополя, вес 6.69 г., the Barber Institute Coin Collection B5510; P. D. Whitting Collection

пирона (рис. 13). Третий номинал, известный как трахи (*trachy*), или стаменон (*stamenon*) в западных источниках, был сплавом меди и серебра (6% серебра) и стоил 1/16 трети иперпирона или 1/48 полного иперпирона (рис. 14). Наконец, в самом низу лестницы находились две плоские медные монеты, тетартерон (*tetarteron*) и полу-тетартерон (*half-tetarteron*), гораздо меньше прежнего фоллиса, чье обменное соотношение с трахи точно неизвестно, но которое, возможно, составляло 1/18 или 1/36 его части (рис. 15).

В период с 1092 по 1204 гг. на чеканке монет наблюдалось изобилие религиозных иконографических сюжетов. Димитрий, святой покровитель Фессалоники, изображается на трахи и тетартере (*tetartera*) как символ городской гордости и Божьей защиты. Св. Георгий, высокочтимый в Константинополе, появляется на тетартере. Св. Дева Мария изображается на большинстве номиналов держащей Младенца Христа или благословляющей императора. Это начало замечательного периода, когда Божья защита становится все более видна на монетах и дополняет земную.

Вскоре после завоевания Константинополя армиями IV Крестового похода, византийцы по частям собрали свою империю в Эпире, на северо-западе Анатолии и в отдаленном Трапезунде. Чеканка монет трех государств-наследников отражает в своем оформлении политическую идеологию, амбиции и борьбу за

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

- ◀ Рис. 12. Золотой *иперпирон* Алексея I (1081–1118), монетный двор Константинополя, послереформенный период (1092–1118), вес 4.27 г., the Barber Institute Coin Collection B5545; P. D. Whitting Collection
- Рис. 13. *Электрум трахи* Мануила I (1143–1180), монетный двор Фессалоники, вес 4.2 г., the Barber Institute Coin Collection B5782; P. D. Whitting Collection
- Рис. 14. *Биллон трахи* Алексея III (1195–1203), монетный двор Константинополя, вес 4 г., the Barber Institute Coin Collection B5931; P. D. Whitting Collection
- Рис. 15. Медный *тетартерон* Иоанна II (1118–1143), монетный двор Фессалоники, вес 5.80 г., the Barber Institute Coin Collection B5673; P. D. Whitting Collection
- Рис. 16. Серебряный аспр Феодора (ок. 1285), монетный двор Трапезунда, вес 3 г., the Barber Institute Coin Collection ET124; P. D. Whitting Collection
- Рис. 17. Золотой *иперпирон* Михаила VIII (1258–1282), монетный двор Константинополя, вес 4.28 г., the Barber Institute Coin Collection B6141; P. D. Whitting Collection
- Рис. 18. Золотой *иперпирон* Иоанна V Палеолога с Иоанном VI Кантакузином (1347–1353), монетный двор Константинополя, вес 3.83 г., the Barber Institute Coin Collection B6370; P. D. Whitting Collection
- Рис. 19. Серебряный *василикон* Андроника II с Михаилом IX (1294–1320), монетный двор Константинополя, вес 2.13 г., the Barber Institute Coin Collection B6288; P. D. Whitting Collection
- Рис. 20. Серебряный *ставрат* Иоанна V (1341–1391), период 1354–1376, монетный двор Константинополя, вес 8.8 г., the Barber Institute Coin Collection B6380; P. D. Whitting Collection
- Рис. 21. 1/8 серебряного *ставрата* Константина XI (1449–1453), монетный двор Константинополя, вес 0.57 г., the Barber Institute Coin Collection 4-2006; the Despot Collection of Late Byzantine Coins

легитимность их основания в Эпире, Никее и Трапезунде (см.: Henny 1999; Laiou 2001; Protonotarios 1983; Retowski 1910).

Восстановление Константинополя в 1261 г. Михаилом VIII Палеологом знаменуется появлением поздневизантийской чеканки (Bendall and Donald 1979; Bendall 1988; Bertelè and Morrisson 1978; Grierson 1998, 1999b; Morrisson 1996). Но население и рынки, для которых предназначались чеканка монет Палеологов, были всего лишь тенью Византии XII в. Империя Трапезунда сохранила свой независимый статус и продолжала чеканить монеты в честь Великих Комнинов до 1461 г. (рис. 16), королевство Сербии произвело свою первую валюту в 1228 (Ivanišević 2001; Jovanović 2002), а царь Иван Асень II (1218–41) далее развивал болгарские легитимные платежные средства (существующие с IX в.), проводя вместе с тем линию византийской имперской идеологии (Avdev 2005). Более того, латинские и венецианские денежные эмиссии, которые производились на подчиненных Западу византийских территориях вместе с чеканкой венецианских и генуэзских монет, имевших хождение на торговых путях восточного Средиземноморья, сильно сократили распространение византийских имперских монет (Zakythenos 1948; Laiou 1980–1; Matschke 2002). Сокращение средств и ограниченность бюджета поздней Византийской империи лучше всего отражены в продолжающемся сокращении золотого содержания византийского иперпира (*hyperpyra*) с 15 карат при Михаиле VIII (рис. 17) до 12 карат в правление Андроника II. Однако, несмотря на сокращающуюся долю золота,

неряшливый вид, неодинаковый вес, поздневизантийские золотые монеты все еще несли послание о земной и Божьей защите, верховной власти и союзе императоров. В конечном счете, гражданские войны, пустая казна и все усиливающееся присутствие итальянских морских сил в восточном Средиземноморье подсказали Византии прекратить чеканить золотые монеты и заменить их серебром. Последние иперпиры, выпущенные Иоанном V в союзе с Иоанном VI (рис. 18), знаменуют конец тысячелетия золотой валюты в Восточной Римской империи. Серебро, напротив, стало производиться на высочайшем уровне. Василикон (*basilikon*) (рис. 19), введенный Андроником II, был создан по образцу венецианского серебряного дуката. Во второй половине XIV в. серебряный ставрат (*stavraton*) (рис. 20), введенный Иоанном, должен был принять на себя функции ранее выполнявшиеся золотыми монетами, чеканка которых отныне прекратилась. Последние ставраты и разменные монеты к ним (рис. 21) были выпущены Константином XI Палеологом в 1453 г. (Bendall 1991). Современные исследования наряду с последними достижениями металлургического анализа позволяют выдвинуть предположение, что материалом для чеканки монеты могла служить церковная утварь – как свидетельство отчаяния накануне завоевания Константинополя османами. Золотые монеты были снова отчеканены в Константинополе только в 1467 г. Название города на монетах теперь писалось как Константиция, а вселенским правителем, управлявшим всеми землями и морями бывшей Римской империи стал Мехмед II Завоеватель.

Научные направления прошлого, настоящего и будущего

Исследования, связанные с византийскими монетами, обычно могут рассматриваться в нумизматических периодических изданиях и сериях публикаций ведущих нумизматических обществ. Возникновение исследований монет в таких сферах было достаточным для некоторых оснований навесить нумизматике ярлык узконаправленной дисциплины, ассоциируемой по большей части с коллекционированием и «мертвыми» науками. Это общепринятое восприятие не соответствует действительности и все возрастающее число исследований оформления, распространения и обращения монет в истории искусства, археологии и экономике показывает важность нумизматических сведений как материального источника, разумеется, со всеми ограничениями, присущими любому другому виду византийских источников. Монеты в большом количестве продолжают внезапно обнаруживаться на местах археологических раскопок и случайным образом, а их публикация и обсуждение в региональных и кросс-культурных исследованиях все еще далеко не полны. В этом отношении монеты могут быть богатым источником и настоящим калейдоскопом, сквозь который продолжают проявляться различные аспекты византийской цивилизации. Следовательно, дальнейшее краткое обозрение имеет целью не столько подразделить монеты на отдельные разновидности, категории, типы, сколько продемонстрировать их универсальный характер как инструмента изучения византийской цивилизации.

Монеты, религия, политическая идеология и искусство

Несмотря на большей частью консервативный подход к их изучению, монеты отражают тенденции искусства своего времени и стараются передать послания имперской идеологии и теологический дискурс, будучи общедоступными и, следовательно, мощными средствами массовой информации в искусстве Византии того времени. Прически, имперская одежда и знаки отличия, так же как и само присутствие или отсутствие на монетах византийских императриц, являются, конечно, не исчерпанной пока темой обсуждений и исследований (Tobler and Brubaker 2000). Содружество Божественной и земной власти, иллюстрацией чему служат изображения на монетах, также является интригующей темой исследований (например: Georganteli 2001; Morrisson 2003). Так, ангелы впервые появились на монетах уже в V в. в процессе христианизации империи, но великолепные изображения Христа и св. Девы Марии по-настоящему ввели на своих монетах только Юстиниан II и позднее Лев VI (Penna 2000), что и создало основание для развития огромного ряда образов святых, изображавшихся по отдельности, а позднее вместе с императорами.

Изготовление монет и экономика

На протяжении тысячелетия своего существования византийское государство сохраняло ведущую роль в планировании эмиссии и чеканки монеты, контролируя некоторые из наиболее важных аспектов своей экономики, такие как ставка процента, морская торговля, налогообложение, заработок государственных служащих и армии. Этот же централизованный характер, подобный экономическому планированию, проводимому современными государствами, в противовес экономикам регионального типа встречался и в средневековой Европе. Византийские монеты чеканились из золота, серебра, меди и доступность или недостаток некоторых номиналов или металлов определенной стоимости на протяжении всего существования Византии, так же как возникновение и исчезновение имперских монетных дворов, сочетались с социо-экономическими и политическими явлениями, которые преобладали в жизни империи (Hendy 1985; Laiou and Morrisson 2007; Oikonomides 1996).

Очень интересным аспектом византийской экономики являются взаимоотношения между монетами, налогообложением, заработными платами и ценами. Упоминания о налогах и ценах в денежном выражении можно найти в различных источниках, включая имперские грамоты, историографию, жития святых, монастырские типиконы и сатиру. Полезные исследования всего этого в отношении государственного экономического аппарата можно найти у Икономидеса (Oikonomides 1996), Моррисона и Шейне (Morrisson and Cheynet 2002) и Лефорта (Lefort 1991).

Монетная система, средневековые пути сообщения и средства связи

Изучение византийской монетной системы это, в основном, изучение путей сообщения и средств связи в границах и вне границ Византии, имперской политической и социально-экономической эволюции, ее культурного и религиозного обмена с восточными и западными соседями. В этом отношении любая попытка отделить византийскую нумизматику от политической географии, истории и археологии так же, как от западной средневековой, балканской и исламской нумизматики, может показаться чрезмерным упрощением вплоть до искажения.

В зависимости от обстоятельств обнаружения монеты классифицируются как находки на местности (монеты, найденные в земле в ходе археологических раскопок) и случайные находки (монеты, случайно обнаруженные в ходе исследований, разработки недр, сельскохозяйственной деятельности и т. д.). Количественно обнаруженные монеты подразделяются на одиночные находки и накопления или клады, и изучение каждой группы требует различных методологических подходов (см., например: Morrisson 1982; Gelichi and La Roca 2004). Систематизация археологического исследования и недавних усовершенствований в описании переносных древностей, находившихся в обращении, включая монеты, без сомнения, продвинула нас вперед в понимании роли чеканки монеты (как византийской, так и иностранной) в средневековой экономике и торговых путях, в войне, паломничестве на территории Балкан, восточного Средиземноморья и Черного моря (Duncan 1993; McCormick 2001; Morrisson, Popovic, and Ivanišević 2006; Oberländer-Târnoveanu 2001). Основным *desideratum* для будущих исследований остается дискуссия о находках монет в их собственном социально-экономическом контексте, сформированном скорее под воздействием особенностей политической и экономической географии средневековых Балкан, нежели это определялось современными национальными границами полуострова. В этом отношении сфера нумизматики все еще имеет предпосылки для усовершенствования, особенно в отношении более широкого использования письменных источников, использования карт византийских административных единиц и систематической картографии мест обнаружения монет.

Византийская монетная система от Востока до Запада, от древнего до современного Рима

Сложность отношений Византии с ее восточными и западными соседями в области дипломатии, экономики и искусства породила значительные по объему исследования документов и художественных ценностей (см.: Laiou and Morrisson 2001). Однако, нумизматические исследования по данной теме до сих пор явно недостаточны. Обусловленное все возрастающим числом публикаций о находках византийских монет в Армении, Грузии, Китае, северной и западной Европе определение места византийских монет в их восточном и западном контексте есть не только желаемое, но и современное, и основное направление исследований (см.: Georganteli and Cook 2006). Область восточного Средиземноморья

всегда была естественным местом встречи различных культур, пересекавшихся на почве торговли и политических интересов, а также сталкивавшихся в войнах. Монеты, произведенные королевствами и княжествами крестоносцев, империями Трапезунда и Никеи, королевством Киликийской Армении отражают в своем оформлении, метрологии и металлической системе сильные течения кросс-культурного обмена между Востоком и Западом. Более того, столкновения между византийским и исламским миром с момента возникновения первой исламской монетной системы в VII в. до Османского завоевания в XV в. великолепно отражены в иконографии изображений и стоимости металлов исламских монет VII в., монет турецких принцев и полководцев XI–XIII в. в Анатолии, а также монет (библиографический обзор см.: Oddy 2004) и медалей, выпущенных Мехмедом II в 1470–1480 гг.

Все эти сферы требуют сравнительных исследований и междисциплинарного подхода, который может привнести в дискуссию элементы социально-экономической истории, политической географии и искусствоведения. Междисциплинарный подход, уже применявшийся в исследованиях средневековья на Западе, может в конечном итоге обеспечить лучшее понимание наиболее влиятельного из средств массовой коммуникации Византии – ее монетной системы.

ЛИТЕРАТУРА

- AVDEV, S. 2005. *The Monetary System of Medieval Bulgaria in the 13th and 14th century* (Sofia).
- BATESON, J. D. and CAMPBELL, I. G. 1998. *Byzantine and Early Medieval Western European Coins in the Hunter Coin Cabinet, University of Glasgow* (London).
- BELLINGER, A. 1966. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. 1 (Anastasius I to Maurice)* (Washington, DC).
- BENDALL, S. 1988. *A Private Collection of Palaeologan Coins* (Wolverhampton).
- 1991. 'The Coinage of Constantine XI', *Revue Numismatique* 33 (1991), 183–93.
- and DONALD, J. 1979. *The Later Palaeologan Coinage* (London).
- BERGER, F. 1987. *Die byzantinischen Münzen im Kestner-Museum Hannover* (Hanover).
- BERTELÈ, T., and MORRISSON, C. 1978. *Numismatique byzantine suivie de deux études inédites sur les monnaies des Paléologues. Édition française mise à jour et augmentée des planches* (Wetteren).
- CASEY, P. J. 1986. *Understanding Ancient Coins: An Introduction for Archaeologists and Historians* (London).
- DE SAULCY, F. 1836. *Essai de classification des suites monétaires byzantines* (Metz).
- Du CANGE, C. DUFRESNE SIEUR. 1678. *Glossarium ad Scriptores mediae Latinitatis* (Frankfurt am Main).
- DUNCAN, G. L. 1993. *Coin Circulation in the Balkan and Danubian Provinces, A. D. 294–578* (London).
- DUPUY, C., and CHARTRAIN, F. 1989. *Traité des monnaies (Nicolas Oresme) et autres écrits monétaires du XIVe siècle (Jean Buridan, Bartole de Sassoferrato)* (Lyons).

- EVANS, H. (ed.) 2004. *Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York).
- FRANCES, E. 1966. 'La Ville byzantine et la monnaie aux VIIe–VIIIe siècles. Contribution au problème de la crise byzantine de la ville byzantine', *Byzantionbulgarica* 2: 3–14.
- GELICHI, S., and LA ROCA, C. (eds.) 2004. *Tesori: forme di accumulazione della ricchezza dell'alto medioevo (secoli V–XI)* (Rome).
- GEORGANTELI, E. 2001. 'A Palaiologan trachion from the Dioikitirion Square excavation', *Numismatica Chronica* 20: 71–93.
- and COOK, B. 2006. *Encounters: Travel and Money in the Byzantine World* (London).
- GOODACRE, H. 1960. *A Handbook of the Coinage of the Byzantine Empire* (London, 2nd edn.).
- GRIERSON, P. 1968. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. II, parts 1 (602–641) and 2 (641–717)* (Washington, DC).
- 1973. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. III, parts 1 (717–867) and 2 (867–1081)* (Washington, DC).
- 1975. *Numismatics* (Oxford).
- GRIERSON, P. 1982. *Byzantine Coins* (London).
- 1992. 'Numismatics', in J. M. Powel (ed.), *Medieval Studies: An Introduction* (Syracuse, 2nd edn.): 114–61.
- 1998. 'Le dernier siècle du monnayage byzantin: problèmes et nouveautés', *Académie royale de Belgique*, 6th ser. 9: 99–123.
- 1999a. *Byzantine Coinage* (Washington, DC).
- 1999b. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. V, parts 1 and 2 (1258–1453)* (Washington, DC).
- GURULEVA, V. V. 1991. 'La numismatique byzantine au musée de l'Ermitage', *International Numismatic Commission. Compte rendu* 38: 50–71.
- HAHN, W. 1973, 1975, 1981. *Moneta Imperii Byzantini* (Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse 109, 119, 148; Vienna).
- 1989. *Moneta Imperii Romani-Byzantini, Die Ostprägung des römischen Reiches im 5. Jahrhundert (408–491)* (Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse 199; Vienna).
- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge).
- HENDY, M. 1969. *Coinage and Money in the Byzantine Empire, 1081–1261* (Washington, DC).
- 1985. *Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450* (Cambridge).
- 1999. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. IV, parts 1 (1081–1204) and 2 (1204–1261)* (Washington, DC).
- HOWGEGO, C. 1995. *Ancient History from Coins* (London–New York).
- IRELAND, S. 2000. *Greek, Roman, and Byzantine Coins in the Museum at Amasya. (Ancient Amaseia), Turkey* (London).
- IVANIŠEVIĆ, V. 2001. *Serbian Medieval Coinage* (in Serbian with an English summary) (Belgrade).
- JOBERT, L. 1692. *La science des médailles* (Paris).
- JONES, M. 1979. 'The first cast medals and the Limbours: the iconography and attribution of the Constantine and Heraclius medals', *Art History* 2: 35–44.
- JOVANOVIĆ, M. 2002. *Serbian Medieval Coins* (Belgrade).
- KALAVREZOU, I., and others. 2003. *Byzantine Women and their World* (New Haven–London).

- KOUTAVA-DELIVORIA, B. 1995. 'Les chitata, les protocharaga et la réforme monétaire d'Alexis I Comnène', *Revue Belge de Numismatique* 141: 13–36.
- KRAVARI, V, LEFORT, J., and MORRISON, C. 1989–91. *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin*, 2 vols. (Paris).
- LAIYOU, A. E. 1980–1. 'The Byzantine economy in the Mediterranean trade system, 13th–15th Centuries', *DOP* 34–5: 177–222.
- 1999. 'Nummus parit nummos: l'usurier, le juriste et le philosophe à Byzance', *Académie des Inscriptions et Belles-lettres, Comptes rendus des séances de l'année 1999*: 583–604.
- 2001. 'Use and circulation of coins in the Despotate of Epiros', *DOP* 54: 207–15.
- and MORRISON, C. 2001. 'Byzantine trade with Christians and Muslims and the Crusades', in A. E. Laiyou and R. Parviz Mottahedeh (eds.), *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* (Washington, DC): 157–96.
- 2007. *The Byzantine Economy* (Cambridge).
- LAIYOU-THOMADAKIS, A. E. 1977. *Peasant Economy in the Late Byzantine Empire* (Princeton).
- LANGHOLM, O. 1983. *Wealth and Money in the Aristotelian Tradition* (New York).
- LE BLANC, F. 1689. *Dissertation du conseiller Le Blanc touchant les origines du pouvoir temporel* (Paris).
- LEFORT, J., and others. 1991. *Géometries du fisc byzantin* (Paris).
- LONGUET, H. 1957. 'Die unedierten byzantinischen Münzen des Wiener Kabinettes', *Numismatische Zeitschrift* 77: 28–57.
- MCCORMICK, M. 2001. *Origins of the European Economy: Communications and Commerce AD 300–900* (Cambridge).
- MATSCHKE, K.-P. 2002. 'Commerce, trade, markets, and money, thirteenth–fifteenth centuries', in *EHB*: 771–806.
- METCALF, D. M. 1969. *The Origins of the Anastasian Currency Reform* (Amsterdam).
- 1979. *Coinage in South-Eastern Europe, 820–1396* (London).
- 2001. 'Monetary recession in the middle Byzantine period: the numismatic evidence', *Numismatic Chronicle* 161: 111–55.
- MORRISON, C. 1970. *Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale*, vols. 1 (491–711) and 2 (711–1204) (Paris).
- 1976. 'La dévaluation de la monnaie byzantine au XIe siècle: essai d'interprétation', *TM* 6: 3–47.
- 1979. 'La logarikè: réforme monétaire et réforme fiscale sous Alexis Ier Comnène', *TM* 7: 419–64.
- 1981. 'La découverte des trésors à l'époque byzantine: théorie et pratique de l'heurésis thésaurou', *TM* 8: 321–43.
- 1982. *Le trésor de monnaies d'or byzantines* (Rome).
- 1986. 'Byzance au VIIe siècle: le témoignage de la numismatique', *Byzance. Hommage à André Stratos*, vol. 1 (Athens): 149–63.
- 1992. *La numismatique* (Paris).
- 1996. 'Les noms des monnaies sous les Paléologues', in W Seibt (ed.), *Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit* (Vienna): 151–62.
- 2001a. 'La donation Schlumberger (1929)', in D. Feissel, C. Morisson, and J.-C. Cheynet, with the contribution of B. Pitarakis, *Trois Donations byzantines au Cabinet de Médailles* (Paris): 21–50.

- 2001b. 'Survivance de l'économie monétaire à Byzance (VIIe–IXe s.)', *The Dark Centuries of Byzantium* (7th–9th c.) (Athens): 377–97.
- 2003. 'The emperor, the saint and the city: coinage and money in Thessalonica (thirteenth–fifteenth centuries)', *DOP* 57: 173–204.
- and CHEYNET, J.-C. 2002. 'Prices and wages in the Byzantine world', in *EHB*: 816–78.
- POPOVIC, V, and IVANIŠEVIĆ, V. 2006. *Les trésors monétaires byzantins des Balkans et d'Asie Mineure (491–713)* (Paris).
- NUMISMATIC MUSEUM, ATHENS. 1996. *Coins and Numismatics* (Athens).
- OBERLÄNDER-TÄRNOVEANU, E. 2001. 'From the late antiquity to the early middle ages. The Byzantine coins in the territories of the Iron Gates of the Danube from the second half of the 6th century to the first half of the 8th century' in E. Popescu and T. Teotoi (eds.), *Études byzantines et post-byzantines*, 4 (Iassi): 29–69.
- ODDY, A. 2004. 'Whither Arab-Byzantine numismatics? A review of fifty years' research', *BMGS* 28: 121–54.
- OIKONOMIDES, N. 1996. *Fiscalité et exception fiscale à Byzance (IXe–XIe s.)* (Athens).
- PATIN, C. 1665. *Introduction à l'histoire par la connaissance des médailles* (Paris).
- PENNA, V. 2000. 'The Mother of God on coins and lead seals', in M. Vassilaki (ed.), *Mother of God: Representations of the Virgin in Byzantine Art* (Milan): 209–18.
- 2006. *Chalkous, for Everyday Dealings* (Athens).
- PROTONOTARIOS, P. 1983. 'Le monnayage du Despotat d'Epire', *Revue Numismatique*, 6th ser. 25: 83–99.
- RADIĆ V., and IVANIŠEVIĆ V. 2006. *Byzantine Coins from the National Museum in Belgrade* (Belgrade).
- RETOWSKI, O. 1910. *Die Münzen der Komnenen von Trapezunt* (Moscow).
- SABATIER, J. 1861. *Description générale des monnaies byzantines frappées sous les empereurs d'Orient* (Paris).
- SCHER, S. K. 1994. 'Prototypes: the medals of the Duke of Berry', in S. K. Scher (ed.), *The Currency of Fame: Portrait Medals of the Renaissance* (New York): 32–7.
- SIGMUND, P. 1988. *St Thomas Aquinas on Politics and Ethics* (London).
- SOULOYANNIS, E. 2004. *Antones Emm. Benakes 1873–1954* (in Greek) (Athens).
- SPANHEIM, E. 1664. *Dissertationes de praestantia et usu numismatum antiquorum* (Rome).
- TOBLER, H., and BRUBAKER, L. 2000. 'The gender of money: Byzantine empresses on coins (324–802)', *Gender and History* 12: 572–94.
- TREADGOLD W. 1982. *The Byzantine State Finances in the Eighth and Ninth Centuries* (New York).
- WHITTING, P. D. 1966. *Coins in the Classroom: An Introduction to Numismatics for Teachers* (London).
- 1973. *Byzantine Coins* (London).
- WROTH, W. 1908. *Imperial Byzantine Coins in the British Museum* (Chicago).
- 1911. *Western & Provincial Byzantine Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and of the Empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum* (Chicago).
- ZAKYTHENOS, D. 1948. *Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle* (Athens).

Рекомендуемая литература

Международный нумизматический комитет с 1940 выпустил 14 отчетов по нумизматическим исследованиям, каждый том которых представляет материалы соответствующего Международного нумизматического конгресса, проходящего в разных странах через каждые шесть лет. Обзорения являются подробными (вплоть до дня месяца) отчетами о мировых научных изысканиях. См., также: С. Morrisson, 'Byzance', in С. Alfaro and А. Burnett (eds.), *A Survey of Numismatic Research, 1996–2001* (Madrid, 2003): 347–74. Другие специализированные публикации, учитывающие и исследования византийских монет, содержатся в следующих периодических изданиях научных обществ по всему миру: the *Numismatic Chronicle* (Royal Numismatic Society), the *Numismatic Circular* (Spink), la *Revue numismatique* (La Société Française de Numismatique), la *Revue beige de numismatique* (La Société royale de numismatique de Belgique), la *Rivista Italiana di Numismatica* (La Società Numismatica Italiana), *Schweizer Münzblätter* (Société Suisse de Numismatique), *Numismatic Literature* (American Numismatic Society), *Nomismatika Chronika* (Hellenic Numismatic Society), *Studii și Cercetări de Numismatică* (Academia Romana), *Numismatika I Sfragistika* (Arkheologicheski Muzei, Sofia), and the *Macedonian Numismatic Journal* (Skopje).

Монеты в искусстве

Полезные дискуссии о византийских монетах в контексте современного искусства, имперской идеологии и религиозной практики можно найти в Grierson 1968 and 1973, and Hendy 1999. См., также: D. Vassilikou and M. Lykiardopoulou (eds.), *Coinage and Religion* (ΟΒΟΛΟΣ 2) (Athens, 1997).

Изготовление монет и экономика

Это огромная тема, но для ориентации полезно использовать *ЕНВ*. Также важными представляются следующие работы: Hendy 1985, Laiou-Thomadakis 1977, Treadgold 1982, and Kravari, Lefort, and Morrisson 1989–91, Laiou and Morrisson 2007.

Глава I.2.16 ПРОСОПОГРАФИЯ

Дайон Смит

Каждан определяет просопографию как «изучение имен индивидов и семей в данный исторический период» (Kazhdan 1991: 1739), но это, скорее, ономастика. Просопография (от *prosopon* – «маска» в классической греческой драме и «личность» в более широком понимании, и *grapho* – «я пишу») создает циклы биографических заметок, то есть «национальный словарь биографий» или «*Who's Who*». Классическое определение принадлежит Стоуну: «Просопографией является исследование общих фоновых характеристик группы исторических лиц по средствам всестороннего изучения их жизни» (Stone 1981: 45). Ранее индивидуальные «исторические лица» означали «выдающихся людей», политическую элиту, но просопография, учитывая ее собирательную природу, хорошо подходит и для изучения «простых смертных». Группа, которую образуют эти «исторические лица», может определяться различным образом. Возможно деление по географическому признаку (жил в Константинополе, уроженец Эллады). Возможно, все индивиды находились на одинаковых или однотипных должностях – члены парламента во времена вступления на престол Георга III, римские сенаторы при императоре Августе, занимающие должности военачальников (*strategos*). Общей чертой может быть то, что все эти индивиды перечислены в одном отдельном историческом источнике (Skoulatos 1980). Разбираемые вопросы обычно совершенно стандартны: о рождении и смерти, браке и семье, социальных истоках и унаследованном имущественном положении, месте проживания, уровне образования и личном благосостоянии, роде занятий, вероисповедании, опыте государственной службы и т. д. (Stone 1981: 45–6).

Просопографическое исследование создает структурированный набор упорядоченной информации. Информации от каждого индивида, может быть, и недостаточно для построения значимых выводов, но, собранная воедино, она является основой исторического анализа (Mathisen 1988: 73). Просопография это часть истории, а не простое изучение древностей для объяснения исторических изменений. Данные, собранные просопографами, используются для объяснения изменений в человеческих обществах прошлого – политических, экономических,

социальных, культурных или идеологических (Stone 1981: 45–6; Kazhdan 1991: 3, 1739). Стоун идентифицирует два типа просопографических исследований. Более старый тип, – его сторонниками Стоун считает Берда (Beard 1913), Намье (Namier 1929) и Сима (Syme 1939), – описывается у него как «элитарный»: отцы-основатели США, римские сенаторы; члены британского парламента. Исследования в общем касаются немногочисленной элиты, управляющей политической жизнью своего общества. Это исследования динамики малых групп и взаимодействия между их членами. Взаимодействия, как правило, анализируют по линии семьи, брака и экономических связей. Анализ представлен в виде подробных исследований кейс-методом или маленьких рассказов о личностях и жизненных ситуациях (Stone 1981: 46). Эти примеры «элитной просопографии» подтверждают точку зрения Стоуна, что просопография дает наилучшие результаты, когда ее применяют для «просто определяемых и довольно малых групп на протяжении ограниченного периода (не более 100 лет), когда исходные данные почерпнуты из очень широкого количества источников, дополняющих и обогащающих друг друга, и когда исследование направлено на решение специфических проблем» (Stone 1981: 69). Второй тип просопографического исследования, согласно Стоуну, – «массовое исследование», – тяготеет к откровенному сближению с социологической и психологической теорией и представляет собой анализ, представленный, в большей степени, в виде статистики и корреляции многих переменных. Оно имеет также тенденцию сосредотачиваться на социальной (образование, источник и уровень благосостояния), нежели политической истории (Stone 1981: 47).

Иначе проводят деление и определяют разницу между «старой» и «новой» просопографией. «Старая просопография» сосредотачивает внимание на должностях, санах, знаках отличия и имуществе, присущих индивидам. Акцент делается на выявлении характерных особенностей индивидов, по которым их можно было бы объединить в общую группу с прочими индивидами, имеющими подобные характеристики, отмечая, при этом, изменения этих характеристик с течением времени. «Старая просопография» отвечает на следующие вопросы: «Кто занимал определенную должность X?», «Кто носил особый почетный титул P?», «Непременно ли индивиды, занимавшие должность X впоследствии перемещались на должность Y?», «Кто мог занимать должности Y и Z одновременно?», «Всегда ли занимавший должность Y получал почетное звание Q?»

В отличие от «старой», «новая просопография» подчеркивает связи между индивидами, причем не обязательно кровно-родственные связи и брачные отношения, но также совместное обучение (в учебном заведении в современный период, или у определенного учителя в средневековый период), сходное географическое происхождение или общность языка, что и связывает индивидов в обществе (Barnish 1994: 177). Ясно также, что «новая просопография» использует те же вопросы о должностях и почетных санах, что и «старая», но также задает и вопросы, подчеркивающие взаимоотношения между индивидами. «Новая просопография» также интересуется ценностными отношениями и позициями в системе социальных связей, обозначаемыми посредством использования званий и прочих обращений и приветствий в письмах (на ранг социальной значимо-

сти в письмах духовенства указывает использование слов: «отец», «сын», «брат» или «друг»). «Новая просопография», на довольно постмодернистский манер, все больше и больше интересуется тем, какие именно индивиды упомянуты в том или ином источнике (это ведет к вопросам о критике источников, но также служит и тому, чтобы определить историческое место различных источников). Дополнительным пунктом, показывающим влияние критики источников, литературной критики и постструктуралистских теорий деконструкции, является вопрос «истинности» или «достоверности» используемых нами источников. Вершиной расцвета «старой просопографии» (Stone 1981: 47–8) стали идеи фон Ранкэ о том, как «это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*). Сегодня мы утратили веру в абсолютные истины. Мы заинтересованы в источниках, по крайней мере, на двух уровнях. С одной стороны, поскольку источник является записью чего-либо, этот «фактоид» может быть записью того, что произошло в прошлом (Meier 1985: 32). С другой стороны, фактоид, записанный в источнике, в действительности мог и не произойти. Автор мог поверить в то, что это произошло. Но возможно и другое: автор источника знал, что «фактоид», находящийся под вопросом, не состоялся, но чувствовал, что он должен был состояться, либо де-юре, либо же потому, что логическая схема его работы требовала того, чтобы это произошло.

В нашем распоряжении три пары разновидностей просопографии: общая и специальная, элитная и массовая; старая и новая. Чтобы еще более «усложнить» нам жизнь, эти пары не являются взаимоисключающими и могут накладываться друг на друга.

Есть три класса византийских просопографических работ: специальное исследование, просопографическое исследование ограниченного социального пространства и общее просопографическое исследование. И вот, в начале XXI в. мы счастливы сообщить, что уже готова или готовится к публикации серия просопографических ресурсов, покрывающая *longue durée*¹ Византийской империи. О светском обществе *virī clarissimi* и выше – это «Просопография поздней Римской империи» (Jones, Martindale, and Morris 1971–92), а в паре с «Христианской просопографией ранней империи» и о христианах (Mandouz and others 1982). Относительно периода правления династии Палеологов существует «Просопографический лексикон эпохи Палеологов» Траппа (Trapp 1976–94). В течение многих лет невосполненным пробелом был средневизантийский период. Ему сейчас посвящена одна из публикаций на немецком языке «Просопография средневизантийских времен» (Lilie and others 1998–2002) и CD публикация «Просопографии Византийской Империи I» (Martindale 2001), сейчас получившая продолжение в «Просопографии Византийского мира» (Jeffreys and others 2006).

Второй класс византийских просопографических исследований более ограничен по своему охвату. Наиболее многочисленны просопографические исследования семейного типа. Решающим фактором обычно является фамилия (родовое, семейное имя). Такие исследования имеют тенденцию в основном относиться к средне- и поздневизантийскому периоду, когда и стали использоваться

¹ Длительный период существования – прим. переводчика.

фамилии (Barzos 1984; Cahen 1966; Cheynet and Vannier 1986: 7–122, 123–87; Nicol 1968; Polemis 1968; Seibt 1976; Vannier 1975). Далее идут просопографические исследования, определяемые текстом источника (Gautier 1969; Nesbitt 1975; Skoulatos 1980).

К последнему типу просопографических работ относятся монографии, использующие просопографический метод для обращения к основному вопросу исторического анализа. Блестящий пример публикации такого типа – «Власть и ее противники», Шейне (Cheynet 1990), которая путем тщательного анализа аристократических семей X–XII вв. обосновывает идею о том, что имелись различные «военные» и «гражданские» аристократические фамилии, боровшиеся за власть в Византии.

Как приступить к занятиям просопографией? Одни ставят вопрос, на который следует ответить с использованием просопографического метода и источников, которые обеспечивают исследователя данными. Определение и вопроса, и источников это части одного и того же процесса. Границы также определены. Обычно, они бывают хронологическими и географическими, но используемые источники должны быть разносторонними – нарративные истории, хроники, документы (к примеру, архивы Афона), агиография, типиконы, печати, монеты и прочие материальные предметы (которые чаще всего имеют надписи). Специфические данные, которые должны быть собраны о каждом индивиде и стандартный способ, которым эти данные должны быть собраны, решаются на следующем этапе. Далее следует работать с текстами, выявляя индивидов и фиксируя о каждом из них соответствующие данные в соответствующей форме. Результатом будет просопографический корпус¹, который с дальнейшими корреляциями и анализом даст ответ на вопрос, побудивший начать исследование.

Две основных ошибки основываются на индивидуальном в просопографии – это слияние и разделение. В случае слияния информация об индивиде ошибочно приписывается другим индивидам, информация из источника или источников добавляется к уже существующим записям, а сам индивид, который мог бы проявиться на основании ряда данных, опускается. В случае разделения, информация из источников, которая на самом деле имеет отношение к одному индивиду, ошибочно приписывается двум или более. Не существует установленных правил, чтобы предотвратить слияние или разделение. Считается, что лучше быть вовлеченным в разделение, нежели в слияние, и что проще «связать воедино» двух и более ошибочно разделенных ранее индивидов, чем разделить «слившиеся» личности. По этой причине человек обычно находит в просопографии перекрестные ссылки со следующими указаниями: «возможно, идентичен...», «вероятно, идентичен...» и «следует идентифицировать с...».

Как и медиевисты, византинисты страдают от фрагментарности наших материалов. Лоуренс Стоун, современный историк, полагает, что просопографический метод имеет сомнительную ценность, если применять его к источникам до XVI в., времени, когда в широких массах распространилась грамотность, книго-

¹ Массив данных – прим. переводчика.

печатание и система ведения учетной документации (Stone 1981: 57). Это, конечно, преувеличение, но византийские просопографы – вместе со всеми историками – должны осознавать ограничения, накладываемые долговечностью источников: кто записан в этих источниках (обычно, надо сказать, что это «лучшие люди») и что именно о них записано (владение и передача имущества, происхождение и бракосочетание). Особую проблему для просопографов (так как их работа заключается в соотнесении подобного с подобным) составляет необходимость установить и твердо держаться последовательной классификации полученной информации (Stone 1981: 60). Просопографы разделяют с другими историками опасность самонадеянно верить, что их факты являются так или иначе своеобразным «стандартом». Именно потому, что эти индивидуальности создали в источниках средневековую историю, они являются исключительными. Они не являются случайным образцом и в самом деле применение статистики в средневековой истории остается под вопросом (Stone 1981: 61). Просопография имеет дело с вещами, которые можно пересчитать: имущество, книги, друзья, жены, дети; она не имеет дела с вещами, которые учесть невозможно: идеи, мысли, менталитет. Просопография имеет дело с тем, что связывает группу вместе, что ее объединяет и почему (Stone 1981: 62–5). Но, имея с этим дело, всегда важно спрашивать, как именно группа продолжает существование и не допускать той мысли, что социальные структуры сохраняются благодаря врожденной энергии или вещам, подлежащим учету.

Почему люди занимаются просопографией? Шейне говорит, что если мы хотим понять средневековое общество, то мы должны изучать одну из главных его составляющих – семью (Cheynet 1990: 9). История есть изучение изменений того, как люди взаимодействуют во времени. Просопография, сосредоточившись на индивидуальном, дает строгую методологию того, как «делать историю». Студенты-историки, используя просопографию, учатся, как обрабатывать и оценивать многосторонность различных источников. Это требует точности записей и выражений (когда Вы говорите «племянник», подразумеваете ли Вы ребенка Вашего родного брата или сестры, или же ребенка родного брата или сестры Вашего супруга(и)? В английском языке разницы нет, но англичане не нация просопографов). Все это требует методического упорядочения результатов (Stone 1981: 71). Так как просопография занимается структурированными записями и анализом огромной массы информации о большом количестве индивидов, для нее хорошо подходит система накопления ИСТ информации, система ее поиска и манипуляции. Авторитетные историки используют просопографический метод как отвечающий на поставленные ими вопросы и еще потому, что его строгость обнаруживает самую суть проблемы (Cheynet 1990: 9; Olster 1993: III).

ЛИТЕРАТУРА

- BARNISH, S. J. B. 1994. 'Late Roman Prosopography Reassessed', *JRS* 84:171–7.
- BARZOS, K. 1984. *E genealogia ton Komnenon* (Thessalonike).
- BEARD, C. 1913. *Economic Interpretation of the Constitution of the United States* (Cambridge, Mass.).
- CAHEN, C. 1966. 'Une famille byzantine au service des Seldjukides, les Gavras', in P. Wirth (ed.), *Polychronion, Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag* (Heidelberg): 145–9.
- CAMERON, A. M. 2003. *Fifty Years of Prosopography: The Later Roman Empire, Byzantium and beyond* (Oxford).
- CHEYNET, J.-C. 1990. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)* (Paris).
- and VANNIER, J.-F. 1986. *Études Prosopographiques* (Paris).
- FLEDELIUS, K., and SCHREINER, P. (eds.) 1996. *Byzantium: Identity, Image, Influence. Major Papers, XIX International Congress of Byzantine Studies* (Copenhagen).
- GAUTIER, P. 1969. 'L'Obituaire du typikon du Pantocrator', *RÉB* 27:235–62.
- JEFFREYS, M., PAPACOSTAS, T., and others 2006. *Prosopography of the Byzantine World* [web-based publication] at <http://www.pbe.kcl.ac.uk> (accessed 14 March 2007).
- JONES, A. H. M., MARTINDALE, J. R., and MORRIS, J. 1971–92. *The Prosopography of the Later Roman Empire*, 3 vols. (Cambridge).
- KAZHDAN, A. 1991. 'Prosopography', in *ODB*: 1739.
- LILIE, R.-J., and others. 1998–2002. *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (641–867)*, 7 vols. (Berlin–New York).
- LUDWIG, C. 1996. 'Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit', in Fledelius and Schreiner 1996: 430–4.
- MANDOUZE, A., and others. 1982. *Prosopographie chrétienne du Bas-empire* (Paris).
- MARTINDALE, J. R. 1991. 'The Prosopography of the Byzantine Empire', in *Major Papers, 18th International Congress of Byzantine Studies* (Moscow): 299–313.
- 1996a. 'The Prosopography of the Byzantine Empire', *Medieval Prosopography* 17.1: 169–91.
- 1996b. 'The Prosopography of the Byzantine Empire', in Fledelius and Schreiner 1996: 426–30.
- (ed.) 2001. *The Prosopography of the Byzantine Empire I (641–867)* [CD-ROM] (Aldershot).
- MATHISEN, R. W. 1988. 'Mediaeval prosopography and computers: theoretical and methodological considerations', *Medieval Prosopography* 9.2: 73–128.
- MEIER, F. G. 1985. 'Factoids in ancient history', *JHS* 105: 32–9.
- NAMIER, L. B. 1929. *The Structure of Politics at the Accession of George III* (London).
- NESBITT, J. 1975. 'A confraternity of the Comnenian era', *BZ* 68: 360–84.
- NICOL, D. M. 1968. *The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca. 1100–1460: A Genealogical and Prosopographical Study* (Washington, DC).
- OLSTER, D. M. 1993. *The Politics of Usurpation in the Seventh Century: Rhetoric and Revolution in Byzantium* (Amsterdam).
- POLEMIS, D. I. 1968. *The Doukai: A Contribution to Byzantine Prosopography* (London).
- PRATSCH, T. 1996. 'The Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (641/2–1025) at the Berlin–Brandenburg Academy of Sciences', *Medieval Prosopography* 17.1: 193–204.

- SEIBT, W. 1976. *Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie* (Vienna).
- SKOULATOS, B. 1980. *Les personages byzantins de l'Aléxiade* (Louvain).
- SMYTHE, D. C. 1996a. 'Making Byzantine Data Conform', in L. Garland Dillon (ed.), *Conformity and Non-Conformity in Byzantium* (= BF 24): 295–311.
- 1996b. 'Relating Prosopography to Byzantium', in Fledelius and Schreiner 1996: 491.
- 2000. 'Prosopography of the Byzantine Empire: only connect', in M. Deegan and H. Short (eds.), *DRH 99: A Selection of Papers from Digital Resources in the Humanities 1999, Office for Humanities Communication Publication 13* (London): 75–81.
- 2001. 'Putting technology to work: the CD-ROM version of the *Prosopography of the Byzantine Empire I (641–867)*', in M. Wollard (ed.), *History and Computing* 12.1: 83–95.
- STONE, L. 1981. 'Prosopography', in *The Past and the Present* (London): 45–73.
- SYME, R. 1939. *Roman Revolution* (Oxford).
- TRAPP, E. 1976–94. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* (Vienna).
- VANNIER, J.-F. 1975. *Families Byzantines: les Argyroi (IXe–XIIIe siècles)* (Paris).

Наилучший способ понять как можно больше в просопографии, это изучить введения в дисциплину, представленные в следующих монографиях: Jones, Martindale, and Morris 1971–92; Lilie and others 1998–2002; Barzos 1984; Cahen, 1966. Чтобы увидеть примеры применения точного метода, достаточно обратиться к работе Cheynet 1990 для Византии и Namier 1929 как классический пример в английской историографии. В качестве дополнительной информации о просопографическом контексте в истории можно использовать работу Stone 1981.

Глава I.2.17 ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ

Питер Ян Кьюнихолм

Дендрохронология, или установление даты по древесным годовым кольцам, обманчиво проста. Некоторые виды деревьев осуществляют ежегодные приращения древесины дважды: «весенняя древесина», потом «летняя» древесная клетчатка, так что, когда мы разглядываем крайний срез, они выглядят как «кольца», отсюда и используемый термин. Когда деревья в отдельно взятом климатическом регионе одинаково подвержены годичным изменениям климата (как подвержены им они на большей части территории Византии), их кольца можно сопоставить друг с другом («перекрестное датирование»), так что каждое отдельно взятое кольцо можно будет приписать определенному календарному году. Даже иногда можно определить, в какое время года производилась вырубка леса. Дендрохронология – единственная форма археометрического датирования с такого рода (до года или времени года) точностью решений. Метод действителен только в отношении видов, имеющих четко выраженные годовые кольца, и поскольку подавляющее большинство (99% памятников, где сохранилось какое-либо дерево) византийских и мета-византийских строений сооружены из дуба, это непосредственно делает датирование по древесным кольцам подходящим для византийцев. Древесные породы, у которых границ годовых колец не существует, или же они нечетко выражены, к примеру, маслина, ива, тополь и большинство фруктовых деревьев (у которых приращение годовых колец может отражать просто усердие либо лень садовника), не могут подвергаться перекрестному датированию. См. Kuniholm 2001 – дальнейшая дискуссия по данному вопросу и библиографические ссылки, а также Grissino-Mayer 1993 – список пород, которые могут подвергаться перекрестному датированию.

Перекрестное датирование является тем фундаментальным принципом, на котором базируется вся дендрохронология. Исследователь должен быть уверен, что кольца двух или более образцов сформировались в одном и том же году. Простого подсчета колец недостаточно. Также недостаточно и единичного образца ковариации¹ ширины колец («подпись»). Для того, чтобы избежать возможности

¹ Ковариация – сопряженная изменчивость двух признаков (*прим. переводчика*).

случайного (но ложного) совпадения, дендрохронологи стараются сопоставить образцы, имеющие, по крайней мере, 100 годовых колец и множество «подписей», вместо того, чтобы сличать образцы с кратким жизненным сроком, которые могли и не сохранить количества «подписей», достаточного для того, чтобы гарантировать соответствие. Такие образцы годовых колец могут быть порождением широкого спектра причин (см.: Schweingruber 1988; Cook and Kairiukstis 1990; Eckstein 1972). Наиболее часто перекрестному датированию подлежат образцы древесины тех деревьев, которые отличает общность реагирования на некоторые климатические факторы: в некоторых регионах это в основном дождь или его отсутствие, в других, в основном, температура, в прочих – некая комбинация обоих факторов. На территории Византии дожди в период апрель–май–июнь преобладают над прочими факторами (Hughes and others 2002; Griggs and others 2007.) Такие факторы-реакции являются, таким образом, специфическими для климатического региона: юго-запада США, крайней северной границы распространения лесов ($> 60^\circ$ с. ш.), северной Европы, Восточного Средиземноморья и т. д. Климатические границы перекрестного датирования на практике лучше всего определять методом проб и ошибок. Иногда они соответствуют карте, иногда – нет, и тогда следует искать объяснения кажущейся аномалии. Древесина, вырубленная в лесах Калабрии (южная Италия), к примеру, соответствует древесине из Греции и Турции, но не подлежит перекрестному датированию совместно с древесиной из Испании, Альп и даже Сицилии. Первые два несоответствия неудивительны. Удивительно, а, значит, требует пояснений, несоответствие с горой Этна на Сицилии, всего за 80 километров от Калабрии. Сицилия, по всей видимости, относится в большей степени к североафриканской климатической системе, нежели к центральной/восточной Средиземноморской. Подобным же образом древесина с черноморского побережья Турции (Понта) не подлежит перекрестному датированию совместно с древесиной из центральной и восточной Европы, хотя предстоящие исследования в Румынии и Болгарии могут помочь соединить эти хронологии.

Предостережения к применению дендрохронологического метода включают:

- 1) возможное повторное использование древесины: к примеру, «столовые» горы Аризоны, где древесина, срубленная в доколумбовы времена, используется и по сей день (комментарии к дендрохронологической интерпретации см.: Bannister 1963);
- 2) изменяющиеся привычки потребителей древесины: к примеру, художники эпохи Ренессанса в разное время склонны были оставлять доски сохнуть от двух до пяти, восьми и даже десяти лет, прежде чем на них писать (см.: Klein, ссылки). Что же касается строительных лесоматериалов, то обычной практикой для плотников в Византии и Османской империи было рубить лес и использовать его немедленно;
- 3) древесина, прошедшая сложную предварительную обработку: к примеру, обшивка музыкальных инструментов;
- 4) импорт древесины из некоторых прочих климатических районов: *Abies* (ель) в Геркуланиуме, привезенная из альпийских лесов, или *Quercus* (дубовые) опорные стойки для живописи в Англии и средневековых Нидерландах (совр. Нидерланды, Бельгия, Люксембург), которые ввозились как

тесаная доска из Балтики (все работы Klein, ссылки; Kuniholm 2002; Kuniholm and others 2007);

- 5) древесина настолько деградировавшая, что ее кольцевая и клеточная структуры не сохранились;
- 6) «благополучная» последовательная смена годовых колец, то есть, малые или незначительные их изменения из года в год;
- 7) древесина, имеющая столь неустойчивую последовательность смены колец, что они кажутся соответствующими более, чем одному месту;
- 8) случаи, когда древесина не сохранилась вообще, например, в банях Каракалы или Диоклетиана в Риме, имеющих сотни пустых отверстий для балок.

Каким бы пугающим ни казался столь долгий список, в качестве дополнения к пункту 2 отметим еще следующее:

Памятник	Датирование на основании надписи	Дендрохронологическое датирование
Фессалоника, Мони Влатадон, ремонт крыши	1801 г.	1800 г., зима
Амбелакия, Дом Шварца	1787 г.	1786 г., зима
Сиатиста, Дом Нерандзопулу	1754 г.	1753 г., зима
Фессалоника, Ния Панагия	1727 г.	1727 г.
Фессалоника, Фраурио Вардари	1597 г., весна	1597 г., зима
Фессалоника, Белая башня	1535 г.	1535 г.

Ясно, что заготовители древесины для этих зданий должны были следовать «*Vitruvius' dictum*» (независимо от того слышали они о Витрувии (Vitruvius) или нет), согласно которому древесину всегда следует использовать свежей, пока ее еще легко резать.

Стандартные предосторожности, определяющие деятельность археологов в данной сфере, применимы также и к дендрохронологии. Одна из причин успеха дендрохронологического метода как раз и заключалась в истории регулярного взаимодействия между археологом «в поле» и исследователем в лаборатории. И тому, и другому следует осторожно относиться к единичным образцам, древесине неопределенного происхождения, древесине, носящей признаки повторного использования, следам ремонта, ошибочному подбору типа гвоздей, следам механического распиливания там, где можно было ожидать только следов от топора или тесака, и т. д. Прочие предостережения см. в приложении III, Baillie 1982.

Техники

Приготовление образца

Полное поперечное сечение обеспечивает наибольшее количество информации. Когда исследуемый объект разрезать полностью невозможно или запрещается (к примеру, живое дерево или важный архитектурный памятник), дендрохронолог обязан обратиться к исследованию сердцевины. Шведский прибор,

удаляющий сердцевину, используется для извлечения тонких радиальных волокон из растущих деревьев, а разнообразные, коммерчески доступные сверлильные инструменты используются для извлечения подобных же радиальных внутренних волокон из цельных строительных лесоматериалов. Клейн и его коллеги в лаборатории Гамбурга добились успехов в исследовании 2000 картин, написанных маслом по дереву, расчистив крайний срез с помощью лезвия бритвы и проводя измерения непосредственно с доски (Eckstein and others 1983; Klein 1980, 1986, 1991, 1993, 1994). Византийские иконы со всей очевидностью являются следующей ступенью – их в резервной коллекции Византийского музея в Афинах приблизительно 25 000, но мы в целом традиционно воздерживались от исследований икон неизвестного происхождения (по причине их легкой транспортабельности) до тех пор, пока исходные хронологические образцы не были четко сформированы из строительных лесоматериалов. В редких случаях датировать кусок древесины позволяла хорошая, контрастная фотография крайнего среза. Недостаток фотографий заключается в том, что микроскопически маленькие кольца почти невозможно различить, если только фотограф предусмотрительно не сделал определенную шлифовку и полировку образца перед фотографированием. И для полных срезов, и для волокон сердцевины важно подвергнуть исследованию как можно большее количество луба там, где он сохранился, избегая сучков, наростов, трещин и прочих недостатков, разрушающих образцы годовых колец. Для любого образца, имеющего кору или «околоконечный слой» («waney edge» – англицизм, обозначающий поверхность непосредственно под корой), дата вырубki дерева может быть определена с точностью до года. Для дубов (имеющих достаточное, хотя и со своими региональными особенностями, количество луба, на побережье Эгейского моря мы используем 26 ± 9 лет), если значительное количество луба сохранилось, дату вырубki можно оценить с различными степенями точности в пределах до нескольких лет. Для других пород древесины или дубов с малым количеством или полным отсутствием луба и неизвестным количеством отсутствующих колец сердцевины возможно только установление *terminus post quem*.

Аналитика

Поверхность образца, подлежащего изучению, подготавливается мелкой наждачной бумагой или лезвием бритвы так, чтобы каждое кольцо можно было измерить и отметить морфологические особенности, обычно при помощи бинокулярного анатомического микроскопа. Потом, независимо от того, используются ли «простые» (составление схемы или «Метод Дугласа» – см.: Stokes and Smiley 1968) или более «высокие» технологии (последние включают полное измерение серий колец и различные виды статистического анализа (см. самые недавние из справочных изданий, перечисленные ниже в разделе «Углубленное чтение»)), кольца следует сравнить друг с другом. Как только древесина или древесный уголь прошли перекрестное датирование, их образцы располагают по порядку, начиная с того, дата которого установлена абсолютно точно, и так, ступенчатым образом из настоящего в прошлое, настолько далеко, насколько позволяют данные, выстраивается хронологический ряд. Лучший из недавних отчетов по общей

методологии см.: Schweingruber 1988. При использовании как «простых», так и «высоко» технологических методов, окончательный результат будет один и тот же: дата, установленная с точностью до года, которая может быть подтверждена прочими исследователями.

Построение длинных хронологических рядов: северная Европа

Для Европы на всем ее протяжении от Пиринеев до Балтики, во многом благодаря растущему там в значительных количествах ирландскому болотному дубу, а также десяти тысячам дубовых стволов с берегов Рейна, Майна и Дуная, получена продолжительная (около 8 700 лет) хронология дуба (Pilcher and others 1984). Длинные списки датированных средневековых построек составлены Hollstein 1980 и Schmidt and others 1990. Без этой фундаментальной работы ни одно исследование живописи на дощатых поверхностях не было бы возможно. Однако вначале европейским исследователям не было ясно, что все это может совпадать настолько точно (Baillie 1983).

Византийский мир

Византийский дендромир не столь богат, как альпийская северная Европа (несколько болот и реки, лишённые растительности почти начисто). По данным исследований дубовых и хвойных пород древесины (около 200 строений на март 2007 г.) лабораторией Корнелла получены следующие хронологические ряды:

Дуб		Сосна	
Турция	с 1044 г. по наст. время	Турция	1292–2000 гг.
Черноморское побережье	с 1089 г. по наст. время	Турецкий можжевельник	1037–1988 гг.
Центральная и западная Греция	с 1162 г. по наст. время	Греция	1243–2002 гг.
Фракия и Фессалоника	с 1169 г. по наст. время	южная Италия	1148–1980 гг.
«Поздняя Югославия»	с 1543 по 1850 гг.	Югославия	1632–1981 гг.
«Ранняя Югославия»	с 1073 по 1351 гг.	Кипр	1479–2004 гг.

Менее надежны и все еще считаются экспериментальными хронологические ряды, построенные по данным около 46 различных мест:

«римский пробел», дуб, поздний период 381–2004 гг.

«римский пробел», дуб, ранний период – 518–348 гг. (по некоторым оценкам)

Термин «римский пробел» заслуживает пояснения. Конец первого тысячелетия до Рождества Христова и начало первого тысячелетия нашей эры доставили

нам большие затруднения, чем все прочие девять тысячелетий вместе взятые, для которых мы собрали древесину. Хотя мы имеем на руках более 100 хронологий дуба и его единичных образцов, многие из этих наборов данных коротки – только в 100–150 лет длиной, а коллекции рядов собраны в различных местностях от Италии до Хорватии и восточной Турции. При этом древесину в приморские районы могли поставлять на кораблях из любой точки Римской империи. Как только будет собрано и добавлено к упомянутому выше еще большее количество материала, так называемая проблема «римского пробела» разрешится сама собой. К примеру, некоторые из действительно длинных наборов данных могли бы подтвердить достоверность частично перекрывающихся ими коротких. Летом 2006 г. в ходе раскопок района Йеникапы (Yenikapı)¹ было собрано и измерено около 600 образцов дуба. Вполне возможно, что этот приблизительно 33-летний пробел между 348 и 381 гг. будет заполнен к тому моменту, когда кто бы то ни было прочтет эту прозу. На сайте <http://arts.cornell.edu/dendro> мы разместим список на май 2007 г. для любого читателя, нуждающегося в византийских или метавизантийских датировках. Чтобы сэкономить читателю дополнительное время и усилия, мы также разместим список 400 разрозненных строений, которые мы уже посетили, и которые не содержат подлежащей датированию древесины.

Ссылки на источники

Из всех журналов два посвящены исключительно дендрохронологической тематике – *Tree-Ring Bulletin* (1934) и *Dendrochronologia* (1983). Более 1500 заархивированных наборов данных находятся в Международном банке данных годовых колец древесины в Боулдере (Колорадо) (<http://www.ngdc.noaa.gov/paleo/ftp-treering.html>), а многоязычный с перекрестными ссылками справочник по дендрохронологической терминологии на семи языках можно найти у Kaennel and Schweingruber 1995.

Дополнительные приложения

В состав дополнительной дендрохронологической тематики теперь входит изучение изменений как ближайшего, так и дальнего экологического окружения, история и последствия загрязнения окружающей среды, эрозия и переполнение водных потоков, лесные пожары, землетрясения, смещение ледников, вулканы, цунами, сезонные разливы рек, периоды жизни насекомых, вмешательство человека в экосистему леса, изменения в применении и использовании древесины и т. д. Швейнгрубер (Schweingruber 1988) составил великолепно иллюстрированный, с библиографией перечень многих таких основных и побочных направлений, в которых развивалось дендрохронологическое исследование. При изобилии документации, доступной в византийских источниках, этот тип исследований мог бы показаться имеющим второстепенный интерес, но время от времени именно деревья говорят нам о том, о чем молчат хроники. См.: Stahle and others

¹ Портовый район современного Стамбула – прим. переводчика.

1998, где авторы отмечают, что гибель колонии в Джеймстауне произошла самой холодной зимой за последнее тысячелетие.

Кейс-метод в дендрохронологии

В отличие от некоторых прочих археометрических техник, когда ученые в лаборатории весьма слабо взаимодействуют с археологами, дендрохронологию с самого начала отличало тесное взаимодействие лабораторных и полевых исследователей. На практике дендрохронолог посещает местность, обсуждает имеющиеся задачи и возможные способы интерпретации данных со специалистами, ведущими раскопки, и только после этого берет образцы. Идеальным будет считаться образец, имеющий обоюдную ценность, то есть и подлежащий датированию, и значимый с археологической точки зрения. Случаи, когда дендрохронология применялась с заслуживающими упоминания результатами для интерпретации археологических местностей и археологических или историко-художественных артефактов, включают нижеследующую выборку двух или трех основных регионов, где широко применялось датирование по годовым кольцам.

Европа

Новая работа, имеющая отношение к византинистам как образец того, чего можно достичь, исследуя византийский мир, включает исследования средневековых и доисторических Нидерландов (Jansma 1995), населенные пункты раннего средневековья и поселения викингов в Хайтхабу (Eckstein 1969, 1972; Eckstein and others 1983). Она также включает анализ длительных серий средневековых построек Райнланда (Hollstein 1980), тщательное исследование частных домов в регионе Мозель (Schmidt and others 1990) и идентификация импортного польского дуба, служившего для изготовления опорных стоек для живописи на дощатых поверхностях (Baillie and others 1985; Eckstein and others 1986), а также для обшивки стен в английских сельских жилищах.

Эгейское море и Ближний Восток

Дендрохронологический анализ приблизительно 200 средневековых зданий в Греции и Турции проводился с 1973 г. (Kuniholm and Striker 1987; Kuniholm 1994). Одним из поразительных примеров того, как новый метод может требовать изменений прежнего образа мышления является церковь св. Апостолов в Фессалонике, где запутанная и долгое время неверно понимаемая монограмма (*Niphon Ktitor*), наводившая на мысль о дате 1310–1314 гг., противоречила дендрохронологической дате 1329 г., оказавшейся годом, когда Нифон вернулся из ссылки (Kuniholm and Striker 1990).

«Дендроперемещение», упоминавшееся выше в отношении экспорта польского дуба в северную Европу, возможно также в районе Эгейского моря; альпийские ель и сосну находили и во дворце эпохи Возрождения на побережье Далмации, и в разрушенных римских городах Помпее и Геркулануме (Kuniholm 2002; Kuniholm and others 2007), а черноморский дуб – в средневековых памятниках Стамбула и Фессалоники.

Кейс-метод в реконструкции окружающей среды и климата (за исключением Северной Америки)

Европа

О теплом времени года в средневековье см. Hughes and Diaz 1994. Относительно южной Европы см.: Urbinati and Carter 1997. О реконструкции окружающей среды более ранних периодов см. библиографию в Kuniholm 2001.

Эгейское море и Ближний Восток

Предварительное резюме см.: Kuniholm 1990 – о единичной засухе в Малый ледниковый период. Далее см.: Hughes and others 2002, и наконец, Griggs and others 2007. Этот предмет едва начали исследовать в соответствии с его широкими возможностями. Разница между византийским миром и любой другой местностью в том, что византийский мир находится в выгодном положении, имея возможность сравнить упоминания дат в хрониках с годовыми кольцами.

Калибровка радиоуглеродным методом и метод «сопоставления колебаний»

Радиоуглеродный метод не обеспечивает необходимой для византийского историка точности. Дата в пределах до полувека или около того, будучи приемлемой для исследователя доисторических времен, совершенно непригодна для медиевиста. Тем не менее, если не сохранилось древесины, подлежащей дендродатированию, исследователь вынужден прибегнуть к этому методу. Там, где это возможно, следует применять метод «сопоставления колебаний» упорядоченных образцов. Как известно любому применявшему радиоуглеродный метод, калибровочная кривая не является прямой линией. Она смещается и возвращается обратно в соответствии с тем, большее или меньшее количество радиоуглерода образуется в данном году. Если бы кто-либо взял столетний кусок древесины, рассек его на части соответствующие десятилетиям и устанавливал дату каждой из частей радиоуглеродным методом (естественно, беря каждую из частей по порядку), это выглядело бы подобно волнистой линии. Исследователь может тогда сопоставить колебания калибровочной кривой с колебаниями, произведенными только что датированным рядом образцов, и придти к гораздо более близкому соответствию, чем, если бы датированию был подвергнут один единственный образец. См.: веб-сайт Оксфордских лабораторий и программу OxCal для практических примеров.

ЛИТЕРАТУРА

- BAILLIE, M. G. L. 1982. *Tree-Ring Dating and Archaeology* (Chicago).
- 1983. 'Is there a single British Isles tree-ring signal?', in A. Aspinall and S. E. Warren (eds.), *Proceedings of the 22nd Symposium on Archaeometry (1982)* (Bradford): 73–82.
- 1995. *A Slice Through Time: Dendrochronology and Precision Dating* (London).
- HILLAM, J., BRIFFA, K. R., and BROWN, D. M. 1985. 'Re-dating the English art-historical tree-ring chronologies', *Nature* 315: 317–19.
- BANNISTER, B. 1963. 'Dendrochronology', in D. Brothwell and E. Higgs (eds.), *Science in Archaeology* (New York): 162–76.
- BARTHOLIN, T. S., and others (eds.) 1992. *Tree Rings and Environment. Proceedings of the International Dendrochronological Symposium, Ystad* (Hamburg).
- COOK, E. R., and KAIRIUKSTIS, L. A. (eds.) 1990. *Methods of Dendrochronology: Applications in the Environmental Sciences* (Dordrecht).
- DEAN, J. S. 1997. 'Dendrochronology', in R. E. Raylor and M. Aitken (eds.), *Chronometric Dating in Archaeology* (New York): 31–64.
- and others (eds.) 1996. *Tree Rings, Environment and Humanity. Proceedings of the International Conference, Tucson, Arizona, 17–21 May 1994* (Tucson).
- DOUGLASS, A. E. 1935. *Dating Pueblo Bonito and Other Ruins of the Southwest* (National Geographic Society Contributed Technical Papers, Pueblo Bonito Series, no. 1; Washington, DC).
- ECKSTEIN, D. 1969. *Entwicklung und Anwendung der Dendrochronologie zur Altersbestimmung der Siedlung Haithabu* (Dissertation, Hamburg University).
- 1972. 'Tree-ring research in Europe', *Tree-Ring Bulletin* 32: 1–18.
- WROBEL, S., and ANIOL, R. W. (eds.) 1983. *Dendrochronology and Archaeology in Europe: Proceedings of a Workshop of the European Science Foundation (ESF), held in Hamburg April 28–30 1982* (Mitteilungen der Bundesforschungsanstalt für Forst- und Holzwirtschaft, no. 141; Hamburg).
- BAILLIE, M. G. L., and EGGER, H. 1984. *Dendrochronological Dating* (Handbooks for Archaeologists No. 2; Strasbourg).
- WAZNY, T., BAUCH, J., and KLEIN, P. 1986. 'New evidence for the dendrochronological dating of Netherlandish paintings', *Nature* 320: 465–6.
- FERGUSON, C. W. 1970. 'Concepts and techniques of dendrochronology', in R. Berger (ed.), *Scientific Methods in Medieval Archaeology* (Berkeley): 183–200.
- FLETCHER, J. (ed.) 1978. *Dendrochronology in Europe: Principles, Interpretations and Applications to Archaeology and History* (Oxford).
- GLOCK, W. S. 1937. *Principles and Methods of Tree-Ring Analysis* (Washington, DC).
- GRIGGS, C. B., DEGAETANO, A., KUNIHOLM, P. I., and NEWTON, M. W. 2007. 'A regional high-frequency reconstruction of May–June precipitation in the north Aegean from 1089–1989', *International Journal of Climatology* 27: 1075–89.
- GRISSINO-MAYER, H. D. 1993. 'An updated list of species used in tree-ring research', *Tree-Ring Bulletin* 53: 17–43.
- HOLLSTEIN, E. 1980. *Mitteleuropäische Eichenchronologie. Trierer Grabungen und Forschungen*, xi (Mainz).
- HUGHES, M. K., and DIAZ, H. F. (eds.) 1994. *The Medieval Warm Period* (Dordrecht).

- KUNIHOLM, P. I., EISCHEID, J., GARFIN-WOLL, G., GRIGGS, C. B., and LATINI, C. 2002. 'Aegean tree-ring signature years explained', *Tree-Ring Research* 57.1: 67–73.
- JANSMA, E. 1995. *RememberRINGS: The Development and Application of Local and Regional Tree-Ring Chronologies of Oak for the Purposes of Archaeological and Historical Research in the Netherlands* (Nederlandse Archeologische Rapporten 19).
- KAENNEL, M., and SCHWEINGRUBER, F. H. 1995. *Multilingual Glossary of Dendrochronology: Terms and Definitions in English, German, French, Spanish, Italian, Portuguese, and Russian* (Berne).
- KLEIN, P. 1980. 'Dendrochronologische Untersuchungen an Eichenholztafeln von Rogier Van der Weyden', *Jahrbuch der Berliner Museen* 23: 113–23.
- 1986. 'Dendrochronological analysis of early Netherlandish panels in the National Gallery of Art', in J. O. Hand and M. Wolff (eds.), *Early Netherlandish Painting* (Washington, DC): 259–60.
- 1991. 'The differentiation of originals and copies of Netherlandish panel paintings by dendrochronology', *Le dessin sous-jacent dans la peinture*, Colloque VIII (1989) (Louvain-la-Neuve): 29–42.
- 1993. 'Dendrochronological analysis of German panels in the National Gallery of Art', in J. O. Hand (ed.), *German Paintings of the Fifteenth through Seventeenth Centuries* (Washington, DC): 195–7.
- 1994. 'Lucas Cranach und seine Werkstatt. Holzarten und dendrochronologische Analyse', in C. Grimm, J. Erichsen, and E. Brock-Hoff (eds.), *Lucas Cranach. Ein Maler-Unternehmer aus Franken* (Augsburg).
- KUNIHOLM, P. I. 1990. 'The archaeological record: evidence and non-evidence for climatic change', in S. K. Runcorn and J.-C. Pecker (eds.), *The Earth's Climate and Variability of the Sun over Recent Millennia* (London): 645–55.
- 1994. 'Long tree-ring chronologies for the Eastern Mediterranean', in D. Demirci, A. M. Öser, and G. D. Summers (eds.), *Archaeometry '94. The Proceedings of the 29th International Symposium on Archaeometry* (Ankara): 401–9.
- 2001. 'Dendrochronology and other applications of tree-ring studies in archaeology', in D. R. Brothwell and A. M. Pollard (eds.), *Handbook of Archaeological Sciences* (Chichester): 35–46. Эта статья также размещена на: <http://arts.cornell.edu/dendro>.
- 2002. 'Dendrochronological investigations at Herculaneum and Pompeii', in W. F. Jashemski and F. G. Meyer (eds.), *The Natural History of Pompeii* (Cambridge): 235–9.
- and STRIKER, C. L. 1987. 'Dendrochronological investigations in the Aegean and neighboring regions, 1983–1986', *Journal of Field Archaeology* 14: 385–98.
- 1990. 'Dendrochronology and the architectural history of the Church of the Holy Apostles in Thessaloniki', *Architectura: Zeitschrift für Geschichte der Baukunst* 20: 1–2.
- GRIGGS, C. B., and NEWTON, M. W. (2007) 'Evidence for early timber trade in the Mediterranean', in K. Belke, E. Kislinger, A. Külzer, and M. A. Stassinopoulou (eds.), *Byzantina Mediterranea: Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag* (Vienna): 365–85.
- PILCHER, J. R., BAILLIE, M. G. L., SCHMIDT, B., and BECKER, B. 1984. 'A 7272-year tree-ring chronology for western Europe', *Nature* 312: 150–2.
- SCHMIDT, B., KÖHREN-JANSEN, H., and FRECKMANN, K. 1990. *Kleine Hausgeschichte der Moosellandschaft, 1: Der Schriftenreihe zur Dendrochronologie und Bauforschung* (Cologne).

- SCHWEINGRUBER, F. H. 1988. *Tree Rings: Basics and Applications of Dendrochronology* (Dordrecht).
- STAHL, D. W., CLEAVELAND, M. W., BLANTON, D. B., THERRELL, M. D., and GAY, D. A. 1998. 'The Lost Colony and Jamestown droughts', *Science* 280: 564–7.
- STOKES, M. A., and SMILEY, T. L. 1968. *An Introduction to Tree-Ring Dating* (Chicago).
- STRAVINSKIENE, V., and JUKNYS, R. (eds.) 1996. *Proceedings of the International Conference: Dendrochronology and Environmental Trends* (Vyautas Magnus University, Kaunas).
- URBINATI, C., and CARRER, M. 1997. 'Dendroecologia: una scienza per l'ambiente fra passato e presente'. *Atti del XXXIV Corso di Cultura in Ecologia* (Padua).
- WARD, R. G. W. (ed.) 1987. *Applications of Tree-Ring Studies: Current Research in Dendrochronology and Related Subjects* (Oxford).

Углубленное чтение

Другие базовые объяснения дендрохронологического метода и полезный иллюстративный материал находится в Douglass 1935, Glock 1937, Stokes and Smiley 1968, Ferguson 1970, Eckstein and others 1984, Cook and Kairiukstis 1990, Baillie 1995, Dean 1997. Объяснение терминологии на разных языках см.: Kaennel and Schweingruber 1995. Одна из причин успешного развития дендрохронологии является степень распределения информации среди исследователей, даже для «сырых», неопубликованных данных. Серия международных встреч с названиями, которые не обязательно появляются в электронном поиске по ключевому слову, была вызвана необходимостью для tree-ring сообщества собираться вместе чаще обычного. Их опубликованные труды представляют последовательность карт распространения районов исследований. Здесь они представлены в хронологическом порядке: Fletcher (ed.) 1978, Eckstein and others 1983, Ward (ed.) 1987, Bartholin and others 1992, Hughes and Diaz 1994, Dean and others 1996, Stravinskiene and Juknys 1998. Все указанные работы содержат те крупинки информации, которые могут быть полезны для византиниста.

Глава I.2.18 **ШТАМПЫ НА КИРПИЧЕ**

Джонатан Бардилл

В ранневизантийский период на кирпичи (плинфы) особенно часто наносили текст, монограммы или другие знаки. Это могло достигаться либо нанесением рисунка на дно деревянной формы для изготовления кирпичей (таким образом на сырой глине оставалась рельефная маркировка), либо клеймлением сырого кирпича с помощью керамического или деревянного штампа (таким образом создавалось впечатление углубленного оттиска с рельефными буквами).

Штампы на кирпичах и маркировка, наносившаяся с помощью формы, позволяют проникнуть в суть организации производства кирпичей и служат ценным археологическим источником датирования кирпичных построек. Если кирпичи, носящие идентичные штампы, обнаруживаются в составе различных зданий, значит, эти здания вполне вероятно могли быть построены в одно и то же время, конечно, если предположить, что кирпичи не появились в результате более поздних ремонтов или же не были взяты из старых запасов, когда строилось здание.

Штампы были распространены в Риме и его окрестностях с I по VI вв. и в течение многих лет являлись предметом пристального внимания ученых. Напротив, изобилие материалов из Константинополя, датируемых с конца IV в. до конца VI в., только недавно стало пользоваться тем вниманием, которого заслуживало, и без сомнения при расширении этой сферы исследований возникнет много новой информации. Строительный материал из византийских провинций требует гораздо более интенсивного изучения, и прежде чем предпринять такое необходимо будет собрать более обширный состав материалов.

Константинополь
(Bardill 2004)

Производство кирпича, вероятнее всего, было сосредоточено в окрестностях лесов, где можно было собирать топливо для обжигательных печей, и вблизи морского побережья, так, чтобы кирпичи можно было переправить на корабле в столицу, где была сосредоточена большая часть строительных работ. В районе

Константинополя кирпичи изготавливались в формах без дна (в том числе в деревянных формах). Их размеры менялись, но в основном были приблизительно $370 \text{ мм}^2 \times 45 \text{ мм}$ толщиной, уменьшаясь до 330 мм^2 в постюстиниановский период (см.: глава II.7.1. Строительные материалы и техники). Нанесение штампов производилось в то время, когда кирпичи выставлялись на просушку. Размер той части кирпича, на которую наносился штамп, не был установлен заранее и по некоторым оценкам колебался в пределах от 1 до 50%. Если штамповщик просто штамповал кирпичи, расположенные на концах рядов изделий, выставленных на просушку, пропорция могла и не быть существенной. Кирпичи, характерные для строений, расположенных в пределах Константинополя, также в гораздо меньших количествах отмечались вдоль берегов Босфора и Мраморного моря. В V в. баня из константинопольского штампованного кирпича была сооружена вдали от его родины – в Бейруте, но это исключение.

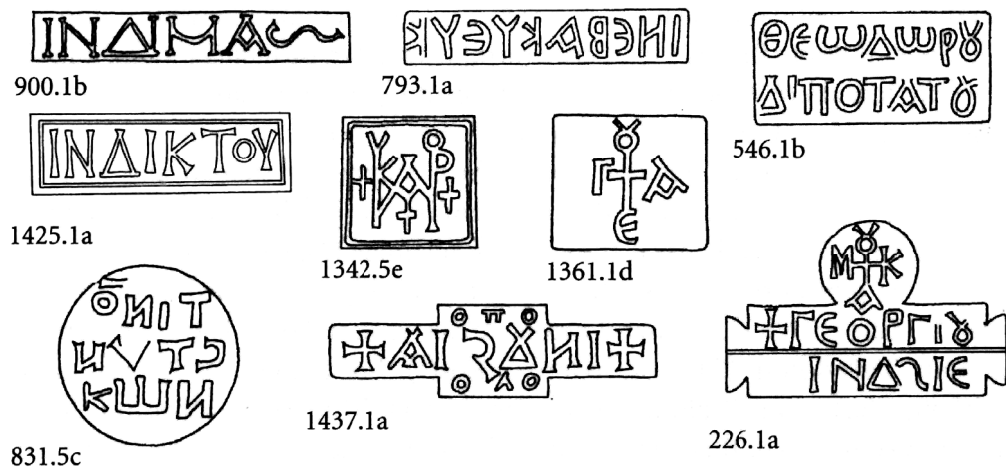
Штампованные кирпичи обычно имели штамп на нижней стороне. Это означает, что штампы редко можно увидеть на полу, разве что в тех местах, где кирпич заменили в более поздние времена. В стоящих зданиях штампы в основном можно увидеть только на обратной стороне кирпичей, заполняющих поперечные отверстия (отверстия для строительных лесов), или с нижней стороны кирпичей, выступающих из стены, где кладка под ними обвалилась или была снесена. Развалившиеся или разрушенные здания дают нам наибольшее количество кирпича с штампами, образцы которых в большом количестве хранятся в Стамбульском Археологическом музее.

Штампы в одну линию, носящие латинскую формулу *DDDN* (*trium dominorum nostrorum*), похоже, раньше всех появились в Константинополе, возможно, в период Константина I. Такие штампы включают также номер индикта римскими цифрами, которому предшествует аббревиатура *IN* (*dictione*). Система датирования индиктами (см.: глава 1.2.2. Хронология и даты) систематически применялась на кирпичах с штампами на протяжении первых трех четвертей V в. Эти индикты имеют решающее значение для установления точных дат производства кирпича и, следовательно, для датирования строений, в которых кирпичи были обнаружены. Большинство штампов этого периода весьма стереотипны, надписи в одну линию по-гречески, начинались с аббревиатуры *in(diktionos)*, за которой следует числительное по-гречески, аббревиатура *ba()*, *bar()*, или *bare()* (неясного прочтения) и имя (или, случалось, два имени), обычно в сокращении до трех или четырех букв. Иногда добавлялась последняя дополнительная буква, предназначавшаяся, как считалось, для особых групп кирпичей. Имена, которые с наибольшей долей вероятности можно приписать этому периоду, включают: *Abi()* или *Abir()*, *Ago()*, *Andrea*, *Ares()*, *Bas()* или *Basi()*, *Gra()*, *Eu()*, *Eut()*, *Heli()* или *Hili()*, *Hesu()*, *The()*, *Theo()*, *Theo() diako(nou)*, *Iach()* или *I(a)ch*, *Ioa()*, *Ku()*, *Kur()*, *Kuri()*, *Lo()*, *Lon()*, *Lou()*, *Ma()*, *Mar()*, *Pa()*, *Pu()*, *Ro()*, *Sa()*, *Tro()*, *Hup()*, *Phil()*, *Pho()*.

В VI в. появилось гораздо более широкое разнообразие изображений-штампов. Их стали располагать в одну или несколько линий, кругом, крестом, треугольником или в форме *tabula ansata*. Имена сокращали в меньшей степени, чем на кирпиче V в., часто приводя их полностью, и в родительном падеже.

CONSTANTINOPLE

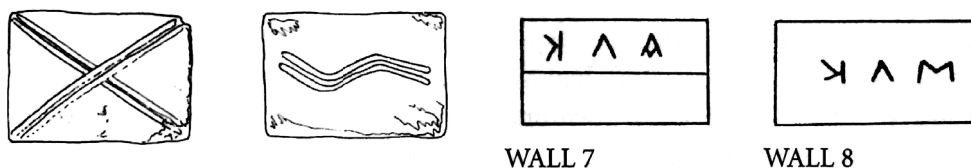
FROM BARDILL 2004

THESSALONIKE

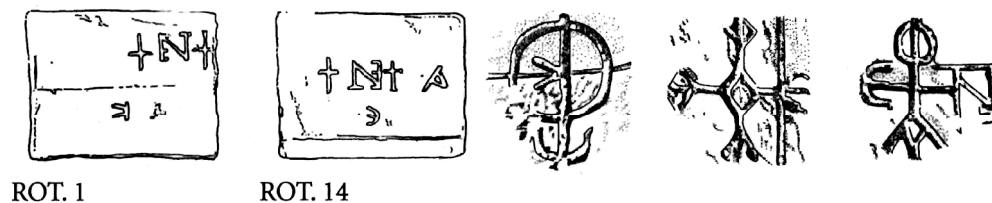
FROM HÉBRARD 1920

FROM TAFRALI 1913: 77

FROM HÉBRARD 1920

AFTER SOTERIOU 1952: pl. 94d

ROME

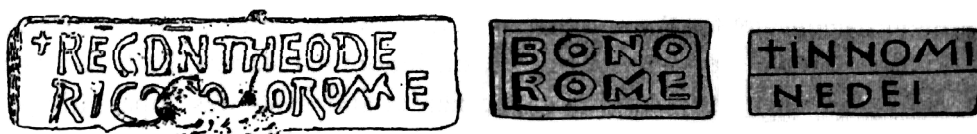

Рис. 1. Штампы на кирпичах из Константинополя, Фессалоники, Рима

Индикты (отныне им чаще всего предшествует аббревиатура *ind(iktionos)*) и аббревиатура *ba* () появляются на штампах не постоянно: одно из двух или сразу оба часто отсутствуют. Как и в V в., могут иметь место буквы, обозначающие ремесленную мастерскую.

Кроме оттисков, на которых отчетливо видно имя императора Юстиниана (*Ioustinianou niketou*, *Ioustinianou tou philoktistou*), те, что с наибольшей долей уверенности можно приписать этому периоду, носят имена: *Aberkiou*, *Aristenetou*, *Auxa* (), *Basilikou*, *Gaiou*, *Demetriou*, *Domnou*, *Theodoru*, *Hilariou*, *Ioannou*, *Kos* (), *Kostantinou* или *Konstantinou*, *Kuriakou*, *Marturiou*, *Paulou*, *Petrou*, *Trophimou*, *Truphonos*, *Christou*. Как и на кирпиче V в., имеются оттиски с двумя именами, некоторые имена сопровождают должности и титулы, обычно в виде аббревиатуры. Перечень светских должностей включает такие названия, как *depoutatos*, *komes*, *koubikoularios*, *naukleros*, *notarios*, *scribon* или *scriniarios*, и, возможно, *myriarchos*. Достоверенно зафиксированные церковные должности: *diakonos*, *hegoumenos*, *monachos* и *presbyteros*. В VI в. также часто встречаются монограммы как квадратной (образованной вокруг буквы, имеющей две вертикальные или горизонтальные черты, таких как H, Z, M, N), так и крестообразной формы (в которых буквы прикреплены к концу Креста); последний тип до некоторой степени был введен в употребление между 518 и 532 гг. Христограмма (монограмма I, X и иногда Крест) является специфическим типом монограммы, получившей всеобщее распространение на штампах в VI в. Также распространены в этот период молитвы, такие, как *Kyrie boethei*, *Theou charis*, *Christos nekai*, и формулировка *tes neas* (*indiktionos*?). Последние штампы с точно установленными датами из Константинополя имеют форму крестообразной монограммы императора Маврикия (582–602 гг.) в дополнение к еще одному имени. Таким образом, четкой уверенности в том, что изготовление кирпичей со штампами продолжалось и после конца VI в., нет. Огромное количество штампованного кирпича, обнаруженного в зданиях более позднего периода, является, насколько можно это установить, повторно используемым материалом, произведенным в IV, V и VI вв.

Дигесты (18. 1. 65) поясняют, что изготовление кирпичей было организовано согласно договору типа *locatio-conductio*, когда собственник земли (*dominus / locator*), на которой располагались глиняные карьеры, обязывался платить подрядчику (*officinator / conductor*) за изготовление кирпичей из своей глины. Предполагается, что на кирпич наносили имя одной или же (на бинаминальных штампах) обеих сторон такого соглашения. Штамп имен и дат по всей вероятности был частью системы контроля точного количества кирпичей, произведенных и проданных индивидами, которых обязывал к этому контракт. Частично контроль мог проводиться в государственных хранилищах, поскольку упомянутые землепользователи были обязаны поставлять определенное количество кирпичей государству каждый год как часть ежегодного *indictio* (земельного налога).

Рим (Steinby 1986; 2001)

В Риме V в. мы находим кирпичи с оттиском имени восточного императора Аркадия, что наводит на мысль о размещении производства на имперских землях: *D(omino) n(ostro) Arcadio Aug(usto)*. На прочих штампах упоминаются: *Off(icina) Domitiana*, *Off(icina) Fauriana* или *Off(icina) Marciana*. Это названия имперских *figlinae* (глиняных копей и сопутствующих им гончарных мастерских), которые задолго до того были в частной собственности. Штампы с надписями *ex f(iglinis) Donati(ani?)* или *ex Donatiani*, относящиеся к продукции глиняных копей некоего Донациана (Donatianus), указывают на то, что некоторые *figlinae* оставались в частной собственности.

Письмо Теодориха (Cassiodorus, *Variae*, 1. 25) относительно восстановления хранилищ кирпича в portus Licini (предположительно на Тибре) доказывает, что в начале VI в. в Риме плинфу взимали в качестве налога. Возможно, кирпичи того времени, помеченные штампом *Urbis Romae*, *bono Rome* или *bono Romae*, производились для государства. Однако некоторые штампы с формулировкой *bono Romae* или *felix Roma* также носят на себе и дату индикта, которая может означать, что они были изготовлены исходя из потребностей ежегодного *indictio*¹. Еще в одном письме Теодориха (Cassiodorus, *Variae*, 2. 23) упоминается об имперских глиняных копиях, переданных в эксплуатацию сенаторам. Сенаторы описываются как исполнители общественного долга, поскольку, именно они надзирали за тем, чтобы определенная часть продукции передавалась государству в качестве оплаты за концессию. Некоторые кирпичи со штампом императора Теодориха носят также и штамп с формулировкой *de* или же *ex officina Iusti*, из чего нам, наверное, следует заключить, что Юстус (Justus) работал на имперской собственности. Штампы, подобные оттискам Юстуса, относятся также и к Бонитусу (Bonitus), Метеллусу (Metellus), Абундантиусу (Abundantius) и Лавренсу (Laurens), которые могли работать либо на имперских землях, либо в своих собственных имениях. Для этого периода также характерны круглые штампы с монограммой «Хи – Ро» и следующими подписями: «*Claudiana*», «*χ-μ-γ Kassiou*», «*Iohannes*», «*spes in Deo*». Прочими молитвами, подобными этой последней (датируемыми предположительно VI в., поскольку сходные примеры имеются в Константинополе), являются «*Theos boethos*», «*in nomine Dei*», «*vivas*» и «*bona vitae*».

Более поздние штампы содержат имя Папы Иоанна VII (701–5 гг.) по-гречески, или монограмму Папы Адриана I (772–95 гг.). Круглые штампы с христограммой в центре и упоминанием имени Иоанна исследователи попытались приписать Папе Иоанну I (523–5 гг.) или Иоанну II (533–6 гг.). Такие штампы показывают, что кирпичи были сделаны на землях, находящихся в собственности Папы Римского.

¹ Налогообложения – прим. переводчика.

Фессалоника (Vickers 1973; Theocharidou 2004)

Маркировкой, наносившейся с помощью формы, отмечено довольно большое количество кирпичей из Фессалоники, но их датирование проблематично, так как обычно они были нечетко прорисованы (что затрудняло выявление идентичных изображений), а их точные архитектурные контексты обычно не записывались. Также ни один из памятников, являющихся источником их происхождения, невозможно точно датировать по эпиграфическим и текстовым данным. Более того, интерпретация самой маркировки далеко не однозначна.

Кажется вероятным, что еще до введения маркировки с помощью формы применялись отпечатки пальцев, так что кирпичи, помеченные этим простым способом в зданиях раннего периода развития строений типа «ротонда», описаны у Хебрарда (Hébrard 1920: fig. 9). Напротив, кирпичи с маркировкой при помощи формы он обнаружил в зданиях позднего периода (Hébrard 1920: fig. 15). Кирпичи, помеченные отпечатками пальцев, обнаружены также в церкви св. Дмитрия (Soteriou 1918: fig. 23). Это могло означать, что в данном случае кирпичи использовались повторно, или же что такие пометки продолжали использовать в V–VI вв. наряду с маркировкой при помощи формы.

Особый стиль маркировки, обнаруженный на кирпичах размером примерно $400 \times 300 \times 50$ мм, – квадратная монограмма, образуемая буквами E, N, T в лигатуре, зачастую с Крестом на одной из двух сторон. Иногда монограмма встречается и сама по себе, но чаще маркировка содержит дополнительно еще одну или две буквы. Уикерс (Vickers 1973) предполагал, что буква рядом с монограммой (обычно A, иногда B и, случается, также, I) – это год индикта на том основании, что монограмму можно было прочесть как *ent(iktionos)* (т. е. *indiktionos*), или что буква, расположенная над или под монограммой, является чем-то вроде указания на место изготовления, подобно штампам, обнаруженным на константинопольском материале.

Маркировка в этом стиле встречается на некоторых из фессалоникских ранневизантийских памятниках (городские стены, Ротонда, Ахиропиитос¹, церковь св. Дмитрия), что привело к предположению, что все эти здания должны были быть датированы сходным образом (Vickers 1973 относит всех их к 450 г.). Однако принимать это предположение следует с осторожностью. По общему признанию, такая маркировка в большом количестве была обнаружена в Ахиропиитосе (Vickers 1973: 286, АСН 10), заглавные буквы на ней подобны обнаруженным в церкви св. Иоанна Студита в Константинополе, дата создания которой, 450 г., установлена твердо (Bardill 2004: 60–1, 109). Хотя данный факт определенно указывает на то, что маркировка такого типа применялась в середине V в., в настоящее время невозможно точно определить, когда именно она начала и прекратила использоваться: мы не можем исключить возможности того, что данный тип стали употреблять в начале V в. и продолжали употреблять до самого его конца. Также

¹ Базилика Ахиропиитос («Нерукотворенная») – одна из самых древнейших (сер. V в.) сохранившихся до нашего времени раннехристианских базилик Фессалоники (прим. переводчика).

возможно и то, что некоторые из маркированных кирпичей, приписываемые этим памятникам, являлись повторно используемым или же какое-то время находившимся на хранении строительным материалом, изготовленным несколько ранее тех зданий, в которых они и были обнаружены. Далее, даже если предположить, что буквы после монограммы должны были обозначать год индикта, тот факт, что различные здания изобиловали кирпичами, помеченными одним и тем же числом, мог не иметь никакого значения, поскольку представляется вероятным, что они могли относиться к различным циклам индикта. Только если бы можно было доказать, что маркировка абсолютно идентична (то есть, из одной и той же формы), не было бы сомнений, что она наносилась точно в одно и то же время. Но при отсутствии более тщательно подобранных данных, описания маркировки посредством формы в Фессалонике ничего не могут достоверно сообщить нам о том, какими, хотя бы приблизительно, были даты основания памятников.

Однако хорошие результаты почти наверняка принесли бы и более детализированные исследования, как то показывает изучение штампов на кирпичах, описанных в ходе реставрации городских стен (Theocharidou 2004). Это обнаруживает, что кирпичи с монограммой ENT имели ограниченное применение на первом этапе строительства наружной стены. Напротив, для первичного этапа строительства внутренней стены (которая является, как теперь утверждают, структурно более ранней, чем внешняя) характерно содержание кирпичей, маркированных различными, более простыми изображениями, такими, как одиночные буквы (B, E, S), или многочисленные буквы, которые могут быть сокращениями имен (ΘΕ, ΖΑ, ΚΛΑ, ΚΛΜ; в случаях с ΚΛΑ и ΚΛΜ, Α и Μ могут быть вспомогательными буквами, обозначающими группу рабочих или же мастерскую). Из этой перемены мы можем предположительно заключить, что между сооружением внутренней и внешней стены прошло достаточно времени для того, чтобы произошла заметная реорганизация производства кирпича. В зависимости от длительности того времени, в течение которого использовалась монограмма ENT, внешнюю стену можно относить к началу, середине или концу V в. Так, к примеру, можно было предположить, что исторические обстоятельства 441–7 гг. вызвали сооружение внешней стены (Croke 1978: 255–8), однако, если это и так, нам пришлось бы отбросить предположение о том, что буквы Α и Β на оттисках являются индиктами (что, в середине V в., соответствовало бы 432–3 и 433–4 или 447–8 и 448–9 гг.). Но относится ли более ранняя часть внутренней стены к первой половине V в. или же к концу IV в., не может быть точно определено до того момента, как *in situ*¹, в несомненно датированных сооружениях не будет найдено большее количество кирпичей с маркировкой. Вследствие этого, Гормисду, который в надписи на кирпиче башни внутренней стены назван строителем городских укреплений (Feissel 1994: 611), пока еще нельзя уверенно отождествить ни с Гормисдой, префектом претория на Востоке в 449–450 гг., ни с Гормисдой, командовавшим египетской армией Феодосия I, находившегося в Фессалонике в 380 г., – или с каким-либо другим, достоверно неизвестным индивидом с таким же именем.

¹ На своих местах – прим. переводчика.

Формовая маркировка некоторых кирпичей из церкви св. Дмитрия выполнена в другом стиле и однозначно относится к VI в. или более позднему периоду. Среди них крестообразные монограммы Епифания (Eiphaníou) и, возможно, Феоф(ана) (Theoph(anou)) и монограмма в виде полосы с именем Фок(а) (Phok(a)) (Soteriou 1918: 19–21, fig. 26; Soteriou and Soteriou 1952: 235–6, pl. 94d). Нужно ли рассматривать эти штампы как доказательство того, что церковь была построена после 518 г., являющегося *terminus post quem* для введения крестообразных монограмм? Если это так, то кирпичи V в. с квадратной монограммой ENT, обнаруженные в этой церкви (Soteriou 1918: fig. 25; Soteriou and Soteriou 1952: fig. 43a, pl. 94b), были повторно используемым материалом более старых сооружений. Альтернативный вопрос: использовались ли кирпичи с крестообразной монограммой или монограммой в виде полосы при реставрации церкви св. Дмитрия, предпринятой между 603 и 688–689 гг. (не важно, были ли они изготовлены заново для реставрации или же взяты из старых запасов VI в.)? Если это так, то кирпичи с монограммой ENT могли быть изготовлены во время строительства церкви. На эти вопросы вряд ли можно ответить до тех пор, пока мы не будем располагать более достоверной информацией относительно того, как в точности маркированные кирпичи распределялись в постройке.

Дальнейшие примеры

Среди строительного материала из провинции, было обнаружено и описано в публикациях лишь несколько образцов соответствующих размеров. Формовая маркировка в небольшом количестве поступающая из Лулудиеса (Louloudies) является близким подобием строительного материала из церкви св. Дмитрия в Фессалонике. На ней имеются крестообразные монограммы с надписями «Епифаний» (Eiphaníou), «Аполлоний» (Apolloniou) и монограмма в виде полосы «Фока» (Phoka) (Poulter 1998). Тем не менее, возможно, что наиболее интересными образцами являются кирпичи ранневизантийского периода из Перги, преимущественно носящие формовую маркировку, а также несколько штампов. Маркировка с помощью формы содержит среди прочих имена Дий (Diou), Ермакий (Hermianou), Патрикий (Patrikiou), Пий (Piou), Ермий (Hermia), Кириак (Kuriakos), Дексий (Dexiou) и Иоанн (Ioanou). Буквы обычно пишутся в одну линию, но иногда выстраиваются и крестообразно, или располагаются на четырех четвертях Креста, или сливаются друг с другом, формируя монограмму (Onurkan 1999). Упоминания о прочих находках в Греции (Фессалия, Афины, Эпир), Сербии (Царицын Град), Болгарии, Румынии (Истрия и Диногация) и Албании (Дуррас) см.: Mango 1950: 27, Sodini 1979: 73–75 и Manacorda 2000: 146–150. К этому можно добавить образцы с надписями [Е]вген[ий] ([E]ugen[iou]) и Елианий (Elianou) из Амория, похожие на некоторые из константинопольских оттисков VI в., но которые могут принадлежать к концу V в. (Harrison, Christie, and others 1993: 155; Lightfoot and others 1999: 345–6).

ЛИТЕРАТУРА

- BARDILL, J. 2004. *Brickstamps of Constantinople*, 2 vols. (Oxford).
- CROKE, B. 1978. 'Hormisdas and the Late Roman Walls of Thessalonika', *GRBS* 19: 251–8.
- FEISSEL, D. 1994. 'Bulletin épigraphique. Inscriptions chrétiennes et byzantines', *REG* 107: 607–20.
- HARRISON, R. M., CHRISTIE, N., and others. 1993. 'Excavations at Amorium: 1992 interim report', *Anatolian Studies* 43: 147–62.
- HÉBRARD, E. 1920. 'Les travaux du service archéologique de l'armée d'Orient à l'arc de triomphe "de Galère" et à l'église St Georges de Salonique', *BCH* 44: 5–10.
- LIGHTFOOT, C. S., and others. 1999. 'The Amorium Project: the 1997 study season', *DOP* 53: 333–49.
- MANACORDA, D. 2000. 'I diversi significati dei bolli laterizi', in P. Boucheron, H. Broise, and Y. Thébert (eds.), *La Brique antique et médiévale: production et commercialisation d'un matériau* (Paris): 127–59.
- MANGO, C. 1950. 'Byzantine brick stamps', *AJA* 54: 19–27.
- ONURKAN, S. 1999. 'Perge Tuđla Damgalari: Satir ve Monogram', *XII Türk Tarih Kongresi. Ankara, 12–16 Eylül 1994. Kongreye Sunulan Bildiriler* pt. 1: 161–93.
- POULTER, A. G. 1998. 'The brick monograms', in A. G. Poulter, 'Field survey at Louloudies: a new Late Roman fortification in Pieria', *BSA* 93: 494–500.
- SODINI, J.-P. 1979. 'L'Artisanat urbain à l'époque paléochrétienne (IVe–VIIe S.)', *Ktema* 4: 71–119.
- SOTERIOU, G. A. 1918. 'Ekthesis peri ton ergasion', *AD* 4: *Sympleroma Deltiou*.
- and SOTERIOU, M. G. 1952. *He basilike tou Hagiou Demetriou Thessalonikes* (Athens).
- STEINBY, M. 1986. 'L'industria laterizia di Roma nel tardo impero', in A. Giardina (ed.), *Società romana e impero tardoantico*, II: *Roma: politica, economia, paesaggio urbano* (Rome): 99–164.
- 2001. 'La cronologia delle figlinae tardoantiche' in M. Cecchelli (ed.), *Materiali e tecniche dell'edilizia paleocristiana a Roma* (Rome): 127–50.
- TAFRALI, O. 1913. *Topographie de Thessalonique* (Paris).
- THEOCHARIDOU, K. 2004. 'The walls of Thessaloniki: evidence from brickstamps', in *Metin Ahunbay'a Armađan: Bizans Mimarisi Üzerine Yazilar* (Sanat Tarihi Defterleri 8; Istanbul): 221–35.
- VICKERS, M. 1973. 'Fifth-century brickstamps from Thessaloniki', *BSA* 68: 285–94.

Углубленное чтение

Manacorda 2000 дает широкомасштабное введение; о Константинополе см.: Bardill 2004; о Риме см.: Steinby 1986 и 2001; о Фессалонике см.: Vickers 1973 и Theocharidou 2004.

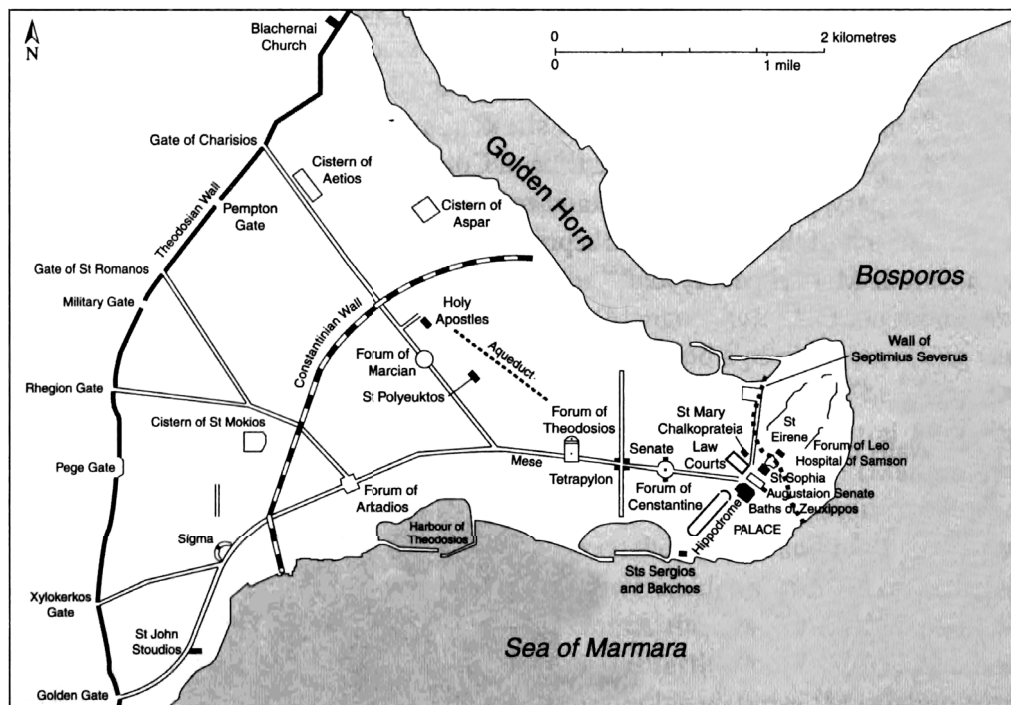
Глава I.2.19 ТОПОГРАФИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Сесили Хеннесси

Основанный в 324 г. Константином I, город Константинополь оставался столицей Византийской империи вплоть до ее падения в 1453 г. Сведения о его топографии во многом определяются многочисленными материальными свидетельствами, изображениями и письменными источниками византийского и поствизантийского периодов. Местность с трех сторон окружена водой: Пропонтида (Мраморное море) на юге, Босфор на востоке и Золотой Рог на севере, расположена на семи холмах – выступающих частях горного хребта, расстилающегося в направлении с востока на запад (Gilles 1729: 16–19). Будучи заселен еще в VII в. до н. э., этот римский город, унаследованный Константином, в правление Септимия Севера, разросся: в нем появились акрополь, бани и городская стена. Оставив акрополь на прежнем месте, Константин основал в южной его части Большой императорский дворец, построил или перестроил ипподром, прилегающий к нему с запада, соорудил новую городскую стену и способствовал сооружению общественных памятников, столь необходимых новой столице. Между IV и VI вв. на склонах холма были высечены ряды террас (Crow 2007), а город приобрел также сады и парки (Maguire 2000). Части города, пригодные для повседневной жизни, располагались по соседству, в каждой из них имелись общественные заведения для проживания и торговли, хотя некоторые из видов деятельности и были сосредоточены в особо отведенных местах, что зачастую объяснялось соседством с портами и зависимостью от поставок воды, которую приходилось завозить из-за города. (*Notitia urbis Constantinopolitanae, Descriptio*; M. Mango 2000; Magdalino 2000; Dark 2004; Crow and Bayliss 2005). Ближе познакомиться с материалом поможет изучение имперских памятников, дворцов, мест отдыха, церквей, монастырей, системы водоснабжения, портов и складских помещений.

Имперские памятники

Основными памятниками города были монументы, установленные на главной его улице, берущей свое начало от Золотого Миллия (Milion Aureum) и Золотого милевого столба возле ипподрома. Миллий предположительно представлял собой купольный тетрапилон с многочисленными статуями вокруг него (*Parastaseis* 1984 edn. 34; Guiland 1969, vol. 2: 28–31; Müller-Wiener 1977: 216–18). Улица с колоннадой (эмволом), впервые возведенная Септимием Сервером, была продолжена Константином, и позднее стала известна как Меси (С. Mango 2000; М. Mango 2001). Через 1,7 км она разделялась у Капитолия или Филадельфия (Philadelpheia) (по традиции называемого так в честь встречи сына Константина после его смерти), имевшего три колонны, над которыми возвышались статуи Константина, его матери Елены и Золотой Крест. Одна статуя из этих мест, представляющая четырех тетрархов, находится теперь в Сан-Марко в Венеции, а оставшееся от нее подножие – в Стамбульском Археологическом музее. Одна из развилок главной улицы направлена на юго-запад. Она выходит за пределы города у Константиновых Porta Aurea или Золотых Ворот, встроенных в новую городскую стену Константина, протянувшуюся в форме подковы от Рога до Мраморного моря на расстояние около 1,7 км от Капитолия. Другая развилка уходит в направлении северо-запада и выходит за пределы города через ворота, называемые Porta Polyandraion.

План 1. Константинополь в VI в.

На Меси Константин соорудил круглый форум в окружении портиков с колонной в центре. Он был возведен к 330 г. в честь торжественного открытия города и состоял из семи (сохранилось шесть) цилиндров из порфира, стоящих на пьедестале из пяти ступеней и являвшихся основанием статуи императора в короне из солнечных лучей, что наводило на мысль о божестве солнца Аполлоне. Статуя упала в 1106 г. и была заменена Мануилом I на большой Крест. Сама колонна сохранилась в обожженном состоянии. Орнамент на ее основании нечеткий (Mango 1993: nos. II and III). К 393 г. Феодосий I подобным же образом соорудил свой форум на нижней развилке Меси (в стороне от Форума Тавра), подражая форуму Траяна в Риме, с тройной триумфальной аркой, сооруженной в виде восьмиколонной конструкции (о более поздних памятниках IV–IX вв. см.: Bardill 2004: 28–39). Все это частично сохранилось на месте. В центре форума находилась почитаемая колонна винтообразной формы, фрагменты которой сохранились до сих пор, увенчанная серебряной конной статуей. Форум Аркадия, построенный поверх бывшего форума Вола на той же улице, вероятно, имел винтообразную колонну, возведенную в 402 г. и украшенную статуей императора, установленной его сыном Феодосием II в 421 г. Колонна была разрушена в 704 г., от нее осталось лишь сильно разрушенное основание, но она известна по зарисовкам (Müller-Wiener 1977: 250–3). Еще одна колонна, возведенная Маркианом (450–457 гг.), все еще стоит, располагаясь у северного ответвления Меси. Ее венчала крупная коринфская капитель, которая некогда несла на себе статую сидящего императора. На ее основании сохранилось потертое изображение Ники.

Кроме того, императорские статуи сооружали в городе и позднее, к примеру, конная статуя Юстиниана, а еще раньше – Феодосия I или II, стоявшая в Августеоне на кирпичной колонне, покрытой латунными пластинами (Mango 1993: nos. X and XI). По мнению Кирилла Мэнго, она была установлена в районе Северова Тетрастоона (Tetrastoon) в четырехсторонней крытой аллее (Mango 1959: 43–7). Со времен Константина город украшали использовавшимися ранее в других городах статуями, собираемыми со всей империи с целью показать всю неповторимость и щедрость нового города и представить различную скульптурную тематику (Gilles 1729; Mango 1963; Saradi-Mendelovici 1990; Basset 2005).

Рис. 1. Стены Константинополя

Напольные стены были возведены на их нынешнем месте, на расстоянии около 1,5 км от Константиновой стены при Феодосии II в 412–413 гг., хотя основание им заложил Аркадий в 405 г. Это сооружение длиной 6,5 км, состояло из внешней и внутренней стен, каждая с рядом башен, перемежающихся чередой ворот, как общественных, так и военных, и крепостного рва с водой (Van Millingen 1899; Müller-Wiener 1977: 286–319; Crow 2007). Линия северного промежутка стены изменилась при Ираклии (610–41 гг.) и Мануиле I (1143–80 гг.). Золотые ворота, возможно, были построены немного ранее самой стены, Феодосием I в 390 г. и являлись тройной триумфальной аркой с пилонами по бокам (Bardill 1999a). Внешняя стена имела одинарные ворота, украшенные античными рельефами. Стены также тянулись вдоль всего морского побережья, окаймляя Пропонтиду и Золотой Рог.

К началу V в. город был обустроен полностью (Janin 1964; Mango 1986). Общественные памятники в большинстве своем прекратили строить к началу VII в. С того времени имперское строительство было сосредоточено на дворцах, церквях и монастырях. Продолжение библиографии по этой теме см.: Müller-Wiener 1977.

Дворцы

Строительство Большого императорского дворца было начато Константином. Его использовали до 1204 г. и в течение короткого периода после 1261 г. (Ebersolt 1910; Brett 1947; Guiland 1969, vol. 1: 1–248; Talbot Rice 1933 и 1958; Magdalino 1996; Bardill 1999b; см., также глава III.9.1. Император и двор). Первоначально в состав комплекса входили различные здания: несколько общественных, несколько частных, таких как караульные помещения, залы, столовые, часовни, площадки для игр, протянувшиеся на юго-восток от ипподрома. Главный вход, известный как Халка (Chalke), вел с Меси на юго-востоке от храма св. Софии (Mango 1959). Юстиниан восстановил Халку после того, как они¹ были разрушены во время бунта «Ника!» в 532 г. Частично сохранившиеся обширные мозаичные полы также были работой Юстиниана (Jobst and others 1999). Магнавра была церемониальным залом, украшенным тронном Соломона в центральной апсиде и могла, согласно Мэнго, в прежние времена служить залом заседания сената (Mango 1959: 57–8). Юстин II возвел Хрисотриклин (Chrysotriklinos) или Золотой зал, использовавшийся как тронный зал.

Различные строения были добавлены или восстановлены между VII и IX вв., в том числе Магнавра была переоборудована Ираклием, а новые резиденции, Кенургий и Пентакувуклий, церковь Неа-Экклесиа, часовни, площадка для игры в поло закончены при Василии I. В дальнейшем строительство предпринимал Мануил I, создавший зал, украшенный сценами его побед (Magdalino 1978: 101–14). Дворец постепенно пришел в упадок, его перестали использовать и ремонтировать. Фасад, выходящий в сторону моря, часть дворца Вуколеон, все еще стоят, так же как и стена, идущая на север от приморской стены со стороны башни-маяка (Guiland 1969, vol. 1: 262–72).

¹ Ворота – прим. переводчика.

Дворец Гормисда был построен во времена Константина Великого, заселен и восстановлен Юстинианом в эпоху, предшествующую его приходу к власти, и присоединен им к Большому императорскому дворцу. В 565 г. дворец превратили в монастырь (Guilland 1969, vol. 2: 294–333).

Дворец во Влахернах, расположенный у священного источника, близ городской стены, стал главной резиденцией со времен Алексея I (1081–1118 гг.), хотя императорский дом находился там, начиная с V в., соединенный с храмом Богородицы (Janin 1964: 125–7). Его точное место расположения сейчас достоверно неизвестно.

Остатки дворца, расположенного рядом, между внутренней и внешней напольными стенами, известного как Текфур Сарай (Tekfur Sarayı, Дворец владыки), принадлежал Палеологам. В нем был нижний ярус колонн, два верхних этажа, богато украшенного узорами из кирпича.

Второй дворец был основан в Мангане на восточной стороне холма Акрополя. Константином IX там были построены монастырь св. Георгия, больница, начальная школа и дворец (Psellos, *Chronographia* (ed. Impellizzeri), vol. 2: 132, § 185.3), там же сейчас расположено и все, что от него осталось (Demangel and Mamboury 1939: 19–37; Oikonomides 1980–1). Константин IX еще более отстроил монастырь и был похоронен там в 1055 г. В XIV в. там хранились реликвии страстей Христовых.

Известно, что существовали и многие другие императорские дворцы (Janin 1964: 106–53). Подобным же образом для аристократии также было выстроено много зданий, немногочисленные остатки которых сохранились до наших дней (Bardill 1997).

Развлечения

Ипподром был центром спортивных развлечений, но также и городским центром, используемым для оглашения императорских воззваний, проведения триумфов, а равно и казней (Guilland 1969, vol. 1: 369–595). Карцеры (*carceres*), имели двенадцать ворот в направлении северо-востока и башню, на которой была расположена квадрига из позолоченной бронзы, лошади которой сейчас находятся в Сан-Марко в Венеции. Сфендон (*sphendone*), закругленный конец строения, все еще сохранился на юго-западе, обнаруживая массивный фундамент, выстроенный с целью расширения беговых дорожек. Места на трибунах, изначально сделанные из дерева, но замененные на мрамор Юстинианом, окружали ипподром со всех сторон за исключением стороны ворот, а портик с колоннадой простирался над сиденьями. Предполагается, что ипподром мог вместить до 80 000 человек, в том числе на местах для стояния (см., также глава III.13.5 Развлечения, театр и ипподром). Спина (*spina*), длинная центральная терраса, была украшена серией памятников и скульптурой с водными аттракционами. На ней все еще стоят три византийских памятника: обелиск Феодосия, являющийся египетским обелиском Тутмоса III, возведенный на мраморном основании с рельефами по четырем сторонам, изображающими императора и его окружение на ипподроме (см.: рис. 1, Постамент египетского обелиска, Ипподром,

Стамбул (390 г. н. э.), с. 152), Змеиная колонна из Дельф, прежде часть памятника победы в честь битвы близ Платеи против персов в 479 г. до н. э. и каменный обелиск, надпись на котором гласит, что он был повторно украшен бронзовыми пластинами не позднее, чем в эпоху Константина VII. Скульптуры обрамляли также и Спину, в их числе – статуя возничего Порфирия, два основания которой находятся в Стамбульском Археологическом музее.

Кафисма (*kathisma*) или императорская ложа была расположена на юго-восточной стороне от беговых дорожек и попасть в нее можно было прямо из дворца по винтовой лестнице. Часть ипподрома сгорела в 1203 г. Гравюра, созданная О. Панвинио, изображает его состояние в 1480 г. (Müller-Wiener 1977: fig. 48).

С северо-востока к ипподрому примыкали бани Зевкsipпа (*Zeuxippos*), выстроенные Константином и украшенные античными статуями, от которых были обнаружены два постамента.

Церкви

До Константина город был в большинстве своем языческим и, по всей видимости, имел мало церквей. На 430 г. существуют сведения о четырнадцати из них. В V в. было построено несколько обширных храмов и Юстиниан (527–565 гг.), по утверждению Прокопия, выстроил или восстановил около 20 церквей. Василий I (867–886) предпринял схожую кампанию по реставрации и строительству целой сотни храмов, согласно его *Vita*. С XII в. императорская семья и аристократия были склонны строить церкви при монастырях. Всего, как известно из источников, имелось около 500 церквей различного назначения (Janin 1969: XI–XIII), но в дальнейшем их число сократилось до наиболее значимых из числа сохранившихся. О церквях и монастырях (ниже) см.: Van Millingen 1912; Ebersolt and Thiers 1913 и Janin 1969. Расширенную библиографию можно найти у Мюллера-Винера (Müller-Wiener 1977). Фотографии см.: Mathews 1976.

Византий имел маленькую церковь, известную на тот момент (337 г.) как Старая Церковь, или Церковь св. Ирины (Айя Ирини, *Aya Irini*). Сгоревшая в 532 г., она была перестроена и расширена Юстинианом в виде купола, возвышающегося над базиликой (Preschlow 1977). Храм был поврежден землетрясением в 740 г. и частично восстановлен, вероятно, в правление Константина V (741–775 гг.), и известен своим простым мозаичным крестом на золотом фоне в апсиде. Прочего декора осталось немного.

Константин также построил свой собственный мавзолей св. Апостолов – прямо внутри городской стены, немного к северу от северной ветви Меси. Согласно Евсевию, он также служил и мемориумом св. Апостолам, к которым Константин причислял себя тринадцатым (Epstein 1982). Констанций добавил крестообразную базилику, которая была перестроена Юстинианом в 550 г. с дополнительным мавзолеем, а восстановлена и украшена мозаикой Василием I. В течение недолгого времени после 1453 г. там заседал Патриархат, потом она была разрушена, а сейчас является поселком Фатих Ками (*Fatih Camii*).

Храм св. Софии (Айя София, *Aya Sofia*), поначалу относившийся к Великой Церкви (*Megale Ekklesia*), был полностью достроен в правление Констанция

Рис. 2. Внешний вид храма св. Софии (середина XIX в.) (Fossati)

в 360 г. как крытая деревом базилика и в 430 г. стал известен как храм св. Софии (Whittemore 1933–52; Mango 1962; Van Nice 1965–86; Cormack and Hawkins 1977; Mainstone 1988). Он был сожжен в 404 г. во время восстания по причине ссылки Иоанна Хрисостома (Златоустого) и восстановлен Феодосием II к 415 г. Фрагменты портика с колоннадой были обнаружены во время раскопок (Schneider 1941). Базилика Феодосия была разрушена во время восстания «Ника!» в 532 г., и непосредственно перестроена в правление Юстиниана Анфимием из Тралл и Исидором из Милета и завершена к 537 г. (Prok. *Buildings* 1. 1. 21–78). Здание спроектировано как крайне претенциозная куполообразная базилика: размеры купола 31 м в диаметре, а сама базилика просторная, прямоугольной формы, размерами 78×72 м, подразделяющаяся на неф и два придела аркадами с северной и южной стороны и имеющая трехстороннюю галерею. От внутренней отделки осталась мраморная облицовка времен Юстиниана, а мозаичная декорация, которая, похоже, была полностью нефигурной, сохранилась в нартексе и приделах. Мозаики постиконоборских времен в апсиде изображают Богородицу с Младенцем, двух Архангелов в арке вимы, св. пророков и отцов Церкви в тимпане, Христа на троне в нартексе, императорские портреты и Деисис в южной галерее. Купол был отремонтирован и укреплен в 558 г., купол и западная арка отремонтированы в 989 г. после землетрясения, купол и восточная арка восстановлены в 1353 г., а контрофорсы были добавлены в 1317 г.

Церковь Богородицы в Халкопатии (медный рынок) считается основанной Пулхерией (399–453 гг.), сестрой Феодосия II, и восстановлена Вериной

Рис. 2. Внутренний вид храма св. Софии (середина XIX в.) (Fossati)

(ум. 484 г.), женой Льва I. И сегодня ее апсида и части северной и южной стен базилики остаются на своем месте к западу от храма св. Софии (Mango 1969–70: 369–72). Здание было восстановлено Юстином II (565–578 гг.) и Василием I (867–886 гг.), в нем хранился знаменитый пояс Богородицы и икона Христа Антифонита (Antiphonetes).

Церковь Богородицы во Влахернах была основана императрицей Вериной в 468–470 гг. и хранила мафорий (*maphorion*) – «честную ризу» Богородицы. Церковь была восстановлена в 1070 г. после пожара и снова разрушена пожаром в 1434 г.

Месторасположение церкви св. Ефимии на ипподроме было идентифицирована в 1939 г. по найденным фрескам с изображением житийных сцен на ее разрушенных стенах. Похоже, что часть дворца Антиоха V в. была в VI в. преобразована в церковь. С восточной стороны к нишам шестиугольной формы был добавлен алтарь.

Церковь св. Сергия и Вакха (Кучук Айясотфия Ками, *Küçük Ayasofya Camii*) расположена у приморской стены, в бывшем дворце Гормисда и примыкает к ныне утраченной церкви Петра и Павла (Mathews 1971: 42–51). Она была построена Юстинианом и Феодорой, предположительно в 530–536 гг, хотя предлагалась и более ранняя дата (Mango 1975; Bardill 2000). Согласно Мэнго, она была возведена сирийскими монахами-монофизитами. Надпись на архитраве – посвящение. Дизайн представляет вычурную, октагональную в два этажа аркаду, поддерживающую нововведение – купол в форме тыквы. Он установлен поверх прямоугольника, являющегося неправильным из-за ранее существовавших с другой стороны зданий.

Церковь св. Полиевкта была построена богатой аристократкой Аницией Юлианой, вероятно, между 524 и 527 гг. возле ее дворца. Это стало известно из текста, украшавшего внешнюю и внутреннюю стороны церкви (*Anth. Gr.* 1. 16) и описывающего ее попечителей и связь этого здания с храмом Соломона. Части надписи были обнаружены в 1960 г. (теперь находятся в Археологическом музее), что привело к раскопкам под руководством Мартина Харрисона (Harrison 1986). Они позволили обнаружить фундамент здания и реконструировать церковь, имевшую широкие экседры, окаймлявшие неф, украшенный изображения-

ми павлинов и надписью. Недавние исследования наводят на мысль о том, что она имела традиционную плоскую крышу (Bardill 2006). К 1204 г. церковь, похоже, обветшала, и подобно «*Pilastri Acritani*», стоящими за Сан-Марко в Венеции, была перенесена с этого места.

Неа-Экклесия, расположенная в окрестностях Большого императорского дворца, была выстроена к 880 г. Василием I. Она имела пять куполов и была великолепно украшена, как описано это в *Vita Basilii* (Ebersolt 1910: 130–5; Magdalino 1987).

Церковь, которая могла быть посвящена св. Деве Марии Кириотиссе (Календерхан Ками, *Kalenderhane Camii*) вплотную прилегает к восточной части акведука Валента. В ходе раскопок под восточным углом VI в. крестовидной церкви, датируемой концом XII в., обнаружены бани IV–V вв. (Striker and Kuban 1967, 1968, 1971, 1975, 1997). Она украшена мраморной облицовкой в нижней части и рельефной скульптурой. Мозаика VII в., представляющая событие Сретения Христа в Иерусалимском храме и фрески, обнаруженные в часовни на юго-востоке (дата создания – 1250 г., относится к периоду латинской оккупации), изображающие жизнь св. Франциска, находятся в Археологическом музее. Посвящение, как предполагалось, изображению св. Девы Марии Кириотиссы обнаружено над дверью в нартексе.

Монастыри

Первый монастырь в Константинополе датируется IV в., но к началу VI в. их было там, похоже, уже более семидесяти, а Жанен считает, что в столице и пригородах в течение византийского периода, возможно, существовало около 345 различных монастырей и что восемнадцать из них еще действовали в 1453 г. (Janin 1969: XIII–XIV). Жанен приводит исчерпывающий список, ниже он сокращен, с единственным исключением, до наиболее важных, еще сохранившихся в каком-либо виде.

Стены, аркада и части нартекса церкви монастыря св. Иоанна Крестителя Студита (Имрахор Ками, *Imrahor Camii*) все еще существуют и расположены к востоку от Золотых Ворот. Церковь была основана в 453/454 г., а вскоре был выстроен и монастырь римским патриkiem Студием. По форме храм представляет собой базилику с многоугольной апсидой, криптой, нартексом и атриумом. Нартекс имеет тщательно разработанный, сложный антаблемент и коринфские колонны. Во всем нефе, состоящем из трех частей, из северной аркады сохранились шесть зеленых античных колонн, изначально имевших два этажа. Сохранились части художественно оформленного секционного пола. Игумен Феодор Студит (798–826 гг.) твердо отстаивал позиции иконопочитателей и монастырь стал центром искусства и науки. К концу XV в. он был превращен в мечеть и получил жесточайшие повреждения во время землетрясения в 1894 г.

Монастырь Одигон располагался к востоку от св. Софии на направленном к морю склоне, и церковь, как говорят, основанная Пульхерией, позднее хранила икону Богородицы Одигитрия, изображение, которое по преданию было написано св. Лукой. Название монастыря (Путеводителей), похоже, пошло от

монахов, провожавших слепых паломников к чудотворному источнику. Монастырь функционировал до IX в. и, возможно, был построен Михаилом III и восстановлен в XII в. Позже в нем был устроен престижный скрипторий, который использовался василевсами династии Палеологов.

Монастырь Мирелион (Бодрум Ками, Bodrum Camii) был основан в 920 г. как женская обитель Романом I Лекапином (920–944 гг.). В него входит крестово-купольная церковь, надстроенная над нижним этажом и прилегающая к особняку, сооруженному над ротондой V в. (Striker 1981). Его использовали для погребений, а позже, ближе к концу XV в., превратили в мечеть.

Монастырь Липса (Фенари Иса Ками, Fenari Isa Camii) находится в долине Ликоса около той местности, где расположена церковь св. Апостолов, и был, возможно, восстановлен Константином Липсом (Macridy 1964). Главная церковь, посвященная св. Деве Марии, была, как предполагалось, торжественно открыта в 908 г. (Mango and Hawkins 1964). Ее покровитель упоминался в памятной надписи (Van Millingen 1912: 131). Церковь имеет крестово-купольную форму (колонны были заменены арками) с часовнями на крышах и сохраняет прекрасную рельефную скульптуру. Феодора, после смерти ее мужа, Михаила VIII (1259–1282 гг.), продолжила восстановление монастыря и выстроила вторую церковь как мавзолей, выходящий на юг и посвященный св. Иоанну Крестителю. В настоящее время монастырь, типикон которого сохранился, используется монахинями и имеет больницу.

От монастыря Пантократора¹ (Зейрек Ками, Zeyrek Camii), расположенного с видом на Золотой Рог, остались две церкви с часовней между ними (Megaw 1963; Ousterhout and others 2000; Ousterhout 2001). Монастырь и южная церковь, посвященные Пантократору, были основаны Ириной, женой Иоанна II (1118–43), в 1120 г. После ее смерти в 1124 г., Иоанн возвел церковь с северной стороны, посвященную св. Деве Марии Елеусе (Eleousa) и, наконец, погребальную часовню, примыкающую к обоим зданиям и посвященную Архангелу Михаилу. Ирина, Иоанн и их сын Мануил (чья могила находится за плитой, на которой, по преданию, лежал снятый с креста Христос) были похоронены там же, как и Мануил II и Иоанн VIII в XV в. Обе церкви являются крестово-купольными. Южная церковь все еще сохраняет свой пространный, художественно оформленный секционный пол, а северная – несколько примеров рельефной скульптуры. Монастырь был очень обширный и включал странноприимный дом, больницу и приют для душевнобольных. На протяжении Латинской оккупации (1204–1261 гг.) он находился под венецианским контролем и был сожжен в 1261 г., но потом восстановлен.

Церковь Спасителя в Хоре (Карие Ками, Kariye Camii) – монастырская церковь, расположена на северо-западе, возле крепостной стены и известна своими мозаиками и росписью, созданными на протяжении ее реставрации между 1316 и 1321 гг. Федором Метохитом (Underwood 1966–75; Ousterhout 1987). Ее истоки неясны. Монастырь был восстановлен Марией Дукиней, тещей Алексея I, и ее внуком Исааком Комнином, когда церковь и приобрела форму выразительного

¹ Вседержителя – прим. переводчика.

греческого креста. Купол, нартексы и парекклесий (*parekklesion*) к югу от церкви были восстановлены в правление Метохита. Внешний нартекс был украшен мозаиками, изображающими Рождество Христово, а средний и внутренний – сценами из апокрифического жития св. Девы Марии, а также изображением Метохита с крестом и Деисисом, с Исааком Комнином и монахиней по имени Мелания. Мозаики сцены Успения (*Koimesis*) Богородицы, Христа и Богородицы с Младенцем остаются в нефе. На росписи парекклесия – поразительное изображение Св. Воскресения Христова в апсиде, Страшный Суд на сводах, различные святые и библейские сцены, равно как и погребальные портреты. Церковь стала мечетью в начале XVI в., а теперь – это музей.

Церковь Богородицы Паммакаристос (*Theotokos Pammakaristos*, Богородицы Радостной) (Фетхи Ками, *Fethiye Camii*) расположена к юго-востоку от монастыря Хора (*Belting, Mango, and Mouriki 1978*). Присоединенная к монастырю, она была основана в XII в. Иоанном Комнином и его женой Марией Дукиней и к концу XIII в. перестроена военачальником Михаилом Тарханиотом Главом. После его смерти приблизительно в 1305 г., вдова Михаила, Мария выстроила четырехколонный парекклесий с двухэтажным нартексом на юг, где разместила погребальную часовню и украсила ее очень красивой мозаикой, которая частично сохранилась. В 1455–1587 гг. это место служило резиденцией Патриархата, а потом стало мечетью. Чтобы стать мечетью, церковь была сильно изменена, а парекклесий отреставрировали как музей.

Система водоснабжения, порты и зернохранилища

Город Константинополь мог процветать только при условии обильных поставок свежей воды, доступности портов и достаточного количества амбаров для хранения хлеба. Записи относятся к акведуку, построенному Адрианом, по которому вода протекала из Белградского леса в старинную часть города на высоте около 35 м. Обширный акведук, выстроенный Валентом (*Bozdödan Kemer*), снабжал Константинополь водой, поступавшей из Визы, располагавшейся в 250 км к западу. Эта система протянулась на высоте около 65 м и использовалась вплоть до XII в. От всей этой сложной системы водоснабжения сохранилось более 150 крытых цистерн и резервуаров, наиболее впечатляющая из которых Цистерна Базилика (Иерибатан Сарай, *Yerebatansaray*) (*Crow and Bayliss 2005*).

Торговля в городе зависела от четырех главных портов: Просфория (*Prosphorion*) и Неория (*Neorion*) (морской верфи) на Золотом Роге и двух искусственных портов на побережье Мраморного моря, построенных Юлианом и Феодосием I (*Magdalino 2000*). Оба вида продовольствия, поставляемые государством, доставлялись из портов на продовольственные склады (*annona*) (хлеб, вино и масло раздавали в городе до VII в.), а пища, продаваемая частным образом, поставлялась на товарные склады (*horrea*), а потом – в булочные, магазины, на рынки (*macella*), которые обычно располагались около форумов и рынка Стратигия (*Strategion*) (*M. Mango 2000*). В двух зернохранилищах возле Мраморного моря, Александрийском и Феодосианском, содержалась часть хлеба из Египта, тогда

как еще часть хранилась в трех амбарах на севере у Стратигия и порта Просфорий. Масло также хранилось неподалеку, в Масляном складе (Νοττεια Ολεια). С VI в. порт Юлиана, которой позднее суждено было получить название порта Софии в честь жены Юстина II, становится все более важной, по причине засорения портов на Золотом Роге. Начиная с XI в. и далее происходит оживление последних благодаря торговле с Венецией, Пизой и Генуей (Magdalino 2000).

ЛИТЕРАТУРА

- BARDILL, J. 1997. 'The Palace of Lausus and nearby monuments in Constantinople: a topographical study', *AJA* 101: 67–95.
- 1999a. 'The Golden Gate in Constantinople: a triumphal Arch of Theodosios I', *AJA* 103: 671–96.
- 1999b. 'The Great Palace of the Byzantine Emperors and the Walker Trust Excavations', *JRA* 12: 217–30.
- 2000. 'The Church of Sts Sergius and Bacchus in Constantinople and the Monophysite refugees', *DOP* 54: 1–12.
- BARDILL, J. 2004. *Brickstamps of Constantinople*, 2 vols. (Oxford).
- 2006. 'A New Temple for Byzantium: Anicia Juliana, King Solomon and the gilded ceiling in the Church of St Polyeuktos in Constantinople', in W. Bowden, A. Gutteridge, and C. Machado (eds.), *Social and Political Life in Late Antiquity* (Leiden): 339–70.
- BASSETT, S. 2005. *The Urban Image of Late Antique Constantinople* (Cambridge).
- BELTING, H., MANGO, C. and MOURIKI, D. 1978. *The Mosaics and Frescoes of St Mary Pammakaristos (Fethiye Camii) at Istanbul* (Washington, DC).
- BRETT, G. 1947. *The Great Palace of the Byzantine Emperors* (Oxford).
- CORMACK, R., and HAWKINS, E. J. W. 1977. 'The Mosaics of St. Sophia at Istanbul: the rooms above the southwest vestibule and ramp', *DOP* 31: 175–251.
- CROW, J. 2007. 'The infrastructures of a great city: earth, walls and water in late antique Constantinople', in *Technology in Transition, AD 300–650* (= *Late Antique Archaeology* 4): 251–85.
- and BAYLISS, R. 2005. 'Water for the Queen of Cities: a review of recent research in the Byzantine and early Ottoman water supply of Constantinople', *Basilissa* 1: 28–49.
- DARK, K. 2004. 'Houses, streets and shops in Byzantine Constantinople from the fifth to twelfth Centuries', *Journal of Medieval History* 30: 83–107.
- DEMANGEL, R., and MAMBOURY, E. 1939. *Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople* (Paris).
- EBERSOLT, J. 1910. *Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies* (Paris).
- and THIERS, A. 1913. *Les Églises de Constantinople* (Paris).
- EPSTEIN, A. 1982. 'The rebuilding and redecoration of the Holy Apostles in Constantinople: reconsideration', *GRBS* 23: 79–92.
- GILLES, P. 1729. *The Antiquities of Constantinople*, trans. J. Ball (London).
- GUILLAND, R. 1969. *Études de topographie de Constantinople byzantine*, 2 vols. in 1 pt. (Amsterdam).

- HARRISON, R. M. 1986. *Excavations at Saraçhane in Istanbul*, vol. 1: *The Excavations, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones, and Molluscs* (Princeton).
- JANIN, R. 1964. *Constantinople byzantine: développement urbain et répertoire topographique* (Paris).
- 1969. *La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin*, I: *Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique*, 3: *Les églises et les monastères* (Paris, 2nd edn.).
- JOBST, W., KASTLER, R., and SCHEIBELREITER, V. 1999. *Neue Forschungen und Restaurierungen im byzantinischen Kaiserplast von Istanbul* (Vienna).
- MACRIDY, T., with contributions by A. H. S. MEGAW, C. MANGO, and E. J. W. HAWKINS. 1964. 'The Monastery of Lips (Fenari Isa Camii) at Istanbul', *DOP* 18: 249–315.
- MAGDALINO, P. 1978. 'Manuel Komnenos and the Great Palace', *BMGS* 4: 101–14.
- 1987. 'Observations on the Nea Ekklesia of Basil I', *JÖB* 37: 51–64.
- 1996. *Constantinople Médiévale: études sur l'évolution des structures urbaines* (Paris).
- 2000. 'The maritime neighborhoods of Constantinople: commercial and residential functions, sixth to twelfth centuries', *DOP* 54: 209–26.
- 2002. 'Medieval Constantinople: built environment and urban development', in *EHB*: 529–37.
- MAGUIRE, H. 2000. 'Gardens and parks in Constantinople', *DOP* 54: 251–64.
- MAINSTONE, R. J. 1988. *Hagia Sophia: Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church* (London).
- MANGO, C. 1959. *The Brazen House: A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople* (Copenhagen).
- 1962. *Materials for the Study of the Mosaics of St. Sophia at Istanbul* (Washington, DC).
- 1963. 'Antique statuary and the Byzantine beholder', *DOP* 17: 55–75.
- 1969–70. 'Notes on Byzantine monuments', *DOP* 23–4: 369–75; repr. in Mango 1993: no. XVI.
- 1975. 'The Church of Sts Sergius and Bacchus once again', *BZ* 68: 385–92; repr. in Mango 1993: no. xiv.
- 1985 (repr. 1990). *Le développement urbain de Constantinople: IVe–VIIe siècles* (Paris).
- 1986. 'The development of Constantinople as an urban centre', *17th International Byzantine Congress. Major Papers* (New York): 117–35; repr. in Mango 1993: no. 1.
- 1993. *Studies on Constantinople* (Aldershot).
- 2000. 'The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate', *DOP* 54: 173–88.
- and HAWKINS, E. 1964, 'The Monastery of Lips (Fenari Isa Camii): additional notes', *DOP* 18: 299–301.
- MANGO, M. MUNDELL 2000. 'The commercial map of Constantinople', *DOP* 54: 189–207.
- 2001. 'The porticoed street at Constantinople', in N. Necipoğlu, (ed.), *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life* (Leiden): 29–52.
- MATHEWS, T. F. 1971. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy* (University Park, Pa.).
- 1976. *The Byzantine Churches of Constantinople: A Photographic Survey* (University Park, Pa.–London).
- MEGAW, A. H. S. 1963. 'Notes on recent work of the Byzantine Institute in Istanbul', *DOP* 17: 335–64.
- MÜLLER-WIENER, W. 1977. *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls* (Tübingen).

- Notitia urbis Constantinopolitanae* 1876. In O. Seeck (ed.), *Notitia Dignitatum* (repr. 1962; Frankfurt).
- OIKONOMIDES, N. 1980–1. ‘St George of the Mangana, Maria Skleraina and the “Malyj Sion” of Novgorod’, *DOP* 34–5: 239–46.
- OUSTERHOUT R. 1987. *The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul* (Washington, DC).
- 2001. ‘Architecture, art and Komnenian ideology at the Pantokrator Monastery’, in N. Necipoğlu (ed.), *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life* (Leiden): 133–50.
- AHUNBAY, Z., and AHUNBAY, M. 2000. ‘Study and restoration of the Zeyrek Camii in Istanbul: first report, 1997–98’, *DOP* 54: 265–70.
- Parastaseis* 1984. A. M. Cameron and J. Herrin (eds.), *Constantinople in the Early Eighth Century: The Parastaseis Syntomoi Chronikai* (Leiden).
- PESCHLOW, U. 1977. *Die Irenenkirche in Istanbul: Untersuchungen zur Architektur* (Tübingen).
- SARADI-MENDELOVICI, H. 1990. ‘Christian attitudes to pagan monuments in late antiquity and their legacy in later Byzantine centuries’, *DOP* 44: 47–61.
- SCHNEIDER, A. M. 1941. *Die Grabung im Westhof der Sophienkirche zu Istanbul* (Berlin).
- STRIKER, C. L. 1981. *The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul* (Princeton).
- and KUBAN, Y. D. 1967. ‘Work at Kalenderhane Camii in Istanbul: first preliminary report’ (1967); ‘Second preliminary report’ (1968); ‘Third and fourth preliminary reports’ (1971); ‘Fifth preliminary report’ (1975). *DOP* 21: 267–71; 22: 185–93; 25: 251–8; 29: 306–18.
- eds.) 1997. *Kalenderhane in Istanbul: The Buildings, their History, Architecture, and Decoration. Final Reports on the Archaeological Exploration and Restoration at Kalenderhane Camii 1966–1978* (Mainz).
- TALBOT, A.-M. 1993. ‘The restoration of Constantinople under Michael VIII’, *DOP* 47: 243–62.
- TALBOT RICE, D. 1933. ‘Excavations at Bodrum Camii’, *Byzantion* 8: 151–74.
- 1958. *The Great Palace of the Byzantine Emperors: Second Report* (Edinburgh).
- UNDERWOOD, P. A. 1966–75. *The Kariye Djami*, 4 vols. (New York–Princeton).
- VAN MILLINGEN, A. 1899. *Byzantine Constantinople: The Walls of the City and Adjoining Historical Sites* (London).
- 1912. *Byzantine Churches of Constantinople: Their History and Architecture* (London).
- VAN NICE, R. L. 1965–86. *St. Sophia in Istanbul: An Architectural Survey* (Washington, DC).
- WHITTEMORE, T. 1933–52. *The Mosaics of St. Sophia at Istanbul*, 4 vols. (Oxford).

ЧАСТЬ II

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА МИРА: ЛАНДШАФТ, ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

II.3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА

Глава II.3.1 ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Марк Уиттоу

География – ключ к истории византийского мира. Она определила стратегические возможности и слабости страны; ограничила количество ресурсов, которые империя и ее обитатели могли извлечь и использовать; обусловила способ перемещения товаров и людей. Римская империя в VI в. – Византия до распространения ислама – представляла собой в основном Восточную половину Римской империи IV и V вв. с дополнением в виде различных территорий в центральном и западном Средиземноморье. Ее центральные территории были расположены на Востоке: Балканский полуостров, Анатолия, западное Закавказье, Левант, северная Месопотамия, Египет. Задолго до конца своего существования в 1453 г. большая часть этих территорий империей была утрачена, но даже в свои последние два столетия Византия продолжала существовать на географически обширном пространстве.

Средиземноморье?

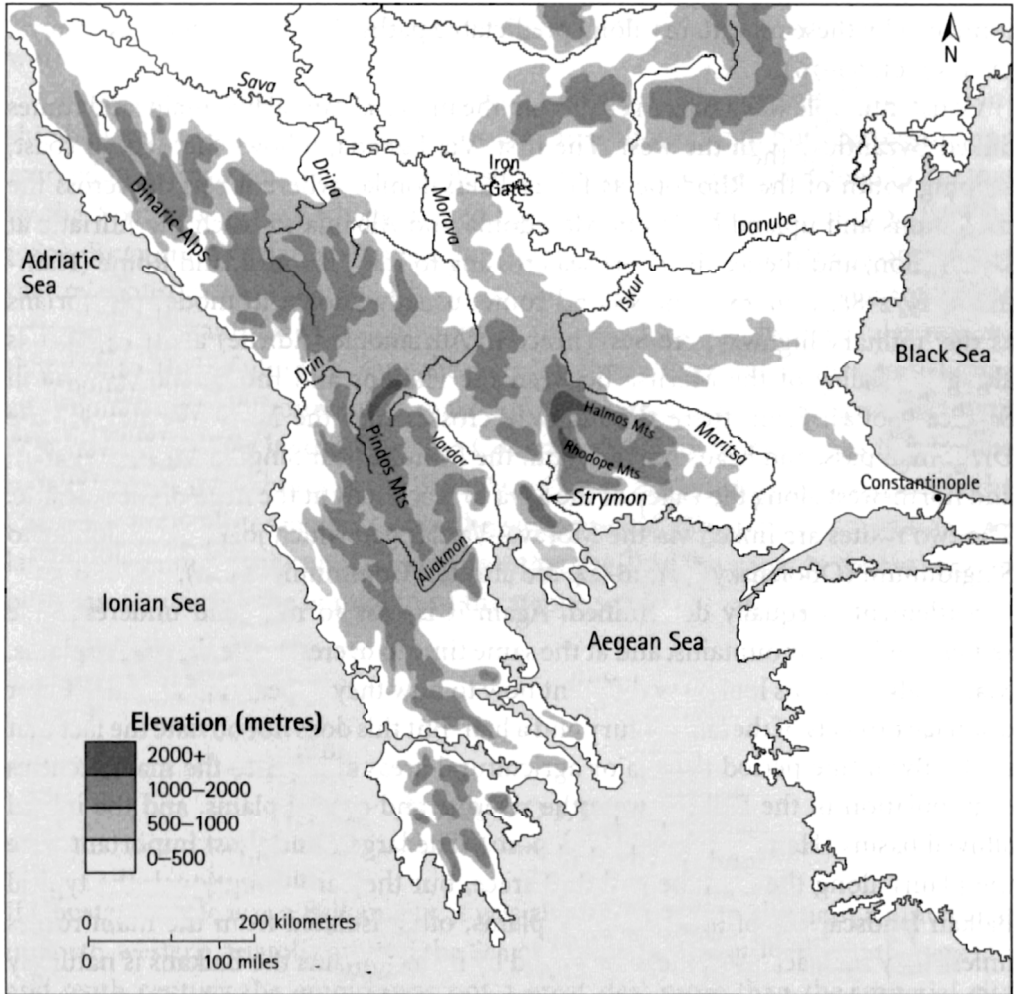
Представить Византийский мир таким образом – значит свести империю к границам Средиземноморского государства. Как географический регион Средиземноморье выделяется своим климатом: горячим и сухим летом, мягкой и влажной зимой (Почти повсеместно в других районах дожди выпадают либо в теплое время года, либо в течение всего года). Оно также характерно своей растительностью, наиболее очевидно – редкостью лесных насаждений и распространенностью кустарника и травяного покрова или же оливами, произрастающими

почти исключительно в пределах данного региона (Grove and Rackhem 2001: 11; Braudel 1972–1973: I, 231–67). В последнее время исследователи Харден и Пюрселл (Harden and Purcell 2000: 9–25) сосредоточили свое внимание на Средиземноморье как скоплении микрорегионов, исключительно разнообразной территории, связанной воедино посредством моря. Любой из этих признаков позволяет рассматривать как «средиземноморские» районы только острова Средиземноморья, побережье Балкан, западную и южную Анатолию и Левант. Завоевания Юстиниана в VI в. подчинили империи значительную часть средиземноморских территорий: Африку (современный Тунис), Сицилию, Италию, Сардинию, Корсику, Балеарские острова и южную Испанию (см. II.3.2b Политико-исторический обзор, 518–800). Если бы Ираклий переместил столицу в Карфаген или же Константин II перенес ее в Сиракузы, это несомненно означало бы создание Средиземноморской империи, но государство со столицей в Константинополе неминуемо приобретало несколько иную направленность, становясь балканским и анатолийским, сухопутным и континентальным настолько же, насколько средиземноморским, приморским и островным (Whittow 1996: 163). Даже побережье Эгейского моря, классическая средиземноморская территория по всем определениям и признакам, была на протяжении большей части существования Византии провинциальным краем, за исключением отдельных периодов, например, от завоевания Крита в 961 г. до веницианских завоеваний, последовавших после 1204 г. (Malamut 1988: 25–104). В последние два столетия своего существования империю во многом можно было отождествить со средиземноморскими территориями, но при том, что на море господствовали итальянцы, Византия эпохи Палеологов скорее находилась в Средиземноморье, нежели сама была Средиземноморской империей (см. II.3.2d Политико-исторический обзор, 1204–1453).

Балканы

Балканский полуостров протянулся от берегов Савы и Дуная на севере до Греции и Пелопоннеса на юге. На западе он омывается Адриатикой и Ионическим морем, на востоке – Черным и Эгейским морями. Наиболее очевидной физико-географической характеристикой полуострова являются значительных размеров горные цепи. На западе горный хребет тянется почти от начала Адриатики до Пелопоннеса. Его северную часть составляет Динарское нагорье, далее к югу – горы Черногории и Албании, еще дальше на юг – гряда Пинда, протянувшаяся за залив Патры до Пелопоннесских гор, которая достигает в конце концов побережья моря у мысов Мани и Малеа. На восточном побережье Балкан изгибается дугой от Железных ворот на Дунае до Черного моря Балканская гряда. На юге в направлении Эгейского моря пролегают горы Родопы (Obolensky 1971: 5–15; Branigan and Jarrett 1969: 320–5, 293–7; Cvijic 1918: 17–35, 47–79).

Ни одна из этих горных цепей, даже Динарское нагорье или Родопы, два наиболее эффективных природных барьера, в строгом смысле слова не являются непроходимой. Также довольно легко забыть о возможности движения вдоль самих этих хребтов, по высокогорным переходам, соединяющим между собой пики и связующим друг с другом пастбища. Этими дорогами в XX в. пользова-

Карта 1. Балканы: физическая география

лись партизаны, так же часто, как в XIV–XV вв. албанские переселенцы. Тем не менее, для большинства населения и, конечно же, для армии, а также для любого, кто попробовал бы пересечь полуостров зимой, способ путешествия и вид транспорта свелись бы к тому, что допустимо в этих горах с их вполне предсказуемыми дорогами (Hammond 1967: 25–7; 1976: 52–3, 59–61, 69–76).

Константинополь был Балканским городом. Из имперской столицы две основные дороги связывали Византию с Западом. Первая, *Via Egnatia*, следовала вдоль побережья Эгейского моря, продолжаясь южнее Родоп до Фессалоники, где живописно пересекала горы и плоскогорья Македонии и Албании, в Диррахии достигая Адриатики; далее следовал короткий переход морем в Италию, Бриндизи и Рим (Hammond 1972–88: i, 19–58). Второй путь, обычно известный современным историкам под названием «Большой военной дороги», пересекал

Фракию до Адрианополя (Эдирне) и далее, проходя вдоль долины Марицы между Балканской грядой и Родопами, достигал Сердики (София). Там дорога, проходя Драгомановым перевалом, пересекала Моравскую долину и направлялась на север, достигая Дуная возле Сингидунума (Белград) и дальше на северо-запад по долине Савы, доходя, наконец, до Италии в верхней части Адриатики. Две дороги были связаны между собой Мораво-Вардарским ущельем, соединяющим Фессалонику и Сингидунум (Obolensky 1971: 16–24; см. также II.4 Коммуникации).

Заселение территорий также было географически обусловлено. И снова легко упустить из виду и недооценить поселения в горах, переоценивая в то же время значение населенных пунктов в долинах. Многие долины Балкан выглядят сейчас совершенно иначе по сравнению с тем, какими были они до осуществления крупных мелиорационных мероприятий полуторовековой давности. Но все это не умаляет того факта, что в византийский период большая часть возделываемых земель и, следовательно, основные населенные находились на Балканах в долинах рек, на побережье и на аллювиальных участках внутри страны. (Hammond 1972–88: i, 9–10). Наиболее обширными и важными были долины вдоль берегов Дуная и во Фракии, но они скорее исключение; типичный Балканский ландшафт образуют намного меньшие долины, зачастую находящиеся в стороне от главных дорог и имеющие разве что выход к морю. Гористый рельеф Балканского полуострова от природы фрагментарен и его фрагменты лишь на время были объединены такой внешней силой, как Римская империя (Obolensky 1971: 5–15; Curta 2006: 415–37).

Степи

На севере Балкан простираются Венгерские долины, в масштабах Европы – крупнейшее равнинное пространство, но если взглянуть шире, лишь крошечный участок необозримой евразийской степной полосы, протянувшейся на восток более, чем на 6000 км, до самого озера Байкал и среднеазиатских границ Китая. Окаймляемые с севера лесами России, а с юга морями, пустынями и горами, степи являются евразийским аналогом американских прерий, особой средой, в которой формировались, населяя ее, особые человеческие сообщества – в данном случае евразийские племена степных кочевников (Chibilyov 2002: 248–66; Taaffe 1990: 30–5; Obolensky 1971: 34–7). Достаточно лишь упомянуть о таких государствах кочевников, как империя гуннов Атиллы или монголов Чингизхана, чтобы представить себе всю значимость степного мира.

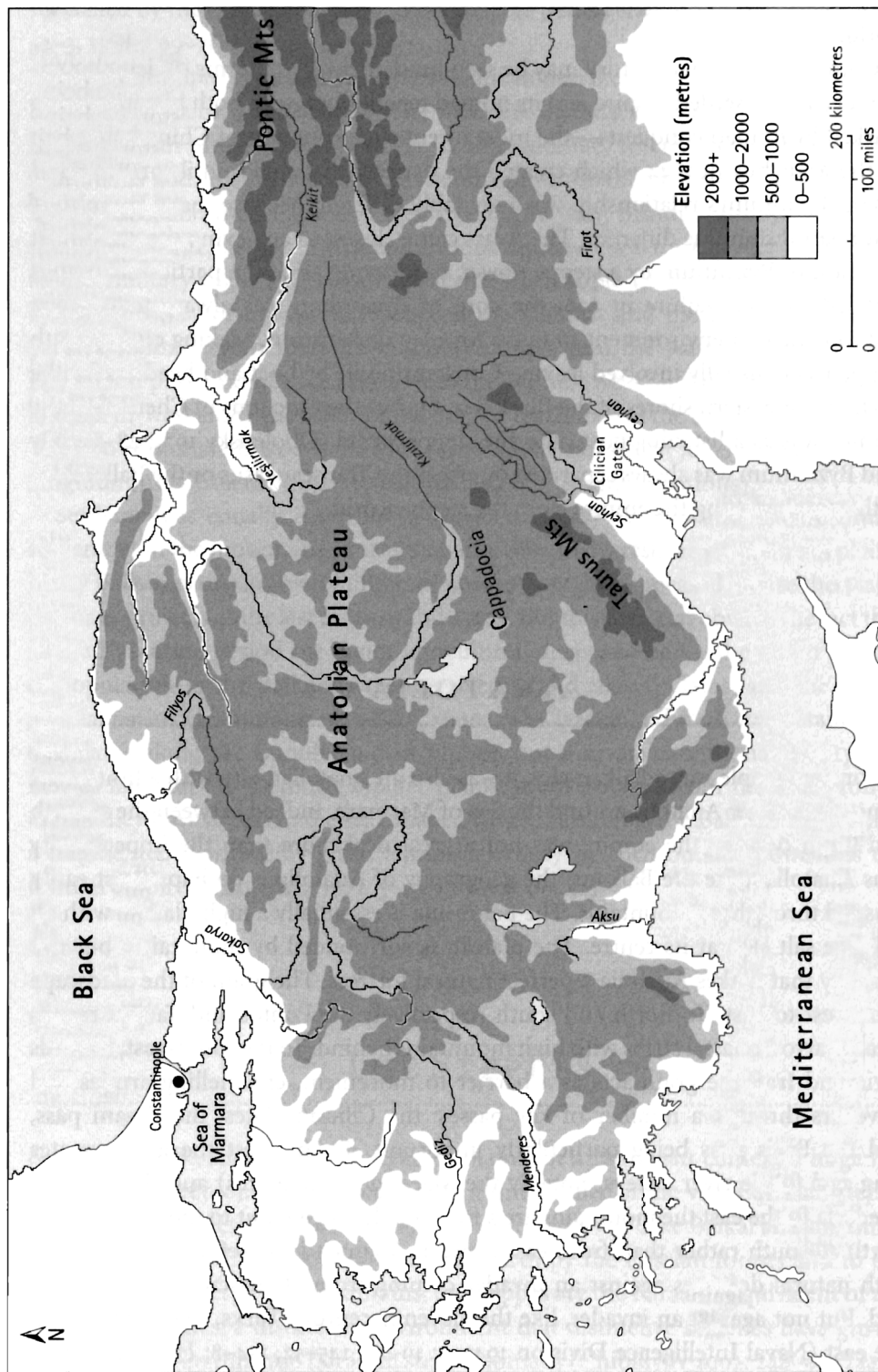
Историю Китая и Персии можно подробно рассмотреть с позиций взаимоотношений оседлых империй с соседями-кочевниками, поскольку истории обеих стран отмечены набегами кочевых племен, – самое недавнее из таких событий – завоевание в 1644 г. Китая манчжурами, основавшими династию, правившую до 1911 г. (Barfield 1989). Отношения Византии с такими народами неизбежно отличались от упомянутых, поскольку и география этих отношений была иной. Авары были наиболее близки к тому, чтобы осуществить аналогичное завоевание Византии степными ордами, но упустили из виду те специфические причины,

которые и привели к их поражению в 626 г.: центр Византии всегда был слишком отдаленным и чуждым окружавшим ее народам, поэтому установить господство над ней было нелегко. Для встречи с правителями степных кочевников обычно необходимо было плыть из Константинополя на судах по направлению к северным или восточным берегам Черного моря. Одной из функций Херсонеса (Херсона) в Крыму было служить пунктом переговоров со степным миром (Obolensky 1971: 28–32). А со стороны суши Византию всегда отделяли либо Балканы, либо Кавказ, в обоих случаях защищая империю от степного мира.

Анатолия

Будучи балканским городом, Константинополь был также городом анатолийским с хинтерландом в северо-западной Анатолии у Мраморного моря. Тем более, что в VII–X вв. империя практически не выходила за пределы столицы и Анатолии. Географию Анатолии, как и Балкан, наверное, наиболее точно и полно передают ее горы. Полуостров в основном представляет собой возвышенность – плато с неплодородным солончаком и соленым озером в центре. Плато окружено горами, но не такими, которые могли бы превратить Анатолию в идеальную крепость природного происхождения. Плато по своему строению протянулось с запада на восток. С севера и юга соответственно Понтийский и Таврийский хребты формируют узкую прибрежную полосу в обрамлении гор. На юго-востоке, со стороны Сирии и Ирака строение ландшафта создает барьер для передвижения, лишь в небольшом количестве пропуская войска и путешественников по нескольким основным перевалам, наиболее важными из которых считаются Киликийские ворота, а также перевалы Эргани и Битлис. На Западе ландшафт формируют протяженные и плодородные речные долины, в том числе долины рек Меандра и Гермеса (Гедиз). Природным барьером являются горы на востоке, но они представляют препятствие, скорее, для движения с севера на юг, чем с востока на запад. Анатолия, таким образом, располагала естественной защитой от вторжений со стороны Дамаска или даже Багдада, но не от вторжений (как то было в XI в.) со стороны турок, прибывших с востока (Naval Intelligence Division 1942–1943: 19–22, 145–152, 154–158; Hüttersoth 1982: 45–95).

Обширнейшие и плодороднейшие сельскохозяйственные угодья находятся в Анатолии на западном и южном побережье; исторически эти районы, с более мягким климатом, нежели само плато, были богатейшими и наиболее густо заселенными территориями полуострова. Многочисленные развалины римских монументальных строений в этом регионе – красноречивое тому свидетельство. Северное побережье столь же плодородно и лучше орошается, но прибрежная полоса между Черным морем и горами по большей части исключительно узка. Кроме того, не следует упускать из виду и значимость остального плато. Определенная и весьма обширная его часть – не более чем суровая, лишенная растительности полупустыня в дождливой тени прибрежных гор, но на плато имеются также и значительные равнинные сельскохозяйственные территории и аллювиальные бассейны, такие, к примеру, как внушительных размеров бассейн реки Кония, и места, где доступность воды может сделать землю очень плодородной. Каппа-

Карта 2. Малая Азия: физическая география

докия – типичный пример территории более плодородной, чем кажется на первый взгляд. Недостаток воды на поверхности можно возместить путем эксплуатации подземных резервуаров, а почву, местами достаточно истощенную, обогащать, используя гуано (Hütteroth 1982: 49–61; Naval Intelligence Division 1942–1943: 103–116, 121–142, 152–154; 160–168). Что касается Балкан, стоило бы отметить, что здешние горы не являются необитаемыми. Даже если не учитывать высокогорные пастбища (*ййла*), традиционно используемые в ходе сезонных перемещений скота, большинство анатолийских хребтов усеяно деревьями, использующими для земледелия небольшие участки наносных плодородных почв, или обрабатывающими террасы на склонах (Tunçdilek 1974: 62–3; Hütteroth 1982: 290–2).

Закавказье

К востоку Анатолийские горы становятся выше и составляют большую часть ландшафта. Равнины становятся меньше, а ощущение, что дороги пролегают по строго определенным и предсказуемым маршрутам, – сильнее. Это Закавказье, страна высоких гор и равнинных возвышенностей, между плато Анатолии и Иранским плато, ее северная граница – Кавказские горы, за которыми лежит степь. На востоке находится Каспий; на западе Закавказье протянулось до Черного моря.

В долине Куры, пролегающей между Кавказской грядой и горами Армении, регион включает значительную по площади низменность – равнину, восточные части которой в действительности схожи, скорее, с Венгерскими равнинами, предшествующими степной зоне по ту сторону гор. Но большая часть Закавказья – территория гор и маленьких аллювиальных бассейнов. И если Балканы являются регионом, территориальное разделение и строение которого определяют горы, тем более таковым является Закавказье, где вследствие размеров и высоты горных хребтов их влияние сказывается еще более явственно. Если на Балканах холодно зимой, и горные перевалы зачастую непроходимы из-за снежных заносов, то для Закавказья это еще более характерно. Для людей, живущих в столь суровой окружающей среде, основным смягчающим обстоятельством является плодородие вулканических почв. Там, где есть водоснабжение, Закавказье зеленеет, цветет, плодоносит. Даже высокогорные участки, с исключительно коротким периодом произрастания хозяйственных культур между поздней оттепелью и ранними снегами могут обеспечивать жизнь значительного количества населения. В результате имеет место значительная территориальная раздробленность, обуславливающая локализацию власти и культуры (Hewsen 2001: 14–19; Whittow 1996: 195–203; Naval Intelligence Division 1942–1943: 22–25, 179–194).

Левант и Северная Месопотамия

Горы Тавра и Антитавра формируют южную оконечность Анатолии и Закавказья, за которыми протянулись Левант и Месопотамия. Проследовать в южном направлении по перевалу Битлис от окрестностей озера Ван до долин внизу означает спуститься с высоты 1500 м в совершенно иной мир.

Северная Месопотамия – территория, простирающаяся к югу от гор и к востоку от Евфрата. Отдельные, случайно расположенные малые горные цепи, как, например, Тур Абдин, составляют предгорье основного горного массива на севере. Иными словами, это край холмистых равнин, пересекаемых рекой Евфрат и ее притоками. Это открытая местность, на которой легко маневрировать армиям, однако, хотя самые крупные и древние поселения обычно основывались вблизи рек, никаких других очевидных причин, вынуждавших людей жить именно там, не было. Левант – это территория к югу от гор, к западу от Евфрата, с одной стороны омываемая Средиземным морем, с другой протянувшаяся до Синай и Красного моря. По сравнению с Северной Месопотамией Левант значительно сильнее зависит от рельефа. Его основными характеристиками являются узость прибрежной полосы, более широкой на юге, нежели на севере, по контуру опоясанной горами, имеющими высшую точку на территории Ливана, где они разделяются на две горные цепи, Ливанские горы и Антиливан, с долиной Бека между ними; а за всем этим внутри территории расположены равнины и плато, протянувшиеся на восток в направлении пустыни. По этой причине многие из основных путей сообщения Леванта неизбежно проходят вдоль его главных рек: Оронта, Литани, Иордана, повторяя их очертания и пересекая горы там, где это возможно. В отличие от Месопотамии этот ландшафт в отдельных точках имеет очевидное стратегическое значение. Поселения также имели тенденцию к сосредоточению в особых зонах, либо на средиземноморском побережье, либо по ту сторону гор, где достаточно воды для развития и процветания земледелия. На побережье имеются древние города, но они есть также и внутри региона: Иерусалим, Дамаск, Алеппо. Однако, повторим сказанное в отношении Балкан и Анатолии: не следует пренебрегать горами. Плодородие и обилие воды Ливанских гор, взятых в качестве примера одной из горных цепей Леванта, компенсирует их изолированность и труднодоступность, даже в том случае, если не рассматривать эти факторы как позитивные (Naval Intelligence Division 1943a: 11–37; 1943b: 12–32).

В 1916 г. Джеймс Генри Бристед ввел в обращение термин «Полумесяц изобилия», обозначающий сельскохозяйственные угодья, протянувшиеся дугой от Египта через Левант до Ирака и Персидского залива. Это удачное определение по-прежнему в ходу (Scheffler: 2003). Северная Месопотамия и Левант формируют северную и западную части Полумесяца. Наиболее очевидной общей чертой региона в целом является его взаимосвязь с пустыней. Внутри Полумесяца – сирийская пустыня, огромная безводная территория, за которой на юге расположена еще большая по размерам Аравийская пустыня. От пустынной полосы в Северной Месопотамии до южного побережья Аравии более 2000 км. Эта огромная территория не является безликим морем песка. Различают скальные и магмовые участки пустыни; встречаются также горы и оазисы, земли, на которых возможно орошаемое земледелие; но в целом пустыня до обнаружения в ней нефти была исключительно скудной средой обитания, пригодной для жизнеобеспечения минимального количества населения. Большинство жителей пустыни (даже отшельники) с неизбежностью обращались в поселения Полумесяца в поисках работы, перспектив, средств к жизни. Контраст между пустыней и плодо-

родными землями не абсолютный, но сама близость двух настолько различных сред является отличительной и во многом определяющей чертой региональной географии. Пройдя всего несколько километров, можно переместиться из сельскохозяйственной зоны в очевидную глушь (Fisher 1978: 494–500).

Определение Бристеда относило к Полумесяцу Изобилия также и Египет, но даже если на время оставить Египет в стороне, Полумесяц далеко не является единообразным целым. Центральный и Южный Ирак, составляющие большую часть восточной оконечности Полумесяца, находятся в зависимости от сложной ирригационной системы, позволяющей использовать воды Тигра и Евфрата. Без вырытых вручную каналов и без работ по их очищению ландшафт вернулся бы в свое естественное состояние, став сухой и пыльной поверхностью с болотистыми участками (Christensen 1993). Напротив, большинство северных и западных секторов Полумесяца – территории, относившиеся к Римской империи, – находились внутри двухсотмиллиметровой изогеты, иными словами, в составе территории, получавшей дожди в достаточном количестве, позволявшем заниматься земледелием без искусственного орошения. Римской империи ирригация была знакома не понаслышке. Ирригационная система позволила расширить границы сельскохозяйственной зоны, отодвинув их дальше в направлении пустыни. Но Рим, в отличие от стран, которыми правил Ирак, не был страной исключительно искусственного орошения. В сравнении с любым другим районом, зависевшим от сложной и многоуровневой ирригации, Левант предоставлял гораздо больше разнообразных путей и возможностей жизнеобеспечения.

Египет

Столица империи находилась в Константинополе на балканском побережье Босфора, но вплоть до 640-х гг. сердцем имперской экономики был Египет. Если взглянуть из космоса, важность Египта становится очевидной. Египет – это Нил, его долина и дельта. На фотографиях, сделанных со спутника, они выделяются на фоне окружающей пустыни ярко-зеленой полосой, оканчивающейся огромным треугольником дельты (http://visibleearth.nasa.gov/view_rec.php?id=12748). Пустыня едва ли пригодна для поддержания жизни, но долина и дельта Нила в эпоху античности прибавляли около 27 000 кв. км к числу наиболее плодородных земель Средиземноморья (Butzer 1976: 82). Это мир оросительных каналов и рвов, но, в отличие от Ирака, ирригационная система была действительно в значительной мере естественной. Причина процветания Египта в равной мере крылась и в ежегодных разливах Нила, наносивших на поля земледельцев новый слой обогащенной минералами почвы, и в человеческих усилиях. Результатом был уровень сельскохозяйственного производства, которому не было равных нигде в Средиземноморье. Высокая производительность, помноженная на величину территории (около 27 000 кв. км), сделали Египет сельскохозяйственным производителем такого масштаба, что он превосходил любую другую римскую провинцию. Убедительно подтверждено, что четверть населения империи в VI в. проживала в Египте, приносившем империи 40 % ее финансовых поступлений (Bowman and Rogan 1999; Sarris 2006: 10–11).

Стратегическая география

Византия равно и выигрывала от своего географического положения, и была его заложницей. Восточная империя во времена поздней античности пережила кризис, погубивший в V в. Западную империю отчасти благодаря тому, что Балканы обеспечивали защиту от готов и гуннов, а положение Константинополя на восточной оконечности Фракийского полуострова дало возможность выстроить надежные береговые защитные сооружения и снабжать город продовольствием по морю (Heather 2005: 167–190). Фрагментарный характер Балканского рельефа осложнял контроль над полуостровом как целостной территориальной единицей, и во многом объяснял то, как политически неразвитым славянским племенам удалось закрепиться на всей территории полуострова в VI–VII вв. В то же время балканская география препятствовала установлению на острове единой власти, которая угрожала бы соседней Византии. Гунны в V в., авары – в VI в., мадьяры в X в. – все обосновывались на Венгерских равнинах, от которых дороги к Константинополю, доступные армиям кочевников, вели в ограниченном количестве и преградить их было легко. Болгары осели в долинах южнее Дуная, ближе к Константинополю, и от контратак Византии их защищала Балканская гряда. Но ни одна страна не выдерживала власти кочевников долгое время. И если историки утверждали, что ни одна держава кочевников не могла поддерживать свою жизнедеятельность на Венгерских равнинах из-за недостатка пастбищ и продовольствия, то же самое в гораздо большей степени верно в отношении любой державы кочевников в низовьях Дуная. К X в., а возможно, и задолго до того, болгары перестали быть культурой степных кочевников (Whittow 1996: 262–98).

Подобным же образом, империя VII в. выжила, благодаря тому, что и столица, и сельскохозяйственные угодья, необходимые для обеспечения ее продовольствием, по крайней мере, в некотором ограниченном количестве, были защищены и удалены от центров Персидской и Арабской держав. Армии, решившей достичь Константинополя из Сирии, пришлось бы проделать путь длиной более 1200 км, пересечь два горных хребта и плато, куда пришлось бы доставлять воду и продовольствие. Как убедились в 1097 г., а потом в 1101 г. франки, путешествие было не из легких, а руководство X в. по военному делу, известное как *De velitatione bellica* («Приемы ведения войны малыми отрядами») показывает, насколько искусно византийцы научились использовать защитные возможности местности (см.: III.18.8 Военные тексты).

На протяжении VIII и IX вв. Анатолия была наиболее подвержена набегам с востока, в этом направлении горы не составляют преграды. Утрата Армении в VII в. ослабила византийскую оборону, а водворение в VIII в. арабов в Мелитине (Эски Малация) и Каликале (Эрзурум) создало на плато удобные опорные пункты для последующих набегов. Завоевание этих двух городов Византией в 934 и 949 гг. соответственно стало решающим этапом имперской восточной наступательной кампании X в. В обоих случаях специфика местной географии во многом объясняет происшедшее. Оба города расположены в центре относительно плодородных участков аллювиальных почв, окруженных горами. Пока население

гор было дружественным, города были в безопасности; когда же горцы вступили в союз с империей, Мелитина и Каликала пали (Whittow 1996: 315–18, 322).

География Анатолии также во многом объясняет историю империи в XI–XII вв. Тюркская угроза, с которой столкнулась Византия, исходила от незащищенного восточного фланга полуострова – отсюда судьбоносное столкновение Романа IV с султаном сельджуков, имевшее место в Манцикерте, в армянском Закавказье. Поражение там открыло доступ на плато, где тюркские кочевники из Центральной Азии нашли привычную среду обитания. Хэнди (1970) указал поколению историков, склонному считать Анатолию сердцем империи, что богатейшие участки полуострова на самом деле находились на побережье и на протяжении большей части периода правления Комнинов все еще принадлежали Византии. Возникает вопрос, были ли жизненно важны и жизнеспособны прибрежные территории, когда плато находилось в руках врага, но во всех прочих отношениях замечание Хэнди остается верным.

Империя так заботилась об обороне Анатолии из-за несчастья, постигшего ее восточные провинции в VII в. Потеря Египта в одно мгновение низвела Византию в число второразрядных держав. Ни Анатолия, ни Балканы (где в любом случае, кроме периода с начала XI до конца XII вв., империя делила власть со своими местными противниками) не могли восполнить этой потери. Еще менее способны были восполнить ее территории центрального и Западного Средиземноморья. Для них это было бы возможно разве что в случае, если бы было принято решение о перемещении столицы из Константинополя куда-то намного западнее. Кризис VII в., в свою очередь, основывался на особенностях географии Леванта и прилегающей пустыни. Ислам вырос в уединенной Аравии настолько близко, что подвергался влиянию иудаизма и христианства, но вместе с тем настолько далеко, что племена из глубин Аравии христианскими не стали. Завоевания, в свою очередь объясняются открытостью центральной части Полумесяца для вторжений со стороны пустыни и невозможностью найти новый оборонительный рубеж южнее Тавра.

В границах Анатолии и Балкан империя могла процветать (как Византия X–XI вв. или Османская империя середины XIV – начала XVI вв.), но ресурсов данных территорий хватало не более, чем для установления и поддержания контроля над регионом. Потеря Египта знаменует собой окончание Золотого века для Византии, а его завоевание в 1517 г. стало началом аналогичного периода для Османской империи.

ЛИТЕРАТУРА

- BARFIELD, T. J. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China* (Oxford).
- BEAUMONT, P., BLAKE, G. H., and WAGSTAFF, J. M. 1988. *The Middle East: A Geographical Study* (London, 2nd edn.).
- BENEDICT, P., TÜMERTEKİN, E., and MANSUR, F. (eds.) 1974. *Turkey: Geographic and Social Perspectives* (Leiden).

- BLAKE, G., DEWDNEY, J., and MITCHELL, J. 1987. *The Cambridge Atlas of the Middle East and North Africa* (Cambridge).
- BOWMAN, A. K., and ROGAN, E. 1999. 'Agriculture in Egypt from Pharaonic to modern times', *Proceedings of the British Academy* 96: 1–31.
- BRANIGAN, J. J., and JARRETT, H. R. 1969. *The Mediterranean Lands* (London).
- BRAUDEL, F. 1972–3. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*, 2 vols., trans. S. Reynolds (London).
- BUTZER, K. W. 1976. *Early Hydraulic Civilization in Egypt: A Study in Cultural Ecology* (Chicago).
- CHIBILYOV, A. 2002. 'Steppe and forest-steppe', in Shahgedanova 2002: 248–66.
- CHRISTENSEN, P. 1993. *The Decline of Iranshahr: Irrigation and Environments in the History of the Middle East, 500 B. C. to A. D. 1500* (Copenhagen).
- CLOUT, H., and GOSME, C. 2003. 'The Naval Intelligence Handbooks: a monument in geographical writing', *Progress in Human Geography* 27.2: 153–73.
- CURTA, F. 2006. *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250* (Cambridge).
- CVIJIC, J. 1918. *La péninsule balkanique: géographie humaine* (Paris).
- FISHER, W. B. 1978. *The Middle East: A Physical, Social and Regional Geography* (London–New York).
- GROVE, A. T., and RACKHAM, O. 2001. *The Nature of Mediterranean Europe: An Ecological History* (New Haven–London).
- HAMMOND, N. G. L. 1967. *Epirus* (Oxford).
- 1972–88. *A History of Macedonia*, 3 vols. (Oxford).
1976. *Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas* (Park Ridge, NJ).
- HEATHER, P. 2005. *The Fall of the Roman Empire: A New History* (London).
- HENDY, M. F. 1970. 'Byzantium, 1081–1204: an economic reappraisal', *Transactions of the Royal Historical Society* 20: 31–52.
- HEWSEN, R. H. 2001. *Armenia: A Historical Atlas* (Chicago–London).
- HORDEN, P., PURCELL, N. 2000. *The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History* (Oxford).
- HÜTTEROTH, W.-D. 1982. *Türket* (Darmstadt).
- MALAMUT, E. 1988. *Les îles de l'Empire byzantin, VIIIe–XIe siècles*, 2 vols. (Paris).
- NAVAL INTELLIGENCE DIVISION 1942–3. *Turkey*, Geographical Handbook Series 2 vols. BR 507
- 1943a *Syria*, Geographical Handbook Series BR 513
- 1943b *Palestine and Transjordan*, Geographical Handbook Series BR 514.
- 1944–1945. *Jugoslavia*, Geographical Handbook Series, 3 vols. BR 493, 493A, 493B.
- 1945 *Albania*, Geographical Handbook Series BR 542.
- OBOLENSKY, D. 1971. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453* (London).
- PHILIPPSON, A. 1922. *Das Mittelmeergebiet: seine geographische und kulturelle Eigenart* (Leipzig, 4th edn.)
- 1939 *Das byzantinische Reich als geographische Erscheinung* (Leiden).
- SARRIS, P. 2006. *Economy and Society in the Age of Justinian* (Cambridge).
- SCHEFFLER, T. 2003. '“Fertile Crescent”, “Orient”, “Middle East”: the changing mental maps of Southwest Asia', *European Review of History* 10/2: 253–72.
- SHAHGEDANOVA, M. (ed.) 2002. *The Physical Geography of Northern Eurasia* (Oxford).
- SINOR, D. (ed.) 1990. *The Cambridge History of Early Inner Asia* (Cambridge).

- TAAFFE, R. N. 1990. 'The geographic setting', in Sinor 1990: 19–40.
- TUNÇDILEK, N. 1974. 'Types of rural settlement and their characteristics', in Benedict, Tumer-
tekin, Mansur 1974: 48–70.
- WHITTOW, M. 1996. *The Making of Orthodox Byzantium, 600–1025* (London).

Углубленное чтение

Основы дисциплины см. в Whittow 1996; Branigan and Jarrett 1969; Beaumont, Blake, and Wagstaff 1988; Fisher 1978; а также в первой части доступного составленного *Cambridge Atlas of the Middle East and North Africa* (Blake, Dewdney, and Mitchell 1987: 7–9).

Основным из более детализированных источников остается серия учебных пособий по географии, изданных в 1940-х гг. Naval Intelligence Division (Clout and Gosme 2003), а также в некоторой степени аналогичное издание Admiralty War Staff (Intelligence Division) во время Первой мировой войны. Среди географов исследования в области физической географии перестали пользоваться популярностью в последние пятьдесят лет, поэтому заменить вышеназванные издания нечем. Готовится к печати новая серия изданий Оксфордское региональное природопользование (Oxford Regional Environments); в него уже включены соответствующие тома о северной Евразии и Африке, вскоре выйдет том, посвященный Средиземноморью, но с исторической точки зрения в отношении древнего мира старая литература будет по-прежнему важна.

Кроме того, в отношении отдельных регионов: Obolensky 1971 является доступно написанным введением в географию Балкан, Hutteroth 1982 представляет важный обзор по географии Турции, а все тома *Tabula Imperii Byzantini* содержат географическое предисловие и полезные библиографические ссылки на литературу прошлых лет, в том числе очерки первых путешественников, чьи открытия зачастую проливают свет на те или иные события.

Разнообразные географические подходы к изучению истории Византии можно найти у Philippon 1922, 1939; Braudel 1972–3; Horden and Purcell 2000. Последнее из названных изданий содержит важную библиографию с подробнейшими рассуждениями, многие из которых имеют отношение к исследованиям Византии.

Глава II.3.2 А ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР, ок. 250–518 гг.

Джеффри Гритрекс

Введение

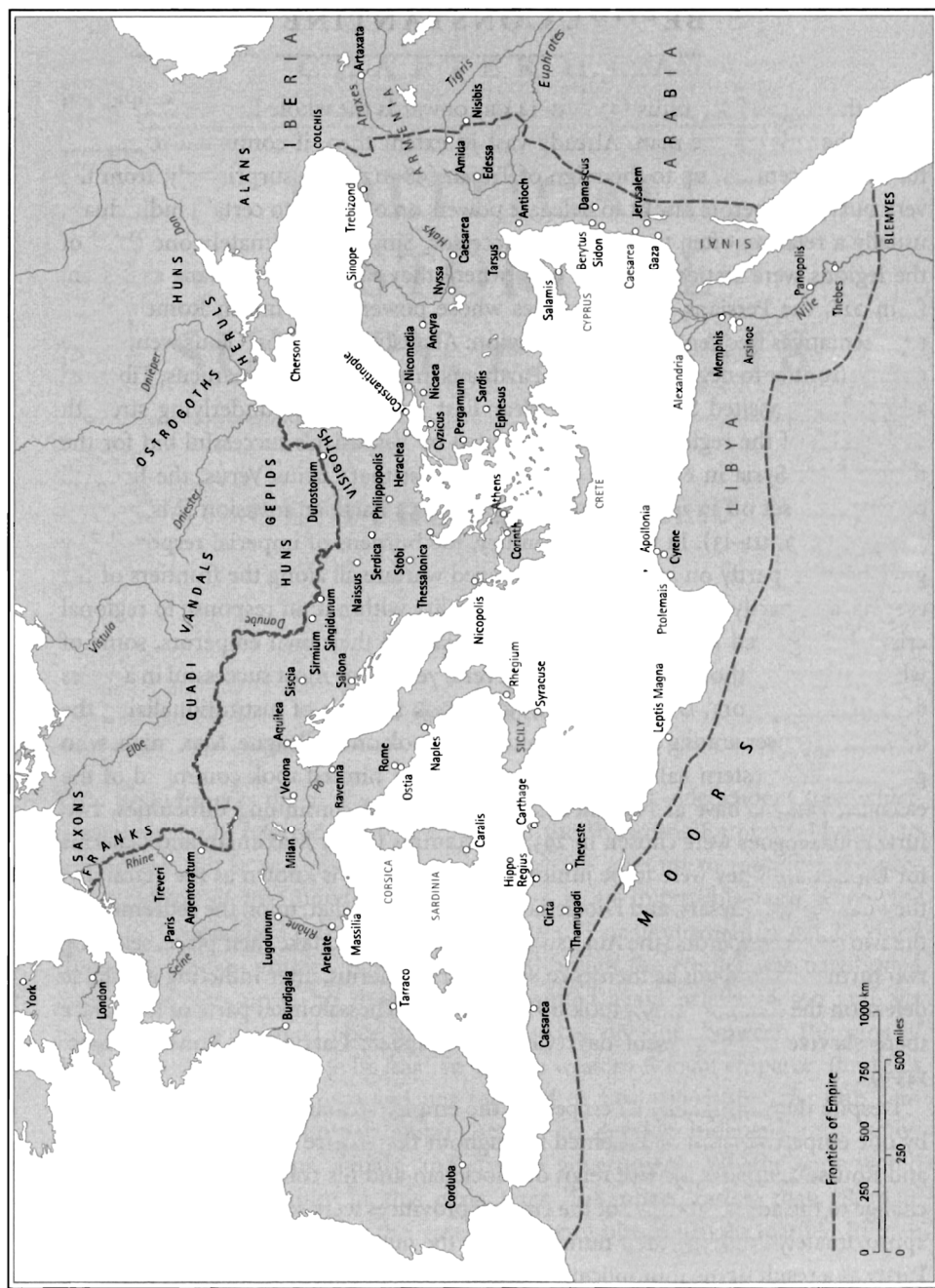
Этот период примечателен постепенным возникновением мощного независимого государства, ныне известного большинству историков как Византийская империя (хотя современники никогда не упоминали этого названия). Пытаться точно указать момент основания государства – непосильная задача: к примеру, в тот момент, когда Константин I торжественно основал в 330 г. новый город Константинополь, он управлял всей Римской империей, и Восточной, и Западной. Хотя после его смерти империя была разделена между его сыновьями, она на короткое время вновь воссоединялась в 350 и в 392 г., прежде чем опять разделиться на части в 395 г. Это ее деление между сыновьями Феодосия оказалось последним: в 476 г. император Западной Римской империи Ромул Августул не сменился, а был свергнут. Кроме того, именно в V в. Восточная Римская империя начала развиваться независимо, создавая свои собственные институты, ритуалы, стиль правления. Сомнительно, однако же, чтобы кто-нибудь стал называть империю того раннего периода «Византийской», а не «Римской», учитывая продолжительность ее существования в составе прежней Римской империи.

Восточная Римская империя до Константина

Со времен правления Августа (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) и далее вся Римская империя находилась в единоличном правлении. Уже значительно разросшаяся, она продолжала расширяться еще в течение века, до правления Траяна (98–117 гг.). Неудивительно, что с самого начала императоры считали возможным в некоторых случаях делегировать полномочия своим представителям, обычно кому-либо из родственников, чаще всего предполагаемому преемнику. Поскольку приблизительно треть легионов располагалась на востоке, где войска противостояли парфянам, а потом, с 226 г. персам, – единственным государствам, чья

мощь могла сравниться с римской, — эти представители часто бывали в восточном регионе: внук Августа Гай приезжал к восточной границе для переговоров с парфянами во 2 г. н. э., тогда как Германик, приемный сын Тиберия, в 17–19 гг. посетил Сирию и Ближний Восток. Лишним доказательством силы и богатства региона является успех притязаний на трон со стороны Веспасиана из Сирии в 69 г. Опять же, именно на восток отправился в 161 г. первый полноправный соправитель императора Луций Вер, чтобы воспрепятствовать вторжению парфян (Millar 1993: 33, 53–54, 73–79, 111–113). В III в. бремя императорской ответственности возросло, отчасти за счет непрекращающихся военных конфликтов на всей протяженности границ, отчасти же за счет внутренней нестабильности: в пылу региональных кризисов доведенные до крайности армии и провинции провозглашали своих собственных императоров, некоторые из них беспрепятственно правили в течение многих лет. Наиболее успешный из ряда «солдатских императоров», Диоклетиан (284–305), принял меры к институционализации разделения власти между императорами. Вначале он поставил одного соправителя, Максимиана, в западной части империи, тогда как сам он из своей столицы в Никомидии возглавлял восточную ее часть. Перед лицом непрекращавшихся осложнений в 293 г. были избраны еще два соправителя, Констанций (I) для Максимиана и Галерий для Диоклетиана. Они были своего рода «младшими партнерами» в системе государственного управления, известной нам как тетрархия; их называли цезарями, и намерение Диоклетиана заключалось в том, чтобы после отставки двух старших императоров (августов) цезари заняли их места, избрав еще двоих в качестве своих преемников. В 297 г. Галерий нанес существенное поражение персам и обосновался в Фессалонике; его дворец отчасти сохранился там и по сей день (Chastagnol 1994b; Carrié and Rousselle 1999: 145–9).

Несмотря на многочисленность императоров, империя оставалась единой. Законы, изданные одним императором, выполнялись по всей империи (Jones 1964: 41; Carrié and Rousselle 1999: 148). Правление Диоклетиана и остальных тетрархов внесло большие коррективы в административное устройство империи: провинции были уменьшены в размерах, при этом их количество возросло приблизительно вдвое и увеличилась армия. Отчасти в результате увеличения численности императоров, а отчасти вследствие усилий обеспечить разросшуюся армию продовольствием в достаточном количестве, расширился управленческий аппарат. Сосредоточение внимания на военном деле привело также к окончательному разделению военной и гражданской государственных служб (Jones 1964: 37–60, Campbell 2005: 120–126, Carrié and Rousselle 1999: 160–190, Garnsey and Humfress 2001: 36–41). Аналогично, важные реформы, проведенные на различных уровнях с целью увеличения налоговых поступлений, завершились учреждением в 312 г. цикла «индикта», пятнадцатилетнего периода, на протяжении которого предписанная сумма платежей (*indictio*) оставалась неизменной; с годами этот ритм стал столь привычным, что его вскоре приняли за единицу измерения времени. (Jones 1964: 61–70; Carrié 1994; Carrié and Rousselle 1999: 190–207).

Карта 3. Римская империя в конце IV в.

Династия Константина I (306–363 гг.)

В 305 г. Диоклетиан и Максимиан сложили полномочия, уступив места Галерию и Констанцию I соответственно. Всего лишь через год последовала смерть Констанция и династические соображения, всегда бывшие мощным фактором имперского престолонаследования, вновь вступили в игру: армия Констанция в Йорке провозгласила августом его сына Константина, нарушив тем самым замысел Диоклетиана. За несколько последующих лет количество августов возросло до неприличия, и снова разразилась гражданская война. На Западе победителем из нее вышел Константин, нанеся поражение Максенцию в битве у Мульвийского моста в 312 г. В следующем году он пришел к соглашению с Лицинием, единственным правителем, оставшимся на Востоке, но вскоре их отношения ухудшились. Несмотря на заключение еще одной договоренности в 317 г., в 324 г. Константин атаковал и победил своего соперника, установив тем самым контроль над всей империей (Barnes 1981: 28–77; Cameron 2005: 90–4). Непосредственно вслед за этим началась работа над строительством нового города на Босфоре, на месте Византия, который в честь императора был переименован в Константинополь и торжественно открыт в 330 г. Основывая новый город, Константин следовал примеру таких императоров, как Галерий и Диоклетиан, построивших дворцы и прочие имперские здания для своих правительственных резиденций в Фессалонике и Никомидии, хотя вполне вероятно, что с самого начала он задумывал нечто более амбициозное: город должен был стать новым Римом, имеющим в дополнение к официальным зданиям, обычно полагававшимся одному из четырех центров тетрархии, собственный сенат. В добавок из Египта в избытке завозили зерновые, чтобы кормить растущее население (Dagron 1974: 13–47; Mango 1990: 25–6).

Темп административных изменений во времена Константина не снижался. Различные правительственные подразделения, занимавшиеся такими вопросами, как имперская корреспонденция и архивы, все находились под контролем *magister officiorum*, распорядителя служб, являвшегося, таким образом, одним из самых высокопоставленных имперских чиновников (Claus 1980). Подразделение, ведавшее правовыми вопросами, находилось в подчинении у *quaestor sacri palatii* («квестор священного дворца») (Harries 1988). Министры имперских финансов того времени известны как *comes sacrarum largitionum* (главный казначей) и *comes rerum privatarum* (управляющий имуществом императора) (Delmaire 1995: 119–147). Должность префекта претория оставалась одной из наиболее важных в государстве, в вопросах административного и правового характера он действовал как представитель императора. Коренным отличием от предшествующей практики, однако же, было то, что префект больше не имел никакой военной власти (Southern 2001: 257). Вместо этого командование армией было разделено между *magister peditum* (командующим пехотой) и *magister equitum* (командующим кавалерией), в течение пятого века эта система приобретет вид состоящей из ряда региональных военных подразделений под командованием *magister militum* (командующих войсками). Упомянутые мини-

стры наряду с военным командованием составляли *consistorium* (консисторию), группу советников, собиравшихся для оказания императору помощи в принятии политических решений. В сфере имперских финансов наиболее заметным достижением стало создание устойчивой золотой денежной единицы – солида. Тем не менее, она не смогла не поколебаться под инфляционным давлением, от которого империя страдала во времена тетрархии и позднее (Jones 1964: 97–109; Barnes 1981: 255–8; Bagnall 1985; Hendy 1985: 462–7; Carrié and Rousselle 1999: 259–3; Chastagnol 1994a: 197–202; Kelly 2006: 185–92).

Однако наиболее глубокие, основополагающие изменения в империи времен Константина произошли в сфере религии. Тогда как точная дата и побудительные мотивы обращения Константина в христианство остаются предметом споров, в его последствиях не может быть никаких сомнений (Bremmer 2006). Христианам империи, до того бывшим обособленной и преследуемой социальной группой, сначала оказали снисхождение, а позднее предоставили значительные преимущества (по крайней мере, в том, что касалось богослужения). Проводилась масштабная программа строительства церквей, в то время как языческие храмы подвергались разграблению, лишаясь золотых и серебряных предметов. Но не будем преувеличивать скорость христианизации. Как и следовало ожидать в случае столь глубоких изменений, обращение империи в христианство потребовало смены нескольких поколений. Возможно, приверженцы нового вероучения и оказались в благоприятных условиях, но о насильственном обращении в христианство поначалу речи не было. Многие из высокопоставленных должностных лиц и большая часть армии оставалась языческой вплоть до конца IV в. Лишь в 391 г. император (Феодосий I) не только наложил запрет на языческие обряды и жертвоприношения, но и закрыл доступ к храмам и капищам. Несмотря на это, его сын Аркадий не решался вмешаться в происходящее в Газе, даже после того, как местные христиане обратились к нему с просьбой положить конец языческим ритуалам в конце 390-х гг.; скорее всего, именно ревностные христиане, а не имперские войска штурмовали Серапеум в Александрии в 392 г. Язычество оставалось мощной силой во многих частях восточной империи вплоть до самого начала VI в.: при Юстиниане потребовались решительные меры, чтобы очистить императорский двор от влиятельных язычников, в то время, как в сельской местности тысячи людей все еще оставались необращенными, представляя обширное поле деятельности для миссионеров, посланных императором (Jones 1964: 344–5; Barnes 1994: nos. VII–VIII; Trombley 1993–4: 187–245; Brown 1995: 29–54; Fowden 1998; Brown 1998; Salzman 2002; Mitchell 2007: 238–51; Errington 2006: 212–59).

Обращение императора в христианство имело и другие важные последствия. С того времени именно к нему христиане обращались за разрешением противоречий, вызванных различиями между ними, чего не избежал и Константин. Император, стараясь придерживаться правой христианской веры и обеспечить единство своих подданных, не колеблясь вмешивался в споры, касавшиеся доктрины и процедуры, иногда созывая совет епископов для решения того или иного вопроса (наиболее известным стал Первый Вселенский собор в Никее в 325 г.), но в остальных случаях он выносил суждение само-

стоятельно. Таким образом, Римский император пришел к тому, что выполнял функции не только светского правителя империи, но также и главы Церкви; Константин, согласно его биографу Евсевию, даже рассматривал себя как епископа, и не колеблясь лично обращался к епископам по вопросам веры. На Западе по мере того, как власть императора в V в. приходила в упадок, возрастала власть Римского епископа, а на Востоке последней инстанцией, третейским судьей в теологических спорах оставался император, созывавший Вселенские соборы и даже издававший эдикты по тем или иным доктринальным позициям (Frend 1972: 54–62; Barnes 1981: 208–44; Millar 1977: 577–607; Lane Fox 1986: 609–62; Dagron 1996: 141–8; Drake 2006).

Развитие централизованной бюрократии, масштабы которой не следует, впрочем, несоответственно преувеличивать (ср. Carrié and Rousselle 1999: 190), а также увеличение размеров армии повлекли за собой рост количества и частоты налоговых сборов в империи. Создавались новые налоги; отныне и впервые некоторые виды налогов обязаны были платить даже сенаторы. Но даже в условиях привлечения государством таких дополнительных, сверх должных источников дохода, другие источники, напротив, перестали использоваться. Служители Церкви зачастую освобождались от каких-либо налоговых обязательств. Также не подлежали налогообложению члены императорского двора и администрация. Не удивительно, что и церковные, и правительственные должности, стали популярны по всей империи среди богатых, стремившихся избежать налоговых обязательств. Как следствие это, в свою очередь, пошатнуло аппарат управления в имперских городах, поскольку местная аристократия в них традиционно участвовала в управлении городскими общинами, одновременно обеспечивая сборы налогов для правящего центра. Поскольку правительственное налогообложение возросло, очень немногие оказались готовы продолжать выступать в той же роли, особенно при том, что они рисковали оказаться в ответе за кратковременные недоборы налогов. Вместо этого они старались бежать подальше от своих общин и искали приюта на церковных или управленческих должностях, — тенденция, которой государство пыталось в отдельных случаях, в большинстве своем безуспешно, препятствовать. Этот процесс, общеизвестный как «бегство куриалов», в своем развитии проходил неравномерно, его влиянию иногда придавали слишком большое значение: города оставались центральной составляющей управления империей практически вплоть до начала VII в. Городские советы, без сомнения, отчасти утратили важность в результате политики Константина и его преемников, но возникли другие органы, занявшие их места (к примеру, правители провинций, неофициальные объединения местной знати, в том числе епископов), и, конечно же, продолжали проводиться строительные работы местного масштаба (особенно, сооружение церквей) (Heather 1994; Ward-Perkins 1998; Liebeschuetz 2000; Lavan 2001; Liebeschuetz 2001).

В мае 337 г., направляясь на восток в поход против Персии, Константин умер возле Никомидии. Почти четыре месяца спустя трое его сыновей, Константин (II), Констанций и Констант поделили между собой Римскую империю, не позволив участвовать в разделе никому из родственников, за исключением двоих. Констанций (II) вступил во владение Восточной империей, и в ранние

годы своего правления (337–361 гг.) много времени провел, защищая ее восточные границы от персов-сасанидов (Barnes 1981: 261–3; Blockley 1992: 14–17; Hunt 1998: 1–5; Burgess 2008). Тем не менее, когда его брат Константин, который после смерти Константина II в 340 г. возглавил всю Западную империю, потерпел поражение и был убит в результате заговора Магнецием в 350 г., Констанций отреагировал молниеносно. Назначив своего родственника Галла цезарем на Востоке, он продвинулся до Италии, нанеся поражение войскам Магнеция в кровопролитном столкновении при Мурсе в Паннонии в 351 г.; сам узурпатор был устранен двумя годами позднее. Констанций оставался на Западе на протяжении большей части 350-х гг., известны его военные кампании в Галлии и на Дунае (Barnes 1993: 101–8, 221–2; Hunt 1998: 5–37). Сомневаясь в лояльности Галла, он подорвал его позиции и организовал казнь в 354 г. Однако, осознавая важность присутствия императорской фигуры для защиты Галльских провинций, в конце 355 г. он возвысил Юлиана, младшего брата Галла, до положения цезаря, а сам в 360 г. вернулся на Восток. И пока Констанция занимало, отвлекая его внимание, возобновление войны с Персией, Юлиан воспользовался представившимся случаем и восстал, требуя для себя титула августа (Bowersock 1978: 46–54; Matthews 1989: 81–114). После чего Констанций в октябре 361 г. отбыл из Антиохии навстречу сопернику, но вскоре после этого умер естественной смертью. Юлиан, таким образом, стал единоличным правителем империи, так и не нанеся удара, и сразу же позаботился о том, чтобы вернуть имущество язычникам по всей стране. Его намерения, которым всего восемнадцать месяцев спустя положила конец преждевременная смерть, увенчались лишь незначительным успехом, будучи расстроены, с одной стороны, упорным сопротивлением христиан, а с другой стороны, тем фактом, что ответвление язычества, к которому он сам принадлежал, заметно отличалось от тех традиционных культов, к которым принадлежало большинство верующих-язычников (Bowersock 1978: 55–93; Fowden 1998: 543–8). В середине 362 г. Юлиан отбыл из Константинополя в Антиохию, откуда следующей весной отбыл, имея целью отомстить персам за их атаки на восточные провинции. Он умер в бою в июне 363 г. при отступлении войск обратно, на римскую территорию, так и не достигнув своей цели захватить персидский город Ктесифон (Matthews 1989: 130–179).

Хотя ни Констанций, ни Юлиан не проводили много времени в Константинополе в период своего правления, – оба они гораздо больше времени провели в Антиохии (Dagron 1974: 78–82), – город продолжал развиваться, постепенно приобретая черты имперской столицы. Именно там в 337 г. был похоронен Константин, а в 361 г. Констанций. Сооружение обширного ряда акведуков было начато при Констанции, тогда как Юлиан расширил портовые возможности города. Констанций впервые позволил назначить городского префекта, а также значительно увеличить число сенаторов (Heather 1994; Dagron 1974: 119–46; Mango 1990: 37–42; Hunt 1998: 37–9; Errington 2006: 142–68). В церковных делах Констанций следовал по стопам своего отца, – во всяком случае, в том, насколько активно он вмешивался в дискуссии, и в определенной мере, во всей той линии, которой придерживался. Впоследствии он твердо стал на сторону арианской интерпретации веры, чем настроил против себя Патриарха Александрийского,

Афанасия, а равно и многих западных епископов (см. также III.15.1 Византийская теология).

Искренность и ревность Афанасия впоследствии неоднократно осуждались Церковью и императором, хотя решения такого рода не всегда вступали в силу немедленно или хотя бы выполнялись успешно. Императорам приходилось сознавать ограниченность их власти и в своих поисках доктринального единения они имели тенденцию приспосабливаться к обстоятельствам момента, а также характеру региона, с которым имели дело: так, к примеру, Египет имел тенденцию отказываться придерживаться имперской линии (Frend 1972: 59, 71–4; Barnes 1993: 165–75; Pietri 1995; Chadwick 1998: 561–73).

Иовиан, Валентиниан и Валент (363–378 гг.)

Оказавшись на территории Персии в затруднительном положении, со скудным запасом продовольствия, верховное командование восточными войсками выбрало офицера по имени Иовиан преемником Юлиана. Он вывел войска из Персии ценой существенных уступок персам, но в 364 г. умер, так и не успев упрочить своих позиций; к тому времени, он, однако же, восстановил христиан в том положении, в котором они находились до правления Юлиана (Cunrān 1998: 78–80). И снова именно высшие офицерские чины, собравшись на этот раз в Никее, определили, кто станет следующим императором. Их выбор пал на еще одного офицера, Валентиниана, который, пять недель спустя, назначил соправителем своего брата Валента. В то время, как первый перебрался на запад для защиты галльских провинций от вторжения варваров, второму пришлось иметь дело вначале с попыткой узурпации трона родственником Юлиана Прокопием, а потом, на Дунае воевать с тервингами и грейтунгами (племенами, которые вскоре объединились и стали известны как готы), угрожавшими Римской империи вопреки договору, заключенному ими ранее с Константином I. Три года боевых действий (367–369 гг.) не разрешили ситуацию, но привели к заключению нового соглашения, более благоприятного для обоих племен (Heather 1991: 115–21; Lenski 2002: 127–52). И пока Валентиниан продолжал кампанию против алеманнов на рейнской границе, Валент продвинулся до Антиохии, откуда намеревался встречным ударом вернуть территории, захваченные Персией в Армении. Его планы, однако, так ни к чему и не привели, поскольку ухудшилась ситуация на дунайской границе. Валентиниан умер в 375 г. во время переговоров с квадами, вскоре после чего императором был провозглашен его малолетний сын Валентиниан II, совместно со своим сводным братом Грацианом, который еще в 367 г. был возведен в ранг августа. Между тем грейтунги и тервинги, продвигаясь в западном направлении по территории современной Украины, подвергались атакам гуннов и потому настойчиво вынуждали римлян позволить им перейти Дунай и войти во Фракию. Валент неохотно согласился позволить тервингам пересечь границы римской территории, однако местное армейское командование обращалось там с ними недружелюбно и пренебрежительно. Вскоре разразился военный конфликт, в котором тервинги одержали верх; сын Валентиниана Гра-

циан вынужден был отправиться на восток, чтобы спасти положение. В 378 г. на сцене во главе действующей восточной армии появляется Валент; в августе он сразился в Андрианополе с объединенными вооруженными силами готов. Не дождавшись прибытия армии Грациана, Валент вступил в бой с противником и потерпел сокрушительное поражение. Император погиб в бою, а с ним вместе примерно две трети восточной действующей армии (Wolfram 1988: 117–31; Heather 1991: 122–47; Curran 1998: 91–101; Lenski 2002: 320–67).

Династия Феодосия (379–450 гг.)

Смерть Валента, дяди Грациана, оставила Восточную империю без правителя. И потому он назначил бывшего генерала Феодосия, наделив его всеми необходимыми полномочиями. Чтобы восстановить силы восточной армии, понадобились экстренные меры. Увеличился набор рекрутов, но этого, самого по себе, было недостаточно. Единственное решение заключалось в достижении договоренности с захватчиками, позволявшей им войти на Римскую территорию и обосноваться там, обязываясь в случае необходимости по призыву служить в римской армии. Это не было изменением римской политики, по крайней мере, в отношении набора варваров в вооруженные силы: они всегда служили в римской армии, начиная с IV в., во всевозрастающем количестве, и селились на римской территории. Но никогда раньше такое огромное их количество не допускалось на территорию империи массово, также не было прецедентов принятия целой группы, сохранявшей автономию, как, похоже, произошло в данном случае. Это было рискованным решением, но в условиях беспорядка, царившего на Балканах, вероятно, другого выбора у Феодосия практически не было. Соглашение – фактически, официальная капитуляция – было заключено в 382 г. и позволило Феодосию придерживаться более жесткой линии поведения по отношению к остальным варварским племенам, пытавшимся пересечь границу (Wolfram 1988: 131–5; Heather 1991: 147–75; Blockley 1992: 39–42). Несколько лет спустя, в 387 г., мирный договор с Персией урегулировал главный источник трения между двумя державами путем разделения Армении, обозначив начало более чем столетнего периода преимущественно мирных отношений (Blockley 1992: 44–5; Greatrex 2000).

Правление Феодосия стало поворотным моментом в развитии Восточной империи. Как уже отмечалось, император придерживался гораздо более решительной линии поведения, нежели его предшественники, осуждая и искореняя язычество. Также своими действиями он довольно быстро обеспечил преимущество Православного христианства в Восточной империи, тогда как Констанций и Валент поддерживали различные формы арианства, и ведущие епископы Восточной империи в большинстве своем являлись арианами. Собор, прошедший в 381 г. в Константинополе, утвердил эту политику. Среди его решений было провозглашение епископа Константинопольского вторым по старшинству после епископа Римского на том основании, что Константинополь стал новым Римом – положение, еще раз подтвержденное в Халкидоне в 451 г. Хотя епархии Антиохии

и Александрии были гораздо более выдающимися в прошлом и могли похвалиться связями с апостолами, но, несмотря на их возражения и протесты других епархий, устойчивый рост значимости имперского города был очевиден, о чем можно было судить в том числе по гигантским масштабам строительства, задуманного и осуществляемого императором (Dagron 1974: 436–87; Meyendorff 1989: 179–84; Maraval 1998a: 102–4; Leppin 2003: 188–201; Errington 2006: 229–30). В политической сфере можно проследить начало независимости от Запада и даже доминирующего влияния на него. Хотя Феодосий и был обязан своим положением Грациану, он без колебаний действовал, не посоветовавшись со своим соправителем: в начале 383 г., к примеру, он возвел своего сына Аркадия в ранг августа. Позднее в том же году Грациан был казнен Магном Максимом, узурпатором из Британии, вскоре захватившем власть над большей частью Западной империи и поначалу получившем признание Феодосия. Через несколько лет Валентиниан II был вынужден бежать в Фессалонику, спасаясь от войск Максима. В ответ Феодосий выступил в поход с целью свержения Максима. Предприятие завершилось полным успехом, и в 388 г. Валентиниан был восстановлен на троне. Но всего четыре года спустя он умер и еще один узурпатор, Евгений, захватил власть над Западной империей при содействии и покровительстве Арбогаста, одного из бывших генералов Валентиниана. Хотя он и предпринимал усилия, чтобы придти к соглашению с Феодосием, войска Восточной империи снова прошли по Балканам, нанеся поражение армии Евгения у реки Фригид в сентябре 394 г. (Matthews 1975: 223–52; Curran 1998: 104–10; McLynn 1994: 292–6; Leppin 2003: 87–115, 205–20).

Феодосий умер в Милане в январе 395 г., оставив после себя двоих сыновей, Гонория и Аркадия, тогда уже возведенных в ранг августов. Оба они на момент смерти отца были молоды и на протяжении своего правления во многом полагались на своих министров. Это привело к существенным разногласиям между Западом и Востоком. Так, Стилихон, *magister utriusque militiae* (главнокомандующий армией в полном составе, т. е. пехотой и кавалерией) на Западе, считал себя защитником не только западного императора Гонория, но также и Аркадия, однако, ни один из двух министров, главенствовавших при дворе Аркадия в начале его правления, ни префект претории Руфин, ни Евтропий, *praepositus sacri cubiculi* (Великий канцлер Дворца – должность крупнейшей для V в. важности), не согласились с подобными притязаниями. Баланс сил первоначально, казалось, благоприятствовал Западной империи: значительная часть восточной армии накануне поражения Евгения была сосредоточена на Западе, а Стилихон уже проявил себя опытным командиром. В сражениях на Балканах в конце 390-х гг. ему несколько раз удавалось умелыми маневрами потеснить готов Алариха, однако, решительной победы над ними он так никогда и не одержал. Правительство Аркадия предпочло более гибкую политику в отношении завоевателей, пожаловав Алариху звание главнокомандующего и выплачивая его людям жалование как союзникам Рима (*foederati*) (Mitchell 2007: 89–95). Влияние готов в Восточной империи на тот момент достигло апогея, кульминацией стало кратковременное возвышение Гайны, ставшего первым среди генералов Аркадия в 400 г. Его правление продолжилось недолго и окончилось казнью в Константинополе всего готского населе-

ния (Liebeschuetz 1990: 92–125; Heather 1991: 193–208; Cameron and Long 1993). С того времени большее влияние в Восточной империи приобрели гражданские должностные лица, в то время как на Западе продолжали править генералы, иногда полностью подрывая авторитет и власть императора. Способность восточного правительства заручиться поддержкой значительного числа генералов и солдат неримского происхождения также примечательна: вождь готов Фравитта воспрепятствовал Гайне проникнуть в Малую Азию после того, как тот в 400 г. покинул Константинополь (Liebeschuetz 1990: 126–31; Elton 1996a: 136–51; Elton 1996b; Lee 2000: 59–60).

Когда Аркадий в 408 г. умер, его сын, Феодосий II, август с 402 г., стал единоличным императором. Как Аркадий, так и Феодосий, правивший до 450 г., провели почти все время своего правления в Константинополе: на протяжении V в. город окончательно утвердился на позициях столицы Восточной империи, будучи неразрывно связан с императором и его двором. Были выстроены новый форум и цистерны, а также, на расстоянии 1,5 км от оборонительных стен Константинова города новые прочные Феодосиевы стены, сооружение которых в основном было окончено к 413 г. (Mango 1990: 42–50; Dagron 1974: 85–115; McCormick 2000: 136–42). Феодосий сам, кажется, предоставил правление группе министров, таких как префект претория Анфимий и *praepositi sacri cubiculi* Антиох и Хрисафий; его сестра Пульхерия также играла важную роль (Holum 1982; Lee 2000: 34–6; McCormick 2000: 145–56). Именно в правление Феодосия церковная политика заняла центральное место в империи, кульминацией стал прошедший во времена его преемника Халкидонский собор (451 г.) Возник новый доктринальный диспут, в центре которого стоял вопрос о естестве Христа – то ли Божеском, то ли человеческом, то ли соединении обоих. Какое-то время казалась преобладающей точка зрения Нестория, епископа Константинопольского с 428 по 431 г., который высказывался в пользу человеческого естества Христа. Но Третий Вселенский собор, созванный Феодосием в Эфесе в 431 г., осудил взгляды Нестория, и император согласился с его решением. Под влиянием Александрийской Церкви, возглавляемой св. Кириллом (412–444 гг.), а потом Диоскором (444–451 гг.), большее значение стало придаваться Божественному естеству Христа, и эта точка зрения была подтверждена последующим Эфесским собором в 449 г., собранием, ставшим известным под именем «Разбойничьего собора». Два года спустя недалеко от Константинополя Маркианом был созван Халкидонский собор. Собравшиеся на него епископы, без сомнения, под влиянием императора и его жены Пульхерии, утвердили более умеренное определение единения двух естеств. Однако же эта попытка достичь компромисса между различными христологическими точками зрения не получила общественного признания и поддержки во многих частях Восточной империи, в частности, в Египте и Сирии (Frend 1972: 1–49; Meyendorff 1989: 165–87; Fraisse-Coué 1998; Maraval 1998a; Allen 2000: 811–14; Gaddis and Price 2005: 9–51; Millar 2006: 130–91).

Тогда как пятый и шестой века были в основном временем процветания для большей части Восточной империи, особенно для Ближнего Востока (Foss 1995 and 1997; Ward-Perkins 2000: 320–32), Балканские провинции же-

стоко страдали (ср., однако: Whitby 2000). В 430–440-е гг. непомерно возросла военная сила гуннов, обосновавшихся в непосредственной близости от римского Дунайского лимеса, что позволило им поработить многие другие народы. Их лидер Атила смог вырвать у восточных правителей победы, титулы и платежи повинностей, а также господствовал в регионе (Blockley 1992: 59–67; Thompson 1996: 81–136). Он даже однажды, в 451–452 гг. направил войска против Западной империи, но ситуация в регионе немного улучшилась, так как смерть Атиллы в 453 г. привела к разделу его владений. В результате многочисленные толпы варваров пытались теперь захватить территории для поселения, некоторые из них – на Балканах (Heather 1996: 124–129). Несмотря на все сложности здешней ситуации в правление Феодосия, восточные войска, случалось, вторгались на Запад, в частности, в 425 г. для возведения на престол племянника Гонория Валентиниана III и свержения узурпатора Иоанна; другие походы, имевшие целью положить конец опустошительным нападениям флота вандалов, базировавшегося в Северной Африке, больше предназначенные для защиты Восточной империи, нежели для помощи Западной, были менее успешны (Blockley 1992: 60; Lee 2000: 39).

От Маркиана до Анастасия (450–518 гг.)

Влияние германского военного командования на Востоке снова возросло ко времени смерти Феодосия в июле 450 г. Вероятно, посредством интриг бывшего в то время *magister militum* Аспара Маркиан и вззошел на трон позднее в том же году. Это было сделано без ведома и согласия Валентиниана III, и данное назначение ознаменовало следующую ступень разобщения Востока и Запада (Burgess 1993–4; Lee 2000: 42–3). В 457 г. его сменил Лев, еще один офицер неясного происхождения, тоже связанный с Аспаром. Новому императору удалось, тем не менее, освободиться от чрезмерного влияния Аспара, заручившись поддержкой исавров, еще одной воинствующей группировки из отдаленных районов империи. Из их числа выделялся Зинон, позднее занявший трон. Лев I проявлял значительный интерес к Западной империи, на тот момент во многом утратившей бывшее территориальное величие и политическое влияние. В 467 г. он направил Анфимия, приемного сына Маркиана, для вступления на западный трон, на тот момент пустовавший, в качестве подготовительного шага к планировавшемуся в следующем году масштабному военно-морскому походу с целью подорвать власть вандалов, угрожавших в то время со стороны Эгейского моря. Однако кампания 468 г. оказалась дорогостоящей и окончилась провалом, а последние годы правления Льва I были омрачены усилением влияния на Балканах двух готских племенных объединений (Heather 1991: 242–71; Blockley 1992: 71–9; Moorhead 1992).

Когда в январе 474 г. Лев умер, его поначалу сменил несовершеннолетний внук Лев II. Зинон был назначен его телохранителем и, когда в том же году позднее мальчик умер, сам вззошел на трон. Он с большим трудом удерживал занятое положение: несколько раз становился жертвой государственных переворотов,

в том числе одного из них, организованного его сводным братом Василиском в 475 г., захватившим власть в Константинополе и удерживавшим ее в течение двадцати месяцев, а также вынужден был подавлять восстания несогласных из числа исавров (Heather 1991: 271–2; Lenski 1999: 446–455). Основная сложность в правление Зинона, не считая внутренних неурядиц, заключалась в необходимости контролировать ситуацию в Балканских провинциях. Там две готские группировки, каждую из которых возглавлял правитель по имени Теодорих, соперничали за достижение окончательного соглашения с империей, одновременно разоряя провинции с целью оказать давление на правительство, а также обеспечить свое собственное выживание. Зинон реагировал уклончиво, в разное время поддерживая то одну, то другую группу, и такая политика имела определенный успех до тех пор, пока Теодорих Амал после смерти своего тезки-соперника в 481 г. не объединил обе племенные группы. Поскольку к тому моменту на Западе больше не было императора, а Италия оказалась в руках племенного вождя по имени Одоакр, Зинон предложил Теодориху вступить во владение полуостровом, которым он стал бы в таком случае управлять от имени Зинона. Теодорих принял предложение, организовал поход в Италию, отвоевал ее у Одоакра и правил там готами вплоть до своей смерти в 526 г. (Wolfram 1988: 258–332; Heather 1991: 272–308).

Благодаря влиянию жены Зинона Ариадны, дочери Льва I, на трон Зинона после его смерти в январе 491 г. взошел Анастасий, занимавший должность в императорском дворце. Обе коронации, Льва и Анастасия, описаны в *Книге Церемоний* X в., что позволяет нам проследить эволюцию имперского ритуала вступления на престол, в ходе которой очевидно прослеживается снижение значимости армии. Если Лев отправился из Константинополя в Евдомон для того, чтобы собравшиеся там войска провозгласили его императором, после чего с триумфом вернулся в город, то Анастасий оставался в столице на протяжении всей церемонии, обращаясь к народу и солдатам из императорской ложи на ипподроме. В обоих случаях важную роль в происходящем играет Константинопольский патриарх (MacCormack 1983: 240–7; Burgess 1993–4: 66–7; Dagron 1996: 79–90; McCormick 2000: 158–9; Whitby 2004: 182–3; Haarer 2006: 1–6). Правление Анастасия явилось эпохой стабильности и процветания для Восточной империи. Бунтовщиков-исавров успешно приструнили в 490-х гг., а нападение персов в 502 г. было отражено достаточно мощным встречным ударом, окончательно восстановившим мир между обеими сторонами в 506 г. (Greatrex 1998: 73–118; Haarer 2006: 11–65). Несмотря на продолжающуюся нестабильность в Балканских провинциях, имперская казна накапливала значительные доходы; император даже смог отменить некоторые налоги (Jones 1964: 235–6; Lee 2000: 54–5). Однако главным спорным вопросом его правления было определение основ Православия. Уже Зинон приложил всемерные усилия, чтобы выработать формулировку, приемлемую для всей Восточной империи, в результате чего в 482 г. был издан Энотикон – эдикт о единстве, в котором упоминания о Халкидонском соборе император преимущественно избегал (в целом эдикт отменял постановления Халкидонского собора). Анастасий первоначально придерживался сходной умеренной антихалкидонской политики, но к концу своего правления,

под влиянием патриарха Севира Антиохийского достиг и придерживался более жесткой позиции. Эта политика привела его к разногласиям с епископом Римским, а также с одним из его собственных генералов на Балканах, Виталианом, который поднял восстание, чтобы вынудить императора поступиться убеждениями. Хотя Виталиан потерпел поражение, именно его прохалкидонская позиция будет принята за основу преемниками Анастасия в их поисках доктринального единства (Frend 1972: 143–233; Meyendorff 1989: 187–206; Maraval 1998b: 107–33).

ЛИТЕРАТУРА

- ALLEN, P. 2000. 'The definition and enforcement of orthodoxy', in *CAH* 14: 811–34.
- BAGNALL, R. S. 1985. *Currency and Inflation in Fourth Century Egypt*. Bulletin of the American Society of Papyrologists, suppl. 5.
- BARNES, T. D. 1981. *Constantine and Eusebius* (Cambridge, Mass.).
- 1993. *Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire* (Cambridge, Mass.).
- 1994. *From Eusebius to Augustine* (Aldershot).
- BLECKMANN, B. 2003. *Konstantin der Grosse* (Hamburg, 2nd edn.).
- BLOCKLEY, R. C. 1992. *East Roman Foreign Policy* (Leeds).
- BOWERSOCK, G. 1978. *Julian the Apostate* (Cambridge, Mass.).
- BROWN, P., and GRABAR, O. (eds.) 1999. *Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World* (Cambridge, Mass.).
- BRANDT, H. 2006. *Konstantin der Grosse. Der erste christliche Kaiser* (Munich).
- BREMMER, J. VAN 2006. 'The Vision of Constantine', in A. Lardinois, M. van der Poel, and V. Hunink (eds.), *Land of Dreams: Greek and Latin Studies in Honour of A. H. M. Kessels* (Leiden): 57–79.
- BROWN, P. 1995. *Authority and the Sacred* (Cambridge).
- 1998. 'Christianisation and religious conflict', in *CAH* 13: 632–64.
- BURGESS, R. W. 1993–4. 'The accession of Marcian in the light of Chalcedonian apologetic and Monophysite polemic', *BZ* 86–7: 47–68.
- 2008. 'The Summer of Blood: the "Great Massacre" of 337 and the promotion of the sons of Constantine', *DOP* 62: forthcoming.
- BURY, J. B. 1923. *The Later Roman Empire*, 2 vols. (London).
- CAMERON, A. D. E., and LONG, J. 1993. *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius* (Berkeley).
- CAMERON, A. M. 1993a. *The Later Roman Empire* (London).
- 1993b. *The Mediterranean World in Late Antiquity, A.D. 395–600* (London).
- 2005. 'The reign of Constantine 306–337', in *CAH* 12: 90–108.
- CAMPBELL, B. 2005. 'The army', in *CAH* 12: 110–130.
- CARRIÉ, J.-M. 1994. 'Dioclétien et la fiscalité', *Antiquité Tardive* 2: 33–64.
- and ROUSSELLE, A. 1999. *L'Empire romain en mutation des Sévères à Constantin, 192–337* (Paris).

- CHADWICK, H. 1998. 'Orthodoxy and heresy from the death of Constantine to the eve of the first council of Ephesus', in *CAH* 13: 561–600.
- CHASTAGNOL, A. 1994a. *Aspects de l'antiquité tardive* (Rome).
- 1994b. 'L'Évolution politique du règne de Dioclétien', *Antiquité Tardive* 2: 23–31.
- CLAUSS, M. 1980. *Der magister officiorum in der Spätantike (4.–6. Jahrhundert)* (Munich).
- COSME, P. 1998. *L'Empire romain de 192 à 325: l'état romain entre éclatement et continuité* (Paris).
- CURRAN, J. 1998. 'From Jovian to Theodosius', in *CAH* 13: 78–110.
- DAGRON, G. 1974. *Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451* (Paris).
- 1996. *Empereur et prêtre* (Paris).
- DELMAIRE, R. 1995. *Les institutions du bas-empire romain de Constantin à Justinien: les institutions civiles palatines* (Paris).
- DEMANDT, A. 2008. *Die Spätantike: römische Geschichte von Diokletian bis Justinian* (Munich, 2nd edn.).
- GOLTZ, A., and SCHLANGER-SCHONINGEN, H. (eds). 2004. *Diokletian und die Tetrarchie. Aspekte einer Zeitenwende* (Berlin).
- DRAKE, H. 2006. 'The impact of Constantine on Christianity', in Lenski 2006: 111–136.
- ELTON, H. 1996a. *Warfare in Roman Europe, A. D. 350–425* (Oxford).
- 1996b. 'Fravitta and barbarian career opportunities in Constantinople', *Medieval Prosopography* 17.1: 95–106.
- ERRINGTON, R. M. 2006. *Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius* (Chapel Hill).
- FOSS, C. 1995. 'The Near Eastern countryside in late antiquity: a review article', in J. H. Humphrey (ed.), *The Roman and Byzantine Near East*, vol. 1 (Ann Arbor): 213–234.
- 1997. 'Syria in transition, AD 550–750: an archaeological approach', *DOP* 51: 189–269.
- FOWDEN, G. 1998. 'Polytheist religion and philosophy', *CAH* 13: 536–60.
- FRAISSE-COUÉ, C. 1998. 'D'Éphèse à Chalcédoine: la paix trompeuse (433–451)', in Pietri 1998: 9–77.
- FREND, W. H. C. 1972. *The Rise of the Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Century* (Cambridge).
- GADDIS, M., and PRICE, R. (trans.) 2005. *The Acts of the Council of Chalcedon*, 3 vols. (Liverpool).
- GARNSEY, P., and HUMFRESS, C. 2001. *The Evolution of the Late Antique World* (Cambridge).
- GREATREX, G. 1998. *Rome and Persia at War, 502–532* (Leeds).
- 2000. 'The background and aftermath of the partition of Armenia in A.D. 387', *AHB* 14: 35–48.
- GREGORY, T. E. 2005. *A History of Byzantium* (Oxford).
- HAARER, F. K. 2006. *Anastasius I: Politics and Empire in the Late Roman World* (Cambridge).
- HARRIES, J. 1988. 'The Roman imperial quaestor from Constantine to Theodosius II', *JRS* 78: 148–72.
- HARTLEY, E., HAWKES, J., and HENIG, M. (eds.) 2006. *Constantine the Great: York's Roman Emperor* (Aldershot).
- HEATHER, P. 1991. *Goths and Romans, 332–489* (Oxford).
- 1994. 'New men for new Constantines?', in P. Magdalino (ed.), *New Constantines* (Aldershot): 11–33.

- 1996. *The Goths* (Oxford).
- 2005. *The Fall of the Roman Empire: A New History* (London).
- HENDY, M. F. 1985. *Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450* (Cambridge).
- HOLUM, K. G. 1982. *Theodosian Emperresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity* (Berkeley).
- HUNT, E. D. 1998. 'The successors of Constantine', in *CAH* 13: 1–43.
- JONES, A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey* (Oxford).
- KELLY, C. 2004. *Ruling the Later Roman Empire* (Cambridge, Mass.).
- 2006. 'Bureaucracy and Government', in *Lenski* 2006: 183–204.
- LANÇON, B. 1992. *Le monde romain tardif, IHe-VIIe siècle ap. J.-C* (Paris).
- LANE FOX, R. J. 1986. *Pagans and Christians* (Harmondsworth).
- LAVAN, L. (ed.) 2001. *Recent Research in Late Antique Urbanism* (Portsmouth, RI).
- LEE, A. D. 2000. 'The eastern empire: Theodosius to Anastasius', in *CAH* 14: 33–62.
- LENSKI, N. 1999. 'Assimilation and revolt in the territory of Isauria, from the 1st century B. C. to the 6th century A.D.', *Journal of the Social and Economic History of the Orient* 42: 413–465.
- 2002. *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century AD* (Berkeley).
- (ed.) 2006. *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* (Cambridge).
- LEPPIN, H. 2003. *Theodosius der Grosse* (Darmstadt).
- LIEBESCHUETZ, J. H. W. G. 1990. *Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom* (Oxford).
- 2000. 'Administration and politics in the cities of the fifth to the mid-seventh century', in *CAH* 14: 207–237.
- 2001. *The Decline and Fall of the Roman City* (Oxford).
- MACCORMACK, S. 1983. *Art and Ceremony in Late Antiquity* (Berkeley).
- MCCORMICK, M. 2000. 'Emperor and court', in *CAH* 14: 135–165.
- MCLYNN, N. 1994. *Ambrose of Milan* (Berkeley).
- MANGO, C. 1990. *Le développement urbain de Constantinople* (Paris).
- MARAVAL, P. 1998a. 'Le concile de Chalcédoine', in *Pietri* 1998: 79–106.
- 1998b. 'La réception de Chalcédoine dans l'empire d'Orient', in *Pietri* 1998: 107–45.
- MATTHEWS, J. F. 1975. *Western Aristocracies and Imperial Court, A. D. 364–425* (Oxford).
- 1989. *The Roman Empire of Ammianus Marcellinus* (London).
- MEYENDORFF, J. 1989. *Imperial Unity and Christian Division: The Church 450–680 A. D.* (Crestwood, NY).
- MILLAR, F. 1977. *The Emperor in the Roman World* (London).
- 1993. *The Roman Near East, 31 BC – AD 337* (Cambridge, Mass.).
- 2006. *A Greek Roman Empire: Power and Belief under Theodosius II (408–450)* (Berkeley).
- MITCHELL, S. 2007. *A History of the Later Roman Empire, A.D. 284–64* (Oxford).
- MOORHEAD, J. 1992. *Theoderic in Italy* (Oxford).
- MORRISON, C. (ed.) 2004. *Le monde byzantin*, vol. 1: *L'Empire romain d'Orient (330–641)* (Paris).
- PIETRI, C. 1995. 'De la *partitio* de l'empire chrétien à l'unité sous Constance: la querelle arienne et le premier césaropapisme', in *Pietri and Pietri* 1995: 289–335.

- and PIETRI, L. (eds.) 1995. *Histoire du christianisme*, vol. 2: *Naissance d'une chrétienté (250–430)* (Paris).
- PIETRI, L. 1998. *Histoire du christianisme*, vol. 3: *Les églises d'Orient et d'Occident* (Paris).
- POTTER, D. S. 2004. *The Roman Empire at Bay, A. D. 180–395* (London).
- REES, R. 2004. *Diocletian and the Tetrarchy* (Edinburgh).
- RÉMONDON, R. 1997. *La crise de l'empire romain* (Paris, 3rd edn.).
- SALZMAN, R. 2002. *The Making of a Christian Aristocracy* (Cambridge, Mass.).
- SCHIAVONE, A., and others (eds.) 1993. *Storia di Roma*, vol. 3 (2 parts) (Turin).
- SOUTHERN, P. 2001. *The Roman Empire from Severus to Constantine* (London).
- STEIN, E. 1949–59. *Histoire du bas-empire*, 2 vols. (Paris).
- THOMPSON, E. A. 1996. *The Goths*, rev. P. J. Heather (Oxford).
- TREADGOLD, W. 1995. *Byzantium and its Army, 284–1081* (Stanford).
- 1997. *A History of the Byzantine State and Society* (Stanford).
- TROMBLEY, F. R. 1993–4. *Hellenic Religion and Christianization, c. 370–529*, 2 vols. (Leiden).
- WARD-PERKINS, B. 1998. 'The cities', in *CAH* 13: 371–410.
- 2000. 'Land, labour and settlement', in *CAH* 14: 315–345.
- WARD-PERKINS, B. 2005. *The fall of Rome and the End of Civilization* (Oxford).
- WHITBY, L. M. 2000. 'The Balkans and Greece, 420–602', in *CAH* 14: 701–730.
- 2004. 'Emperors and Armies, A. D. 235–395', in S. Swain and M. Edwards (eds.), *Approaching Late Antiquity* (Oxford): 156–186.
- WOLFRAM, H. 1988. *History of the Goths* (Berkeley).

Углубленное чтение

В последние несколько лет имел место целый шквал публикаций общего характера о поздней античности вообще и о периоде правления императора Константина в частности. В., напротив, остался относительно без внимания, поэтому по-прежнему могут оказаться полезны старые основополагающие работы Stein 1949–1959 и Bury 1923. Заслуживают упоминания некоторые из замечательных исследований периода III–IV вв., в частности Митчелл 2007 (описывает весь период поздней античности), Morrisson 2004 (сборник посвящен Восточной империи эпохи поздней античности) и Potter 2004. Времена Диоклетиана и Константина подробно рассматриваются в работе Lenski 2006, в которой каждый из соавторов предлагает историографический обзор и направления для углубленного чтения; Chastagnol 1994a также является замечательным практическим руководством, тогда как Cosme 1998 предлагает великолепный обзор периода до правления Константина I (включительно). Bleckmann 2003 и Brandt 2006 предлагают последние варианты биографии Константина; стоит отметить также Hartley, Hawkes, and Henig 2006. Заслуживает упоминания также Rees 2004 (введение в историю правления Диоклетиана); стоит также упомянуть два тома *Antiquité Tardive* (Истории поздней античности), посвященные тетрархии, 2–3 (1994–1995) и работу Demandt, Goltz, and Schlanger-Schöninghen 2004. Конец IV в. и, в частности, правление Феодосия I рассмотрены в замечательных, недавно вышедших книгах Lenski 2002, Leppin 2003 и Errington 2006.

В числе обобщающих работ исключительно полезной отправной точкой представляются издания *САН* 12–14 (Кембридж 1998–2005), в особенности в том, что касается тематической библиографии; работа Carrié and Rousselle 1999 также необходима исследователям доконстантинова периода; очередной том из этой серии готовится к печати. Вводные исследования Averil Cameron (1993a, 1993b) содержат хороший обзор данного периода, Lançon 1992 – несколько более поверхностен; по-прежнему может быть полезно исследование Rémondon 1997, охватывающее в точности тот самый исторический период, который и рассмотрен нами в данном подразделе. Полезен также и анализ социального и экономического развития этого периода в Garnsey and Humfress 2001; Kelly 2004 представляет собой замечательный обзор преобразований бюрократии в эпоху поздней империи. Jones 1964 по-прежнему остается фундаментальным справочным изданием, к числу которых необходимо добавить и работу Demandt 2008. Treadgold 1997: 13–173 рассматривает в одной из глав этот же период более подробно, тогда как Gregory 2005: 21–118 – более кратко. В числе прочих обобщающих исследований поздней античности и Византии, упоминания заслуживают Bowersock, Brown, and Grabar 1999, а также Schiavone и пр. 1993. Хоршим современным синтетическим исследованием в области церковной истории является работы Pietri and Pietri 1995 и Pietri 1998. Интересный анализ рассматриваемого периода, хотя и в большей степени относящийся к Западу, содержат недавно вышедшие широко известные работы Heather 2005 и Ward-Perkins 2005.

Глава II.3.2 В ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР, 518–800 гг.

Джон Хэлдон

Восточная империя выжила в потрясениях V в. по множеству причин: более здоровая экономика, более диверсифицированные модели городских и сельских взаимосвязей и рынков, а также более солидная база налогообложения, поскольку в распоряжении Константинополя находился Египет и богатейшие провинции Сирии. В добавок восточная дипломатия поощряла вождей варваров бросать жадные взгляды на Запад, тогда как в то же время стены Константинополя, – крупномасштабная новостройка времен Феодосия II (408–450 гг.), – не располагали к попыткам взять город. Однако *magister militum* (главнокомандующие), возглавлявшие имперские полевые войска, по-прежнему большей частью состояли из германцев по происхождению и продолжали пользоваться влиянием при дворе. Только с назначением императора Льва I (457–474 гг.) эта традиция прервалась, поскольку Лев, будучи кандидатом на престол, выдвинувшимся благодаря главнокомандующему Аспару, «творцу царей», смог перехватить инициативу (хотя и не без поддержки исаврийских наемников) и в последние годы своего правления от Аспара избавился. Льва I сменил на престоле его внук, Лев II, сын некоего Зинова, женившегося в свое время на дочери Льва I и бывшего командиром экскувитов, исаврийской гвардии (стражи) Льва I. Когда в 474 г. Лев умер, Зинов стал единоличным правителем. Подавив государственный переворот и победив в гражданской войне (длившейся на протяжении большей части его царствования) с помощью наемников-готов, которых после того успешно отправил в Италию под предлогом реставрации там имперского правления, Зенон в 491 г. умер.

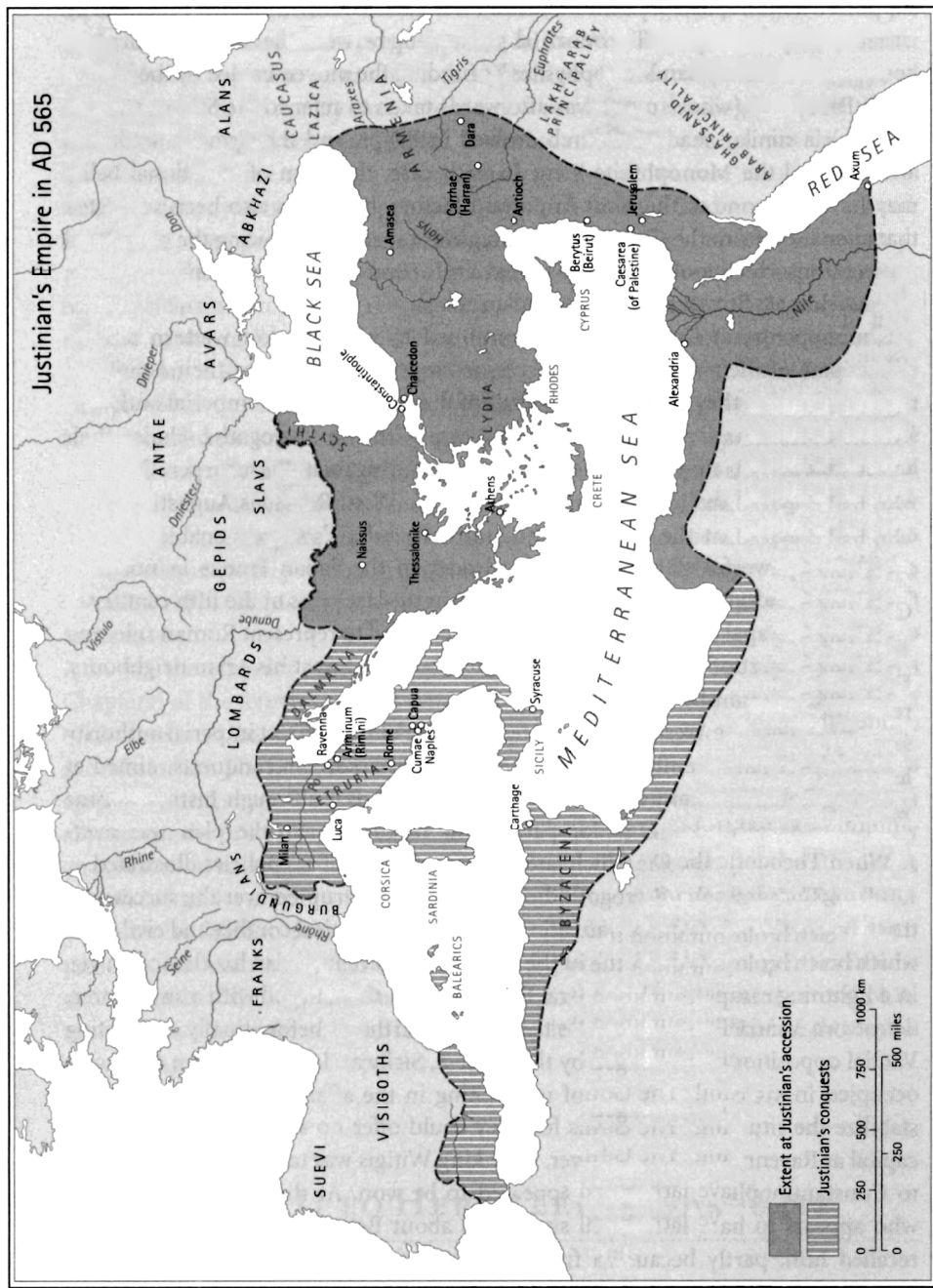
Его преемником стал Анастасий (491–518 гг.), способный гражданский служащий, избранный вдовой Зинова, императрицей Ариадной при поддержке высшего офицерского состава и придворных чинов. Восстание исавров было подавлено в 498 г., нападение «склавинов» окончательно отражено, а кампания против Персии в итоге успешно завершилась в 506 г. Самым важным свершением Анастасия стала денежная реформа, коснувшаяся выпуска в империи монет из

драгоценных металлов, посредством которой он стабилизировал золотые деньги и выравнивал соотношение между ними и медными деньгами.

Юстин I и Юстиниан I (518–565 гг.)

В 518 г. Анастасия сменил на троне Юстиниан, в свою очередь бывший командующим экскувитов. Его правление отмечено стабилизацией на восточном фронте и укреплением политической стабильности, достигнутой в правление его предшественника; после смерти ему, при отсутствии других претендентов, наследовал его племянник, Юстиниан. Правление Юстиниана явилось своеобразным водоразделом, границей, отделившей Восточный Рим от Византии – и во многих отношениях, собственно говоря, ознаменовало начало средневекового восточноримского мира (Bury 1889: vol. 1, 227–482; vol. 2, 1–64; Jones 1964: 221–302; Stein 1959; Lee 2000: 42–62; Cameron 2000).

Теологические противоречия всегда были преобладающей характеристикой внутренней политики. Хотя несториане и отделились после собора 431 г., официально организовав отдельную Церковь на своем собственном Соборе в Селевкии-Ктесифоне в Персии в 486 г., христологические споры продолжали представлять серьезную политическую проблему для правительства. Наметился гораздо более значимый раскол в рядах христиан в форме движения монофиситов, которое, хотя и стало упоминаться под таким названием только с VII в., представляло собой реакцию на некоторые взгляды несториан, и сосредоточило внимание на том, каким образом Божественное и человеческое сочетались в лице Христа. Сформировались и продолжали развиваться две школы монофиситов, наиболее крайнюю систему взглядов разработал некий Евтихий, утверждавший, что божественное первенствовало и преобладало над человеческим (отсюда само понятие «монофисит»: *mono* – «один», *physis* – «природа»). Собор, прошедший в 449 г. в Эфесе («Грабительский собор»), испорченный насилием и запугиванием со стороны монахов, поддерживавших Евтихия, высказался в пользу позиции монофиситов. Но на Халкидонском соборе в 451 г. более широкое собрание епископов опровергло это и внесло уточнения в традиционный, Никейский Символ Веры, прояснив христологические позиции. Политическим результатом такого разделения стало то, что, в частности, в Египте и Сирии учение монофиситов распространилось и укоренилось среди сельского населения и привело к отдельным, но жестоким преследованиям. При дворе имперская политика менялась от правления к правлению, что вносило некоторое замешательство в Церковь в целом, и влекло за собой преследования как одной, так и другой стороны: Зинон (474–491 гг.) издал указ о единении, Энотикон, которым попытался прикрыть и сгладить имевшиеся разделения; Анастасий поддерживал позицию монофиситов; Юстин I был сторонником Халкидона; а Юстиниан, частично под влиянием императрицы Феодоры (ум. 548 г.) колебался между двумя точками зрения. Феодора оказала поддержку сирийским монофиситам, основав движение во главе с епископом Иаковом Варадеем (чье имя с тех пор присутствует в общепринятом обозначении Сирийской Яковитской Церкви); подобная «теневая» Церковь

Карта 4. Византийская империя в VI в.

развивалась в Египте, Армянская Церковь также приняла учение монофиситов. В каждом случае одним из наиболее важных факторов, возможно, стала форма традиционных верований, но также выдвигалось и предположение о том, что свою роль сыграло стремление обособиться от правящего в Константинополе режима, особенно после периодически возобновлявшихся гонений (Brown 1971; Cameron 1993: 57–80; Chadwick 1998; Brown 1998a, 1998b; Allen 2000).

Императоры Константинополя продолжали рассматривать утраченные западные территории как часть своей империи. Некоторые из наследных королей считались их полномочными представителями – они правили от имени императоров до восстановления императорской власти. Наиболее очевидно это проявилось в случае с остготами. Во времена правления их вождя Теодориха Зинон направил их против узурпатора Одоакра, низложившего последнего римского императора Ромула Августула и претендовавшего на императорскую власть вместо него. Успех Теодориха дал ему возможность основать могущественную державу в Италии. Вождь салических франков в северной Галлии, Хлодвиг, принявший ортодоксальное христианство в последние годы V в. с целью получить признание со стороны Папы и императора, заявлял, что представляет римское правительство и использовал свое ортодоксальное вероисповедание для оправдания военных действий против арианских соседей, в частности, вестготов южной Галлии.

Убеждение в том, что Запад лишь временно оказался вне пределов непосредственной императорской власти вдохновляло Юстиниана предпринять целый ряд примечательных завоеваний, направленных на восстановление былого римского величия. Но хотя Юстиниан и подошел очень близко к тому, чтобы достичь большей части своих изначальных целей, его план был чересчур амбициозен, как это наглядно продемонстрировали осложнения, ставшие впоследствии результатом его политики.

Когда в 526 г. умер Теодорих Остготский, спор, разразившийся вокруг наследования трона, погрузил его королевство в смуту. В Африке политический конфликт и гражданское противоборство, разразившиеся после смерти короля вандалов, дали Юстиниану шанс. В 533 г. в ходе молниеносной кампании полководец Велисарий смог, высадившись там с малыми силами, победить две армии вандалов, захватить их столицу, Карфаген и полностью искоренить сопротивление вандалов. На волне такого успеха в 535 г. под предлогом вмешательства в дела остготов и общей стабилизации ситуации были оккупированы Сицилия, а потом и Южная Италия. Готы не нашли в себе сил оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Их столица Равенна пала, их король Витигис был взят в плен и отправлен в Константинополь, война казалась выигранной. В этот момент Юстиниан, похоже, втайне питавший подозрения относительно политических амбиций Велисария, отозвал его, отчасти потому что недавнее вторжение нового и динамичного правителя, персидского царя Хосрова I угрожало серьезными проблемами на Востоке. В 540 г. Хосров захватил Антиохию, один из богатейших и важнейших сирийских городов, а поскольку остготы незадолго до того отправили посольство в столицу Персии, вполне возможно, что персы тесно сотрудничали с готами, чтобы, используя интерес римлян к Западу, отвлечь их пока

готы попытаются восстановить утраченные позиции. Именно это они, пользуясь отсутствием Велисария, и могли сделать под руководством своего нового вождя, короля Тотилы. За короткое время они вернули себе Рим, Равенну и большую часть полуострова. Римлянам понадобилось еще десять лет мелкомасштабных карательных военных операций по всей Италии, чтобы окончательно сломить сопротивление остготов, к тому времени местность была разорена и едва ли способна вынести бремя вновь установившейся имперской бюрократии.

Юстиниан имел далеко идущие планы экспансии, но в конце концов лишь юго-восточные районы Испании удалось освободить от власти вестготских королей, также бывших арианами. Частью реализации его планов по восстановлению римского величия стал приказ о кодификации римского законодательства, в результате чего были изданы Дигесты и Кодекс Юстиниана, и тем самым заложено основание для дальнейшего развития византийского законодательства и позднейшей кодификации. Он преследовал оставшихся язычников, сиеясь выступать одновременно и римским, и христианским правителем, защитником православия и Церкви, а также вводил большое количество административных реформ и изменений, стремясь направить в нужное русло и привести в соответствие требованиям своего времени управление империей. Но масштабность его представлений об империи и собственная имперская позиция привели его к конфликту с Папой, к примеру, в ходе так называемого «Спора о Трех Главах» (Jones 1964; Stein 1959; Cameron 2000: 63–84).

В 543 г. император издал эдикт, направленный против трех собраний письменных произведений IV и V в. – Феодора Мопсуестийского, Феодорита Киррского и Ивы Эдесского, обвинявшихся монофиситами в пронесторианских взглядах. Его намерение заключалось в том, чтобы расположить к себе монофиситов, что требовало согласия и одобрения Папы римского Вигилия. Папа, однако же, несмотря на значительное сопротивление на Западе, в конце концов утвердил эдикт, и в 553 г. Вселенский собор в Константинополе осудил «Три Главы». Папа был помещен под арест имперскими гвардейцами и вынужден был согласиться с решением собора. Но в целом попытка компромисса была неудачной и не убедила монофиситов встать на новохалкидонитские позиции. Однако же и сам Юстиниан отнюдь не всегда пользовался популярностью среди населения империи. В 532 г. он чуть не лишился трона в ходе грандиозного восстания Ника; еще несколько заговоров, составленных против него на протяжении его правления, были раскрыты прежде, чем привели к чему-либо серьезному (Cameron 2000: 79–81).

От Юстина II до Ираклия (565–641 гг.)

Юстиниан умер в 565 г., оставив империю разросшейся, простиравшейся далеко и испытывавшей чрезмерную напряженность как в финансовом, так и военном отношении. Его преемники лицом к лицу столкнулись с необходимостью иметь дело с новыми врагами, нехваткой наличных денег, внутренним недовольством высоким налогообложением, постоянной нехваткой солдат и необходимостью содержать их. Юстин II, преемник Юстиниана и его племянник,

начал свое правление с того, что отменил ежегодные выплаты Персии (в действительности бывшие огромных размеров взяткой, выплачивавшейся, чтобы держать на расстоянии шаха Персии, и позднее рассматривавшейся как дань), начав дорогостоящую войну на востоке. В 568 г. германские лангобарды, покинув родные места, прошли вдоль Западного Дуная и Дравы в Италию, пытаясь бежать от приближавшихся аваров, войска тюркских кочевников, которые, как двумя веками ранее гунны, находились в процессе формирования обширной степной империи. В то время как лангобарды стремительно прорывались сквозь римские оборонительные позиции на севере полуострова, вскоре подчинив некоторые территории в центре и на юге и поставив во главе их своих вождей, авары заняли земли, прежде принадлежавшие лангобардам, и обосновались там, представляя отныне главную угрозу имперскому правлению на севере балканского региона. Между серединой 570-х гг. и концом правления императора Маврикия (582–602 гг.) империя смогла восстановить шаткое равновесие сил на востоке. Хотя римляне страдали от многочисленных поражений, они смогли укрепиться на северной, Дунайской границе. Однако земли, на которых развернулась кампания, особенно Италия и Балканы, подвергались чем дальше, тем большему разорению и неспособны были выносить продолжавшиеся военные действия. Маврикий разумно использовал гражданскую войну в Персии в 590–591 гг., поддерживая молодого, смещенного с трона шаха Хосрова II. Когда, при помощи римлян, война закончилась поражением врагов Хосрова, мирное соглашение между двумя империями вознаградило римлян возвратом некоторой части территорий и нескольких крепостей, утраченных в ходе предыдущих вооруженных столкновений.

Маврикий и его армия не пользовались популярностью на Балканах из-за ожесточенного характера военных действий, а также из-за попыток императора сохранить некоторый контроль над расходами той затянувшейся войны. Это (то ли верно, то ли ошибочно) расценивалось солдатами как мелочность и скупость, и в 602 г. Дунайская армия взбунтовалась, двинулась на Константинополь и назначила на императорский престол своего кандидата, центуриона Фоку. Вся семья Маврикия была казнена, и началась тирания Фоки (602–610 гг.). А поскольку он, похоже, был откровенно некомпетентен в политике, его армия, вероятно, оказалась предоставлена сама себе на Балканах и на границе с персами, которые под предлогом мести за Маврикия захватили восточные провинции. Фока был популярен во многих регионах империи, но в 610 г. Ираклий, военный правитель (экзарх) Африки в Карфагене, отплыл во главе флота с целью его свержения в то время, как его двоюродный брат Никита повел сухопутные войска через североафриканские провинции, по Египту на север, в Малую Азию. Фока, оказав незначительное сопротивление, был низвержен, а Ираклий коронован как император. Некоторые войска остались верны Фоке, и его смещение вызвало кратковременную гражданскую войну в Египте и Малой Азии. Однако империя была отныне неспособна поддерживать в неприкосновенности оборону и за несколько лет авары и славяне завоевали большую часть Балкан, тогда как персы в 614–618 гг. оккупировали Сирию и Египет и продолжали продвигаться в Малую Азию. Италия была разделена на определенное количество военных округов, отделенных

друг от друга анклавами лангобардов; эти округа приобретали все большую автономию и в конечном итоге стали независимыми во всем, кроме названия. В 626 г. окончилась поражением нападавших совместная аваро-персидская осада Константинополя (современники приписывали победу вмешательству Богородицы), тогда как с 623 г. Ираклий смело развязал войну на персидской территории, серией блестящих кампаний разгромил армии Хосрова и вынудил персидских военачальников просить мира (сам Хосров был низложен и убит). Status quo восстановился, господствующее положение Римской империи, казалось, было закреплено. Хотя Дунай по-прежнему являлся номинальной границей, Балканы в действительности больше не находились под властью императора, кроме как в тех их местах, где появлялась армия; а финансовое положение империи, чьи ресурсы исчерпала затянувшаяся война, было плачевно (Whitby 2000: 86–111; Whittow 1996: 69–82; Haldon 1997: 41–53).

Решающую роль продолжала играть сложная церковная политика. Недовольство, вызванное, в частности, преследованиями монофиситов со стороны Константинополя, — к примеру, при Юстине II, — привело к своего рода компромиссной формуле, основе воссоединения территорий, отныне утраченных для персов, чье население преимущественно составляли монофиситы. При Ираклии Патриарх Сергей и его советники выступили с двумя возможными решениями, первое носило название «моноэнергизма», согласно которому постулировалась единственность энергии, в которой объединялись Божеское и человеческое естества. С этой точки зрения возникновение ислама на исторической сцене создало потребность в компромиссе, который как можно более срочно излечил бы от разделений. Что еще более важно, поражения, нанесенные арабами, воспринимались (согласно с основополагающими воззрениями того времени) как знак Божьего недовольства, требуя некоего действия со стороны римлян или их хранителя и представителя Бога на Земле, императора, чтобы загладить вину. Ираклий и его Патриарх, Сергей, без сомнения, формулировали свои предложения в отношении компромисса с монофиситами, исходя из этих соображений. Но моноэнергизм решительно отвергли некоторые из выдающихся деятелей Церкви. Альтернативное решение, доктрина единстве воли — «монофелитство» — хотя и получило поддержку умеренных монофиситов, в конечном итоге было отвергнуто, как убежденными монофиситами, так и большинством западного халкидонитского духовенства, сохраняясь в качестве имперской политики, навязанной указом, принятым после смерти Ираклия в 641 г. К тому времени, конечно же, земли монофиситов достались арабам и исходный пункт компромисса перестал существовать (Haldon 1997: 48–59).

Возвышение ислама

Истоки ислама лежат на севере Арабского полуострова, где различные формы христианства и иудаизма веками существовали бок о бок с местными верованиями, в частности, в среде много путешествовавших сообществ купцов и проводников караванов Мекки и Медины. Магомет (Мухаммад, сын Абдаллаха) и сам был уважаемым и авторитетным купцом, возможно, сопровождавшим

торговые караваны на север к римской Сирии. Сирия и Палестина уже были в значительной мере заселены арабами, как земледельцами, так и скотоводами, а также наемными солдатами, служившими империи буфером против персов. Являя собой своеобразный синтез иудейских, христианских (монофиситских) и традиционных арабских верований с мессианским основанием, которым в большей степени был обязан иудаизму, нежели христианству, ислам при Магомете быстро достиг значительной степени сложности и согласованности. Хотя проповедь Магомета столкнулась вначале с ожесточенным сопротивлением со стороны его собственного племенного клана курайшитов, господствовавших в Мекке и ее торговле (так же, как и в Каабе), к 628–629 гг. он установил свою власть над большей частью полуострова, вступил в союз с курайшитами и стал намечать дальнейшее направление развития нового исламского сообщества. После его смерти (традиционно относимой к 632 г.) последовал кратковременный период междоусобных войн, и нет ни малейшего сомнения, что наряду с религиозным рвением, стремление к славе, захвату добычи, завоеванию новых территорий стали основанием для нападений как на персидские, так и на ромейские земли. Сочетание некомпетентности и равнодушия вылилось в серию разгромных поражений Рима и потерю Сирии, Палестины, Месопотамии и Египта за короткий, десятилетний промежуток времени, так что к 642 г. империя сократилась, став жалким подобием того, что представляла собой ранее. Персидская империя была полностью завоевана и разрушена. Зародилась Арабская исламская империя (Hawting 2000; Kennedy 1986; Kaegi 1992; Whittow 1996: 69–88).

Наиболее существенной потерей был Египет, основной источник зерна для Константинополя и других восточных прибрежных городов. Вместе с Сирией и прочими восточными провинциями он приносил империи львиную долю ее доходов от налогообложения. Константинополь был вынужден решительно сократить фискальный аппарат и его управляющих, включая тех, благодаря которым формировалась и содержалась армия; и в результате к концу VII в. государство в административном отношении сильно отличалось от того, каким оно было сто лет назад.

Византия в VII в.

Сократившейся в размерах, ослабленной и обедневшей Византийской империи приходилось теперь противостоять не только крайне агрессивному и исключительно успешному новоявленному противнику на востоке. В ее распоряжении осталось гораздо меньше ресурсов, чем раньше, она в действительности утратила контроль над Балканами и не имела реальной власти в Италии, где экзарх, располагавшийся в Равенне, боролся против все более сложных противоречий за сохранение имперских позиций. Настойчивое стремление правительства империи в царствование Константа II усилить официальную про-монофелитскую политику отражало и потребность правительства в укреплении имперской власти, и мнение некоторых ее представителей, что римляне были наказаны за неспособность преодолеть внутрицерковные разделения. Но оно

же привело империю к конфликту с Папой римским и Западной Церковью, а также спровоцировало действия оппозиции в самой империи и повлекло за собой усугубление политической и идеологической изоляции. На протяжении правления Константа II (641–668 гг.), Константина IV (668–685 гг.) и Юстиниана II (685–695 гг.) Малая Азия подвергалась набегам и с начала 640-х гг. вплоть до первой половины VIII в. значительные пространства ежегодно опустошались с катастрофическими последствиями для населения, экономики пострадавших регионов, в особенности, приграничной зоны, и для городской жизни, которая фактически ограничивалась пределами укрепленных гарнизонных поселений. Целый ряд осад и попыток сломить сопротивление Константинополя в 674–678 гг. окончился неудачей, а крупнейшая из всех осад 717–718 гг. – поражением нападавших и существенными потерями с арабской стороны. Положение казалось настолько отчаянным, что Константин II в 662 г. переместился с императорским двором в Сицилию. Его убийство в 668 г. положило конец эксперименту, но все это лишь свидетельствует о взглядах того времени. Юстиниан II был низложен в 695 г.; далее последовала серия недолго державшихся, сменяя друг друга у власти, узурпаторов, пока, наконец, сам Юстиниан II в 705 г. не вернул себе трон. В 711 г. он был вновь низвержен и убит, а внутренние политические и военные волнения продлились до захвата власти генералом Львом, ставшим впоследствии Львом III (717–741 гг.), который, победив в 717–718 гг. осаждавших Константинополь арабов, отчасти восстановил, наконец, политический порядок (Haldon 1997: 41–91).

В развитии арабской стратегии можно проследить несколько периодов. До снятия осады 717–718 гг. византийское сопротивление выглядит почти полностью пассивным, армия держится укрепленных позиций и избегает открытых столкновений с противником. Во время арабской гражданской войны конца 680 – начала 690-х гг. император Юстиниан II смог на некоторое время стабилизировать ситуацию; но только на протяжении 720-х гг. империя действительно смогла начать полевые сражения с арабскими войсками и вновь утвердить имперское военное превосходство. Между тем, византийская оборона была сосредоточена в ключевых укрепленных пунктах, а применявшаяся ранее стратегия изматывания противника и избежания открытых столкновений, по крайней мере, не позволила арабам постоянно присутствовать в Малой Азии, чему, конечно же, способствовала и география региона. Тавр и Антитавр, две горные цепи, являвшиеся надежным естественным препятствием, имели очень немного хорошо известных перевалов, позволявших проход в обе стороны.

Балканский фронт также входил в сферу интересов Константинополя. Формально Дунай оставался границей даже в 660-е и 670-е гг. В действительности же только присутствие имперской армии могло сдерживать и укротить местных славянских вождей. В 679 г. ситуацию изменило появление тюркских болгар, кочевого племени, которое насильно согнали с его земель и пастбищ вторгшиеся с востока хазары. Константин IV отказал им в позволении пересечь Дунай в поисках защиты на «римской» территории (сам по себе Дунай оставался фактически в значительной мере под контролем Византии, так как был судоходной рекой, и имперский флот мог курсировать по ней, охраняя границу); несмотря на это

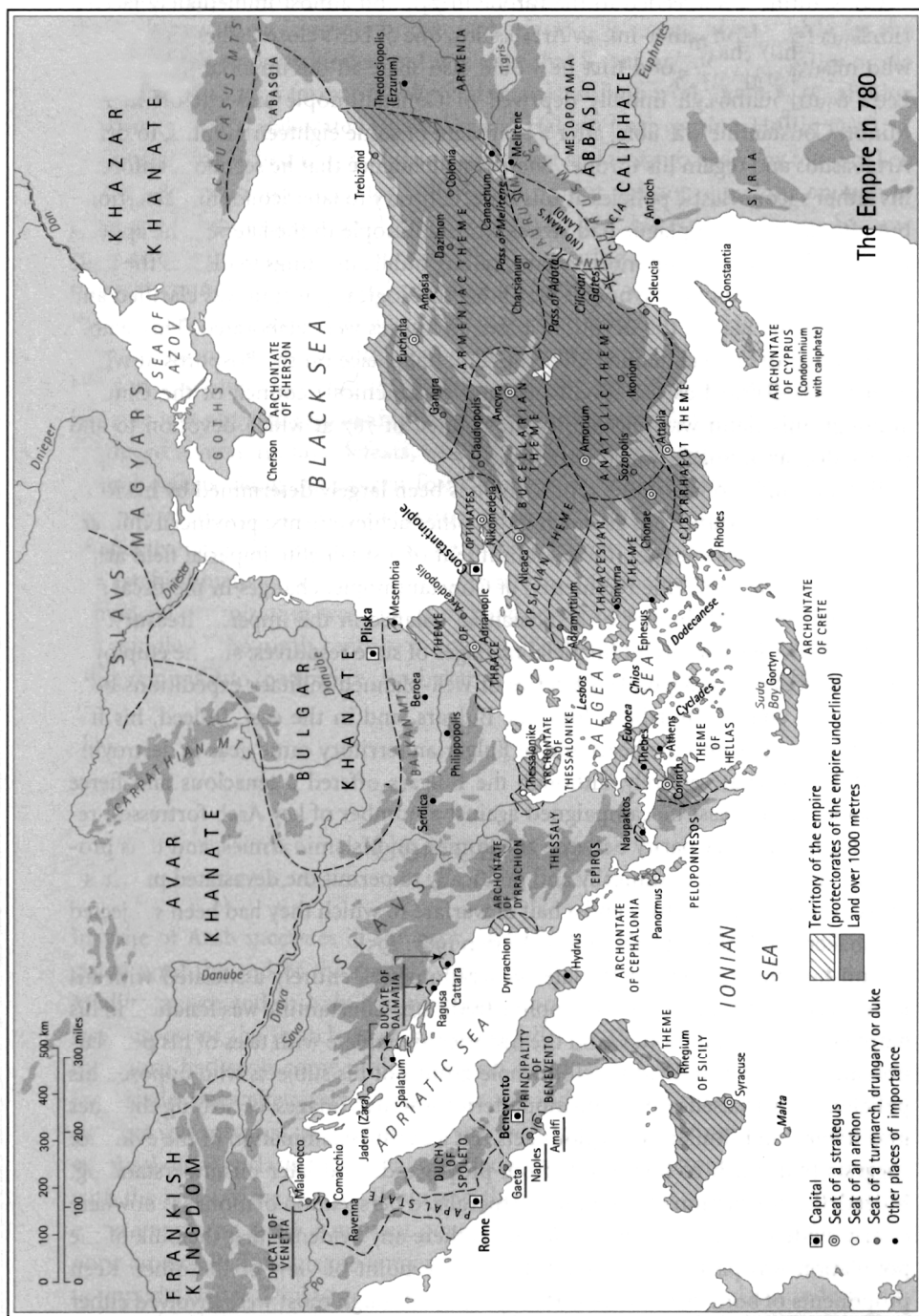
переправа состоялась, на ее месте болгар встретила армия во главе с самим Константином. Слабость дисциплины и недоразумения при передаче команд привели к серьезному поражению имперских сил, и на протяжении следующих двадцати лет болгары укрепили свои позиции в регионе, установив нестрогую гегемонию над местными славянскими и прочими народами региона. К 700 г. Болгарский каганат стал важной политической и военной силой, угрожавшей византийской Фракии (Haldon 1997; Whittow 1996).

VIII в. и иконоборство

Тем не менее, Византия первой половины VIII в. стала свидетельницей восстановления имперских военных сил, утверждения границ вдоль горных цепей Тавра и Антитавра и усиления новых фискальных и военных административных мер, зародившихся еще в период кризиса 640-х гг., чаще всего в совокупности (что, может быть, и не совсем точно) упоминавшихся как составляющие единой системы. В 741 г. Лев III и Константин V издали краткий свод римских законов, Эклогу (избранное), основанный на сочетании Юстинианова законодательства и морали Ветхого Завета, отражавший идеологические воззрения эпохи. Однако правление Льва также отмечено растущим отчуждением между Константинополем и Римом, главным образом из-за разногласий в вопросах церковной подчиненности и имперской налоговой политики в Италии, но также по причине идеологического столкновения, выразившегося в принятии империей того, что позже стали называть иконоборством. Теперь уже неясно, с чего начался этот спор, но в последние годы VII в. на передний план выдвинулся вопрос, имеют ли христиане право использовать и почитать изображения Христа и Богородицы (некоторые деятели Церкви считали это категорически неподобающим). Традиционно и отчасти под влиянием позднейшей пропаганды иконофилов было признано, что источники, описывавшие массовые притеснения, преследования, смерть многих иконофилов, а также уничтожение самих икон были более или менее достоверны. В действительности же похоже на то, что большая часть этих историй – выдумка и преувеличение. Лев III, предположительно, был откровенно мягким и слабым противником использования икон; Константин V, хотя и был вовлечен в теологическое противостояние сильнее, стал придерживаться строго иконоборской политики после первых восьми лет своего правления (или около того); и ни один из них, похоже, не уничтожал священные изображения¹. Иконоборцев заботило, чтобы иконы были убраны со своих мест, к примеру, в храмах, где они могли стать объектом ошибочного почитания (Herrin 1987: 307–43; Brubaker and Haldon – издание готовится к публикации).

Каким бы ни было истинное положение дел, нет никакого сомнения, что именно правление Льва III, компетентного генерала и государственного деятеля, отмечает начало восстановления благосостояния Империи. Его сын, Константин V, один из наиболее успешных генералов Византийской империи, популярнейшая личность своего времени, смог использовать это для укрепления Восточной

¹ Противоположную точку зрения см.: Карташев А. В. Вселенские Соборы. – М., 1994. – С. 460–481 (прим. ред.).

Карта 5. Византийская империя в VIII в.

Римской империи как ведущей державы восточного Балкано-Средиземноморского региона.

Константин V наследовал трон в 741 г. и почти немедленно стал жертвой восстания, поднятого его сводным братом Артавасдом, одним из ближайших союзников и друзей Льва, который, возможно рассчитывал разделить с ним имперскую власть после смерти Льва. С самого начала лишившийся трона в Константинополе, изгнанный в Малую Азию, Константин в ходе военной кампании, длившейся около восемнадцати месяцев, смог нанести поражение Артавасду и снова занять престол. Ничто не указывает на то, что он тут же принялся за укрепление иконоборской политики своего отца в противовес дальнейшим притязаниям иконофилов; но после эпидемии чумы в Константинополе конца 740-х гг. он, похоже, заговорил о проблеме в полный голос, созывал общественные слушания для обсуждения вопроса, а в 754 г. собрал синод, заседание которого прояснило теологические позиции и выработало доводы против поклонения изображениям. Этот синод, Иерийский собор, по названию императорского дворца на Босфоре, ставшего местом его проведения, как утверждалось, являлся Седьмым Вселенским собором Церкви, хотя это его притязание было отвергнуто Собором 787 г., на котором повсеместное поклонение иконам было восстановлено.

Но хотя репутация Константина и определялась во многом иконоборскими позициями, его значимость как правителя заключается в равной мере и в других его свершениях: военные и административные изменения в провинциях, организация небольшого элитного подразделения имперской полевой армии, так называемых тагм (полков) в Константинополе, изменения фискальной системы, существенные накопления средств в имперской казне. Он, очевидно, с осторожностью распоряжался финансовыми ресурсами государства; и употребил имевшиеся в его распоряжении средства на проведение серии тщательно спланированных военных кампаний против северных врагов империи болгар и против ее недругов на востоке. Именно его частые походы вглубь болгарских территорий практически полностью разрушили болгарский каганат, хотя болгары оказывали упорное и ожесточенное сопротивление. На востоке он воевал против ряда основных арабских крепостей, восстанавливая паритет военной силы римской и исламской армий, и одновременно восстанавливая политическую и экономическую стабильность, позволившую разоренным провинциям оправиться от полутравековой войны, которую они пережили (Brubaker and Haldon – издание готовится к публикации; Herrin 1986: 295).

Репутация Константина в глазах последующих поколений полностью ассоциировалась с иконоборством. Иконофильская традиция, представляла Константина фанатичным ненавистником святых изображений и монахов, и история изобилует повествованиями о том, как он поодиночке и целыми группами преследовал и подвергал мучениям своих подданных, противившихся его политике. Его обвиняют в том, что он сжигал монастыри и иконы, превращал храмы в конюшни, и тому подобных кощунственных деяниях. Однако, тщательное исследование фактических данных показывает, что большая часть таких обвинений является результатом пропаганды и позднейших недоразумений. Сведения

об уничтожении икон и массовых преследованиях монахов отсутствуют в каких бы то ни было источниках информации. Также нет никаких данных о том, что основная часть населения как-то особо придерживалась той или иной позиции. Яркие сторонники обеих точек зрения, конечно же, имелись, но большинство их принимало участие в государственном или церковном управлении на том или ином уровне. Маленькая, но активная монастырская оппозиция возникла только в правление Ирины и Константина VI. Как бы то ни было, нет сомнений, что иконоборство стало удобным политическим инструментом для политиков во времена императрицы Ирины, ясно также, что теология священных изображений, столь важная для позднейшей православной доктрины, была впервые разработана на Соборе 787 г. и получила распространение именно с того времени (Brubaker and Haldon – издание готовится к публикации; Herrin 1987).

Константин V умер в 775 г. во время военной кампании, ему наследовал его сын Лев IV (775–780 гг.), продолживший политику отца, но правивший недостаточно долго для того, чтобы оставить существенный след в истории. После его смерти в 780 г. его вдова императрица Ирина стала регентом при малолетнем Константине VI. Во время ее правления и был созван Седьмой Вселенский собор, восстановивший почитание икон, причем большая часть иконоборцев из числа духовенства эти изменения приняла. Но хотя Ирина и обладала определенными управленческими способностями, обстоятельства ее царствования, как при ее сыне, так и после его смерти (в результате ее собственных интриг) доказывали, что ее правление не получило положительной оценки ее современников. Возрождавшаяся мощь болгар стала причиной нескольких поражений на восточном фронте. Ее основным достижением стало возвращение и повторное освоение Пелопоннеса и центральной Греции, внутренние районы которой в течение более чем столетия находились вне зоны действенного имперского контроля. Обращение в христианство, учреждение церковного управления, военная организация провинций шли в этом процессе рука об руку, и в результате в середине IX в. завершились полным освоением и присоединением региона к империи (Brubaker and Haldon – издание готовится к публикации; Herrin 1987).

Заключение

Несмотря на успехи арабов в 790-х гг. и в то время, как отношения с болгарами к концу века стабилизировались, имперское политическое присутствие в центральном Средиземноморье и Италии заметно ослабло уже с 750-х гг. Равенна, последний форпост экзархата Италии, пала под ударами лангобардов, которые, в свою очередь вскоре оказались под властью франков. Папство в Риме в течение десятилетий было фактически автономно и независимо, поскольку имперская военная поддержка была минимальна, а начиная с 750-х гг. с учетом напряженности, вызванной участием империи в иконоборстве, отчуждение возрастало. Постепенно первоочередную важность для Пап приобрел их союз с королями франков Пипином, а затем Карлом Великим, отныне заменившим восточного императора в качестве предержащего верховную власть в Италии (за исключением Сицилии); а в 800 г. Папа короновал Карла как императора, что

на Востоке расценили как неприкрытый вызов своим имперским притязаниям. Дипломатия преодолела некоторые проблемы, недоразумения и разногласия, но византийским императорам приходилось отныне считаться с «возрожденной» империей Запада, независимой от Константинополя, зачастую имевшей противоположные интересы и являвшейся потенциальным военным противником (Herrin 1987: 344–476).

ЛИТЕРАТУРА

- ALLEN, P. 2000. 'The definition and enforcement of orthodoxy', in *CAH* 14: 811–34.
- BROWN, P. 1971. *The World of Late Antiquity* (London).
- 1998a. 'Asceticism: pagan and Christian', in *CAH* 13: 601–32.
- 1998b. 'Christianization and religious conflict', in *CAH* 13: 632–64.
- BRUBAKER, L, and HALDON, J. 2001. *Byzantium in the Iconoclast Period (ca. 680–850). The Sources: An Annotated Survey* (Aldershot).
- forthcoming. *Byzantium in the Iconoclast Era (ca. 680–850): A History* (Cambridge).
- BURY, J. B. 1889. *A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A. D. to 800 A. D.)*, 2 vols. (London).
- CAMERON, A. M. 1993. *The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395–600* (London).
- 2000. 'Justin I and Justinian', in *CAH* 14: 63–85.
- CHADWICK, H. 1998. 'Orthodoxy and heresy from the death of Constantine to the eve of the first council of Ephesus', in *CAH* 13: 561–600.
- HALDON, J. 1997. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge, 1990; rev. edn. 1997).
- HAWTING, G. R. 2000. *The First Dynasty of Islam: The Umayyad Caliphate AD 661–750* (London, 2nd edn.).
- HERRIN, J. 1987. *The Formation of Christendom* (Princeton).
- JONES, A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire: A Social, Economic, and Administrative Survey*, 3 vols. (Oxford).
- KAEGI, W. E. 1992. *Byzantium and the Early Islamic Conquests* (Cambridge).
- KENNEDY, H. 1986. *The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century* (London).
- LEE, A. D. 2000. 'The eastern empire: Theodosius to Anastasius', in *CAH* 14: 33–62.
- STEIN, E. 1949–59. *Histoire du bas-empire*, 2 vols. (Paris).
- WHITBY, L. M. 2000. 'The successors of Justinian', in *CAH* 14: 86–111.
- WHITTOW, M. 1996. *The Making of Orthodox Byzantium, 600–1025* (London).

Углубленное чтение

- COLLINS, R. 1991. *Early Medieval Europe 300–1000* (London).
- CORNELL, T., and MATTHEWS, J. 1982. *Atlas of the Roman World* (Oxford).
- DONNER, F. M. 1981. *The Early Arabic Conquests* (Princeton).

- GREGORY, T. 2005. *A History of Byzantium* (Malder, Mass.—Oxford).
- HALDON, J. 2000. *Byzantium: A History* (Stroud).
- 2005. *The Palgrave Concise Historical Atlas of Byzantium* (London).
- HOLT, P. M., LAMBTON, A. K. S., and LEWIS, B. (eds.) 1970. *The Cambridge History of Islam*, vol. 1: *The Central Islamic Lands*; vol. 2: *The Further Islamic Lands, Islamic Society and Civilisation* (Cambridge).
- KENNEDY, H. 1981. *The Early Abbasid Caliphate: A Political History* (London).
- LAIYOU, A. E., and others (eds.) 2002. *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century* (Washington, DC).
- MAAS, M. (ed.) 2005. *Companion to the Age of Justinian* (Cambridge).
- McKITTERICK, R. (ed.) 1995. *The Cambridge Medieval History*, vol. 2: *c. 700–c. 900* (Cambridge).
- MANGO, C. 1980. *Byzantium: The Empire of New Rome* (London).
- (ed.) 2002. *The Oxford History of Byzantium* (Oxford).
- SHABAN, M. A. 1971. *Islamic History, AD 600–750 (AH 132): A New Interpretation* (Cambridge).
- THOMPSON, E. A. 1982. *Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire* (Madison, Wis.).

Глава II.3.2 С ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР, 800–1204 гг.

Кэтрин Холмс

Введение

Византия сильно изменилась за период с момента смещения императрицы Ирины (802 г.) и до IV Крестового похода (1204 г.). Первая половина этого периода характеризовалась экспансией. Провинции, утраченные в предыдущие столетия, были завоеваны вновь; миссионеры отправлялись далеко за пределы имперских территориальных границ; конец иконоборчества дал толчок возрождению изобразительного искусства. В XI и XII вв. очередные внешние противники вновь вынудили Византию к обороне. Окончательный коллапс наступил в 1204 г., когда Константинополь разорили латинские крестоносцы. Падение было вызвано отчасти собственной политической слабостью Византии, но также, как ни парадоксально, и тем, что составляло ее силу, – коммерческой жизнеспособностью и богатством материальной культуры – как оказалось, неотразимо притягательными для зарубежных грабителей.

От Никифора I до Михаила III (802–867 гг.)

Несмотря на распространение в VIII в. имперской власти на центральную Грецию и Пелопоннес, Византия начала девятого столетия была государством средних размеров. Единственной значимой по масштабу территорией, входившей в сферу прямого имперского контроля, была Малая Азия. Не считая ее, Империя сводилась к Константинополю и его окрестностям (хинтерланду), греческому побережью, несколькими островами в Эгейском море, и горстке береговых аванпостов в Южной Италии, Адриатике и Крыму. Влияние Византии в Италии подорвал Карл Великий, аннексировав Ломбардию и заключив союз с Папой римским. Угроза византийским владениям исходила и от других границ. На востоке в течение всего IX в. существовала опасность арабо-мусульманского

вторжения. И хотя громогласные военные кампании Аббасидов, подобные кампании, направленной против Амория в 838 г., стали редкостью в тот период, сезонные набеги на Анатолию все еще были обычным делом. В дальнейшем мусульмане стали угрожать и со стороны моря. В 827 г. в североафриканские аглабиды напали на Сицилию; приблизительно тогда же Крит пал под ударами испанских мусульман. Тем временем с севера Империи продолжала угрожать Болгария. В ходе военной кампании 811 г. император Никифор I (802–811 гг.) был убит болгарскими войсками в горах Балканской гряды в результате нападения из засады, он был первым восточным императором, погибшим в бою со времен Валента (378 г.) (Ostrogorsky 1968: 186–200; Fine 1983: 94–8; Shepard 1995: 234–6; Whittow 1996: 275–80; Treadgold 1997: 424–9; Magdalino 2002b: 169–72).

Два десятилетия, последовавшие за смертью Никифора, характеризовались внутренним беспорядком и поражениями извне. Сын Никифора Ставракий вынужден был почти немедленно отречься от престола в пользу своего зятя Михаила Рангаве. Правление самого Михаила было малопримечательно, за исключением разве что признания Карла Вликого императором, хотя и не императором Рима – этот титул отводился императору Константинополя. После очередного катастрофического поражения в битве с болгарскими войсками Михаила сменил император Лев Армянин (813–820 гг.). Своим выживанием Лев V во многом был обязан смерти в 814 г. болгарского хана Крума и последовавшему за ней тридцатилетнему перемирию (Fine 1983: 98–110; Shepard 1995: 236–7). Тем временем Лев возобновил иконоборство, вынудив иконофилов, таких, как Феодор Студит, к изгнанию. Убийца и преемник Льва Михаил II (820–829 гг.), основатель Аморийской династии, придерживался иконоборской политики своего предшественника. Но смута продолжалась и на протяжении безуспешного восстания Фомы Славянина в 821–822 гг. И лишь с приходом к власти в 829 г. сына Михаила по имени Феофил была восстановлена некоторая стабильность. В восточной Малой Азии были созданы новые административные единицы (фемы и клисуры). В Херсон, аванпост Византии в Крыму, был назначен стратиг (правитель фемы). В Саркел на реке Дон были направлены архитекторы с целью строительства оборонительных укреплений для хазар – степных союзников Византии. Также выдвинулись на первый план сложные взаимосвязи на востоке. С Багдадом Византия обменивалась послами, мыслителями и рукописями. Новый загородный дворец Феофила во Врие был построен как сознательное подражание арабским образцам. Несмотря на успех Аббасидов в Амории в 838 г., армия Феофила праздновала победы над арабами, в честь чего в Константинополе устраивались императорские триумфы (Ostrogorsky 1968: 200–9; Treadgold 1997: 429–46; Whittow 1996: 150–9, 233–5; Mango 1978: 108; McCormick 1986: 146–50).

Сын Феофила, Михаил III был последним представителем Аморийской династии. События его царствования заведомо непросто восстановить, поскольку позднее они были во многом переиначены историками, приверженцами династии будущего преемника Михаила. Ясно, однако, что правление Михаила стало свидетельством важных изменений в государственной религиозной политике. В 843 г., в регентское правление императрицы Феодоры было возобновлено почитание икон, что оказало глубокое влияние на религиозную жизнь

(Herrin 2001: 202–13). На протяжении десятилетий развивались новые формы архитектуры и искусства, такие, например, как храмы в форме греческого креста, в которых изображения Христа, Богородицы и святых, расположенные в иерархической порядке, встречали верующих у входа в небесные обители (Mango 1978: 108–20). Также начало распространяться монашество, еще одна форма выражения религиозности, хотя установить связь между восстановлением иконопочитания и прочими социальными, политическими и экономическими факторами, такими как, например, покровительство мирян, в процессе возрождения монастырей сложно (Morris 1995: 9–142). В равной степени неясны причины распространения православного христианства за пределами Византии, хотя нет никакого сомнения в том, что всеобъемлющая миссионерская деятельность в IX–X вв. привела к обращению в христианство как множества государств, так и отдельных людей. Наиболее знаменитыми миссионерами были Кирилл (Константин) и Мефодий, отправившиеся в 863 г. в Моравию, вооружившись новым алфавитом, призванным упростить запись славянского перевода текстов греческой литургии. И хотя их миссия в Моравии окончилась неудачей, их последователи помогли основать Болгарскую Церковь после крещения в 864 г. болгарского хана Бориса. Такую же широкую огласку получило крещение киевского князя Владимира, принявшего христианство в 988 г. Однако совсем немногие из этих известнейших случаев обращения были инициированы византийским имперским двором. Только среди славян центральной Греции и Пелопоннеса Византия, похоже, систематически проводила политику христианизации. Во всех остальных местах об обращении в христианство просили сами желавшие принять святое крещение, и миссии в большинстве своем предпринимались частными лицами, а не организовывались государством (Obolensky 1971: 69–200; Shepard 2002).

Македонская династия: от Василия I до Василия II (867–1025 гг.)

В 866 г. Михаил III возвысил своего фаворита, Василия «Македонянина», ранее служившего императорским конюхом, до положения соправителя; годом позже Василий убил Михаила и стал править единолично. Начало своего царствования он посвятил укреплению сомнительных оснований своей императорской власти. Первым делом он узаконил собственный режим правления, короновав как соправителей двух своих сыновей. На востоке он продолжил наступательную кампанию, начатую в правление Михаила I. И хотя успех был сомнительным (ему понадобилось почти десятилетие, чтобы искоренить ересь павликиан, союзников эмира Мелитины), он позаботился о том, чтобы его достижения преподносились исключительно как победные триумфы (McCormick 1986: 152–7). Действия внутри страны зачастую предпринимались с целью завоевать признание за рубежом. Один из первых политических шагов, предпринятых им по вступлении на трон, – смещение Патриарха Фотия, которого годом ранее в результате целого ряда юрисдикционных противоречий между Римом и Констан-

тинополем предал анафеме Папа Николай I – имело целью снискать расположение римского понтифика (Dvornik 1948: 1–158; Ostrogorsky 1968: 224–6, 233–5; Treadgold 1997: 450–6).

Василию наследовал его сын (бывший, возможно, сыном Михаила III) Лев VI, «Мудрый» (Tougher 1997: 23–41). Лев был плодовитым автором поучений, поэм и речей, а также выделял средства на энциклопедические начинания (Antonopoulou 1997). На протяжении его правления была составлена Книга Эпарха, сборник, регулирующий поведение представителей различных профессий в Константинополе ((Koder 1991). Лев также прилагал усилия в области кодификации византийского законодательства. Последовавшие за опубликованными в правление Василия Прохирон и Исагога, законодательные руководства основывались именно на них и имели целью заменить Эклогу, Лев лично следил за пополнением Василик, разъяснениями Юстинианова кодекса на греческом языке (van Bochove 1996; Tougher 1997: 32–6). Но василевс не только обобщал существовавшее прежде, он также создавал и распространял новое. Император сам издавал новеллы (дополнительное узаконение) по законодательным вопросам того времени. В своей солидных размеров Тактике он сочетал военные знания прошлого с наблюдениями за противниками современной ему империи IX в. (Tougher 1997: 166–72; Haldon 1999). Одним из наиболее интересных документов, сохранившихся со времен его правления, является Клиторологий Филофея, список высокопоставленных военных и гражданских чиновников империи, который четко показывает растущую изоционность центрального и провинциального управления в IX в. (Ostrogorsky 1968: 239–55; Oikonomides 1972: 65–235, 281–344, 348–54).

По контрасту с описанным порядком, дела в правление Льва велись скорее сумбурно и беспорядочно. В Италии полководец Никифор Фока усилил византийское присутствие, но на всех прочих направлениях действия были малоуспешны. Болгары победили византийцев в 896 г., а в 902 г. Таормина, последний имперский аванпост в Сицилии, пал под ударами мусульман (Tougher 1997: 173–193). Тем временем, стремление Льва обзавестись наследником мужского пола побудило его к заключению четырех браков, из которых два последних были незаконны с канонической точки зрения. Протестуя против этих его действий, Патриарх Николай Мистик запретил императору входить в собор Св. Софии, после чего сам Патриарх был низложен. Лев умер в 912 г. (Ostrogorsky 1968: 255–60; Treadgold 1997: 461–70; Tougher 1997: 133–63). Краткого, годичного правления его брата Александра хватило, тем не менее, для того, чтобы вновь проявилась враждебность со стороны Болгарии. Этот конфликт стал фоном для длившегося семь лет внутривизантийского переворота при инфанте Константине Багрянородном, сыне Льва VI от четвертого брака. За политический контроль боролись мать императора Зоя, восстановленный в правах Патриарх Николай и члены семейств Фок и Дук. Все они старались узаконить и упрочить свое положение во внутренней политике, установив отношения с Симеоном, царем болгарским, и все были скомпрометированы. Николай лично короновал Симеона близ Константинополя в 913 г. в ходе церемонии, значение которой неясно. Достигнутое было согласие свела к нулю византийская атака по приказу Зои в 917 г., окончившаяся

сокрушительным поражением ромеев (Fine 1983: 137–58; Whittow 1996: 288–92; Shepard 1999a: 573–6).

В конце концов победителем во внутривосточном конфликте оказался адмирал Роман Лакапин, выдавший свою дочь замуж за юного Константина и в 920 г. надевший императорскую корону. Как и Василий I, Роман короновал в качестве соправителей своих сыновей; позже в его правление еще один его сын стал Патриархом. Власть Романа значительно упрочилась со смертью Симеона в 927 г. Было составлено соглашение, по которому Византия признавала сына Симеона Петра императором болгарским (Runciman 1929: 45–101; Toynbee 1973: 360–2; Fine 1983: 160–4; Shepard 1999a: 576–80). Пребыванию Лакапинов у власти положил в 944 г. конец Константин Багрянородный, лишивший Романа трона с помощью его же сыновей, вскоре после этого он нанес удар и по своим недавним союзникам и до 959 г. правил единолично (Runciman 1929: 229–45; Toynbee 1973: 10–12; Shepard 1999b). Его преемник Роман умер в 963 г., оставив двух молодых сыновей Василия и Константина. В том же году власть захватил полководец Никифор Фока. Шестью годами позднее он был убит еще одним генералом, Иоанном Цимисхием. Когда Цимисхий в начале 976 г. умер, Василий II и Константин VIII приняли власть над всей империей. Как в точности складывались взаимоотношения братьев, остается неясным, но на протяжении большей части их правления реальной властью, похоже, обладал только Василий (Whittow 1996: 348–90; Holmes 2005: 522–5).

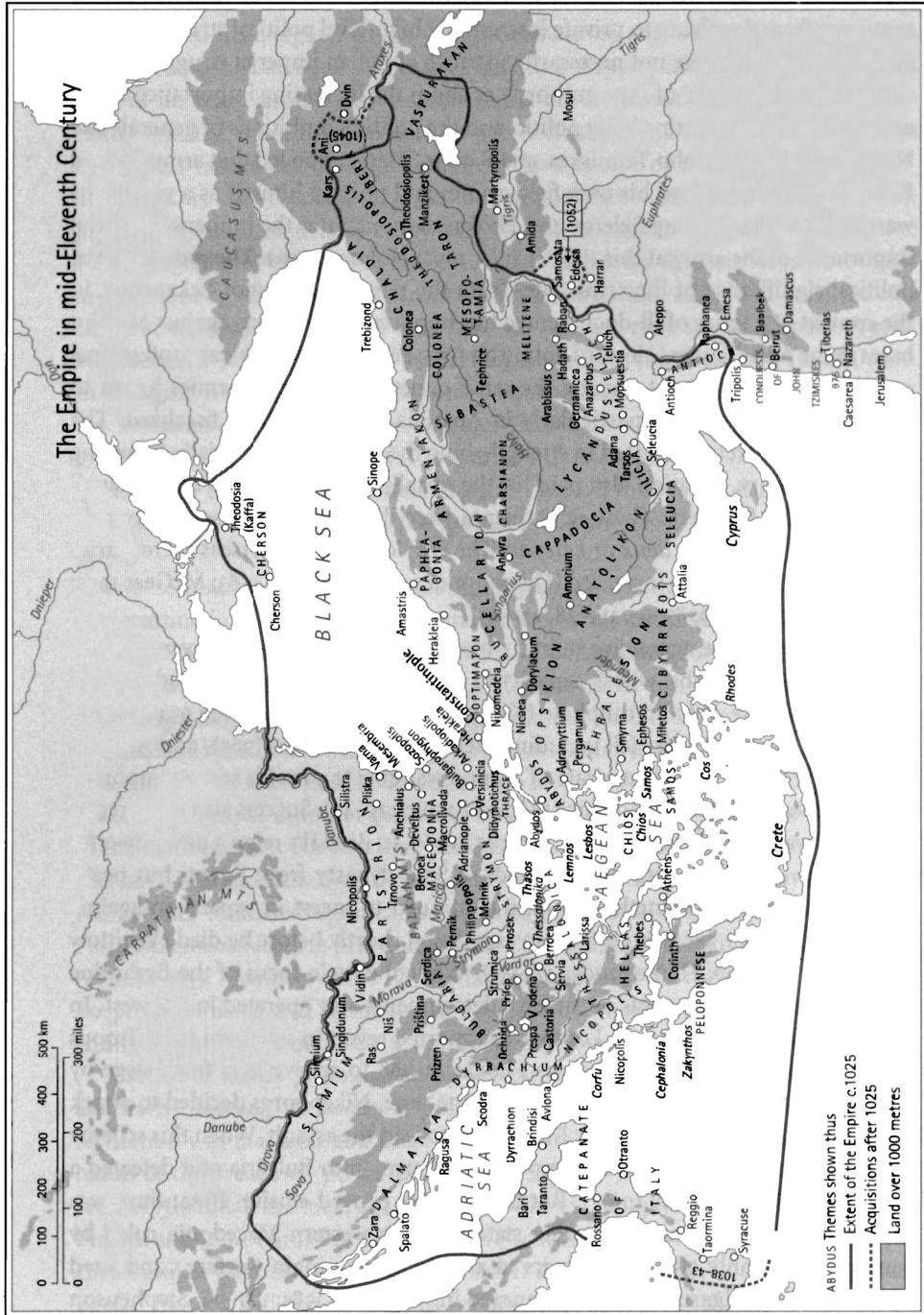
«Рестаурацию» Константина Багрянородного в 944–945 гг. и Василия и Константина в 976 г. иногда рассматривают как триумф Македонской династии. Это отражено и в ортодоксальной трактовке событий, распространявшейся самим Константином Багрянородным: он поручал составлять промакедонскую историю событий IX и X вв., включая агиографическое Житие своего деда Василия I. Заказывая написание энциклопедий полезных знаний, как, например, «Об управлении империей» (*De Administrando Imperio*) Константин также сознательно подражал стилю имперского правления своего отца Льва VI. Но «Македонский миф» Константина не позволяет полностью осмыслить политическую историю Византии X в. На протяжении двух длительных периодов, 920–944 гг. и 963–976 гг., верховная императорская власть не принадлежала представителям Македонской династии. И даже во времена Македонского верховенства оппозиционные имперские фамилии оставались весьма влиятельными. Внебрачный сын Романа Лакапина Василий Паракимомен выполнял обязанности первого министра при Константине Багрянородном и Василии II (до 985 г.) Члены семейства Фок поддерживали режимы Константина Багрянородного и Романа II; Никифор Фока занял трон в 963 г.; представители молодого поколения той же фамилии добивались власти в 971, 985–987 и 1021–1022 гг.

Серия новелл, изданных сменявшими друг друга в течение X в. императорами, дает возможность альтернативной трактовки событий внутренней политики. Одной из основных целей этого законодательства было держать земельную и финансовую собственность государства подальше от грабительски настроенных «власть имущих» (McGeer 2000: 9–31). Под «власть имущими» обычно имелись в виду анатолийские аристократы-землевладельцы, чей триумф настал,

когда Никифор Фока и Иоанн Цимисхий захватили власть. Согласно такой трактовке, эти фамилии лишились влияния только когда Василий II, одержав победу над двумя другими аристократами востока, Вардой Склиром и Вардой Фокой в 989 г., издал затем в 996 г. последнюю большую новеллу, направленную против власть имущих (Ostrogorsky 1966: 216–21; Morris 1976; Cheynet 1990: 321–36; Kaplan 1992: 414–44). Однако, в то время, как императоры, разумеется, были озабочены сохранением государственной собственности от передачи ее в распоряжение частных лиц, основные политические столкновения в высших эшелонах были вызваны не столько имперской борьбой против «феодализации» государственной власти, сколько возрастающим значением армии в византийской внутренней политике и политическими амбициями таких генералов, как Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, Варда Склир, руководивших армией. Уже само решение Василия II лично возглавить собственную полевую армию, создавая себе тем самым образ воина-победителя, одолевшего Склира и Фоку, свидетельствует о величайшей политической значимости армии в те времена (Cutler 1992; Holmes 2002). Рост политической значимости армии следует отнести к правлению Романа Лакапина и рассматривать в контексте ряда мало упоминаемых в источниках, но важных вооруженных выступлений против мусульманских укреплений в горах Антитавра (Howard-Johnston 1995: 86–9). Эта армия была профессиональной и постоянной. Напротив, в то же время начали расформировываться местные армии фем; военная служба, в частности, в Анатолии, зачастую облагалась налогами. Собранные средства предназначались для усиления полевой армии, в особенности – для финансирования тяжелой кавалерии. Налоги взимались также для организации гарнизонов в новых малых фемах на границах. Эти новые фемы возглавляли новые верховные командующие пограничных войск, так называемые дуки или катепаны. Привлечение в ряды византийской армии заморских наемников также возросло (Oikonomides 1972: 344–6, 354–63; McGeer 1995: 171–224; Haldon 1999: 83–93, 115–28, 217–25).

Становясь все более агрессивной, византийская военная машина пожинала плоды первых заморских побед над арабами, чья способность сопротивляться внешним атакам была подорвана кризисом в халифате Аббасидов (Kennedy 1986: 187–99). Между 934 и 969 гг. был завоеван ряд крупных городов, включая Мелитину (934), Тарс (965) и Антиохию (969). Только эмират Хамданидов в Алеппо смог оказать временное сопротивление наступлению Византии (McGeer 1995: 225–45). Успехи случались и на море. Крит был окончательно отвоеван в 961 г., Кипр – в 965 г. Правление Василия II характеризовалось появлением нового мощного мусульманского противника – Фатимидов, египетской династии шиитов; но в 1001 г. с ними был достигнут мир. Тем не менее, Василий продолжал вкладывать средства в антимусульманскую экспансию на море и планировал, незадолго до смерти, военно-морской поход на Сицилию (Whittow 1996: 317–27, 358–90; Holmes 2005: 475–87). Тогда как основным направлением боевых действий византийской полевой армии был восток, ее подразделения действовали также и в западном направлении. В 935 г. маленькая армия подавила организованное при поддержке ломбардцев восстание в южной Италии. В 968 г. Никифор Фока направил войска в Бари для снятия осады гер-

The Empire in mid-Eleventh Century

Карта 6. Византийская империя при Василии II

манского императора Оттона I. Приблизительно в это же время Никифор решил атаковать Болгарию. В начале он пытался использовать Киевскую Русь для проведения штурма. Когда же этот план обернулся против самой Византии, Иоанн Цимисхий повел имперскую полевую армию в Болгарию и в 971 г. победил совместные русско-болгарские силы. Но окончательность этой победы оказалась иллюзией. Вскоре Византия оказалась под угрозой со стороны нового Болгарского государства в западной Македонии во главе с Самуилом. И лишь спустя много лет изматывающих военных действий в горах под командованием Василия II Болгария в 1018 г. была окончательно присоединена к Византии (Fine 1983: 179–99; Stephenson 2000: 47–79; Holmes 2005: 487–502).

Военные операции Василия позднее стяжали ему репутацию «убийцы болгар» и прозвище «болгаробойцы». После битвы при Стримоне в 1014 г. он, как говорят, приказал ослепить 15 000 пленных. Но хотя его репутация и была кровавой, окончательным присоединением Болгарии он был в равной мере обязан и дипломатии, и военному делу (Stephenson 2003). Дипломатия была инструментом, широко применявшимся Византией в X в. Благодаря дипломатии, удалось выгодно приобрести значительные территории в христианской Армении и Иберии (Грузии): князьям Тарона (965 г.) и Васпуракана (1019 г.) были пожалованы титулы, должности и земли в империи в обмен на их территории на востоке, тогда как труд Константина Багрянородного «Об управлении империей» ранее подчеркивал, что византийцы обычно оказывали мало влияния на имперскую периферию, как в отношении территориальной экспансии, так и в подборе союзников (Shepard 1999с, 2001).

От Константина VIII до Никифора III Вотаниата (1025–1081 гг.)

Когда в 1025 г. умер Василий II, границы Византийской империи простирались от Дуная до Евфрата. Единственными серьезными противниками Византии были Фатимиды и Оттоны. Но всего через пятьдесят лет Византия распалась. Михаил Пселл, современник этих событий, утверждает, что ее упадок ускорила некомпетентность императоров, правивших после Василия II. Они расточили денежный запас, израсходовав его на самовосхваление в строительстве; они оставили границы без защиты. Более современные пояснения по этому поводу – экономический кризис, конфликт противоборствующих гражданской и военной знати, враждебность между потомками семейств, принимавших участие в гражданских войнах X в., вероломство заморских наемников, расформирование фемных войск, этническая напряженность между грекоговорящими православными христианами и народами подчиненных территорий: славянами в Болгарии, ломбардцами (лангобардами) в южной Италии, армянами и сирийцами на востоке (Vryonis 1959; Svoronos 1966; Cheynet 1990: 38–90, 337–58). Совсем недавно Василия II обвинили в том, что он вызвал финансовое перенапряжение в империи, создав армию, которую из-за ее размеров слишком дорого было содержать, и границу, которую из-за ее длины слишком трудно было охранять (Angold 1997: 24–34).

Наиболее очевидным проявлением политической нестабильности после смерти Василия стала быстрая смена правителей: Константин VIII (1025–1028 гг.), Роман III Аргир (1028–1034 гг.), Михаил IV (1034–1041 гг.), Михаил V (1041–1042 гг.), Зоя и Феодора (1042 г.), Константин IX Мономах (1042–1055 гг.), Феодора (1055–1056 гг.), Михаил VI (1056–1057 гг.), Исаак Комнин (1057–1059 гг.), Константин X Дука (1059–1067 гг.), Роман IV Диоген (1068–1071 гг.), Михаил VII Дука (1071–1078 гг.) и Никифор III Вотаниат (1078–1081 гг.). Немногие из этих правителей империи могли претендовать на безукоризненную легитимность. От Романа III до Константина IX императорами становились в первую очередь благодаря родственной связи (браку или усыновлению) с императрицей Зоей. Когда в 1056 г. умерла Феодора, последняя представительница Македонской династии, до 1081 г. ни одной из аристократических семей не удавалось основать жизнеспособной имперской династии. Только Константин IX правил больше десяти лет, но даже он вынужден был дважды подавлять попытки военных переворотов, предпринятые Георгием Маниаком (1043 г.) и Львом Торником (1047 г.). Восемь других императоров были низвержены. Одной из главных действующих сил в распоряжении Михаила V была константинопольская чернь. Поскольку город Константинополь разрастался в размерах, толпа стала значимым и непредсказуемым фактором во времена кризисов. Еще одно исключительно важное событие произошло во время конфликта между латинской и греческой Церквями в 1054 г. Когда Патриарх Михаил Керуларий был отлучен от Церкви папским легатом, он раздул антилатинский бунт, чем свел на нет все усилия Константина IX заключить союз между Византией и папством (Ostrogorsky 1968: 316–50; Angold 1997: 56–80; Treadgold 1997: 583–611).

Однако, хотя правления отдельных императоров зачастую были краткими и беспокойными, в остальных отношениях Византия поначалу оставалась крепкой державой. Экономика переживала стремительный подъем. Во многих городах были построены новые дома и монастыри, вновь стали использоваться заброшенные ранее здания храмов, образовывались небольшие ремесленные поселения. В Каппадокии быстрыми темпами продолжались добыча строительного камня и строительство из этого материала церквей, украшенных резьбой. Высокая степень распространенности медных монет, характерная для XI в., доказывает существование повседневного экономического обмена. Незначительные девальвации в середине века больше не считаются проявлением экономического кризиса, а скорее мерами, принятыми в период колебаний предложения металлов для поддержания стремительного экономического роста (Morrisson 1976: 13–20; Rodley 1985; Harvey 1989). Территориально Византия также продолжала разрастаться. В 1032 г. к ней была присоединена Эдесса, в 1042 г. – Ани. Конечно же, не все «внешнеполитические» инициативы были столь успешны. Вторжение в северную Сирию в 1030 г. и морская экспедиция против Египта в 1033 г. окончились провалом. Однако ни одно из этих поражений не способствовало возобновлению мусульманской угрозы (Felix 1981: 82–104, 142–6, 154–60). Ухудшение отношений между Киевом и Византией привело к начавшемуся «ни с того ни с сего» и столь же быстро миновавшему нападению русского флота в 1043 г., но положение вскоре исправил брачный союз (Shepard and Franklin 1996: 215–17).

Нашествие турок-сельджуков в Армении и увеличение норманнского присутствия в южной Италии Византия поначалу успешно сдерживала. А поскольку кочевники-печенеги время от времени атаковали северные Балканы, их агрессию отражали, используя тактические приемы, напоминающие описанные в *De Administrando*; печенегов подкупали титулами, данью и возможностью вести торговлю с укрепленными торговыми центрами в низовьях Дуная. Позже поощрялось расселение их в долинах севернее Балканской гряды и принятие на военную службу (Stephenson 2000: 80–93). В своих взаимоотношениях с печенегами в эпоху средневековья византийцы старались укрепить имперскую власть в периферийных районах страны путем ассимиляции соседних племен. Такая стратегия поначалу получила развитие на восточной границе в X в., когда армянских и сирийских иммигрантов использовали для заселения завоеванных территорий (Dagron 1976).

Признаки ухудшения этой относительно благоприятной ситуации впервые возникают в конце 1050-х гг. К тому моменту атаки участились на трех границах одновременно: со стороны турок-сельджуков на востоке, норманнов на западе и кочевников на севере. Мелитина (1058 г.), Севастия (1059 г.) и Кесария (1067 г.) были разграблены сельджуками; в 1064 г. был захвачен Ани. В 1059 г. норманн Роберт Гвискар был признан Папой герцогом Апулии; в следующем году он захватил Реггио, Отранто и Бриндизи. В 1065 г. турки-огузы разорили северные Балканы. 1071 г. принес Византии двойной удар: норманны захватили Бари, главную византийскую твердыню в Италии; а тем временем основная имперская полевая армия была разбита сельджуками при армянском Манцикерте. Император Роман IV на время оказался в плену. Одна из причин, по которой имперские стратегические позиции начали ухудшаться, заключалась в том, что имперской полевой армии, привыкшей к наступательным кампаниям, сложно было вести оборонительные бои на нескольких границах одновременно против захватчиков, которых не так просто было победить в одиночной схватке. Тюрки, норманны и кочевники обычно перемещались малыми группами, а не огромными армиями; их целью были не грабительские набеги, а постоянное поселение. Временные победы или поражения мало что значили для них. Однако, хотя эти противники, конечно же, представляли собой новые проблемы для Византии, по-настоящему опасными они стали, когда вакуум образовался в центре империи. Во время переворота, инициированного Исааком Комнином в 1057 г., и восстания, организованного на средства семейства Дук, последовавшего за пленением Романа IV в 1071 г., основные византийские силы были отозваны от границ, создав тем самым возможность для вторжений. Еще большее значение имело то, что армия, вовлеченная во внутренний конфликт, использовала интервентов в качестве наемников, повышая таким образом темпы миграции. Византия переживала кризис из-за того, что слишком многие значимые фигуры большой политики были больше заинтересованы в усилении личной власти в Константинополе, нежели в объединении для защиты империи (Ostrogorsky 1968: 341–50; Cheynet 1990: 337–57; Angold 1997: 35–55; Treadgold 1997: 598–611; Stephenson 2000: 93–100, 135–44; Magdalino 2002b: 182–90; Haldon 2003).

Комнины и Ангелы: от Алексея I Комнина до Алексея IV Ангела (1081–1204 гг.)

Последний успешный государственный переворот XI в. произошел в 1081 г. Он привел к власти Алексея Комнина. По контрасту с быстрой сменой правителей в XI в. большую часть следующего, XII в. Византией правили всего три императора, принадлежавшие к одной и той же фамилии: Алексей I (1081–1118 гг.), Иоанн II (1118–1143 гг.) и Мануил (1143–1180 гг.). Их стараниями имперское правление было восстановлено (Magdalino 1993; Cheynet 1990: 413–16; Mullett and Smythe 1996). Хотя на границах империи начали возникать новые государства, Византия до смерти Мануила в основном контролировала их и наделяла правителей властными полномочиями. Затем последовал стремительный и, в отличие от XI в., окончательный коллапс.

Возрождение византийской государственной власти следует приписать разнобразию реформ, проведенных Алексеем Комнином. Они включали сокращение финансовой администрации и стабилизацию денежного обращения, меры, облегчавшие учет и сбор налогов (Harvey 1996; Angold 1997: 148–56). Алексей, как полагают, работал непосредственно с верховными иерархами Церкви в вопросах перевода монастырей непосредственно под епископский и патриарший контроль и укрепления авторитета Церкви в провинциях, для чего настоял, чтобы епископы жили в своих епархиях (Angold 1995: 45–72, 265–85). Он также полагал сделать императорскую семью основанием политического общества. Алексей стал императором в результате союза нескольких аристократических семей, связи с которыми он поддерживал и после 1081 г. Он широко использовал своих собственных родственников в администрации. Его мать, Анна Далассина, принимала на себя дворцовое правление, когда он был в походах. Его братья служили правителями провинций и генералами. Многим членам семьи были пожалованы крупные земельные владения и освобождение от налогов (пронии). Алексей создал новый ряд титулов для членов императорской фамилии на основе ранга севаста. Император также построил новый дворец для правящей фамилии в стенах Константинополя во Влахернах (Cheynet 1990: 369–77; Magdalino 1993: 180–91, 202–6; Hill 1999: 120–52). Эта семейная в своей основе система достигла своего расцвета при Мануиле (Magdalino 1993: 191–201, 209–17). Важнейшие результаты ее действия заключались в том, что наиболее серьезные политические разногласия отныне чаще были внутрисемейными, нежели внешними по происхождению. Так, главным политическим противником Иоанна Комнина был его брат Исаак, главным оппонентом Мануила Комнина – его двоюродный брат Андроник (Magdalino 1993: 217–27).

Однако это возобновление политической жизни Византии в период правления Комнинов не стоит преувеличивать. Василий I и Роман I, как тот, так и другой, тоже использовали свои семьи для основания династий; в равной мере Комнины, как и их предшественники, поддерживали высокую централизацию правительства, располагавшегося в Константинополе. Большой императорский дворец все еще использовался в качестве резиденции. Личные заслуги так же, как и рожде-

ние, по-прежнему давали возможность возвыситься; верховный генерал Иоанна Комнина, Иоанн Аксух, был турком (Magdalino 1993). Использование проний для создания широкого ряда семейных привилегий (апанажей) после правления Алексея встречалась редко. В XII в. под этим термином в основном подразумевали небольшие земельные наделы и временные налоговые привилегии, предоставляемые воинам в обмен на военную службу (Lemerle 1979: 201–47). Наемники оставались составной частью византийских вооруженных сил. Тем временем поддержку репутации Константинопольского двора оказывали также пропаганда и церемонии: показательные судебные процессы над еретиками-богомилами; строительство монастырских благотворительных комплексов; распространение панегириков (выступления авторов и исполнителей панегириков); проведение триумфальных шествий (Magdalino 1993: 109–23; 1996; Angold 1995: 477–501; 1997: 137–43, 146–8).

И в то время, как старое и новое в Константинополе смешалось, фундаментом восстановления византийского престижа стал возврат территорий, утраченных в XI в.: отвоеванные земли принесли повышенные доходы, стали логическим продолжением риторики Комнинов, снабдили Византию рычагом дипломатического давления. Большую часть завоеваний осуществил Алексей. Его первым успехом стала победа над норманнами. Когда Роберт Гвискар в 1085 г. умер, Алексей смог изгнать норманнов с западных Балкан. Позднее, в 1080-х гг. император так же недружелюбно встретил печенегов. Будучи поначалу, в 1087 г., побежден, Алексей использовал еще одну армию кочевников, куманов, для разгрома печенегов в 1091 г. Однако, сами куманы вторгались в страну в 1094 г., и еще раз за время правления Алексея. Наследовавший ему Иоанн Комнин окончательно утвердил византийское правление на северных Балканах, – территории, которая пережила стремительный подъем и расцвет под византийской юрисдикцией. Последней территорией, которую стремился вернуть Алексей, была Анатолия. Уже с начала 1089 г. император собирал войска наемников, особенно тяжелую кавалерию из Западной Европы, с целью ослабить позиции турок в Анатолии. Именно для этого Алексей, похоже, и обратился к Папе Урбану II около 1095 г. Ответ на просьбу Алексея о военной помощи имел вид Первого Крестового похода. И хотя сам по себе масштаб этого движения, возможно, стал для него шоком, Алексей успешно провел войска через Балканы и Константинополь. Крестоносцы помогли Алексею покорить Никею (1097 г.), а потом, пройдя центральную Анатолию, византийская армия смогла отвоевать у турок западное побережье Малой Азии. Хотя соглашение между Византией и крестоносцами было нарушено из-за того, что Алексей не смог участвовать в осаде Антиохии (1098 г.), а Бозмунд (сын Гвискара) впоследствии отказался сдать город, тем не менее руководство Алексея Крестовым походом означало для империи возврат наиболее финансово значимых областей Анатолии. Вторая половина правления Алексея прошла в борьбе против очередного норманнского завоевания западных Балкан в 1107 г. и в военных походах против турок на анатолийских возвышенностях (Ostrogorsky 1968: 351–75; Angold 1997: 124–35, 157–70; Treadgold 1997: 612–29; Stephenson 2000: 100–7, 144–86).

Хотя периоды правления обоих преемников Алексея и характеризовались повышенной сложностью военных действий и дипломатических отношений,

ни Иоанн, ни Мануил существенно не расширили территориальные границы империи времен Алексея. Для некоторых приграничных областей было вновь установлено прямое их подчинение Византии, созданы укрепленные зоны ((Foss 1982). Но главной целью византийской политики было окружить империю кольцом государств-сателлитов: Сербские княжества, города восточной Италии и Далмации, Армения Киликийская, государства латинских крестоносцев и даже Иконийская Турция. Разумеется, не все сателлиты и не всегда были преданными союзниками. Им случалось посматривать в сторону противников Византии: королевства Венгерского, Германской империи, Норманнского королевства на Сицилии. Смесь военной силы и дипломатического убеждения в изоляции использовалась для того, чтобы заключить соседние державы в византийские объятия. Как Иоанн, так и Мануил, к примеру, вводили византийские войска в Антиохию, чтобы запугать и склонить к альянсу ее население. Когда Мануил прибыл туда в 1158 г., его ожидал триумф, в числе его приближенных появились князь Антиохии и король Иерусалима. Но запугивание было не единственным дипломатическим инструментом. Брачные договоры были заключены с Венгрией, Германией, норманнами и государствами крестоносцев. Мануил сотрудничал с Амальриком Иерусалимским в военных действиях против Египта (Angold 1997: 181–225; Stephenson 2000: 187–274; Harris 2003: 108–10). Однако взаимоотношения Византии с государствами крестоносцев тех времен были значительно теплее, чем впоследствии с армиями Второго и Третьего Крестового походов, которые прошли через Византию в 1147 и 1189 гг., направляясь на Латинский Восток (Lilie 1993: 142–221; Harris 2003: 93–143).

Причины коллапса Византии после смерти Мануила в 1180 г. схожи с теми, что ускорили ее упадок в XI в.: вакуум власти в центре в сочетании с оживлением в рядах внешних противников. Первый период обострения и разлада в Константинополе пришелся на начало 1180-х гг., когда различные дворцовые партии боролись за влияние на малолетнего наследника Мануила Алексея II. В 1183 г. дядя императора Андроник короновался как его соправитель; вскоре после этого его племянник был убит. Сам Андроник был разорван на части константинопольской толпой менее, чем два года спустя. Его сменил Исаак II, член семьи и основатель династии Ангелов, близких родственников Комнинов (Ostrogorsky 1968: 394–400; Cheynet 1990: 427–45; Angold 1997: 295–304; Treadgold 1997: 650–6). Именно на протяжении этого периода неопределенности в центре, по империи были нанесены первые удары извне: норманны разграбили Фессалонику, новое Болгарское государство организовалось к северу от Балканской гряды; а византийский правитель Киликии был отправлен в ссылку и создал независимое государство на Кипре. Следующие два десятилетия Ангелы боролись, сдерживая провинциальные центробежные силы (Cheynet 1990: 446–58; Angold 1997: 304–16; Stephenson 2000: 275–315). Тем временем, в 1195 г. обнаружилось очередное разделение среди константинопольской аристократии, поскольку Исаак II был свергнут своим братом Алексеем III. Именно эта наследственная, династическая вражда способствовала разрушению Константинополя, поскольку сын Исаака, Алексей IV, попросил военной помощи извне и привел франкскую и венецианскую армии IV Крестового похода в Константинополь.

Когда крестоносцы осознали, что им не заплатят за военное вмешательство, они решили разграбить город. Так, по крайней мере, повествуют об этом «непреднамеренном» завоевании города латинские летописи. Некоторые византийские современники, такие, как Никита Хониат, усмотрели за этим нападением и более глубокие мотивы: алчность венецианцев, давних византийских торговых партнеров и союзников на море. Какие бы сиюминутные или далеко идущие намерения ни ускорили латинскую атаку, ясно одно: Византия 1200 г. открывала богатейшие, неотразимо привлекательные возможности и выгоды для своих амбициозных соседей (Ostrogorsky 1968: 401–17; Angold 1997: 226–40, 316–28; Treadgold 1997: 656–66; Nicol 1988; Lilie 1993: 222–45; Ciggaar 1996: 45–77; Quellerand Madden 1997).

ЛИТЕРАТУРА

- ANGOLD, M. 1995. *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261* (Cambridge).
- 1997. *The Byzantine Empire, 1025–1204* (London–New York, 2nd edn.).
- ANTONOPOULOU, T. 1997. *The Homilies of the Emperor Leo VI* (Leiden).
- BOCHOVE, T. E. VAN 1996. *To Date and Not to Date: On the Date and Status of Byzantine Law Books* (Groningen).
- BRUBAKER, L. (ed.) 1998. *Byzantium in the Ninth Century: Dead or Alive?* (Aldershot).
- and HALDON, J. 2001. *Byzantium in the Iconoclast Period (ca. 680–850). The Sources: An Annotated Survey* (Aldershot).
- CHEYNET, J.-C. 1990. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)* (Paris).
- CIGGAAR, K. N. 1996. *Western Travellers to Byzantium: The West and Byzantium, 962–1204* (Leiden).
- CUTLER, A. 1992. ‘The Psalter of Basil II’, in *Imagery and Ideology in Byzantine Art* (Aldershot), no. III.
- DAGRON, G. 1976. ‘Minorités ethniques et religieuses dans l’Orient byzantin à la fin du Xe et au XIe siècles: l’immigration syrienne’, *TM* 6: 177–216.
- 1996. *Empereur et prêtre* (Paris).
- DAVIDS, A. 1995. *The Empress Theophanu: Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium* (Cambridge).
- DVORNIK, F. 1948. *The Photian Schism: History and Legend* (Cambridge).
- FELIX, W. 1981. *Byzanz und die islamische Welt imfrüheren 11. Jahrhundert* (Vienna).
- FINE, J. V. A. 1983. *The Early Medieval Balkans* (Michigan).
- FOSS, C. 1982. ‘The defenses of Asia Minor against the Turks’, *Greek Orthodox Theological Review* 27: 145–204.
- HALDON, J. 1999. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204* (London).
- 2003. ‘Approaches to an alternative military history of the period ca. 1025–1071’, in V. N. Vlyssidou (ed.), *The Empire in Crisis(?): Byzantium in the 11th century (1025–71)* (Athens): 45–74.
- HARRIS, J. 2003. *Byzantium and the Crusades* (London).

- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge).
- 1996. ‘Fiscal crisis and the rural economy’, in Mullett and Smythe 1996: 167–84.
- HERRIN, J. 2001. *Women in Purple: Rulers of Medieval Byzantium* (London).
- HILL, B. 1999. *Imperial Women in Byzantium 1025–1204* (London).
- HOLMES, C. 2002. ‘Political élites in the reign of Basil II’, in Magdalino 2002a: 35–69.
- 2005. *Basil II and the Governance of Empire (976–1025)* (Oxford).
- HOWARD-JOHNSTON, J. D. (ed.) 1988. *Byzantium and the West c. 850 – c. 1200* (Amsterdam).
- 1995. ‘Crown lands and the defence of imperial authority in the tenth and eleventh centuries’, *BF* 21: 75–100.
- KAPLAN, M. 1992. *Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol* (Paris).
- KENNEDY, H. 1986. *The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century* (London).
- KODER, J. (ed.) 1991. *Das Eparchenbuch Leons des Weisen* (Vienna).
- KOLIAS, T. G. 1993. *Nikephoros B Phokas, 963–969: ho strategos, autokrator kai to metarhythmistiko tou ergo* (Athens).
- LEMERLE, P. 1977. *Cinq études sur le XV siècle byzantin* (Paris).
- 1979. *The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century: The Sources and Problems* (Galway).
- LILIE, R.-J. 1993. *Byzantium and the Crusader States 1096–1204*, trans. J. C. Morris and J. E. Ridings (Oxford).
- MCCORMICK, M. 1986. *Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West* (Cambridge).
- MCGEER, E. 1995. *Sowing the Dragon’s Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* (Washington, DC).
- 2000. *The Land Legislation of the Macedonian Emperors* (Toronto).
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- 1996. *Constantinople médiévale: études sur l’évolution des structures urbaines* (Paris).
- (ed.) 2002a. *Byzantium in the Year 1000* (Leiden).
- 2002b. ‘The medieval empire (780–1204)’, in Mango 2002: 169–213.
- MANGO, C. 1978. *Byzantine Architecture* (Milan–London).
- (ed.) 2002. *The Oxford History of Byzantium* (Oxford).
- MORRIS, R. 1976. ‘The powerful and the poor in tenth-century Byzantium: law and reality’, *Past and Present* 73: 3–27.
- 1995. *Monks and Laymen in Byzantium, 843–1118* (Cambridge).
- MORRISON, C. 1976. ‘La dévaluation de la monnaie Byzantine au XIe siècle: essai d’interprétation’, *TM* 6: 3–47.
- MULLETT, M., and SMYTHE, D. (eds.) 1996. *Alexios I Komnenos* (Belfast).
- NICOL, D. M. 1988. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations* (Cambridge).
- OBOLENSKY, D. 1971. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453* (London).
- OIKONOMIDES, N. 1972. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles* (Paris).
- OSTROGORSKY, G. 1966. ‘Agrarian conditions in the Byzantine Empire in the middle ages’, in M. Postan (ed.), *Cambridge Economic History of Europe*, vol. 1: *The Agrarian Life of the Middle Ages* (Cambridge, 2nd edn.): 205–34.

- 1968. *History of the Byzantine State*, trans. J. Hussey (Oxford, 3rd edn.).
- QUEIXER, D. E., and MADDEN, T. F. 1997. *The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople* (Philadelphia, 2nd edn.).
- RODLEY, L. 1985. *Cave Monasteries of Cappadocia* (Cambridge).
- RUNCIMAN, S. 1929. *The Emperor Romanos Lekapenos* (Cambridge).
- SHEPARD, J. 1995. 'Slavs and Bulgars', in *NCMH* 2: 228–248.
- 1999a. 'Bulgaria: the other Balkan "Empire"', in *NCMH* 3: 567–585.
- 1999b. 'Byzantium in equilibrium, 886–944', in *NCMH* 3: 553–566.
- 1999c. 'Byzantium expanding, 944–1025', in *NCMH* 3: 586–604.
- 2001. 'Constantine VII, Caucasian openings and the road to Aleppo', in A. Eastmond (ed.), *Eastern Approaches to Byzantium* (Aldershot): 19–40.
- 2002. 'Spreading the Word: Byzantine Missions', in Mango 2002: 230–47.
- and FRANKLIN, S. (eds.) 1992. *Byzantine Diplomacy* (Aldershot).
- 1996. *The Emergence of Rus 750–1200* (London).
- STEPHENSON, P. 2000. *Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204* (Cambridge).
- 2003. *The Legend of Basil the Bulgar-Slayer* (Cambridge).
- SVORONOS, N. 1966. 'Société et organisation intérieure dans l'empire byzantin au XIe siècle: les principaux problèmes', *Proceedings of the Thirteenth International Congress of Byzantine Studies: Main Papers* 12 (Oxford): 371–89.
- TOYNBEE, A. 1973. *Constantine Porphyrogenitus and his World* (London).
- TOUGHER, S. 1997. *The Reign of Leo VI (886–912): Politics and People* (Leiden).
- TREADGOLD, W. 1997. *A History of the Byzantine State and Society* (Stanford).
- VRYONIS, S. 1959. 'Byzantium: the social basis of decline in the eleventh century', *GRBS* 2: 159–75.
- WHITTOW, M. 1996. *The Making of Orthodox Byzantium, 600–1025* (London).

Углубленное чтение

В работах Whittow 1996 и Angold 1997 представлены общедоступные отчеты о политической истории периода. Также полезно изучить соответствующие главы работ Ostrogorsky 1968, Treadgold 1997, Mango 2002 и *New Cambridge Medieval History* (Новую Кембриджскую Историю Средневековья), т. 2–4. Подробный анализ истории правления отдельных императоров приводят в своих исследованиях Tougher 1997 (Лев VI), Runciman 1929 (Роман Лакапин), Toynbee 1973 (Константин Багрянородный), Kolias 1993 (Никифор Фока), Holmes 2005 (Василий II) и Magdalino 1993 (Мануил Комнин). Сборники документов в изданиях Magdalino 2002a и Mullett and Smythe 1996 проливают свет на периоды правления Василия II и Алексея Комнина. Работа Брубакера (1998) содержит важные документы о многих различных сторонах IX в., ТМ 6 (1976) и Lemerle 1977 – об XI в. О положении женщин в империи писали Herrin 2001 и Hill 1999. Morris 1995 и Angold 1995 исследуют Церковь. Dagron 1996 изучает восприятие и выражение имперской власти между VIII и X вв. McGeer 1995 и Haldon 1999 обсуждают нововведения в армии и ее взаимоотношения с государством. За ходом дискуссии об отношениях между государством, крупными земле-

владельцами и крестьянами можно проследить на страницах работ Ostrogorsky 1966, Morris 1976, Lemerle 1979, Kaplan 1992 и McGeer 2000. Cheynet 1990 предлагает новые направления в понимании политического конфликта. Полезные исходные пункты для понимания вовлеченности Византии в окружающий мир изложены в работах Obolensky 1973, Shepard and Franklin 1992, ТМ 12 (2000). Историю отношений Византии с мусульманским востоком можно проследить у Kennedy 1986 и Felix 1983; с Русью – у Shepard and Franklin 1996; с Балканами – у Fine 1983 и Stephenson 2000; с государством крестоносцев – у Lilie 1993 и Harris 2003; а с Западом – у Howard-Johnston 1988, Nicol 1988, Davids 1995 и Ciggaar 1996.

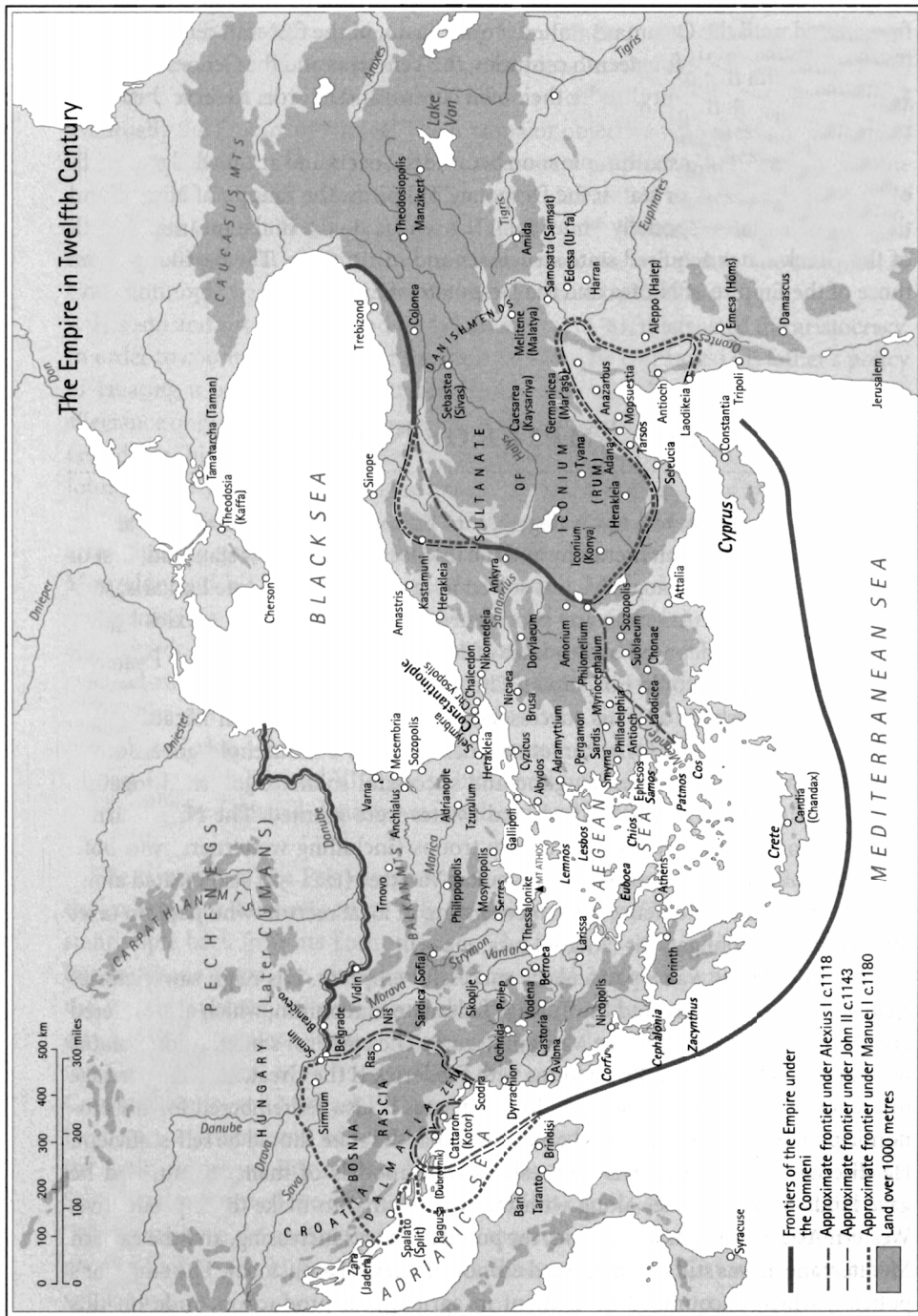
Глава II.3.2 D ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР, 1204–1453 гг.

Ангелики Лайу

Падение Константинополя под ударами крестоносцев в 1204 г. имело далеко идущие последствия. И само по себе событие, и последовавшие затем разграбление Константинополя и годы латинской оккупации надолго врезались в память и с самого начала сводили на нет любые намерения сотрудничества между византийцами и жителями Западной Европы, а также попытки объединения Православной и Католической Церквей. Кроме того, результатом Четвертого Крестового похода стал передел политического пространства, бывшего ранее Византийской империей. Слабая и недолго просуществовавшая Латинская империя была не более чем одним из государств-преемников. Еще три были греческими: Никейская империя, Трапезундская империя в Малой Азии, Эпирский деспотат. Венецианцы завладели частью Константинополя, портами Модон и Корон, Критом в 1211 г., покорили Эвбею и некоторое количество прочих островов Эгейского моря. Вскоре на Пелопоннесе в качестве одного из наиболее сильных франкских государств возникло Ахейское княжество. На Балканах сепаратистские устремления болгар привели к коронации Калояна, тогда как несколькими годами ранее стала независимой Сербия и ее правитель, Стефан Первовенчаный получил свой королевский титул в 1217 г. от самого Папы Горнория III.

Деление империи началось еще до падения Константинополя, поскольку, как греческие, так и итальянские феодалы вступали во владение небольшими территориями в Греции, Малой Азии, на островах Ионического моря, а также на Родосе и Кипре (Oikonomides 1976b: 13–28). Тем не менее Четвертый Крестовый поход усилил и ускорил рост тенденций к разделению, а равно и добавил новые государства. В результате, несмотря на то, что Византии иногда случалось отвоевывать обратно свои земли, политическое пространство оставалось раздробленным до тех пор, пока османы в XV в. не объединили его снова. В конце XIII–XIV вв. венецианцы и генуэзцы привнесли на ее территорию экономическое единство, но под их контролем и с целью удовлетворения своих собственных интересов.

The Empire in Twelfth Century

Карта 7. Византийская империя в 1204 г.

Восстановление Константинополя вскоре стало открытой и общепризнанной политикой трех государств-преемников: Эпирского деспотата, Никейской империи и Болгарского государства, особенно при Иоанне II (1218–1241 гг.). В то же время, оба греческих государства формировали государственные структуры и институты. Наиболее известны государственное устройство Никейской империи и Эпирского деспотата.

Никейская империя

В Никею, а также, хотя и в меньшей степени, в Эпир бежало некоторое количество аристократов, иерархов Церкви и интеллектуалов. Новое государство имело, прежде всего, проблемы с легитимизацией престолонаследования. Эти проблемы получили свое разрешение в 1206 г., когда Феодор Ласкарис, зять Алексея III Ангела, был провозглашен императором Никеи, после того как сам Алексей был схвачен и низвержен с трона Бонифацием Монферратским. Двумя годами позднее был учрежден Патриархат, и Патриарх отныне мог короновать Феодора императором.

Феодор I Ласкарис и его преемники смогли учредить в Никее централизованное правление в форме, иногда описываемой как «домашнее правительство» (Angold 1975: 3). Императоры, лучшие и наиболее успешные из воинов, управляли страной вместе с аристократией, которой были пожалованы земли и имения. Никейская армия, состоявшая как из солдат своей страны, так и из наемников (включая западных) была хорошо организована и боеспособна. Иоанн III Дука Ватац (1222–1254 гг.) также создал вдоль своих восточных границ оборонительную систему, состоявшую из местных рекрутов, не плативших налогов, но несших воинские повинности (Angold 1975: 194–195).

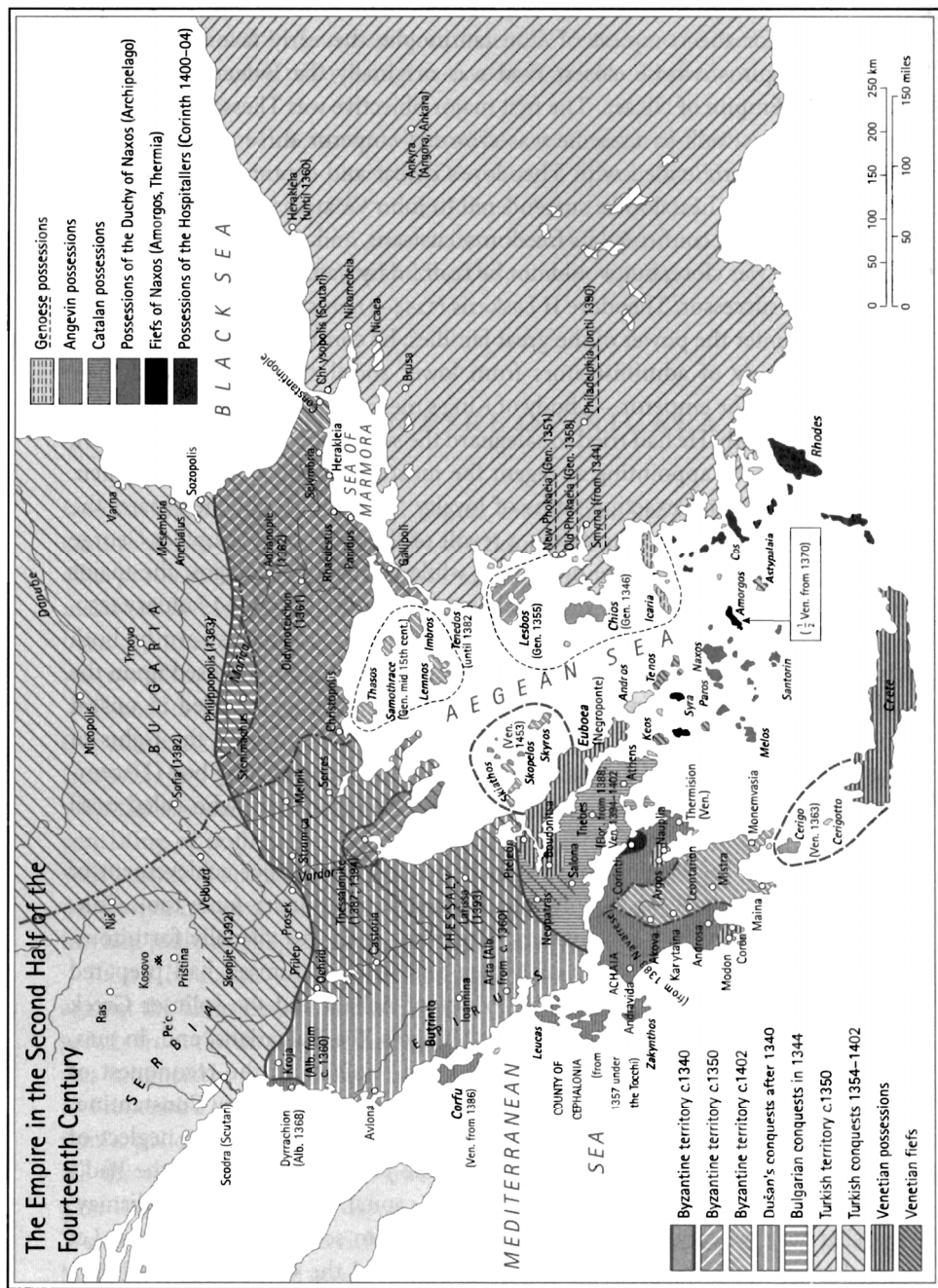
Иоанн III Ватац был особенно успешным императором. Его правление ознаменовалось победами над Латинской империей и турецким Иконийским султанатом, также сильно пострадавшим от вторжения монголов (1242 г.). Международный статус императора укрепился благодаря его дружеским отношениям с Фридрихом II Великим и его браку с дочерью Фридриха Констанцией. Иоанн Ватац также запомнился благодаря своей экономической политике, в основе которой лежала идея экономической самостоятельности государства. Он не поощрял импорт. Его собственные владения отличались образцовым управлением, он щедро наделял землями и деньгами монастыри для того, чтобы они приносили пользу и обеспечивали себя. Запад Малой Азии был богатейшей территорией, его население увеличивалось, тогда как Восточное Средиземноморье все еще пребывало в стадии экономического подъема (Laiou 2002). Императорская политика, поощряя инвестиции в сельскохозяйственное производство, пользовалась благоприятной экономической конъюнктурой и была успешной; Никея смогла даже экспортировать зерно сельджукам в Малую Азию, страдавшую в то время от голода.

В политической борьбе за обладание Константинополем первенствовал Эпирский деспотат, а его ближайшим соперником изначально было Болгарское царство, время от времени им становилась и Никейская империя. Первой из основ-

ных стратегических целей была Фессалоника, которую Феодор Дука завоевал в 1224 г.; три года спустя он был коронован как император. Конфликт с Болгарией окончился поражением и пленением Феодора в битве при Клокотнице (1230 г.). Фессалоника в 1246 г. сдалась Иоанну Ватацу, взамен получив привилегии, подтверждавшие ее свободы, обычаи и права. Завоевание Константинополя было не за горами, но осуществил его не Ватац.

Его сын и наследник, Феодор II Ласкарис (1254–1258 гг.), не доверял аристократии. Чтобы противопоставить государственную власть власти аристократических фамилий, он формировал управленческий аппарат из представителей низших социальных слоев, обязанных верностью одному императору – «людей короля». Такая политика не могла продолжаться после его смерти. Он попытался сохранить права престолонаследия за своим 9-летним сыном Иоанном IV Ласкарисом, назначив регентом самого влиятельного из «людей короля», Георгия Музалона, и потребовав присяги на верность от Церкви, сената, армии и народа. Вскоре после этого разразилось восстание аристократии, Георгий Музалон и его брат были убиты, Михаил Палеолог, главный представитель аристократии, был провозглашен регентом, а потом, 1 января 1259 г., соправителем. Присяга с важными структурными дополнениями, скрепленная обоюдной клятвой Михаила и Иоанна IV в присутствии Патриарха Арсения, возлагала на народ обязательство восстать с оружием против любого из императоров, который попытается низложить другого (Laiou 1995: 102–105). Несмотря на усилия Арсения сохранить права на престол за последним из Ласкаридов, Михаил VIII ослепил юношу и заключил его в тюрьму (декабрь 1261 г.). Династию Ласкаридов у власти сменили Палеологи, правившие до 1453 г.

Триумф Палеологов стал возможен благодаря главному из свершений Михаила в период совместного правления: 25 июля 1261 г. малыми силами экспедиционных войск Константинополь был освобожден от латинских завоевателей. Само по себе это событие было, в сущности, делом случая, но в течение нескольких лет императоры Никеи и сам Михаил подготавливали его успешным ведением войн против Ахейского князя и мелких греческих государств, а также заключением договоров с сельджуками, монголами, болгарам и в 1261 г. генуэзцами (Nicol 1993: 30–37). Возвращение Константинополя вызвало величайший подъем, Михаил VIII провозгласил себя «Новым Константином». Он начал восстанавливать и отстраивать город, переживший годы запустения в правление латинских императоров. А в Малой Азии протасикрит Какос («плохой») Сенахерим, услышав об обновлении древней столицы, в страхе и смятении провозгласил: «За какие из совершенных нами грехов суждено нам при жизни увидеть такое несчастье? Пусть никто отныне не питает ни малейших надежд на то, что римляне завладеют городом вновь» (Pachym., vol. 1: 205).

Карта 8. Византийская империя во второй половине XIV в.

Возрождение Империи: Михаил VIII Палеолог (1261–1282 гг.)

Длительная история реставрации Империи может быть поделена на две части: 1261–1354 гг. и 1354–1453 гг. Общеисторические условия и конкретные задачи, встававшие перед государством, так же, как и политика императоров в каждом из двух периодов, существенно различались.

Некоторые черты, тем не менее, характерны для всего периода, с 1261 по 1453 гг. Византийская империя так больше и не восстановилась в границах территории, которую занимала до 1204 г., даже в пределах Греции и Балкан. Это было маленькое государство с ограниченными финансовыми возможностями и вооруженными силами. В непосредственной близости от него то росли, то уменьшались в размерах, представляя существенную угрозу, другие государства (Сербия, Болгария). Западная Европа в целом была намного более мощной, нежели в начале XIII в., в экономическом и политическом отношении, по крайней мере, до эпидемий чумы (т. н. «Черной Смерти»). Даже несмотря на то, что Столетняя война вовлекла Францию и Англию в длительное противостояние, военные действия часто приостанавливались, и Византии приходилось по-настоящему всерьез воспринимать западноевропейские государства. Особенно явная опасность исходила до 1311 г. от королевского дома Франции. Другие западные державы, в первую очередь, Каталония и Арагон, также вскоре приобрели влияние в восточном Средиземноморье. В то же время, венецианцы и генуэзцы боролись за коммерческое превосходство в византийских водах; вооружившись привилегиями, пожалованными императором ромеев. К началу XIV в. они произвели неофициальное и негласное разделение сфер влияния и контроля (Laiou 1980–1: 177–222). На востоке турки (вначале сельджуки, а потом османы) составляли основную, в конечном счете, оказавшуюся фатальной угрозу, тогда как угроза со стороны монголов и Золотой Орды на севере, государства Илханидов на востоке, была относительно нова. Наконец, одно из греческих государств-преемников Византии, Трапезундская империя, оставалось независимым. Однако, Византийской империи не просто приходилось противостоять противникам на трех фронтах, эти враги зачастую были сильны, а поскольку они также были и многочисленны, главным в отношениях с ними была осторожная и тонкая дипломатия, за долгое время показавшая себя в целом успешной (Oikonomides 1992: 73–88).

Политику первых Палеологов в период, предшествовавший смерти Андроника III в 1341 г., можно подытожить следующим образом. Во-первых, вероятно, следует то, что можно обозначить как «собрание земель воедино», то есть усилия по воссоединению греческих земель, оккупированных разрозненными мелкими государствами после 1204 г. Вторым императивом, занимавшим значительное место в правление Михаила VIII, было предупреждение атак со стороны Западной Европы, стремившейся к восстановлению Латинской империи (Geanakoplos 1959). Императорам также приходилось иметь дело с притязаниями Венеции и Генуи, а также Сербии и Болгарии. Все эти императивы требовали ориентации политических интересов на западные провинции империи, Балканы и Западную Европу. Взятие в 1261 г. Константинополя сильно осложнило отношения Византии с Западом – по-

литика, в конечном счете, способствовавшая падению Малой Азии. Михаил VIII не уделял внимания этой провинции, пока не стало слишком поздно и невозможно спасти ее от турок. Отсюда и высказывание Какоса Сенахерима, приведенное в работе одного из ведущих историков того времени, Георгия Пахимера, для которого судьба Малой Азии была вопросом первостепенной важности.

Михаил VIII Палеолог был, безусловно, талантливым воином и дипломатом. В его правление Византийская империя в последний раз стала значимым участником международных отношений, поскольку средства и возможности, имевшиеся в распоряжении его преемников, уже были сильно ограничены. Михаил сражался против княжества Ахейского, отвоевал Мистру и Монемвасию, которым суждено было стать крупными коммерческими городами; сражался он и против венецианцев в Эгейском море с неоднозначным результатом; отвоевывал города болгарского побережья с грекоговорящим населением, имевшие коммерческое значение в качестве причерноморских центров торговли зерном. Он заключил союз с Хулагу, лидером персидских Ильханидов, против Иконийского султана и с монголами Золотой Орды против Болгарского царства. Он также заключил союз с Бейбарсом, султаном Египта. Его успешная в целом оборонительная политика по освященному веками византийскому обычаю заключалась в том, чтобы использовать друзей, втайне являвшихся «врагами врагов», и таким образом покорить врагов. Его наступательная политика имела целью полное восстановление Византийской империи в ее прежних границах, но была успешна лишь отчасти.

Наиболее важным из достижений Михаила VIII было то, что он сохранил империю от весьма реальной угрозы реставрации правления франков, угрозы, воплотившейся в лице Карла Анжуйского, брата признанного святым и канонизированного короля Франции Людовика IX. Карл, по распоряжению Папы и французского короля, занял Сицилию, отвоевав ее у Манфреда, незаконнорожденного отпрыска *stupor mundi*, Фридриха II Гогенштауфена. Византийские историки считали, что амбиции Карла Анжуйского простирались до завоевания всего мира (Greg., vol. 1: 123–4; Laiou 1972: 11–12). Это, конечно же, преувеличение, но он однозначно намеревался покорить Византию и Константинополь, возродить Латинскую империю, наследник титулованного императора которой (Филипп, сын Балдуина II) женился на дочери Карла. Папа Римский и венецианцы разделяли эти амбициозные планы. Их исполнению помешал первый же дипломатический шаг Михаила – принятие унии Православной и Католической (Латинской) Церквей, Лионской унии, провозглашенной 6 июля 1274 г. Это на время лишило намерения Карла папской поддержки и благословения, но сама уния вызвало сильнейшую реакцию протеста в Константинополе. В конце концов, Мартин IV, Папа Римский французского происхождения, восстановил папско-анжуйский союз, объявив, что условия унии по-настоящему не выполнялись. Основную крупномасштабную атаку на Византийскую империю, намеченную на 1283 г., сорвала Сицилийская вечерня, восстание населения Сицилии против анжуйцев, разразившееся 30 марта 1282 г. В него вмешался король Арагона, и арагонцы отстранили анжуйцев от правления Неаполем и Сицилией, покончив тем самым с анжуйской угрозой Византии. Михаил VIII утверждал тогда, что он поощрял и поддерживал восстание на Сицилии, и это может быть правдой. Притязания

Запада на Константинополь позднее разделял Карл Валуа, муж титулованной императрицы Константинополя, Екатерины Куртене; угроза вторжения с Запада обострялась еще раз в 1308 г. и не исчезала окончательно вплоть до 1311 г.

Дипломатический триумф Михаила VIII был куплен слишком дорогой ценой – ценой унии двух Церквей на условиях Папы Римского. Широкие слои византийского общества искренне и глубоко ненавидели его за это. Его сын, Андроник II, отказался от унии, и до 1360 г. к этому вопросу больше не возвращались.

Андроник II и Андроник III Палеологи (1282–1341 гг.)

Наследники Михаила, его сын, Андроник II (1282–1328 гг.) и его внук Андроник III (1328–1341 гг.) в значительной мере пересмотрели его политику. Андронику II еще довелось столкнуться с претензиями Запада в отношении Константинополя, с чем он замечательно справился. Но основное его внимание было сосредоточено на Балканах, где царство Болгарское и королевство Сербия, последнее в особенности, становились опасны. Они также стремились отвоевать обратно территории Эпира и Фессалии, и еще более – прорваться в Малую Азию. То же самое можно сказать и об Андронике III. Походы, организованные ромейскими правителями лично, так же, как и походы выдающихся полководцев, таких, как Алексей Филантропен в начале 1290-х гг. (Laiou 1978: 89–99), имели целью отбросить сельджуков и усилить оборону Малой Азии. Несмотря на некоторые успехи, результаты были неудовлетворительны. Действие византийской власти в южной Малой Азии окончилось в последние годы царствования Михаила VIII и первые годы правления его преемников. На севере склонность к экспансии имели османские эмираты. Распаляемые идеологией воинов гази [воинов веры], они нацелились, в первую очередь, на Византию. Поражение Михаила IX, сына и соправителя Андроника II, в 1302 г. на Бафейской равнине было существенной потерей. Главные города Вифинии, подступы к Европе, покорились османам: в 1326 г. – Бруса, в 1331 г. – Никея, в 1337 г. – Никомидия. Андроник III и Иоанн Кантакузин стали союзниками эмиров-сельджуков Сарухана и Айдина.

Еще одна из целей политики ранних Палеологов, объединение земель, была достигнута лишь частично. Основные сдвиги произошли в Эпире, где в 1319 г. население Иоаннины признало себя подданными Византии, но несколько лет спустя нарушило присягу вассальной верности, тогда как оставшаяся часть деспотата сдалась в 1340 г. (Nicol 1984: 82–122). Фессалия была постепенно, к 1333 г. присоединена к империи. Эти земли были присоединены ненадолго, поскольку незначительное время спустя, в правление короля Стефана Душана, отошли к Сербии. На византийских землях Пелопоннеса после 1349 г. был организован Морейский деспотат, со столицей в Мистре.

Внутреннее правление первых двух Палеологов характеризовалось противоречиями и конфликтом интересов государства, стремившегося к централизации, и аристократии, стремившейся к власти, и на самом деле обладавшей ею, занимавшей особое, привилегированное положение. В некотором смысле это явилось повторением политики XII в. с той разницей, что притязания государства

были фактически гораздо слабее. Тем не менее, первые два представителя Палеологов проводили жесткую фискальную политику, взимая некоторые налоги сверх положенных и претендуя на «королевские привилегии» (в денежном выражении) – в периоды процветания и богатства Византии, как, например, в X в. таких выплат не было, их появление можно отнести к позднему периоду правления Комнинов (Laïou 2000: 97–110). Однако в то же время все Палеологи жаловали налоговые привилегии светской аристократии и Церкви, священнослужителям в миру и монахам, последним в особенности. В этом заключалось сильнейшее противоречие, которое разрешилось не ранее второй половины века, когда prerogatives государства существенно уменьшились.

В экономическом отношении, до 1340-х особенно хорошо развивалось сельское хозяйство и в определенной мере торговля (Laïou 2002). Византия подчинялась тому же производительному циклу, что и Западная Европа, циклу, завершившемуся войнами, преобладавшими после 1341 г., и чумой. Но в отношении финансов государственные ресурсы уменьшились. Значительную часть доходов присваивали церковные и светские землевладельцы, поскольку крестьяне-налогоплательщики чем дальше, тем больше становились зависимыми, т. е. плательщиками земельной ренты. Михаил VIII смог получить в свое распоряжение казну Никейской империи и расходовать ее на нужды своей весьма дорогостоящей внешней политики, но у его преемников таких запасов не было. Такую сумму можно было получить только за счет дополнительных налогов, и значительная ее часть расходовалась на плату наемникам, в первую очередь каталонцам. Деньги несколько раз девальвировались, но это никак не помогло ни экономике, ни финансам.

Византийская армия и флот были малы, что соответствовало небольшим размерам самого государства. В 1285 г., якобы для того, чтобы нарушить планы Карла Анжуйского, Андроник II ликвидировал флот, и таким образом более, чем когда-либо поставил империю в зависимость от итальянских военно-морских держав, Венеции и Генуи. Последующие усилия по реконструкции флота увенчались успехом лишь частично. Что касается армии, в нее входили национальные и зарубежные войска, в числе последних были как союзники, так и наемники. Национальные войска в значительной мере состояли из обладателей проний. Прония – нововведение времен Комнинов – название как временных земельных наделов, так и, в первую очередь, доходов с них в обмен на государственную, в особенности военную, службу. Обладатели проний не обязательно принадлежали к аристократии; напротив, многие из них недалеко отстояли от крестьян-рекрутов X в., но крестьян-рекрутов больше не было, и в этом смысле обладатели проний составляли привилегированную социальную группу. Прония существенно отличалась от феодальных поместий Запада: земельный участок мог быть отозван, его нельзя было передавать в пользование вассалам более низкого ранга, и, вплоть до самого позднего периода, его владелец не имел права вершить суд. Что касается вооруженных сил наемников, наиболее известные из них, каталонские войска, были приглашены Андроником II для помощи в сражениях с турками в Вифинии; наемники взбунтовались и в конечном итоге основали в 1311 г. Каталонское герцогство в Афинах.

До 1341 г. влияние аристократии было велико. Многие знатные фамилии обладали крупными состояниями и располагали доходами от них; их представители

командовали армиями и вступали в брак с членами не столь именитых, но тоже аристократических фамилий (как Феодор Метохит и Никифор Хумн), занимавших высшие административные должности. Члены провинциальных аристократических фамилий занимали соответствующие должности в провинции; некоторые такие семьи были очень богаты. Период отмечен повышением политического и экономического влияния аристократии, а также Церкви, пользовавшейся пожертвованиями императоров, аристократов и крестьян (Laiou 1973: 131–51).

Гражданская война, 1341–1354 гг.

Основным внутривластным событием XIV в. стала вторая гражданская война, длившаяся с 1341 по 1354 гг. Ранее гражданская война разразилась между Андроником II и его внуком Андроником III. Она длилась семь лет с перерывами (1321–1328 гг.) и, возможно, в первую очередь была делом взаимоотношений аристократии, когда представители более молодого поколения старались завладеть короной старого императора. Помимо этого она также сопровождалась вмешательством (по просьбе обеих сторон) сербов и болгар (Laiou 1972: 284–300). Вторая гражданская война, напротив, была намного более сложным делом. Она тоже начиналась борьбой за трон между Иоанном Кантакузином, членом богатой и знатной аристократической фамилии, и регентом при Иоанне V, наследнике трона, матерью Иоанна, Анной Савойской, Патриархом Иоанном Калеккой и мегадукой Алексеем Апокавком, приобретшим влияние в администрации [молодого] императора. Однако война почти сразу же стала носить явно выраженный социальный характер. Хотя все обобщения, касающиеся данного вопроса, имеют свои исключения, в основном считается, что за Иоанном Кантакузином стояли аристократы-землевладельцы, тогда как сторону Апокавка держали купцы (весьма влиятельная группа), моряки и простой народ, в особенности, горожане. Социальный аспект гражданской войны стал более очевиден по прошествии времени, в особенности в Фессалонике, где правили «зилоты» [«ревнители»], радикальная группировка, чья идеология до сих пор скрыта под покровом неясности и враждебных источников информации; похоже на то, что это были моряки и люди, так или иначе связанные с морем, в том числе, возможно, некоторые эмигранты, хотя их лидеры и носили аристократические имена или принадлежали к высшему классу (как, например, Михаил и Андрей Палеологи). Некоторые представители фессалоникийской знати были убиты, оставшиеся бежали из города, распространяя известие об изменении естественного порядка социальных отношений.

В конечном итоге Иоанн Кантакузин и аристократия выиграли битву, хотя во многих отношениях проиграли войну. Оппозиция потерпела крах в 1344–1345 гг., и в начале 1346 г. Кантакузин вступил в Константинополь в качестве соправителя. В истории он известен как Иоанн VI. Фессалоника сопротивлялась до 1350 г., а четыре года спустя Иоанн V Палеолог вынудил Иоанна VI отречься от трона; он стал монахом, и его отход от дел имперской политики ознаменовал действительный конец гражданской войны.

Война имела и другую подоплеку. Помимо того факта, что она весьма напоминала революцию 1339 г. в Генуе и приход к власти Симона Бокканегра (хотя

прямой связи между событиями установить невозможно: Ševčenko 1953: 603–17), в различных источниках приводятся увлекательные, но при этом ложные утверждения, что Алексей Апокавк имел целью учреждение нового типа византийского государства, в основном приморского, со столицей в Константинополе (Kantak., vol. 2: 537). Такое государство в силу необходимости было бы связано с торговлей, а не с сельским хозяйством, в подражание приморским городам Италии, и оно с большой вероятностью могло бы быть ориентировано на Запад. Более того, гражданская война совпала с кризисом в византийской Церкви и спорами мистиков, сосредоточенных вокруг вопроса о возможности опытного познания Бога в Его Сущности посредством мистической молитвы, как утверждали и претендовали на то мистики (Meyendorff 1959). Дискуссии относительно опытного познания Бога в Его Сущности, а не в Его творениях, в контексте средневекового христианства были, разумеется, не новы, но в 1340 г. они приобрели главенствующее значение и, в определенной мере, связь с гражданской войной, главным образом потому, что основные сторонники мистицизма, как, например, ученый Григорий Палама, были также и верными соратниками Кантакузина. Его триумф означал также и их победу.

Политический триумф был полностью иллюзорным. Чтобы выиграть войну, Кантакузин обратился за помощью к иностранным союзникам: Стефану Душану, королю Сербии, сельджукам Айдынского эмирата и османам. Стефан Душан привел Сербское государство к его зениту. Расширив свои границы в конце XIII в. так, что они вторгались в пределы Македонии, сербы, после того, как страну наводнило серебро, добывавшееся на рудниках Ново-Брдо, переживали политические преобразования и были готовы на многом большее, нежели просто союз с Византией. Душан в конце концов покорил большую часть Македонии, Фессалию, Эпир, часть Греции и окружил, хотя и не завоевал, Фессалонику. После завоевания Серр он провозгласил себя императором Сербии и Рима, претендуя на создание империи вселенского масштаба. Его государство было недолговечным, но после смерти короля в 1355 г. сербские княжества оставались на территории Византии, в том числе и княжество Серр времен Иоанна Углеша.

Османы также были приглашены в Европу Иоанном Кантакузином для помощи в сражениях гражданской войны. В 1354 г., когда Иоанн Кантакузин отрекся от трона, они завладели крепостью Галлиполи. Больше они не покидали Европы; с этой стратегической позиции они начали завоевание европейских провинций империи.

Византийская аристократия вышла из состояния гражданской войны сильно ослабленной. За две гражданских войны грабительские действия войск привели к обеднению сельской местности, тогда как Душан конфисковал часть имущества в качестве вознаграждения для своих солдат (Laiou 1985: 148–56; Oikonomides 1980). В период между этими событиями и последовавшими вскоре османскими завоеваниями территориальная база экономической мощи аристократии значительно сократилась. Некоторые из аристократов вынуждены были взамен обратиться к коммерции и банковскому делу (Oikonomides 1979).

Поздние этапы гражданской войны совпали с эпидемией чумы. Несмотря на то, что непосредственные сведения о ее воздействии на Византийскую империю

гораздо более скудны, чем аналогичные данные о Западной Европе, значительный демографический спад во второй половине XIV в. неоспорим.

Окончательный крах (1354–1453 гг.)

Последние сто лет существования Византийской империи характеризовались постепенным уменьшением географических размеров государства, постоянной угрозой со стороны иноземных противников, особенно османов, изменением состава аристократии, гражданскими войнами, и все возрастающей относительной властью Церкви. Экономические условия вплоть до конца века были очень плохи, такое положение наблюдалось во всей южной Европе; депрессия привела к противостояниям и войнам, во многом коснувшимся и Византийской империи. То, что византийское государство выживало еще на протяжении столетия, объяснимо большей частью внешними причинами (новое появление монголов на политической арене, гражданские войны между османами), и успехами дипломатии, которая, на удивление, все еще была довольно эффективна.

В ходе длительного правления Иоанна V (1341–1391 гг.) упадок стал очевиден. Византийская империя (само название которой выглядело иллюзорно и употреблялось лишь как дань условностям) стала очень маленьким государством, которое в конце века состояло главным образом из Константинополя, части Фракии, Фессалоники, нескольких островов на севере Эгейского моря и Мореяского деспотата, самой незначительной по размеру территории. Большинство грекоговорящего православного населения проживало в оккупации, под властью иностранцев: венецианцев, генуэзцев, сербов, или же, чем дальше, тем больше, — османов. Наступление османов было непрерывным. В то время, как они постепенно захватывали эмираты сельджуков в Малой Азии, в Европе падали, покоряясь им, крупные города: Дидимотика в 1361 г., Филиппополь (Плодив) в 1363 г., а главное, в 1368–1369 гг. Андрианополь. Город стал османской столицей Европы. В 1371 г. сербский правитель Серр, Иоанн Угlesh, был побежден в битве при Марице. Это означало конец и отсутствие в дальнейшем малейшей возможности для православных сил на Балканах эффективно обороняться от турок. Византийские императоры были вынуждены платить дань османам. В 1390 г., когда была завоевана Филадельфия, последний византийский аванпост в Малой Азии, согласно одному из источников, первыми в нее вошли императоры Мануил II и Иоанн VII, служившие в османской армии (Chalk. 64). Между тем, в 1387 г. сдались Фессалоника, хотя в 1403 г. она на короткое время еще вернулась к Византии. 15 июня 1389 г. битва на Косовом поле сломила сопротивление сербов. Баязид Йылдырым («Молниеносный»), ставший султаном после гибели своего отца, Мурада, в той битве, проявил себя в дальнейшем их грозой и заклятым врагом.

Раздоры в обществе и гражданская война все еще продолжались даже во время османского нашествия. Плохие экономические условия, а также угроза завоевания стали питательной почвой для общественных распри, что особенно явно документально подтверждается в Фессалонике. Тем не менее, гражданские войны, с 1373 г. ставшие характерной местной особенностью, не имели сколько-нибудь заметной

социальной составляющей. Это были династические войны, в ходе которых принцы королевского дома восставали друг против друга и против императора Иоанна V. Аристократия соперничала за власть в государстве, стремительно приходящем в упадок, а также за контроль над истощавшимися ресурсами. Войны привели Геную и Венецию, а также османов, к жесточайшей конкуренции за участие в стремительно сокращавшейся торговле. Они истощили все внутренние силы, с которыми еще могла бы собраться Византия. В 1382 г. было три столицы Византийской империи: одна в небольшом городе Селимврии при Андронике IV Палеологе и его сыне Иоанне VII, еще одна в Фессалониках при Мануиле (впоследствии императоре Мануиле II, 1391–1425 гг.), и одна в Константинополе, где правил Иоанн V. Слабеющую государственную власть в определенной мере поддерживала и укрепляла Церковь, чей авторитет распространялся на гораздо более обширные территории, и чья экономическая мощь (в особенности это касалось горы Афон) возрастала за счет дарений Стефана Душана и османов, обращая ее в богатейшую организацию, намного превосходящую прочие социальные институты империи.

В 1394 г. османы осадили Константинополь, падение города казалось неизбежным. Мануил II отправился за помощью на Запад. Впрочем, византийские императоры всегда надеялись на помощь Европы в трудную минуту с тех пор, как возвышение Османской Турции стало очевидным. Некоторые немногочисленные политические деятели Запада, среди которых и венецианец Марино Санудо Торселло, уже в начале XIV в. признали, что Европа стоит перед лицом турецкой угрозы (Laiou 1972: 312–14). Тем не менее, Папы, от которых зависело многое, связывали предоставление помощи с преодолением раскола между Востоком и Западом на условиях Папы Римского, что большинству византийцев казалось отвратительным. Иоанн V лично перешел в католицизм, что почти не принесло результатов. Рыцарский крестовый поход в 1396 г. окончился разгромом у Никополя. Король Франции в 1399 г. направил в Константинополь небольшие силы под командованием маршала Бусико, но трехлетнее пребывание Мануила II в Европе ощутимых результатов не принесло (Barker 1969: 167–99). Осада Константинополя окончилась лишь по причине нового появления монголов на международной арене. Тамерлан, выступая покорителем сельджукских эмиратов, победил Баязида в великой битве при Анкаре в 1402 г. Султан был (так, по крайней мере, говорят) помещен в железную клетку и в таком виде провезен по всем владениям Тамерлана. Османское государство пережило переворот и гражданскую войну, что позволило византийцам вздохнуть свободнее и вернуть некоторые из своих земель, в том числе Фессалонику и Халкидику, части Фракии и болгарского побережья, некоторые острова. Однако к 1422 г. Мехмед I реорганизовал Османское государство, а его сын, Мурад II, в 1430 г. смог штурмом овладеть Фессалоникой (которую ранее, в 1423 г. заняли венецианцы); тогда же сдалась Янина. Горожанам довелось пережить резню и рабство, а сам город подвергся разрушению, что было общей участью городов, оказавших сопротивление, подобно Фессалонике, а позднее и Константинополю. Монастыри горы Афон сдались еще в 1423–1424 гг. (Oikonomides 1976a: 10).

Наступление османских сил заставило императора Иоанна VIII согласиться на [новую] унию Католической и Православной Церквей. 5 июля 1439 г. она была

провозглашена во Флоренции. 12 декабря 1452 г. в Константинополе отслужили мессу, но народ так и не принял унии. Когда к власти пришел Мехмед II, Константинополь был отрезанным от мира, обезлюдившим и обедневшим. 7 апреля 1453 г. султан осадил город. Османская армия включала нерегулярные войска и, предположительно, насчитывала более 150 000 солдат регулярного состава, что подтверждается документальными данными. Константинополь защищала армия из более чем 5000 жителей страны и 2000 иностранцев – в большинстве своем генуэзцев и венецианцев. Кроме того, Мехмед II располагал пушками, и то, что город на протяжении семи недель выдерживал осаду, было заслугой его легендарных стен и данью героизму его защитников, далеко не последним из которых был император Константин XI. Когда султан предложил ему Морею и жизнь в обмен на город, Константин якобы ответил: «Сдать город не в моей власти и не во власти людей его населяющих; все мы единодушно умрем за общее дело, нисколько не дорожа нашими жизнями» (Doukas 351). Император был убит в последнем сражении. Город был взят 29 мая 1453 г. Его беспощадно разграбили и разрушили, а жителей перебили или отвели в неволю. Вскоре после этого Мехмед начал восстановление и повторное заселение города, а Патриархом стал Геннадий Схоларий, наиболее ярый противник церковной унии.

За падением Константинополя последовало завоевание Морейского деспотата (1460 г.) и Трапезундской империи Трапезунда (1461 г.) Хотя Византийская империя приходила в упадок на протяжении всего предыдущего столетия, именно падение Константинополя ознаменовало ее конец, как в глазах православных народов, так и для Западной Европы. При Мехмеде II и его преемниках огромная [новая] империя возрождалась на руинах Византии. Замена ослабленных православных государств на Балканах и в Малой Азии крупным, мощным, многонациональным имперским государством было делом огромного исторического значения. В эпоху Позднего Средневековья, после 1204 г. наметились признаки того, что наиболее жизнеспособные, «местные» по своему характеру государства с относительно небольшим населением могли заменить огромную, мощную, многонациональную Византийскую империю: Никея в Малой Азии, Сербия, Болгария, государство Палеологов на Балканах. Османские завоевания свели эту возможность на нет. Поэтому территория Византии не подверглась длительному и затяжному процессу государственного и национального строительства, имевшему место в Западной Европе. Вместо этого, данный процесс в сокращенной, но столь же затяжной форме, снова начался в XIX в.

В культуру Западной Европы Византийская империя внесла один последний, но основополагающий вклад. Никейская империя, как до нее Империя Комнинов, могла гордиться многочисленными интеллектуалами. В Империи Палеологов процветали филология, философия, история и искусство. Италия эпохи Ренессанса обязана умиравшей Империи не только рукописями и текстами, но также значительным количеством ученых и гуманистов, таких как кардинал Виссарион и, на короткий период во время и сразу после Ферраро-Флорентийской унии, – Георгий Гемист Плифон. Имея в основе своей греческую литературу, европейский Ренессанс многим обязан ученым, воспитанным в Византии.

ЛІТЕРАТУРА

- ANGOLD, M. 1975. *A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Laskarids and Nicaea, 1204–1261* (London).
- BARKER, J. W. 1969. *Manuel II Palaeologus, 1391–1425* (New Brunswick). ennis
- DENNIS, G. T. 1960. *The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387* (Rome).
- GEANAKOPOLOS, D. J. 1959. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Late Byzantine–Latin Relations* (Cambridge, Mass.).
- LAIYOU, A. E. 1972. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328* (Cambridge, Mass.).
- 1973. 'The Byzantine aristocracy in the Palaeologan period: a story of arrested development', *Viator* 4: 131–51.
- 1978. 'Some observations on Alexios Philanthropenos and Maximos Planoudes', *BMGS* 4: 89–99.
- 1980–1. 'The Byzantine economy in the Mediterranean trade system, thirteenth–fifteenth centuries', *DOP* 34–5: 177–222.
- 1985. 'In the medieval Balkans: economic pressures and conflicts in the fourteenth century', in S. Vryonis (ed.), *Byzantine Studies in Honor of Milton V. Anastos* (Malibu): 137–62.
- 1995. 'Peasant rebellion: notes on its vocabulary and typology', in M. T. Fögen (ed.), *Ordnung und Aufruhr im Mittelalter* (Frankfurt am Main): 99–117.
- 2000. 'Le débat sur les droits du fisc et les droits régaliens au début du 14e siècle', *REB* 58: 97–122.
- 2002. 'The agrarian economy, thirteenth–fifteenth centuries; Economic and noneconomic exchange' in *EHB*: 311–76, 681–98.
- MEYENDORFF, J. 1959. *Introduction à l'étude de Grégoire Palamas* (Paris).
- NICOL, D. M. 1984. *The Despotate of Epiros 1267–1479* (Cambridge).
- 1993. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453* (Cambridge, 2nd edn.).
- OIKONOMIDES, N. 1976a. 'Monastères et moines lors de la conquête ottomane', *Südost-Forschungen* 35: 1–10.
- 1976b. 'La décomposition de l'empire byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'empire de Nicée: à propos de la "Partitio Romaniae"', in *XVe Congrès international d'études byzantines, Rapports et Co-rapports I/1, Athènes 1976* (Athens): 3–28.
- 1979. *Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe – XVe siècles)* (Montreal–Paris).
- 1980. 'The properties of the Deblitzenoi in the fourteenth and fifteenth centuries', in A. E. Laiyou (ed.), *Charanis Studies: Essays in Honor of Peter Charanis* (New Brunswick): 176–98.
- 1992. 'Byzantine diplomacy, A. D. 1204–1453: means and ends', in J. Shepard and S. Franklin (eds.), *Byzantine Diplomacy* (Aldershot): 73–88.
- ŠEVČENKO, I. 1953. 'The Zealot Revolution and the supposed Genoese colony in Thessalonica', *Prosphora eis St. Kyriakiden* (Thessalonike): 603–17.

Глава II.4 **КОММУНИКАЦИИ: МОСТЫ И ДОРОГИ**

Клаус Белке

Римляне не были первыми в истории строителями дорог, но зато были первыми, кто попытался охватить всю империю до самых границ системой густо расположенных, тщательно спланированных с инженерной точки зрения, содержащихся в образцовом порядке дорог (Schneider 1982: 1–2). А поскольку Византийская империя являлась Восточной Римской империей, византийские дороги на самом деле являются римскими, то есть дорогами восточных провинций Римской империи, которые Византия с течением истории понемногу адаптировала к изменявшимся обстоятельствам, потребностям и средствам. Здесь мы ограничимся центральными регионами Византийской империи, Балканским полуостровом и Малой Азией. Рассмотрим следующие основные положения:

- I. Главные дороги Византийской империи.
- II. Цели дорожного строительства, лица, пользовавшиеся путями сообщения, транспортные средства.
- III. Управление дорогами, строительство и ремонт дорог в Византии.
- IV. Различные типы дорог и их назначение в Византии.
- V. Археологический аспект дорог, мостов, станций.

Главные дороги

Основные направления наземных коммуникаций в восточных провинциях Римской империи оставались в основном без изменений, разве что сокращались, урезая их, границы самой Империи; в период османского правления они продлевались или обновлялись с незначительными модификациями (к примеру, Via Egnatia, Большая военная дорога, дороги в Малой Азии, описываемые ниже, см. Zachariadou 1996; Jireček 1877: 113–38 and Popović 2006; Taeschner 1924: 77–150). Сеть дорог поздней Римской и ранней Византийской империи позволяют воссоздать, прежде всего, позднеантичные и ранневизантийские итинерарии, особенно так называемые Итинерарий Антонина (Itinerarium Antonini) – конца

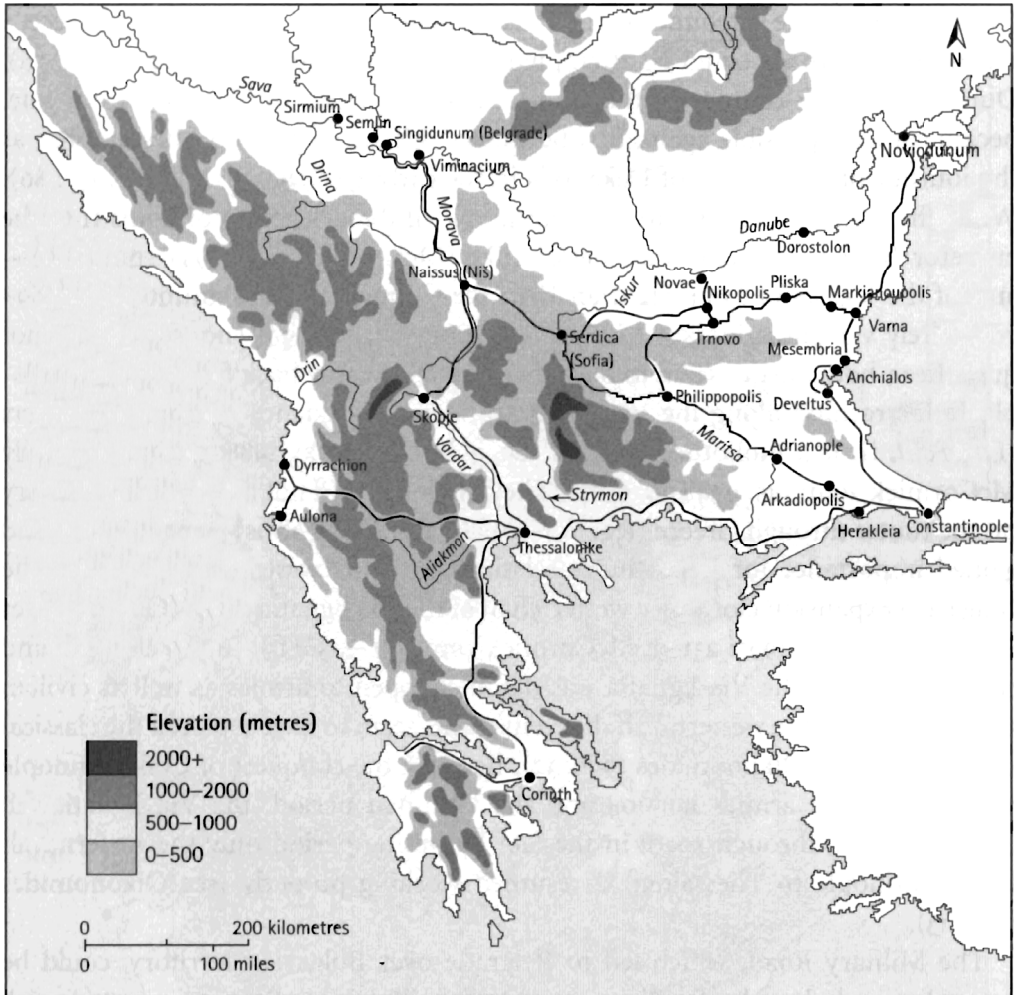
III – начала IV вв.; Бордосский Итинерарий (*Itinerarium Burdigalense*) – 333 г. н. э., описывающий дорогу из Бордо (*Burdigala*) в Иерусалим через Константинополь, и *Tabula Peutingeriana* – единственный *itinerarium pictum*, сохранившийся в средневековом списке с оригинала (эпоха поздней Римской империи с дополнениями, сделанными не позднее середины V в.) (Cuntz 1929; Weber 1976; Avramea 2002: 63–4). Для исследования этого раннего периода письменные источники следует дополнять эпиграфическими, такими, как описания дорог и дорожных указателей (по Малой Азии см. French 1988), которые, однако, практически не встречаются после начала VI в., и обзорами дорог большой протяженности и мостов. О продолжении использования и о преобразованиях сети дорог в поздний период выводы следует делать на основании разного рода исторических, документальных и агиографических источников, включая произведения арабских географов и историков (особенно Ибн Хордадбега, Ибн Хаукаля, аль-Мукаддаси и аль-Идриси).

1. *Балканы*: На севере Балкан есть две основные транспортные артерии большой протяженности: *Via Egnatia* и так называемая Военная Дорога. *Via Egnatia*, фактически являющаяся продолжением *Via Appia* из Рима в Бриндизи, и специально названная так *via militaris* (Šašel 1997: 238 (nos. 1, 3, 5), 241), были основным наземным путем сообщения, соединявшим Адриатическое море (Диррахий и Аполлонию (Аулону)) с Фессалоникой и Константинополем (С. Mango in ODB под заголовком ‘*Egnatia, Via*’; Belke 2002: 73 n. 2; Avramea 1996; 2002: 68–72; Fasolo 2003 (каждая из работ содержит ссылки на письменные источники и специальную литературу).

Некоторые дороги, ведущие из Центральной Европы, северной Италии и Даламации, пересекаются в Сирмиуме (Сремска Митровица) или Сингидунуме (Белграде). Так называемая Военная Дорога начиналась из Сингидунума, пересекала Нишскую, Софийскую и Андрианопольскую дороги Балканского полуострова и оканчивалась также в Константинополе (Jireček 1877: 10–55; Avramea 2002: 65; относительно ее фракийского участка – Soustal 1991: 132–5); (современное) название дороги основано на (ошибочном) применении исключительно в отношении «*viae militares* Фракии», упоминаемой в трех идентичных латинских надписях и обнаруженной на трех различных дорогах (Šašel 1977: 239 (nos. 12–14), 242), исключительно к Военной Дороге (Jireček 1877: 5, 7; Popovic 2006: 47–8).

Еще одна важная военная дорога проходила по южному берегу Дуная. По меньшей мере, пять дорог, ведущих с севера на юг через перевалы Балканских гор, соединяли эту Дунайскую дорогу с Большой Военной Дорогой и *Via Egnatia*; одна из них, снова ставшая значимой в X в. (De Adm. Imp., ch. 42), совпадала с Большой военной (между Белградом и Нишем) в том месте, где отделялась от основной фессалоникийской *via Scupi* (Скопье). Об этой дороге см., к примеру: Beševliev 1969; Škrivanić 1977: 120–9; Schreiner 1986: 27 (map), 31–5; Henty 1985: 82 (map 17); Avramea 2002: 66–7; о фракийских участках – Soustal 1991: 139–46).

Дороги, ведущие в Грецию, в большей или меньшей степени проходили вдоль береговой линии (или параллельно ей по долинам) Адриатического или Ионийского морей на западе, а еще более значимые – вдоль Эгейского моря на востоке (Škrivanić 1977: 129–33, 136 (map)); Koder and Hild 1976: 90–2; Soustal 1981: 88, 90–3; Avramea 2002: 72).

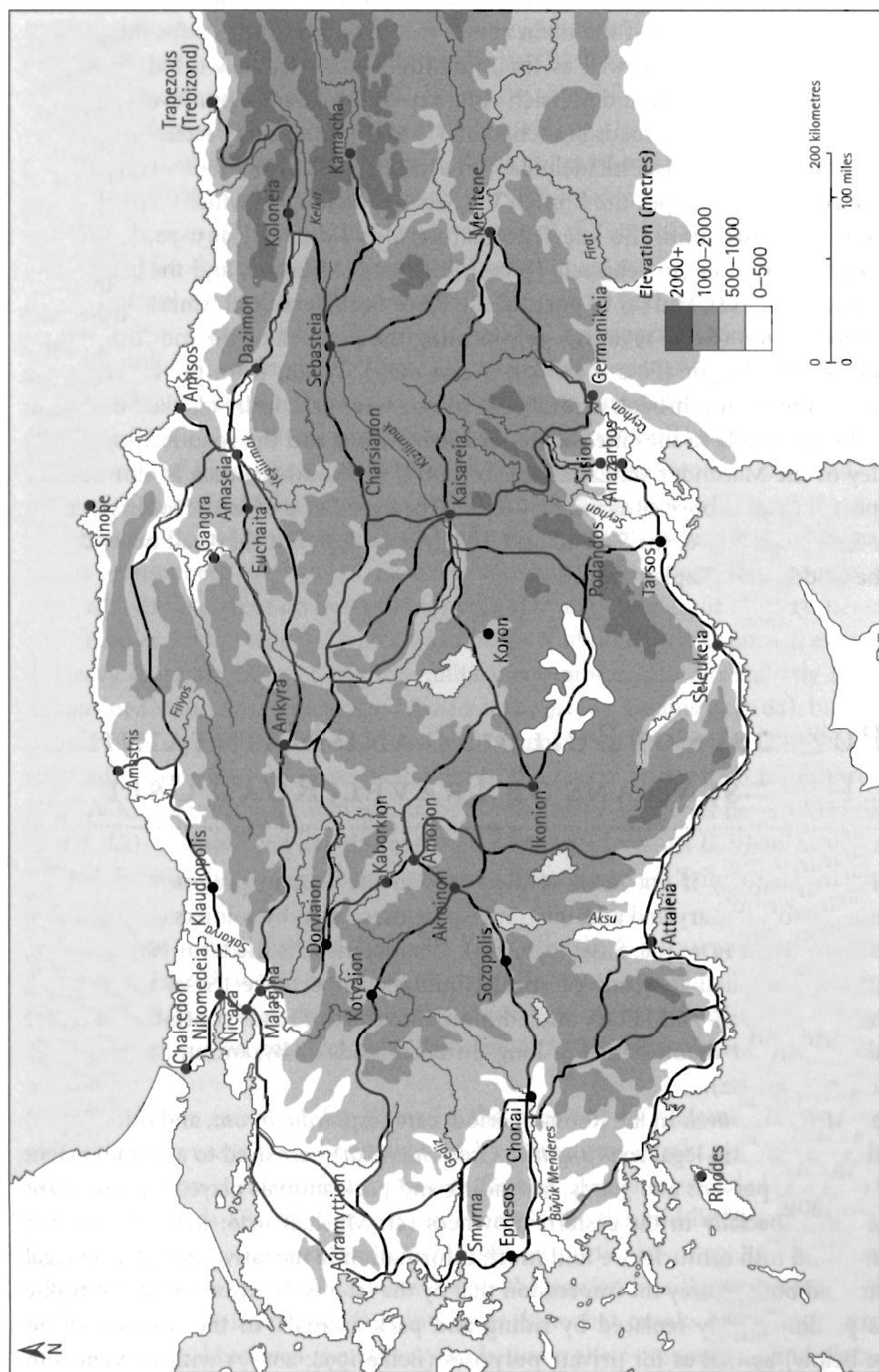
Карта 9. Главные дороги Балкан, VII–XII вв.

Несмотря на многочисленные вторжения, от которых Балканский полуостров страдал начиная с XIII в. и далее, эта сеть главных дорог содержалась более или менее в порядке до тех пор, пока вследствие завоеваний аваров и славян на западе и болгар на востоке все линии коммуникаций в окрестностях Константинополя не были прерваны (Schreiner 1986: 35; Obolensky 1988: 50; McCormick 2001: 67–74). Морской транспорт заменил все пути сообщения с Западом, традиционно проходившие вдоль Via Egnatia (Obolensky 1988: 50; Oikonomides 1996: 9; Belke 2002: 74–6; ошеломляющее изобилие материалов в McCormick 2001: appendix 4). И только в конце VII в., а особенно в начале VIII и IX вв., по мере того, как постепенно отвоевывались и заселялись окрестности Константинополя, Фессалоники и некоторые другие земли Греции, стало реальностью возобновление движения на дорогах (Oikonomides 1996: 10; Belke 2002: 76).

На протяжении IX в. движение по *Via Egnatia*, будучи далеко небезопасным, стало, по крайней мере, возможным в принципе, и в первую очередь, на участке между Константинополем и Фессалониками, как доказывает путешествие Св. Григория Декаполита в начале 830-х гг. (Makris 1997: 86). И хотя то, какими [разными] путями добирались в Константинополь посольство Людовика II к Василию I – возможно через Фессалонику (McCormick 2001: 943 (no. 597) – и легаты Папы Адриана II (на Константинопольский собор 869–870 гг.) – наверняка через Фессалонику (McCormick 2001: 144, 560, 941 (no. 592) – ясно не до конца, обе делегации, вероятно, возвращались из Константинополя через Диррахий по *Via Egnatia* в сопровождении имперских должностных лиц (Lib. Pont. II. 184 *Bibliothecarius*, PL 129. 39 B; Obolensky 1988: 58, и в особенности McCormick 2001: 145, 944 (no. 601). Они, очевидно, не миновали и славянской территории, пройдя через Грецию (к примеру, Навпакт и/или Патры) по дорогам, приобретшим значимость для сношений Византии с Западом, особенно когда болгарская экспансия снова перекрывала западную половину *Via Egnatia* (Oikonomides 1996: 12, Kislinger 1997: 231–9; McCormick 2001: 531–7, 561 f.). В XI и XII вв. *Via Egnatia* была окончательно открыта для передвижения войск, а также и для гражданских путешественников, но в западной части различные проселочные пути, похоже, заменили классическую линию дорог (Oikonomides 1996: 12). В промежутке от завоевания Константинополя армией крестоносцев в 1204 г. до османского периода, *Via Egnatia* в качестве прямого пути сообщения вышла из употребления; в поздневизантийский период только восточная ее половина (от Константинополя до Фессалоники) продолжала функционировать как следует (см. Oikonomides 1996: 13).

Военную дорогу, ведущую в Белград через территорию Болгарии, смогли открыть полностью лишь после завоевания Болгарского царства в 1018 г. (Jireček 1877: 81); вскоре по ней уже проходили паломники, в особенности из Центральной Европы (Runciman 1969: 75), и различные армии крестоносцев.

2. *Малая Азия*: Первые римские дороги в Малой Азии вели в разные стороны из Эфеса, столицы малоазийской провинции (French 1980: 706–7). Но уже в III в. н. э. главная дорога через Малую Азию (зачастую называемая Дорогой Пилигримов, поскольку, начиная с IV в., она была основным наземным путем сообщения для паломников, направлявшихся в Святую Землю), фактически являвшаяся продолжением главных транспортных артерий Балкан, начиналась в Хрисополе или Халкидоне напротив Византия и, пересекая Малую Азию по диагонали, вела в Сирию через Никомидию, Никею, Анкиру, Колонею (Аксарай), Пилы, Киликию (неподалеку от Подандоса (Позанти)) и Тарс (French 1981; Belke 1984: 93–7; Hild 1977: 33–59; Hild and Hellenkemper 1990: 132–3). В средневизантийский период варианты этой широчайшей трансверсали, ведущей через Дорилей (Экизехир), Аморий (или другим путем, через Котийон (Кутахия) и Филомилий (Акшехир) и Иконию (Кония), заменили прежнюю Дорогу Пилигримов через Анкиру. Можно было срезать путь, избежав тем самым необходимости огибать Никомедийский залив по морю из Константинополя в Еленополь (Херсек) (Proc. SN 30, 8–9) или Пилы (возле Ялова) (см. напр. Kaplan 2000: 83, 89–93; Lefort 1995: 210–215; 2003: 469–470). Трасса Пилы – Киликия (Киликийские ворота) – Икония – Аморий – Дорилей являлась также и одним из основных

Карта 10. Основные дороги Малой Азии, VII–XII вв.

путей вторжения арабов в центральную и западную Анатолию, а равно и направлением византийских встречных атак (Hild 1977: 61–3; Belke 1984: 97–101; Belke and Mersich 1990: 141–8). В различных точках этой описанной нами диагональной магистрали от нее отходили дороги: (1) ведущие к административным центрам западной Малой Азии (Адрамиттий, Эфес, Филадельфия, Смирна и т. д.) (Kaplan 2000: 90), (2) в направлении южного побережья (к примеру, римская Виа Себасте, участки которой были отремонтированы, перестроены и эксплуатировались вплоть до позднеосманского периода) (Mitchell 1993: 70, 77), (3) в направлении восточной границы (к Севастии (Сивас), Мелитине (Малация) и Евфрату) (Hild 1977: 65–112) и (4) ведущие к портам Черного моря (Гераклея, Амастрия, Амис, Трапезунд и т. д.) (Belke 1996: 117–34), образуя сеть наиболее важных дорог Малой Азии (Foss 1998: 422–4 и карта). В то время как, начиная с конца XI в., дороги, проходящие через центральную Малую Азию, были фактически блокированы – перекрыты сельджуками, дороги в города западной Малой Азии и дорога, проходящая по долине Меандра через Лаодикию в центральную и южную Малую Азию, снова стали важнейшими из всех военных дорог (подтверждение тому – военный поход Иоанна Дуки в 1098 г.: An. Komn. XI. 5,3–6; а также Второй и Третий Крестовые походы). Движение пешеходов по ним также не прекращалось (ср.: Kaplan 2000: 88).

Цели строительства и содержания дорог; транспортные средства; путешественники

1. *Цели*: Многие, если не подавляющее большинство, дорог в Римских провинциях строились в первую очередь в военных и административных целях, зачастую военными (French 1980: 700–2; Mitchell 1976: 106; Šašel 1977: 235). Характерен сам термин «военные дороги» (*viae militares*), применявшийся к дорогам особой стратегической важности (Šašel 1977: 242–244; Schneider 1982: 21–7). Военное и административное назначение дорог в Византии тоже продолжало быть основной причиной содержания дорог большой протяженности (см. напр. Avramea 2002: 62).

2. *Транспортные средства*: повозки-экипажи (в особенности *reda*, *birota* и прочие их виды) и повозки-телеги (в латинских законодательных текстах *angaria*, у греков – *hamaxa*) использовались для перевозки людей и товаров. Также важную роль, особенно в восточных провинциях, играли верховые и вьючные животные (ср. Mitchell 1976: 107, 122). Мы находим большое количество информации, касающейся IV и V вв. в повествовательных и законодательных текстах, и те, и другие создают впечатление, что к концу V в. колесный транспорт общественной почты (*cursus publicus*) (см. далее), а также частный, заменили верховые и вьючные животные (Belke 1998: 268–71 со ссылками на законодательные акты, а также другие источники). Это впечатление подтверждает один из наиболее содержательных источников информации о повседневной жизни и обществе сельской местности Анатолии, Житие Св. Феодора Сикеота, родившегося и проведшего почти всю свою жизнь недалеко от одной из станций на Дороге Пилигримов. Состоятельные слои общества для путешествий использовали

лошадей, дамы (упоминаются лишь однажды) перемещались на носилках; сам святой обычно ездил верхом на осле или ходил пешком. Однажды в качестве животного для верховой езды упомянут мул. Телеги (всегда запряженные волами) использовали в пределах местности для транспортировки сельскохозяйственной продукции и строительных материалов (Vita Theod. Syk. I: passim; Belke 1998: 273–5 со ссылками на главы). Эта общая картина, в сущности, не изменилась вплоть до конца империи. Телеги многократно упоминаются как транспорт, использовавшийся для перевозки на небольшие расстояния сельскохозяйственной продукции; люди путешествуют пешком или верхом (в средне- и поздневизантийский периоды чаще на мулах и ослах, чем на лошадях). Перевозка грузов осуществлялась на вьючных животных (мулах и ослах). Согласно одному из источников XII в., товары из Причерноморья, которые вначале морем привозили в Константинополь для досмотра, продолжали путь по суше, и караванами лошадей и мулов доставлялись на большую ярмарку Св. Димитрия в Фессалоники (Timarion 55, 126; Oikonomides 1993: 649). Из записок о двух путешествиях Николая Месарита в Никею в 1206 г. и в 1208 г. нам посчастливилось также узнать, что товары и людей от Никомидийского залива до Никеи перевозили мулы (Heisenberg 1923: 39–42, 45; Belke 1998: 283). Большинство представителей низших слоев общества, в особенности монахи, ходили пешком даже на дальние расстояния (Malamut 1993: 234).

Еще одной сферой применения колесного транспорта была перевозка военного оборудования, в особенности тяжелых осадных машин. Телеги для военного оборудования в встречаются часто в ранней Византии (Maur. Strat., index s. vv. ἄμαξα and καραύς; Dennis 1985: 6), но редко в более поздних военных трактатах (Dennis 1985: 304). Запряженные волами телеги для гелепол (осадных механизмов) (судя по описаниям, их в количестве более 1000 штук реквизируют прямо на месте, вместо того, чтобы везти через всю Малую Азию) были введены в действие при Романе IV Диогене перед Манцикертом (Attal. 151). Они замедлили движение войск Мануила I против Икония в 1176 г. и оказались фатальной помехой в последовавшей затем битве в узких ущельях Цибрица (Nik. Chon. 178–181).

Некоторые, хотя и не все в войсках крестоносцев, особенно пришедшие из Центральной Европы через Венгрию, имели с собой телеги для личных вещей, экипировки с оружием и провизии. Все они перед переходом через Малую Азию оставили свои телеги и погрузили багаж и прочее на вьючных животных (Belke 2002: 79–82, со ссылками на источники о крестоносцах).

3. *Путешественники* (по Вифинии см. обзорное исследование Malamut 2003): Значительное их количество всегда составляло духовенство и монахи, – группы, о которых мы располагаем более обширной информацией, нежели об остальных. Епископы регулярно посещали соборы и региональные синоды (Belke 1998: 269; пример, относящийся к средневизантийскому периоду см. у Avgamea 2002: 61); епископы митрополий особенно часто ездили по делам в Константинополь, их могли посылать с поручениями Патриарх или император (к примеру, Лев Синадин, см. Kaplan 2000: 61); Жития святых доказывают, что монахи в Византии по большей части могли отправиться из монастыря в монастырь или из монастыря к местам паломничества и/или духовным центрам, прежде всего, в Константино-

поль (Malamut 1993). Паломники составляли также значительную часть путешествующих мирян (Malamut 1993: 272). Последними среди путешественников, но не по значимости и количеству, являются торговцы и фермеры, направлявшиеся на рынки (Malamut 1993: 274; Oikonomides 1993; Laiou 1990).

Дорожная администрация

Cursus publicus (по-гречески *demosios dromos*) объединила предшествующие учреждения Римской империи («реквизированный транспорт») в единую систему, которая исключительно в интересах государства (1) служила нуждам имперской разведки, (2) оказывала услуги по перевозке грузов и пассажиров высокопоставленным гражданским и военным чиновникам и (3) использовалась для транспортировки взимаемых в виде налога золота и серебра, а также вооружения, особенно производимого государственными *fabricae* (Kolb 2000: 53–70, 96–8). Подробно известны, прежде всего, из законодательных актов империи IV–V вв., собранных в Кодексе Феодосия (VIII. 5, 1–66) и в Кодексе Юстиниана (XII. 50, 1–23), опубликованы у Stoffel 1994 с немецким переводом и комментариями. *Cursus clavulari(u)s* (*platys dromos*), транспортировка тяжелых грузов (что являлось одной из задач *cursus publicus*) была упразднена в конце V в. (Cod. Iust. XII. 50, 22; Stoffel 1994: 132, 159). Императора Юстиниана I обвиняют в том, что он существенно сократил единственную оставшуюся службу *cursus velox* (*oxys dromos*) (Prok. SH XXX, 1–11; Lyd. De Mag. III. 61; Belke 1998: 271–273).

Основным в работе *cursus publicus* было, конечно, содержание дорог и мостов, но также и строительство, содержание вдоль главных дорог гостиниц и конюшен с необходимыми для путешествий тягловыми и вьючными животными. Как мы можем заключить из *Itinerarium Burdigalense*, гостиницы с просторными конюшнями и всеми удобствами, позволявшими там переночевать (*mansio*, по-гречески *stathmos*, иногда *pandocheion*), имелись на расстоянии в среднем 35 километров друг от друга, вдобавок между ними находились одна-две конюшни (*mutatio*, по-гречески *allage*), где животных можно было (или даже следовало) заменить.

Учреждения (*oxys*) *dromos* с казенными лошадьми на почтовых станциях оставались на содержании государства до конца ранневизантийского периода и впоследствии, до средневизантийского периода включительно, находились в ведении логофета дрома и подведомственных ему служб (Hendy 1985: 608–13; Shepard 2000: 376–81; полезные описания печатей *logothetes tou [oxeos] dromou* и подведомственных служб см. у Koutava-Delivoria 1989: 184, 187–9 (tab. 2); Oikonomides 1972: 311), дожив, хотя и в сокращенной форме, вплоть до поздневизантийского периода. Конюшни и животные для *cursus*, фураж (а зачастую и все условия для должностных лиц) должны были, за некоторыми исключениями в ранневизантийский период, обеспечивать, за вознаграждение или безвозмездно, жители провинций, что, конечно же, было для них тяжелым бременем – сведения об этом дошли до нас относительно римского и всех византийских периодов; строительство и ремонт дорог и мостов зачастую осуществлялись как вид обязательных общественных работ (Stauridou-Zaphraka 1982: 25–38, 40–4 с богатейшими ссылками на источники). Однако в поздневизантийский пери-

од сам император обеспечивал официальные делегации необходимым провиантом, который, как в случае с делегацией Феодора Метохита к королю Урошу II Милутину в 1299 г., очевидно, подвозили на телегах, тогда как местное население, проживавшее вдоль дороги, обязано было давать приют на ночь (Theod. Met. Presb. 90–94; Malamut 1996). Но в конце 1320-х гг. мы встречаем сведения и о частных гостиницах вдоль Via Egnatia между Константинополем и Редесто (Текирдаг) (Ahrweiler 1996: 11–13, 23–5).

Юстиниан I – последний, насколько нам известно, император, при котором производилось масштабное строительство (или, скорее, ремонт и усовершенствование) дорог, мостов, гостиниц (относящихся к *cursus publicus*), хотя на самом деле его вмешательство носило довольно ограниченный характер (Lounghis 1994–5: 37–9). Оно распространилось, в том числе, на окончание Via Egnatia со стороны Константинополя (дорога из Константинополя в Регий, мост через Мирмекс, сток озера с лагуной Кучук Чекмес: Prok. De Aed. IV. 8, 4–9, 15–17; French 1993: 449), и, кроме того, на Дорогу Паломников (см. Belke 2002: 117–120, 123) (о мосте через Сангарий см. выше). Позднее встречается всего несколько разрозненных непосредственных подтверждений строительства в Византии дорог и мостов, к примеру, сведения о перестройке моста в Регии (= Мирмекс) Василием I (De Adm. Imp., ch. 51) или ремонте моста в районе Кёрклаэли-Вайз в 769–775 гг. (Soustal 1991: 421). Но то, что такое строительство не прекращалось, становится ясным из перечня различных форм обязательных общественных работ, упоминавшихся выше, таких, как *hodostrosia* (ремонт дорог) и *gephyroktisia* или *gephyrosis* (строительство мостов).

Византийская терминология

Византийцы давали важнейшим магистралям традиционные римские или даже греческие определения, а именно *basilike hodos* и *demosia* (или *demosiake*) *hodos*. Для слуха жителя Византии *basilike hodos*, без сомнения, напоминало об ответственности императора за содержание дорог и снабжение их всем необходимым. *Demosia hodos* являлись продолжением категории римских *via publica*, к которым принадлежали все сколько-нибудь значимые дороги (Radke 1973). Характерно сочетание обоих терминов в раннем византийском агиографическом источнике (ἡ δημόσια στράτα τοῦ βασιλικοῦ δρόμου, «общественный тракт имперской почты», имевший в деревеньке под названием Сикеон пандохион или почтовую станцию, Vita Theod. Syk. I: гл. 3 (ч. 3). Разумеется, каждая *basilike hodos* являлась также и *demosia hodos*. Из документов Афонских монастырей становится ясно, что некоторые дороги, – обычно продолжения древних, ведущих на дальние расстояния путей сообщения, – назывались *basilikai*, другие носили название *demosiai*, но уже в XIV в. (а, возможно, и ранее) они уже ничем отчетливо не отличались друг от друга. Прочие же словесные обозначения относились либо к преобладавшему функциональному назначению (как правило, местной) дороги, как, например, *agelodromion* (для скота), *hamaxegos* (для крестьянских телег, запряженных волами) или *xylophoricon* (для транспортировки древесины из леса), либо же *monopation* (узкий проход для пешеходов и вьючных живот-

ных) или *plakotos* (мощеная дорога). Как доказывают прежде всего документы горы Афон, эти местные дороги составляли удивительно густую сеть, которая поддерживалась вплоть до османского периода (Lefort 1982; Belke 2002: 86–90 со ссылками на источники).

Прежде чем обратиться к последнему пункту повествования, уместно сделать некоторые выводы из вышеизложенного на основании преимущественно письменных источников. Важнейшие дороги, мосты, придорожные сооружения, как то: трактиры и гостиницы, в особенности, служившие нуждам армии и администрации, до определенной степени содержались в порядке. На некоторых дорогах дальнего следования, имевших особое значение для армии, на Балканах, а также в Малой Азии могли использоваться даже повозки. То же самое верно и в отношении местных дорог, служивших для поставок продовольствия на рынки, перевозки строительных материалов и перемещения местной администрации.

Археология

О физическом состоянии римских дорог и мостов хорошо известно из многочисленных публикаций (French 1981: 19–22; 1993: 446–8; Schneider 1982: 29–37 (со ссылками на литературу); Gazzola 1963; O'Connor 1993; Fasolo 2003). Дороги дальнего следования в восточных провинциях были широки (обычно более 6,5 м в ширину, за исключением случаев, когда местность этому не благоприятствовала), с центральным гребнем, вымощены сравнительно мелкими камнями, образовывавшими не слишком ровную поверхность. На них зачастую наблюдаются выбоины и следы колес (French 1980: 703 (где следует читать 6,5 м вместо 3,5 м), 713; 1981: 19–22; 1993: 446). Недавно были сделаны некоторые попытки отличить римские дороги от византийских. Согласно работе French 1993, в византийский период магистрали были сужены до ширины, не предназначенной для движения транспорта, вымощенная поверхность была более ровной, но на гористых участках – ступенчатой (на практике это означало, что они не годились для движения колесного транспорта). Развитие таких путей сообщения началось, вероятно, в правление Юстиниана I (или позднее), поскольку сооружение им нескольких ответвлений транспортных путей сообщения подтверждается Прокопием (De Aed. IV 8, 4–9; V 2, 6–8, 12–14; V 5, 1–3). Это тезис подтверждают и примеры наиболее известных дорог: дороги из Антиохии до Верои и Халкиды в северной Сирии, дороги из Тарса к Киликийским воротам (сегодня, когда многие ее участки разрушены, лучшей для изучения является ее часть, сохранившаяся около Сагликли), и *Via Sebaste*, ведущая через ущелье Доземе из Памфилии в Ликию.

Наибольший интерес для изучения представляет дорога в ущелье Доземе, где исследователи обнаружили максимальное количество – четыре слоя мостовой поверхности, образовавшиеся в результате ряда ремонтов или переделок (French 1990: 234; 1993: 448). Наиболее ранний из доступных для исследования слоев принадлежал *Via Sebaste* (выстроенной по приказу Августа в 6 г. до н. э. (Levick 1967: 38–40; Mitchell 1993: 70, 77), дорожный указатель которой был обнаружен *in situ* в самом ущелье (Horsley and Mitchell 2000: 168). Эта римская дорога была более 6 м в ширину; ее поверхность составляли камни неправильной

формы, что явно видно в тех местах, где на дороге отпечатались следы колес (French 1991: 163, figs. 11, 12; 1994: 33, 3, fig. 7). После, по меньшей мере, двух существенных ремонтов (и частичной смены дорожного покрытия) во времена Римской империи, дорога подверглась полной переделке по всей протяженности в ранневизантийский период и использовалась (а также, разумеется, снова ремонтировалась) вплоть до позднеосманского периода. Теперь она стала гораздо более узкой (всего не более 3,5 м в ширину) и ступенчатой; по ее краям проложены сравнительно широкие каменные глыбы; мостовая между краями состоит из меньших блоков, уложенных гораздо более тщательно, нежели это делали римляне, но (хотя и использовалось некоторое количество блоков, оставшихся еще от римских предшественников) не столь правильно, как некоторые участки Тарской и Антиохийской дорог (French 1990: 233–5; 1993: 448; 1994: 31; Aydal, Mitchell, and Vandeput 1997: 283; Hellenkemper and Hild 2004: 273–5, 643, 719).

Поверхности еще двух дорог, которые Френч датирует ранневизантийским периодом, выглядят несколько иначе. Поверхность дороги, ведущей из Тарса к Киликийским воротам, возле Саглики тщательно выложена квадратными каменными плитами, образующими ровное покрытие, по краям возвышается обочина. Ширина (от 3 до 3,5 м) подобна ширине Доземской дороги, а участки, ведущие вверх, также имеют форму ступеней. Арка, возведенная над дорогой возле Саглики, вероятно, датируется V или VI вв. (Hellenkemper and Hild 1986: 96); она соответствует ширине дороги, а значит, согласно French 1993: 451, № 32 должна быть современна ей (во всяком случае, выстроена не раньше).

Следовательно, кажется правдоподобным, что перестройка дороги Доземе, а также дороги от Тарса до Киликийских ворот, должно быть, датируется ранневизантийским периодом (вероятно, VI в.), когда больше уже не возникала потребность в колесном транспорте для перевозок на дальние расстояния. Если обобщить эти примеры, византийские дороги большой протяженности в Малой Азии, а также на Балканах (подобные наблюдения были сделаны и в отношении Via Egnatia, ср. French 1993: 449) были перестроены, после чего стали уже, ровнее и (из-за ступеней) не предназначались для колесного транспорта. Армии крестоносцев все же смогли пройти маршем по Военной Дороге и со своими повозками, но источники, касающиеся крестоносцев, описывают участки этой дороги либо как каменистые и горные, либо как болотистые. Следовательно, иногда повозки не столько помогали, сколько препятствовали движению (Belke 2002: 76–9 со ссылками на литературу).

Мосты византийского периода на вид не отличаются от римских; как следствие, нам известно не так уж много мостов, имеющих неоспоримо византийское происхождение. Обычно у них круглые, а иногда плоские арки. Один из лучше всего сохранившихся византийских мостов, знаменитый мост Юстиниана над «Сангарием», все еще стоит практически не тронутым (Whitby 1985); в наши дни он пролегает не над Сангарием, а над Карк Суйу (Byz. Melas) на юго-востоке от Адапазари и, несмотря на различные интерпретации, опубликованные недавно (Şahin 1999), его все же следует считать Юстиниановым мостом над Сангарием. Несмотря на немного остроконечную форму арочного проема, Карамагара Копру над Арапкир Кайи был построен в V–VI вв. (Hild 1977: 144).

Единственная позднеримская или ранневизантийская станция (*mutatio* или, что более вероятно, *mansio*), сохранившаяся более или менее нетронутой, находится у южного входа в ущелье Доземе (см. выше). Это просторный двухэтажный дом, выстроенный вокруг расположенного в центре внутреннего двора с центральным главным входом, ведущим прямоком во двор, и двумя боковыми дверями меньших размеров (French 1994: 31–3, 34–6, figs. 1, 3–6; Aydal, Mitchell, and Vandeput 1997: 283; Hellenkemper and Hild 2004: 719).

ЛИТЕРАТУРА

- AHRWEILER, H. 1996. 'Le récit du voyage d'Oinaiôtès de Constantinople à Ganos, in W. Seibt (ed.), *Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit. Referate des Internationalen Symposions zu Ehren von Herbert Hunger* (Vienna): 9–27.
- AVRAMEA, A. 1996. 'Tracé et fonction de la Via Egnatia du IIe siècle avant J.-C. au VIe après J.-C.', in Zachariadou 1996: 3–7.
- 2002. 'Land and sea communications, fourth to fifteenth centuries', in *EHB*: 57–90.
- AYDAL, S., MITCHELL, S., and VANDEPUT, L. 1997. '1996 Yılı Pisidia Yüzey Araştırması // *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 15.2: 275–94.
- BELKE, K. (mit Beiträgen von M. RESTLE) 1984. *Galatien und Lykaonien (TIB 4)* (Vienna).
- 1996. *Paphlagonien und Honorias (TIB 9)* (Vienna).
- 1998. 'Von der Pflasterstraße zum Maultierpfad? Zum kleinasiatischen Wegenetz in mittelbyzantinischer Zeit', in S. Lampakis (ed.), *E Byzantine Mikra Asia* (Athens): 267–84.
- 2000. 'Prokops *De Aedificiis*, Buch V, zu Kleinasien', *Antiquité tardive* 8: 115–25.
- 2002. 'Roads and travel in Macedonia and Thrace in the middle and late Byzantine period', in R. Macrides (ed.), *Travel in the Byzantine World* (Aldershot): 73–90.
- and MERSICH, N. 1990. *Phrygien und Pisidien (TIB 7)* (Vienna).
- BEŠEVLEV, V. 1969. 'Bemerkungen über die antiken Heeresstraßen im Ostteil der Balkanhalbinsel', *Klio* 51: 483–495 (= V. Beševliev, *Bulgarisch-Byzantinische Aufsätze* (Variorum), 1978, no. XXVI).
- CASSON, L. 1994. *Travel in the Ancient World* (Baltimore, 2nd edn.).
- CUNTZ, O. 1929. *Itineraria Romana*, vol. 1: *Itinerarium Antonini (Imperatoris Antonini Augusti itineraria provinciarum et maritimum)*; *Itinerarium Burdigalense* (Leipzig): 1–85, 86–102).
- DENNIS, G. (ed.) 1985. *Three Byzantine Military Treatises* (Washington, DC).
- DIERKENS, A., and SANSTERRE, J.-M. (eds.) 2000. *Voyages et voyageurs à Byzance et en occident du VIe au XIe siècles* (Paris).
- DIMITROUKAS, I. C. 1997. *Reisen und Verkehr im Byzantinischen Reich vom Anfang des 6. bis zur Mitte des 11. Jh.* (Athens).
- FASOLO, M. 2003. *La Via Egnatia I. Da Apollonia e Dyrrachium ad Herakleia Lynkestidos* (Rome).
- FOSS, C. 1998. 'Roads and Communications', in *Byzantine Dictionary of the Middle Ages* 10: 422–5.
- FRENCH, D. H. 1980. 'The Roman Road-System of Asia Minor', in *ANRW* 7.2: 698–729.

- 1981. *Roman Roads and Milestones of Asia Minor*, fasc. 1: *The Pilgrim's Road* (Oxford).
- 1988. *Roman Roads and Milestones of Asia Minor*, fasc. 2: *An Interim Catalogue of Milestones* (Oxford).
- 1990. '1989 Roma Yollari Miltaşları ve Yazıtları Araştırması', *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 8: 229–40.
- 1991. '1990 Yılı Roma Roma Yollari ve Miltaşları', *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 9: 149–63.
- 1993. 'A Road Problem: Roman or Byzantine?', *Istanbuler Mitteilungen* 43: 445–54.
- 1994. '1993 Yılı Kuciik Asya Roma Yollan ve Miltaşları', *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 12: 29–37.
- GAZZOLA, P. 1963. *Ponti Romani*, II: *Contributo ad un indice sistematico con studio critico bibliografico* (Florence).
- GEYER, B., and LEFORT, J. (eds.) 2003. *La Bithynie au Moyen Age* (Paris).
- HEISENBERG, A. 1923. *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion*, II: *Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208*, in *Sitz. Bay. Akad. Wiss., ph.-ph.-hist. Kl.* 1923.2 (Munich).
- HELLENKEMPER, H., and HILD, F. 1986. *Neue Forschungen in Isaurien und Kilikien* (VTIB 4) (Vienna).
- 2004. *Lykien und Pamphylien* (TIB 8) (Vienna).
- HENDY, M. F. 1985. *Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450* (Cambridge).
- HILD, F. 1977. *Das byzantinische Straßensystem in Kappadokien* (VTIB 2) (Vienna).
- and HELLENKEMPER, H. 1990. *Kilikien und Isaurien* (TIB 5) (Vienna).
- HORSLEY, G. H. R., and MITCHELL, S. 2000. *The Inscriptions of Central Pisidia* (IK 57) (Bonn).
- JIREČEK, C. 1877. *Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe* (Prague).
- KAPLAN, M. 2000. 'Quelques remarques sur les routes à grande circulation dans l'empire Byzantin du VIe au XIe siècle', in Dierkens and Sansterre 2000: 83–100.
- KISLINGER, E. 1997. 'Reisen und Verkehrswege zwischen Byzanz und dem Abendland vom neunten bis in die Mitte des elften Jahrhunderts', in E. Konstantinou (ed.), *Byzanz und das Abendland im 10. und 11. Jahrhundert* (Cologne): 231–57.
- KODER, J., and HILD, F. 1976. *Hellas and Thessalia* (TIB 1) (Vienna).
- KOLB, A. 2000. *Transport und Nachrichtentransfer im römischen Reich* (Berlin).
- KOUTAVA-DELIVORIA, B. 1989. 'Les ὀξέα et les fonctionnaires nommés τῶν ὀξέων: les sceaux et les étoffes pourpres de soie après le 9e siècle', *BZ* 82: 177–90.
- LAIU, A. E. 1990. 'Händler und Kaufleute auf dem Jahrmarkt', in G. Prinzing and D. Simon (eds.), *Fest und Alltag in Byzanz* (Vienna): 53–70, 189–94.
- LEFORT, J. 1982. *Villages de Macédoine*, 1: *La Chalcidique occidentale* (Paris).
- 1995. 'Les communications entre Constantinople et la Bithynie', in C. Mango and G. Dagron (eds.), *Constantinople and its Hinterland* (Aldershot): 207–18.
- 2003. 'Les Grandes Routes médiévales', in Geyer and Lefort 2003: 461–72.
- LEVICK, B. 1967. *Roman Colonies in Southern Asia Minor* (Oxford).
- LOUNGHIS, T. 1994–5. 'Paradeigmata ergon odopoiias sto Byzantio', in *Diptycha Hetaireias Byzantinon kai Metabyzantinon Meleton* 6: 37–48.
- MCCORMICK, M. 2001. *Origins of the European Economy: Communications and Commerce, A. D. 300–900* (Cambridge).

- MAKRIS, G. 1997. *Ignatios Diakonos und die Vita des hi. Gregorios Dekapolites* (Stuttgart).
- MALAMUT, E. 1993. *Sur la route des saints byzantins* (Paris).
- 1996. 'Sur la route de Théodore Métochite en Serbie en 1299', in *Voyages et voyageurs au moyen âge* (Paris): 165–75.
- 2003. 'Les voyageurs à l'époque médiévale', in Geyer and Lefort 2003: 473–84.
- MITCHELL, S. 1976. 'Requisitioned transport in the Roman Empire: a new inscription from Pissidia', *JRS* 66: 106–31.
- 1993. *Anatolia: Land, Men, and Gods in Asia Minor*, 2 vols. (Oxford).
- OBERHUMMER, E. 1905. 'Egnatia via', *RE* 5.2: 1988–93.
- OBOLENSKY, D. 1988. 'The Balkans in the ninth century: barrier or bridge?', *BF* 13: 47–66.
- O'CONNOR, C. 1993. *Roman Bridges* (Cambridge).
- OIKONOMIDES, N. 1972. *Les listes de préséance byzantines des IXe et XIe siècles* (Paris).
- 1993. 'Le marchand byzantin des provinces (IXe–XIe S.)', in *Mercati e mercanti nell'alto medioevo: L'area euroasiatica e l'area mediterranea* (Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo 40): 633–60.
- 1996. 'The medieval Via Egnatia', in Zachariadou 1996: 9–16.
- POPOVIĆ, M. 2006. *Von Budapest nach Istanbul. Die Via Traiana im Spiegel der Reiseliteratur des 14. bis 16. Jahrhunderts* (Leipzig).
- RADKE, G. 1973. 'Viae publicae Romanae', *RE* suppl. 13: 1417–686.
- RUNCIMAN, S. 1969. 'The pilgrimages to Palestine before 1095', in K. Setton (ed.), *A History of the Crusades*, vol. 1 (Madison–London): 68–78.
- ŞAHİN, S. 1999. 'Wasserbauten am unteren Sangarios in Bithynien', in *XI Congresso Internazionale di Epigrafia Greca e Latina* (Rome): 643–58.
- ŠAŠEL, J. 1977. 'Viae militares', in D. Haupt (ed.), *Studien zu den Militärgrenzen Roms II. Vorträge des 10. internationalen Limeskongresses in der Germania Inferior*: 237–44.
- SCHNEIDER, H.-C. 1982. *Altstraßenforschung* (Darmstadt).
- SCHREINER, P. 1986. 'Städte und Wegenetz in Moesien, Dakien und Thrakien nach dem Zeugnis des Theophylaktos Simokattes', in R. Pillinger (ed.), *Spätantike und frühbyzantinische Kultur Bulgariens zwischen Orient und Okzident* (Vienna): 25–35.
- SHEPARD, J. 2000. 'Messages, ordres et ambassades: diplomatic centrale et frontalière a Byzance (IXe–XIe siècles)', in Dierkens and Sansterre 2000: 375–96.
- ŠKRIVANIĆ, G. 1977. 'Roman roads and settlements in the Balkans', in F. W. Carter (ed.), *An Historical Geography of the Balkans* (London–New York–San Francisco): 115–45.
- SOUSTAL, P. (with J. KODER) 1981. *Nikopolis und Kephallenia* (TIB 3) (Vienna).
- 1991. *Thrakien* (Thrake, Rodope und Haimimontos) (TIB 6) (Vienna).
- STAUROUDOU-ZAPHRAGA, A. 1982. 'E angareia sto Byzantio', *Byzantiaka* 11: 21–54.
- STOFFEL, P. 1994. *Über die Staatspost, die Ochsen-gespanne und die requirierten Ochsen-gespanne. Eine Darstellung des römischen Postwesens auf Grund der Gesetze des Codex Theodosianus und des Codex Iustinianus* (Bern).
- TAESCHNER, F. 1924–6. *Das anatolische Wegenetz nach osmanischen Quellen*, 2 vols. (Leipzig).
- WEBER, E. 1976. *Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324* (Vienna).
- WHITBY, L. M. 1985. 'Justinian's bridge over the Sangarius and the date of Procopius' *De Aedificiis*', *JHS* 105: 129–48.
- ZACHARIADOU, E. (ed.) 1996. *The Via Egnatia under Ottoman Rule (1380–1699)* (Rethymnon).

Глава II.5 НАСЕЛЕНИЕ, ДЕМОГРАФИЯ, ЗАБОЛЕВАНИЯ

Дионисий Статакопулос

Разговор о демографии Византийской империи лучше всего будет начать с мрачноватого, на первый взгляд, утверждения: «Точные цифры, характеризующие население в какой-либо период, на какой-либо из территорий в пределах распространения византийской культуры или византийского государства, по причине отсутствия соответствующей исторической документации получить не представляется возможным» (Koder 1984/2001: 150). Поскольку точная количественная оценка невозможна, отдельные цифры, отображающие размеры населения, которые появляются в научных работах, посвященных Византийской империи, зачастую основаны на субъективных предположениях, а значит, могут вводить в заблуждение (Charanis 1966; Laiou 2002: 47–9). Следовательно, те цифры, которые будут приведены в данном обзоре, упоминаются только как указывающие на приблизительные масштабы, числовые порядки величины населения и не должны восприниматься непосредственно. Приняв в качестве исходной точки среднюю плотность населения 15 чел./км² (9 чел./км² для периодов, в которые есть основания предполагать, что большая часть государства была менее густонаселенной) и умножая эту цифру на размеры территории, занимаемые государством в каждый период своего существования, можно прийти к достаточно правдоподобным результатам (расчеты этих показателей см. Issawi 1981: 377; Koder 1984/2001: 153; 1987).

За одиннадцать веков своего существования Византийская империя претерпела существенные территориальные изменения, зачастую с демографическими последствиями. Они отнюдь не носили линейный характер, будь то в направлении роста или спада. Прочими важными факторами, оказывавшими влияние на движение населения в пределах империи, являлись войны и масштабные эпидемии.

Поздняя Римская империя занимала территорию огромных размеров (около 3,8 млн. км²; Issawi 1981: 377) и со времени смерти императора Августа в 14 г. н. э. до II в. н. э. переживала продолжительный период экономического

процветания и демографического роста. На этом этапе плотность населения находилась в наивысших возможных пределах за весь исторический период, предшествовавший новому времени (на уровне приблизительно 20 чел./км²), с общей численностью населения в размере 74,9 млн. (Issawi 1981: 377). Анархия и общеэкономический беспорядок III в. отразились и на населении, но мы можем с уверенностью допустить, что в начале византийского периода (начало IV в.) демографическое состояние империи было подобно тому, каким оно являлось в начале II в.

После разделения империи *de facto* на восточную и западную, Восток, фактически утратив часть территории, переживал, тем не менее, демографический и экономический подъем. Это выражалось в обилии и росте городских центров и крупных поселений в сельской местности (Liebeschuetz 2001: 29–103; Alston 2001; Banaji 2001: 20–1). В государстве, занимавшем, по некоторым оценкам, около 1,4 млн. км², население могло составлять приблизительно 28 млн. жителей (Koder 1984/2001: 154, – от 24 до 26 млн.; Stein 1949–51: 154, – 26 млн.). IV и V в. характеризовались ростом не только благодаря политической и военной экспансии империи, но также и благодаря установившемуся благоприятному климату (Geyer 2002: 42–43). На протяжении этого периода Константинополь постоянно возрастал в размерах и населении, чему, кроме всего прочего, способствовало увеличение занимаемой городом площади за счет строительства (около 413 г.) новой, «феодосиевой» городской стены. В лучшие времена население города по некоторым оценкам достигало 400 тыс. чел. или даже более (Jacoby 1961: 107–9; Mango 1985: 51; Müller 1993). Другие крупные города восточного Средиземноморья, такие, как Антиохия и Александрия, по-прежнему имели значительное население, в первом случае – от 150 до 200 тыс. жителей, во втором – от 200 до 300 тыс. жителей (Liebeschuetz 1972: 92–96). Положительная тенденция продолжала наблюдаться с различной региональной интенсивностью вплоть до правления Юстиниана. Экспансионистская политика императора принесла плоды в виде территориальных приобретений, однако и человеческие потери, и массовая депопуляция сельской местности, и финансовый ущерб были огромны.

Вспышка так называемой Юстиниановой чумы (541–750 гг.) представляет собой водораздел в демографическом развитии византийского государства. Пандемия опустошала Средиземноморье, прокатываясь по нему волной около 18 раз, – в среднем раз в 12 лет, – и становясь причиной множества смертей (Stathakopoulos 2004: 111–55; Conrad 1981; Little 2007). Инфекция распространялась по обширной и отлаженной системе наземных и морских путей сообщения, как в городской, так и в сельской местности. Восточное Средиземноморье страдало от нее чаще и в целом сильнее, нежели западное. Крупные городские центры теряли до 20 % населения, как, к примеру, Константинополь во время первой вспышки в 542 г. Со временем смертность, похоже, несколько снизилась, но инфекция представляла собой регулярно повторяющееся явление, и это оказывало негативное воздействие на естественный механизм сопротивления населения данному бедствию: дети, рожденные в перерывах между эпидемиями, становились жертвами очередных вспышек, и, таким образом, демографическое воспроизводство населения замедлялось. Уже к концу VI в. наблюда-

лось сокращение людских ресурсов (Teall 1959: 92). Однако, во всей полноте последствия чумы, так же, как и длительных военных действий, проявились лишь в течении последующих столетий. Огромной империи, собранной воедино в ходе реконкисты Юстиниана, в первой половине VII в. угрожала серьезнейшая опасность. Египет, Палестина и Сирия вначале были завоеваны персами, а с 640-х гг. и далее, вместе с Северной Африкой, на этот раз окончательно, — арабами. Сверх того лангобарды захватили обширную часть Италии. К концу VII в. в распоряжении Византии оставалось около половины ее территории в сравнении с 565 г. (приблизительно 1,3 млн. км², причем значительная часть не находилась, строго говоря, под непосредственно византийским правлением). Военные действия обернулись разорением сельской местности в Малой Азии; сельское население часто сгоняли с насиженных мест, и отсутствие защищенности, конечно же, негативно сказывалось на темпах воспроизводства. Есть признаки, указывающие на то, что оставшаяся часть византийской территории была менее густо заселена, нежели ранее. Хотя египетская пшеница была для Византии утрачена и аннопа прекратилась в 618–619 гг., в Константинополе, по крайней мере, вплоть до начала X в., не отмечалось существенных продовольственных кризисов; что наводит на мысль о значительном сокращении населения (Mango 1985: 54; Kislinger 1995: 292–3). Более того, существенное снижение в VII–VIII вв. наблюдается в количестве продовольственных кризисов по всей империи в сравнении с предыдущим периодом и это означает, что количество населения в расчете на единицу располагаемых ресурсов не было чрезмерным (Stathakopoulos 2004: 23–34). То есть мы можем допустить, что большая часть империи была заселена еще менее густо (9 жителей на км²) при общей (по приблизительным оценкам) величине населения в 12 млн. (13 млн. в 800 г. — Russell 1958: 149; 7 млн. в 780-е гг. — Treadgold 1997: 570).

Еще один, подлежащий рассмотрению, аспект демографии данного периода связан с широко распространенным феноменом упадка городов. В действительности он совсем не обязательно являлся признаком демографической катастрофы: некоторое количество городов продолжало свое существование, прочие гибли, но этот упадок шел бок о бок с увеличением важности сельской общины. В таком качестве он представляется скорее реструктуризацией существующей экономической и социальной модели (Kazhdan and Epstein 1985: 1–10; Lefort, Morrisson, and Sodini 2005). Население не вымерло одновременно и полностью, не было и драматического уменьшения его численности, как это зачастую изображалось в старой литературе. Последняя волна чумы, 745–749 гг. вновь поставила империю на грань опустошения (Stathakopoulos 2004: 111–155; Conrad 1981; Little 2007). Константинополю потребовалось заселение целыми семьями жителей Греции и Эгейских островов, позднее также и ремесленников, прибывших в город для ремонта акведука Валента, разрушенного аварами в 626 г. (Ditten 1993: 318–28), но и при этом население города никогда не сокращалось до таких размеров, чтобы прожить только за счет собственных ресурсов (Teall 1959: 104–105).

Экономическое и демографическое возрождение начала IX в. было быстрым и завершилось периодом стабильности, территориальной консолидации, экономического роста. Относительно 850–1000 гг. есть сведения о сокращении лес-

ных площадей в пользу пахотных – признак роста населения (Dunn 1992: 242–8; Lefort 2002: 269). Во времена Македонской династии (867–1054 гг.) Византийская империя вошла в фазу территориальной экспансии, достигшую апогея в правление Василия II: северная Сирия, Крит и Кипр, Армения, а в конце концов, и Болгария были покорены и присоединены к государству, отныне занимавшему территорию около 1,2 млн. км² (Koder 1984/2001: 153; Issawi 1981: 387). И вновь налицо признаки роста населения (Charanis 1966: 16). Продовольственные кризисы снова стали приводить к тяжелым последствиям. Ужасная зима 927–928 гг. обернулась массовой смертностью, вызванной в первую очередь голодом (Kaplan 1992: 421–2, 461–2), тогда как продовольственные кризисы 960-х гг. были вызваны засухой (Telelis 2003). Кроме того, начиная с X в. и далее появляются явные признаки того, что увеличивающаяся аристократия соперничает за земли. Это же предполагает избыток рабочей силы в сельском хозяйстве (Ostrogorsky 1931: 233). Следовательно, мы можем с уверенностью предположить, что около 1025 г., хотя империя и занимала более или менее ту же по своим размерам территорию, что и в 750 г., она была более густо заселена (примерно 20 чел./км²) и, с учетом всего изложенного, имела большую численность населения – приблизительно 18 млн. (от 10 до 18 млн. – Koder 1984/2001: 153; 19 млн. к 1025 г. – Laiou 2002: 50–51; 18 млн. к 1050 г. – Stein 1949–1951: 154).

Положительный демографический тренд характерен для периода вплоть до XIV в. включительно, но такое движение населения сочеталось с почти постоянным сокращением территории. 1070-е гг. стали свидетелями окончательной утраты Италии и Сицилии, тогда как разгром у Манцикерта (1071 г.) стал увертюрой к постепенной потере Анатолии. При Алексее I (1081–1118 гг.) наступила передышка: с помощью крестоносцев сельджуки были отброшены обратно в Малую Азию. В последующие пятьдесят лет были отвоеваны территории в Малой Азии и стабилизировалась ситуация на Балканах. 1176 г. ознаменовался последней неудачной попыткой Византии отвоевать Малую Азию. С тех пор Византийская империя становится все более и более европейским государством. XII в. был, несмотря на это, периодом внутреннего процветания (Harvey 1989: 47–67). Города в пределах империи были столь же густонаселенными, как в предшествовавшем эпидемии чумы VI в.: Константинополь снова процветал, насчитывая, предположительно, от 300 до 400 тыс. населения, тогда как в Фессалониках было около 150 тыс. жителей (Magdalino 2002: 535; Treadgold 1997: 702).

Последние века существования Византийской империи были отмечены постоянными территориальными потерями. Недолго просуществовавшая в Константинополе Латинская империя (1204–1261 гг.) запустила центробежные силы: наблюдалась масштабная миграция в Никею, Трапезунд, Эпир, Морею, тогда как в самом Константинополе и за его пределами процветали колонии итальянских купцов. После реставрации византийской имперской власти в Константинополе (1261 г.) прежняя территория постепенно освободилась от власти иноземцев. Площадь государства к 1280 г. равнялась приблизительно четверти того, что оно занимало в 1025 г. (около 350 тыс. км²), насчитывая от 3 до 5,5 млн. населения (Koder 1984/2001: 153). Население самой столицы сильно сократилось (Talbot 1993: 245–6).

К 1300 г. обширные части Малой Азии были безвозвратно утрачены вместе с основными районами Эгейского моря. Гражданские войны (1321–1325 и 1341–1346 гг.) razорили деревню и стали одним из наиболее важных факторов, приведших к значительному запустению сельских общин Македонии даже ранее 1340-х гг., во многом благодаря миграции (Laiou-Thomadakis 1977: 223–66). Тенденция продлилась вплоть до XV в. (Jacoby 1962: 180). Именно этот период, с XIII в. до начала 1340-х гг., исключительно богат сведениями о демографии византийской деревни. Некоторое количество сохранившихся налоговых документов, в центре внимания которых имущество монастырей Македонии, дают нам редкую возможность оценить размеры поселений сельской местности и структуру имевшегося там населения. Они свидетельствуют о молодом населении с низкой ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, значительно повышающейся для переживших опасный младенческий возраст (Laiou 2002: 51–2; Laiou-Thomadakis 1977: 267–98, esp. table VII–3). Из женщин 71 %, вероятно, умирали до 45 лет, 74 % мужчин не доживали до пятидесятилетия (Laiou-Thomadakis 1977: 296). Очаг-коэффициент (hearth-coefficient) для этих групп населения установился в пределах от 3 до 4,5, что ниже аналогичного показателя, использовавшегося при расчетах для Запада (4–5; Jacoby 1962: 175–6; Laiou-Thomadakis 1977: table VI–5). Более ранняя модель (Эпир, XIII в.) дает аналогичную картину «демографически нестабильного общества»: почти 30 % зарегистрированных супружеских пар женились более одного раза и имели в среднем 1,6 человек детей (Laiou 1984: 280–3). Младенческая смертность, предположительно, была высока. Источники из Коринфа начала XIV в. определяют ее уровень как превышающий 40 % (Barnes 2003: 441).

Если сравнить данные о продолжительности жизни поздневизантийского населения с более ранними, значимых изменений не заметно. Данные периода поздней античности, основанные на исследовании останков скелетов, свидетельствуют, что средний возраст человека в момент смерти составлял 36,5 лет (Talbot 1984: 276), – 40–45 лет (для мужчин) и 30–35 лет (для женщин) (Bourbou 2003: 304, table 1). Более обширный ряд данных, собранный на основе надгробных надписей, свидетельствует, что более половины зафиксированных документально смертей населения происходило в возрасте от 25 до 34 (для женщин) и от 35 до 44 (для мужчин), тогда как оставшиеся умирали в возрасте от 45 до 54 лет (женщины) и от 55 до 64 лет (мужчины) (Patlagean 1977: 97–8). Аналогичные результаты получены при исследованиях более поздних периодов: Коринф 1050–1300 гг. (34,8 года); Афины, Коринф и Беотия, 600–1400 (35,7 лет, причем продолжительность жизни мужчин была в среднем на 6,6 лет больше); церковь св. Полиевкта в Константинополе XII в. (28,9 лет); Календерхан Ками в Константинополе (37,3 года – женщины и 46,2 лет – мужчины) (Talbot 1984: 276). Попытки систематизировать сроки продолжительности жизни известных личностей на основании письменных источников дают весьма разнообразные результаты. Средний возраст императоров некоторых византийских династий составлял 60 (Македонская династия), 61 (династия Комнинов) и 57 лет (династия Палеологов). Писатели и ученые династии Палеологов достигали в среднем возраста 67,3 лет, тогда как святые того же периода отличались еще более высокой про-

должительностью жизни – 80,4 года (Kazhdan 1982: 116–17; Talbot 1984: 279). Очевидно, что все приведенные выше расчеты дают лишь приблизительные и обобщенные результаты.

Возвращаясь к XIV в., следует учесть вторую эпидемию чумы. Пандемия, известная под названием «Черной смерти», охватила Азию, поздней весной 1347 г. достигла Константинополя и вскоре распространилась в западном направлении. До завоевания Константинополя османами в 1453 г. Византия перенесла около 11 волн инфекции, осложнявших и без того критическую демографическую ситуацию в империи (Kostes 1995; Congourdeau 1998). К сожалению, ни в одном византийском документе периода эпидемии чумы не зафиксировано данных о смертности. На Западе смертность во время первой волны «Черной смерти» составляла приблизительно от 50 до 60 % при более низких показателях во время последующих вспышек эпидемии (Benedictow 2004: 380–4). Есть основания полагать, что в Македонии, одной из областей с наибольшим количеством сохранившихся поздневизантийских письменных источников, чума стала одной из основных причин опустошения сельских поселений (Lefort 1991: 79–81). По крайней мере, Греция второй половины XIV в. характеризовалась наибольшим числом опустевших деревень за весь период вплоть до XIX в. (Antoniadis-Bibicou 1965: 365). Демографический кризис, вызванный первыми волнами чумы, очевидно, стимулировал массовую миграцию албанцев на Пелопоннес (Panagiotopoulos 1985: 59–85).

Одновременно на территории Македонии и Фессалии стала распространяться власть Сербии, тогда как Византийская империя отныне состояла исключительно из земель Фракии, окружавших Константинополь, Фессалонику и их хинтерланд, части земель Пелопоннеса и островов на севере Эгейского моря, причем некоторые из них находились под генуэзским правлением. 1350-е гг. ознаменовались вторжением в Европу османов, постепенно покорявших важные города и земли, а к концу XIV в. побеждавших как сербов, так и болгар. За последние пятьдесят лет своего существования Византийская империя стала еще меньшим государством с незначительной территорией, прежде чем в 1453 г. покорилась османам. Константинополь XV в. насчитывал от 40 до 50 тыс. жителей, то есть одну десятую его первоначального населения (Schneider 1949).

ЛИТЕРАТУРА

- ALSTON, R. 2001. 'Urban population in Late Roman Egypt and the end of the ancient world', in W. Scheidel (ed.), *Debating Roman Demography* (Leiden–Boston–Cologne): 161–204.
- ANTONIADIS-BIBICOU, H. 1965. *Villages désertés en Grèce. Un bilan provisoire*, in *Villages désertés et histoire économique XIe–XVIIIe siècle* (Paris): 343–417.
- BANAJ, J. 2001. *Agrarian Change in Late Antiquity: Gold, Labour and Aristocratic Dominance* (Oxford).
- BARNES, E. 2003. 'The dead do tell tales', in C. K. Williams II and N. Bookidis (eds.), *Corinth: The Centenary 1896–1996* (Athens): 435–43.

- BENEDICTOW, O. 2004. *The Black Death 1346–1353: A Complete History* (Chatham).
- BOURBOU, C. 2003. 'Health patterns of proto-Byzantine populations (6th–7th centuries AD) in South Greece: the cases of Eleutherna (Crete) and Messene (Peloponnese)', *International Journal of Osteoarchaeology* 13: 303–13.
- CHARANIS, P. 1966. 'Observations on the demography of the Byzantine Empire', in *Thirteenth International Congress of Byzantine Studies (Oxford)*: 1–19.
- CONGOURDEAU, M.-H. 1998. 'Pour une étude de la Peste Noire a Byzance', in *Eupsychia. Mélanges offerts a Hélène Ahrweiler*, vol. 1 (Paris): 149–63.
- CONRAD, L. I. 1981. 'The Plague in the Early Medieval Near East' (Ph. D. thesis, Princeton University).
- DITTEN, H. 1993. *Ethnische Verschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien vom Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts* (Berlin).
- DUNN, A. 1992. 'The exploitation and control of woodland and scrubland in the Byzantine world', *BMGS* 16: 235–98.
- GEYER, B. 2002. 'Physical factors in the evolution of the landscape and land use', in *EHB*: 31–45.
- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge).
- ISSAWI, C. 1981. 'The area and population of the Arab Empire: an essay in speculation', in A. L. Udovitch (ed.), *The Islamic Middle East: Studies in Economic and Social History, 600–1900* (Princeton): 375–96.
- JACOBY, D. 1961. 'La population de Constantinople à l'époque byzantine: un problème de démographie urbaine', *Byzantion* 31: 81–109.
- 1962. 'Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles', *Etudes Rurales* 5–6: 161–86.
- KAPLAN, M. 1992. *Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol* (Paris).
- KAZHDAN, A. 1982. 'Two notes on Byzantine demography of the eleventh and twelfth centuries', *BF* 8: 115–22.
- and EPSTEIN, A. W. 1985. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries* (Berkeley).
- KISLINGER, E. 1995. 'Pane e demografia: l'approwionamento di Constantinopoli', in O. Longo and P. Scarpi (eds.), *Nel Nome del Pane* (Trent): 279–93.
- KODER, J. 1984/2001. *Der Lebensraum der Byzantiner: historisch-geographischer Abriß ihres mittelalterlichen Staates im östlichen Mittelmeerraum* (Graz, 1984; repr. Vienna).
- 1987. 'Überlegungen zur Bevölkerungsdichte des byzantinischen Raumes in Spätmittelalter und Frühneuzeit', *BF* 12: 291–305.
- KOSTES, K. P. 1995. *Ston kairo tes panoles. Eikones apo tis koinonies tes ellenikes chersonnesou, 140s–190s aionas* (Herakleion).
- LAIYOU, A. E. 1984. 'Contribution à l'étude de l'institution familiale en Epire au XIIIe siècle', *FM* 6: 275–323.
- 2002. 'The human resources', in *EHB*, vol. 1: 47–55.
- LAIYOU-THOMADAKIS, A. E. 1977. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study* (Princeton).
- LEFORT, J. 1991. 'Population et peuplement en Macédoine orientale, IXe–XVe siècle', in V. Kravari, J. Lefort, and C. Morrisson (eds.), *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin* (Paris), vol. 2: 63–82.

- 2002. 'The rural economy, seventh–twelfth centuries', in *EHB*: 231–310.
- MORRISON, C. and SODINI, J.-P. (eds.) 2005. *Les villages dans l'empire byzantin (IVe–XVe siècle)* (Paris).
- LIEBESCHUETZ, J. H. W. G. 1972. *Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire* (Oxford).
- 2001. *Decline and Fall of the Roman City* (Oxford).
- LITTLE, L. K. (ed.) 2007. *Plague and the End of Antiquity* (Cambridge).
- MAGDALINO, P. 2002. 'Medieval Constantinople: built environment and urban development', in *EHB*, vol. 2: 529–37.
- MANGO, C. 1985. *Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles)* (Paris).
- MULLER, A. E. 1993. 'Getreide für Konstantinopel', *JÖB* 43: 1–20.
- OSTROGORSKY, G. 1931. 'Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter', *Byzantion* 6: 229–40.
- PANAGIOTOPOULOS, B. 1985. *Plethysmos kai oikismoi tes Peloponnesou, 130s–180s aionas* (Athens).
- PATLAGEAN, E. 1977. *Pauvreté économique et pauvreté sociale a Byzance 4e–7e siècles* (Paris – The Hague).
- RUSSELL, J. C. 1958. *Late Ancient and Medieval Population* (Philadelphia).
- SCHNEIDER, A. M. 1949. 'Die Bevölkerung Konstantinopels im XV. Jahrhundert', *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philosophisch-historische Klasse*: 233–44.
- STATHAKOPOULOS, D. 2004. *Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine World: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics* (Aldershot).
- STEIN, E. 1949–51. 'Introduction à l'histoire et aux institutions byzantines', *Traditio* 7: 95–168.
- TALBOT, A.-M. 1984. 'Old age in Byzantium', *BZ* 77: 276–96.
- 1993. 'The restoration of Constantinople under Michael VIII', *DOP* 47: 243–261.
- TEALL, J. L. 1959. 'The grain supply of the Byzantine Empire', *DOP* 13: 87–139.
- TELELIS, I. 2003. *Meteorologika phainomena kai klima sto Byzantio* (Athens).
- TREADGOLD, W. 1997. *A History of the Byzantine State and Society* (Stanford).
- ZIEGLER, P. 1969. *The Black Death* (Harmondsworth).

II.6. НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

Глава II.6.1 БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ ГОРОДА

Хелен Саради

От Римской империи Византия унаследовала обширную сеть больших и малых городов, ставших центрами городской цивилизации и создавших основу для интенсивной экономической деятельности. В ранневизантийский период городская жизнь процветала, население городов и сельских общин возрастало вплоть до последней четверти VI в., исключение составил север Балканского полуострова, страдавший от разорения вследствие повторявшихся вражеских вторжений (Patlagean 1977: 301–13; Sodini 1993: 182; Saradi 2006: 31–8, 464–70). Это был также период, на протяжении которого империя претерпевала глубочайшие изменения в области религии, культуры и управления. Рождался новый мир, кардинально изменивший и структуру, и само понятие города в постепенном процессе, начавшемся в IV в. Модель античного города, в Римской империи характеризовавшаяся политическим самоопределением и определенной городской традицией, постепенно разрушалась.

Основным преобразованием стала христианизация городов (Brands and Severin 2003; Brenk 2003; Saradi 2006: 211 ff., 349–52). Христианство взрастило новые идеалы, новые социальные и моральные ценности, и все они противопоставлялись античной городской культуре. Церковь создавала также и собственные институты. Христианские мартирии (усыпальницы мучеников), храмы и монастыри поначалу строились в пригородах, а позже и внутри городских центров вдоль главных улиц, на месте агоры и языческих храмов. Христианские храмы стали основными строениями в городах, они отныне привлекали средства, в прошлом направлявшиеся на нужды городской благотворительности (Saradi 2006: 385–439). Языческие храмы находились в запустении, многие из них были разрушены приверженцами новой религии. Их камни, колонны, декоративный орнамент изымались и использовались повторно в новых постройках, таких, как христианские церкви, укрепления, общественные и частные здания

или сжигались при производстве извести (Saradi 2006: 355–84). К VI в. город подвергся глубочайшей христианизации: христианские символы, среди которых выделялся крест, были выгравированы на городских укреплениях, обеспечивая безопасность городов, и на различных городских зданиях; христианские иконы помещались над дверями домов и лавок.

Церковь также играла ведущую социальную роль в городах, основывая филантропические учреждения для бедных и больных, гостиницы для паломников и иноземцев, находившиеся под управлением епископов, а также монастыри (см. III. 11. 6 Благотворительные учреждения). Епископы как духовные лидеры городских общин естественным образом возвысились до положения городских властей. Они принимали на себя инициативу в военное время, ходатайствовали перед императором об удовлетворении нужд города, заботились о проведении общественных работ, содержании городских зданий и градостроительстве (Avramea 1987 and 1989; Feissel 1989; Liebeschuetz 2001a: 137–68). Епископ совместно с другими влиятельными членами городских общин (протами, протевонтами – главами городов, ктиторами – патронами) образовывали группу, ответственную за назначение городских служащих, таких, как куратор, ситон (ответственный за поставки зерна), патер и дефенсор (экдик). Возникновение в городах новых лидеров явилось причиной упадка курий (*bouleutai* – булевтериев) и института буле (*boule*). Хотя их роль в городах и была определена имперским законодательством, данная группа новых городских лидеров не выделялась в отдельный институт, как ранее буле: новая административная система была единообразной по всей территории империи и не была столь формализована, в отличие от прежнего органа управления (буле) (Liebeschuetz 2001a: 104–36; Saradi 2006: 151–85).

Масштабные изменения в городском управлении, введенные в IV в., ослабили прежний городской правящий класс и финансовую независимость городов. Каждый из городов впоследствии финансировал программы строительства и различные общественные мероприятия (публичные зрелища и праздники) из своего собственного бюджета, образованного доходами от муниципальной собственности, подаренной или переданной в наследство горожанами, и поступлениями от городских налогов. Кроме того, именитые граждане города, булевты, помогали своим органам городского самоуправления в организации общественных работ, будучи побуждаемы к тому «местным» патриотизмом и щедростью к отечеству. В течение IV в. города в финансовом отношении стали приходить в упадок, поскольку часть муниципальных земель и налогов была конфискована и передана в ведение императорской *res privata*. В прошлом булевтерий отвечал за городское управление, сооружение и содержание общественных построек, организацию массовых зрелищ и карнавалов, сбор налогов, поставки зерна и т. д. Начиная с IV в. брать на себя инициативу в данных вопросах городского управления начинают правители провинций (Lewin 1991: 99–134; DiSegni 1995: 317–23; Saradi 2006: 174–9). В результате булевты утратили престиж и политическую власть, которыми пользовались. Они бежали от своих обязанностей из-под унижительной власти правителей провинций в Константинополь, где получали должности при императорском дворе в провинциальном управлении, пополняли ряды

духовенства или адвокатуры. Буле как институт пришел в упадок и после V в. сведений о его заседаниях и прениях уже не поступало. Булевты, однако, в источниках упоминаются, хотя и в меньшем количестве, и не во всех городах. Там, где они существовали, они продолжали служить своим городам своим имуществом, неся в этой связи определенные муниципальные повинности. Поскольку они больше уже не представляли собой политического института, в источниках V и VI в. термин *politeuomenos*, обозначающий члена городской администрации, часто заменяли термином *bouleutes*. Должность булевта с весьма ограниченным кругом обязанностей как реликт сохранилась на периферии империи (в Египте, Италии) и была официально упразднена, как ненужная в средневизантийский период императором Львом VI (Novel XLVI).

Областью, в которой административные изменения имели видимые последствия, стала архитектурная застройка городов. Начиная с IV в., строилось меньше городских зданий, снизилось и качество реставрационных работ. Когда общественные здания выходили из употребления, их забрасывали, обрекая на разрушение. Имперское законодательство (Cod. Theod. XV.1) описывает ликвидацию городской собственности и вторжение на общественные земли. Порттики перегородивали, создавая пространство для деловой активности, государственные служащие и влиятельные особы незаконно завладевали городской собственностью; правители провинций похищали архитектурные элементы городских зданий в небольших периферийных городах, чтобы украсить ими свои провинциальные столицы; частные лица ходатайствовали о передаче в собственность пустующих городских зданий за вознаграждение. Многочисленные частные структуры, магазины, мастерские, дома возникали на городских землях в общественных зданиях: отличительной чертой городского ландшафта ранневизантийского периода становится приватизация городской собственности. Монументалистика античного города постепенно исчезла, на смену ей пришли деловые и жилые постройки. Законодательные тексты того времени винят в упадке городских зданий алчность представителей высшего сословия и коррупцию, бытовавшую среди городских властей и государственных служащих (Bowden 2003: 166–70; Saradi 2006: 188–207).

Административные изменения долгое время считались одним из основных факторов, часто единственным значимым фактором упадка городов (Jones 1964: 757; Liebeschuetz 1972: 256–65). Данная тема недавно переросла в новую дискуссию с противоречивыми выводами (Whittow 1990; Liebeschuetz 2001b; Lavan 2001: 238–45). Культурные изменения также сыграли роль в преобразовании городской жизни. После IV в. прекратили свое существование гимнасии при общественных банях. Театральные представления по типу прежних римских (выступления мимов, пантомима) и состязания колесниц на ипподроме также пришли в упадок. Жестокость на ипподромах не раз заставляла императоров запрещать зрелища и лишать города тех средств, которые на них выделялись (Cameron 1976). Театры и ипподромы чем дальше, тем больше приходили в запустение, украшавшие их мраморные плиты разворовывались. Начиная с конца ранневизантийского периода, состязания колесниц устраивались лишь в столице Константинополе, но и там они были лишены соревновательности, им пре-

давали церемониальную функцию дополнения к имперским празднествам (см. III.13.5 Развлечения, театр и ипподром). Бани продолжали функционировать на протяжении всей византийской истории, но свою социальную роль, которую они играли в античности, утратили (Mango 1981; Liebeschuetz 2001a: 203–20; Saradi 2006: 211–352). Смена умонастроений высшего сословия также обусловила изменения в городах: городская элита претерпела культурные преобразования. Ее христианизация означала упадок классической пайдеи, оплота античной культуры и ее проявлений в городской жизни. Городское высшее сословие было безразлично к сохранению прежнего архитектурного облика городов; проявление щедрости в сфере общественной благотворительности больше не было стимулом для его членов, которых различные источники не раз обвиняли в следовании личным интересам в ущерб интересам города. Городские элиты, как социальный класс, также изменились. Участие в составе сената отныне зависело не от фамильного статуса, а от положения в имперской администрации. Кризис, ударивший по городским элитам, проявился и в запустении аристократических домов римского типа (*domus*). По всей империи огромнейшие здания такого рода делили на части и занимали уже новые обедневшие обитатели. Подобные резиденции аристократии начиная с середины VI в. уже не строили (Ellis 1988; Saradi 2006: 163–73, 452–4). В VII в. в империи возникает новое высшее сословие, состоящее из сделавших карьеру в администрации военных различного социального и этнического происхождения (Haldon 1990: 165–166).

К концу ранневизантийского периода городской ландшафт претерпел драматичные изменения. Обнаруженные при раскопках приватные постройки, втиснувшиеся между великолепными городскими зданиями, окрашивают городское пространство в драматические тона беспорядка и бедности. Контраст с ранее сложившейся архитектурной композицией разителен: строили даже из дерева, но большинство построек было все же из камней, скрепленных в местах соединения грязью или известью с многочисленными сполыми. Части портиков сближали, улицы суживали. Греко-римская прямоугольная городская планировка сменилась неравномерной застройкой с узкими извилистыми улочками и переулками. Стены укреплений были меньшими по протяженности, чем античные, и окружали лишь небольшую часть заселенной территории для того, чтобы обеспечить большую надежность защиты (Gregory 1982). Начиная с последней четверти VI в., городские общины были подвержены стагнации: строительная деятельность ограничивалась возведением храмов и фортификационных сооружений, качество материалов и мастерство строителей снижались.

Оживленная торговля с дальними городами и странами – главный источник процветания городов первых столетий – пришла в упадок. В прибрежных городах искусственные гавани, чудо римской инженерии, не содержались как следует, со временем были затянуты илом и заброшены. Кризис римского правления на Западе привел к упадку торговли с Востоком. Торговая деятельность крупных византийских городов отныне ограничивалась поселениями в окрестностях каждого из них (Liebeschuetz 2001a: 43–6; Saradi 2006: 41–4). Повторяющиеся вспышки эпидемии чумы с середины VI в., несомненно, повлияли на городское население (Durlat 1989; Biraben 1989; Conrad 1994; см. также в этом издании,

II.5 Население, демография, заболевания). Непосредственно после этого крупные города Балканского полуострова были разорены вторжением аваров и славян. В провинциях Среднего Востока и Малой Азии вторжения персов и арабов нанесли последний удар по многочисленным некогда процветавшим городам.

В тот переходный период городское пространство разрушалось. В жилых районах, в заброшенных общественных зданиях, на местах агоры появлялись кладбища и одиночные могилы (Iverson 1996; Saradi 2006: 438–9, 459). Эта тенденция наметилась как следствие культурных изменений. Христианство привело к переоценке смерти, которую язычники считали скверной. Первыми захоронениями на территории городов стали усыпальницы с останками мучеников в церквях (Dagron 1977: 11–19; Duval 1988; Saradi 2006: 432–9). Акведуки с проточной водой пришли в запустение и основой общинного водоснабжения стали колодцы и родники (Saradi 2006: 343–9). Сельскохозяйственные сооружения были устроены повсюду в прежних общественных местах и в частных владениях, знаменуя начало «деурбанизации» городов, уподобления города селу (Zakythinos 1961: 83; Popović 1982; Saradi 2006: 454–9). Крупные городские общины дробились на более мелкие, сосредоточенные вокруг церквей с городскими рынками, причем данная тенденция началась еще раньше (Liebeschuetz 2001a: 32–4).

Следовательно, новая средневековая модель византийского города создавалась путем разрыва с античной греко-римской традицией, с добавлением весомых составляющих – военной и христианской. С целью защиты империи от вторжений варваров ранневизантийские императоры чем дальше, тем больше внимания уделяли городским укреплениям и системе крепостей в защищенных естественным образом и неприступных местах. То есть произошло изменение стратегии, а именно отказ от римской оборонительной системы, основанной на крупных армейских подразделениях и укреплениях, в прошлом охранявших границы империи. Повествование Прокопия о строительных начинаниях Юстиниана в трактате «О постройках» акцентирует внимание на императорской политике военного строительства по всей империи: реставрации городских стен, перемещении некоторых крупных городов Балканского полуострова в более защищенные места, сооружении многочисленных крепостей и стен, блокирующих проходы естественного происхождения. Новую военную роль города лучше всего описывает смена терминологии: термин *polis* отныне заменен термином *kastion*, применяемым ко всем городам, за исключением самых крупных, таких, как Константинополь и Фессалоники (Kirsten 1958: 19–22; Muller-Wiener 1986; Kazhdan 1998; Dunn 1994; Saradi 2006: 96–101, 464–70).

В так называемые Средние века многие города исчезали вследствие вражеских вторжений, некоторые были оставлены их жителями, перебравшимися в более безопасные места на возвышенностях, некоторые сменили название. Население уменьшалось, и размеры сохранившихся городов стремительно сокращались (Zakythinos 1961: 78–80; Haldon 1990: 93–117). Археологические данные того периода указывают, что строительство сократилось, население обеднело; огромные ранневизантийские базилики были заброшены и заменены небольшими церквями, в то время, как основное внимание уделялось оборонительным сооружениям. Лишь крупнейшие города, являвшиеся также адми-

нистративными центрами, сохраняли элементы урбанистической жизнедеятельности (Angold 1985: 3–6; Lightfoot 1998; Bakirtzis 2003). Кризис затронул также и Константинополь: население сократилось, городские здания были заброшены, акведук Валента с 626 по 768 г. не функционировал, а портом Феодосия, крупнейшим в столице, перестали пользоваться (Mango 1985: 53–62). Характерным для данного периода явлением стал спад популярности монет мелких номиналов и их фактическое исчезновение (раскопки поселений не обнаруживают их, начиная с середины VII в.), что свидетельствует о сокращении экономической активности (Haldon 1990: 117–20). Впрочем, многочисленные монеты более раннего периода, обнаруженные в ходе раскопок в средневековых слоях, наводят на мысль о перебоях, скорее, в их производстве государством, нежели в спросе на них (Sideropoulos 2002). Поскольку государство играло главную роль в денежном обращении, выплачивая жалование солдатам и сановникам, именно развитие системы военных округов, в которых солдаты-крестьяне находились на содержании *stratiotika ktemata*, вероятно, привело к сокращению количества монет, вводимых в обращение государством (Hendy 1985: 619–62). Однако же не вызывает сомнений, что экономическая активность в больших городах очень сильно сократилась, тогда как экономика малых городов и сел находилась в лучшем состоянии. Показательно и то, что в некоторых местах монеты продолжали обращаться в малых городах и селах, но при этом в некогда крупных, а позже уменьшившихся городах той же местности их не обнаружено (Sodini and Tate 1980: 270–2, 301; Saradi 2006: 35–6, 39). Кроме того, изменилась и роль крупных городов по отношению к государству. Утратив независимость, города отныне существовали в составе фем под управлением стратигов. Начиная с VII в. новая экономическая и фискальная система имела в своей основе уже не город, а село (Haldon 1994: 77–8; Brandes and Haldon 2000).

Начиная с IX в., а возможно, уже с конца VIII в. (Bouras 2002: 501), византийские города характеризовались экономическим оживлением. Источники упоминают о новых больших и малых городах. Во многих случаях это стало результатом имперской инициативы. Гражданское и церковное управление, а также военное присутствие создали условия, способствовавшие развитию больших и малых городов. Фемная система постепенно сменялась городами, возникавшими уже как центры административной, экономической и социальной жизни (Angold 1985: 7–9; Harvey 1989: 207; Dagron 2002; Bouras 2002: 501–4). Наблюдался рост населения и расширение жилой территории городов на месте прежних агор. Городское управление осуществлялось администрацией фемы, а когда система пришла в упадок, в качестве лидеров городских общин выделились местные влиятельные особы (архонты) и епископы. В больших городах отмечены особые формы муниципальной организации, сформировавшиеся вокруг [квартальных] церквей (гитонии) и религиозных братств (Angold 1985: 16–18).

И хотя сельскохозяйственное производство продолжало составлять костяк городской византийской экономики, в средневизантийский период источники отмечают некоторый динамизм, выражавшийся в расширении сельской экономики и повышении производственной и торговой активности. Снова окрепли средний класс и высшее сословие. Фессалоника являлась основным торговым

центром на Балканах. Фивы приобрели важность благодаря производству шелка. Коринф отличался разнообразием ремесел (стеклодувное и гончарное дело, производство тканей, обработка металлов) и имел две торговые гавани. Константинопольская Книга Епарха содержит предписания относительно различных профессиональных организаций, находившихся под контролем государства. Возрождение крупных городов в Греции, вероятно, проходило более интенсивно, нежели в Малой Азии, где ремесленное производство и торговля не имели такого значения, за исключением нескольких прибрежных городов, таких, как Трапезунд и Атталия (Angold 1985: 8, 11–15, 22–4; Harvey 1989: 208–23; Dagron 2002; Bouras 2002: 514–20).

В XI в. крупные города снова стали провинциальными административными центрами, с критами (судьями) в качестве глав городских администраций в округах. Большие округа подразделялись на меньшие и на занимаемых ими отныне территориях вокруг каждого города были созданы малые административные единицы: византийский город снова окреп (Dagron 1987: 160). В XI и XII вв. расширение сферы коммерческой активности итальянцев в Византии дало толчок экономическому развитию больших и малых византийских городов (Angold 1985: 24–8; Harvey 1989: 223–4; Dagron 2002: 401–3). Рыночная экономика расцвела, освободившись от прежнего контроля государства. В больших городах происходили также и социальные изменения. Организация по гильдиям [торговцев и ремесленников] вскоре преобразовалась в систему свободных местных профессиональных ассоциаций, а с XII в. была упразднена. В XI в. под правлением гражданской партии константинопольский средний класс, можно сказать, приобрел политическое влияние. В провинциях на протяжении XI в. и в конце XII в. слабость центрального правительства, наряду с налоговым давлением со стороны имперских служащих, вызывали по отношению к столице недовольство крупных городов, окрашенное в тона «местечковой» солидарности. Представители местных династий захватывали власть в крупных провинциальных городах и поднимали восстания против императоров. В городах Малой Азии таким местным феодалам оказывали покровительство завоеватели-сельджуки (Oikonomides 1976; Angold 1984).

Оккупация Константинополя латинами в 1204 г. стала отправной точкой распада империи и нового периода для византийских городов. Непрестанно идущие войны оказали свое влияние на городское население, как следствие жилое пространство в крупных городах сокращалось, появлялись пустующие земли и сельскохозяйственные участки (Bryer 1986; Bakirtzis 2003). В результате дробления политической власти возникли такие города-государства как Фессалоника, Трапезунд, Никея, Арта, Янина и Мистра (Werner 1976). Латины создали на византийских оккупированных территориях автономные колонии с феодальной системой хозяйствования. Венецианцы ввели систему городских общин (*universitas-communitas*), что определило социальную и административную структуру колоний и придало формы региональному самоуправлению (Papadia-Lala 2004). Итальянцы пользовались привилегированным положением: они контролировали морскую торговлю, располагали коммерческими привилегиями и налоговыми льготами. В этих новых обстоятельствах византийские города не достигли ком-

мунальной независимости, принесшей процветание городам Западной Европы. В торговле на большие расстояния византийские купцы не выдерживали конкуренции со своими западными собратьями и при попытках расширить рынки сбыта на Западе или в итальянских колониях на византийской земле встречали враждебный прием (Matschke 2002a; 2002b: 789–99). Им пришлось ограничиться местной розничной торговлей. Средний класс в экономическом и социальном определении присутствует в источниках эпохи Палеологов. Но его дальнейшему развитию вновь воспрепятствовала византийская аристократия, которая, в то время, как империя XIV–XV вв. теряла свои земли, уступая их различным противникам, обратилась к торговле как выгодному роду экономической деятельности (Oikonomides 1979: 83–107, 114–23). Некоторые византийские города, благодаря торговле, процветали и пользовались коммерческими и налоговыми привилегиями (примеры: Монеувасия, Янина) (Maksimović 1988: 248–67; Patlagean 1998; Angold 1984: 245). В эпоху Палеологов главой администрации в большом городе являлся кефал (правитель округа), тогда как роль прокафимена (правителя малого города или крепости) снизилась, утратила силу и стала просто титулом, а должность кастрофилакса (правителя крепости), связанная с военными обязанностями, пришла в забвение (Maksimović 1988: 167–77). Показательным в развитии городов того периода является возврат к экфрасису крупных городов, что, следуя риторической традиции, подчеркивают описанием укреплений, храмов, резиденций правителей и экономической мощи городов.

ЛИТЕРАТУРА

- ANGOLD, M. 1984. 'Archons and dynasts: local aristocracies and the cities of the later Byzantine empire', in M. Angold (ed.), *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII Centuries* (Oxford): 236–53.
- 1985. 'The shaping of the medieval Byzantine "City"', *BF* 10: 1–37.
- AVRAMEA, A. 1987. 'Ο episkopos kai i poli: ta kosmika ktismata', *Byzantiaka* 7: 77–89.
- 1989. 'Les constructions profanes de l'évêque d'après l'épigraphie et les textes d'Orient', *Actes du XIe congrès international d'archéologie chrétienne* (Città del Vaticano): vol. 1, 829–35.
- BAKIRTZIS, C. 2003. 'The urban continuity and size of late Byzantine Thessalonike', *DOP* 57: 35–64.
- BIRABEN, J.-N. 1989. 'La peste du VIe siècle dans l'empire byzantin', *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin, I: IVe–VIe siècle* (Paris): 121–125.
- BOURAS, C. 2002. 'Aspects of the Byzantine city, eighth–fifteenth centuries', in *EHB*: 497–554.
- BOWDEN, W. 2003. *Epirus Vetus: The Archaeology of a Late Antique Province* (London).
- BRANDES, W., and HALDON, J. 2000. 'Towns, tax and transformation: state, cities and their hinterlands in the East Roman World, c. 500–800', in G. P. Brogiolo, N. Gauthier, and N. Christie (eds.), *Towns and their Territories between Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Leiden–Boston–Cologne): 141–72.

- BRANDS, G., and SEVERIN, H.-G. 2003. *Die spätantike Stadt und ihre Christianisierung. Symposium vom 14. bis 16. Februar 2000 in Halle/Saale* (Wiesbaden).
- BRENK, B. 2003. *Die Christianisierung der spätrömischen Welt: Stadt, Land, Haus, Kirche und Kloster in frühchristlicher Zeit* (Wiesbaden).
- BRYER, A. 1986. 'The structure of the late Byzantine town: *Dioikismos* and the *Mesoi*', in A. Bryer and H. Lowry (eds.), *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society, Papers given at a Symposium at Dumbarton Oaks in May 1982* (Birmingham–Washington, DC): 263–79.
- CAMERON, A. D. E. 1976. *Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium* (Oxford).
- CONRAD, L. I. 1994. 'Epidemic disease in central Syria in the late sixth century: Some new insights from the verse of Hassân ibn Thâbit', *BMGS* 18: 12–58.
- DAGRON, G. 1977. 'Le christianisme dans la ville byzantine', *DOP* 31: 3–25.
- 1987. 'La citta bizantina', in P. Rossi (ed.), *Modelli di città. Strutture e funzionipolitiche* (Turin): 153–74.
- 2002. 'The urban economy, seventh–twelfth centuries', in *EHB*: 393–461.
- DI SEGNI, L. 1995. 'The involvement of local, municipal and provincial authorities in urban building in late antique Palestine and Arabia', *JRA* 14: 312–32.
- DUNN, A. 1994. 'The transition from *poleis* to *kastron* in the Balkans (III–VII cc): general and regional perspectives', *BMGS* 18: 60–80.
- DURLIAT, J. 1989. 'La peste du VIe siècle. Pour un nouvel examen des sources byzantines', *Hommes et richesses dans l'empire byzantin, I: IVe–VIIe siècle* (Paris): 107–19.
- DUVAL, Y. 1988. *Auprès des saints corps et âme: l'inhumation "ad sanctos" dans la Chrétienté d'Orient et d'Occident du IIIe au VIIe siècle* (Paris).
- ELLIS, S. P. 1988. 'The end of the Roman house', *AJA* 92: 565–76.
- FEISSEL, D. 1989. L'Évêque, titres et fonctions d'après les inscriptions grecques jusqu'au VIIe siècle', *Actes du XV congrès international d'archéologie chrétienne* (Citta del Vaticano): vol. 1, 801–28.
- GREGORY, T. E. 1982. 'Fortification and urban design in early Byzantine Greece', in Hohlfelder 1982: 43–64.
- HALDON, J. 1990. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge).
- 1994. 'Quelques remarques sur l'économie byzantine de 600 à 1100. Esquisse comparative', in R. Francovich and G. Noyé (eds.), *La Storia dell'Alto Medioevo italiano (VI–X secolo) alla luce dell'archeologia* (Florence): 71–84.
- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge).
- HENDY, M. F. 1985. *Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450* (Cambridge).
- HOHLFELDER, R. (ed.) 1982. *City, Town and Countryside in the Early Byzantine Era* (New York).
- IVISON, E. A. 1996. 'Burial and urbanism in late antique and early Byzantine Corinth (c. AD 400–700)', in N. Christie and S. T. Loseby (eds.), *Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Aldershot): 99–125.
- JONES, A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire. 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey* (Oxford).
- KAZHDAN, A. 1998. 'Polis and *kastron* in Theophanes and in some other historical texts', in *Eupsychia. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler* (Paris), vol. 2: 345–60.

- KIRSTEN, E. 1958. 'Die byzantinische Stadt'? in *Berichte zum XI. International Byzantinisten-Kongress, Munchen 1958* (Munich): V, 3, 1–48; Anmerkungen zu 'Die byzantinische Stadt' von Ernst Kirsten: 1–32.
- LAVAN, L. (ed.) 2001. *Recent Research in Late-Antique Urbanism* (Portsmouth, RI).
- LEWIN, A. 1991. *Studi sulla città imperiale romana nell'Oriente tardoantico* (Como).
- LIEBESCHUETZ, J. H. W. G. 1972. *Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire* (Oxford).
- 2001a. *Decline and Fall of the Roman City* (Oxford).
- 2001b. 'The uses and abuses of the concept of "decline" in later Roman history or, Was Gibbon politically incorrect?', in Lavan (ed.) 2001: 233–8.
- LIGHTFOOT, C. S. 1998. 'The survival of cities in Byzantine Anatolia: the case of Amorium', *Byzantion* 68: 56–71.
- MAKSIMOVIĆ, L. 1988. *The Byzantine Provincial Administration under the Palaiologoi* (Amsterdam).
- MANGO, C. 1981. 'Daily life in Byzantium', in *XVI. International Byzantinistenkongress, Akten*, I/1 (= *JÖB* 31.1) (Vienna): 337–53.
- 1985. *Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles)* (Paris).
- MATSCHKE, K.-P. 2002a. 'The late Byzantine urban economy, thirteenth–fifteenth centuries', in *EHB*: 463–95.
- 2002b. 'Commerce, trade, markets and money, thirteenth–fifteenth centuries', in *EHB*: 771–806.
- MÜLLER-WIENER, W. 1986. 'Von der Polis zum Kastron. Wandlungen der Stadt im Ägäischen Raum von der Antike zum Mittelalter', *Gymnasium* 93: 435–75.
- OIKONOMIDES, N. 1976. 'La décomposition de l'empire byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'empire de Nicée: à propos de la "Partitio Romaniae"', in *XVe Congrès international d'études byzantines, Rapports et co-rapports I/1, Athènes 1976*: 3–28.
- 1979. *Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe–XVe siècles)* (Montreal–Paris).
- PAPADIA-LALA, A. 2004. *L'istituzione delle comunità cittadine in territorio greco durante il periodo della dominazione veneziana (XIII–XVIII sec): un approccio sintetico* (Venice).
- PATLAGEAN, E. 1977. *Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4e–7e siècles* (Paris).
- 1998. 'L'Immunité des Thessaloniciens', in *Eupsychia. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler* (Paris): vol. 2, 591–601.
- POPOVIĆ, V. 1982. 'Desintegration und Ruralisation der Stadt im Ost-Illyricum vom 5. bis 7. Jahrhundert n. Chr.', in D. Papenfuss and V. M. Strocka (eds.), *Palast und Hütte. Beiträge zum Bauen und Wohnen im Altertum von Archäologen, Vor- und Frühgeschichtlern* (Mainz): 545–66.
- SARADI, H. 2006. *The Byzantine City in the Sixth Century: Literary Images and Historical Reality* (Athens).
- SIDEROPOULOS, K. 2002. 'E nomismatike kyklophoria sten ysteroromaïke kai protobyzantine Messene. Typiko paradeigma e istorike exairese?', in P. G. Themelis and V. Konti (eds.), *Early Christian Messene and Olympia: Urban and Agrarian Areas in the Western Peloponnese* (Athens): 99–124.
- SODINI, J.-P. 1993. 'La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe–VIIe siècles)', *DOP* 47: 139–84.

- TATE, G., and others. 1980. 'Déhès (Syrie du Nord). Campagnes I–III (1976–1978). Recherches sur l'habitat rural', *Syria* 57: 1–304.
- WERNER, E. 1976. 'Vizantijskij gorod v epokhu feodalizma: tipologija i spetsifika', *IV* 37: 8–12.
- WHITTOW, M. 1990. 'Ruling the late Roman and early Byzantine city: a continuous history', *Past and Present* 129: 3–29.
- ZAKYTHINOS, D. 1961. 'Die byzantinische Stadt', in F. Dölger and H.-G. Beck (eds.), *Diskussionsbeiträge zum XI. Internationalen Byzantinistenkongress, München 1958* (Munich): 75–90.

Углубленное чтение

В дополнение к вышеназванным работам могут быть полезны также следующие:

- ALSTON, R. 2002. *The City in Roman and Byzantine Egypt* (London–New York).
- BRANDES, W. 1989. *Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert* (Amsterdam).
- CHRISTIE, N., and LOSEBY, S. T. (eds.) 1996. *Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Aldershot).
- CLAUDE, D. 1969. *Die Byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert* (Munich).
- DARK, K. 2004. *Secular Buildings and the Archaeology of Everyday Life in the Byzantine Empire* (Oxford).
- FOSS, C. 1979. *Ephesus after Antiquity: A Late Antique, Byzantine and Turkish City* (Cambridge).
- 1996. *Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor* (Aldershot).
- 1997. 'Syria in transition, AD 550–750: an archaeological approach', *DOP* 51: 189–269.
- MAGDALINO, P. 1996. *Constantinople médiévale: études sur l'évolution des structures urbaines* (Paris).
- RICH, J. (ed.) 1992. *The City in Late Antiquity* (London–New York).
- SPIESER, J.-M. 1989. 'L'Évolution de la ville byzantine de l'époque paléochrétienne à l'iconoclasme', in *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin, I: IVe–VIIe siècle* (Paris): 97–106.
- TSAFRIR, Y. and FOERSTER, G. 1997. 'Urbanism at Scythopolis-Bet Shean in the fourth to seventh centuries', *DOP* 51: 85–146.
- Villes et peuplement dans l'Illyricum protobyzantin. Actes du colloque organisé par l'École française de Rome (Rome, 12–14 mai 1982)* (Rome, 1984).

Глава II.6.2 ДЕРЕВНЯ

Алан Харвей

Научная оценка византийской деревни требует учета разностороннего набора факторов социального, экономического, демографического, институционального и политического характера. Деревня была фундаментальной особенностью византийской экономики и общества. Она была также и основой налогового управления в империи. Деревни были весьма разнообразны по своим размерам. В эпоху поздней античности наиболее крупные из деревень Египта могли насчитывать до 5000 жителей, а небольшие – всего несколько сотен (Bagnall 1993: 110). В других местах таких крупных поселений не было. Население Радолива – одной из крупнейших деревень восточной Македонии в XIV в. – составляло около 1000 человек, многие другие были еще меньше (Laiou-Thomadakis 1977: 43). С точки зрения повседневной практики деревня являлась юридической единицей и ее жители действовали сообща, отстаивая свои интересы. В 940-е гг. жители Иерона и окрестных деревень противились притязаниям Афонских монастырей на некоторые из земель вне территории Афона; на Крите в начале XII в. крестьяне Медикона ввязались в продолжительную борьбу с целью получения компенсации за нарушение их прав на воду. Распределение власти и влияния в общине в значительной степени варьировалось. В Египте первые лица, комархи, пользовались влиянием на распределение налогового бремени. Деревенские старшины Галатии и Пафлагонии упоминаются в Житиях святых VII и VIII вв. В других местах установилось большее равноправие; так, в 1008 г. жители Радохосты в Македонии собрались «от мала до велика», чтобы составить юридический документ. Размер населения деревни был, вероятно, определяющим фактором. В крупных поселениях для принятия решений более распространенной практикой было создание представительской группы (Harvey 1989: 76–7; Lefort 2002: 280).

С точки зрения имперских должностных лиц наиболее важна была роль деревни как объекта налогообложения. Отдельно взятая деревня не всегда являлась единицей налогообложения, деревни, принадлежавшие крупным землевладельцам, зачастую выделялись из состава единиц налогообложения, но деревня

в целом представляла собой удобную единицу налогового учета, что отразилось в двойном значении слова «хорион» – «деревня» и «налоговая единица». Плательжи, причитавшиеся государству, были внесены в кадастр, имевший также силу документа, подтверждающего право собственности на землю. Доказательство уплаты налога было также доказательством землевладения. Начиная с VIII в., власти устанавливали величину налогового платежа деревни в соответствии с качеством земли. Периодически с целью учета изменений, происшедших за определенное время, проводились переоценки. Земля каждого налогоплательщика оценивалась индивидуально и вписывалась в кадастр отдельной строкой. Если крестьянин-собственник был неспособен выплатить налог за себя, ответственность за платеж возлагалась на членов общины. Крестьяне также имели свои права по отношению к владениям соседей. Они обладали первоочередным правом покупки любого участка земли, который желал продать ее владелец. Это преимущественное право должно было предотвратить насильственное вмешательство влиятельных землевладельцев в крестьянские общины и переход деревень в их собственность (Lefort 2002; Oikonomides 2002).

Важность, придаваемая поддержанию жизнеспособности крестьянских общин, видна из положений об освобождении от налогов, выдвинутых в Трактате о налогообложении. Когда земля становилась менее плодородной из-за стихийного бедствия или когда опасность неприятельских набегов вынуждала крестьян оставлять свои земли, освобождение от налогов гарантировалось на срок до тридцати лет. Таким образом, предполагалось смягчить трудности, причиняемые оставшимся жителям деревни распространением на них налогового бремени мигрантов, и в результате предупредить полное запустение деревни. Если земля не была востребована ее законным владельцем по истечении тридцати лет освобождения от налогов, она откреплялась из состава единицы налогообложения. Хотя механизм и предназначался для поддержания платежеспособности деревенской общины, при длительном применении он представлял угрозу ее независимости, так как открепленные земли (класмы) зачастую передавались или продавались влиятельным землевладельцам (Harvey 1989; Lefort 2002).

Экономика деревни, благодаря разнообразию ресурсов сельской местности, также отличалась значительным разнообразием. Причины процветания (или же напротив, упадка) сельской экономики многочисленны: количество земли в пределах деревни, ее качество и наиболее эффективные средства обработки, населенность, несельскохозяйственные виды деятельности, доступ к рынкам, спрос на налоги и ренту. Крестьянские домохозяйства были наиболее значимой единицей как производства, так и потребления. В большинстве своем домохозяйства были скромных размеров, но также всегда имелось и некоторое количество обширных домохозяйств. О разделении труда в византийском домохозяйстве мало что известно. Весьма вероятно, что женщина играла в сельской экономике гораздо более активную роль, нежели это указано в источниках. Перечень видов экономической деятельности, в которых были заняты крестьянские семьи, наводит на мысль, что в экономике домохозяйства применялся труд каждого, за исключением самых маленьких.

Территорию сельскохозяйственного производства весьма приблизительно можно разделить на три основных зоны. Во-первых, земля, находившаяся ближе всего к дому и обрабатывавшаяся наиболее интенсивно. Эту землю легче всего было удобрять отходами домохозяйства и навозом домашних животных, которых держали близ жилья; ее использовали для интенсивного садоводства и огородничества. Вторая зона состояла из полей, отведенных под пахотное земледелие, являвшееся обычно основным источником благосостояния крестьянина. Основными зерновыми культурами являлись пшеница, ячмень и рожь. Выше всего ценилась пшеница, поскольку она относилась к разряду отборных зерновых культур, употреблявшихся в пищу людьми в районах умеренного плодородия; остальные две культуры, за исключением периодов голода, использовались как корм животных. Выращивание различных зерновых культур также обеспечивало крестьянским общинам некоторую защиту от последствий заболеваний растений. Крестьяне-арендаторы возделывали участки земли, расположенные на различных полях. Хотя это и было дополнительным неудобством с точки зрения времени фермера, однако обеспечивало большую степень защиты от болезней зерновых. Наконец, была земля, остававшаяся необработанной либо по причине неплодородия, либо из-за нехватки рабочей силы, ее использовали под пастбище или в качестве источника сельскохозяйственного сырья. По мере того, как население деревни росло и приходилось вовлекать в сельскохозяйственный оборот земли, находившиеся все дальше от деревни, некоторые крестьяне находили для себя удобным устраивать новые, меньших размеров поселения, известные как агридии, поближе к земле, которую обрабатывали, на отдаленных участках территории деревни. Такое приблизительное деление на производственные зоны, конечно же, весьма схематично, а тип производства различался еще и в зависимости от типа почв, находившихся в распоряжении деревни, от наличия специализированных культур, в частности, винограда и оливковых.

Однако, добывая себе пропитание, крестьяне полагались не на одно лишь сельское хозяйство. Фамилии крестьян наводят на мысль о том, что крестьянский доход зачастую пополнялся за счет ремесла. Лесные и кустарниковые земли также были значительны, а их вклад в экономику деревни недавно удалось оценить более полно. Общины, жившие близ рек, озер или моря, получали существенный доход от рыболовства. Самый известный пример — македонская деревня Доксомпус. Доходы, на которые имел права ее землевладелец, монастырь (Лавра), состояли в большинстве своем из повинностей, связанных с рыболовством; доходы, связанные с сельскохозяйственным производством были значительно ниже. Важность разнообразия видов производств для сельской экономики трудно переоценить. Оно обеспечивало некоторую защиту, смягчая удар, когда на один из видов зерновых был неурожай, и придавало крестьянской общине большую экономическую стабильность. Крестьяне также могли при благоприятных экономических обстоятельствах специализироваться на производстве на продажу сельскохозяйственных культур, например, масла и вина. Основным необходимым условием такой специализации являлся устойчивый спрос на продукцию со стороны городских центров. Месторасположение близ города с точки зрения прибыли было для крестьянской общины наилучшим, но и реализацию излиш-

ков, произведенных менее благоприятно расположенными общинами, облегчали сельские ярмарки. Они собирались в особые дни, часто связанные с празднованием святых, и давали крестьянам возможность продать свою продукцию проезжим купцам. Такие ярмарки в изобилии открывались, когда экономический спрос был высок, но их численность резко падала, когда условия становились более сложными (Harvey 1989; Kaplan 1992; Lefort 2002; Laiou 2002).

Деревня не была чем-то неизменным. Ее историкам приходится принимать в расчет влияние социального, экономического, демографического и политического развития, в своем взаимодействии привнесившего значительные преобразования в экономическое положение и социальный статус византийских крестьян. Ранневизантийская деревня была гораздо более динамичной, нежели то допускали более поздние толкования. Предполагалось, что крестьяне-колоны были привязаны к своей земле, которую не имели права покидать, поскольку земля имела в изобилии, а рабочей силы недоставало (Lemerle 1979: 7). Такие взгляды были с полным основанием опровергнуты. В ранневизантийский период сельская местность восточного Средиземноморья была густонаселенной. В ходе археологических исследований было обнаружено большое количество поселений сельского типа. Селяне могли извлекать для себя выгоду из постоянно высокого спроса на сельскохозяйственную продукцию со стороны Константинополя и прочих городских центров, выращивая урожай на продажу. Производство масла в деревнях Сирии – как раз такой случай. Сельскохозяйственное производство было тесно связано с рынками, и крестьянские хозяйства процветали до тех пор, пока сохранялись благоприятные условия для эффективного развития производства (Morrisson and Sodini 2002; Banaji 2001).

Упадок имперской власти в конце VI–VII вв. сильно сказался на сельской экономике. Вторжения славян на Балканы, набеги персов и арабов в Малой Азии создали условия неопределенности в регионах, все еще находившихся под имперским контролем, и подорвали основу развития и процветания сельской экономики. Некогда считали, что поселение славян на территории империи привело к росту ее населения, что принесло большую пользу сельской экономике (Lemerle 1979: 48–9). Этому взгляда больше не придерживаются, поскольку археологические исследования доказали, что после интенсивного заселения в V–VI вв. имело место резкое сокращение количества поселений в VII–VIII вв. Специальные меры, предпринятые императорами для обустройства славян на территории империи, следует рассматривать не как признак увеличения населения, а как доказательство продолжительной ситуации депопуляции (Haldon 1990).

Влияние изменений VII в. на социальное положение и экономические условия византийской деревни сложно оценить из-за нехватки источников – исторических материалов данного периода. Более ранняя трактовка предполагает, что имелось большое количество независимых крестьянских общин, никак не связанных с землевладельцами: выплачиваемые ими государству налоги подтверждали их имущественное положение в качестве владельцев земли, которую они возделывали. Данные, подтверждающие такую интерпретацию, во многом происходят из Земледельческого закона (*nomos georgikos*), собрания предписаний, датированного приблизительно концом VII – началом VIII вв., хотя по со-

держанию могущего относиться и к более ранним столетиям. Он затрагивает ряд правонарушений, с которыми приходилось сталкиваться провинциальным чиновникам низшего уровня, и нуждается в крайне осторожной интерпретации. Некоторые из пунктов, касающиеся аренды, предполагают, что более крупные землевладельцы могли иметь и более значимое присутствие в большинстве деревень, нежели допускали некоторые историки (Ostrogorsky 1968). Социальные условия того времени могли оказывать противоречивое воздействие на крестьянство. Военная нестабильность, вероятно, увеличила необходимость в защите со стороны влиятельных лиц, но нехватка рабочей силы, с другой стороны, должно быть, укрепляла позиции крестьян в переговорах с землевладельцами. Наши познания о сельском обществе VII–VIII вв. весьма ограничены, но реальность, весьма вероятно, была гораздо более сложной, нежели идеализированная Острогорским картина процветания независимых крестьянских общин (Haldon 1990).

Восстановление экономики после спада VII–VIII вв. было медленным процессом, но к X и особенно к XI вв. оживление сельской экономики было в разгаре. Поскольку вновь увеличивалось население, расширялась площадь обрабатываемых земель. Археологические исследования во многих регионах империи обнаружили подтверждение роста численности деревенских поселений в XI и XII вв. Документы из архивов горы Афон показывают, что рост продолжался вплоть до первой половины XIV в., поскольку пахотные земли расширялись за счет пастбищ и лесов. В V–VI вв. крестьяне зарабатывали благодаря спросу на их продукцию со стороны городского населения, специализируясь на выращивании урожая для продажи. В некоторых македонских деревнях крестьяне выращивали виноград в количествах, намного превосходящих их насущные потребности. Пелопоннес отличался большим объемом производства масла, значительную часть которого скупали затем венецианские купцы для торговли в Константинополе и прочих крупных городских центрах восточного Средиземноморья (Harvey 1989; Lefort 2002; Armstrong 2002).

Хотя сельская экономика начиная с XI в. отлично держалась на плаву, жителям деревень становилось все сложнее защищать свои интересы в конфликтах с влиятельными соседями и поддерживать свой социальный статус. В составе сельского населения становилось все больше париков (*paroikoi*) – крестьян, арендовавших земли у землевладельцев или государства, а деревни крестьян-землевладельцев стали более редкими. Имперское законодательство X в., со всей очевидностью направленное на сокращение скупки земельной собственности крестьян влиятельными землевладельцами, придавало этому процессу огромное значение (Ostrogorsky 1968). Это стало предметом исследования Морриса (Morris) (1976), рассматривавшего столкновение интересов знати и бедняков как искусственно созданное имперскими должностными лицами в то время, когда возрастала напряженность между императором и местной, провинциальной аристократией. И хотя крестьяне-собственники естественно составляли теперь меньшинство сельского населения, развитие этого процесса было гораздо более продолжительным, нежели это предполагает интерпретация событий на основании законодательства X в. Наилучшим тому подтверждением служат данные из

архивов горы Афон. По мере того, как возрастало население и деревенские общины пытались расширять обрабатываемые земли, имевшиеся в их распоряжении, они сталкивались с препятствиями, поскольку их территории «подрезали» влиятельные соседи. Различие между независимыми крестьянами и париками, обосновавшимися на землях влиятельных землевладельцев, быстро стиралось (Lefort 2002: 238). Крестьяне-землевладельцы, нуждавшиеся в дополнительных землях для содержания своих хозяйств, могли счесть необходимым арендовать их у крупного землевладельца, даже если это влекло за собой переход на положение парика. Там, где государство отказывалось от налоговых поступлений в пользу аристократов-землевладельцев, крестьяне-собственники на некоторое время просто становились париками. Это было вопросом юридического и фискального статуса. Общины париков при поддержке влиятельного землевладельца часто пользовались преимуществом перед общинами независимых крестьян в земельных спорах. Села крестьян-собственников исчезали с разной скоростью. На западе Малой Азии они продолжали коллективно действовать в судебных разбирательствах вплоть до конца XIII в. (Angold 1995: 327–9). В Македонии они к тому времени уже исчезли почти полностью. Это имело серьезные юридические и налоговые последствия; в этих вопросах поздневизантийская деревня утратила свою первоначальную важность. Деревни сохранили важное экономическое значение, потому что парики контролировали сельскохозяйственное производство на арендуемых землях. Основопологающей производственной единицей по-прежнему оставалось крестьянское домохозяйство, но с середины XIV в. сельскую экономику сообщества разорили чума и военные действия. Многие деревни опустели, население прочих в последние годы византийского правления сильно сократилось (Laiou 2002).

ЛИТЕРАТУРА

- ANGOLD, M. 1995. *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261* (Cambridge).
- ARMSTRONG, P. 2002. 'The survey area in the Byzantine and Ottoman periods', in W. Cavanagh and others (eds.), *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: The Laconia Survey* (London): 339–402.
- BAGNALL, R. S. 1993. *Egypt in Late Antiquity* (Princeton).
- BANAJI, J. 2001. *Agrarian Change in Late Antiquity: Gold, Labour and Aristocratic Dominance* (Oxford).
- DUNN, A. 1992. 'The exploitation and control of woodland and scrubland in the Byzantine world', *BMGS* 16: 235–98.
- HALDON, J. F. 1990. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge).
- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge).
- 1998. 'Risk aversion in the eleventh-century peasant economy', in *Byzantine Asia Minor (6th–12th cent.)* (Athens): 73–82.

- KAPLAN, M. 1992. *Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol* (Paris).
- LAIYOU, A. E. 2002. 'The agrarian economy, thirteenth–fifteenth centuries', in *EHB*: 311–75.
- LAIYOU-THOMADAKIS, A. E. 1977. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study* (Princeton).
- LEFORT, J. 2002. 'The rural economy, seventh–twelfth centuries', in *EHB*: 231–310.
- MORRISSON, C, and SODINI, J.-P. (eds.) 2005. *Les villages dans l'empire byzantin (IVe–XVe siècle)* (Paris).
- LEMERLE, P. 1979. *The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century* (Galway).
- MORRIS, R. 1976. 'The powerful and the poor in tenth-century Byzantium: law and reality', *Past and Present* 73: 3–27.
- MORRISSON, C, and SODINI, J.-P. 2002. 'The sixth-century economy', in *EHB*: 171–220.
- OIKONOMIDES, N. 2002. 'The role of the Byzantine state in the economy', in *EHB*: 973–1058.
- OSTROGORSKY, G. 1968. *History of the Byzantine State*, trans. J. Hussey (Oxford, 3rd edn.).

II.7. ЗДАНИЯ: ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ОТДЕЛКА

Глава II.7.1 СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ТЕХНИКИ

Джонатан Бардилл

Основным строительным материалом византийского мира был камень (включая мрамор), кирпич (земляной или глиняный), известь (известковый раствор различного качества) и строительный лес. Какие из этих материалов использовались и каким образом их применяли, зависело от их доступности, местных традиций, строительных, экономических и эстетических соображений.

Известь

Известь (известковый раствор) прокладывали слоями между рядами каменной или кирпичной кладки, ею же заливали забутовку сердцевины стены. Ее изготавливали путем обжига известняка для получения негашеной извести, которую потом гасили водой. Из негашеной извести, содержавшей менее 10 % глины, изготавливали негидравлический раствор, не соединявший накрепко и растворявшийся в воде. Гидравлическая известь, затвердевавшая после погружения в воду, гораздо более прочная, могла изготавливаться либо с использованием известняка, содержащего 10–40 % глины, или же путем подмешивания в негашеную известь некоторого количества вулканических пород. В римской части Италии использовали негидравлический состав, добавляя в него, однако, вулканическую пыль, называемую поццолана (научн.: *pulvis puteolanus*). В комбинации с булыжником (*caementa*) полученный известковый раствор становился сверхпрочным *opus caementicium*, который зачастую называли бетоном, хотя, строго говоря, этот современный термин в большей степени относится к искусственной смеси негашеной извести, глины и солей металлов (Ward-Perkins 1981: 98; Adam 1994: 72–3; Wright 2000: 130–1; Lancaster 2005: 51–67).

Лишь на очень небольших территориях вне Италии, таких, как Киликия (Hill 1996: 12; Ward-Perkins 1958: 82, 98–9) и южная Сирия (Ward-Perkins 1981: 343), было в ходу нечто наподобие поццолана, но в любой другой местности в известняк, вероятно, подмешивали измельченный кирпич (Mark and Çakmak 1994: fig. 2) для производства извести со сходными гидравлическими характеристиками. Это показал анализ извести из соборов Св. Софии в Константинополе (Mainstone 1988: 70; Livingston 1993; Moropoulou and others 1997) и в Фессалониках (Theocharidou 1992: 94), а полезность материала иллюстрирует описание Прокопием загородного строительства в Иерии и Евтропии, где использовали деревянные формы, заполненные известковым раствором, затвердевшим в воде (*Трактат о постройках Юстиниана* 1.11.18–1.11.22; Hohlfelder 1997). В Константинополе было распространено использование известкового раствора в постройках из кирпича между рядами кирпичной кладки, что приводило к проблемам усадки, как отразили письменные источники, касающиеся сооружения тимпана храма Св. Софии (*Трактат о постройках...* 1.1.74–1.1.78).

В основном в зданиях Малой Азии, Греции и Балкан внутренняя часть стены состояла из неровных и неодинаковых глыб местного камня в известковом растворе более низкого качества, нежели римский. Эта сердцевина обычно облицовывалась каменными плитами, иногда с рядами соединяющей кирпичной кладки, проходящей сквозь стену. Исключительно кирпичная облицовка, хотя и распространенная в Риме, была редкостью. Что касается сердцевины, то количество камня в извести в основном было обильным, делая состав в целом гораздо более комковатым, нежели римский *opus caementiculus*. Вследствие этого слои цемента в сердцевине стены высыхали слишком быстро и не составляли единого целого.

Стены из цельного камня и стены из облицованного камнем булыжника с известью

Во фракийском предместье Константинополя в IV–V вв. мосты акведука были сооружены из крепкого камня (в нижней части) и из облицованного камнем состава из бута и извести (в верхней части) (Crow, Bardill, and Bayliss 2008: 89–108), а в конце V в. Анастасиевы «Длинные стены» были выстроены с облицовкой из тесаного камня (Crow and Ricci 1997: 245–6). В то же время в самом городе ротонды близ ипподрома и на Мирелейоне были выстроены (по крайней мере, в их самой нижней части) из крупных блоков тесаного камня, соединенных скобами (из дерева или стали), скрепленными свинцом (Naumann 1965, 1966; Bardill 1997). Такое избыточное использование камня было, тем не менее, исключением, а в более поздних городских постройках, предположительно, вызвано экономическим причинам, поскольку камень был более дорогостоящим в транспортировке, нежели кирпич, – применение тесаного камня было ограничено элементами несущей конструкции, такими, как выравнивающие слои кладки (к примеру, храм Св. Полиевкта, перистиль Великого Дворца) и контрофорсы (к примеру, собор Св. Софии) (Bardill 2004: 52–3). В Равенне VI в., где обычным строительным материалом был кирпич, среди прочих выделяется мавзоль Теодориха, выстроенный из скрепленных между собой глыб тесаного камня

(Deichmann 1974: 215). В других местах империи сооружения из тесаного камня были общераспространенными везде, где доступен был камень приемлемого качества, как на западном или южном берегах Малой Азии, в Армении, Грузии, Сирии, Северной Месопотамии и Палестине. В безлесных областях, таких как Негеб, Хавран, Лидия, даже двери и оконные ставни были сделаны из камня. Качество отделки и украшений из камня отчасти зависит от сложности его обработки: известняк Северной Сирии легок в обработке, и потому на нем часто высекали запутанные узоры, тогда как базальт Южной Сирии отличается бедностью отделки и недостатком узоров и украшений (Lassus 1947: 290–6).

Стены из цельного кирпича, стены с кирпичной облицовкой, кирпично-каменные стены

Со времени сооружения *Castra Praetoria* в 21–23 гг. в Риме стало обычным использование кирпича для облицовки бетона; позднеантичными примерами этого *opus latericium* являлись храмы Св. Сабины и Свв. Иоанна и Павла (Krautheimer 1986: pis. 133, 135). Однако, в техниках, называемых *opus vittatum* (или *listatum*) *simplex* или *opus vittatum* (или *listatum*) *mixtum*, применялась и облицовка из туфа. Первая техника предполагала облицовку в виде кладки из небольших блоков туфа, последняя же, более распространенная, облицовку, в которой каменные ряды кладки перемежались с кирпичными (Adam 1994: 135–44 – о техниках; Heres 1982: 184 – о месторождениях).

В Риме использовались три основных размера кирпича: *bessalis* (площадь поверхности 20 см²), *sesquipedalis* (площадь поверхности 45 см²) и *bipedalis* (площадь поверхности 80 см²). *Bipedalis* рассекался по диагоналям на четыре треугольных части, их удлиненный край был виден в облицовке стены после окончания строительства. В Северной Италии, однако, применялись гораздо более короткие и массивные кирпичи: свидетельства тому храм Св. Евангелиста Иоанна, так называемый мавзолей Галлы Пладиции и Православный Баптистерий, исключение – Сан-Витале, где применялся удлиненный и тонкий кирпич, более типичный для Рима и Константинополя (Deichmann 1976: 60–3; Krautheimer 1986: 234).

Появившись, предположительно, на Западе, кирпич широко применялся в римской Греции, на Балканах, в Малой Азии (Dodge 1987), но обычной для митрополий практики использования кирпича или камня для облицовки сердцевины из бута с известью придерживались только от случая к случаю (например, в банях Елеусы-Севастии) (Ward-Perkins 1958: 82). Обычно, использование кирпича в провинциях относилось к одной из двух категорий: сооружения из цельного кирпича (как в портовых банях Эфеса, Кизил Авлу (Серапеем), в Пергаме, башнях городских стен Никеи), или сооружения смешанного типа, в которых слои бута с известью, облицованные небольшими кусками камня, перемежались с массивными рядами кирпичной кладки, пронизывавшими стену и служившими для связи и выравнивания (как в акведуке Лос Милагро в Мериде, банях в Анкаре, оборонительных стенах ограждения в Никее)

(Adam 1994: 143, figs. 339–40; Ward-Perkins 1981: 223 with n. 10; 1958: 87, 96). Такая техника встречалась вплоть до поздней античности: кладка из цельного кирпича использовалась, к примеру, для Константиновой базилики в Трире (Trier) (Ward-Perkins 1981: pl. 297), стен Равенны V в. (Christie and Gibson 1988) и стен Дурраса (Албания) (Gutteridge and others 2001: 394–402); техника перемежающейся кладки применялась в фундаменте зала базилики дворца Диоклетиана в Сплите, в императорских банях в Трире (Ward-Perkins 1981: pl. 301), в ротонде, октогоне и фортификациях Фессалоники (Ward-Perkins 1958: 88, pl. 33 C, D, E).

В Константинополе техника перемежающейся кладки использовалась с момента основания города (как указывают остатки округлой оконечности Ипподрома времен Константина Великого) и продолжала употребляться в течение V в. (Феодосиевы стены, пропилеи собора Св. Софии Феодосия II, цистерна Аэция, дворец Антиоха, храм Св. Иоанна Студита, цистерна Аспара). В конце V в. храм Богородицы в Халкопатрии еще представлял собой образец цельной кирпичной кладки, но уже в VI в. стандартной техникой стала цельная кирпичная кладка с выравнивающим слоем известняка или зеленого диорита через каждые двадцать рядов кирпича (храм Свв. Сергия и Вакха, собор Св. Софии, бани Зевксиппа, Северная церковь в Календерхан Ками) (Bardill 2004: 52–3).

Смешанная кладка продолжала использоваться в Константинополе и после так называемых Темных веков вплоть до XIV в. с вариациями в количестве кирпичных и каменных слоев (Вефа Килиз Ками (Vefa Kilise Camii), храм Христа Вседержителя). Эти вариации обычно не относились к какому-либо определенному периоду, но «углубление кирпича» или техника «скрытой кладки» в большинстве своем ограничиваются концом X–XII вв. И хотя наиболее ранний датированный образец этой техники в Константинополе происходит из храма Св. Георгия в Мангане (1042–1055), она предположительно развивалась там за некоторое время до сооружения Десятинной церкви в Киеве (996 г.) и Панагии Халкии в Фессалонике (1028 г.). В этой технике каждый следующий ряд кирпича слегка углублен и скрыт за известью, в результате чего слои извести кажутся исключительно частыми (Vocotopoulos 1979; Krautheimer 1986: 354, pis. 306, 307; Ousterhout 1999: figs. 136–9, 154).

Кирпичи в Константинополе обычно изготавливали размером около $310 \text{ мм}^2 \times 55 \text{ мм}$ в толщину при Константине; $370 \text{ мм}^2 \times 45 \text{ мм}$ в толщину в V–VI вв.; $335 \text{ мм}^2 \times 40 \text{ мм}$ в толщину в конце VI в. (Bardill 2004: 102–6). В последующие периоды большое количество строительного материала предоставляли разрушавшиеся памятники. Подобное повторное использование осложняет попытки разработки систем датирования константинопольской кладки на основе исследования размеров кирпича, толщины слоя извести, количества рядов кирпича и камня (примеры: Schneider 1936: 13–14; Mitchell, Aran, and Liggett 1982). Тем не менее, подобные усилия имели определенный успех там, где имелись надписи с датами, обозначающими различные фазы строительства, как для Феодосиевых стен Константинополя (Foss 1986). Хронология кирпичных построек и организация производства кирпича, в частности, в Константинополе и Риме, подлежат исследованию путем изучения надписей-оттисков на кирпичах (см. выше 1.2.18 Оттиски на кирпичах).

В провинциях в византийский период продолжали применяться техники как цельной, так и смешанной кирпичной кладки. Смешанная кладка применялась в Базилике В в Филиппах (Греция, незадолго до 540 г.), в то время, как цельная кирпичная кладка применялась в храме Св. Иоанна в Эфесе (завершен к 565 г.) и в Красной церкви в Перустике (Болгария, начало VI в.). И в Базилике В в Филиппах, и в соборе Св. Иоанна в Эфесе тесаный камень использовали только для опорных контрфорсов. В Сирии, где строительным материалом традиционно являлся камень, кирпич использовали лишь временами, и те случаи, когда он встречается в окрестностях Месопотамии и Палестины, исследовал в своих работах Дейчманн (Deichmann 1979: fig. 1). Техника смешанной кладки использовалась в начале V в. при строительстве стен Антиохии-на-Оронте (Deichmann 1979: 481), дворца и церкви в Каср ибн Вардане около 564 г. (где ряды кирпича перемежаются с рядами базальта) (Deichmann 1979: 488–93, pis. 161, 163) и в Кастроне в окрестностях Андерина (дата строительства, согласно надписи, 558 г.) (Deichmann 1979: 494–5, pl. 164). В Северной Месопотамии обожженный кирпич встречается в кладке вперемежку с бутом с известью в облицовке из тесаного камня (Bell 1982: VII, 9, pis. 4, 120, 121, 122). Великолепным примером использования в данном регионе кирпичной кладки в чистом виде является впечатляющее здание Претории в Балис-Барбалиссе (Эски Мескене) (Deichmann 1979: 496–7, pl. 165).

Приблизительно в начале XI в., в частности, в Греции и Македонии, появляется техника клуазоне (перегородчатой эмали). За этим последовала традиция обкладывать камень, используемый для облицовки стены, кирпичом (Millet 1916: 224–44). Иногда кирпич перегородок, разделявших камни, изготавливали путем отливки в декоративных формах. Приблизительно в то же самое время стены украшали также кирпичным фризом, на который насносились обычные греческие буквы или христограммы, сложные декоративные изображения, меандр, псевдокуфические надписи (Millet 1916: 252–61). Такие орнаменты характерны, хотя и в меньшей степени, и для Константинополя, пример: Эски Имарет Ками, храм Христа Человеколюбца, монастырь в Липсе, Текфур Сарай (Ousterhout 1999: 194–200).

Своды

Основными разновидностями сводов, распространенными в Византии, были: цилиндрический свод (чаще всего в виде полукруглой арки), крестовый свод (два цилиндрических свода, пересекавшихся под соответствующим углом), купол на цилиндре или ротонде, куполообразный свод или парусный купол (в котором незаметна граница между парусами и куполом), купол на косых опорах (Restle 1995).

Каменный куполообразный свод (в котором паруса незаметно переходят в купол) встречается уже в I в. до н. э. в банях Петры (McKenzie 1990: 51, pl. 76b). Каменные купола на косых опорах или парусах были известны уже в Малой Азии IV–V вв. (Hill 1996: 46–7), и существует возможность того, что башни некоторых каменных зданий церквей в Киликии V в. были увенчаны каменными куполами

на косых опорах или парусах, хотя также возможно, что это были многоугольные деревянные крыши (Hill 1996: 45–6, 78–81, 155–60, 213–14). Каменные купола различных типов обнаружены в Тур Абдине (TurʾAbdin) в северной Месопотамии (Bell 1982: 21, pis. 140, 142 (на косых опорах)) и в Бинбиркилисе в Центральной Анатолии (Ramsay and Bell 1909 441–6, figs. 42, 205 (на консолях), 87, 339, 342 (на парусах), 308 (на косых опорах)); под их влиянием куполом на косых опорах были увенчаны несколько церквей в Армении VII в. (Mango 1976: 180–1, 184). В Иерусалиме квадратные пролеты на Золотых воротах покрыты каменными парусными куполами (Mainstone 1975: 121, fig. 7.12). В Равенне склеп Теодориха увенчан высоким монолитным куполом из истрийского камня, вес которого оценивается более чем в 230 т, а форма (плоское блюдо), возможно, рассчитана на то, чтобы избежать лучеобразных трещин (Deichmann 1974: 218–19; Curcic 1992: 32–5; Adam 1994: 191).

В древнем Риме существовала давняя традиция возведения сводов из бетона (Lancaster 2005), но в римской Малой Азии, где песок вулканического происхождения, придававший крепость римскому бетону, был в основном недоступен, кровли из цельного кирпича – традиция, пришедшая из Месопотамии и Египта, – стали нормой по меньшей мере с середины II в. н. э. В кирпичных кровлях кладка могла быть радиальной или винтообразной. Техника винтообразной

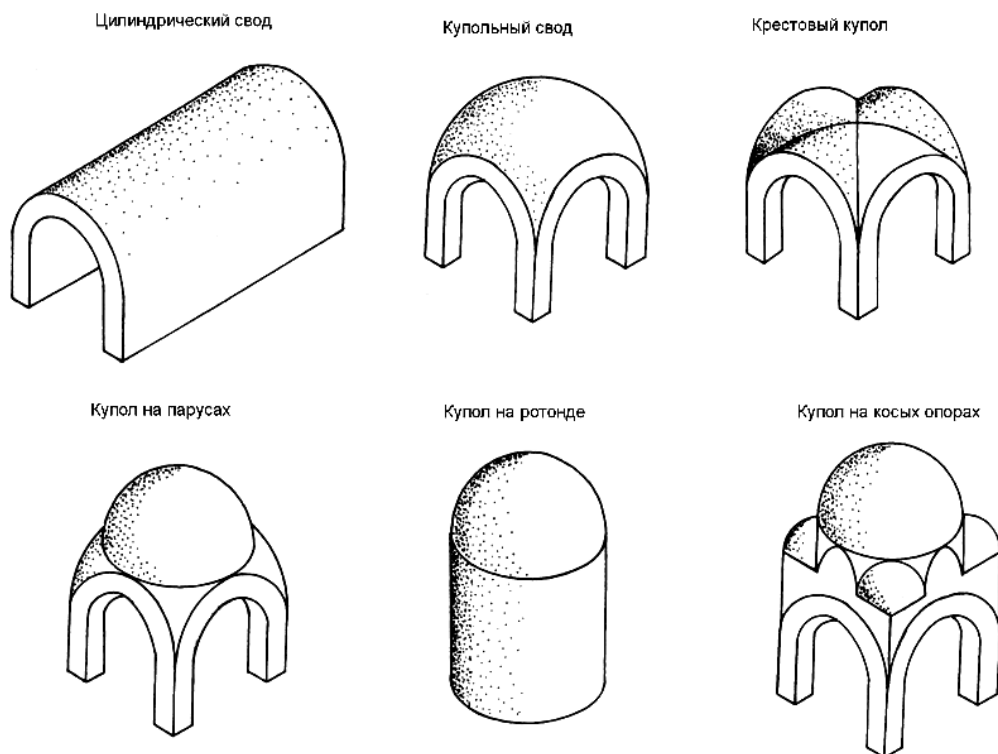

Рис. 1. Виды византийских сводов

кирпичной кладки, также распространенная в Египте и Месопотамии в архитектурных постройках из сырцовых кирпичей, в Аспенде (Малая Азия) датируется ранним периодом – второй половиной III в., а на западе встречается в IV в. в ротондах Фессалоники (Ward-Perkins 1981: 89–95). Это характерная особенность византийских кирпичных строений.

В Константинополе обширные кирпичные купола на ротонде или многоугольнике, вероятно, использовались с самого раннего периода в таких сооружениях, как мавзолей (выстроен либо Константином, либо Констанцием), ротонды Мирелеона (Naumann 1966) и ипподром (Naumann 1965; Bardill 1997), шестиугольник Антиохийского дворца (Naumann and Belting 1966: figs. 6, 7), строение шестиугольной формы в Гюльхане (Demangel and Mamboury 1939: 81–111) и усыпальница Св. мучеников Карпа и Папила (Schneider 1936: 1–4). Меньших размеров кирпичные купола сохранились в залах многоугольных башен Феодосиевых стен начала V в. (Meyer-Plath and Schneider 1943: 31–2). Больших размеров купол, возможно, покрывал Константинов собор в Золотом Октагоне в Антиохии-на-Оронте, который, насколько известно, был центрической постройкой (Eusebios, *IC* 3.50), и, конечно же, купол венчал Иерусалимскую Ротонду Воскресения, возведенную около Храма на Голгофе к 348–350 гг., а возможно, и в правление Константина (Krautheimer 1986, 462–3 n. 45). Такие купола следует считать в Константинополе первыми, открывающими экспериментальные пути с кирпичными куполами над многоугольными или квадратными пролетами, кульминацией которых стал купол на парусах (более 31 м диаметром), увенчавший Св. Софию (Mainstone 1988: 126–7, 209–17; Taylor 1996).

Хотя кирпич и редко использовали в Сирии, над церковью в Каср ибн Вардане наверняка возвышался кирпичный купол: это заметно по тому, что паруса находились не между четырьмя основными арками, а в восьмиугольном барабане (Butler 1929: 168–9). В Сирии и Месопотамии известно также и некоторое количество других кирпичных сводов (Deichmann 1979: fig. 1). В их числе выделяется крестообразный свод в Претории Зенобии в Халеби (Deichmann 1979: 501–2, pl. 167.1), который перекликается с аналогичными сводами над константинопольскими цистернами в Бинбирдиреке и Йерибатан Сараи, кирпичи которых выложены в форме концентрических квадратов до самой верхушки свода. Кирпичные своды на косых опорах и парусах обнаружены также и в северной Месопотамии (Bell 1982: 5, pis. 206, 225).

Купола на косых опорах, известные по каменным архитектурным сооружениям Армении (Maranci 2001: 86–97), в константинопольских (Св. Георгия в Мангане) и греческих (кафоликаны Неа Мони на Хиосе и Хосиос Лукас) храмах XI в. сооружались из кирпича (Mango 1973: 130–2; Maranci 2001: 129–31).

Так же как в раннеримских бетонных сводах Цирка Максенция, Мавзолея Елены или виллы Гордианов (Lancaster 2005: 68–85), пустые сосуды встраивали в своды у основания. Ту же технику обнаруживают с конца IV до начала VI в. в Равенне, пример – купола Православного Баптистерия, Сан-Витале, полукупол Сант-Аполлинаре Нуово (Deichmann 1974: 24, figs. 12, 18–21; 131, fig. 83; Deichmann 1976: 64–5, fig. 31; Storz 1984; Wilson 1992: 117). Позднейшие примеры попадаются в Константинополе в постройках храма Св. Георгия в Мангане,

Календерхан Ками, Христа Вседержителя и южной церкви монастыря в Липсе (Lips) (Ousterhout 1999: 229–30).

На территории Сирии и Иордана для создания сводов и куполов, таких как полукупола в экседре соборов Босры и Св. Иоанна в Джераше (Crowfoot 1941: 96, 98, 105; Deichmann 1979: pl. 159.1), кровля в южных банях в Босре (Ward-Perkins 1981: 345–6; Crowfoot 1941: 106) и купол в форме куска сахара на восьмиграннике церкви Св. Георгия в Зорахе (Butler 1929: 121–5; Ward-Perkins 1981: 344), использовали вулканические обломки известняка. В дальнейшем аналогичные примеры отмечены Дейчманном в Антиохии-на-Оронте, Босре, Дура Европос, Джерахе, Филиппополе (Deichmann 1979: 476–7, 483, fig. 1).

Цилиндрические своды из облицованного камнем булыжника с известью либо только из булыжника с известью использовались в базиликах Бинбиркилисе (Ramsay and Bell 1909: 437, figs. 8, 27 (облицовка из камня), 103 (булыжник с известью) и в армянских храмах раннего периода (Maranci 2001: 111–15). Найденные в Тур Абдине цилиндрические своды состоят либо полностью из кирпича (Bell 1982: 45, pls. 164–5), либо из нескольких рядов каменной кладки в основании и кирпичной верхней части (Bell 1982: 10–11, pls. 242, 244). В Дура имеются великолепные экземпляры цилиндрических сводов, покрывающих цистерны, — до 25 м длиной и 4 м шириной. Они сооружены из булыжника с известью вперемежку с рядами кирпичной кладки (Deichmann 1979: 503–504, pl. 169.2).

Огромный крестовидный свод, из тех, что были сродни крышам большинства банных заведений в императорском Риме и Базилике Максенция на римском Форуме, по всей видимости, венчал квадратную башню Св. Лоренца в Милане во второй половине IV в. (Kleinbauer 1976).

Деревянный свод Купола Скалы в Иерусалиме (Creswell 1969: 92–7) явно указывает на то, что, должно быть, возводились и деревянные своды, чему сохранилось очень мало археологических и письменных подтверждений (Creswell 1969: 116–21). Археологические данные, указывающие на наличие деревянной крыши, покрывавшей 27-метровой ширины октагон в Калат Шиман, наводят на мысль о том, что она была скорее многоугольником, нежели куполом. Хорикий утверждает, что деревянный свод существовал в церкви Св. Сергия в Газе, но, как это обычно бывает в случае с подобными описаниями, продолжаются споры о том, говорит ли он о куполе над нефом или же о полукуполе над апсидой (Mango 1972: 70–1).

Развитие применения извести с добавлением поццолана для возведения сводов говорит о том, что римляне не освоили технику изготовления крестовых сводов из камня. В Сирии, однако, искусство изготовления сводов из камня достигло более высокого уровня развития, поскольку камень был здесь самым доступным из всех строительных материалов. Предполагалось, что, возможно, именно сирийским архитекторам Равенна обязана усыпальницей Теодориха, являющейся на всем Аппенинском полуострове единственным памятником с каменным крестовым сводом (Deichmann 1974: 215; Adam 1994: 191).

Строительный лес

Использование лесоматериалов изучать нелегко, поскольку сохраняются они плохо. Древесину использовали, в частности, для изготовления кровель (см. выше «Своды») и дверей. Кровля Константиновой базилики Св. Петра в Риме (319–322 гг.) состояла из стропил, покрывавших неф шириной 23 м, но об этом известно лишь по ее описаниям (Adam 1994: 211). Самой древней из сохранившихся в целости деревянных крыш, гораздо меньшего размера, является крыша базилики монастыря Св. Екатерины на горе Синай (548–565 гг.) (Mango 1976: pl. 21; Mainstone, 1975: 150, fig. 9.1). Под балками деревянной кровли могли соорудить панельный потолок, кессон которого мог быть расписным или позолоченным (Bardill 2006). Древесина могла быть и очень дорогой, особенно, с росписью и украшениями; так, нам известно, как в VI в. епископ Перпетус Турский использовал прекрасно выполненную крышу небольшой по размеру усыпальницы Св. Мартина для покрытия новой базилики Св. Петра и Павла (Gregory of Tours, *Historiae* 2.14). Декоративные двери собора Св. Сабины в Риме (422–432 гг.) выполнены из кипариса и имеют 18 сохранившихся резных панелей с изображением сцен из Ветхого и Нового Заветов (Jeremias 1980).

Древесину в строительстве использовали для многих целей, например, в качестве строительных лесов, которые могли стоять отдельно от стены, а могли и вставляться как поперечины в отверстия в самой стене (Adam 1994: 81–7; Heres 1982: 47–8; Ousterhout 1999: 184–92), либо в виде створок, фиксировавших фундамент стены из бута с известью на время, пока известь застывала (о чем свидетельствуют оттиски, оставшиеся на извести: Ward-Perkins 1958: 61–2, pl. 2 A, B). Деревянная центровка была необходима для поддержки широких арок и сводов, пока застывала известь. Следует различать два ее типа: наземная центровка, для которой деревянное сооружение возводилось от пола, и навесная центровка, опиравшаяся на карнизы, идущие от опор арок (Adam 1994: 174–7; Mainstone 1975: 171; Wright 2000: 142). Последняя техника позволяла экономить древесину, но требовала крепких опор еще до начала сооружения самой арки, иначе опоры деформировались бы. Деформация, вызванная навесной центровкой, по всей видимости, произошла во время сооружения восточной арки собора Св. Софии приблизительно в 535 г. Это привело к разрушению самой арки и части собора в 558 г. (Theoph. AM 6051; Bardill 2004: 36–7).

Деревянные соединительные балки могли быть использованы для покрытия пространства под основанием арок. Они были особенно важны в аркадах, позволявших колоннам при землетрясениях двигаться в унисон. А поскольку многие малые своды константинопольских крытых цистерн опирались на параллельные аркады колонн, соединительные балки часто использовались как связующий элемент между колонной и четырьмя соседними; однако все, что осталось от них теперь, – это углубления над капителями или их пяты (Wilcox 1981: 45–9 (несколько путано относительно идентификации цистерн); Mango 1976: pls. 17, 135). Такое крепление также применялось в аркадах базилик или между колоннами, поддерживавшими центральный купол (Sheppard 1965; Wilcox 1981: 49–56; Ousterhout 1999: 210–16; Mango 1976: pls. 80–1).

В Белом монастыре в Египте капители поддерживают деревянный архитрав, на который опирается еще один архитрав из небольших камней (Clarke 1912: 148), а в Куполе Скалы в Иерусалиме деревянный архитрав, огибающий по окружности внешнюю (октагональную) колоннаду строения, служит соединительной балкой (Creswell 1969: 86–8).

Как заменитель связующих рядов кирпича, каркас из деревянных балок мог использоваться для укрепления фундамента стен (Martiny 1947: 3 (перистиль Большого императорского дворца); прочие примеры см. Ousterhout 1999: 161–2) и самих стен (Winfield 1986: 28, fig. 93; Crow, Bardill, and Bayliss 2008: 32, 55, 65, 70, 131). Балки использовали также в качестве поясов в каменных стенах храмов Каср Ибрим и в Белом монастыре (Clarke 1912: 76, 148). Деревянные сваи применяли также, чтобы укрепить берег от наступающего моря вскоре после основания Константинополя (Mango 2001: 18). Древесина использовалась и как альтернатива железу для изготовления пиронов для соединения блоков тесаного камня в выравнивающих рядах кладки (Ward-Perkins 1958: 62).

Металл

Свинцовые листы могли использоваться для покрытия крыш, как деревянных (Константинов Храм Гроба Господня: Eusebios, VC 3.36.2), так и каменных (храмы Свв. Сергия и Вакха, Св. Ирины, Св. Софии). Их могли использовать и как прослойку в основании арок или между колоннами и их капителями (Павел Силенциарий, *Описание Собора Св. Софии* 476–480). Свинец использовали также для фиксации оконного стекла и как прокладку между оконными стеклами в лавках Сард, а в Константинополе – в храмах Св. Полиевкта, Христа Вседержителя и Христа в Хоре (von Saldern 1980: 92; Harrison 1986: 204; Megaw 1963: 349, 365; Henderson and Mundell Mango 1995).

Бронзовая черепица использовалась в качестве наружной отделки крыш известных зданий, таких, как усыпальница Константина (Eusebios, VC 4.58) и крыша собора Св. Петра, для которой Папа Гонорий I (625–638) снял черепицу с Римского храма (Lib. Pont. 1. 317 и 323) (наглядное подтверждение того, что античные храмы считались в византийский период подлежащими расхищению). Каменный обелиск, установленный, вероятно, Константином I на Ипподроме в Константинополе, был обшит бронзой (Mango 1993: 17–20) так же, как и тетрапилон, возведенный, по всей видимости, при Феодосии I (Mango 1972: 44–5). Юстинианова каменная колонна в Августии была покрыта бронзовыми пластинами и увита бронзовыми гирляндами (Прокопий *Трактат о постройках*... 1.2.3–1.2.4).

Византийцы следовали примеру греков и римлян в использовании железа для изготовления скоб и соединительных пионов (Lancaster 2005: 113–29). Железные пионы в форме вилки («ласточкин хвост») либо в форме буквы «пи» использовались для соединения блоков из тесаного камня, а расплавленный свинец заливался в отверстия пионов для предотвращения коррозии (свинцовые, а не железные скобы упоминает Прокопий в *Трактате о постройках* 1.1.53, описывая столбы храма Св. Софии; см. также выше «Стены из цельного кам-

ня»). Железо могло также использоваться вместо дерева для соединяющих конструкций под арками в аркадах (Wilcox 1981: 49 ff.; Ousterhout 1999: 210–16; Mainstone 1975: 70–1; Tanyeli and Tanyeli 2004: 23–38). Оно также использовалось для соединения соседних блоков карнизов, как утверждалось, создавая, таким образом, растяжимые соединения, служившие в том числе опорой для систем сводов и перекрытий (Butler 1992). Колонны могли опоясывать металлические обручи, не позволяя им разрушаться или давать трещины под давлением. Так поступили в 416 г. с Константиновой колонной из порфира (Chron. Pash. 1: 573) и с колоннами из зеленого камня в соборе Св. Софии. Последние снабдили бронзовым ободом в верхней части, у основания, а зачастую и посередине (Mainstone 1988: 42 and pl. 42).

Мрамор

Организованная добыча мрамора в каменоломнях и торговля им привлекают внимание многих ученых (Betsch 1977: 290–331; Asgari 1995; Sodini 1989; 2002). Мрамор широко применялся для изготовления колонн, капителей, блоков антаблемента, карнизов, дверных и оконных рам, при обустройстве церквей (для амвонов, внешней части алтаря), в облицовке каменных построек. Архитектурные элементы зачастую носят пометки каменщиков-строителей: номера (позволявшие располагать блоки в нужном порядке), аббревиатуры имен (возможно, самого каменщика или управляющего строительством), молитвы и прочие высказывания (Deichmann 1976: 206–30; Butler 1989: 136–66; Paribeni 2004; Bardill 2008). Иногда блоки помечали надписями как предназначенные для использования в строительстве того или иного здания (Peschlow 1997: 105, pl. 97).

В попытке прояснить хронологию различных стилей предметом серьезного историко-искусствоведческого исследования стали капители. Поэтому на них постоянно ориентируются при установлении даты постройки, но при этом осложняющим фактором зачастую является повторное использование (Kautzsch 1936; Betsch 1977; Zoltt 1994; Dennert 1997). Мраморная отделка могла иметь форму блоков (как в случае с Золотыми воротами Константинополя) (Ward-Perkins 1958: 67–8; Mango 1976: pl. 58) или же тонких облицовочных пластин, прикреплявшихся штырями. Такие пластины обычно находят в интерьере зданий, где, если сами пластины и не сохранились, то их расположение можно иногда воспроизвести по оставшимся в стенах отверстиям от штырей (Naumann and Belting 1966: fig. 8; Deichmann 1976: 128–35); тем не менее, случается, что сохраняются и следы облицовки внешней части здания, как, например, на западном фасаде собора Св. Софии в Константинополе (Mango 1976: pl. 22). Кроме того, мрамор использовали для украшения в технике *opus sectile* стен (как, например, пазух аркад нефа в храмах Св. Димитрия в Фессалонике (Mango 1976: pl. 81) и Св. Софии в Константинополе (Mainstone 1975: pl. 44; Kleinert 1979)) или потолка (храмы Св. Иоанна Студита или Христа Вседержителя) (Megaw 1963: 335–40; см. далее II.7.4 Стенная роспись и мозаика).

Каменоломни, разрабатывавшиеся в IV–VI вв., перечислены у Доджа и Уорд-Перкинса (Dodge and Ward-Perkins 1992: 153–9). Хотя и сложно соблюдать точ-

ность в установлении дат, когда прекращали действовать те или иные каменоломни, ясно, что лишь в отношении очень немногих из них можно с уверенностью утверждать, что они массово использовались после начала VII в., и потому большинство мрамора, обнаруженного в строениях более позднего периода, повторно используемый материал.

Повторное использование материалов было характерной чертой позднееримской и византийской архитектуры для всех типов зданий; это настолько же относится к кирпичу и камню, насколько к мрамору (Sodini 2002: 135–45). Иногда мрамор повторно использовали исключительно по причине его ценности как строительного материала и, если при этом он подвергался серьезной переобработке, его невозможно опознать как используемый повторно. Зачастую очень сложно определить, было ли повторное использование вызвано необходимостью (поскольку не было поставок нового материала) или же соображениями выгоды (поскольку столь полезные, бывшие ранее в употреблении материалы, к примеру, колонны и капители, были удобно, доступно, близко расположены либо в разрушенных зданиях, либо в хранилищах). В Константинополе соображения выгоды, вероятно, служат объяснением повторного использования колонн и капителей во многих цистернах, где мраморные водопроводные трубы были выдолблены из бывших капителей или из бывших фрагментов колонн (Firatli 1964: 209, pl. 38.1–2), а также повторно обработанных надгробных камней позднееримского кладбища в Кизике, которые были снова использованы в Северной церкви монастыря в Липсе (Mango and Hawkins 1964: 311–15; 1968: 182). Был также мрамор, повторно использовавшийся из-за его природной красоты или оригинальных скульптурных украшений. Повторное использование мрамора, по необходимости либо же из прагматических соображений, могло быть символично: мрамор для церквей могли брать из близлежащих языческих храмов в качестве напоминания о победе христианства над язычеством (Saradi 1997: 401–403).

Хотя использование заимствованных архитектурных элементов (спойлий) отмечалось и в более ранние периоды, именно при Константине эта практика стала общераспространенной, наглядным доказательством чему служат колонны Латеранской базилики и разнообразие фриз, кругов и рельефных панелей на Константиновой триумфальной арке (Eisner 2000: 153–62; Wohl 2001). В ранний период богатые патроны предпочитали использовать новые материалы, если имели возможность достать их, но, не колеблясь, использовали и тщательно подобранные спойлии, если они были в достаточной мере эстетичны или символичны. В частности, для повторно используемых колонн из мрамора разных цветов типичным является выгодное их размещение на видном месте и тщательная организация (Ward-Perkins 1984: 211–18). В Юстиниановом соборе Св. Софии, к примеру, в экседре на первом этаже имеется восемь колонн из порфира. При строительстве они, должно быть, были использованы повторно, поскольку каменоломни, где добывался порфир, были закрыты уже в конце V в. Порфир ценился высоко и стойко ассоциировался с императорской властью из-за своего пурпурного цвета, отсюда и решение изъять эти колонны с прежнего и поместить их на новом, столь видном месте.

В более поздние периоды практически весь мрамор использовался повторно, а не добывался: в Календерхан Ками в Константинополе (конец XII в.) выпуклость с обратной стороны некоторых пластин облицовки явно доказывает, что они были срезаны с более древних колонн (Striker 1997: 118). Мраморные скульптуры также использовали повторно, размещая на видных местах. Скульптуры с откровенно языческими сценами размещали внутри и снаружи церквей, придавая им христианскую интерпретацию (Mango 1963: 63–4; Saradi 1997: 406–23). В светском строительстве, как, например, на внешней стороне Золотых ворот и Морских ворот Константинополя, мраморные скульптуры размещали из уважения к их древности, какое-либо более глубокое значение их расположения определить сложно (Mango 1995; 2000).

Мрамор также использовался в строительстве стен, сжигался для изготовления извести. В Риме IV–VI вв. печи для обжига извести поместили под наблюдение, чтобы воспрепятствовать похищению и сожжению статуй из опустевших домов и дворцов (Heres 1982: 77–8).

Штукатурка, стекло, изразцы

Штукатурка обнаружена, к примеру, на карнизах собора Св. Софии в Константинополе (Hawkins 1964), сводах и аркадных софитах собора Сан-Витале в Равенне (Deichmann 1969: 234, figs. 219–23; 1976: 135–9, figs. 67–8, 70–5); еще более богато украшена серия эдикул, содержащая изображения святых в Православном Баптистории (Deichmann 1974: 43–6).

Вплоть до VII в., а, возможно, и позже, необработанное стекло в форме блоков и пластин изготовлялось в Леванте, в местах временного производства, где доступны были необходимые песок и топливо. В те времена оно широко экспортировалось по всему Средиземноморью в места, где в нем нуждались и где оно получало необходимую обработку (James 2006: 33–8). Стекло и цветной мрамор использовали для инкрустации мраморных столбов (Mathews 1971: 54–5, 56, 62–3) и для прочей декоративной инкрустации, наряду с полудрагоценными камнями, агатом и перламутром (Harrison 1986: 168–75). Оно также использовалось для изготовления декоративных кубиков мозаики (James 2006; II.7.4 Стенная роспись и мозаика). Прямоугольные пластины литого или дутого оконного стекла обнаружены во многих византийских поселениях Восточной Римской империи, включая Константинополь. К примеру, в эргастриях Сард начала V – начала VII вв. многие пластины аквамаринного и зеленого оконного стекла (первоначальные размеры около 30 x 40 см), вставлялись, вероятно, в деревянные или мраморные рамы (von Saldern 1980: 91–2). Такой метод стекления продолжал использоваться на Западе вплоть до IX в. (Deichmann 1976: 139–41, 239–40; Del'Acqua and James 2001); но на Востоке для изготовления слуховых окон применяли дискообразный дутый кронглас, который вставляли в пластины штукатурки, имеющие отверстия круглой формы. Хорошие образцы, датированные серединой IX – серединой X вв., были обнаружены в нижнем городском храме Амория (Lightfoot and Ivison 1997: 296, fig. C; Dell'Acqua 2005: 200–1). В Константинополе известно два примера использования цветного стекла: храм

Христа в Хоре и Христа Вседержителя (Megaw 1963: 349–67; Henderson and Mundell Mango 1995; Dell’Acqua 2004).

Стеклянные (глазурованные) изразцы с 850 по 1100 гг. обычно использовали как декоративное обрамление; такой прием изобразительного искусства, наряду с соображениями декоративного плана, мог быть навеян контактами с мусульманским миром (Gerstel and Lauffenburger 2001).

ЛИТЕРАТУРА

- ADAM, J.-P. 1994. *Roman Building: Materials and Techniques* (London).
- ASGARI, N. 1995. ‘The Proconnesian production of architectural elements in Late Antiquity, based on evidence from the marble quarries’, in Mango and Dagron 1995: 263–88.
- BARDILL, J. 1997. ‘The Palace of Lausus and nearby monuments in Constantinople: a topographical study’, *AJA* 101: 67–95.
- 2004. *Brickstamps of Constantinople*, 2 vols. (Oxford).
- 2006. ‘A New Temple for Byzantium: Anicia Juliana, King Solomon, and the gilded ceiling of the church of St Polyeuktos in Constantinople’, in W. Bowden, A. Gutteridge, and C. Machado (eds.), *Social and Political Life in Late Antiquity* (Leiden): 339–70.
- 2008. ‘The Masons’ Marks’, in Crow, Bardill, and Bayliss 2008: 181–210.
- BELL, G. 1982. *The Churches and Monasteries of the Tur ‘Abdin: with an Introduction and Notes by Marlia Mundell Mango* (London).
- BETSCH, W. E. 1977. ‘The History, Production and Distribution of the Late Antique Capital in Constantinople’ (Ph.D. thesis, University of Pennsylvania).
- BUTLER, H. C. 1929. *Early Churches in Syria, Fourth to Seventh Centuries*, pt. 1: *History* (Princeton).
- BUTLER, L. 1989. ‘The Nave Cornices of Hagia Sophia in Istanbul’ (diss. University of Pennsylvania).
- 1992. ‘Hagia Sophia’s nave cornices as elements of its design and structure’, in Mark and Qakmak 1992: 57–77.
- CHRISTIE, N., and GIBSON, S. 1988. ‘The city walls of Ravenna’, *PBSR*, ns 43: 156–97.
- CLARKE, S. 1912. *Christian Antiquities in the Nile Valley: A Contribution towards the Study of the Ancient Churches* (Oxford).
- CRESWELL, K. A. C. 1969. *Early Muslim Architecture: Umayyads AD 622–750*, vol. , pt. 1 (Oxford, 2nd edn.).
- CROW, J., and RICCI, A. 1997. ‘Investigating the hinterland of Constantinople: interim report on the Anastasian Long Wall’, *JRA* 10: 235–62.
- BARDILL, J., and BAYLISS, R. 2008. *The Water Supply of Byzantine Constantinople* (London).
- CROWFOOT, J. W. 1941. *Early Churches in Palestine* (London).
- ĆURČIĆ, S. 1992. ‘Design and structural innovation in Byzantine architecture before Hagia Sophia’, in Mark and Cakmak 1992: 16–38.
- DEICHMANN, F. W. 1969. *Ravenna: Geschichte und Monumente* (Wiesbaden).
- 1974. *Ravenna: Hauptstadt des spätantiken Abendlandes. Kommentar 1* (Wiesbaden).

- 1976. *Ravenna: Hauptstadt des spätantiken Abendlandes. Kommentar 2* (Wiesbaden).
- 1979. 'Westliche Bautechnik im römischen und rhomäischen Osten', *Römische Mitteilungen* 86: 473–527 (repr. in idem, *Rom, Ravenna, Konstantinopel, Naher Osten: Gesammelte Studien zur spätantiken Architektur, Kunst und Geschichte* (Wiesbaden, 1982): 712–82).
- DELL'ACQUA, F. 2004. 'The stained-glass windows from the Chora and the Pantocrator monasteries: a "Byzantine" mystery?', in H. A. Klein (ed.), *Restoring Byzantium: The Kariye Camii in Istanbul and the Byzantine Institute Restoration* (New York): 68–77.
- 2005. 'Enhancing luxury through stained glass from Asia Minor to Italy', *DOP* 59: 193–211.
- and JAMES, D. 2001. 'The window-glass', in J. Mitchell and I. L. Hansen (eds.), *San Vincenzo al Volturno 3* (Studi e Ricerche di Archeologia e Storia dell'Arte 3; Spoleto): 171–201.
- DEMANGEL, R., and MAMBOURY, E. 1939. *Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople* (Paris).
- DENNERT, M. 1997. *Mittelbyzantinische Kapitelle: Studien zu Typologie und Chronologie* (Bonn).
- DODGE, H. 1987. 'Brick construction in Roman Greece and Asia Minor', in F. H. Thompson (ed.), *Roman Architecture in the Greek World* (London): 106–16.
- and WARD-PERKINS, B. (eds.) 1992. *Marble in Antiquity: Collected Papers of J. B. Ward-Perkins* (London).
- ELSNER, J. 2000. 'From the culture of *spolia* to the cult of relics: the Arch of Constantine and the genesis of Late Antique forms', *PBSR* 68: 149–84.
- FIRATLI, N. 1964. 'Short report on finds and archaeological activities outside the Museum', *Istanbul Arkeoloji Müzeleri Yıllığı* 11–12: 207–14.
- FOSS, C. 1986. 'Constantinople', in C. Foss and D. C. Winfield, *Byzantine Fortifications: An Introduction* (Pretoria): 41–87, 180–4.
- GERSTEL, S. E. J. and LAUFFENBURGER, J. H. (eds.) 2001. *A Lost Art Rediscovered: The Architectural Ceramics of Byzantium* (University Park, Pa.).
- GUTTERIDGE, A., and others. 2001. 'The walled town of Dyrrachium (Durrës); settlement and dynamics', *JRA* 14: 390–410.
- HARRISON, R. M. 1986. *Excavations at Sarachane in Istanbul*, vol. 1: *The Excavations, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones, and Molluscs* (Princeton).
- HAWKINS, E. J. W. 1964. 'Plaster and stucco cornices in Hagia Sophia, Istanbul', *Actes du XIIe congrès international des études byzantines* 3 (Belgrade): 131–5.
- HENDERSON, J., and MANGO, M. MUNDELL 1995. 'Glass at medieval Constantinople: preliminary scientific evidence', in C. Mango and G. Dagron (eds.), 1995: 333–56.
- HERES, T. L. 1982. *Paries: A Proposal for a Dating System of Late Antique Masonry Structures in Rome and Ostia AD 235–600* (Amsterdam).
- HILL, S. 1996. *The Early Byzantine Churches of Cilicia and Isauria* (Aldershot).
- HOHLFELDER, R. L. 1997. 'Building harbours in the Early Byzantine era: the persistence of Roman technology', *BF* 24: 367–80.
- JAMES, L. 2006. 'Byzantine glass mosaic tesserae: some material considerations', *BMGS* 30: 29–47.
- JEREMIAS, G. 1980. *Die Holztür der Basilika S. Sabina in Rom* (Tübingen).
- KAUTZSCH, R. 1936. *Kapitellstudien: Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom vierten bis ins siebente Jahrhundert* (Berlin–Leipzig).

- KLEINBAUER, W. E. 1976. '“Aedita in turribus”: the superstructure of the early church of S. Lorenzo in Milan', *Gesta* 15, no. 1/2: 1–9.
- KLEINERT, A. 1979. *Die Inkrustation der Hagia Sophia. Zur Entwicklung der Inkrustationsschemata im römischen Kaiserreich* (Münster).
- KRAUTHEIMER, R. 1986. *Early Christian and Byzantine Architecture*, 4th rev. edn., with S. Ćurčić (Harmondsworth).
- LASSUS, J. 1947. *Sanctuaires chrétiens de Syrie* (Paris).
- LANCASTER, L. 2005. *Concrete Vaulted Construction in Imperial Rome* (Cambridge).
- LIGHTFOOT, C. S. and IVISON, E. A. 1997. 'The Amorium Project: the 1995 excavation season', *DOP* 51: 291–300.
- LIVINGSTON, R. A. 1993. 'Materials analysis of the masonry of the Hagia Sophia Basilica, Istanbul', in: A. Ş. Çakmak and C. A. Brebbia (eds.), *Soil Dynamics and Earthquake Engineering VI* (Southampton–Boston): 849–65.
- McKENZIE, J. 1990. *The Architecture of Petra* (Oxford).
- MAINSTONE, R. J. 1975. *Developments in Structural Form* (London).
- 1988. *Hagia Sophia: Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church* (London).
- MANGO, C. 1963. 'Antique statuary and the Byzantine beholder', *DOP* 17: 55–75.
- 1972. *The Art of the Byzantine Empire 312–1453: Sources and Documents* (Englewood Cliffs).
- 1973. 'A note on Panagia Kamariotissa and some imperial foundations of the tenth and eleventh centuries at Constantinople', *DOP* 27: 128–32.
- 1976. *Byzantine Architecture* (New York).
- 1993. 'The columns of Justinian and his successors', in idem, *Studies on Constantinople* (Aldershot): no. x.
- 1995. 'Ancient spolia in the Great Palace of Constantinople', in C. Moss and K. Kieffer (eds.), *Byzantine East, Latin West: Art-Historical Studies in Honor of Kurt Weitzmann* (Princeton): 645–49.
- 2000. 'The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate', *DOP* 54: 173–88.
- 2001. 'The shoreline of Constantinople in the fourth century', in N. Necipoğlu (ed.), *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life* (Leiden).
- and DAGRON, G. (eds.) 1995. *Constantinople and its Hinterland* (Aldershot).
- and HAWKINS, E. J. W. 1964. 'The Monastery of Lips (Fenari Ýsa Camii): additional notes', *DOP* 18: 299–315.
- — 1968. 'Additional finds at Fenari Ýsa Camii, Istanbul', *DOP* 22: 177–84.
- MARANCI, C. 2001. *Medieval Armenian Architecture: Constructions of Race and Nation* (Leuven).
- MARK, R., and ÇAKMAK, A. Ş. (eds.) 1992. *Hagia Sophia from the Age of Justinian to the Present* (Cambridge).
- 1994. 'Mechanical tests of material from the Hagia Sophia dome', *DOP* 48: 277–9.
- MARTINY, G. 1947. 'The buildings', in G. Brett, G. Martiny, and R. B. K. Stevenson, *The Great Palace of the Byzantine Emperors* (London): 1–30.
- MATHEWS, T. F. 1971. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy* (University Park, Pa.).
- MEGAW, A. H. S. 1963. 'Notes on recent work of the Byzantine Institute in Istanbul', *DOP* 17: 333–71.

- MEYER-PLATH, B., and SCHNEIDER, A. M. 1943. *Die Landmauer von Konstantinopel* 2 (Berlin).
- MILLET, G. 1916. *L'École grecque dans l'architecture byzantine* (Paris).
- MITCHELL, W. J., ARAN, B., and LIGGETT, R. S. 1982. 'The application of statistical pattern-recognition techniques in dating ancient architectural construction', *Environment and Planning Bulletin* 9: 467–90.
- MOROPOULOU, A., ÇAKMAK, A., and BISCONTIN, G. 1997. 'Crushed brick/lime mortars of Justinian's Hagia Sophia', *Materials Issues in Art and Archaeology* 5: 307–16.
- NAUMANN, R. 1965. 'Vorbericht über die Ausgrabungen zwischen Mese und Antiochus-Palast 1964 in Istanbul', *Istanbuler Mitteilungen* 15: 135–48.
- 1966. 'Der antike Rundbau beim Myrelaion', *Istanbuler Mitteilungen* 16: 199–216.
- and BELTING, H. 1966. *Die Euphemia-Kirche am Hippodrom zu Istanbul und ihre Fresken* (Berlin).
- OUSTERHOUT, R. 1999. *MasterBuilders of Byzantium* (Princeton).
- PARIBENI, A. 2004. 'Le sigle dei marmorari e l'organizzazione del cantiere', in A. G. Guidobaldi, C. Barsanti, and others, *Santa Sofia di Costantinopoli: L'arredo marmoreo della Grande Chiesa giustiniana* (Vatican City): 653–734.
- PESCHLOW, U. 1997. 'Architectural Sculpture', in Striker and Kuban 1997: 102–11.
- RAMSAY, W. M. and BELL, G. L. 1909. *The Thousand and One Churches* (London).
- RESTLE, M. 1995. 'Kuppel', in *Reallexikon zur Byzantinischen Kunst* 5 (Stuttgart): 484–529.
- SARADI, H. 1997. 'The use of ancient spolia in Byzantine monuments: the archaeological and literary evidence', *International Journal of the Classical Tradition* 3: 395–423.
- SCHNEIDER, A. M. 1936. *Byzanz: Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt* (Berlin).
- SHEPPARD, C. D. 1965. 'A radiocarbon date for the wooden tie beams in the west gallery of St. Sophia, Istanbul', *DOP* 19: 237–40.
- SODINI, J.-P. 1989. 'Le commerce des marbres à l'époque protobyzantine', in *Hommes et richesses dans l'empire byzantin*, 1: *IVe–VIIe siècle* (Paris): 163–86.
- 2002. 'Marble and stoneworking in Byzantium, seventh–fifteenth centuries', in *EHB*: 129–46.
- STORZ, S. 1984. 'Zur Funktion von keramischen Wölbproben im römischen und frühchristlichen Gewölbekonstruktion', *Architectura* 14.2: 89–105.
- STRIKER, C. L. 1997. 'Marble Revetment and Paving', in Striker and Kuban 1997: 115–19.
- and KUBAN, Y. D. (eds.) 1997. *Kalenderhane in Istanbul: The Buildings, their History, Architecture, and Decoration. Final Reports on the Archaeological Exploration and Restoration at Kalenderhane Camii 1966–1978* (Mainz).
- TANYELI, U., and TANYELI, G. 2004. 'Ayasofya'da Strüktürel Demir Kullanımı', in *Metin Ahunbay'a Armagan: Bizans Mimarisi Üzerine Yazılar* (Sanat Tarihi Defterleri 8; Istanbul): 23–58.
- TAYLOR, R. 1996. 'A literary and structural analysis of the first dome on Justinian's Hagia Sophia, Constantinople', *Journal of the Society of Architectural Historians* 55: 66–78, 360–2, 362–3, 491.
- THEOCHARIDOU, K. 1992. 'The structure of Hagia Sophia in Thessaloniki from its construction to the present', in Mark and Çakmak 1992: 83–99.
- VOCOTOPoulos, P. 1979. 'The concealed course technique: further examples and a few remarks', *JÖB* 28: 247–60.

- VON SALDERN, A. 1980. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis* (Cambridge, Mass.).
- WARD-PERKINS, B. 1984. *From Classical Antiquity to the Middle Ages: Urban Public Building in Northern and Central Italy AD 300–850* (Oxford).
- WARD-PERKINS, J. B. 1958. 'Notes on the structure and building methods of early Byzantine architecture', in D. Talbot Rice (ed.), *The Great Palace of the Byzantine Emperors. Second Report* (Edinburgh): 52–104.
- 1981. *Roman Imperial Architecture* (Harmondsworth).
- WILCOX, R. P. 1981. *Timber and Iron Reinforcement in Early Buildings* (London).
- WILSON, R. J. A. 1992. 'Terracotta vaulting tubes (*tubi fittili*): on their origin and distribution', *JRA* 5: 97–129.
- WINFIELD, D. 1986. 'Byzantine masonry and construction', in C. Foss and D. C. Winfield, *Byzantine Fortifications: An Introduction* (Pretoria): 25–31.
- WOHL, B. L. 2001. 'Constantine's use of spolia', in J. Fleischer, J. Lund, and M. Nielsen (eds.), *Late Antiquity: Art in Context* (Copenhagen): 85–115.
- WRIGHT, G. R. H. 2000. *Ancient Building Technology*, vol. 1: *Historical Background* (Leiden).
- ZOLLT, T. 1994. *Kapitellplastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Chr. mit einem Beitrag zur Untersuchung des ionischen Kämpferkapitells* (Bonn).

Углубленное чтение

Фундаментальное исследование ранневизантийских строительных техник см. Ward-Perkins 1958. Краткий общий обзор раннего периода представлен в Wright 2000: 129–45; о позднейших периодах см. Ousterhout 1999, библиографией можно поинтересоваться более подробно в подстрочных сносках работ Krautheimer 1986 и W. E. Kleinbauer, *Early Christian and Byzantine Architecture: An Annotated Bibliography and Historiography* (Boston, Mass. 1991), особенно 442–452).

Глава II.7.2 ЦЕРКВИ И МОНАСТЫРИ

Роберт Оустерхаут

Введение

Изучение византийской архитектуры преимущественно было посвящено архитектуре религиозной, поскольку церкви и сопутствующие здания составляли значительную часть сохранившихся построек. На английском языке изданы лишь две основополагающие книги по данной тематике: Краутхеймера (Krautheimer 1986), представившего более формализованный, типологический подход к церковному строительству, лучше описывающий ранние века, и Мэнго (Mango 1976a), предпочитавшего исторический подход, в большей степени подходящий для изучения более поздних периодов и территорий, находившихся под влиянием Византии. Обе они на несколько десятилетий устарели, но могут быть с успехом дополнены недавно вышедшими монографиями, региональными обзорами и тематическими исследованиями. Аннотированная библиография Клейнбауэра (Kleinbauer 1991) содержит тематически организованную информацию и включает необходимое историографическое введение. Новейшая научная оценка византийской архитектуры также представлена в работе Мэнго (Mango 1991), который выявил четыре основных подхода, преобладавших в XX в.: типологический, символический или идеологический, функциональный и социальный или экономический; тенденция современных исследований, как отмечает он, склоняется в сторону тщательно документированного детального анализа отдельных памятников. Важные шаги к пониманию роли литургии в проектировке храма сделал Мэтьюз (Mathews 1962, 1971, 1982). Еще новее попытка Остерхаута интерпретировать церковную архитектуру с позиции строителей (Ousterhout 1999). Разумеется, гораздо большую работу было бы желательно проделать в отношении первичной документации храмов, а также региональных исследований. Более того, архитектура храмов зачастую изучается вне контекста – без учета их расположения или внутренней отделки.

Исторический обзор

Доконстантинова эпоха (ок. 200–312 гг.)

От времен, предшествовавших правлению Константина и созданию «официальной» церковной архитектуры, мало что сохранилось. В силу необходимости, в целях исследования истоков христианства и преобразования для его потребностей уже существовавших зданий, ученые сопоставляют данные археологии и письменные данные (White 1990: 11–25). *Domus Ecclesiae* или домашняя церковь чаще всего представляла собой приспособленную для богослужений позднеантичную усадьбу, включавшую зал для торжественных церемоний и, возможно, баптистерий. За исключением христианской церкви в Дура Европос, построенной в 200 г. и перестроенной в 230 г., включавшей и баптистерий, большинство примеров известны из письменных источников; в Риме в ходе позднейших перестроек разрушили большую часть аналогичных объектов; синагоги и храмы Митры того периода сохранились лучше. Хотя *domus ecclesiae* и прекратили свое существование, поскольку христианство стало официальной общественной религией, частные богослужения продолжались, подтверждением чему служит наличие в домовых комплексах часовен (Bowes 2005).

Еще лучшим вещественным доказательством являются похоронные традиции. В дополнение к агеае (наземным кладбищам) и катакомбам (подземным кладбищам), христианам потребовались места встреч для поминальных трапез (Spera 2003). Распространение традиции прославления мучеников в ранней Церкви привело к развитию строительства поминальных сооружений, обычно называемых мартирии, но в письменных источниках также упоминаемых как тропы и иероа.

К концу III в. христианская архитектура стала более заметной и более публичной, но еще не достигла масштабов и обилия своей «официальной» приемницы. Тем не менее, она заложила основы дальнейшего развития, положив начало исполнению тех функций, которые в последующие века приобрели первоочередное значение: общественное богослужение, посвящение в христианство, погребение и поминание усопших.

Константинова эпоха (312–337 гг.)

С принятием Константином христианства в качестве официальной религии Римской империи в 312–313 гг. император сам занялся патронажем зданий, призванных внешним видом превзойти языческие аналоги. В большинстве городских центров, таких, как Рим, это означало сооружение огромных базилик, вмещавших собрания верующих, исчисляемых тысячами. Хотя символические ассоциации христианской базилики с ее римскими предшественницами и были предметом споров, их общая тема – богатство и власть – раскрывалась путем сопоставления с имперскими зданиями (но не противопоставления им) (Kinney 2001; Brandenburg 2005). Латеранская базилика, изначально посвященная Христу, выстроенная на месте императорского дворца, пожертвованного епископу в качестве резиденции, с 313 г. начала служить Римским собором. Высокий неф ба-

зилики освещался светом окон, возвышавшихся над двумя боковыми приделами по противоположным сторонам. На западе он заканчивался апсидой, где находились сиденья для духовенства. Находившийся в передней части алтарь был окружен серебряным ограждением, украшенным статуями Христа и апостолов (de Blaauw 1994).

В дополнение к приходским церквям, среди которых Латеранская занимает передовые позиции, второй тип базилики, возникший в Риме в то же самое время, ассоциировался с кладбищами, находившимися вне городских стен, что обычно было связано с почитанием могил мучеников. Согласно Краутхеймеру (Krautheimer 1960), именно в кладбищенских храмах, как, например, Сан-Лоренцо (ок. 324 г.), в основном находившихся на территории кладбищ, с могилами в земле и прилежавшими мавзолеями, проводились поминальные трапезы, тогда, как Дейчманн (Deichmann 1970) такую трактовку оспаривал. По своей планировке они были трехнефными с крытой галереей, окружавшей апсиду в западной части храма.

Константин также содействовал сооружению монументальных мартириев. Наиболее значимый из таких памятников на Западе, посвященный Св. Петру, начал ок. 324 г. в Риме служить сочетанием кладбищенского храма и мартирия (трансепт). В Святой Земле главные усыпальницы в одинаковой мере сочетали в себе и приходские храмы, и памятные строения центрической планировки на особо почитаемом месте, как, например, в Вифлееме или Иерусалиме, хотя многие мартирии устроены гораздо проще. Рассказы паломников увлекательнейшим образом описывают жизнь «у могил» (Wilkinson 1977 and 1981). Будучи важными для развития культа реликвий, эти огромные здания были, однако же, менее важны для развития византийской архитектуры, чем считалось когда-то. Получивший значительное влияние тезис Грабара о связи типологии и функций нуждается в переоценке (Grabar 1946; Ousterhout 1990: 50–1).

Раннехристианский период (середина IV–V вв.)

После правления Константина возникает в целом стандартизированная архитектура, в ней как основное сооружение для приходских богослужений преобладает базилика, но с многочисленными местными вариациями. В Риме и на Западе, к примеру, имелась тенденция строить продолговатые базилики без галерей, тогда как на Востоке сами здания были более компактными, а галереи более распространенными. К V в. литургия стала стандартизированной, но, опять же, с некоторыми местными вариациями, проявившимися в планировке и убранстве храмов (Mathews 1962 and 1971). Литургия, возможно, меньше влияла на создание новых архитектурных разработок, но больше способствовала повышению символизма и сакрализации церковного здания. Возникли некоторые новые типы зданий, такие как крестовидная церковь, тетраконхиальный храм, октогон и целый ряд сооружений с центрической планировкой. Эти новаторские формы, возможно, имели символический смысловой оттенок; к примеру, крестовидная планировка могла быть либо подражанием константинопольской церкви Св. Апостолов, либо же ассоциироваться с Животворящим Крестом, как в церквях Св. Креста в Равенне или Св. Апостолов в Милане (Krautheimer 1942;

Kinney 2001). Кроме того новаторский дизайн мог иметь своим источником и архитектурную геометрию, как, например, загадочная Ротонда Св. Стефана (468–483 гг.) в Риме (Krautheimer 1980; Brandenburg 2005). Многонефные тетраконхальные храмы, как в Селевкийской Пьерии-Антиохии с конца V в., которые некогда ассоциировались с мартириями, являются, скорее всего, соборами или храмами митрополий (Kleinbauer 1973).

Во всей империи выдающимися зданиями выступают также баптистерии, послужившие формированию обрядов, предназначенных для взрослых новообращенных и оглашенных. Наиболее распространенным было соответствовавшее христианской символике восьмиугольное здание с купелью, примыкавшее к собору, как, например, в Равенне, около 400–450 гг. (Krautheimer 1942; Khatchatryan 1982: 53–68). Но с переходом к крещению в младенческом возрасте и упрощением церемонии строительство монументальных баптистериев в VI в. прекратилось.

Церковь постепенно перестала проводить большие поминальные трапезы на могилах мучеников, но культ мучеников проявлялся и по-другому, в том числе в значимости, которую приобрело паломничество, и в распространении реликвий. Несмотря на это, мартирии не имели стандартной архитектурной формы, она, вероятно, зависела от местной специфики или уровня развития региона. В Риме, к примеру, строительство Св. Павла «за стенами» началось в 384 г. и, по образцу собора Св. Петра, к огромной, состоявшей из пяти нефов, базилике был добавлен трансепт. В Фессалонике базилика Св. Димитрия (конец V в.) содержала остатки склепа и других строений, связанных с римской баней, в которой Св. Димитрий принял мученическую смерть. В сельской местности также появлялись крупные строительные комплексы, примером чему является Калат Шаман, построенный около 480–490 гг. в Сирии, имевший четыре базилики, отходившие подобно лучам от восьмиугольника, в центре которого стоял столп святого.

Стремление к торжественности погребения увековечило традицию позднеантичного мавзолея, зачастую восьмиугольного или имевшего центрическую планировку. В Риме IV в. Мавзолей Елены и Константина примыкал к кладбищенской базилике. Крестовидные часовни, похоже, более поздней постройки, имеют форму, значение которой восходит к символике Животворящего Креста; аналогичная идея подчеркивается и в архитектуре отлично сохранившегося Мавзолея Галлы Пلاцидии, построенного около 425 г. в Равенне и изначально примыкавшего к крестовидному храму, посвященному Св. Кресту.

Монашество стало играть в обществе все более важную роль, но с точки зрения архитектуры ранним монастырям не хватало систематичности планировки, они были зависимы от специфических условий местности. Общежитийная система требовала наличия жилых помещений с кельями для монахов, а также столовой (трапезной) для совместных трапез и церкви или часовни для совместных богослужений. Доказательства тому сохранились в общинах пустынников Египта и Палестины (Meinardus 1989; Hirschfeld 1992; Grossmann 2002).

VI век

Хотя стандартные базилики и продолжали строиться, в церковной архитектуре к концу V в. появляются важные новые тенденции: вводится централизованная планировка с продольной осью и продольная планировка, в которую вводится централизованный элемент. Представителем первого типа является храм Богородицы на горе Гаризим, около 484 г., имеющий развитое углубление алтаря, простирающееся за восьмиугольник нефа с приделами и радиально расположенными молельнями; второй тип представлен так называемой купольной базиликой в Мериамлике, около 471–494 гг., в которой купол водружен на стандартный неф базилики. И та, и другая постройка, вероятно, осуществлялась под патронатом императора Зинона.

Обе тенденции получили дальнейшее развитие в правление Юстиниана. К примеру, соборы Свв. Сергия и Вакха в Константинополе (закончен к 536 г.) и Сан-Витале в Равенне (построен около 546–548 гг.) являются двухходовыми восьмигранниками повышенной геометрической сложности, с каменными куполами, покрывающими центральное пространство, возможно, изначально в сочетании с деревянными крышами боковых нефов и галерей. Некоторые монументальные базилики того периода имели купола и своды, полностью покрывавшие здание, как в соборах Св. Софии (построен в 532–537 гг.) и Св. Ирины (строительство начато в 532 г.) в Константинополе, а также Базилике «В» в Филиппах (выстроена до 540 г.), где каждая постройка имеет в своем оформлении отличительные элементы. Общей чертой был парусный купол, возвышавшийся над удлинённым нефом; конструкция страдала отсутствием двусторонней симметричной опоры. Все они частично пострадали или были полностью разрушены в последовавших землетрясениях. Как свидетельствуют письменные источники, первый купол собора Св. Софии, разрушившийся в 557 г., был смелым конструкторским решением – невысоким парусным куполом, хотя это еще остается предметом споров. Собор Св. Полиевкта, выстроенный в Константинополе соперницей Юстиниана, Юлией Анцией, обычно представляют в виде купольной базилики, считая его предшественником собора Св. Софии (Harrison 1989). Он действительно был предшественником по масштабам и роскоши убранства, но при этом вряд ли был купольным. Недавние исследования посвящены особенностям конструкции крупных купольных строений (Mainstone 1988; Mark and Çakmak 1992), хотя роль геометрии и масштаба в проектировке зданий должна стать предметом дальнейших исследований (Underwood 1948).

Купол на парусах мог также использоваться и как модульный блок, как это, очевидно, было при восстановлении Юстинианом церкви Св. Апостолов в Константинополе, где здание крестовидной планировки покрывали пять куполов. Подобное конструкторское решение применялось при восстановлении базилики Св. Иоанна в Эфесе, выполненном ранее 565 г. и из-за своего продолговатого нефа потребовавшего шестикупольного свода. В конце XI в. собор Сан-Марко в Венеции следует все той же схеме VI в.

Несмотря на нововведения в сфере проектировки, архитектурной традицией на протяжении VI в. продолжала оставаться базилика как стандартный тип храма. В соборе Св. Екатерины на горе Синай, выстроенном около 540 г., здание

храма сохранило и деревянную крышу, и многие элементы отделки. Трехнефный план включает в себя многочисленные вспомогательные часовни, фланкированные коридорами. В соборе VI в. в Царичин Граде¹ состоявшая из трех нефов базилика включала крытое пространство алтаря, а также наиболее ранний пример пастофориев с точно установленной датой строительства, с апсидными часовнями по обеим сторонам вимы, формирующими алтарь из трех частей.

Переходный период (VII–IX вв.)

Архитектура периода, приблизительно соответствовавшего иконоборскому, бедна документальными источниками, хотя в последнее время точно датировать некоторые основные постройки помогает дендрохронология (Ousterhout 2001; Kuniholm 2008). В целом уменьшение масштабов церковного строительства привело к развитию новых, более простых проектных решений. Экономические факторы и изменения в системе патронажа также сыграли свою роль. Основные типы церквей того времени тяготели к подражанию в упрощенной форме величайшим архитектурным достижениям эпохи Юстиниана. К примеру, собор Св. Софии в Фессалонике, построенный менее чем век спустя после одноименного ему, значительно меньше и тяжеловеснее своего аналога. В то же время, в нем нашли решение основные проблемы проектирования конструкции – появились широкие арки, подпиравшие купол со всех четырех сторон. Та же система была применена при реконструкции Константином V собора Св. Ирины в Константинополе (сейчас по данным дендрохронологии датируется временем после 753 г.), который принято считать строением с крестовым куполом. Эта характеризующаяся двусторонней симметрией постройка выделяется среди разнообразных, но меньших по размеру зданий того времени с крестовидной планировкой, как, например, церковь, известная сейчас как Атик Мустафа Паша Ками в Стамбуле, вероятно, сооруженная в IX в. В тот период, вероятно, получил развитие тип церквей с основанием в виде креста, вписанного в квадрат, уменьшенных размеров и упрощенной планировки, как, например, отлично сохранившийся храм Фатих Ками (Св. Стефана?) в Трили, датируемый началом IX в. Хотя ученые предыдущего поколения хотели проследить линию эволюции в архитектуре того периода, и приписывали сооружение основных памятников Василию I, ни одна подобная идея не выдержала проверки на достоверность. Монашество на протяжении этого периода переживало подъем, в том числе в Вифинии, но не оставило значимых архитектурных памятников (Ruggieri 1991).

И Грузия, и Армения в VII в. переживали архитектурный расцвет, многочисленны были различные купольные здания центрической планировки, выстроенные из булыжника и облицованные превосходным тесаным камнем. После затишья, связанного с нашествием арабов, в средневизантийский период архитектура Кавказа с новой силой переживает подъем. Природу их взаимоотношений с византийской архитектурой в ее развитии, возможно, лучше всего понимать как региональный феномен, требующий пояснения.

¹ Юстиниана Прима.

Средневизантийский период (843–1204)

Конец иконоборства и развитие теологии священных изображений оказал глубочайшее влияние на проектирование церквей, что выразилось в развитии стандартизированной программы отделки и сопутствующем стандартизированном проектировании зданий; и то, и другое отражало иерархию ортодоксальной веры (Demus 1948). Церковь стандартного типа, если можно так выразиться, была маленькой, с центральным куполом, обычно возвышавшимся над четырьмя свободно стоящими колоннами, – так называемая церковь квадратно-крестовидной формы. Хорошим ее примером является выстроенная около 920 г. часовня Мирелеона в Константинополе, отличающаяся равновесием, достигнутым между центровкой конструкции и координацией внутреннего пространства. Состоявший из трех частей алтарь закрывался ширмой или храмовой завесой, темплом (Epstein 1981). Широко распространенный квадратно-крестовидный тип впервые возник в Греции в конце X в. – церковь Панагии в монастыре Хосиос Лукас. Здания того же типа встречаются и в центральной Анатолии, и в южной Италии, и на Балканах, и в России с небольшими вариациями и, выполняя большое разнообразие функций, служат дворцовыми, домашними, монастырскими, приходскими, кладбищенскими храмами. Общим знаменателем всего вышеперечисленного является небольшой размер, рассчитанный на небольшое количество верующих или же на частное использование.

Церковная планировка изобилует вариациями: продолжают появляться базилики и купольные базилики, в том числе тогда, когда требуется большее внутреннее пространство, но в некоторых районах, таких как северная Греция, продолжают существовать и малые базилики. Крестовокупольные церкви обеспечивали более устойчивую конструкцию и большее единообразие внутреннего пространства, особенно когда речь шла о куполе больших размеров (Ousterhout 1985). Церкви галерейной планировки, как, например, Богородицы Паммакаристы в Константинополе, могли предназначаться для увеличения пространства кладбища в непосредственной близости от наоса храма. Различные вариации восьмиугольной купольной церкви дают возможность тщательно проработать дизайн интерьера и сложных для украшения поверхностей, что, возможно, является заимствованием арабских и кавказских моделей; кафоликон XI в. монастыря Хосиос Лукас, Неа Мони на Хиосе, храм Св. Георгия в Манганах (Константинополь) дают представление об уровне возможных вариаций (Mango 1976b: 364; Bouras 1982: 133–9). Трехапсидные церкви с добавлением боковых апсид к стандартной квадратно-крестовидной планировке возникают в окрестностях монастырей горы Афон. Неясно, было ли появление нового типа церквей результатом позднейших добавлений или же преобразований. Эти *хоры* занимали хоры монахов, которые пели здесь церковные службы (Mylonas 1984).

Пристроенные часовни и здания более сложной планировки в средневизантийский период появлялись регулярно. Монастырская церковь Богородицы в Липсе (Константинополь), выстроенная в 907 г., в первоначальном проекте включала шесть часовен с двумя боковыми возвышениями (вимы) и четырьмя маленькими, возможно, купольными часовнями на уровне галереи. Кафоликон монастыря Хосиос Лукас с начала XI в. насчитывал восемь часовен, располо-

женных в определенном порядке на двух уровнях. Это дополнительное пространство, как считалось, было предназначено для частных молебнов или, возможно, частных литургий, либо же первоначально отводилось для поминовения (Mathews 1982; Babić 1969), но оно однозначно вписывалось в общий дизайн здания (Ćurđić 1977). Часто единственная часовня пристраивалась к одной стороне здания, как это было в Канли Килисе в Каппадокии или храме Св. Николая в Курсумлии.

Церкви Константинополя того периода являются образцом сбалансированности различных компонентов: обычно на плане алтарь, состоящий из трех частей, уравновешен притвором, а разделения помещений на части подчеркиваются пилястрами с внешней стороны. На поверхностях встречается орнамент, но он обычно ограничен, во многих случаях внешние поверхности оштукатурены. Внутри здания крестовые своды, рифленые купола или купола-«луковицы» создавали волнистые поверхности для мозаичной отделки. В XI–XII вв. при всеобщей имперской поддержке развивались монастырские комплексы, отчасти в качестве новых мест императорских династических захоронений, как, например, при храме Христа Вседержителя, выстроенном как три примыкающих друг к другу церкви в 1118–1136 гг. (Ousterhout 2000).

В материковой части Греции формы сводов зачастую были проще, тогда как их внешняя поверхность украшалась богаче, с применением техники клуазоне и псевдо-куфической отделки, выполнявшейся из кирпича. Необычная греческая октагонально-крестовидная планировка, наиболее известная благодаря кафоликону Хосиос Лукас, возможно, возникла немногим ранее в Панагии Ликодему и вдохновила на создание в регионе еще ряда аналогичных построек.

Расцвет архитектуры в Центральной Анатолии пришелся на период до завоевания ее сельджуками в 1070-х гг. В Каппадокии и Ликии сохранились храмы, отличающиеся неповторимой каменной кладкой, но их затмили собой привлекавшие внимание исследователей сотни отлично сохранившихся церквей, вырезанных в скалах. Их строители большей частью следовали стандартной планировке, распространенной в каменной архитектуре, в деталях при этом прослеживалась некоторая доля творческой фантазии. Сохранность и определенный порядок храмовой росписи, обстановки алтарей привели к возникновению фактически небольшой отрасли знаний – литургики (литургических исследований), хотя многие источники и остаются нерасшифрованными (Epstein 1981; Mathews 1982; Epstein 1986; Teteriatnikov 1996; Asutay-Fleissig 1996; Asutay 1998).

В целом, церковная архитектура Сербии и Болгарии того периода вызывает тесные ассоциации с Грецией и Константинополем. К примеру, пятикупольная церковь Св. Пантелеимона в Нерези (Nerezi), построенная в 1164 г., конечно же, создана под влиянием столичной архитектуры. Отдельные обширные и непохожие на остальные базилики строились для удовлетворения богослужебных нужд крупных приходов, как, например, собор Св. Софии в Охриде, выстроенный в 1000 г. После того, как Русь в 987 г. обратилась ко Христу, ей также потребовались обширные приходские церкви для новообращенного населения. В соборе Св. Софии в Киеве (начало 1037 г.) и повсеместно применяли заимствованную из Византии кладку, сродни составлявшей конструкцию малых, купольных хра-

мов, применяя базовую средневизантийскую схему, окружая высокий, увенчанный куполом центр здания серией крытых аркад, амбулаторий и галерей (Schäfer 1973–4). Это увеличило внутреннее пространство от размеров просторной комнаты, достаточной для частных молебнов нескольких человек, до размеров помещения, необходимого для крупного прихода. Хотя изначальный посыл исходил из Византии, в связи с перемещением политического центра севернее, Русь искала вдохновения в романской архитектуре северной Европы, сохраняя несколько оскудевший стандарт квадратно-крестовидной церкви; некоторые такие храмы XII в. все еще встречаются во Владимире и его окрестностях.

Центральным элементом монастыря средне- и поздневизантийского периода обычно являлся храм – отдельно стоящий архитектурный элемент внутри стенного ограждения, расположенный на одной линии с монастырскими кельями и прочими зданиями. Часто неподалеку от здания храма, напротив него или параллельно строили трапезную. В большинстве дошедших до нас случаев сохранилось первоначальное здание храма, тогда как другие здания – монастыри Хосиос Мелетиос и Хосиос Лукас, монастыри горы Афон – многократно подвергались реконструкциям. Из-за местной специфики и длительной истории строительства по-прежнему сложно дать определение «стандартного» типа средневизантийского монастыря. Многочисленные хорошо сохранившиеся образцы (с высеченными в скале трапезными) есть в Каппадокии, хотя возможна некоторая путаница при проведении различий между монастырскими и домовыми ансамблями (Rodley 1985; Mathews and Daskalakis-Mathews 1997; Ousterhout 1998). Однако планировка в этих случаях в силу необходимости определяется местной спецификой. Документация сербских монастырей, новые раскопки и недавние публикации переведенных и аннотированных типиков должны сподвигнуть к дальнейшим исследованиям византийской монастырской архитектуры среднего и позднего периодов (Zikos 1989; Popović 1994, 1998; Thomas and Hero (eds.) 2000).

Поздневизантийский период (около 1204–1453 гг.)

С разделением Византийского государства наступило и соответствующее разделение в архитектуре, в которой преобладали региональные течения. В общих чертах храмы проектировали в соответствии с типами планировки, сформировавшимися в средневизантийский период, в то же время сложность архитектурных форм возрастала как визуально, так и конструктивно: добавлялись портики, крытые аркады и галереи, пристраивались часовни и колокольни. Общее смягчение архитектурной строгости очевидно проявляется в отсутствии связи между внутренним пространством и внешним выражением (Ćurčić 1978; Ousterhout 1987).

Пробел, оставленный латинской оккупацией, сложновосполним, хотя открытия в Малой Азии Ласкарисов могут своеобразным мостом соединить обе его стороны. Церкви, сохранившиеся в Никее, Латмосе и на Хиосе могут относиться к этому периоду. К сожалению, большинство из них нельзя с уверенностью идентифицировать; хронология также проблематична: датировать Панагию Крину на Хиосе, к примеру, концом XII в., означает поставить под сомнение сравнительную систему датирования Бачвэлда (Buchwald 1979; Pennas 1991). Сейчас кажется вероятным, что местные ремесленники в Греции продолжали работать

и под латинским патронажем, что требует пересмотра прежних хронологий; Мербаку, бывшую некогда основой хронологии средневизантийских церквей Арголиты, составленной Мегью, сейчас обычно предположительно датируют XIII в. (Megaw 1931–4; Coulson 2002; Bouras 2001).

Храм Св. Софии в Трапезунде (около 1238–1263 гг.) выдает свои смешанные истоки деталями, заимствованными из кавказской и турецкой архитектуры. Происхождение его оригинальных боковых папертей остается неясным.

В Константинополе после того, как город был в 1261 г. отвоеван, наступило оживление в церковном строительстве. Большинство сооружений представляют собой дополнения к существующим монастырским церквям в Липсе, Хорах, Паммакарите. Вероятно, следуя образцу тройной церкви в монастыре Вседержителя, были незначительные попытки визуальной интеграции. Упомянутые примеры дополняются выполненной в импрессивной манере погребальной часовней с дополнительными притворами и крытыми галереями, зачастую предназначенными для погребений. Строительные комплексы отличаются неравномерным рядом апсид вдоль восточного фасада, над ними возвышается ассиметричный ряд куполов. Части конструкции подлежат индивидуальному изучению, заметен контраст между средне- и поздневизантийскими формами. Во всех комплексах эпохи Палеологов новые пропорции можно понимать как ответ на вызов истории, попытку установить символические отношения с прошлым (Ousterhout 2000: 244–7). К 1330 г. кратковременный «Ренессанс Палеологов» в столице завершился, по крайней мере, в сфере крупномасштабного строительства.

В поздневизантийский период сооружение многочисленных церквей пережила также Фессалоника. В храмах Св. Пантелеимона, Св. Екатерины, Св. Апостолов середину упрощенной квадратно-крестовидной формы окружали крытые куполами аркады с портиками. Хотя их аналоги в Константинополе однозначно выполняли похоронную функцию, роль крытых аркад в Фессалонике менее очевидна. К тому же самому периоду относятся и несколько более простых, некупольных церквей. Храм Ильи Пророка, выстроенный в 1360 г. по образцу афонских, свидетельствует о жизнестойкости городской архитектуры и ее способности выдерживать испытания временем.

Определенное количество церквей того же периода сохранилось в Эпире, где налицо определенное сходство с точки зрения декоративной обработки поверхностей, но без соответствий в планировке. Наиболее сложная постройка – Парагоритисса ат Арта, 1282–1289 гг., – любопытное сочетание купольного восьмиугольного центрального здания с двухэтажной купольной крытой галереей. В Мистре некоторые церкви сочетают базиликальную планировку первого этажа (основания здания) с квадратно-крестовидной пятикупольной галереей – все это в целом окружено портиками и дополнительными пристройками. Афентико в монастыре Бронтохион (около 1310–1322 гг.) является доказательством создания *ad hoc*, но данный тип повторяет, самое позднее в 1428 г., церковь монастыря Пантанассы (Hallensleben 1969).

Возможно, наиболее значимым в этот период является возникновение в соседних державах центров архитектурного творчества. Наиболее близкой Визан-

тии в своих архитектурных достижениях осталась Болгария. Будучи, возможно, более грубыми в том, что касалось украшения поверхностей, церкви позднего периода в Несебре, к примеру, не выглядели бы неуместными в Константинополе. Средневековая Сербия XII–XIII вв. отчасти испытывала западноевропейское влияние, исходящее с побережья Далмации, но поскольку в XIV в. развились близкие связи и политическое соперничество с Византией, сербская архитектура в целом следует византийским образцам, заимствуя идеи и техники кладки. Во многом кульминацией поздневизантийского архитектурного проектирования является церковь короля Милутина в Граканике, выстроенная ранее 1321 г. (Šturić 1979). Сербская архитектура позднего периода меньше по размерам, более декоративна, часто использует так называемую «афонскую планировку», как, например, в Раванике (1375–1377 гг.).

Румыния появилась на сцене последней. Валахия, освобожденная от Венгрии в 1330 г., оказалась в сфере влияния сербской архитектуры, тогда как освобожденная в 1365 г. Молдова проявила большую оригинальность; церкви XV в., как, например, храм в Воронете, имеют мощные пирамидальные большие выступающие крыши и меньших размеров купол над трехапсидной планировкой, а с внешней стороны – стены, полностью расписанные фресками. Происхождение этой отличной от прочих архитектурной традиции неясно.

Как только Русь оправилась от нашествий монголо-татар, в качестве важнейшего политического центра выделилась Москва, и после падения в 1453 г. Константинополя усвоила роль духовного лидера православного мира. В конце XV в. новый толчок в развитии архитектуры последовал из Италии в лице прибывших в страну итальянских архитекторов. Успенский собор в Кремле, выстроенный в 1475–1479 гг., сочетал детали, заимствованные у Владимирского собора, с модульной планировкой итальянского Ренессанса.

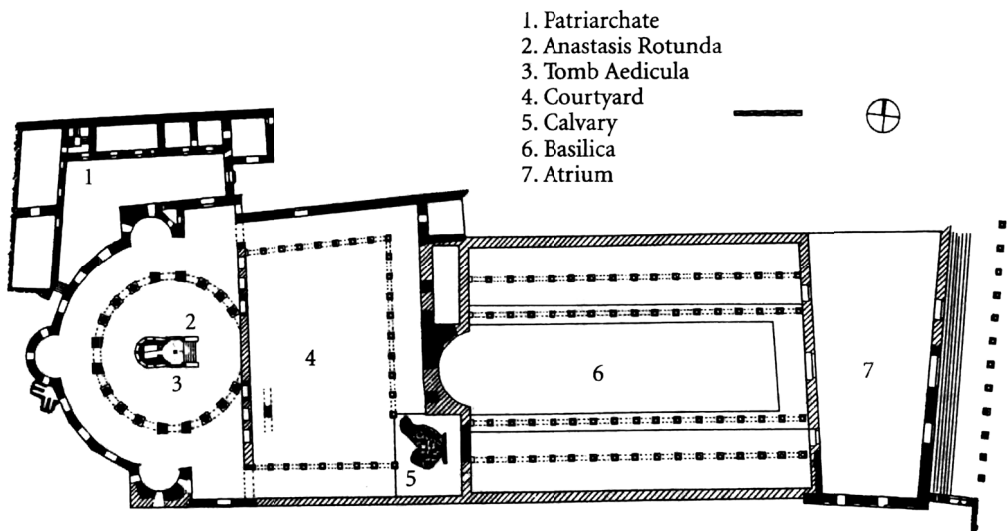

Рис. 1. Иерусалим, Храм Гроба Господня (рис. по Корбо)

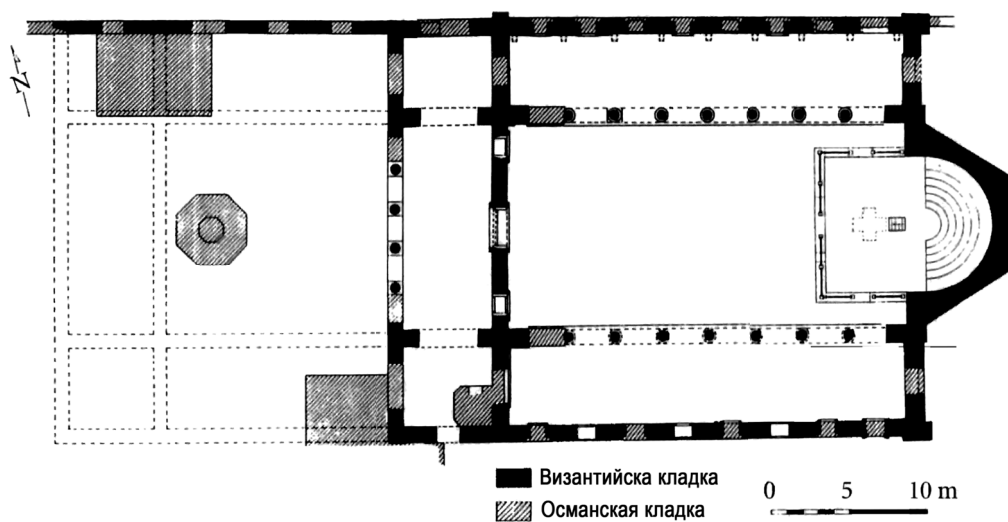

Рис. 2. Константинополь, храм Св. Иоанна Студита (рис. по Мэтьюзу)

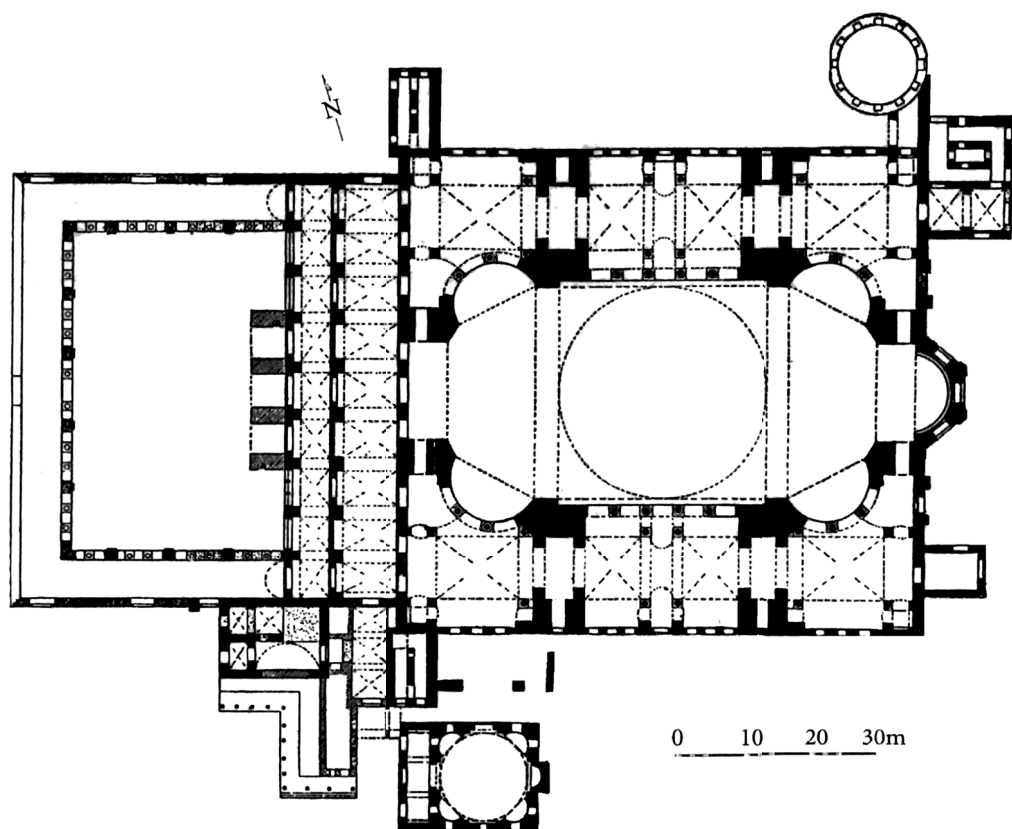
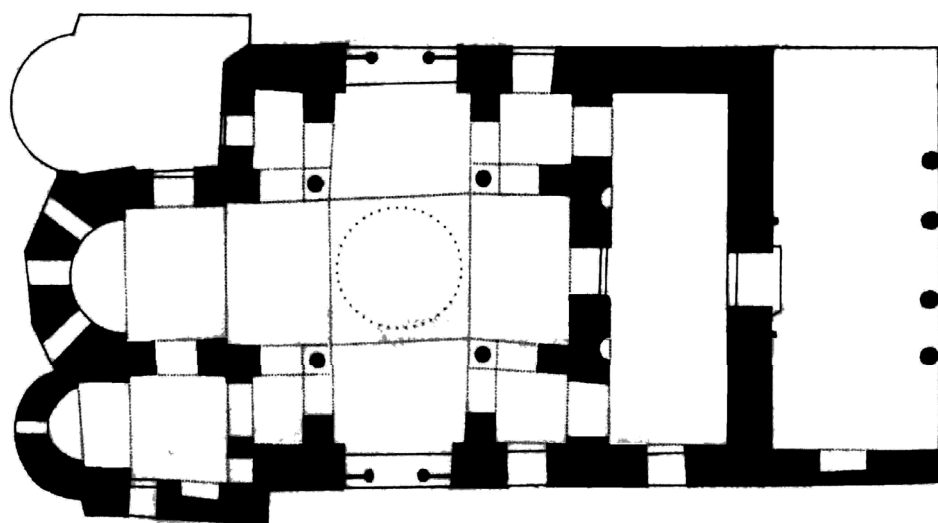
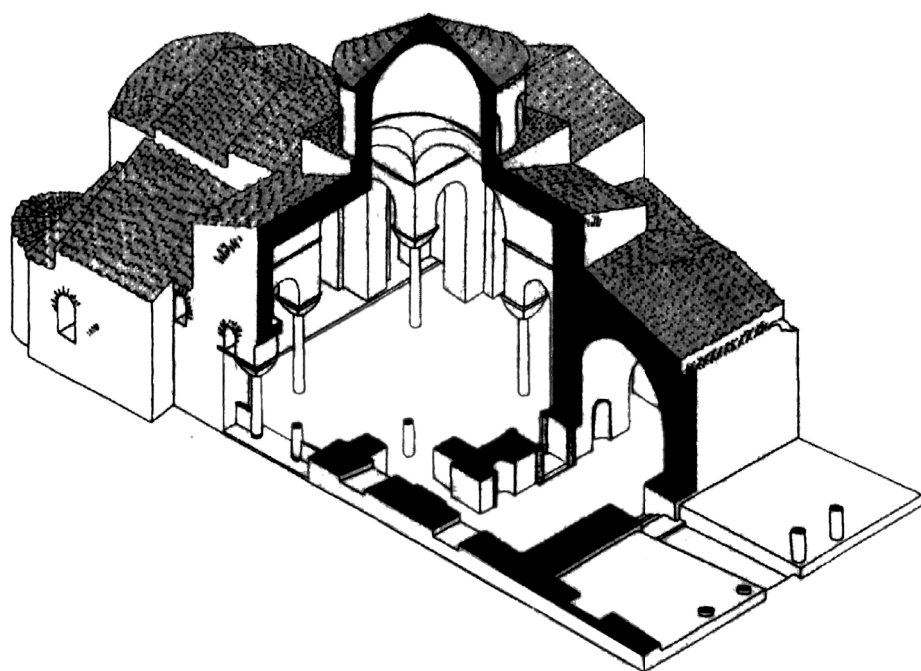

Рис. 3. Константинополь, храм св. Софии (рис. по Ван Найсу)

0 5 10m

Рис. 4. Трили, храм Св. Стефана (?) (рис. по Пикаку)

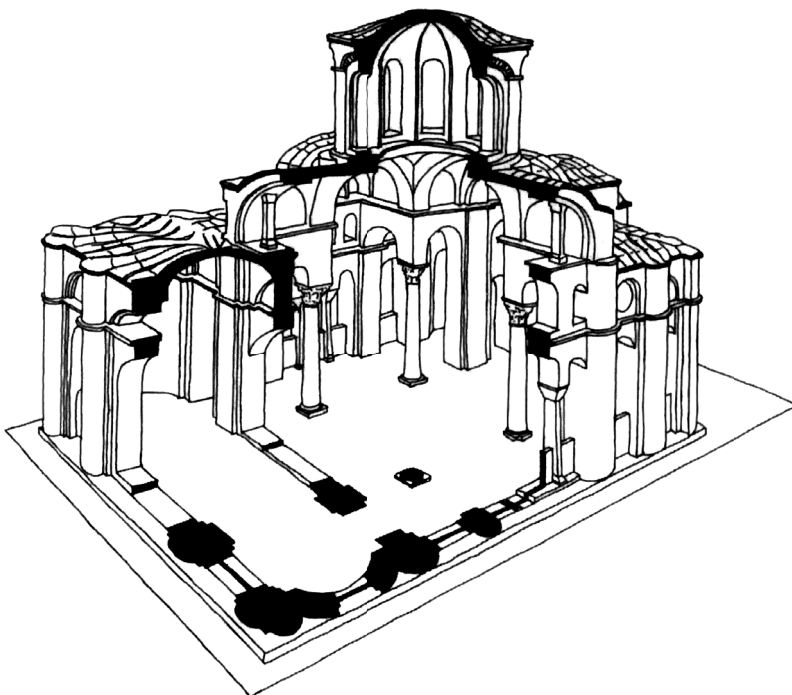

Рис. 5. Константинополь. Мирилион (Myrelaion), ныне Бодрум Ками (Bodrum Camii) (рис. по Стрикеру)

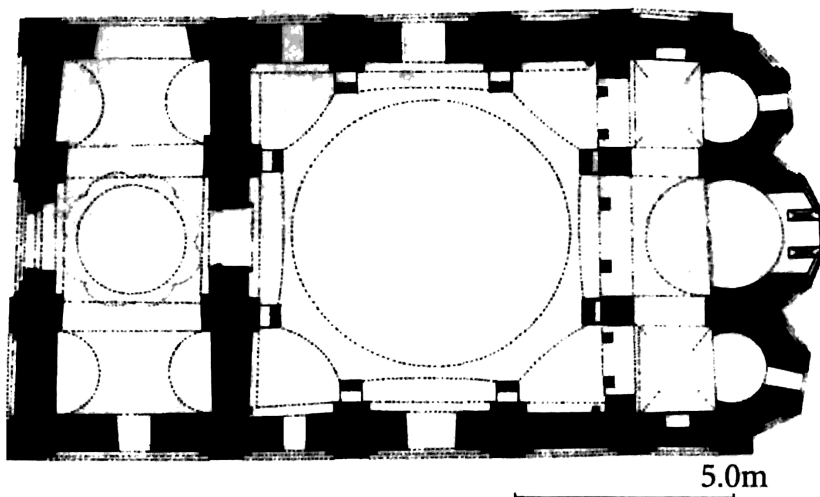

Рис. 6. Хиос, Неа Мони (рис. по Бурасу)

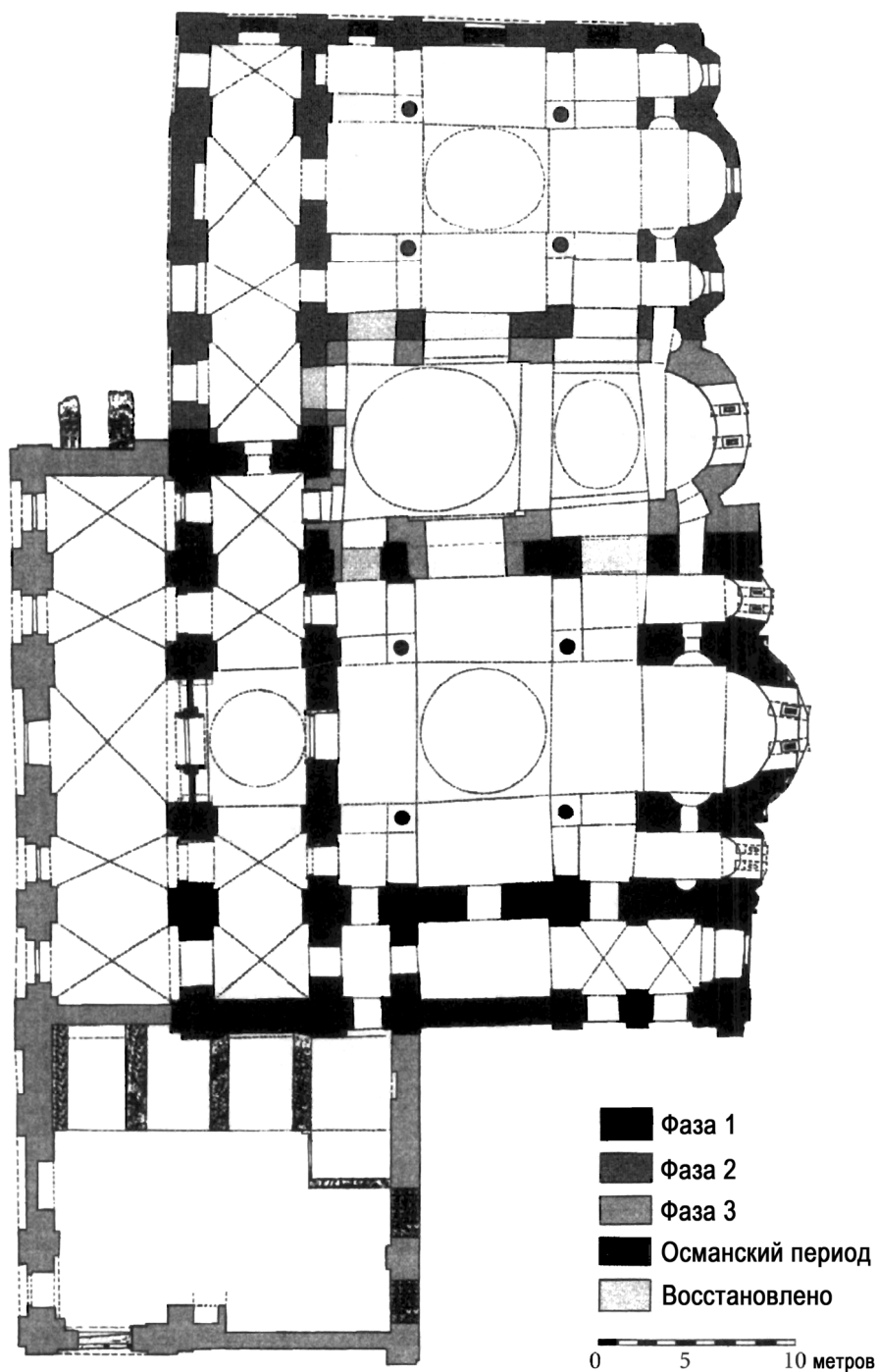

Рис. 7. Константинополь, храм Христа Вседержителя, ныне Зейрек Ками (Zeyrek Camii) (рис. по Мегру)

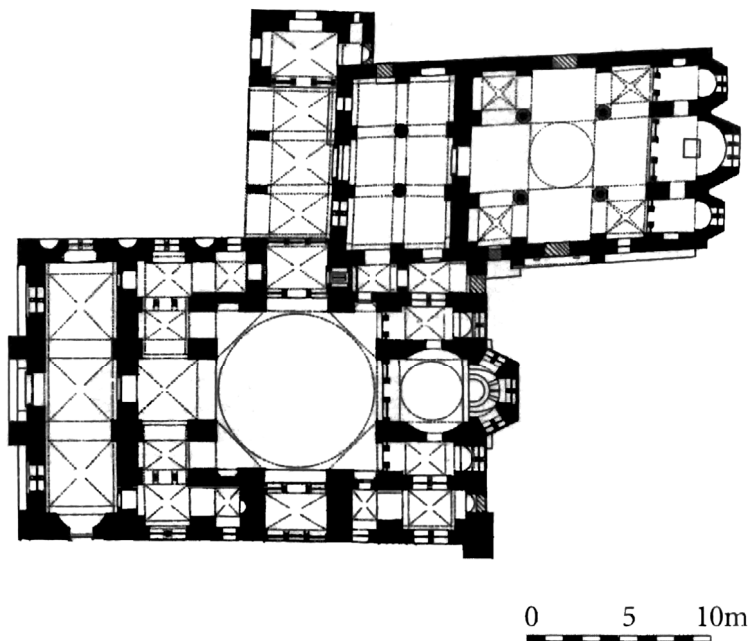

Рис. 8. Хосиос Лукас (рис. по Стикасу)

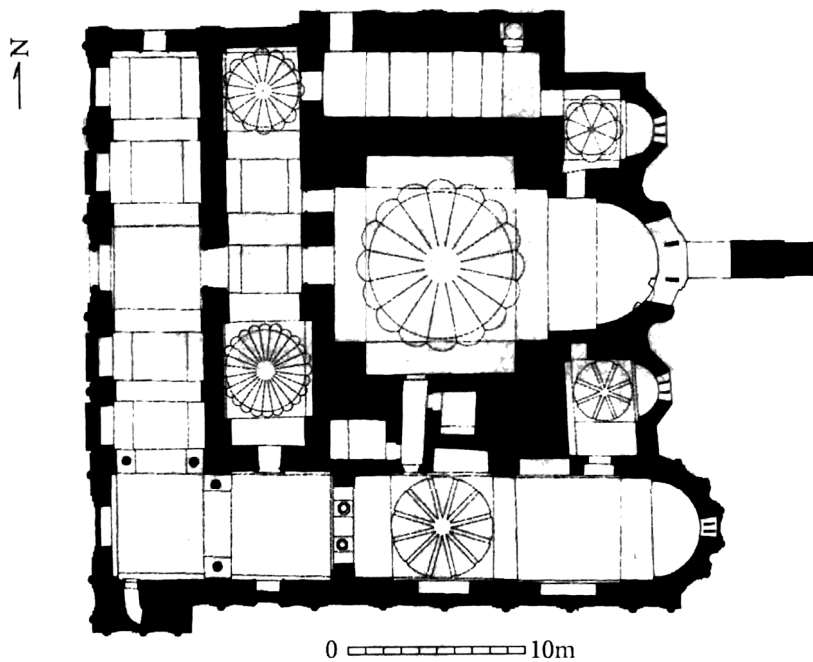

Рис. 9. Константинополь, церковь Христа в Хорах, ныне Карие Ками (Kariye Camii) (рис. по Андервуду)

ЛИТЕРАТУРА

- ASUTAY, N. 1998. *Byzantinische Apsisnebenräume. Untersuchung zur Funktion Apsisnebenräume in den Höhlenkirchen Kappadokiens und in den mittelbyzantinischen Kirchen Konstantinopels* (Weimar).
- ASUTAY-FLEISSIG, N. 1996. *Templonanlagen in den Höhlenkirchen Kappadokiens* (Frankfurt am Main).
- BABIĆ, G. 1969. *Les chapelles annexes des églises byzantines* (Paris).
- BOURAS, C. 1982. *Nea Moni on Chios: History and Architecture* (Athens).
- 2001. 'The impact of Frankish architecture on thirteenth-century Byzantine architecture', in A. E. Laiou and R. P. Mottahedeh (eds.), *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* (Washington, DC): 247–62.
- BOWES, K. 2005. 'Personal devotions and private chapels', in V. Burrus (ed.), *A People's History of Christianity*, vol. 1: *Late Ancient Christianity* (Minneapolis).
- BRANDENBURG, H. 2005. *Ancient Churches of Rome from the Fourth to the Seventh Century* (Turnhout).
- BUCHWALD, H. 1979. 'Lascarid architecture', *JÖB* 28: 261–96.
- COULSON, M. L. 2002. 'The Church of Merbaka: Cultural Diversity and Integration in the 13th-century Peloponnese' (Ph.D. thesis, Courtauld Institute of Art, University of London).
- ĆURČIĆ, S. 1977. 'Architectural significance of subsidiary chapels in Middle Byzantine churches', *Journal of the Society of Architectural Historians* 36: 94–110.
- 1978. 'Articulation of church facades during the first half of the fourteenth century', in *L'Art byzantin au début du XIVe siècle* (Belgrade): 17–267.
- 1979. *Gracanica: King Milutin's Church and its Place in Late Byzantine Architecture* (University Park, Pa.).
- DE BLAAUW, S. 1994. *Cultus et Décor: liturgia e architettura nella Roma tardoantica e medievale. Basilica Salvatoris, Sanctae Mariae, Sancti Petri* (Vatican City).
- DEICHMANN, F. W. 1970. 'Martyrerbasilika, Martyrion, Memoria und Altargrab', *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung* 77: 144–69.
- DEMUS, O. 1948. *Byzantine Mosaic Decoration: Aspects of Monumental Art in Byzantium* (London).
- EPSTEIN, A. 1981. 'The Middle Byzantine sanctuary barrier: templon or iconostasis?', *Journal of the British Archaeological Association* 134: 1–28.
- 1986. *Tokah Kilise: Tenth-Century Metropolitan Art in Byzantine Cappadocia* (Washington, DC).
- GRABAR, A. 1946. *Martyrium: recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique* (Paris).
- GROSSMANN, P. 2002. *Christliche Architektur in Agypten* (Leiden).
- HALLENSLEBEN, H. 1969. 'Untersuchungen zur Genesis und Typologie des "Mistratypus"', *Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft* 18: 105–18.
- HARRISON, R. M. 1989. *A Temple for Byzantium* (London).
- HIRSCHFELD, Y. 1992. *The Judean Desert Monasteries in the Byzantine Period* (New Haven).
- KHATCHATRIAN, A. 1982. *Origine et typologie des baptistères paléochrétiens* (Mulhouse).
- KINNEY, D. 2001. 'The Church Basilica', *Acta ad Archaeologiam et Artium Historiam Pertinentia* 15: 115–35.

- KLEINBAUER, W. E. 1973. 'The origins and functions of the aisled tetraconch churches in Syria and Northern Mesopotamia', *DOP* 27: 89–114.
- 1991. *Early Christian and Byzantine Architecture: An Annotated Bibliography* (Boston).
- KRAUTHEIMER, R. 1942. 'Introduction to an "Iconography of Medieval Architecture"', *JWCI* 5: 1–33; repr. with a postscript in *Studies in Early Christian, Medieval, and Renaissance Art* (New York, 1969): 115–50.
- 1960. 'Mensa, coemeterium, martyrium', *Cahiers archéologiques* 11: 15–40; repr. with a postscript in *Studies in Early Christian, Medieval and Renaissance Art* (New York, 1969): 35–58.
- 1980. 'Success and failure in Late Antique church planning', in K. Weitzmann (ed.), *Age of Spirituality: A Symposium* (New York): 121–39.
- 1986. *Early Christian and Byzantine Architecture*, 4th rev. edn., with S. Ćurčić (Harmondsworth).
- KUNIHOLM, P. I. 2008. 'I.2.17: Dendrochronology', in this volume.
- MAINSTONE, R. J. 1988. *Hagia Sophia: Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church* (London).
- MANGO, C. 1976a. *Byzantine Architecture* (New York).
- 1976b. 'Les monuments de l'architecture du XIe siècle et leur signification historique et sociale', *TM* 6: 351–65.
- 1991. 'Approaches to Byzantine architecture', *Muqarnas* 8: 41–4.
- MARK, R., and ÇAKMAK, A. (eds.) 1992. *Hagia Sophia from the Age of Justinian to the Present* (Cambridge).
- MATHEWS, T. F. 1962. 'An early Roman chancel arrangement and its liturgical functions', *Rivista di archeologia cristiana* 38: 73–95.
- 1971. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy* (University Park, Pa.).
- 1982. '“Private” liturgy in Byzantine architecture: toward a reappraisal', *CA* 30: 125–38. (repr. in *Art and Architecture in Byzantium and Armenia* (Aldershot, 1995): no. III).
- and DASKALAKIS-MATHEWS, A. 1997. 'Islamic-style mansions in Byzantine Cappadocia and the development of the inverted T-plan', *Journal of the Society of Architectural Historians* 56: 294–315.
- MEGAW, A. H. S. 1931–4. 'The chronology of some Middle Byzantine churches', *BSA* 32: 90–130.
- MEINARDUS, O. F. A. 1989. *Monks and Monasteries of the Egyptian Deserts* (Cairo).
- MYLONAS, P. A. 1984. 'Le plan initial du catholicon de la Grande-Lavra au Mont Athos et la genèse du type du catholicon athonite', *CA* 32: 89–112.
- OUSTERHOUT, R. 1985. 'The Byzantine church at Enez: problems in twelfth-century architecture', *JÖB* 35: 262–80.
- 1987. *The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul* (Washington, DC).
- 1990. 'The Temple, the Sepulchre, and the Martyrion of the Savior', *Gesta* 29: 44–53.
- 1998. 'Questioning the archaeological evidence: Cappadocian monasteries', in M. Mullett and A. Kirby (eds.), *Work and Worship at the Theotokos Evergetis* (Belfast): 420–31.
- 1999. *Master Builders of Byzantium* (Princeton).
- 2000. 'Contextualizing the later churches of Constantinople: suggested methodologies and a few examples', *DOP* 54: 241–50.

- 2001. 'The architecture of Iconodasm: buildings', in L. Brubaker and J. Haldon, *Byzantium in the Iconoclast Period (ca. 680–850). The Sources: An Annotated Survey* (Aldershot): 3–20.
- PENNAS, C. 1991. 'Some aristocratic founders: the foundation of Panagia Krina on Chios', in *Women and Byzantine Monasticism* (Athens): 61–6.
- POPOVIĆ S. 1994. *Krst u Krugu: arhitektura manastira u srednjovekonjoj Srbiji* (Belgrade).
- 1998. 'The "Trapeza" in cenobitic monasteries: architectural and spiritual contexts', *DOP* 52: 281–202.
- RESTLE, M. 1979. *Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens* (Vienna).
- RODLEY, L. 1985. *Cave Monasteries of Byzantine Cappadocia* (Cambridge).
- RUGGIERI, V. 1991. *Byzantine Religious Architecture (582–867): Its History and Structural Elements* (Rome).
- SCHÄFER, H. 1973–4. 'Architekturhistorische Beziehungen zwischen Byzanz und der Kiever Rus im 10. und 11. Jahrhundert', *Istanbuler Mitteilungen* 23–4: 197–224.
- SPERA, L. 2003. 'The Christianization of space along the Via Appia: changing landscape in the suburbs of Rome', *AJA* 107: 23–24.
- TETERIATNIKOV, N. 1996. *The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia* (Rome).
- THOMAS, J., and HERO, A. (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC).
- UNDERWOOD, P. A. 1948. 'Some principles of measurement in the architecture of the period of Justinian', *CA* 3: 64–74.
- WHITE, L. M. 1990. *Building God's House in the Roman World: Architectural Adaptation among Pagans, Jews, and Christians* (Baltimore).
- WILKINSON, J. 1977. *Jerusalem Pilgrims before the Crusades* (Warminster).
- 1981. *Egeria's Travels to the Holy Land* (Warminster).
- ZIKOS, N. 1989. 'Apotelesmata anaskafikon erevnon sto Papikion Oros', *BF* 14.1: 675–93.

Углубленное чтение

Относительно зданий следует начать с C. Mango, 1972. *Art of the Byzantine Empire 312–1453: Sources and Documents* (Englewood Cliffs, NJ). Относительно типологического и формального подходов в архитектуре значимыми представляются работы Кёрчича (Ćurčić), упомянутые выше; также отметим C. Boursas, 1977–9. 'Twelfth and thirteenth century variations of the single domed octagon plan', *DCAE* 9: 21–34 и различные исследования Бухвальда (H. Buchwald, 1999. *Form, Style, and Meaning in Byzantine Church Architecture* (Aldershot)). Хорошую основу для литургических исследований представляют собой вышеназванные работы Мэтьюза. В отношении архитектурной перспективы к работам Остерхаута следует добавить следующие: G. Velenis, 1984. *Ermenia tou Exoterikou Diakosmou ste Byzantine Architektonike* (Thessalonike); и N. K. Mutsopoulos, 1962. 'Harmonische Bauschnitte in der Kirchen vom Typus kreuzförmigen Innenbaus im Griechischen Kernland', *BZ* 55: 274–91. Наиболее значимыми работами в области структурного анализа являются упомянутые Mainstone and Mark and Çakmak; также отметим R. J. Mainstone, 1975. *Developments in Structural*

Form (London). Выдающимся исследованием регионального масштаба является W. Müller-Wiener, 1977. *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls* (Tübingen); Hirschfeld, цитируемый выше, также хороший пример; отметим также P. Vocotopoulos, 1975. *He ekklesiastike architektonike eis ten dytiken sterean Hellada kai ten Epeiron* (Thessalonike); C. Bouras and L. Boura, 2002. *Helladike naodomia kata ton 120 aiona* (Athens); Grossmann, цитируемый выше, для Египта; R. Ousterhout, 2005. *A Byzantine Settlement in Cappadocia* (Washington, DC); S. Ćurčić, 2008. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Suleyman the Magnificent (ca. 300 – ca. 1550)* (London). Архитектурные документы полностью описывает R. Van Nice, 1966–87. *St. Sophia in Istanbul: An architectural survey* (Washington, DC). К недавним удачным монографиям в дополнение к упомянутым выше следует отнести: C. L. Striker and Y. D. Kuban, 1997. *Kalenderhane in Istanbul: The Buildings, their History, Architecture and Decoration* (Mainz); и S. Westphalen, 1998. *Die Odalar Camii in Istanbul. Architektur und Malerei einer Byzantinischen Kirche* (Tübingen); S. Stevens, A. Kalinowski, and H. van der Leest, 2005. *Bir Ftouha: A Pilgrimage Church Complex at Carthage* (Portsmouth, RI).

Глава II.7.3 ГРАЖДАНСКИЕ И ВОЕННЫЕ ЗДАНИЯ

Харламπος Бакирцис

Гражданские здания

Светские гражданские здания служили нуждам частной и общественной жизни, не имели религиозного характера, не подлежали церковному использованию, хотя религия, конечно же, определяла все стороны жизни в Византии. Связанные напрямую с семейной и общественной деятельностью, светские здания можно рассматривать только в контексте тех городов, к которым они функционально принадлежали.

Ранневизантийский город от времен Константина I (324 г.) до конца правления Юстиниана I (565 г.), являлся последним этапом существования греко-римского города, и наряду с ортогональной (продольно-перпендикулярной) планировкой сохранял обширные и монументальные светские здания общественного характера. С принятием христианства основание и функционирование крупных храмов с многочисленными пристройками и их заранее заданная ориентация на восток привели не только к постепенной трансформации ортогональной сети, но также и к изменениям функций и внешнего вида общественных зданий и мест (см. также II.6.1. Большие и малые города). Светские здания, возведенные в ранневизантийские времена, сохраняли архитектурное разнообразие, известное еще с греко-римских времен, и унаследовали свои строительные техники от римлян, но постепенно обратились к уменьшению, упрощению, практицизму.

Учитывая, что и в ранневизантийские времена предназначение здания диктовало его архитектурную форму, расположение и конструкцию, общественные здания того периода можно классифицировать как следующие: административные и общественные здания; рынки, дворцы, епископии; частные семейные резиденции; дома и пристройки к ним; деловые постройки – магазины, ремесленные мастерские, склады; сооружения в составе инфраструктуры, – дороги, мосты, акведуки, цистерны; здания здравоохранения и развлечений: гостиницы, бани, театры, ипподромы.

Административные здания

Рынки (агоры) в ранневизантийский период следовали римским образцам (например, овальный Форум, возведенный Константином I в Константинополе, круглая агора Юстинианы Прима, выстроенная Юстинианом I) до такой степени, что Форум Тавра в Константинополе был основан Феодосием I как подражание Форуму Траяна в Риме. Здания и портики тех римских агор, которые продолжали использоваться на протяжении ранневизантийского периода, постоянно чинили, заменяли, укрепляли (например, в Филиппах), так что сооружение новых зданий на них было запрещено (в 383 г.; *Cod. Theod.* XV. 1. 22). Когда, ближе к концу ранневизантийского периода, эти сооружения разрушались (поначалу в результате землетрясений), они уже не восстанавливались в прежней монументальной форме; вместо этого площадка оставалась свободной, части ее были отведены для другого употребления, а мрамор архитектурных элементов от колоннад либо использовался при ремонте городских стен и укреплений, либо продавался как строительный материал (как произошло в Фессалонике).

Дворцы служили не только резиденциями императоров, но также и административными центрами. Они располагались на видном месте в центре городов и превосходили все прочие общественные здания размерами и вычурностью. Большой императорский дворец в Константинополе (IV–VI вв.) является примером дворцовой архитектуры, развивавшейся в столицах тетрархии (Трир, Милан, Антиохия) по примеру римской. Дворец, выстроенный Галерием в Фессалонике в начале IV в., продолжали использовать в качестве резиденции префекта на протяжении всего ранневизантийского периода.

Когда города лишились автономии, обязанности городских куриалов были переданы местному епископу, который к началу V в. уже активно вмешивался в городскую жизнь, принимая на себя обязательства сугубо светского характера, в число которых входило и основание общественных зданий. Резиденцией епископа был епископион, который на протяжении ранневизантийского периода из епископской резиденции был преобразован в административное здание. Никаких особых архитектурных форм по этому случаю не создавалось: епископион походил на просторный городской дом, менее монументальный, нежели дворец. Он располагался либо в центре города, рядом с главным храмом митрополии (Константинополь, Милет), либо в его конце (Стоби).

Епископия располагала просторным апсидальным (Сайда-Сидон) либо трех-апсидным (Афродисий) залом, использовавшимися для собраний духовенства или светской знати, вспомогательными помещениями для слуг (Филиппы) и епископскими покоями на верхнем этаже. Некоторые имели также великолепный монументальный вход, атриум / колоннаду, масло- и винодавили (Pallas 1971; Müller-Wiener 1983; Avramea 1987).

Частные резиденции

Ранневизантийские дома не отличались от домов римского и эллинистического периодов. Некоторые из них были жилыми непрерывно – постоянно видоизменяясь, со времен Рима до конца ранневизантийского периода, их комнаты

подразделялись на помещения меньших размеров (Эфес, Фессалоника, Филиппы). Такие здания можно разделить на две категории:

а) Дома с комнатами вокруг внутреннего двора с портиками или же без них. К ним относится обширный одно- или двухэтажный дом (*domus*), общераспространенный во всех городах греко-римского мира. Самая большая и великолепно обставленная из его комнат (*triclinium*) служила приемной залой. Между комнатами иногда были маленькие ванны (пример, афинская агора) или же особая комната для христианских молитв (Дура Европос, Аполония в Ливии).

б) Одно-, двух-, трехэтажные дома (*insulae*) с несколькими комнатами и отсутствием внутреннего двора. Первый этаж обычно занимали склады и мастерские. Расположение комнат на верхних этажах остается неизвестным.

(См. Bouras 1982–3; Ćurčić 2002)

Деловые постройки

Ремесленные и торговые заведения строили вдоль главных улиц города и городских площадей, где они объединялись согласно специализации (так, мастерские и лавки меховщиков Константинополя стояли на Константиновом Форуме, Форуме Феодосия и вдоль Меси). Ремесленные и торговые заведения обычно представляли собой четырехсторонние комнаты нижнего этажа; согласно первоначальной планировке, они были равны друг другу по размерам и располагались по одну сторону рыночной площади, выходя на главную улицу (Фессалоника, Филиппы). Отдельностоящие заведения имелись и в других частях города, они занимали нижние этажи домов, были частного или же семейного типа (Crawood 1990). «Грязные» ремесленные производства, как то: гончарное, кирпичное, а также нуждающиеся в печах для обжига извести, требовали места для своего обустройства и располагались вне городских стен, возле источников сырья, портов или главных дорог (Фессалоника, Платамон в Пиерии). Подобные ремесленные мастерские, расположенные вне города, вместе составляли промышленные кварталы, чье производство было стандартизированным – это облегчало торговлю (керамические мастерские в Диории на Кипре) (Sodini 1979).

Склады были необходимы как в частной, так и в общественной сферах деятельности. Тем не менее, не похоже, чтобы это привело к созданию хранилищ особого архитектурного типа, за исключением складских помещений для специальных целей. Архитектура житниц Тенедоса относилась к специфическому типу и походила на верфи (*neoria*). Они были выстроены Юстинианом I для хранения египетской анноны, когда погодные условия не позволяли пройти Дарданеллы кораблям, направлявшимся в Константинополь, где, как и в других городах (Фессалоника), находились обширные общественные житницы.

Инфраструктура

Улицы относились к различным категориям согласно их важности: общественные главные улицы, небольшие местные и частные улицы. Они были мощены мрамором или камнем либо же оставались немощеными. В больших городах главные улицы имели свои названия: Меси (Константинополь), Леофо-

рос (Фессалоника) и так же, как прочие значимые улицы, обрамлялись монументальными портиками (эмволом).

Эффективность общественной системы путей сообщения, выражавшаяся в сокращении расстояний между большими городами, зависела от наличия *мостов*, систематически отмечавшихся на картах (*Tabula Peutingeriana*). Техника их сооружения – с использованием арок на опорах была унаследована от римлян. Некоторые мосты были выдающимися по своей технической сложности, как, например, мост, выстроенный ромеями через Дунай. Среди мостов, упомянутых у Прокопия, сохранился мост, пересекавший Сангарий в Вифинии: он был выстроен из тесаного камня (облицовка) и булыжника на крепком известковом растворе (внутренняя часть) (см. также II.4. Коммуникации).

Акведуки, зачастую с многочисленными рядами арок, демонстрируют аналогичную технику конструкции. Сеть акведуков, которая к концу IV в. превышала 100 км в длину, вдобавок к уже существующим акведукам Адриана, восстановленным Валентом, свидетельствует о росте Константинополя. Ранневизантийская эпоха стала периодом сооружения нового и ремонта более старых акведуков (в Вифинии, Сицилии, на Кипре). Поскольку они страдали от вражеских атак и воздействия времени, большинство их было разрушено в VII в.

Вода из акведуков сохранялась в городах (из соображений безопасности) в больших общественных, наполовину врытых в землю, открытых или крытых *цистернах*. Открытая цистерна Аэция в Константинополе (421 г.) имела объем до 300 000 м³. Крытая цистерна Филоксена в Константинополе (Бинбирдирек) вмещала 40000 м³. Ее кирпичные своды опираются на кирпичные арки (более чем в 16 рядов) на 14 колоннах каждая. Базилика (Иерибатан сарай) была еще большего размера. Открытая цистерна Амфиполиса вместимостью более 6 000 м³ содержала три крытых цистерны меньшего размера. Ее питал акведук, шедший от горы Пангаион и окружала система сбора дождевой воды. Ее вода использовалась не только для орошения, но также и для механической работы. Запасы воды в Фессалонике во времена славянских атак во второй половине VI в. возросли благодаря преобразованию Римского форума в цистерну. Цистерны меньшего размера строились для общественных светских, церковных и частных зданий.

Здания для здравоохранения и развлечений

Различие между гостинницами и больницами в ранневизантийские времена остается невыясненным. Юстиниан I и Феодора основали в Константинополе гостиницу для приезжих, а факты, изложенные в Чудесах Св. Димитрия, говорят о том, что в пристройке к Базилике на могиле Св. Димитрия работала больница для страдающих всеми видами заболеваний и там же имелась и гостиница, в которой можно было остановиться на большой срок (см. также III.11.6 Благотворительные учреждения).

Бани были особенно популярны; римские бани процветали в столице и провинциальных городах, хотя число их снижалось, а их место занимали новые, церковные постройки (пример, Фессалоника). Ранневизантийские бани были обширными общественными сложносоставными сооружениями, по своей архитектуре и технологиям следовали римским термам, внутри их украшали статуи

и мифологические сцены. Константинианы (345–427 гг.) были наиболее просторными, а Зевксипповы (они же Северовы) самыми популярными из всех терм Константинополя, в котором в V в. было 9 общественных и 153 частных бани. Частные бани были меньше (Дом Евстолия в Курионе, Кипр). К числу частных бань можно отнести и принадлежащие церквам (Св. Георгия в Пегии, Кипр), несмотря на строжайший запрет Церкви, принимавшие духовенство. После VI в. частные бани считались несовместимыми с христианским образом жизни и постепенно выходили из употребления (Berger 1982).

По той же причине прежние городские театры прекратили работу и в позднеримские времена были преобразованы в арены. Чудеса Св. Димитрия описывают одно из последних представлений в театре Фессалоники, где пьеса (комедиллион) разыгрывалась в присутствии митрополита города (Lemerle 1979: 146).

Константинопольский *Ипподром*, характерное римское строение вместимостью 100 000 зрителей, Константин I превратил в руководящий центр политической жизни империи. В источниках упоминаются ипподромы также и в других городах. После VI–VII вв. они, однако, закрылись и некоторые из них были заброшены, превращены в мусорные свалки или кладбища (например, в Карфагене, Диррахии) (см. также III.13.5 Развлечения, театры и ипподром).

Планировка городов

Уменьшение размеров или полное оставление многих городов, продиктованное здравомыслием основание новых поселений (кастра) в более безопасных местах, и перемещение населения в крупные городские центры в течение VII–VIII вв. имело драматические последствия. После середины IX в. внешний вид городов изменился. Правильная продольно-перпендикулярная планировка ранневизантийского города, отныне преобразовавшегося в кастрон, выдерживалась лишь приблизительно и в основном. Только улицы, ведущие к воротам в городской стене, продолжали функционировать, но даже и они теперь зачастую были уже, не раз меняли направление, сам уровень улиц менялся из-за строительства новых систем водоснабжения и канализации с использованием кирпичных или керамических труб. Городские кварталы – небольшие скопления домов – превратились в районы с множеством маленьких домиков, дворов, извилистых переулков и тупиков. Столь же органически сложная городская планировка развивалась и в новых кастра. Здания, как церковные, так и светские, отныне стали меньше в преобладавшем тогда духе микрокосма. (См. II.6.1 Большие и малые города).

Наши познания о светских зданиях в Византии, в частности, после IX в., ограничены по различным причинам: наука, в особенности, археология, обратила внимания на светскую сторону жизни Византии лишь в последние десятилетия; в результате, примеров зданий, сохранившихся или же обнаруженных в ходе раскопок, очень мало, и даже в этих случаях картина остается неясной. Данные археологии и письменные источники подтверждают, что более старые сооружения ремонтировали и перестраивали с целью выполнения новых функций, части прежних встраивали в более новые здания, и этот, если можно так

выразиться, «стойтельный петчворк¹» позволял сделать лишь самые основные и общие заключения в отношении типов построек. В результате почти невозможно определить, какие специальные функции выполняло, начиная с IX в., то или иное здание, обнаруженное в ходе раскопок. Частные дома были маленькими и простыми, в соответствии с потребностями средневекового микрокосма, строились из дешевого материала, без каких-либо претензий на прочность. Общественные здания и здания, предназначенные для повышения общественного благосостояния, были выстроены лучше, но таких примеров слишком мало для сколько-нибудь удовлетворительного понимания. Разнообразие форм и монументальность ранневизантийской общественной архитектуры сменилась влиянием практических соображений. Следуя им, обычные городские службы, в том случае, если их функции не передавали местным церквям и монастырям, могли находиться в любом здании, подходящем для этих целей, без всякой для него необходимости принимать какую-либо особую архитектурную форму. В Спарте, к примеру, представители местной аристократии собирались в храме Св. Варвары для обсуждения вопросов, касавшихся всего города. В XIV в. Иоанн Апокавк исполнял свои административные обязанности в Фессалонике из своего собственного дома, хотя в городе был императорский дворец (василея, резиденция императоров). Единственной специфической светской строительной деятельностью было все то, что касалось укреплений, поскольку последние постоянно служили нуждам обороны христианского населения. Сложившуюся картину светских зданий в Византии дополняет информация из источников, целью которых, конечно же, не было описание архитектуры или строительной индустрии, и потому они в более широком контексте дают представление о повседневной жизни Византии, как в городе, так и в деревне.

Преобразование города в укрепленную цитадель (кастрон) придала акрополю выраженный оборонительный характер в качестве второй или третьей линии обороны; в результате именно туда переместилась резиденция местного правителя и его окружения, в поздневизантийский период превратившись в его личное убежище. Идея дворца-крепости возникла и концептуально оформилась после упадка городов (VII–VIII вв.). Дворцы в Мангане (XI в.) и Влахернах (XII в.) в Константинополе расположены далеко от городского центра, на периферии, у стен. Такая тенденция продолжилась, и дворцы, выстроенные для новых государств, основанных уже после латинского завоевания, во времена «франкократии», расположены уже в пределах самого акрополя (Трапезунд). На протяжении XIII–XIV вв. дворцовая архитектура была еще ближе связана с архитектурой укреплений, и дворцы, следуя западным образцам, строили обособленно от остального города (Текфур Сарай) для защиты от внутренних и внешних нападений. Огромное множество дворцов-крепостей периода позднего средневековья были разрушены во времена османского завоевания (Кастель Хрисия в Константинополе, Гептапиргий в Фессалонике) (Ćurčić 1993, 2000).

Сокращение городского пространства в сочетании с перемещением населения из деревни имело результатом чаще вертикальный, нежели горизонтальный

¹ Patchwork – лоскутная ткань и техника создания ткани из лоскутов (прим. переводчика).

рост частных построек (в Константинополе, Фессалонике, Коринфе). И письменные источники, и изображения домов в искусстве, восполняющие скудость археологических данных, свидетельствуют в пользу существования многоэтажных домов. Иоанн Цец (XII в.) жил на втором этаже трехэтажного жилого блока в Константинополе, свободном от ограничений и не обеспеченном канализацией. Такие здания расширяли с помощью пристроек, как, например, дом историка Атталиата (1077 г.), и они занимали целые городские кварталы. Зонара сравнивает эти огромные дома с императорскими дворцами, тогда как Анна Комнина зовет их городами в городе, и не только из-за их размеров и великолепия, но также и из-за их самодостаточности, по образцу монастырей, как это совершенно очевидно в случае дома Вотаниатов (1203 г.), имевшего несколько входов, сторожки у ворот, две часовни, двор, гостиные, обеденные залы, пристройки, террасы, открытые площадки, конюшни, амбар, крытые постройки, фонтаны, баню, арендуемые помещения.

Поместья, принадлежащие богатым владельцам, можно отыскать и в провинциальных городах (Коринф, Мистра, Пергам типа А). Это были двухэтажные постройки, зачастую с возвышавшейся башней, снабженные всеми удобствами (камины, лестницы, уборные) и просторным холлом (*triklinarion*), в подражание императорским дворцам. Лев Сикундин в Фессалонике XII в. владел великолепным дворцом, украшенным сценами и персоналиями Ветхого Завета, а также портретом императора. Жилище Дигениса Акрита на Евфрате было похоже на дворец: трехэтажное каменное здание имело сад, двор, частную часовню, потолки самого дома были украшены мозаичными сценами из Ветхого Завета, Илиады, Одиссеи и жизни Александра Великого.

В ранневизантийские времена комнаты располагались вокруг атриума, тогда как одноэтажные дома с одной или двумя комнатами, служившие жилищем для одной семьи, выходили на общественный двор, на который с главной улицы можно было попасть по лабиринту переходов и тупиков (Коринф, Фессалоника, Херсонес, Пергам типа D). Эти дома были выстроены с использованием сполгий и состояли, в том числе, из стен и частей прежних зданий. Если добавить, что места было достаточно, можно получить достоверное представление о ранневизантийском доме (*domus*) (дома за городскими стенами Фив, Пергам типа В и С). В Каппадокии придерживались следующего расположения: вытесанные в скале комнаты вокруг атриума при некоторой сложности планировки, проистекающей оттого, что несколько семей делили одно помещение.

Дома в деревне и в *кастра* были одноэтажными с двумя или тремя комнатами (Арматова в Илее) или же двухэтажными из-за наклонной поверхности в основании (Мучли на Пелопоннесе) и представляли собой подражание домам более крупных городских центров. Николай Месарит (1200 г.) описывает деревенские дома, выстроенные из тростника, мазанные глиной и крытые соломенными или тростниковыми крышами.

Сокращение заселенной территории византийских городов привело к основанию в них или же переносу в черту их стен монастырей, вовлеченных [также и] в светскую деятельность. Такая деятельность велась в зданиях, не относившихся к особому архитектурному типу, расположенных внутри или же вне городских

стен и включавших ремесленные мастерские, библиотеки, скриптории и заведения благотворительного характера, как, например, больницы (монастырь Христа Вседержителя в Константинополе) и сиротские приюты (монастырь Св. Николая Орфана, Фессалоника). Монастырю Христа Вседержителя в Константинополе Иоанном II было вверено распоряжение водой из огромной цистерны в Акрополе. Сохранившаяся крытая цистерна, построенная по ранневизантийским образцам во дворе монастыря Богородицы в Фессалонике (ныне церковь Св. Апостолов), имеет вместимость, превосходящую потребности монашеской общины. Другие типы светских зданий, такие как гостиницы, строились в центрах паломничества. Их архитектура, однако, по-прежнему неизвестна из-за отсутствия археологических данных.

Открытое пространство монументальных агор раннего периода теперь занимали рыночные прилавки, постоянные дворы, ремесленные мастерские и даже кладбища. После ранневизантийского периода ремесленные мастерские по причинам безопасности переехали из предместий в город, но их не так просто идентифицировать в составе археологических данных. Мастерские зачастую занимали нижние этажи домов. Легко опознаваемы те из них, которые имеют специализированное оборудование (печи для обжига глины, стеклодувные горны). Ремесленные и промышленные предприятия устраивались либо в самих городах, как ковровые и ткацкие мастерские Даниелис в Патрах IX в., либо отчасти в предместьях, как мастерская XIII в. в Микро Писто в Западном Тарсе.

В византийские времена старые *акведуки* не ремонтировались, а новые строить было сложно, главным образом, из соображений безопасности. Византийские акведуки обнаружены во время раскопок в Аргосе и Фивах. Акведук в Христополесе (Кавала) в XVI в. заменил существовавшую прежде заградительную стену начала XIV в., которая также использовалась как акведук и являлась примером такого рода строительных работ. Водоснабжение в эпоху Византии обеспечивали, главным образом, колодцы, родники и общественные, монастырские или частные цистерны, в которых скапливалась дождевая вода. Такие конструкции не отличаются выраженными архитектурными особенностями. Часто они встраивались в нижние части башен, чтобы постоянно поддерживать прохладную температуру, имели гидравлическое цементное покрытие и снабжались «местами доступа», позволявшими часто их чистить.

Работа бань зависела от обильного водоснабжения, хотя Птохотром, несмотря на то, что высоко ценил житейский комфорт, считал достаточным еженедельное посещение бани. В византийские времена бани не были средоточием общественной жизни, и потому самые известные среди них были частными, как баня Василия I в Большом дворце и баня тестя Льва VI. Бани при лечебницах имелись в монастырях (Каисарианском, Водокском) или же в более крупных монастырских общинах (гора Папикион). В целостности византийская баня, функционировавшая на протяжении многих столетий, сохранилась в Фессалонике, разрушенные образцы дошли из Спарты и Парамифии. Византийские бани были малы и обслуживали ограниченное количество посетителей. Они были оснащены гипокаустом, имели холодные, теплые, горячие отделения, а также отдельные помещения для мужчин и женщин, либо же разное время для посещений представителей

каждого из полов. Они продолжали традицию малых банных заведений ранневизантийского периода.

После упадка древних театров и занятия их места домами (Афродисий), литургическое действо разворачивалось во дворах и внутри храмов. Бега колесниц организовывались на ипподроме в Константинополе до IX в., хотя и не столь часто, и продолжались по особым поводам до XI в., хотя и менее часто, пока во времена латинской оккупации ипподром не пришел в запустение, а его место не стало использоваться как открытая площадка для пыток. Подобные зрелища в провинциальных городах разворачивались на открытой местности, лишенной специфических архитектурных особенностей, как цикланистирии в Спарте и Трапезунде.

Военные здания

Сооружение, поддержание и ремонт фортификаций являлись постоянной заботой византийских властей и были направлены на защиту христианского населения и имперской территории (Lawrence 1983; Foss and Winfield 1986). Византия усвоила принципы Римской военной архитектуры, ее эффективность достигалась посредством соответствия планировки и конструкции оборонительного сооружения местным условиям: к примеру, кресты и надписи на укреплениях не были декорациями, но в первую очередь служили для напоминания врагу о тех силах, которые ему противостоят. По своему назначению оборонительные сооружения можно классифицировать как:

А. Оборонительные сооружения поселений:

1. Укрепления вокруг крупных городов, которые, благодаря своему расположению и размерам, выполняли свою административную и экономическую роль и не уменьшились по площади после конца эпохи античности (Константинополь, Фессалоника, Никея). В Константинополе территория города, находившаяся под защитой Ближних (сухопутных) стен Константина I, была на 1,5 км увеличена при Феодосии II путем строительства новой стены, протянувшейся от Мраморного моря до Золотого Рога. Длинные Стены были выстроены за 65 км от Константинополя и функционировали как протяженная оборонительная линия. Хотя сама линия городских стен Фессалоники и Никеи начиная с III в. оставалась неизменной, укрепления претерпели много дополнений, изменений, ремонтов. Стены на суше вокруг больших городов состояли из внутреннего укрепления с башнями и воротами, а дальше, на равнинной местности, – из более низкой внешней, передовой стены с башнями и крепостным рвом. Стены вдоль моря представляли собой одну линию укреплений с башнями. Особым типом укреплений был акрополь.

2. Укрепления вокруг городов и кастра. К ним относятся города с укреплениями ранневизантийского периода (Прокопий приводит длинный список городских укреплений при Юстиниане I), города, которые после конца эпохи античности уменьшились в размерах и потому изменили фортификационный периметр (Маронея, Абдера), и кастра, выбранные и укрепленные позднее ранневизантийского периода на местах, защищенных естественным образом (Кастория, Монеувасия,

Сервия). Эти оборонительные сооружения были подобными укреплениям больших городов, но более простыми. Естественное расположение крепости использовалось полностью, и те преимущества, которые оно давало, становились частью ее оборонительной системы. Городские укрепления и кастра иногда включали внутренние крепостные валы, служившие надежной линией обороны (Серы).

3. Фортификации монастырей. По степени автономии их деятельности монастыри сравнимы с городами. Их укрепления с башнями и воротами подобны городским (Великая Лавра). Роль акрополя выполняла главная башня. Монастырские оборонительные сооружения служили признаком самодостаточности общины, они защищали и давали приют зависимому населению (Синай); по этой причине некоторые византийские монастыри переросли в поселения мирян (Вероя во Фракии).

Б. Отдельностоящие укрепления:

1. Форты и башни. Они контролировали места стратегического значения, проходы, перекрестки дорог. Использовались в разнообразных целях: для военного контроля, складирования сельскохозяйственной продукции, для удобства местных правителей, как место, служившее прибежищем окрестному населению. Их военная мощь заключается в соотношении между крепостным валом и башней. В форте или акрополе / цитадели вал играет определяющую роль (форты Юстиниана I в Африке, форт Иоанна Кантакузина в Пителионе, во Фракии), тогда как во втором случае (для башен) первейшим или вообще единственным значимым элементом сооружения является сама башня (Башня Фониаса на Самофракии).

2. Заградительные стены. К ним относятся линейные укрепления с башнями и воротами, предназначенные для контроля передвижений или противодействия неприятелю на стратегически важных перекрестках дорог, горных перевалах или узких проливах (Гексамиллион, Кассандра). Заградительные стены часто включали акведук (Анастасиополь, Христополь).

ЛИТЕРАТУРА

- AVRAMEA, A. 1987. 'Ο episkopos kai i poli: ta kosmika ktismata', *Byzantiaka* 7: 77–89.
- BERGER, A. 1982. *Das Baden in der byzantinischen Zeit* (Munich).
- BOURAS, C. 1982–3. 'Houses in Byzantium', *DCAE* 11: 1–16.
- CRAWOOD, J. S. 1990. *The Byzantine Shops at Sardis* (Cambridge, Mass.).
- ČURČIĆ, S. 1993. 'Late antique palaces: the meaning of urban context', in G. Necipoğlu (ed.), *Pre-Modern Islamic Palaces* (= *Ars Orientalis* 23): 67–90.
- 2000. 'Late medieval fortified palaces in the Balkans: security and survival', *Monument and Environment* (Thessalonike): 11–41.
- 2002. 'Houses in the Byzantine world', in D. Papanikola-Bakirtzi (ed.), *Everyday Life in Byzantium* (Athens): 229–38.
- FOSS, C. and WINFIELD, D. 1986. *Byzantine Fortifications: An Introduction* (Pretoria).
- LAWRENCE, A. W. 1983. 'A skeletal history of Byzantine fortifications', *BSA* 78: 171–227.

- LEMERLE, P. 1979. *Les plus anciens recueils de Miracles de Saint Demetrius*, vol. 1: *Texte* (Paris).
- MÜLLER-WIENER, W. 1983. 'Riflessioni sulle caratteristiche dei palazzi episkopali', *Felix Ravenna* 125–6: 103–145.
- PALLAS, D. 1971. 'Episkopeion', *Reallexikon zur byzantinischen Kunst* 2: 335–71.
- SODINI, J.-P. 1979, 'L'Artisanat urbain à l'époque paléochrétienne (IVe–VIIe s.)', *Kteme* 4: 71–119.
- 1984. 'L'Habitat urbain en Grèce à la veille des invasions', *Villes et peuplement dans l'Illyricum protobyzantin* (École Française de Rome): 341–97.

Углубленное чтение

- Byzantine Fortification*. 2001. *An Essay on Byzantine Fortification, Northern Greece 4th–15th cent.* Exhibition Catalogue, Ministry of Culture / 9th Ephorate of Byzantine Antiquities of Thessalonike (Athens).
- ĆURČIĆ, S., and HADJITRYPHONOS, S. (eds.) 1997. *Secular Medieval Architecture in the Balkans, 1300–1500, and its Preservation* (Thessalonike).
- DUVAL, N. 1987. 'Existe-t-il une "structure palatiale" propre à l'antiquité tardive?', in E. Levy (ed.), *La système palatial en Orient, en Grèce et à Rome* (Strasbourg): 463–90.
- KOUKOULES, P. 1948–57. *Byzantinon bios kai politismos*, 6 vols. (Athens).
- MAGUIRE, H. 2000. 'Gardens and parks in Constantinople', *DOP* 54: 25–64.
- MANGO, C. 1976. *Byzantine Architecture* (New York).
- MÜLLER-WIENER, W. 1977. *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls* (Tubingen).
- ODB. See under: 'Agora' (M. Johnson), 'Aqueduct' (C. Foss), 'Baths' (A. Karpozilos, M. Johnson, A. Kazhdan, R. Browning), 'Bridges' (A. Kazhdan), 'Constantinople, monuments of' (C. Mango), 'Ergasterion' (A. Kazhdan), 'Hippodromes' (C. Mango, A. Kazhdan, A. Cutler), 'Hospital' (J. Scarborough, A.-M. Talbot), 'Houses' (S. Mojsilovic-Popovic, A. Karpozilos, A. Kazhdan), 'Palace' (S. Ćurčić, A. Kazhdan), 'Roads' (A. Kazhdan), 'Theater' (A. Karpozilos, A. Kazhdan), 'Xenodocheion' (A. Kazhdan, A.-M. Talbot).
- OUSTERHOUT, R. 1997. 'Secular architecture', in H. Evans and W. Wixom (eds.), *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, AD 843–1261*. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York): 193–9.

Глава II.7.4 СТЕННАЯ РОСПИСЬ И МОЗАИКА

Робин Кормак

Большая часть того, что нам непосредственно известно об украшении зданий, – результат изучения монументальной отделки храмов, хотя при раскопках домов в Эфесе и других местах обнаружены также образцы внутренней отделки жилых помещений. Палатинская антология повествует об изображениях возниц на Ипподроме (Mango 1972: 49–50), а в стихах Агафия также упоминаются портреты городских старшин, учителей и даже женщин легкого поведения в светских зданиях (Mango 1972: 119). В храмах ранневизантийского периода первоочередное значение отводилось украшению алтаря, но к поздневизантийскому периоду и стены, и свод являлись носителями всесторонних, почти энциклопедических сведений из священной истории и Житий святых. Комментарии к литургии, выполненные в VIII в. Патриархом Константинопольским Германом (715–733 гг.), «Церковная история» описывают, как определенные части храма соотносили с памятными моментами жизни Христа: апсида напоминала о рождественской пещере, а возвышение алтаря (алтарный стол) – место положения Христа во гроб (Meyendorff 1984). Этот топографический символизм стал концептуальным основанием для изображения Богоматери с младенцем в апсиде, а Христа – внутри купола, который воспринимался как символ неба (Gerstel 1999). Также принципиальным был подбор отделки в соответствии с функцией определенного пространства храма; этот принцип прослеживался в выборе сюжетов Крещения и Страшного Суда для притвора, где проходили крещение и поминавшие усопших. Но в подобных изобразительных зависимостях действовал, скорее, свободный выбор, нежели выработанная или воспринятая извне «эталонная» система изображений (Demus 1984: 14 ff.). К XVIII в. Дионисий Фурна (Hetherington 1974: 84–7, перевод греческого текста Papadopoulos-Kerameus 1909) счел, тем не менее, возможным формализовать ортодоксальную практику и с готовностью составил предписания относительно «норм» декорации храмовой архитектуры.

Мозаика была более дорогостоящей, нежели стенная роспись, поскольку предполагала аналогичные приготовления и организацию работ, но в дополнение

требовалось изготовить и закрепить в штукатурке сотни каменных или стеклянных кубиков. По этой причине считается, что изготовление мозаики являлось императорской привилегией. Это безусловно неверно в отношении доиконоборского периода, когда, к примеру, многие храмы Кипра имели мозаичные декорации без какой-либо связи с патронатом императора, в их числе апсиды храмов в Кити и Ливадии в Панагия Канакария (James 2006: 32). Даже собор Сан-Витале в Равенне, несмотря на наличие в нем двух императорских портретных панелей, был, вероятнее всего, выстроен на средства местного [магната] Юлия Аргентария, а не Юстиниана (Mango 1972: 104–5). В надписях мозаичной апсиды храма Св. Екатерины на Синае также нет упоминания о патронаже Юстиниана, хотя его имя значится на деревянных балках крыши (датируемых 548–565 гг.). Тем не менее некоторое количество мозаичных декораций постиконоборского периода находится в особой связи с императорами – мозаики собора Св. Софии и мозаики Неа Мони на Хиосе, имеющие отношение к Константину Мономаху (Mouriki 1985: 21–9). Последняя из созданных в Константинополе мозаичных композиций, мозаики Кахрие Ками в монастыре в Хорах, финансировалась великим логофетом Феодором Метохитом, а не самим императором. Стенная роспись была более общераспространенной, чем мозаика; стены и свод любой византийской церкви, вероятно, должны были быть каким-либо образом украшены, хотя бы просто крестами и орнаментом, – примером этому служат собор Св. Софии Юстиниана (мозаика) и некоторые скальные церкви Каппадокии.

Создание стенной росписи

Сведения о технике живописи художников-монументалистов происходят из непосредственных исследований в зданиях, где ее удалось специально сохранить, в сопоставлении с информацией, записанной практикующими художниками во некоторых текстах Средневековья, Ренессанса и позднейших периодов (впервые собраны Меррифилдом в 1849 г.) Ключевыми описательными археологическими текстами являются тексты Андервуда (Underwood 1967) и Уинфилда (Winfield 1968), они основаны на работе, проводимой под патронатом Дамбартон Оакс над памятниками Константинополя и Кипра.

Оказавшись лицом к лицу с обычными каменными стенами достроенной церкви, художник возводил деревянные леса и вел работу сверху вниз, чтобы не испортить пятнами оконченные участки. Работа должна была происходить в ряде горизонтальных регистров на соответствующей высоте. Кажется вероятным, что известковую штукатурку накладывали горизонтальными полосами (итал. *pontate*), приблизительно соответствовавшими по уровню помостам – ярусам лесов; так что места соединения *pontate* могут проходить по изображению (эти места соединения можно определить, найдя перекрывающиеся слои штукатурки). Не существует явных доказательств того, что штукатурка накладывалась небольшими участками, соответствовавшими однодневной работе (*giornate*), хотя, возможно, что некоторые сегменты оштукатуривали и раскрашивали в заранее запланированной последовательности. В этом отношении византийская фреска отличается от «подлинной *fresco*» итальянского Ренессанса, где *giornate* можно

в общем-то легко определить путем внимательного изучения поверхности фрески, указывающей на то, что вся работа выполнялась небольшими участками (секциями), пока штукатурка была еще сырой. Подобным же образом нет доказательств использования выполненных заранее картонов для росписи, очертания которой наносились на оштукатуренную поверхность сквозь прорези угольной пылью, как делали в Италии XV в. (Borsook 1981). Византийские художники планировали свои композиции, иногда выполняя предварительные наброски на каменной поверхности, чаще же – в виде эскизов на штукатурке, известных как *sinopia* и выполнявшихся красным земляным пигментом.

Работа начиналась с нанесения на стену грубого слоя штукатурки (*arricio* или базовая штукатурка). Этот слой далее покрывался вторым, более тонким слоем штукатурки (*intonaco* или поверхностная штукатурка), на котором выполнялась окончательная роспись. Основным ингредиентом штукатурки была известь, в нее домешивали наполнитель, которым мог быть песок, мраморная пыль, кирпичная крошка или глина. Оба слоя штукатурки представляли собой известковое покрытие – смесь извести с соломой, разрезанной на куски до 3 см в длину. Назначением соломы как вяжущего элемента состава было уменьшить усадку извести, предотвратить появление трещин и замедлить процесс высыхания. Оба слоя покрытия вместе обычно равнялись по толщине 2–3 см. Роспись по *intonaco* начиналась, когда штукатурка была еще сырой, но последние этапы работы могли выполняться уже по фактически сухой штукатурке. Когда наносился, разглаживался и даже полировался второй слой штукатурки, художник наскоро выполнял набросок, *sinopia*, а потом наскоро покрывал его, нанося кистью мазки окончательной композиции. Нимбы наносились с помощью окружности, а линии драпировки [одежд] часто процарапывались на стене, так что художник мог придерживаться их даже несмотря на то, что *sinopia* постепенно темнел, по мере того, как продвигалась работа и проявлялся окончательный рисунок. В росписи одежд обычным было начинать с более темных оттенков цвета (этот начальный слой известен как *proplasmos*), в процессе работы последовательно применяя все более светлые полутона, до белых бликов в самом конце. Лица и участки тела изображений выполняли последними, и зачастую раскрашивали *al secco*, поскольку штукатурка к тому моменту высыхала.

Краски, использовавшиеся для стенной росписи, были в большинстве своем из природного материала, обычно минерального происхождения. Для изготовления белой применяли известь (*calcium hydroxide*), для черной – древесный уголь. Основные цвета стенной росписи – синий, желтый, красный, зеленый, фиолетовый и коричневый. Для создания оттенков синего использовался азурит и совсем редко – более дорогостоящий краситель, ляпис-лазурь. Для желтых и красных – земляных цветов – охра. Для зеленых – зеленая глина или малахит. Для красно-коричневых – умбра. Для красно-фиолетовых (красноватых или темно-синих) – вероятно, оксиды железа. В некоторых случаях стенная роспись украшена позолотой, в том числе, к примеру, нимбы святых. Большинство исследователей как само собой разумеющееся принимают тот факт, что красители смешивают с известью (чтобы они лучше «ложились на поверхность»), но, возможно, некоторые красители смешивали и с другими вяжущими составами, так утверждают

письменные руководства средневековья и эпохи Возрождения, к примеру, Книга искусств Генино Геннини (Herttingham 1899).

Основная угроза долговечности византийской стенной росписи заключается в повышенной сырости, возможном повреждении водой от текущих крыш и трещин в домах или влажности вообще – все это способно оставить на росписи плотный известковый осадок (как произошло в Кахрие Ками), стать причиной появления плесени или порчи изображения. Стенную отделку впоследствии обновляли по инициативе благотворителей, добавляя новый слой извести и повторно нанося краски росписи – так несколько раз происходило в Санта Мария Антика в Риме. Ее также могли покрыть слоем известковой побелки, как случилось со многими храмами, которые в период османского правления превратили в мечети. В обоих случаях поверхность первоначальной росписи часто испещрена отверстиями, позволявшими последующим слоям плотнее прилегать к стене. Эти признаки позднейших перемен можно заметить в росписи многих храмов, в особенности на Балканах. Современные реставраторы могут скрывать их под бесцветным тонирующим слоем, чтобы предупредить появление «снежного шторма» на оригинальной росписи.

Создание мозаики

Процесс изготовления мозаики включает все те же этапы, что и стенная роспись, а также некоторые дополнительно. Мозаичисты, без сомнения, владели обеими изобразительными техниками, это становится ясно из стилистического сходства стенной росписи и мозаики Кахрие Ками, выполненных в 1315–1321 гг., когда окончилось строительство церкви (Underwood 1967: 172). Весьма вероятно, что те же художники создали также некоторые из икон в расписанных ими храмах.

До того, как были выполнены соответствующие исследования, в частности, реставратором Эрнестом Хоукинсом во время реставрации мозаик собора Св. Софии в Константинополе, начавшейся в 1932 г. (Cormack 1981), преобладавшая в литературе точка зрения сводилась к тому, что византийскую и итальянскую мозаику изготавливали в художественных мастерских, вначале в перевернутом виде, прикрепленной к картонам, а потом доставляли в церковь и закрепляли в соответствующих местах на стены (Underwood 1967, vol. 1: 172–3, 179). Опровержением этому послужило следующее наблюдение: мозаику располагали на стенах *in situ* индивидуально так, чтобы на нее определенным образом падал свет либо так, чтобы приспособить ее к индивидуальным особенностям конструкции здания. Один достоверный случай такой мозаичной работы – образ Св. Иоанна Крестителя в мозаике XIV в. (вима Фетих Ками). Его изображение находится в левом верхнем круглом окне, и художник не заполнял мозаикой части телесного цвета – руки и ноги, он выполнил их в виде фрески (Underwood 1967, vol. 1: 179; Belting and others 1978: fig 24a). И дело не только в том, что части телесного цвета выполнялись последними, художник сэкономил на использовании кубиков мозаики в тех местах, которые были бы труднодоступны взгляду византийского зрителя, поскольку яркий свет из южного окна сделал бы эти сэкономленные

ad hoc элементы практически невидимыми человеческому глазу. Этот же прием экономии – использование фрески вместо мозаики – был применен в этом храме к фигурам святых в професисе и диаконике, где эти и другие фигуры (Св. Климента, Св. Кирилла, Св. Афанасия) было также непросто разглядеть зрителю.

Мозаичисты обычно покрывали чистые, необработанные стены церкви не двумя, а тремя слоями штукатурки, хотя современная литература заявляет о нескольких случаях двуслойного покрытия. На поверхность первых двух слоев также наносился печатный зубчатый орнамент. Цель – добиться того, чтобы последний слой накрепко прилегал к стене или своду. Кроме того, чтобы добиться идеального прилегания штукатурки к сводам, обычной практикой было вбивать железные гвозди с большими плоскими шляпками в каменную кладку и накладывать штукатурку вокруг гвоздей. К несчастью, это было недолговечным решением – через время гвозди ржавели, их разъедала коррозия, из-за чего штукатурка трескалась и крошилась, а мозаика осыпалась. Третий и последний, несущий слой состоял из извести и шпаклевки, обычно мраморная крошка и солома отсутствовали. В результате такой процедуры общая толщина трех слоев штукатурки обычно составляла от 4 до 5 см.

В тех местах, где мозаика отпадала от несущего слоя, можно было видеть, в чем заключалась суть предварительной работы, проводившейся в ходе изготовления изображения. Отсюда становится ясно, что обычной практикой было наносить полноцветную живописную композицию на сырой несущий слой прежде, чем один за другим устанавливать кубики мозаики. Этот вспомогательный набросок, вероятно, был руководством как относительно расположения и формы фигур и фонов, так и относительно используемых цветов. Что касается золоченого фона, обнаруженного во многих мозаичных композициях, для него обычно использовали земляное красное основание (грунт), а иногда, вместо него – желтую охру. Эти разноцветные грунты служили для придания дополнительной глубины цветовым значениям мозаичной позолоты, поскольку эти краски и цвета могли быть видимы сквозь промежутки между кубиками мозаики, оттеняя и усиливая ее. В случаях, когда золотые кубики мозаики прикрепляли наклонно для отражения большего количества света, и в то же время из соображений экономии, сами кубики использовали в меньшем количестве, разноцветный несущий слой компенсировал нехватку мозаики (например, в притворе собора Св. Софии в Константинополе).

Как и в случае со стеной росписью, по результатам визуального обследования поверхности мозаики или обнажившегося несущего слоя сложно догадаться, какой объем работ выполнялся за один день. В Кахрие Ками во Введении Богородицы во Храм, сцене, включавшей четырнадцать человек, а также архитектурные элементы и деревья и полностью покрывавшей свод третьего пролета между колоннами внутреннего притвора, одно легко различимое место соединения проходит по центру композиции. Его сочли указанием на то, что вся сцена была выполнена в двух основных частях (Underwood 1967: vol. 1: 178; vol. 2: fig. 119). Но неясно, был ли фактически каждый из двух участков разделен на меньшие, к примеру, возможно, каждая человеческая фигура представляла отдельную часть работы, а шов на позолоченном фоне являлся всего лишь послед-

ней операцией с мозаикой, в ходе которой золоченные кубики устанавливались между фигурами людей и архитектурными сооружениями. Интерпретация важна, поскольку может служить указанием на то, сколько людей было задействовано в установке мозаики – либо один человек с несколькими помощниками, либо больших размеров мастерская. Обе точки зрения можно найти в литературе по истории искусства. Это тот самый случай, когда обрамления орнаментом вокруг мозаичных сцен выполнялись отдельной операцией после того, как сцена была окончена (Underwood 1967: vol. 1: 178).

Размер мозаичных кубиков различен, в зависимости от их расположения – лицо и волосы выполняли обычно из самых маленьких, а золотой фон – из самых больших. Для них использовали различные материалы, но преобладали стекло, камень или мрамор. Кроме того, зафиксировано использование кирпича, покрытой поливой керамики и перламутра. Для изготовления стеклянных кубиков производились пластины, которые разрезали на отдельные кубики. Основными цветами были голубой, зеленый, фиолетовый, красный, желтый и черный. На тех участках, где фон был золотистым, иногда встречаются добавления серебристой мозаики, изменяющие внешний вид золота; иногда несколько кубиков перевернуты, что также меняет внешний вид поверхности.

Тогда как использование мозаики как богатого сверкающего покрытия стен и сводов церквей усовершенствовала именно Византия, само по себе это изобразительное средство, как и производство стекла, имеет длительную историю, уходящую в глубь античности. Ко времени Римской империи мозаичные полы и стены приобрели популярность. И хотя материалом, применявшимся при изготовлении мозаичных полов, обычно был камень, в стенных мозаиках Помпеи и Геркуланума обнаружены другие материалы, особенно стекло и раковины – в композициях, украшавших фонтаны и водопады. На протяжении римского периода работали мастерские по производству стекла, в частности, в Ливане, Египте и Италии (James 2006: 34). Они производили и экспортировали либо стеклянное сырье, либо законченные стеклянные предметы. Возможно, стеклянное сырье для византийской мозаики изначально производили в Леванте и импортировали в Константинополь в необработанном виде. Маленьких размеров мастерские с простой стеклодувной печью, использовавшие импортное стеклянное сырье, могут служить образцом работы со стеклом в Константинополе и по всей империи (James 2006: 38). Византийское стекло, по крайней мере, IX в., было разновидностью соды (углекислого натрия) – извести-кремнезема с высоким уровнем магния. Это отличает его от римского стекла, имевшего мало калия и магния.

Для производства кубиков мозаики стекло следовало раскрасить, это подразумевало специальный процесс производства партий разноцветного стекла, а также мозаики со вставным слоем – золотым или серебряным – под тонким листом стекла. Эту работу могли, наверное, проделывать и в печах рядом с церковью, нуждавшейся в отделке, однако, со ссылкой на мозаичистов киевских храмов XI в., доставлявших мозаичный материал из Константинополя, можно утверждать, что, по крайней мере, некоторую часть мозаики могли привозить с собой странствующие художники (Mango 1972: 221–2). Установка мозаик на

место подразумевала со стороны мозаичистов определенную опытность в изготовлении цветного стекла, требуя, к примеру, знаний о том, как добавить медь в синие и зеленые красители, кобальт – в темно-синий и как контролировать содержание кислорода в темно-красной стеклянной смеси. Четырех красящих элементов: железа, меди, магнезии, кобальта и их сочетаний в различных пропорциях с добавлением матирующих веществ, таких как сурьма и олово, было достаточно для производства большинства цветов (James 2006: 39–42). Но некоторые особые цвета, такие как киноварь, похоже, вызывали затруднения с точки зрения массового производства, их предложение было ограничено. Относительно Рима в правление Каролингов есть доказательства собирания и повторного использования кубиков древнеримской мозаики, такие кубики использовали также в византийских мозаиках. Однако вплоть до настоящего времени научный анализ византийской мозаики свидетельствует, что кубики мозаики для каждой операции изготавливались заново.

По окончании укладки последнее, что требовалось, – отойти на шаг и оценить внешний вид мозаики. На этом этапе мастер-мозаичист использовал краски и кисть, накладывая мазки поверх фигур, выглядевших «не так, как надо». Это объясняет причины появления поверх мозаики красной краски, подчеркивавшей цвет губ Богородицы (как на мозаике в апсиде собора Св. Софии в Константинополе), и раскраски красной киноварью белых котурн императора на мозаике в притворе того же храма, а также подушки на троне Христа. Например, в мозаиках Кахрие Ками и Фетих Ками значимые части фигур и другие элементы оттеняли краской (Underwood 1967: 182–3).

Если верить Джорджо Вазари, художник XV в. Доменико Гирландайо говорил, что «настоящей живописью навечно была мозаика»; в реальности же большинство сохранившихся мозаик прошли неоднократную реставрацию и некоторые, особенно в Италии, были удалены со стены и переустановлены уже в настоящее время. В византийский период некоторые мозаики также пережили замену и переобработку. Наиболее очевидный случай – мозаики в алтаре храма Кимесис в Никее, ныне известные лишь по фотографиям и рисункам, сделанным до их разрушения в 1922 г. (Underwood 1959). Очевидно, что мозаику могли менять двумя способами: один из них – отделять один за другим мозаичные кубики, заменяя их фрагментами других цветов. К примеру, крест или надпись могли быть сняты и заменены новой мозаикой того же цвета, что и фон. Изображение исчезает, хотя прозрачный след оригинала может остаться, как, например, след мозаики, выложенной иконоборцами в апсиде Никейского храма – двух горизонтальных перекладин креста, позднее удаленных кубик за кубиком иконофилами. Другой способ заключался в том, чтобы вырезать участок мозаики, после чего заполнить пустое пространство новым несущим слоем и новой мозаикой. Это дважды происходило в Никее: иконоборцы удалили первоначальное изображение Богородицы в полный рост (датируемое предположительно 700 г.) и выложили в апсиде крест. Изображение креста в IX в. после окончания иконоборства удалили, отчасти заменив мозаику горизонтальной перекладины, но в то же время вертикальный столб креста был вырезан и на его месте на новое несущее основание была нанесена фигура Богородицы с младенцем. Свидетельство этих

Рис. 1. Апсида церкви Коимесис в Никее

замен, а также наличие трех фаз работы над этими мозаичными изображениями было все еще заметно на фотографиях начала XX в. То, что нам известно об этапах работы, по-прежнему позволяет видеть, что современное изображение Богородицы и младенца в апсиде собора Св. Софии в Фессалонике заменило первоначальное изображение креста, а в помещении над юго-западным скатом собора Св. Софии в Константинополе иконоборцы удалили цикл изображений святых на медальонах (VI в.) и заменили их крестами, о чем имеются записи 768–769 гг. (Cormack 1981). Более загадочным примером изменения мозаики является перемещение лика Христа, лиц Зои и Константина XI Мономаха, связанное с тем, что на императорскую панель в южной галерее собора Св. Софии нанесли надпись о новом пожертвовании на храм третьим мужем Зои между 1042 и 1055 гг.

Хотя подавляющее большинство мозаичной отделки выполнялось в Константинополе, в других местах Средиземноморья художники тоже переходили с места на место, выполняя повсюду стандартный набор работ, как, к примеру, в Италии – в Венеции, Риме, на Сицилии и в Испании – в Великой Мечети в Кордове, а также на Среднем Востоке в Грузии, в Дамаске и Иерусалиме. Киев уже упоминали. Очевиден вопрос, сколько именно художников путешествовало вместе и что они с собой брали. В настоящее время нет данных, позволяющих судить о размерах артелей живописцев или мозаичистов – это, как мы уже отмечали, противоречивый вопрос. Что же касается оборудования (инструмента, экипировки), им приходилось приобретать необходимые известь, красители, стеклянную и каменную мозаику для каждой церкви. Что касается их рабочих инструментов, современная литература делала значительный акцент на окружностях (compass), позволявших и рисовать нимбы, и помогать в определении пропорций фигур, возможно, на основе носового модуля (Torp 1984; Winfield and Winfield 2003). Еще один важный вопрос заключается в том, часто ли художники полагались на кижные образцы, черпая сведения для создания фигур и композиций, или же они создавали их по памяти. Вопрос об этих двух альтернативах крайне неоднозначен. Сомнительно, к примеру, чтобы еще прежде широкого распространения бумаги в поздневизантийский период, книги с образцами композиций могли существовать в сколько-нибудь значительном количестве. Это существенный вопрос, от которого зависит и то, насколько Церковь могла контролировать содержание монументального искусства, и насколько сами художники придерживались определенных стилей и средств выражения. Ясно то, что на протяжении большей части истории византийской храмовой отделки сюжеты были относительно ограничены, особое внимание уделялось сценам больших праздников в течение литургического года и изображениям Христа, Богородицы, святых. При этом, однако, некоторый интерес и акцент делался также на местных святых того края, где находился храм. К началу поздневизантийского периода цикл изображений пополнился новыми сценами из жития Богородицы и святых, а также за счет развития иконографии самого Христа.

ЛИТЕРАТУРА

- BELTING, H., MANGO, C., and MOURIKI, D. 1978. The Mosaics and Frescoes of St. Mary Pammakaristos (Fethiye Camii) at Istanbul (Washington, DC).
- BORSOOK, E. 1981. *The Mural Painters of Tuscany* (London, 2nd edn.).
- CORMACK, R. 1981. 'Interpreting the mosaics of S. Sophia at Istanbul', *Art History* 4: 131–49.
- DEMUS, O. 1948. *Byzantine Mosaic Decoration: Aspects of Monumental Art in Byzantium* (London).
- 1950. *The Mosaics of Norman Sicily* (London).
- DODWELL, C. R. (ed.) 1961. *Theophilus De Diversis Artibus* (London).
- GERSTEL, S. E. J. 1999. *Beholding the Sacred Mysteries: Programs of the Byzantine Sanctuary* (Seattle–London).
- HERRINGHAM, C. J. (ed.) 1899. *The Book of the Art of Cennino Cennini* (London).
- HETHERINGTON, P. 1974. *The 'Painter's manual' of Dionysius of Fournà: An English Translation [from the Greek] with commentary of cod. gr. 708 in the Saltykov-Shchedrin State Public Library, Leningrad* (London).
- JAMES, L. 2006. 'Byzantine glass mosaic tesserae: some material considerations', *BMGS* 30: 29–47.
- MANGO, C. 1962. *Materials for the Study of the Mosaics of St. Sophia at Istanbul* (Washington, DC).
- 1972. *The Art of the Byzantine Empire 312–1453: Sources and Documents* (Englewood Cliffs).
- MERRIFIELD, M. P. (ed.) 1849. *Medieval and Renaissance Treatises on the Arts of Painting* (London; repub. 1999).
- MEYENDORFF, P. (ed. and trans.) 1984. *St Germanus of Constantinople, On the Divine Liturgy* (Crestwood, NY).
- MOURIKI, D. 1985. *The Mosaics of Nea Moni on Chios* (Athens).
- MOUTAFOV, E. S. 2001. *Europeanisation on Paper: Treatises on Painting in Greek during the First Half of the 18th Century* (Sofia).
- NORDHAGEN, P. J. 1965. 'The mosaics of John VII (705–707 A.D.). The mosaic fragments and their technique', *Ada ad archaeologiam et atrium historiam pertinentia* 2: 121–66.
- L'ORANGE, H. P., and NORDHAGEN, P. J. 1966. *Mosaics from Antiquity to the Middle Ages* (London).
- PAPADOPOULOS-KERAMEUS, A. 1909. *Manuel d'iconographie chretienne* (St Petersburg).
- SAFRAN, L. (ed.) 1998. *Heaven on Earth: Art and the Church in Byzantium* (University Park, Pa.).
- THOMPSON, D. V. 1936. *The Materials of Medieval Painting* (London).
- TORP, H. 1984. *The Integrating System of Proportion in Byzantine Art* (Rome).
- UNDERWOOD, P. A. 1959. 'The evidence of restorations in the sanctuary mosaics of the Church of the Dormition at Nicaea', *DOP* 13: 235–44.
- 1967. *The Kariye Djami*, vol. 1: *Historical Introduction and Description of the Mosaics and Frescoes*; vol. 2: *The Mosaics*; vol. 3: *The Frescoes* (London).
- (ed.) 1975. *The Kariye Djami*, vol. 4: *Studies in the Art of the Kariye Djami and its Intellectual Background* (London).
- WINFIELD, D. C. 1968. 'Middle and later Byzantine wall painting methods: a comparative study', *DOP* 22: 61–139.

— and Winfield, J. 2003. *The Church of the Panaghia tou Arakos at Laghoudera, Cyprus: The Paintings and their Painterly Significance* (Washington, DC).

Углубленное чтение

Церковью центральной Византии, украшавшейся мозаикой, начиная с VI в. и позже, которую, предположительно, видело большее число людей, чем любой другой памятник, является собор Св. Софии в Константинополе. Библиография по ее декору определяет все ключевые вопросы для исследования (см. Cormack 1981 для ссылок). Образцовый обзор мозаичных материалов, использованных в церкви, осуществлен Мэнго (Mango 1962). Не менее важными для поздней Византии являются украшения Кахри Камии, хорошо рассмотренные Андервудом (Underwood 1967, 1975). Для выяснения природы мозаичных стилей и трактовки иконографии классическим трудом остается исследование Демуса 1950 г. (Demus 1950), в то время как его аналитическая книга 1948 г. о планировании и эволюции церковных программ является проницательной, провокационной и весьма проблематичной. Есть много качественных исследований отдельных церквей и их внутреннего убранства, и интерес в последнее время привлекают устоявшиеся шаблоны украшения и то, насколько их специфика определялась посвящением и местом церкви, а также общими принципами планирования (см.: Safran 1998 и Gerstel 1999).

II.8. ПРОИЗВОДСТВО И ТЕХНОЛОГИИ

Глава II.8.1 СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Майкл Деккер

Византия подвергалась критике, впрочем, несколько необоснованной, за отсутствие технического прогресса в том, что касалось способа сельскохозяйственного производства. На самом деле, стабильность империи, относительное изобилие и разнообразие продуктов питания, упоминаемые в том числе средневековыми путешественниками Запада, посещавшими Константинополь, – вот два важных мерила, позволяющие судить о производительности византийского крестьянского хозяйства, более тысячелетия кормившего население страны.

География и климат империи всегда были разнообразны, подразумевая значительное различие ответов на извечный вызов «продовольственной проблемы». Методы производства зависели от ряда предварительных условий, таких, как климат, качество земли, доступность воды для орошения, частное и общественное благосостояние, отношения землевладения, местные культурные традиции, из которых назовем лишь некоторые. Фрагментарность наших источников, среди которых почти нет проявляющих большого интереса к сельскохозяйственной деятельности, оставляет нерешенными многие вопросы и позволяет нам лишь бросить беглый и поверхностный взгляд на сельскую жизнь в той или иной части византийской истории. Скудость имеющихся у нас сведений побуждает к предельно осторожному их использованию, и нет сомнений в том, что общая картина византийской деревни существенно изменится, как только на свет появятся новые археологические материалы.

Инструменты и тягловая сила

Некоторые общие замечания о технологиях в местных условиях. Во-первых, византийские крестьяне всегда исключительно зависели от мускульной силы, а практические познания передавались по наследству из поколения в поколение. Мускульная сила в форме человеческой рабочей и животной тягловой силы использовалась для большинства видов сельскохозяйственной деятельности, особенно в земледелии. Технология, применявшаяся в основной земледельческой деятельности, – при вспашке, к началу византийского периода была уже древней. Чаще всего тягловой силой при вспашке являлась пара волов, хотя время от времени использовали и других животных, в том числе буйволов. Явное заблуждение, что римско-византийская упряжь была несовершенной и удушающей животное (лошадь или вола), следует отбросить, как неверное. В отрывке Кодекса Феодосия (*Codex Theodosianus* V. 8. 48), послужившем обоснованием скромных параметров позднеримской-ранневизантийской упряжи, представлены не реальные максимальные тягловые возможности римско-византийской повозки (телеги), а законодательное определение идеального максимума с точки зрения общественной безопасности более легких повозок, которые (для своего веса), вероятно, были перегружены. Повозки (двух- и четырехколесные) чаще всего были запряжены волами, но нам почти ничего не известно о том, как именно их изготавливали, сколько они вмещали груза и как в точности использовали. К концу периода средневековья виды упряжи и способы гужевой транспортировки в Византии были менее прогрессивными, нежели в соседних странах Запада, но, вероятно, их возможности адекватно соответствовали потребностям. Можно предположить, что гораздо более серьезным ограничением были условия транспортировки и само расположение дорог, вероятно, мало приспособленных для перемещения по стране в больших количествах продукции массового сельскохозяйственного производства (см. II.4 Коммуникации: мосты и дороги).

При вспашке животных впрягали во взрывающийся плуг – аротрон. Основной составляющей этого инструмента был деревянный брус, с обратной стороны заканчивавшийся лемехом, чаще всего окованным железом, при том, что основной брус с упряжью соединяло дышло. Пахарь осуществлял давление на плуг ногой и глубина борозды, которую прокладывала упряжка, двигаясь вперед, зависела от того, под каким углом соединялись основной брус и дышло. Разновидностей применявшихся в хозяйстве плугов было много; метод изготовления и число используемых деревянных деталей, максимальная заостренность плуга, его размеры и вес должны были в значительной мере зависеть от наличия и доступности подходящей древесины. В некоторых случаях лемех обжигали на огне, а не обшивали металлом. Хотя и слегка различаясь конструкцией, все плуги производили вспашку по одному и тому же образцу, поскольку прорывали неглубокие борозды, разбрасывая землю в обе стороны. Как было уже указано выше и нелишне будет подчеркнуть здесь, технология византийской вспашки – результат веками накапливаемого опыта работы средиземноморских крестьян в условиях местных почв и климата. В качестве таковой она как нельзя лучше подходила для пашни, удерживавшей почвенную влагу, что и было главным для

преобладавших методов неоросительного земледелия. Методы неоросительного земледелия, описанные в сельскохозяйственной энциклопедии X в., Геопонике, требуют оставления пашни под пар и частой вспашки пара для уничтожения сорняков и поддержания влажности. Одна из основных причин, по которой ассиметричный, тяжелый, с отвалом плуг, распространенный в средневековой Европе, не имел популярности в богатой Византии, заключалась, без сомнения, в отсутствии общей необходимости в нем. Некоторые каменистые и болотистые участки от такого инструмента выиграли бы, но для большей части пахотных земель как нельзя лучше подходил обыкновенный аротрон.

Бороны, запряженные тягловыми животными, использовали для измельчения комьев земли, разглаживания и выравнивания поверхности пашни. Жатва выполнялась серпом, а византийский серп (дрепанон) заслуживает внимания уже с той точки зрения, что в рукописях его обычно описывают как зазубренный. Этот тип серпа более производителен, нежели его аналоги с гладким лезвием, его назначение срезать колосья хлебных злаков, снимая серпом верхушки, вместо того, чтобы подсекать колос у основания или посередине стебля. Молотильная повозка – запряженное тягловыми животными устройство из досок, утяжеленных камнями – повсеместно применялись в Средиземноморье для молотбы злаковых на деревянных, утопанных земляных и мощеных булыжником поверхностях. Для хранения урожая после молотбы византийцы использовали и наземные постройки – житницы, и подземные складские помещения – ямы-погреба (Каппадокия), а также выложенные камнем силосные ямы (Пергам).

Не каждый земледелец мог позволить себе иметь плуг или воловью упряжку, и не везде почва годилась для вспашки плугом. Холмистые участки зачастую имели форму террасы, типичную для средиземноморского региона на протяжении тысячелетий. В византийский период были распространены различные типы террас, для большинства из них применялась кладка из сухого камня, причем строительный материал собирали тут же на склоне. Землю, заполнявшую пространство между стенами террасы, зачастую свозили отовсюду. Сооружение террас было одной из технологий, благодаря которой земледельцам удавалось расширять обрабатываемые участки поверхности почв, выгодно используя естественный сток дождевых вод и наносные почвы для создания плодородных участков, чаще всего с целью выращивания плодовых деревьев, для чего террасы подходили больше всего, но также и для возделывания злаковых и садовых культур. Строительство таких агрокультурных сооружений требовало немногого в отношении инструмента и капиталовложений, но было весьма трудоемкой работой; для создания многих систем террас, без сомнения, потребовались годы. Террасы и многие открытые пространства крестьяне обрабатывали вручную двухзубцовыми вилами для вскопки (лисгарион), разбивая комья двузубыми мотыгами (дикелла), изготовленными из дерева, а иногда – из металла. Эти два ручных инструмента, по всей видимости, были наиболее распространенными орудиями для подготовки полей под зерновые и для частого разрыхления и вскапывания почвы вокруг оливковых деревьев и винограда, как предписывала Геопоника (иллюстрации см. в Paris, BN gr. 74, fo. 39^v). Использование железа в таких орудиях было ограничено, что подтверждают иллюстрации к рукописям

и археологические находки ранневизантийского периода. На территориях Евфрата вокруг Самосаты, имевших важное значение в ранневизантийский период, но лишь на короткое время оставшихся византийским владением в течение средневизантийского периода, изготавливали орудия из железа: серпы, косы, лопаты, клинки ножей. Металлические клещи, фигурировавшие в житии Германо-носа из Косиницы (Vita 8 E. 2–5), и еще одни, обнаруженные в ходе раскопок в Коринфе, *lisgarion* из железа, изображенный в одном афонском манускрипте (Vatopedi, 620, fo. 384^r), косвенно свидетельствуют о том, что изготовление инструментов из железа было распространенной технологией повседневного использования. Они были недешевы, и поэтому не все могли иметь их у себя. Земледельческий Закон показывает, какое количество инструмента, на самом деле, балось займы, предположительно, деревенской беднотой.

Сельскохозяйственные культуры и технологии их выращивания

Византия традиционно опиралась на разнообразие основных сельскохозяйственных культур. Овощи – салат-латук, лук-порей, репа и капуста – составляли важную часть рациона ее среднестатистического жителя. Виноград был главной сельскохозяйственной культурой, выращиваемой как для потребления, так и для виноделия. Как и в настоящее время, сорта различных наименований ценились за самые разнообразные характеристики. Основными волокнистыми культурами были лен и конопля. Из льна также изготавливали масло, особенно там, где оливковое масло не производилось, – на территориях с холодным климатом (пример, Анатолийское плато). Плодовые деревья, включая разнообразные сорта орехов, оливок, фиг, слив, яблок, персиков, гранатов, имели широкое распространение. Большинство цитрусовых (за исключением апельсинов и лимонов), вероятно, пользовались очень ограниченным успехом даже после мусульманского завоевания, но это неточно. Одной из основных техник, широко, насколько известно, применяемой в повседневной практике садоводства, являлась прививка. Геопоника содержит множество разнообразных методов прививки и изумительный ряд экспериментов с ней, тогда как мозаичные картины и миниатюры рукописей свидетельствуют о распространенности [такой] практики на протяжении всего существования Византии. Преимущества прививки многочисленны: она позволяет выводить лучшие сорта, лечить больные деревья и виноградную лозу, сократить время от посадки до получения первого урожая. Кроме того, прививка служит для разведения гибридных сортов и повышает возможности адаптации сортов одной местности в другой.

Новые сельскохозяйственные культуры попали в Византию уже в период средневековья. Некоторые «не местные» виды отмечены там уже в эпоху античности, что отнюдь не свидетельствует о «сельскохозяйственной революции» – ни европейской, ни исламской. Важной сельскохозяйственной культурой в районах распространения умеренного климата была рожь, а разновидность пшеницы *Triticum durum* (сегодня используется преимущественно для изготовления пасты) была распространена от глубокой античности и до византийского перио-

да, не являясь исламским нововведением, как полагалось. Просо, как и ячмень, было основной культурой во многих районах. В числе новых сельскохозяйственных технологий, доступных начиная со средневизантийского периода и позднее, находились производство сахара и хлопка. И то, и другое, несомненно, было известно в эпоху поздней античности, но обстоятельства их производства в империи известны мало. Хлопок рос на Крите в период позднего средневековья, а также на Кипре (подтверждая гипотезу широкого распространения там оросительных систем), то же (с аналогичным выводом) можно сказать о сахаре (Malamut 1988: 390). Оборудование по производству сахара имелось в наличии на Кипре в венецианский период, но относительно наличия его в самой империи мы ждем информации археологов. В то время, как данные культуры имели значительное влияние на экономику в определенное время в отдельных местах, набор основных сельскохозяйственных культур (ряд технологий сельскохозяйственного производства) на всей территории Византии оставался относительно неизменным: многочисленные огородные овощи, общераспространенные в условиях умеренного климата фруктовые деревья в сочетании с виноградом, оливками и злаковыми культурами, составляли основу рациона.

Давильни и технологии отжима

Производство масла и вина было особенно важным для византийского рациона. В прибрежных средиземноморских районах оливковое дерево являлось основной масличной культурой. Также чрезвычайно важным был лен, особенно в районах с умеренным климатом. Отжим оливкового и прочих масел (льняного, кунжутного) выполнялся путем измельчения и помещения полученной таким образом мякоти в пресс. Обычный, с рычагом и весом, пресс состоял из углубления в стене здания или же пары вертикально стоящих столбов, на которых закреплялась переключина пресса (балансир). Корзины, содержавшие свежотжатую мякоть, размещались напротив переключины. Переключина погружалась в массу либо под действием веса, либо воротом, либо посредством винта, закрепленного в камне. Вес переключины, таким образом, осуществлял давление на корзины и выталкивал смесь мякоти, зерна, масла и водянистый осадок. К началу средневизантийского периода большинство масляных прессов так или иначе использовали «винтовую» технологию. Наверное, наиболее показательны великолепный крупный рычагово-винтовой средневизантийский пресс в Афродисии (Ahmet 2001).

Древнее усовершенствование (изобретение эпохи эллинизма) технологии маслодавильных прессов широко применялось в ранней Византии. Прямой винтовой пресс без длинного рычага-переключины включал прочный каркас – раму, в которой закреплялась давильная доска пресса, двигавшаяся вертикально, непосредственно погружаясь в наполненные массой корзины. Таким образом, для сооружения вертикального винтового пресса требовалось меньшее количество древесины. Он еще более сокращал время отжима. Вертикальные винтовые прессы в изобилии находили на Кипре, некоторые из них встречались также в Халкидике. Вертикальные винтовые прессы использовались в Византии не повсеместно.

но, но являлись технологическим усовершенствованием, служившим наравне с более старыми разновидностями рычагового пресса (Frankel 1999: 25–30).

Вертикальный винтовой пресс использовался также в производстве вина, в том числе в крупномасштабных давяльнях ранневизантийской Палестины. Об использовании винтового пресса для производства вина в других областях империи достоверных сведений нет. В северной Сирии и Киликии для быстрого и качественного отжима винограда применяли вращающиеся установки. В большинстве районов империи вино производили просто посредством давления винограда на соответствующей поверхности, которая, как в имении Скараноса возле Коринфа, могла быть деревянной (Nesbitt 1973). Давильные площадки часто высекались в каменистом основании и требовали минимальных вложений и издержек [на содержание]. Не будучи столь эффективными, как централизованные виноградные давяльни ранневизантийского региона Сирия-Палестина, эти давяльни хорошо отвечали потребностям местного и общинного производства.

Мельницы и технологии помола

Как отмечалось, вращающиеся мельницы использовались в производстве масла для преобразования плодов (оливки) и семян (кунжут, лен) в однородную массу перед давлением. Такие мельницы высекались из известняка и базальта. Они в основном состояли из круглого основания, в центре которого находилось углубление, содержавшее деревянный шест с горизонтальной осью, на которой закреплялись жернова. Иногда пара жерновов могла быть без вертикальной опоры. Высеченное в каменном основании, углубление содержало продукт, подлежащий помолу, и направляло камень (или камни) по мере того, как их вращали либо животные, либо человеческая рука. Эта технология восходила к древности и оставалась практически неизменной вплоть до индустриальной эпохи.

Наиболее распространенным типом мельниц в Византии, вероятно, являлась простая вращательная ручная мельница, наподобие обнаруженных в средне-византийских слоях Пергама. Эта мельница состоит из пары плоских, круглых камней – жерновов с отверстием в верхнем камне, через которое тонкой струйкой проникает зерно. Подобно большинству прочих мельниц, их изготавливали, в основном, из вулканических скальных пород. Ручка на верхнем жернове позволяет вращать мельницу, и мука высыпается из отверстия в нижнем камне. Эти мельницы предназначались для использования в домашнем хозяйстве и требовали исключительно ручного человеческого труда. Они обладали тем преимуществом, что не нуждались во внешнем источнике энергии, были дешевыми, отчасти переносными. Еще один тип мельниц – «песочные часы» – обязан таким названием своей открытой верхней части, которая сужаясь переходит в узкую горловину раструба в том же месте, где деревянные поперечины образуют конструкцию, позволяющую запрячь в мельницу животных или вращать ее человеку. Зерно заполняло верхнюю часть мельницы и опускалось к горловине, муку извлекали снизу. Иногда ее называют также помпейской мельницей из-за того, что она часто встречалась именно в Помпее и имела римское происхождение.

Неизвестно, когда прекратилось производство мельниц этого типа, хотя, скорее всего, они исчезли вскоре после исламского завоевания Восточного Средиземноморья в VII в. Там, где позволяли финансовые возможности и природные условия, вместо мельниц, вращаемых животными, стали использоваться водяные и ветряные мельницы. Однако им так и не удалось полностью заменить мельницы, приводимые в движение человеком или животными. Когда общественные пекарни раннего Константинополя уступили место многочисленным частным пекарням, где, согласно *Книге Епарха* (18.1), пекари мололи муку *in situ*. Некоторые из таких учреждений, возможно, имели доступ к мельницам, приводимым в движение водой из акведука Адриана, но почти все [остальные] мельницы, вероятно, вращали животные или человек.

Водяные мельницы были привычной частью позднеантичного ландшафта Византии. Они появились в ранневизантийской Палестине и Кесарии. Именно они были основной характерной чертой таких восточных городов, как Дара и Амида. Водяные мельницы предназначались в первую очередь для перемалывания зерна, хотя технологию помола использовали также и для других целей (см. II.8.10 Бытовые технологии). Византийцы использовали горизонтальную подливную (так называемую скандинавскую) мельницу, вертикальную подливную мельницу и вертикальную наливную мельницу. В отношении скандинавской мельницы обвинение в технологической отсталости, возводимое на византийцев, следует отклонить. Такие мельницы успешно применялись на практике в Понтийских горах и прочих районах Анатолии, где потоки воды рассекают степные земли, внезапно низвергаясь водопадом, – их энергию зачастую легче всего использовать для сооружения простой подливной водяной мельницы. Наливные мельницы более эффективны, но также и более затратны, поскольку зачастую требуют мельничных запруд и передаточных механизмов, в которых подливная мельница не нуждается. Мельница VI в. на афинской агоре являлась вертикальной наливной; мельница, изображенная на мозаичном полу Большого дворца (VI в.), вероятно, также была наливной. На той же мозаике изображена византийская мельница-мост, в которой мельничное оборудование было встроено в конструкцию моста. Хорошо известно, что Земледельческий закон упоминал о мельницах, которые, похоже, являлись общераспространенной частью средневекового византийского пейзажа. На протяжении всего средневекового периода они то и дело возникают в монастырских типажах по всей империи, известны они и по археологическим раскопкам в Писидии, Папикионе и Фракии (Thomas and Hero (eds.) 2000; Donners, Waelkens, and Deckers 2002; Soustal 1991: 387–9).

История появления в Византии ветряной мельницы точно неизвестна. В XIV в. они уже имелись в стране. Этот метод помола зерна, вероятно, прибыл в Византию еще до крестоносцев, поскольку вертикальные ветряные мельницы были известны начиная с раннеисламского периода в Персии. В любом случае, ветряные мельницы, вероятно, никогда не имели большого значения в Византии. Строить и содержать их, как и наливные водяные мельницы, в основном было дорого, они не соответствовали условиям византийской экономики, к тому моменту находившейся в упадке. Хотя ветряные мельницы обладают тем очевидным преимуществом, что не нуждаются непрерывно в мощном потоке воды

(отсутствующем на большинстве византийских островов), для них, разумеется, требуется, чтобы постоянно дул ветер. Доказательства существования ветряных мельниц мы находим на Лемносе в Алексопирге и Антцике (Koder 1998: 93).

Технологии орошения

Большинство византийских территорий зависело в сельскохозяйственном производстве от дождей. В небольшом количестве имелись и открытые речные долины с обширными орошаемыми прилегающими пространствами – основа ирригационного сельского хозяйства. В Анатолии многие водные потоки с обеих сторон зажаты отвесными берегами и поэтому их долины непригодны для орошения. Долина Меандра, конечно же, была орошаемой на протяжении всего византийского периода, преимущественно, вероятно, методом отводной ирригации – с помощью небольших каналов, отходивших от русла реки и ее притоков. Сады и огороды, в частности, в пригороде, были территорией, в орошении которой византийские крестьяне были особенно заинтересованы для повышения урожайности овощей и зерновых. В дополнение к некоторым отводным ирригационным системам, от источников, акведуков, речных потоков, орошение носило, по всей видимости, незначительные масштабы, отличалось разнообразием и выполнялось вручную из колодцев и цистерн. Нам мало что известно об ирригационном оборудовании в средневековый период.

Большое вертикальное водяное колесо, нария, остатки которого по сей день сохранились в Хаме, получило в эпоху античности распространение приблизительно между Евфратом и Оронтом. Нария изображена на мостовой в Апамее (IV в.). Такие нарии, известные в Хаме, на Евфрате, в сирийской Халкидике, возможно, являются ценными ориентирами для определения территории, в пределах которой их в основном использовали в эпоху поздней античности (Dulière 1974: 26–7, 37–8, pls. XXII, XXV, LXII–LXIII). Механизм распространения нарии на остальных средиземноморских территориях неизвестен, чаще всего его приписывают мусульманам. Однако с равной вероятностью путь их распространения мог пролегать через экзархат Равенны или юг византийской Италии и Сицилии. Вопрос остается неразрешенным и требует дальнейшего изучения. В равной степени неизвестны масштабы использования нарии в Анатолии и европейских фемах Византии. О них не упоминается в текстах, и поэтому мы должны подождать археологических открытий, позволяющих обратиться к первоисточникам. Также неизвестна судьба Архимедова винта в Византии. Простой античный ворот (геранон), – емкость для воды с противовесом, подвешенная на двух брусках и поперечной перекладине над колодцем или водным потоком, – был, вероятно, распространен довольно широко (Koukoules 1952: 226–7). Человеческой мускульной силой емкость погружалась в воду и поднимала определенное количество воды на небольшую высоту при помощи тяжелого противовеса.

Сакья являлась основным ирригационным сооружением в период аграрной экспансии V–VI вв. (Decker – издание готовится к публикации). Будучи сложным механизмом, содержащим более сотни различных составляющих, такие машины требовали капиталовложений. В сакье животное связано с движущей перекла-

диной посредством упряжи. Упряжь поворачивает в горизонтальной плоскости колесо, связанное с вертикально стоящим механизмом, следствие чего движение животного по горизонтали преобразовывается в вертикально действующую силу. Вертикальное колесо вращается при этом на своей оси, на оси закреплена петля из каната, с наружной стороны которой крепятся сосуды для воды, чаще всего – остроконечные глиняные кувшины. Весь этот механизм располагается над колодцем или цистерной, и по мере того, как животное проходит по кругу, пустой сосуд, погружаясь в водоем, наполняется, после чего перемещается на другую сторону и на обратном пути вниз опорожняется. Сакьи были недешевы. В позднеантичные времена их чаще всего можно обнаружить в Египте, в имениях, принадлежавших богатым землевладельцам, растившим хлеб для продажи (Banaji 2001: 109). Многочисленные находки сосудов сакьи в ранневизантийской Палестине указывают на важность этого механизма, возможно в связи с орошением виноградников там, где средства, полученные вследствие увеличения урожая винограда могли оправдать расходы на такое оборудование (Decker – издание готовится к публикации). Сакья адаптивный и эффективный ирригационный механизм: он с успехом применяется для работы с источниками грунтовых вод (колодцами), широко распространен по всему Средиземноморью, может использоваться применительно к цистернам или даже на берегах рек для подъема воды там, где ее требуют поля или фруктовые сады. Опять же, подчеркнем, средневековый опыт [его использования] неизвестен. Именно этот механизм, вероятно, применялся для дренажных и драговых операций в порту Юлиана, о чем сообщает Марцеллин Комит, хотя упомянутые им *rotalibus machinis* могли быть и нарией или чем-либо еще (Croke 1995: 35). Тогда как сакьи были широко распространены в ранний период Новой истории Кипра, мы далеко не уверены, что так было и в Средние века, – на этом острове, и во всей остальной империи.

Не меньшую проблему представляет собой вопрос распространения и использования в Византии канат. Технология канат позволяет извлечь грунтовые воды и провести их туда, где в них нуждаются. Технология является восточной, возникшей в Персии или Урарту и развивавшейся на тысячелетия ранее византийского *floruit*. Принцип канат прост: в каменных породах прорывали колодец, пригодный для эксплуатации. Последующие колодцы выстраивали в линию, последовательно, начиная от материнского, и соединяли горизонтальной шахтой (отсюда используемый иногда в английском языке термин «цепь колодцев»). Канаты были распространены на ранневизантийском Востоке, особенно на границе сирийской степи с пустыней, где их использование было, вероятно, одной из основных составляющих жизнеспособности позднеантичного поселения. Канаты также известны и в восточной Анатолии и идеально подходят для засушливых возвышенностей. В Каппадокии канат, дата создания которого неизвестна, обнаружен в Кесарии (Goblot 01979: 126–217). Канаты были главной, характерной чертой ландшафта Кипра в начале Нового времени. Хотя они, вероятнее всего, были созданы еще до оккупации острова турками, окончательными доказательствами этого мы не располагаем. Неизвестны нам также и масштабы распространения канат в византийской Анатолии.

ЛІТЕРАТУРА

- АHMEТ, K. 2001. 'A middle Byzantine olive press room at Aphrodisias', *Anatolian Studies* 51: 159–167.
- BANAJI, J. 2001. *Agrarian Change in Late Antiquity: Gold, Labour and Aristocratic Dominance* (Oxford).
- BRYER, A. 2002. 'The means of agricultural production: muscle and tools', in *EHB*: 101–114.
- CROKE, B. 1995. *The Chronicle of Marcellinus* (Sydney).
- DAVIDSON, G. 1952. *Corinth 12. The Minor Objects* (Princeton).
- DECKER, M. forthcoming. *Tilling the Hateful Earth: Late Antique Agricultural Production and Trade* (Oxford).
- DONNERS, K., WAELEKENS, M., and DECKERS, J. 2002. 'Water mills in the area of Sagalassos: a disappearing ancient technology', *Anatolian Studies* 52: 1–18.
- DULIÈRE, C. 1974. *Mosaïques des portiques de la grande colonnade: section VII* (Brussels).
- FRANKEL, R. 1999. *Wine and Oil Production in Antiquity in Israel and Other Mediterranean Countries* (Sheffield).
- GERMANOS OF KOSINITZA (anon.), *Bios kai politeia tou hagiou patros hemon Germanou*. Text on-line at the Dumbarton Oaks Hagiography Database (<http://www.doaks.org/Hagio.html>).
- GOBLOT, H. 1979. *Les qanats: une technique d'acquisition de l'eau* (Paris).
- KODER, J. 1998. *Aigaion Pelagos (Die Nördliche Ägäis)* (TIB 10) (Vienna).
- KOUKOULES, P. 1948–57. *Byzantinon bios kai politismos*, 6 vols. in 7 pts. (Athens).
- MALAMUT, E. 1988. *Les îsles de l'empire byzantin, VIIIe–XIIIe siècles*, 2 vols. (Paris).
- NESBITT, J. 1973. 'Mechanisms of Agricultural Production on Estates of Byzantine Praktika' (Ph.D. diss., University of Wisconsin, Madison).
- NICOLE, J. (ed.) 1970. *To eparchikon biblion (The Book of the Eparch)* (London).
- RADFORD, S., and others. 1998. *The Archaeology of the Frontier in the Medieval Near East: Excavations at Gritille, Turkey* (Boston).
- SOUSTAL, P. 1991. *Thrakien (Thrake, Rodope und Haimimontos)* (TIB 6) (Vienna).
- SPAIN, R. J. 1987. 'The Roman watermill on the Athenian Agora: a new view of the evidence', *Hesperia* 56. 4: 335–53.
- THOMAS, J., and HERO, A. (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC).

Глава II.8.2 ТКАНИ И ОДЕЖДЫ

Мария Парани

В Византии одежда играла непростую роль, выходявшую за рамки удовлетворения обычной потребности в защите человеческого тела от непогоды. Одежда являлась важным товаром, производство и продажа которого могли оказаться весьма выгодными как для государства, так и для частных предпринимателей. Приобретение одежды, в особенности изготовленной из таких дорогих материалов, как шелк и золотная нить, или украшенной ими, рассматривалось как хорошее, с экономической точки зрения, вложение средств. Одежду как имущество зачастую отдавали в счет заработной платы и долгов или вносили залог в ходе финансовых операций. Из-за своей денежной и эстетической ценности, а также престижа, который они предавали носителю, одежды высоко ценили и тщательно выискивали для подарков как сами византийцы, так и иностранцы; одежды часто упоминались среди предметов, преподносимых имперским правительством в качестве дипломатического дара или дани иноземным правителям. Традиционное награждение одеждой должностных лиц, будучи проявлением власти и богатства императора, способствовало также укреплению связей на основе лояльности и солидарности между ним и двором. Драгоценные одежды служили даже элементом украшения императорского дворца и городских улиц во время важных церемоний. Кроме всего прочего, одежда в Византии служила отражением статуса, будь то политического, религиозного, экономического или социального. Нигде это не проявлялось с такой очевидностью, как в нарядах императорского двора, причем до такой степени, что совершенно справедливо будет говорить о настоящей «иерархии одежд» (Lopez 1945: 20–1): положение в обществе [«читалось» в одежде], будучи зашифровано в отдельных ее элементах и аксессуарах, особенно в их оформлении, и по разнообразию материалов (тканей, красителей, драгоценных веществ, которые добавляли для украшения), цветам одеяний, технике их изготовления и декоративным мотивам геральдического характера.

Следует признать, что мы лучше информированы в отношении некоторых сторон производства, продажи и использования тканей и одежды в Византии, нежели в остальных вопросах, во многом благодаря самой природе источников

информации на этот счет – археологических, письменных и художественных. Археологические данные намного более содержательны в том, что касается позднеантичного платья, благодаря богатейшим находкам различных предметов одежды и прочих изделий из ткани, обнаруженных в египетских некрополях, особенно в Ахиме, Антиное, Саккаре и в сирийских поселениях, таких как Дура Европос, Пальмира, Галабия и другие (Pfister and Bellinger 1945; Pfister 1951; Lafontaine-Dosogne 1988; Rutschowskaya 1990; Martiniani-Reber 1991; Stauffer 1992, 1995a and 1995b; Cardon and Feugère 2000; Fluck and others 2000; Schmidt-Colinet and others 2000; Linscheid 2001; Lorquin 2003). По сравнению с этим находки тканей и деталей одежды в средне- и поздневизантийских поселениях – редкость (Moutsopoulos 1967, 1989; Jeroussalimskaia 2000; Martiniani-Reber 2000; Dawson 2003; Linscheid 2004; Lightfoot and others 2005: 243–52). Более распространенными являются находки металлических предметов, связанных с одеждой, а именно – пряжек и пуговиц (Swift 2000; Kalamara and Mexia 2001: nos. 8, 9, 11; Papanikola-Bakirtzi 2002: nos. 481–91). К этому следует добавить и облачение духовенства поздневизантийского периода, дошедшее до нас в небольшом количестве (Johnstone 1967: 94–7, 100, 105–6; Piltz 1976; Evans 2004: 295–323), и впечатляющее собрание средневековых византийских шелков, сохранившееся в сокровищницах западноевропейской Церкви (некоторые из них могли изначально относиться к предметам одежды) (Muthesius 1997). Сюда же следует отнести и археологические находки инструментов, использовавшихся в ткацком и портновском ремесле (Dauterman Maguire, Maguire, and Duncan-Flowers 1989: nos. 77–81; Papanikola-Bakirtzi 2002: nos. 427–42, 444–57), равно как и промышленные отходы, и огромные чаны для производства пурпура из раковин и покраски тканей (Jacoby 1991–2: 481).

Что касается письменных сведений, они состоят из обширного собрания текстов, включающего церемониальные руководства и составленные в иерархическом порядке списки византийских официальных лиц; имперские законодательные акты, регулирующие цены, производство и распределение; частные документы, такие как завещания и акты, описи движимого имущества; счета и прочие коммерческие документы; историографические и поэтические работы; проповеди и Жития святых; схолии в подражание классическим авторам, церковные каноны; положения, касающиеся монастырского одеяния в монастырских уставных документах; частные письма; книги-толкования сновидений; отчеты иностранных путешественников и дипломатов, а также не византийские архивные документы и прочие тексты, содержащие свидетельства относительно распространения византийских тканей и предметов одежды на Востоке и Западе. Подробные, детализированные описания моделей византийской одежды, признаться, редки. Следует указать, что значения многих технических терминов, применяемых в источниках для описания материалов и деталей одежды, остается неясным, несмотря на существенное продвижение вперед в данном направлении (Guilland 1949; Chatzemichale 1956; Haldon 1990; Jacoby 1991–2; Muthesius 1993: 46–56).

Художественные произведения составляют третий основной источник информации по византийскому костюму. Из них наиболее надежными являются портреты императоров, сановников, частных лиц, дошедшие до нас в различных

жанрах и техниках исполнения – от скульптуры и монументальной живописи до золота, стекла и изображений на печатях. Изобразительное искусство светского содержания также может быть крайне информативным именно в отношении одежды. Это в особенности верно в отношении позднеантичного искусства, изобилующего сведениями относительно распространения в империи одежды, ее фасонов и моделей, которые архелогия обнаружила только в Египте и Сирии (Dimitrov 1962; Atanasov 2005; Rinaldi 1964–5; Dunbabin 1978: figs. 22, 114, 121). Светские бытовые картины, дошедшие до нас от средне- и поздневизантийского периодов, большей частью изображают императорское окружение в Константинополе, кроме того, они исключительно редки. Что касается византийского изобразительного искусства религиозного содержания, несмотря на его консервативный и формалистический характер, оно также может быть удивительно информативным, если подходить к его изучению критически и систематично (Parani 2003; Ball 2005; James and Tougher 2005).

Согласно разносторонним свидетельствам на этот счет, византийская одежда изготавливалась преимущественно из льняных, хлопковых и шелковых тканей. Большинство предметов одежды, обнаруженных в позднеантичных египетских и сирийских поселениях, изготовлено из льна. А поскольку льняное волокно не легко окрашивается, использовавшаяся для их изготовления нить была обычно некрашеной. Декоративные элементы, украшавшие позднеантичные льняные туники, были в основном шерстяными – из окрашенной шерстяной пряжи. Орнаментальные принадлежности из шелка были более редкими, но в археологических описях встречаются и они (Rutschowskaya 1990: 24–5). Лен продолжал использоваться также и в средневековый период. В позднеантичном (IX в.) Константинополе гильдия торговцев льном продавала и отечественные льняные ткани, привозимые в город из провинции, и импортный лен из Болгарии (Koder 1991: 106, 108).

Крашеная шерсть не только использовалась для изготовления декоративных элементов, которые либо вплетались в одежду, либо нашивались поверху, но применялась также и для производства одежды полностью, в особенности для пошива туник и накидок (Lefort, Oikonomides, and Papachryssanthou 1990: 181). На протяжении средневекового периода шерстяные ткани должны были широко применяться для изготовления повседневной одежды. Шерсть также использовалась для изготовления деталей одежд духовенства, как омофорий (нечто вроде столы), который носили православные епископы (см. ниже), и который, как полагают, был шерстяным, поскольку символизировал потерянную овцу, отыскать и спасти которую пришел Христос (Bernardakis 1901–2: 133). Наконец, шерсть использовалась для производства войлока и фетра для изготовления шляп и плотной, защитной одежды для византийских солдат.

Хотя выращивание хлопка и перешло на Средний Восток из Индии уже к I в. до н. э., равно как был налажен, хотя и в ограниченном количестве, импорт хлопковых тканей в Египет с Индийского субконтинента, использование хлопковых тканей для изготовления одежды в эпоху поздней античности было весьма ограничено. Как выращивание хлопка, так и более широкое повседневное применение хлопковых тканей в одежде и мебелировке получило

распространение на территориях восточного Средиземноморья только с появлением там арабов (Fennell Mazzaoui 1981: 7–27). Хлопковые ткани различной плотности использовались для изготовления как летней, так и зимней одежды (Thomas and Hero 2000: 826). Также зафиксированы предметы одежды из тканей с комбинированным составом волокна (лен, шерсть или шелк) (Eideneier 1991: 100, 101; Jacoby 1991–2: 474–5).

На протяжении позднееримского периода шелковые ткани использовались для изготовления предметов одежды для императора, его сановников, наиболее влиятельных из подданных, для которых одежду ткали из шелковой нити, завозимой из Китая и Ирана. Появление промышленного шелководства в Византии традиционно относят к правлению Юстиниана (527–565 гг.), однако Мьютезиус (Muthesius 1993: 19–23) утверждает, что оно могло существовать в Сирии уже в V в. К XII в. оно, естественно, распространилось в направлении западных провинций Византии, где Фивы, Коринф и остров Андрос стали крупными центрами шелковой промышленности (Jacoby 1991–2). Несмотря на местное производство, импорт как шелкового сырья, так и готовых изделий из шелка продолжался вплоть до средневекового периода; Книга Эпарха (конец IX в.) особо упоминает о продаже в Константинополе сирийской шелковой одежды (Koder 1991: 94, 96). Право использовать ткани и носить одежды из особого, высококачественного, окрашенного пурпуром шелка, производившегося в мастерских императора, принадлежало исключительно высшим эшелонам двора во главе с самим императором. Что касается потребителей за пределами дворца, им было доступно широкое разнообразие шелковых тканей, как высокого, так и более низкого качества, равно как и дешевые ткани из отходов размотки шелка и полуселк – хлопковая или льняная ткань на шелковой основе. Это разнообразие призвано было удовлетворить нужды широкой общественности с самой разной покупательной способностью, к тому же страстно желавшей следовать дворцовой моде из сообщений престижа и иметь хотя бы один наряд, изготовленный из дорогой ткани (Jacoby 1991–2: 473–5).

В дополнение к изготовлению тканей из шерсти животных и волокон растений, при производстве одежды в Византии использовали и другие материалы, в том числе кожу, овечьи шкуры, мех. Кожу использовали преимущественно для изготовления обуви, таких аксессуаров, как ремни и защитные одежды воинов. В произведениях искусства одежды из овечьих шкур ассоциировались с изображением пастухов. Эти иконографические топосы вовсе не лишены значения: существуют письменные доказательства, позволяющие утверждать, что на протяжении XII в. именно так одевалось сельское население империи (Koukoules 1950: 111). Что касается меха, до XI в. для Византии его использование было нехарактерно (Howard-Johnston 1998). Только начиная с конца XI в. и далее мех начали использовать для отделки туник, в качестве подкладки, для изготовления зимней верхней одежды.

Византийская одежда, будучи отражением сложности политической, социальной и этнической структуры византийского общества, включала многие различные категории одеяний: императорские одежды и одеяния должностных лиц, их знаки отличия; одеяния различных социальных групп, в зависимости от пола, возраста, семейного положения; одеяние, характерное для различных

профессиональных групп; одежды жителей различных местностей; этнический костюм; облачение духовенства и монашеские одежды. Византийский церемониальный костюм, будь то светский или церковный, на ранних этапах своего развития зачастую являлся более изысканно и тщательно выполненной разновидностью современной одежды. Его использование в ритуальном смысле привело в результате к символической насыщенности, выделявшей его из разряда повседневной одежды. В результате некоторые модели продолжали использоваться в церемониальном контексте еще долгое время после того, как устарели и вышли из употребления в повседневном. Их старинная форма сама по себе стала символом неразрывного единства с прошлым, оправдывавшим исполнение властных полномочий в настоящем. Характерным примером консерватизма византийского церемониального костюма является императорский лор, длинный, украшенный драгоценностями шарф – видоизмененный *trabea triumphalis*, наиболее изысканная разновидность римской тоги. Лор применялся, начиная с позднеантичного периода до 1453 г., то есть в течение более чем тысячелетие после того, как вышла из повседневного употребления римская тога.

Вне церемониального, придворного и церковного контекста двора и церкви, можно проследить некоторые общие тенденции в развитии византийского костюма. Ниспадающие одежды античности из мягких тканей, обвивающих тело просторными складками, сменились вначале просторными туниками, зачастую сотканными на ткацком станке в виде цельного куска ткани и просто сшитого по бокам, а потом – в средневековый период – шитой одеждой, из еще более мелких частей ткани. На протяжении средне- и поздневизантийских периодов характер византийского костюма менялся по мере усвоения неримских элементов, окончательно заимствованных из традиций исламских народов Среднего Востока и кочевых племен Центральной Азии. Влияние западной моды ощущалось большей частью в поздневизантийский период, особенно в районах, где ощутимо было латинское присутствие. Усвоению и распространению новых стилей одежды наверняка способствовали горячее желание членов византийского высшего общества следовать зарубежным стилям и склонность низших его слоев подражать в одежде своим более богатым современникам, – эти две тенденции четко проявлялись на протяжении всей византийской эпохи.

Наиболее характерным предметом одежды в позднеантичную эпоху, как для мужчин, так и для женщин, была туника, украшенная цветными лентами с орнаментом по нижнему краю, в проймах рукавов и головы, с галунами на запястьях. Мужская туника, которую носили под пояс поверх штанов, была, как правило, длиной до колен с длинными рукавами. Поверх нее мужчины носили плащ, причем имелись две его разновидности: с застежкой в виде броши на правом плече и с отверстием, позволявшим надевать и снимать его через голову. В ранневизантийскую эпоху должностные лица носили туники, по своему внешнему виду похожие на те, которые их современники носили не при дворе. Характерной деталью наряда высокопоставленных должностных лиц являлся хламис (хламида) – накидка длиной до лодыжек, с застежкой-булавкой (фибулой) на правом плече. К вертикальным концам накидки прикреплялась пара квадратных или прямоугольных полос ткани (тавии), по цвету отличавшихся от остальной одежды.

Император также носил хламиду. Его императорский хламис был пурпурным с золотыми тавлиями, тогда как хламиды сановников зачастую были белыми с пурпурными тавлиями. Из женщин только императрица имела право носить хламиду. Основными составляющими женского костюма были туника и накидка. Туника длиной до лодыжек имела длинные просторные рукава и зачастую перехватывалась поясом под грудью. В художественных произведениях тунику часто изображают носившейся поверх нижней одежды с длинными узкими рукавами. Женские накидки драпировали фигуру, свободно облекая ее складами.

В средневизантийский период мужская туника стала длиннее – до лодыжек и с длинными рукавами. Одна из разновидностей общераспространенной туники имела исключительно длинные рукава, которые либо свободно свисали по сторонам, либо собирались складами вокруг запястий. Вторая разновидность имела V-образную пройму головы и отвороты. Обычай носить верхнюю тунику, длиной до середины голени с разрезом спереди, поверх нижней туники, длиной до лодыжек, похоже, укоренился к IX в. К прочим типам мужской одежды относятся: короткая куртка с длинными узкими рукавами и юбка с разрезами со всех сторон, надевавшаяся поверх пары брюк. К концу XII в. кафтаны, спереди сверху донизу застегивавшиеся на пуговицы, возникнув, также стали частью мужского гардероба. Хламида, тем не менее, оставалась наиболее выдающимся отличительным элементом официального костюма того периода, хотя в средневизантийский период он был уже гораздо богаче украшенным и роскошным, нежели его ранневизантийский предшественник. Важным нововведением было появление в XI в. головного убора как части официального костюма. Средневизантийский женский гардероб в основном состоял из платьев, накидок и головных уборов. Платья были длиной до лодыжек с высоким воротом и длинными узкими рукавами. Как правило, их носили без пояса. К середине XI в. рукава стали чрезмерно широкими, а запястья приобрели характерную форму раструба. Женские накидки уже не обвивали фигуру, а скреплялись спереди брошью. Наиболее распространенной разновидностью женского головного убора был платок, который повязывали вокруг головы. Шляпы вошли в моду в XI–XII вв.

Длинные, застегивавшиеся спереди на пуговицы, кафтаны, вошли в употребление и получили широкое распространение в поздневизантийский период. Они могли быть широкими или же узкими, плотно прилегающими, с длинными или же длиной до локтя рукавами. В последнем случае их носили поверх нижней одежды с длинными рукавами. Византийцы носили кафтаны, перепоясываясь кожаным поясом или широким поясом из ткани. Как и кафтаны, поздневизантийские мужские плащи своим внешним видом свидетельствуют о сильном восточном влиянии. Плащи без рукавов, характерные для предыдущих периодов, заменили тяжелые накидки, иногда на меховой подкладке, носившиеся на плечах, с рукавами, спускавшимися почти до лодыжек. Внешний вид официального костюма также резко изменился на протяжении поздневизантийского периода, вероятнее всего, по причине разрыва, вызванного падением империи под натиском Четвертого Крестового похода. Византийские сановники носили кафтаны так же, как и их современники. Однако отличительной чертой их наряда был уже не хламис, а головной убор, цвет и украшение которого зависели от положения

в придворной иерархии. Значительные изменения наблюдались также в поздне-византийском женском гардеробе. В дополнение к более традиционным широким платьям с высоким воротом и рукавами с широким раструбом, носившимся без пояса, впервые отмечено появление приталенных платьев с тугим корсажем, широкой юбкой и длинными узкими рукавами. Под влиянием западной моды появляются также платья с глубоким вырезом.

Происхождение большинства составляющих облачения византийского духовенства можно проследить в истории повседневной одежды эпохи поздней античности. Поскольку они являлись частью оформления литургии, им приписывалось мистическое значение, напоминавшее о тех или иных событиях Жизни и Страданий Христовых (Gerstel 1999: 25–9), эти одежды оставались неизменной частью церковного церемониала; их все еще носит нынешнее православное духовенство. Византийские церковные иерархи всех уровней носили стихарь, тунику длиной до лодыжек с длинными широкими рукавами. Сочетание накидок, стол и других знаков отличия в дополнение к стихариону зависело от положения носившего их. Диаконы носили орарий, длинную узкую столу (шарф) через левое плечо. Стола священника называлась епитрахиль; ее надевали вокруг шеи так, чтобы оба конца спускались книзу спереди. Священники носили также зонарий, пояс из ткани, удерживавший на месте стихарь и епитрахиль. Их одежды дополняла филонь – широкая накидка без рукавов, которую надевали через голову. Одежды священников носили также и епископы. К XII в. филонь некоторых епископов поверху украшается крестами и становится известна как полиставрий; к XV в. ее носили все митрополиты. Епископское одеяние включало также епиманики (поручи), съемные манжеты, закреплявшие широкие рукава стихаря; енхирий / епигонатий (набедренный), квадратный отрезок ткани, свешивавшийся с зонария, и омофор, епископскую столу, спускавшуюся с плеч поверх филони / полиставрия. Саккос, короткую широкую тунику с короткими рукавами, впервые появившуюся приблизительно в XI в., носили вместо филони исключительно Патриархи. В поздневизантийские времена его ношение распространилось также и на митрополитов. Что касается головных уборов, свидетельства их ношения имеются только применительно к Патриарху Александрийскому (Bernardakis 1901–2; Johnstone 1967).

Основные элементы византийских монашеских одежд были общими как для монахов, так и для монахинь, а их происхождение восходило вглубь веков к монастырскому платью позднеантичного Нижнего Египта. Подобно одеянию духовенства, каждый предмет монашеского одеяния приобрел символическое значение, напоминая о добродетелях, которые призван был стяжать носивший, а именно: воздержность, целомудрие, смирение, веру во Христа и готовность служить Богу. Монашеское одеяние задумывалось также с тем, чтобы защитить монаха или монахиню от нападений дьявола. В дополнение к длинной, до лодыжек тунике с длинным рукавом в него входил аналав (нечто вроде наплечника), кожаный пояс, клобук (кукулий) и накидка. Система тонких полос кожи, формировавшая Х-образный крест спереди и сзади, так называемая схима, вероятно, являлась атрибутом особого рода монашествующих, известных как великосхимники (Innemiee 1992: 107–29).

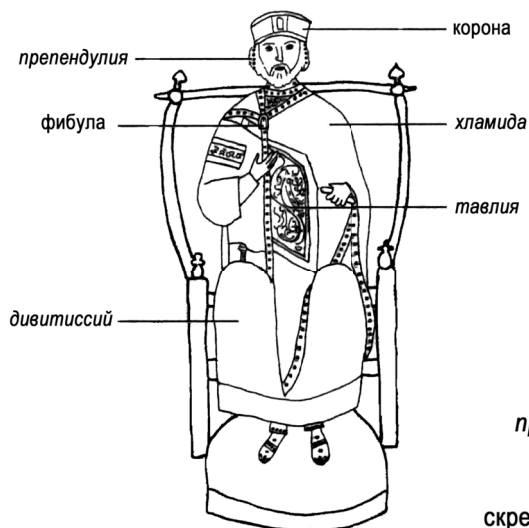

Рис. 1. Средневизантийское императорское одеяние-хламида (на основе портрета Михаила VII Дуки в Coislin 79, fo. 2^r, 1071–1081 гг.)

Рис. 2. Средневизантийское мужское одеяние со скрещенным лором (на основе портрета Михаила VII Дуки в Coislin 79, fo. 1 (2 bis)^v, 1071–1081 гг.)

Рис. 3. Поздневизантийское мужское одеяние с упрощенным лором (на основе портрета Мануила II Палеолога в Par. suppl. gr. 39, fo. VI, 1407 г.)

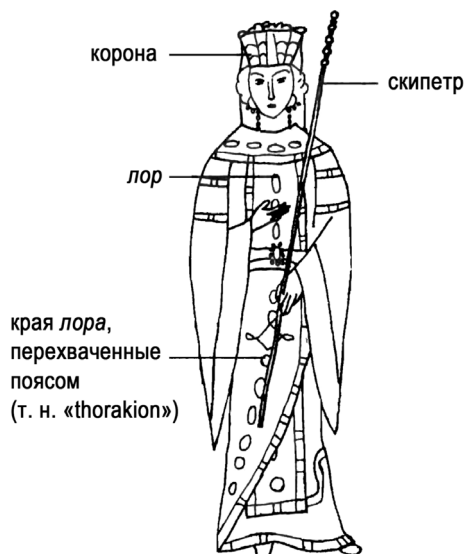

Рис. 4. Средневизантийское женское одеяние с лором (на основе портрета Марии Антиохийской в Vat. gr. 1176, fo. II^r, 1166 г.)

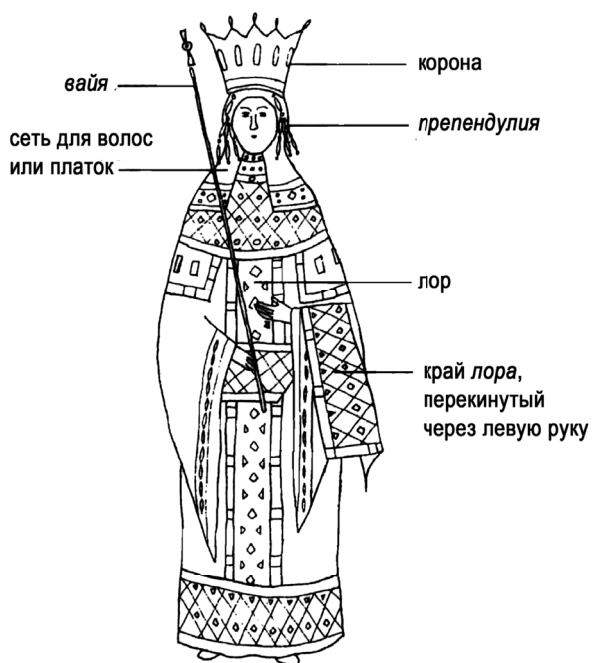

Рис. 5. Поздневизантийское женское одеяние с лором (на основе портрета Анны Савойской в Stuttgart, cod. hist. 2° 601, fo. 4, 1328–1341 гг.)

Рис. 6. Поздневизантийское мужское церемониальное одеяние (на основе портрета протосеаста Константина Комнина Пауля Палеолога в Oxford, Lincoln College, MS gr. 35, fo. 6^r, 1327–1342 гг.)

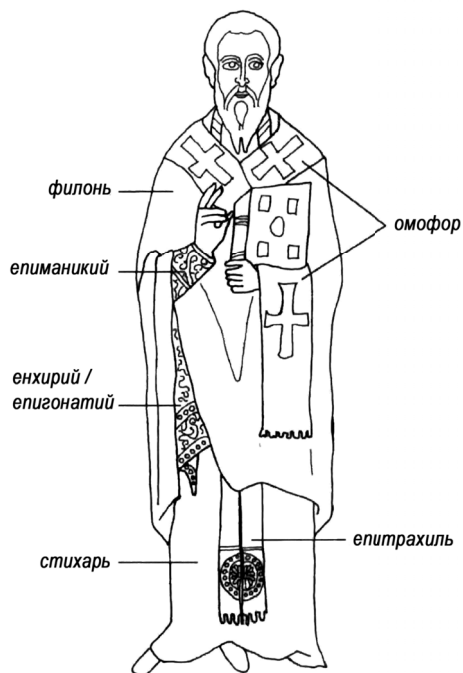

Рис. 7. Епископское одеяние (на основе портрета св. Игнатия в католиконе Монастыря Хосиос Лукас, Фокида, Греция, XI в.)

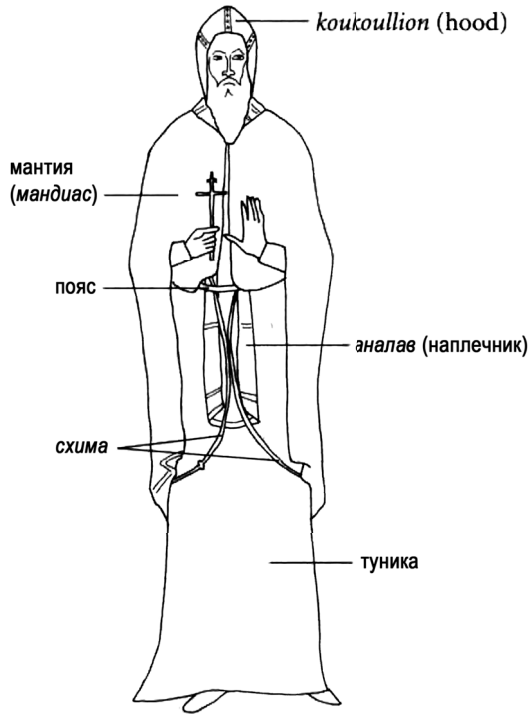

Рис. 8. Монашеское одеяние (адаптировано по портрету св. Григория Агригентского из часовни св. Троицы, монастырь св. Иоанна Златоуста, Куцувенди, Кипр, начало XII в.)

ЛИТЕРАТУРА

- ATANASOV, G. 2005. *The Roman Tomb in Durostorum* (Silistra).
- BALL, J. L. 2005. *Byzantine Dress: Representations of Secular Dress in Eighth- to Twelfth-Century Painting* (New York).
- BERNARDAKIS, P. 1901–2. 'Les ornements liturgiques chez les Grecs', *EO* 5: 129–39.
- CARDON, D., and FEUGERE, M. (eds.) 2000. *Archéologie des textiles des origines au Ve siècle* (Montagnac).
- CHATZEMICHALE, A. 1956. 'Ta chrysoklabarika–syrmateïna–syrmakesika kentemata', in *Mélanges offerts à Octave et Melpo Merlier* (Athens): vol. 2, 447–98.
- DAUTERMAN MAGUIRE, E., MAGUIRE, H., and DUNCAN-FLOWERS, M. 1989. *Art and Holy Powers in the Early Christian House* (Urbana–Champaign).
- DAWSON, T. 2003. 'Concerning an unrecognised tunic from Eastern Anatolia', *Byzantion* 73: 201–10.
- DIMITROV, D. 1962. 'Le système décoratif et la date des peintures murales du tombeau antique de Silistra', *CA* 2: 35–52.

- DUNBABIN, K. M. D. 1978. *The Mosaics of Roman North Africa: Studies in Iconography and Patronage* (Oxford).
- EIDENEIER, H. 1991. *Ptochoprodromos. Einführung, kritische Ausgabe, deutsche Übersetzung, Glossar* (Cologne).
- EUANGELATOU, M., PAPASTAUROU, E., and SKOTTE, T.-P. (eds.) 2001. *To Byzantio hos Oikoumene* (Athens).
- EVANS, H. (ed.) 2004. *Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York).
- FENNELL MAZZAOUI, M. F. 1981. *The Italian Cotton Industry in the Later Middle Ages, 1100–1600* (Cambridge).
- FLUCK, C. and others. 2000. *Textilien aus Ägypten, 1: Textilien aus dem Vorbesitz von Theodor Graf, Carl Schmidt und dem Ägyptischen Museum Berlin* (Wiesbaden).
- GERSTEL, S. E. J. 1999. *Beholding the Sacred Mysteries: Programs of the Byzantine Sanctuary* (Seattle–London).
- GUILLAND, R. 1949. ‘Sur quelques termes du Livre des Cérémonies de Constantin VII Porphyrogenete’, *REG* 62: 328–50.
- HALDON, J. 1990. *Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on Imperial Military Expeditions* (Vienna).
- HOWARD-JOHNSTON, J. 1998. ‘Trading in fur, from classical antiquity to the early middle ages’, in E. Cameron (ed.), *Leather and Fur: Aspects of Early Medieval Trade and Technology* (London): 65–79.
- INNMÉE, K. C. 1992. *Ecclesiastical Dress in the Medieval Near East* (Leiden–New York–Cologne).
- JACOBY, D. 1991–2. ‘Silk in western Byzantium before the Fourth Crusade’, *BZ* 84–5: 452–500.
- JAMES, L., and TOUGHER, S. 2005. ‘Get Your Kit On! Some issues on the depiction of clothing in Byzantium’, in L. Cleland, M. Harlow, and L. Llewellyn-Jones (eds.), *The Clothed Body in the Ancient World* (Oxford): 154–61.
- JEROUSSALIMSKAJA, A. 2000. ‘Un chef militaire byzantin au Caucase du Nord? Le ruban de soie de Moscevaja Balka’, in B. Borkopp and T. Steppan (eds.), *Lithostroton. Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für Marcel Restle* (Stuttgart): 125–30.
- JOHNSTONE, P. 1967. *The Byzantine Tradition in Church Embroidery* (London).
- KALAMARA, P., and MEXIA, A. (eds.) 2001. *The City of Mystras* (Athens).
- KODER, J. (ed.) 1991. *Das Eparchenbuch Leons des Weisen* (Vienna).
- KOUKOULES, P. 1950. *Thessalonikes Eustathiou Ta Laographika*, vol. 1 (Athens).
- LAFONTAINE-DOSOGNE, J. 1988. *Textiles coptes des Musées royaux d’art et d’histoire* (Brussels).
- LEFORT, J., OIKONOMIDES, N., and PAPACHRYSSANTHOU, D. (eds.) 1990. *Actes d’Iviron*, vol. 2 (Paris).
- LIGHTFOOT, C. S., and others. 2005. ‘The Amorium Project: excavation and research in 2002’, *DOP* 59: 231–65.
- LINSCHIED, P. 2001. ‘Early Byzantine textiles from Amorium, Anatolia’, *Archaeological Textiles Newsletter* 32: 17–18.
- 2004. ‘Middle Byzantine textiles from Amorium, Anatolia’, *Archaeological Textiles Newsletter* 38: 25–7.
- LOPEZ, R. S. 1945. ‘Silk industry in the Byzantine empire’, *Speculum* 20: 1–42 (repr. in *Byzantium and the World around it: Economic and Institutional Relations* (London, 1978): no. III).

- LORQUIN, A. 2003. 'Le costume dans l'antiquité tardive d'après les vestiges textiles coptes', in F. Chaussou and H. Inglebert (eds.), *Costume et société dans l'Antiquité et le haut Moyen Age* (Paris): 121–8.
- MARTINIANI-REBER, M. 1991. *Tissus Coptes*, 2 vols. (Geneva).
- (ed.) 2000. *Parure d'une princesse byzantine: tissus archéologiques de Sainte-Sophie de Mistra* (Geneva).
- MOUTSOPOULOS, N. 1967. 'Anaskaphe basilikes Hagiou Achilleiou', *Praktika Archaïologikes Hetaireias*: 55–69.
- 1989. *He basilike tou Hagiou Achilleiou sten Prespa: Symbole ste melete ton byzantinon mnemeion tes perioches*, 3 vols. (Thessalonike): 2, 999–1011.
- MUTHESIUS, A. 1993. 'The Byzantine silk industry: Lopez and beyond', *Journal of Medieval History* 19: 1–67 (repr. in *Studies in Byzantine and Islamic Silk Weaving* (London, 1995), no. XVI).
- 1997. *Byzantine Silk Weaving, AD 400 to AD 1200*, ed. E. Kislinger and J. Koder (Vienna).
- PAPANIKOLA-BAKIRTZI, D. (ed.) 2002. *Kathernerine zoe sto Byzantio* (Athens).
- PARANI, M. G. 2003. *Reconstructing the Reality of Images: Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th–15th Centuries)* (Leiden–Boston).
- PETIT, L. 1908. 'Typikon du monastère de la Kosmosotira près d'Ænos (1152)', *Izvestiia Russkago Archeologicheskago Instituta v Konstantinople* 13: 17–75.
- PFISTER, R. 1951. *Textiles de Halabiyeh* (Paris).
- and BELLINGER, L. 1945. *The Excavations at Dura-Europos: Final report, IV. Part II: The Textiles* (New Haven).
- PILTZ, E. 1976. *Trois sakkoi byzantins: analyse iconographique* (Stockholm).
- RINALDI, M. L. 1964–5. 'Il costume romano e i mosaici di Piazza Armerina', *Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia del Arte* 13–14: 200–268.
- RUTSCHOWSCAYA, M.-H. 1990. *Coptic Fabrics* (Paris).
- SCHMIDT-COLINET, A., and others. 2000. *Die Textilien aus Palmyra. Neue und alte Funde* (Mainz am Rhein).
- STAUFFER, A. 1992. *Spätantike und koptische Wirkereien. Untersuchungen zur ikonographischen Tradition in spätantiken und frühmittelalterlichen Textilwerkstätten* (Bern).
- STAUFFER, A. 1995a. 'Kleider, Kissen, bunte Tücher. Einheimische Textilproduktion und weltweiter Handel', in A. Schmidt-Colinet (ed.), *Palmyra. Kulturbegegnung im Grenzbereich* (Mainz): 57–71.
- 1995b. 'Textiles of Late Antiquity', in *Textiles of Late Antiquity* (New York): 5–17.
- SWIFT, E. 2000. *Regionality in Dress Accessories in the Late Roman West* (Montagnac).
- THOMAS, J., and HERO, A. (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC).

Углубленное чтение

В дополнение к изучению упомянутых ранее источников, полезно будет ознакомиться с двумя дошедшими до наших дней работами, посвященными византийскому дворцовому церемониалу: *De Caerimoniis* (X в.) – издатель И. Рейске (I. Reiske (ed.)),

De cerimoniis aulae byzantinae, 2 vols. (Bonn, 1829–30), и трактатом Псевдо-Кодина (XIV в.) (J. Verpeaux (ed.), *Pseudo-Kodinos: Traité des offices* (Paris, 1966)).

Интерес представляют также следующие издания:

CHAUSSEON, E. and INGLEBERT, H. (eds.) 2003. *Costume et société dans l'Antiquité et le haut Moyen Age* (Paris).

EMMANUEL, M. (1993–4). 'Hairstyles and headdresses of empresses, princesses, and ladies of the aristocracy in Byzantium', *DCAE* 17: 113–20.

GERVERS, V. 1983. 'Medieval garments in the Mediterranean world', in N. B. Harte and K. G. Ponting (eds.), *Cloth and Clothing in Medieval Europe: Essays in Memory of Professor E. M. Carus-Wilson* (London): 279–315.

GORDON, S. (ed.) 2001. *Robes and Honor: The Medieval World of Investiture* (New York).

GRANGER-TAYLOR, H. 1982. 'Weaving clothes to shape in the ancient world: the tunic and toga of the Arringatore', *Textile History* 13/1: 3–25.

HARLOW, M. 2004. 'Clothes maketh the man: power dressing and elite masculinity in the later Roman world', in L. Brubaker and J. M. H. Smith (eds.), *Gender in the Early Medieval World, East and West, 300–900* (Cambridge): 44–69.

KALAMARA, P. 1997. *Le système vestimentaire à Byzance du IVe jusqu'à la fin du XIe siècle* (Lille).

MUTHESIUS, A. 2001. 'Essential processes, looms, and technical aspects of the production of silk textiles', in *EHB*: 147–168.

PARANI, M. 2007a. 'Cultured identity and dress: the case of Late Byzantine court costume', *JÖB* 57: 95–134.

— 2007b. 'Defining personal space: dress and accessories in Late Antiquity', in L. Lavan, E. Swift, and T. Putzeys (eds.), *Objects in Context, Objects in Use. Material Spaciality in Late Antiquity (Late Antique Archaeology 5)* (Leiden–Boston): 497–529.

PILTZ, E. 1994. *Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque paléologue* (Uppsala).

— 1997. 'Middle Byzantine court costume', in H. Maguire (ed.), *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* (Washington, DC): 39–51.

REINHOLD, M. 1970. *History of Purple as a Status Symbol in Antiquity* (Brussels).

Относительно позднеантичных тканей и костюмов в отдельности см. материалы коллоквиума *Tissus et vêtements dans l'antiquité tardive* at Lyon in 2003, published in *Antiquité Tardive* 12 (2004).

Глава II.8.3 ПРОИЗВОДСТВО ШЕЛКА

Дэвид Якоби

Довольно большое количество дошедших до нас фрагментов шелка считается продукцией византийского производства. Их идентификация в качестве таковых, приблизительное датирование и классификация основываются в первую очередь на визуальном анализе орнаментальных мотивов и образцов, иконографических и стилистических сопоставлениях, а также сличении с изображениями, выполненными другими художественными средствами, то есть в мозаике, стенной росписи, рукописях и письменных источниках. Прогресс достигнут еще и благодаря использованию особых технических и научных методов анализа тканей, текстильного волокна, золота, серебра и золотной нити в ткачестве и вышивке, а также тканевых красителей. Редко, однако, удается установить прямую взаимосвязь между сохранившимися фрагментами и шелками, упомянутыми в письменных источниках. Более того, местом производства большей части приписываемых Византии шелков считается либо Константинополь, либо империя в целом, хотя до сих пор ни один фрагмент не отнесен с уверенностью к определенному производственному центру в провинции, кроме некоторых ранних, обнаруженных в Египте. Византийское происхождение многих других шелковых тканей и изделий из шелка все еще подвергается сомнению и является предметом горячих дискуссий.

Некоторые из ранневизантийских шелков обнаружены в результате раскопок в Египте, а более поздние – в различных поселениях Европы и Азии. Многие другие фрагменты обязаны своей сохранностью использованию их на латинском Западе в облачении духовенства или обивке интерьера (мебели), покрывах реликвий, погребальных саванах (Muthesius 1995: 119–44). Некоторые из поздних образцов сохранились в греческих православных монастырях и храмах. Тем не менее, письменные источники содержат важные сведения в отношении экономики производства шелка в империи, отражают широкий качественный спектр тканей, их разностороннее использование и социальный контекст их распространения.

Ко времени правления Юстиниана (527–565 гг.) ценные шелковые ткани уже играли важную символическую роль в жизни императорского двора; они выполняли литургические и орнаментальные функции в храмах и монастырях

и служили для обозначения социального положения. Особенно ценились ткани как предмет роскоши: однотонная, тканая золотом или же с вытканым рисунком (изображения животных или же более сложных сцен) материя служила инструментом имперской дипломатии и принадлежала к ценным высокохудожественным товарам, повышавшим престиж империи за границей (см. II.8.2 Ткани и одежда). В целом производство шелка становилось, помимо всего прочего, все более весомым фактором имперской экономики вплоть до начала XIII в.

Позднеримская империя импортировала шелковые ткани из внутренних районов Азии, а также изготавливала ткани из иностранного шелка. Предположение о том, что также использовалась немотаная пряжа импортного происхождения, весьма спорно. Производство шелка продолжилось в ранневизантийский период. В результате промышленная инфраструктура и квалифицированная рабочая сила, необходимые для такого производства, существовали в империи уже ко времени правления Юстиниана I. Два византийских историка VI в. сообщают, что в правление этого императора два христианских монаха хитростью провезли личинки шелковичного червя из Сасанидской Персии (основного посредника в поставках шелка) в Византию. Именно они, по общему мнению, дали возможность начать производство шелка, выращивая в местных условиях шелковичного червя, питавшегося листьями тутового дерева (*Bombyx mori L.*). Однако, поскольку шелководство, вероятно, еще раньше практиковалось в Сирии (Muthesius 1993: 19–23), вышеупомянутые данные предположительно свидетельствуют о разведении шелковичных червей, производивших шелк более высокого качества и в большем количестве.

Строгий государственный контроль импорта шелкового сырья, производства и распространения тканей существовал, начиная с IV в. и далее. Его целью было обеспечить поставки драгоценных шелков придворным и создать «иерархию одежд». Императорские фабрики составляли важный механизм проведения такой политики. Попытка Юстиниана I установить государственную монополию на шелководство окончилась неудачей. Развиваясь в восточных провинциях, шелководство и производство шелка распространилось и на другие регионы империи, хотя климатические условия исключают разведение шелка во всех тех регионах, в которых с середины VII до начала IX в. функционировали коммерции (несмотря на утверждения Икономидеса (Oikonomides 1986: 33–51) на основании дат на печатях) и Якоби (Jacoby 1991–2: 453–4). Ввиду возрастающего спроса на шелк, Византия, тем не менее, еще некоторое время оставалась в зависимости от импорта сырья. Рост частного производства шелка привел в результате к снижению цен и сопровождался ослаблением государственного контроля, очевидным уже к первой половине VII в.

Потеря восточных провинций империи в результате вторжения арабов в том же столетии привела к трем важным результатам. Константинополь стал основным производителем шелка и оставался им до XIII в. Империя перестала быть единственным производителем шелка в Средиземноморье, арабы распространили выращивание тутового дерева, шелководство и производство шелка от Среднего Востока до Андалузии (Испания), Туниса и Сицилии. В конце концов, коммерческие и дипломатические отношения между империей и исламским Вос-

током привели и к технологическому обмену между регионами, отразившемуся и в деятельности их знаменитых шелковых фабрик.

Все большее количество шелка требовал в последующие столетия императорский двор: для собственного потребления, для выдачи государственным служащим, носителям почетных титулов, иностранным сановникам, а также для дипломатических даров. В Константинополе императорские фабрики, располагавшиеся в императорском дворце, производили, красили и кроили шелковую ткань исключительно для потребностей двора. Некоторые фрагменты с именами императоров, произведенные от IX до начала XI вв., сохранились и по сей день (Oikonomides 1986: 51 and n. 108; Muthesius 1997: 34–43). Однако, поскольку императорские фабрики не покрывали всех дворцовых нужд, власти зависели также от закупок у частных мастерских и от купцов, ввозивших исламский шелк.

Книга Эпарха (изд. Koder 1991), выполненная в начале X в., дает ценную информацию относительно хозяйственных операций в частном производстве шелка в Константинополе. Пять гильдий, каждая в своей специализированной отрасли, участвовали в процессах производства и торговли шелками высокого и среднего качества. При этом члены гильдий использовали труд наемных рабочих и рабов, а ткачи перепоручали субподрядные работы лицам, не являвшимся членами их гильдии. Вышивальщики и портные действовали вне системы гильдий. Все уровни от городского импорта и закупок шелка и красителей до изготовления, продажи и экспорта находились под строгим контролем городского эпарха. Имперскую «шелковую» политику обуславливали несколько тесно связанных задач: обеспечить частные мастерские столицы соответствующим количеством шелка, для чего империи отныне было достаточно собственного производства, отсюда — запрет на экспорт в любом виде за исключением одежды; обеспечить устойчивые стандарты качества; дать возможность императорскому двору покупать, когда требуется, ткани местного производства или же импортные и, наконец, предотвратить эмиграцию квалифицированной рабочей силы и экспорт технологий производства шелка (Maniatis 1999: 263–332; Jacoby 2001a: 1–8, 12–17).

Следует подчеркнуть, что имперский контроль сводился не только к государственной монополии на торговлю шелком, как зачастую утверждают. Только драгоценные ткани, изготавливавшиеся по заказу императорского двора, оставались вне коммерческого оборота. Частным мастерским запрещено было производить шелк или одежды определенным образом вытканые, определенных типов, размеров, цветов, в том числе окрашенные пурпуром (см. ниже). Все это попадало в категорию кеколимена, то есть «запрещенного» для частного пользования, продажи или вывоза за пределы империи. Распространение прочих высококачественных шелков находилось под контролем, хотя и их продажа и экспорт позволялись лишь при наличии разрешения. Прочие виды шелка обращались на открытом рынке. Несмотря на строгий государственный контроль некоторое количество шелка производилось и продавалось нелегально (Jacoby 1991–2: 490–2, 498–500).

Изготовление шелка в империи в большинстве своем ориентировалось на внутренний рынок, хотя имелся и коммерческий экспорт. К XIII в. высококачественные византийские шелка морем отправляли в Италию, из которой они достигали и других районов латинского Запада, хотя до начала XI в. круг потреби-

телей в данном регионе ограничивался правящими дворами, высшими слоями общества и богатыми церковными организациями (Jacoby 1997a: 55–61). Более широкого распространения византийские шелка достигли среди городского населения исламского Востока, и Трапезунд служил при этом в X в. основным транзитным пунктом (Jacoby 2004a: 218–19, 221–2).

Существующая заметная визуальная схожесть между разновидностями византийских и исламских шелков высокого качества – результат заимствования декоративных элементов текстиля и художественных изделий Сасанидов, а также повседневного взаимодействия между империей и исламским Востоком в данной области. Взаимодействие распространялось также на технологии производства шелкового волокна, ткачество, изготовление одежды, моды. Утверждалось, что эти процессы первоначально явились порождением дипломатических отношений и подношений, хотя коммерческое распространение шелков и мобильность квалифицированной рабочей силы, промышленное оборудование и технологии, похоже, сыграли в этом гораздо более значимую роль. Работавшие в производстве шелка из мусульманских стран, будь то христиане, евреи или же пленные мусульмане, содействовали подражанию, имитации исламских шелков в империи. С другой стороны, высококвалифицированные ремесленники исламского Востока все больше и больше имитировали византийские шелка, тем самым постепенно сокращая их импорт (Jacoby 2004a: 221–2, 224–6).

Внимание ученых сосредоточено на дорогостоящих тканях, являвшихся предметом роскоши. Однако уже в X в., если не ранее, производство шелка и продажа его в империи не ориентировались исключительно на элиту, а были рассчитаны и на более низкие слои общества. Диверсификация, разнообразие изделий достигалось различными путями. Поскольку шелк был дорогостоящим сырьем, большая его часть должна была использоваться с максимальной выгодой. Длинные нити первоклассного шелка шли на изготовление одежд высокого и среднего качества, тогда как короткие волокна – на размотку шелка, его отходы и остатки приходилось сучить и лишь после этого использовать для производства грубой и неоднородной по качеству материи, известной как кукуларико (Jacoby 1994: 53–4). Кроме того, и первоклассный, и второсортный шелк при производстве полушелковых тканей комбинировали с шерстью, льном и хлопком. Эти менее дорогостоящие ткани, вероятно, изготавливались в империи в достаточно больших количествах. Поскольку шелка находились на вершине иерархии тканей, они, независимо от качества, являлись знаком отличия, выделяя своих носителей среди прочих жителей империи. Завещания, описи имущества, личная переписка, а также брачные и деловые договоры показывают все многообразие возможностей использования шелка помимо изготовления одежды, в том числе для лент, поясов, покрывал, головных уборов, платков, наволочек и одеял, покрывал на кровати, портьер, стеной обивки и переплетов книг. Небольшие фрагменты шелка изготавливались на простых, небольших ткацких станках в условиях домашнего производства, за пределами мастерских, подлежавших государственному надзору (Jacoby 1991–2: 473–5).

Красители, особенно использовавшиеся в производстве ценных тканей, также являлись важной частью цены на шелк. Производство пурпура из раковин,

будучи наиболее дорогостоящим, контролировалось и финансировалось императорским двором, а использование красителя ограничивалось окрашиванием шелка для нужд последнего. Производство этого красителя прекратилось в Византии и на изначально входивших в ее состав территориях вскоре после падения имперской власти в 1204 г. вследствие недостатка средств. Менее дорогостоящие высококачественные красители различных оттенков красного цвета получали из насекомых-паразитов, обитавших на территории империи. Прочие красящие материалы, как, например, индиго, придававший синий цвет, импортировали из исламских стран. Не удивительно, что в целях снижения стоимости производства дорогостоящие красители, случалось, заменяли [более дешевыми] аналогами или фальсифицировали. Такая практика отмечена даже в отношении высококачественных шелков, предназначенных имперским двором для дарения иностранцам (Jacoby 1991–2: 455–8, 464–8, 481–99, *passim*).

Начиная с конца X в. и далее, византийская элита и городской средний класс, последний особенно в Константинополе, имели в своем распоряжении накопленные богатства, что породило изменение моделей потребления и повышенную склонность к демонстрации роскоши как символа общественного положения. Растущий спрос на шелк в данных обстоятельствах стал стимулом распространения шелководства в провинциях (как, например, в Калаврии), расширения производства шелка в империи и повышения разнообразия видов его продукции. Появлению новых производственных центров в континентальных районах Греции (Фивы, Коринф и Патры), на некоторых островах Эгейского моря (Андрос и Эвбея), а также в Малой Азии частично способствовали местные архонты, действовавшие в качестве предпринимателей, нанимавших опытных ремесленников и финансировавших работу мастерских. Существование гильдий как формы организации занятых в сфере производства шелка в провинциях все еще является предметом дискуссии (Jacoby 1991–2: 456–7, 490–2, 499; Maniatis 2001: 351–7). Фивы стали главным производителем шелка в провинции, поставляя продукцию к императорскому двору, для свободной продажи на внутреннем рынке, зарубежным потребителям, как на Западе, так и в мусульманской Малой Азии. Высокое качество шелков, оспаривавших пальму первенства у константинопольских, побудило власти взять под контроль и сократить их продажу по тем же причинам, что и в столице. Оно же подхлестнуло короля Сицилии Рожера II к захвату Фив и депортации работников шелковых производств в свою столицу Палермо, где им было приказано обучить ремеслу местных работников (в целом см. соответствующие разделы: Jacoby 1991–2: 452–500; 1997a: 66–7).

Развитие новых центров шелкового производства, первоначально ориентированных на византийский внутренний рынок, также дало возможность увеличить экспорт в направлении латинского Запада. Расширяющийся спрос со стороны знати, а также в городах данного региона, начиная с XI в., порождал все возрастающую вовлеченность венецианских и генуэзских купцов в византийскую торговлю шелком и его транспортировку морем, включая предложение на византийском внутреннем рынке (Jacoby 1991–2: 493–500; 1997a: 61–3; 1999: 11–14). Их деятельность, которой благоприятствовали коммерческие привилегии, предоставляемые им в империи, в сочетании с растущей конкуренцией со стороны про-

винциальных шелковых мастерских, подрывала эффективность системы гильдий Константинополя, распавшейся с завоеванием города латинами в 1204 г.

Огромные пожары, разразившиеся в Константинополе в 1203 г. и 1204 г., и захват города латинами в том же году разрушили экономическое основание шелковой промышленности города. Византийский императорский двор, городская знать и широкие слои населения города покинули Константинополь. Финансировавшееся государством производство шелка в придворных мастерских прекратилось, поскольку обедневшим латинским императорам (1204–1261 гг.) не хватало средств на то, чтобы его возобновить. Новое, латинское высшее общество не располагало экономическими ресурсами, сопоставимыми с византийскими, а резкое сокращение населения привело к сужению рынка даже в отношении дешевой шелковой одежды невысокого качества. Отсутствие капиталовложений в восстановление частных мануфактур вскоре после 1204 г. побудило их работников эмигрировать. Большая их часть, по всей видимости, обосновалась в Малой Азии, в районах крупномасштабного шелководства, где они усилили состав местной рабочей силы. Основные производственные центры в данном регионе, Никея, Магнесия и Филадельфия продолжали свою деятельность на протяжении XIII в. и далее после их завоевания турецкими правителями (Jacoby 2001a: 17–20).

Возрождению шелковых мануфактур в Константинополе после возвращения города Византии в 1261 г. препятствовало несколько обстоятельств. Императоры не могли больше позволить себе финансирование дворцовых мастерских, а прочим грекам, столкнувшимся с конкуренцией со стороны генуэзских и венецианских купцов, не хватало капитальных и предпринимательских возможностей для возобновления частного шелкового производства. После захвата Малой Азии турками около 1300 г., помимо Филадельфии, пребывавшей в составе Византии до 1390 г., Фессалоника, получавшая шелковое сырье из собственного пригорода, оставалась единственным центром производства шелка на всей резко сократившейся территории империи. Период правления Палеологов также стал свидетелем постепенного снижения качества византийского шелка, что отразилось в переходе от вплетаемых в ткань украшений к отделке вышивкой, что уменьшало затраты на производство.

В дополнение с середины XIII в. и далее византийские шелковые мастерские сталкивались с возрастающей конкуренцией на внутреннем рынке. Импортные ткани из Лукки (Италия) и исламских стран пользовались повышенным спросом в высших слоях общества Никейской империи. Около 1243 г. император Иоанн Ватац (1221–1254 гг.) приказал своим подданным использовать для изготовления одежды исключительно местный шелк, однако этот указ, по всей видимости, действовал недолго (Jacoby 1999: 23–4). В правление Андроника III (1328–1341 гг.) итальянские и исламские шелка и одежды импортировали или подделывали, распространяя при дворе и повсеместно. Более поздние письменные, изобразительные и археологические источники свидетельствуют о росте их употребления и влиянии зарубежной моды на жителей Константинополя и Мистры, столицы Морейского деспотата, вплоть до момента гибели империи (Jacoby 2004a: 220; 2004b: 138–44; 2006; *The City of Mystras*: 143–51).

Распад Византийской империи в результате Четвертого Крестового похода имел серьезные последствия для шелковой индустрии и торговли в западных провинциях, занятых латинами. Западные предприниматели сменили византийских архонтов в деле финансирования некоторых шелковых мастерских, а экспорт высококачественной продукции последних был перенаправлен на Запад. Центры производства шелка в латинской Греции, среди которых лидерство по-прежнему удерживали Фивы, видимо, придерживались византийской традиции в отношении свойств и качества тканей, обеспечивая себе тем самым долю на внутреннем и зарубежном рынках. В XIV в. их шелка экспортировали даже во Францию и Египет. Однако с конца XIII в. итальянские купцы в Латинской Романии все больше и больше в своей деятельности переходят от поддержки местного ремесленного производства и экспорта к закупке сырья для итальянских шелковых мануфактур. В конце концов, продолжительность изготовления византийских шелков, сильная зависимость мастерских от западных рынков сбыта, недостаточное соответствие веяниям западной моды ослабили способность византийских производителей выдерживать жесточайшую конкуренцию со стороны крупномасштабной итальянской шелковой индустрии и привели их к упадку (Jacoby 1994: 41–61; 1997a: 68–70, 74–9; 1999: 21–3, 29–31; 37–8; 2000a: 22–35).

Производство высококачественного шелка в Лукке и Венеции с середины XII – начала XIII вв. соответственно стало в этом отношении решающим. Генуэзские и венецианские купцы все больше сосредотачивали внимание на поставках в эти развивающиеся промышленные центры шелкового сырья с Кавказа и из Прикаспийского региона через Константинополь, а также из Малой Азии и Латинской Романии (Jacoby 2004b: 129–38). Первоначально Лукка и Венеция производили византийские сорта шелка по качеству сходные с римскими, а также более дешевый полушелк (Jacoby 1997a: 68–79; 1999: 16–29). Однако с 1260 г. и далее богатые покупатели Запада проявляют особую заинтересованность в отношении драгоценных восточных шелков, производимых на исламском Востоке. К началу XIV в. итальянские мастерские начинают их имитировать (Jacoby 2004a: 230–6) и в дополнение запускают в производство новую шелковую ткань – бархат. Введение инновационных технологий, в том числе трудосберегающего оборудования, еще более усилило их конкурентоспособность. В конечном итоге преимущество Италии в торговле и транспортировке товаров морем на дальние расстояния внесло свой вклад в сокращение и полное прекращение производства шелка Византией, как в самой империи, так и в Латинской Романии.

ЛИТЕРАТУРА

The City of Mystras, exhibition catalogue (Athens 2001)

JACOBY, D. 1991–2. ‘Silk in Western Byzantium before the Fourth Crusade’, *BZ* 84–5: 452–500 (repr. in Jacoby 1997b: no. VII).

— 1994. ‘Silk production in the Frankish Peloponnese: the evidence of fourteenth century surveys and reports’, in H. A. Kalligas (ed.), *Travellers and Officials in the Peloponnese*:

- Descriptions – Reports – Statistics, in Honour of Sir Steven Runciman (Monemvasia): 41–61 (repr. in Jacoby 1997b: no. VIII).
- 1997a. ‘Silk crosses the Mediterranean’ in G. Airaldi (ed.), *Le vie del Mediterraneo. Idee, uomini, oggetti (secoli XI–XVI)* (Genoa): 55–79 (repr. in Jacoby 2001b: no. X).
- 1997b. *Trade, Commodities and Shipping in the Medieval Mediterranean* (Aldershot).
- 1999. ‘Genoa, silk trade and silk manufacture in the Mediterranean region (ca. 1100–1300)’, in A. R. Calderoni Masetti, C. Di Fabio, M. Marcenaro (eds.), *Tessuti, oreficerie, miniature in Liguria, XIII–XV secolo* (Istituto Internazionale di Studi Liguri, Atti dei Convegni, III; Bordighera): 11–40 (repr. in Jacoby 2005: no. XI).
- 2000a. ‘The production of silk textiles in Latin Greece’ in *Technognosia ste latinocratoumene Hellada* [= *Technology in Latin-Occupied Greece*] (Athens): 22–35 (repr. in Jacoby 2005: no. XII).
- 2000b. ‘Dalla materia prima ai drappi tra Bisanzio, il Levante e Venezia: la prima fase dell’industria serica veneziana’ in L. Molà, R. C. Mueller, C. Zanier (eds.), *La seta in Italia dal Medioevo al Seicento: dal baco al drappo* (Venice): 265–304 (repr. in Jacoby 2005: no. X).
- 2001a. ‘The Jews and the silk industry of Constantinople’ in Jacoby 2001b: no. XI.
- 2001b. *Byzantium, Latin Romania and the Mediterranean* (Aldershot).
- 2004a. ‘Silk economics and cross-cultural artistic interaction: Byzantium, the Muslim world and the Christian West’, *DOP* 58: 197–240.
- 2004b. ‘The silk trade of Late Byzantine Constantinople’, in S. Atasoy (ed.), *550th Anniversary of the Istanbul University. International Byzantine and Ottoman Symposium (XVth century) 30–31 May 2003* (Istanbul): 129–144.
- 2005. *Commercial Exchange across the Mediterranean: Byzantium, the Crusader Levant, Egypt and Italy* (Aldershot).
- 2006. ‘Late Byzantium between the Mediterranean and Asia: trade and material culture’, in S. T. Brooks (ed.), *Byzantium: Faith and Power (1261–1537): Perspectives on Late Byzantine Art and Culture: The Metropolitan Museum of Art Symposia* (New York): 20–41.
- KODER, J. (ed.) 1991. *Das Eparchenbuch Leons des Weisen* (Vienna).
- LOPEZ, R. S. 1945. ‘Silk industry in the Byzantine Empire’, *Speculum* 20: 1–42 (repr. in *Byzantium and the World around it: Economic and Institutional Relations* (London, 1978), no. III).
- MANIATIS, G. C. 1999. ‘Organization, market structure, and modus operandi of the private silk industry in tenth-century Byzantium’, *DOP* 53: 263–332.
- MUTHESIUS, A. 1993. ‘The Byzantine silk industry: Lopez and beyond’, *Journal of Medieval History*, 19: 1–67 (repr. in *Studies in Byzantine and Islamic Silk Weaving* (London, 1995), no. XVI).
- 1995. *Studies in Byzantine and Islamic Silk Weaving* (London).
- 1997. *Byzantine Silk Weaving AD 400 to AD 1200*, ed. E. Kislinger and J. Koder (Vienna).
- OIKONOMIDES, N. 1986. ‘Silk trade and production in Byzantium from the sixth to the ninth century: the seals of the Kommerkiarioi’, *DOP* 40: 33–51.

Глава II.8.4 КЕРАМИКА

Памела Армстронг

Понятие «керамика» охватывает целый ряд предметов, используемых в повседневной деятельности человека для ее упрощения: от водосточных труб и черепицы крыш до наиболее изящных и искусно выполненных сосудов для хранения напитков. Такие изделия изготавливали в больших количествах, что требовало наличия соответствующих сортов глины, воды, и доступа к путям сообщения для транспортировки готовой продукции. Потерпевшие крушение корабли, груженные трубами, амфорами и посудой, свидетельствуют об объемах такого производства (van Doorninck 2002: 899–905). Керамика использовалась для хранения и приготовления пищи всеми домохозяйствами, а для сервировки стола – большинством из них, поскольку богатые домохозяйства могли употреблять и серебряную, и еще какую-либо металлическую посуду.

Основываясь на классификации посуды, производство керамики можно разделить на четыре основных хронологических периода. Первый, ранневизантийский – IV–VIII вв., в течение которого прекратилось производство в античных классических традициях. Второй – с VIII по XI вв., когда в изготовлении посуды первенство принадлежало Константинополю, откуда ее экспортировали в прочие районы политического и культурного влияния Византии. В третий период, приблизительно совпадающий с правлением императорской династии Комнинов, производство поливной керамики стало общераспространенным и в провинциальных центрах. Четвертый период начинается в конце XII в., когда поздневизантийская посуда приобретает выраженную региональную стилизацию.

Гончарные изделия IV–VIII вв., обнаруженные в Греции, Малой Азии и Леванте, в основном считают византийскими; в других областях Средиземноморья аналогичную посуду относят скорее к позднеримской (Hayes 1997: 471). Обожженную, тонкостенную римскую краснолаковую керамику, отличавшуюся филигранной выделкой глины, продолжали изготавливать и в ранневизантийский период. Римскую, а впоследствии и византийскую краснолаковую керамическую посуду в большом количестве выпускали немногочисленные производственные центры, продавая ее повсеместно, в том числе и за пределами Средиземноморья,

вплоть до северной Франции и Британии (Hayes 1972, 1982). В IV в. наибольшим спросом пользовалась африканская красноглиняная керамика (АКГК). Ее производили в поселениях в районе современного Туниса и в больших количествах экспортировали в Средиземноморье и Левант (Hayes 1972: 296–9; 1997: 472–3). Кипрская красноглиняная керамика (ККГК), также известная как позднеримская D, которую в небольших объемах начали производить в IV в., к VII–VIII вв. стала одним из наиболее распространенных в Восточном Средиземноморье типов посуды. (Uscatescu 2003: 547 fig. 1, 551; Armstrong 2008). Однако, начиная с VI в. ККГК была уже не столь широко распространена в Италии, Греции или на северном побережье Эгейского моря. Она получила такое название из-за того, что часто встречается на Кипре, но ни одного поселения, где бы ее производили, так и не было обнаружено ни там, ни где либо еще. Не менее популярна с V по VII вв. была фокейская глина, известная также как позднеримская C, посуду из нее производили в одноименном поселении¹ на Анатолийском побережье между Смирной и Пергамом (Vaag 2005: 132–8). Она получила широкое распространение в Восточном Средиземноморье, а также в значительном количестве была обнаружена в Испании (Peralta 1991), Британии и даже Ирландии (Fulford 1989: 1–6).

В последнее десятилетие усилилось понимание всей сложности характера производства керамики и ее распространения в ранневизантийский период, с публикацией все возрастающего количества описаний высококачественной посуды, производство которой, в отличие от описанной Хейсом в 1972 г. (Hayes 1972), приписывают мелкомасштабным производственным центрам. Возникает картина, состоящая из серии иерархически расположенных групп, разделяемых по категориям в зависимости от того, насколько далекий путь совершали керамические изделия от мест своего изготовления, и от размеров производственного центра, причем первое зачастую определялось последним. На вершине иерархии, если можно так выразиться, – «продукция международного класса», как, например, АКГК, ККГК и фокейская керамика, производившаяся в больших количествах и распространявшаяся на обширных территориях. Эти изделия давно и подробно описаны документально. Следующий уровень иерархии формируют изделия «регионального масштаба», такие, как сагаласская посуда (Poblomé and others 2000); они изготавливались в меньших количествах, нежели предыдущие, и имели меньшую территорию распространения по сравнению с изделиями «международного класса». На самом нижнем уровне находится продукция «местного значения», также выпускавшаяся в достаточном количестве, но для употребления в каком-либо одном месте или для ограниченного распространения в пределах территории производства, как, например в Аскре (Беотия) (Vroom 2003: 137–9) или Бальборе (Ликия) (Armstrong – готовится к печати). Один из видов посуды «местного значения» выявлен научными методами в небольшом количестве поселений, при том, что место его производства не установлено (Poblomé and others 2001). Такие изделия с ограниченной территорией распространения являются наименее изученным видом византийской красноглиняной керамики.

¹ Фокея – ионийский торговый город-порт на западном побережье Малой Азии (*прим. ред.*).

Производство кухонной посуды для приготовления пищи относилось к высокотехнологичным, так как необходимость ее повседневного использования выдвигала особые требования к характеристикам материала, из которого изготавливали сосуд. Глиняная масса, составлявшая стенки и дно кухонной посуды, должна была иметь в своем составе вкрапления, позволявшие выдерживать перепады температур, которым подвергалась кухонная посуда, а также проводить тепло настолько, чтобы нагревалось содержимое. Соответствующие примеси могли импортировать в производственный центр и уже там смешивать с глиной, но обычно (хотя определенно установлены лишь немногие из центров производства) месторождения глины, подходящей для изготовления кухонной посуды, эксплуатировались там же, где и располагались, зачастую – веками. Не только доступность материала, но и передовые технические навыки были необходимы для производства качественной кухонной посуды. Кстати, лучшая посуда для приготовления пищи была тонкостенной: объемистые сосуды с горловиной диаметром 24 см могли иметь стенки 5–6 мм толщиной, чего было не так-то просто добиться при изготовлении.

Крупное производство кухонной посуды находилось в Диориосе на Кипре (Catling 1972), тамошние изделия продавали по всему Леванту и территории южной Турции (Armstrong 2008). Лишь небольшая часть огромного комплекса была обнаружена в ходе недавних раскопок, этого достаточно, однако, чтобы доказать, что производство там продолжалось в VII, VIII, а, возможно, и вплоть до IX в. Изготовление кухонной утвари в Диориосе имело столь большое значение, что хотя, возможно, и приостанавливалось на время вторжений арабов, однако быстро возобновлялось, вероятно, под влиянием зарубежного гончарного дела, поскольку печи, использовавшиеся на протяжении последнего производственного периода, принадлежат к исламскому типу, тогда как печи более ранних периодов были изготовлены в романо-византийской традиции. Продолжительность существования производства в Диориосе иллюстрирует первоочередную важность поселений, где имелись естественные ресурсы, необходимые для гончарного производства кухонной утвари.

Емкости для приготовления пищи имели либо луковичную форму, сужаясь к горлышку (рис. 1 *a*), либо были одинаковых размеров у основания, посередине и вверху, у входного отверстия (рис. 1 *b*). Первый тип общеизвестен как простой «кухонный горшок», что также является общим названием для целого класса огнеупорной посуды, или, возможно, «горшок для тушения», а последний тип – как «кастрюля». Ободок входного отверстия часто имел выступ для поддержания крышки, которая могла изготавливаться специально, а могла быть просто перевернутой миской, выполнявшей двойную функцию, то есть служившей также и для подачи блюда на стол. Кухонные горшки изготавливали либо с плоским основанием, чтобы ставить прямо в огонь, либо с закругленным дном, и тогда требовалась металлическая подставка для их установки на огонь и кольцо или ухват, обычно керамические, чтобы извлекать их из огня. Кухонные горшки с плоским основанием зачастую имели только одну ручку (рис. 1 *c*), во время их использования выступавшую из огня, тогда как сосуды с закругленным дном обычно имели их две. Малые по размеру изделия обеих разновидностей не имели ручек

Рис. 1. Кухонные горшки:

- (а) округлой (луковичной) формы;
 (b) кастрюля;
 (с) кастрюля с одной ручкой и плоским дном

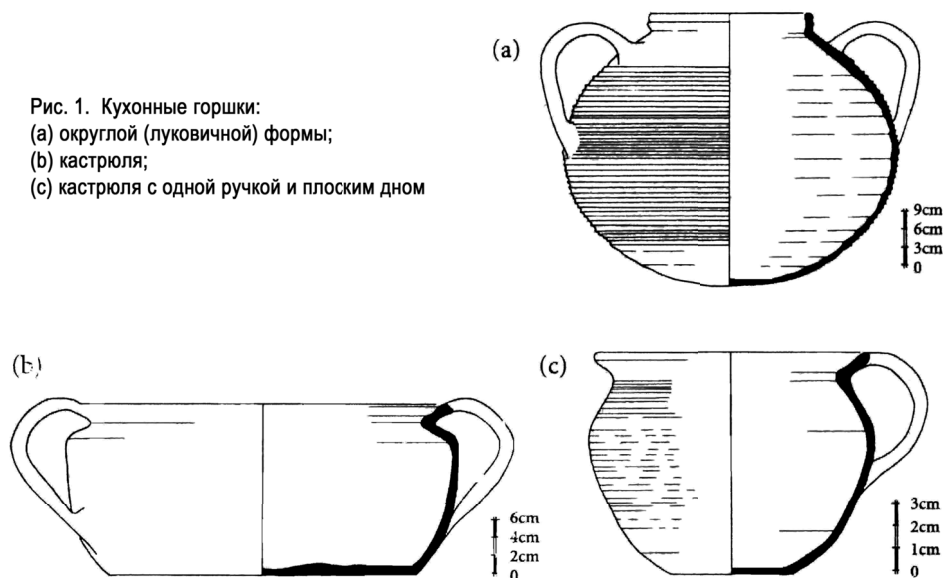

Рис. 1. Кухонные горшки:

- а) округлой (луковичной) формы; б) кастрюля; с) кастрюля с одной ручкой и плоским дном

и перемещались при помощи металлических щипцов (Bakirtzis 1989: 33–4, 130). Эти общераспространенные формы не подвергались существенным изменениям на протяжении всего византийского периода. Преобладание тех или иных форм в археологических находках наводит на мысль о том, что горшки с закругленным дном обнаруживают в большинстве своем в крупных городах, в урбанистическом контексте, тогда, как в деревнях и малых поселениях тяготели к использованию посуды с плоским дном.

Ранневизантийскую краснолаковую керамику от посуды эпохи Комнинов отделяют несколько столетий и менее известная категория – посуда из «белой глины», или «константинопольская белоглиняная посуда». Это настоящая византийская керамика, поскольку основным местом ее производства является Константинополь, а обнаружение ее за пределами столицы свидетельствует о культурном влиянии Византии, так как она не могла быть предметом торговли вследствие потребительской или художественной ценности (Armstrong 2001: 63–4, fig. 6.1). Пониманию особенностей белоглиняной византийской посуды, как поливной, так и без покрытия, способствовала публикация 1992 г., посвященная керамике Сарачхане, бывшей церкви Св. Полиевкта в Константинополе, где именно этот тип посуды был одной из основных составляющих всех обнаруженных в ходе раскопок гончарных изделий. Хейс использовал эти 20 000 белоглиняных черепков для составления классификации, которую сейчас широко применяют в качестве стандартной (Hayes 1992: 12–15).

Гончарные изделия из этого разряда известны как «белоглиняные», поскольку изготовлены из белой глины. Начиная с самых ранних этапов работы над классифи-

кацией византийской керамики в 1920-х и 1930-х гг., отличительный признак – белый материал являлся главным определяющим фактором, после которого следовало деление на категории по типам отделки (Talbot-Rice 1930: все подгруппы класса А и В 4). Существует два основных типа белоглиняной посуды: полихромная и монокромная, последняя – в глазурном покрытии или без него. Наиболее распространена монокромная, в глазури и без, белоглиняная посуда, изготовленная из грубой глины с многочисленными небольшими вкраплениями песка. Ее обжигали на огне до серо-белого или бледно-розового цвета. В производстве полихромной посуды используется та же глина, но уже очищенная полировкой для удаления вкраплений песка, после чего прошедшая обжиг до ярко-белого или бледно-розового цвета. Своей белизной материал обязан высокому содержанию кальция в сырой глине. Белоглиняную посуду производили также в Никее (François 1997: 423–58). Возможно, ее производили и в Никомидии (Mason and Mango 1995: 313–31). Месторождение белой глины, подобное Константинопольскому, можно найти в Преславе (Болгария), где развивалось производство белоглиняной посуды в стиле Константинопольской (Totev 1987: 65–80; Durand and Vogt 1992). Глины с высоким содержанием кальция, из которых изготовлялась белая керамика, обнаружены также в восточном Пелопоннесе, где их применяли в эпоху Комнинов для изготовления посуды, крытой поливой (as Hatcher and others 1997: 226–7, no. 6, pl. 1 no. 6; also noted by Dark 2001: 63). Из-за того, что датированы они периодом правления Комнинов, их ошибочно относят к классу «красноглиняных».

Классическую белоглиняную посуду впервые стали использовать в VII в., она преимущественно имела закрытую форму кувшина, употреблявшегося за столом (Hayes 1968: 203–16); красноглиняные изделия были по-прежнему популярны из-за своей открытой формы, как, например, миски и блюда. В VIII в. появились белоглиняные миски, украшенные простой резьбой или своеобразной насечкой – рельефным четырехлистником по ободу (Hayes 1992: 16, fig. 5). Блюда, миски, кувшины, жаровни, чаши и подсвечники появились в IX в. и продолжали выпускаться до конца XI в. (Peschlöw and others 1977–8: 363–414). И хотя глубокие миски и жаровни по большей части не украшали, на некоторые из них путем штампа и тиснения наносили изображения животных, человеческие фигуры, абстрактные или геометрические узоры наподобие тех, что наносили на выпечку и кирпич. Изделия любой формы могли покрывать или не покрывать поливой; глазурное покрытие, вероятно, делало гончарные изделия более дорогими, очищать такую посуду также было проще. Слои поливы – плотные, глянцевитые, часто с вкраплениями нерастворенных красителей, были зелеными, желто-коричневыми или просто коричневыми.

Разноцветность и приятный внешний вид полихромной посуды привели к тому, что частота ее появления в современных публикациях выше, нежели фактическая представленность в византийском производстве: в Саракханае среди других белоглиняных изделий она встречалась в пропорции 1 : 99 (Hayes 1992: 35). Полихромная керамика является тонкостенной и состоит из мелких тарелок и мисок с обычным или утонченным ободом по верху и малых чаш с одной ручкой. Украшавшие их разноцветные изображения создавались сочетаниями зеленой или желтой свинцовой глазури, матово-красной глины, турецкой щелочной гла-

зури и свинцовой глазури марганцевого оттенка – все это могло присутствовать на одном и том же изделии под слоем прозрачной свинцовой глазури (Hatcher and others 1997: 225–9).

Декоративные мотивы, к примеру, с применением более чем одной глазури или одного цвета на одном сосуде, были заимствованы из исламской традиции производства тонкостенной керамики (Talbot Rice 1965: 194–236). Хейс как последователь Тальбот-Райса классифицировал полихромную посуду по изображениям на ней, но лишь после находок Сарачхане смог предложить достоверную хронологию для каждого ее типа, что прежде было невозможно. Таким образом, полихромная посуда впервые появилась в начале X в. и вышла из производства во второй четверти XII в. (по исследованию Sanders 2001: 89–103).

Полихромная посуда теснейшим образом связана с современной ей архитектурной керамикой как в том, что касается производства, так и в отношении обработки. На ее ценность как предмета роскоши указывает тот факт, что использовали ее исключительно во дворцах и на видных местах в храмах, где ею облицовывали колонны и карнизы, из нее составляли рамки икон (Gerstel and Lauffenburger 2001). Из раскрашенной белоглиняной керамической плитки составляли и сами иконы (Totev 1999; Gerstel 2001: 43–66). Оформление белоглиняных архитектурных элементов было аналогично применявшемуся при изготовлении полихромной посуды. Красный, синий, желтый, черный и белый цвета наносили в виде тонких узоров или использовали для изображений фигур. Производство белоглиняных изделий в Преславе включало и архитектурную керамику, сохранившуюся там в более полном виде, нежели где-либо еще, в том числе замечательный иконостас, составленный из серии фигурных икон в сочетании с колоннадой колонн и арок, облицованных раскрашенной керамической плиткой (Totev 1999). Наиболее ранняя архитектурная керамика датируется IX в., а наиболее поздняя – XI в. (Mango 2001: 22–9). Последнее (2006 г.) открытие в ходе недавних раскопок массы рельефной полихромной керамической плитки (для облицовки колонн), хранившейся близ константинопольской гавани, создает интересное представление о производстве и экспорте таких изделий.

Византийские амфоры, имевшие две ручки точно так же, как их античные предшественницы, использовались для транспортировки жидкостей, в большинстве своем масла и вина, на дальние расстояния. Таким образом, их форма соответствовала целям простоты перемещения и эффективности хранения в ограниченном пространстве. По форме самого изделия и его ручек византийские амфоры можно разделить на два основных типа в зависимости от особенностей складирования в трюмах кораблей (Bakirtzis 1989: 71–4, pl. 15). Они были либо сферическими, либо удлиненными; сферические грузили на суда с просторными широкими трюмами, а удлиненные – на суда с тесными узкими трюмами. В рамках этих двух основных типов проводится дальнейшая детализация по форме, а также различию материалов, определяющему их происхождение из различных регионов.

Центр производства амфор в Ганосе на фракийском побережье Мраморного моря является уникальным примером гончарного центра, расположенного в местности, где вблизи от места производства, ориентированного на экспорт, у выхода к морю, встречаются естественные запасы высококачественной мелко-

дисперсной глины (Günsenin 1993: 93–201). Более двадцати печей, где изготавливали амфоры, было обнаружено вдоль побережья; в амфорах содержалось вино из виноградников монастыря, находившегося по соседству в Ганосе. Изучение мест, где встречаются ганосские амфоры, наглядно доказывает, что их экспортировали, или, скорее, в них экспортировали вино, в основном в Константинополь, а также в прибрежные поселения на Черном море, города Анатолийского побережья и даже, в небольших количествах, в Италию (Günsenin 1998: map B).

Кроме наличия двух ручек, основной отличительной чертой амфор во все времена была их неспособность стоять прямо: удлинённые амфоры имели заостренные нижние концы, а приземистые их разновидности – закругленное дно. Но был и один особый тип византийских сосудов для транспортировки продуктов – стамны. Стамны встречались трех основных размеров: самый большой – для морской торговли, средний – для торговли на более близкие расстояния (оба эти типа использовались также как сосуды для хранения продуктов питания в домашнем хозяйстве), и самый маленький – для использования за столом (Bakirtzis 1989: 95–9). Стамны, в отличие от амфор, могли иметь три ручки, верхние концы которых соединялись с горлышком сосуда (Vassi 1993: 287–93).

В транспортировке продуктов на смену амфорам и стамнам, начиная с XII в., постепенно пришли деревянные бочки. Вместительность бочки была большей, нежели вместительность амфоры, сломать или разбить бочку было сложнее, и в то же время бочками легче было перевозить товар по суше, будь то в телегах или на мулах (Bakirtzis 1989: 84–6). Но в поселениях вроде Ганоса, где глина встречалась в изобилии, а древесина – реже, амфоры продолжали оставаться излюбленным сосудом для транспортировки продуктов, вплоть до османского периода включительно.

В XI в. производство византийской поливной керамической посуды претерпело радикальные изменения, приведшие к появлению определенного типа мисок и блюд, которые, в конце концов, стали считаться типично византийскими. Во-первых, производство, распространяясь, достигло региональных центров империи, так что такие крупные города, как Коринф (Morgan 1942), Фессалоника (Papanikola-Bakirtzi 1983), Пепрам (Spieser 1996) и Спарта (Sanders 1993) развивали свое собственное производство керамики, крытой глазурью. Эти новые предприятия использовали местную глину, которая зачастую была красной. Однако белая глина была столь популярна, что красноглиняные сосуды обычно покрывали белым фоновым слоем [ангобом] прежде, чем раскрасить в желаемые цвета. Реальные изменения в производстве крытых глазурью гончарных изделий того периода заключались всего лишь в его масштабах, поскольку технологии производства свинцовой глазури никоим образом не изменились (Hatcher and others 1997: 225–9). Также на протяжении XII в. усовершенствования в эксплуатации гончарных печей повысили эффективность их работы, позволив за счет использования треног, разделявших сосуды во время обжига, размещать в печи большее количество керамики (Papanikola-Bakirtzi 1986: 641–8). Прежде вне Константинополя и больших городов поливные гончарные изделия составляли небольшую часть керамики повседневного использования. Но на протяжении периода правления Комнинов количество крытой глазурью посуды, доступной

потребителю, возросло настолько, что ею пользовались даже в самых маленьких сельских общинах (Armstrong 1989: 1–47; 2002: 366–7).

Основной продолжительной тенденцией периода Комнинов было влияние исламской керамики. И если в росписи изделий из белой глины в глазури часто использовались классические мотивы, полихромная белоглиняная и средневизантийская красноглиняная посуда испытала на себе сильное влияние ремесленников исламского мира (Talbot Rice 1965: 194–236). Основными техниками украшения посуды во времена Комнинов были: покраска в зеленый и коричневый тона, сграффито, гравировка и фоновая роспись. Все остальные приемы являются либо разновидностями, либо комбинациями этих базовых техник. Среди таких изделий больше всего известны находки в Коринфе, детальное изучение которых и составляет основу современных познаний в данной области (Morgan 1942: 75–103, 116–57; Sanders 2003: 41–3). При раскраске посуды в зеленый и коричневый цвета спиралевидные и крестовидные узоры обоих тонов наносили на хорошо обожженное изделие поверх белой фоновой росписи. Иногда зеленый и коричневый применяли в качестве обычных красителей, которые могли покрывать сверху прозрачной глазурью для образования равномерно окрашенной поливной поверхности. В другом случае сосуды покрывали зеленой и коричневой глазурями, а, когда накладывали верхний слой поливы, цветные изображения выделялись на остальной, фоновой глазури как более глянцевиые. При изготовлении изделий в технике сграффито застывший белый фоновый слой процарапывали до глины заостренной гравировальной иглой, получая сложные узоры спиралей и ромбов и другие повторяющиеся мотивы (Vogt 1993: 99–110). Тондо (резной рельеф), скорее всего, наносили на дно открытых сосудов, процарапывая круг при помощи трафарета и заполняя его тонким, детально проработанным узором. После чего сосуд, вероятно, покрывали либо прозрачной, либо бледножелтой, либо бледнозеленой глазурью, которая, будучи нанесенной на обнажившийся слой глины, темнела до коричневого цвета и составляла контраст с бледным фоном. Разновидность сграффито, с зеленым или коричневым покрытием, известна под названием рисованной. Гравированные изделия изготовляли тем же способом, что и изделия сграффито, но узор наносили более широким инструментом. Гравировку мог составлять простой узор, как, например, перекрестный штрих или повторяющийся простой орнамент, обычно в области горлышка. Гравировальные инструменты могли также применяться для выскабливания обширных поверхностей фонового слоя, часто образуя основание для живописной росписи, которая в таком случае прочно держалась на поверхности, – данная техника известна как *champlevé*. Техника фоновой росписи изделий отличалась от трех предыдущих тем, что в ней не использовался белый фон. Вместо того, чтобы покрывать изделие сплошным слоем, белой краской наносились простые, расположенные рядами узоры. Когда поверх них накладывали глазурь (зеленую или желтую, реже прозрачную), полученные в результате узоры контрастировали с темным глиняным фоном.

Красноглиняные изделия в свинцовой глазури впервые появились в XI в. и с различными стилистическими усовершенствованиями продолжали выпускаться в XII в. Хотя их изготовляли на всей территории Византии, внешний вид керамики был удивительно единообразным. Первоначально предполагалось, что

все они являлись продуктом одного производственного центра, но программное аналитическое научное исследование в 1970-е гг. показало, что мест производства было много (Megaw and Jones 1983: 235–63). В настоящее время в ходе исследований в отдельных регионах, таких как Пергам (Spieser 1996) или Фессалоника (Bakirtzis and Papanikola-Bakirtzi 1981: 421–36), обнаруживают тончайшие вариации преобладающих там техник и стилей, позволяя относить идентифицируемые группы сосудов к определенному производственному центру.

Широчайший ряд простой столовой посуды – в основном, кувшины, столовые амфоры, жаровни – почти не представлен в литературе. Открытые формы – тарелки, блюда, миски, которые почти всегда покрывали глазурью, обычно составляют большую часть публикаций о византийской керамике и вследствие этого более известны. Поскольку многие из закрытых сосудов не столь привлекательны для зрителя, они не подвергались столь же пристальному изучению, как их более видные собратья, разве что в том случае, когда их удавалось обнаружить целыми, что случалось нечасто. Такая посуда могла иметь или необработанную поверхность, или покрытие из глазури непосредственно по глине. Очень редко их покрывали одновременно поливой и фоновой росписью; следует отметить, что роль фоновой росписи в таком случае была больше декоративной, нежели функциональной. Иногда они украшались простой гравировкой. Кувшины (рис. 2 *a* и *b*) можно ранжировать по размеру, от 10 до 30 см высотой. Иногда горловина

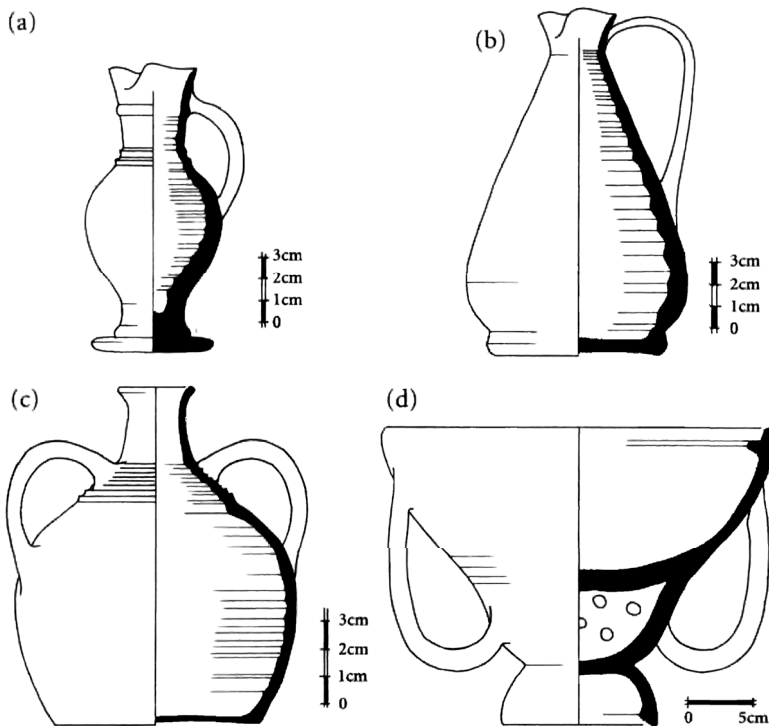

Рис. 2. Простая настольная посуда:

а) малый кувшин; б) кувшин; в) настольная амфора; д) жаровня

имела отогнутый книзу край для перелива жидкости или форму трилистника, но чаще кувшин имел обычное круглое горлышко. Основание, как правило, было плоским и могло формироваться путем среза с гончарного круга струной. Столовые амфоры (рис. 2 *с*) были простыми кувшинами с двумя ручками. Обычно они не имели отогнутого края. За столом также использовали жаровни (рис. 2 *д*). Крышка (верхнее блюдо) содержала острый соус, который сохраняли в горячем виде, сжигая угли в нижнем отделении. Кусочки жареного или запеченного мяса перед едой погружали в соус. Жаровни из практических соображений зачастую покрывали глазурью и многие из них – с обычным, темно-коричневым поливным покрытием (Sanders 2003: 39–40, figs. 11–12), вероятно, имели повседневное применение в домашнем хозяйстве. Некоторые из сохранившихся сосудов с искусными лепными украшениями (Morgan 1942: 56–8), должно быть, использовали во время пиров и празднеств. Самая ранняя из известных жаровен относится к первой четверти VII в., но общее распространение они получили не ранее IX в. (Gerousi 1997: 266–7, figs. 7–8; Morgan 1942: 56). Жаровни, вероятно, вышли из моды в поздневизантийский период, ко времени которого уже полностью исчезли из состава византийской керамики.

XIII в. стал свидетелем исчезновения гончарных изделий тонкой работы периода Комнинов и появления наскоро и небрежно изготавливавшейся керамики массового производства. Это очевидно из многочисленных случаев крушения кораблей, везших большие грузы поливных мисок, которые, возможно, использовали и как средство получения прибыли, и в качестве балласта (Filotheou and Michailidou 1986: 271–330; Armstrong 1997: 4–15). Первое место среди них занимала так называемая «эгейская посуда» – термин, скрывающий обозначение множества изделий XIII в., хотя и применявшийся первоначально для описания особой группы посуды – «изделий с низким кольцевидным основанием» (Megaw 1975: 35–45). Характерный представитель эгейской посуды – широкая миска с выемкой и плоским горизонтальным ободком по верхнему краю. Такие миски изготавливали из удивительно грубых сортов глины, часто с вкраплениями размером с небольшой кусочек гальки. В таких случаях, желая сгладить дефекты, гончар полагался на фоновую раскраску и глазурь. Гравированные узоры отличаются от прочих: зайцы и другие животные гравировались рельефно, в виде тондо; водоплавающие и хищные птицы наносились на дно по центру; кольца и другие круги – под трафарет по верхнему краю стенки сосуда; встречались также небольшие сюжеты-талисманы, как око зла, перечеркнутое крестом.

Эгейской посуде с ее фольклорным характером можно противопоставить современную ей Зевксиппову, которая примечательна высоким качеством, изготовлена из хорошо растертой мелкодисперсной глины, предназначенной для производства тонкостенных изделий (Megaw 1968: 67–88; 1989: 259–66). Ее отличает утонченная гравировка – серия абстрактных или растительных мотивов; внешние стенки зачастую старательно украшены фоновым узором из колец и петель. Покрывавшая ее глазурь была исключительно густой и глянцевитой. Наиболее многочисленны находки маленьких мисок с различной формой верхней кромки. Также в небольшом количестве обнаружены и описаны закрытые сосуды – бутылки с необычным горлышком в виде четырехлистника (Armstrong 2005: 13, fig. 7).

Первоначальное место производства зевксипповой посуды неизвестно и является предметом споров (Berti and Gelichi 1997: 85–104; Zekos 1999: 243–4; Megaw and others 2003: 91–100). Пользовавшаяся огромной популярностью версия-прототип воспроизводилась в целом ряде поселений до тех пор, пока стандартный, «производный» тип не стал во второй половине XIII в. общераспространенным (Armstrong 1992: 1–9). Хронология Зевксипповой посуды, предложенная Мегу, на основе изучения в 1922 г. следов разрушенной землетрясением колоннады Саранды в Пафосе, была поставлена под сомнение фон Уортбургом (von Wartburg 2001: 127–45), настаивавшим на более позднем датировании с исходной точкой около 1267–1268 гг.

Керамика выполняла важную функцию: независимо от общественного положения домовладельца, ее использовали в домохозяйствах как емкость для хранения продуктов. Имелось два основных типа таких емкостей – открытые и закрытые. Открытые могли быть 50–80 см высотой и 50–80 см шириной в верхней части у венчика. По форме они представляли собой простой, создававшийся на гончарном круге, широкий горшок (рис. 3 а), который либо совсем не имел венчика, либо имел широкий грубый выступ по верхнему краю, облегчавший его поднятие. Внешний выступ по ободку верхнего края должен был упростить наматывание ткани сверху для предохранения содержимого. Данные типы сосудов предназначались не для жидкостей, а для таких продуктов питания, как мука или высушенная вареная пшеница. Закрытые сосуды для хранения пищевых продуктов были известны как пифосы. Их узкая горловина (25–40 см) могла иметь закругленный венчик, D-образный венчик или утолщенную широкую кромку, похожую на гребень. В нижней части они сужались до плоского или заостренного основания. Те, что имели плоское основание и закругленную форму, вероятно, были устойчивы сами по себе (рис. 3 б), тогда как имевшие заостренное основание и коническую форму (рис. 3 в) погружали в пол кухни или амбара до самого широкого места, так что на виду оставалась только верхняя треть. Это помогало поддерживать одинаковую температуру для жидкостей, чаще всего – масла и вина. Размер отдельных пифосов указывал на то, что их производство требовало специфического опыта. Выполненные на болванке части, которые формировались на гончарном круге, могли дополняться сырой глиной, после чего весь сосуд оставляли для просушки и последующего обжига в печи. Другая технология производства предполагала наложение колец из сырой глины на основание, изготовленное на гончарном круге, позволяя каждому предыдущему высыхать перед тем, как добавлялось последующее (как на рис. 3 б). Таким образом, постепенно создавался сосуд, последней добавляли изготовленную на гончарном круге горловину и венчик. Пифосы, должно быть, были дороги и из-за «пассивного» способа применения, как правило, имели долгую жизнь. Поскольку их транспортировка на дальние расстояния была нелегка, они, вероятно, имеют наиболее выраженную индивидуально-региональную принадлежность из всей византийской керамики. Тогда как в целом формы были стандартными, отдельные детали зачастую являлись полностью идиосинкретическими. Они не слишком хорошо изучены (заметным исключением является Yakobson 1966: 189–220), хотя и были обнаружены многочисленные образцы, в частности, представленные в отчетах

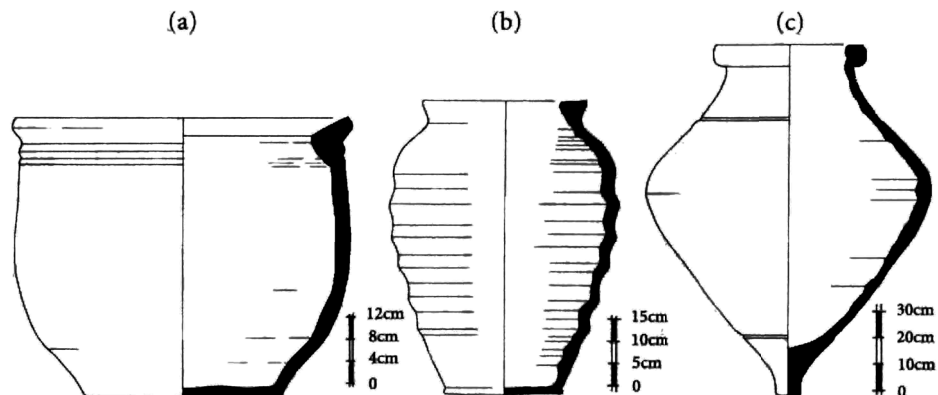

Рис. 3. Посуда для хранения продуктов:

а) открытый контейнер для сыпучих сухих продуктов; б) свободно стоящие пифосы; в) пифосы с заостренным или коническим основанием

о раскопках, поскольку сам по себе их размер привел к тому, что сохранились крупные фрагменты, чего нельзя сказать в отношении прочей керамики.

К концу XIII в. возникают ярко выраженные региональные стили поливной керамики, некоторые из которых можно соотнести с определенными местами производства. Одна из таких групп изделий – фессалоникийские миски с «птичьим орнаментом» – характерной гравировкой, стилизованным изображением птиц, в конце концов была признана продуктом производства именно этого города (Papanikola-Bakirtzi 1987: 193–304; 1999: 188–9, figs. 215–24). Их изготавливали, начиная с середины XIII и на протяжении всего XIV в. В то же время Серры стали процветающим центром производства крытой глазурью керамики, и их изделия ценились во многих поселениях восточного Средиземноморья (Papanikola-Bakirtzi and others 1992). В Серрах изготавливали декорированные изделия, рисунок был в основном абстрактным, зачастую геометрическим или растительным, гравированный узор подчеркивала разноцветная глазурь. Изучение некоторых других производственных центров – на острове Лемнос (Pennas 1994: 69–76), в Лапифе и Пафосе на Кипре (Papanikola-Bakirtzi 1996) сделало общеизвестными характерные мотивы и декоративные техники каждого из поселений.

В период перехода от византийского к османскому правлению, который оказал лишь незначительное влияние на предпочтения в отношении керамики и ее производство, керамическая посуда характеризуется подчеркнуто яркими цветами; варьируются оттенки зеленого, желтого и коричневого. Миски и блюда были наскоро выгравированы внутри и, на первых порах, также извне, грубыми изображениями цветочных мотивов или волнистых линий (Papanikola-Bakirtzi 1999: 97–112). Кувшины с этим типом украшения также стали общераспространенными. Со временем оно было контрастно выделено яркими цветами и покрыто прозрачной либо ярко-зеленой глазурью. Кроме того, миски просто покрывали белым фоновым рисунком, нанося поверх него цветные линии или растительный узор и глазурь вышеописанным способом.

ЛІТЕРАТУРА

- ANDRONIKOS, M. 1986. *Ametos: Volume in Honour of Professor Manolis Andronikos* (Thessalonike).
- ARMSTRONG, P. 1989. 'Some Byzantine and later settlements in Eastern Phokis', *BSA* 84: 1–47.
- 1992. 'Zeuxippus derivatives from Sparta', in Motika Sanders 1992: 1–9.
- 1997. 'Byzantine glazed ceramic tableware in the collection of the Detroit Institute of Arts', *Bulletin of the Detroit Institute of Arts* 71, 1/2: 4–15.
- 2001. 'From Constantinople to Lakedaimon: impressed white wares', in Herrin, Mullett, and Otten-Froux 2001: 57–68.
- 2002. 'The survey area in the Byzantine and Ottoman periods', in Cavanagh and others 2002: 339–402.
- ARMSTRONG, P. 2005. 'The earlier Byzantine castle at Torone', *Bulletin of the Australian Archaeological Institute at Athens* 3: 9–15.
- 2008. 'Trade in the eighth century in the east Mediterranean', in Mango 2008.
- forthcoming. 'The Hellenistic to Turkish pottery', in Coulton forthcoming.
- BAKIRTZIS, C. 1989. *Byzantina Tsoukalolagena* (Athens).
- 2003. *70 Diethnes Synedrio Mesaionikes Keramikes tes Mesogeiou, Thessalonike 11–16 Oktobriou 1999. Praktika* (Athens).
- and PAPANIKOLA-BAKIRTZI, D. 1981. 'De la céramique byzantine en glaçure à Thessalonique', *Byzantino-Bulgarica* 7: 421–36.
- BERTI, G., and GELICHI, S. 1997. 'Zeuxippus Ware in Italy', in Maguire 1997: 85–104.
- BRIESE, M. M., and VAAG, L. E. (eds.) 2005. *Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence* (Odense).
- CATLING, H. W. 1972. 'An early Byzantine pottery factory at Dhiorios in Cyprus', *Levant* 4: 1–82.
- CAVANAGH, W., CROUWEL, J., CATLING, R. W. V., and SHIPLEY, G. (eds.) 2002. *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: The Laconia Survey* (London).
- COULTON, J. J. (ed.) forthcoming. *The Balboura Survey* (London).
- CRESWELL, K. A. C. 1965. *Studies in Islamic Art and Architecture in Honour of Professor K. A. C. Creswell* (Cairo).
- DARK, K. 2001. *Byzantine Pottery* (Stroud).
- DÉMIANS D'ARCHIMBAUD, G. (ed.) 1997. *La céramique médiévale en Méditerranée* (Aix-en-Provence).
- DÉROCHE, V., and SPIESER, J.-M. (eds.) 1989. *Recherches sur la céramique byzantine, BCH Suppl.* XVIII (Paris).
- DURAND, J., and VOGT, C. 1992. 'Plaques de céramiques décoratives byzantines d'époque macédonienne', *Revue du Louvre* 42.4: 38–44.
- FILOTHEOU, G., and MICHAILIDOU, M. 1986. 'Byzantina pinakia apo to fortio naugismenou ploiou konta sto Kastellorizo', *AD* 41: 271–330.
- FRANÇOIS, V. 1997. 'Les ateliers de céramique byzantine de Nicée/Iznik et leur production, Xe – début Xie siècle', *BCH* 121/I: 423–58.
- FULFORD, M. G. 1989. 'Byzantium and Britain: An East Mediterranean Perspective on Post-Roman Imports in Western Britain and Ireland', *Medieval Archaeology* 33: 1–6.
- GEROUSHI, E. 1997. 'Samos', *AD* 47–8 (A; *Meletes*): 251–68.

- GERSTEL, S. E. J. 2001. 'Ceramics icons from medieval Constantinople', in Gerstel and Lauffenburger 2001: 43–66.
- and LAUFFENBURGER, J. A. (eds.) 2001. *A Lost Art Rediscovered: The Architectural Ceramics of Byzantium* (University Park, Pa.).
- GÜNSENIN, N. 1993. 'Ganos, centre de production d'amphores à l'époque Byzantine', *Anatolia Antiqua* II: 193–201.
- 1998. 'Le vin de Ganos: les amphores et la mer', in *Eftychia: mélanges offerts à Hélène Ahrweiler* (Paris).
- HATCHER, H., ARMSTRONG, P., and TITE, M. 1997. 'Changes in Byzantine glazing technology from the ninth to thirteenth centuries', in Demians d'Archimbaud 1997: 225–9.
- HAYES, J. W. 1968. 'A seventh-century pottery group', *DOP* 22: 203–16.
- 1972. *Late Roman Pottery* (London).
- 1982. *Late Roman Pottery, Supplement* (London).
- 1992. *Excavations at Saraçhane in Istanbul*, vol. 2: *The Pottery* (Princeton).
- 1997. 'Ceramics of the Byzantine period', in Meyers 1997: 471–5.
- HENDERSON, G. (ed.) 1975. *Studies in Memory of David Talbot Rice* (Edinburgh).
- HERRIN, J. E., MULLETT, M. E., and OTTEN-FROUX, C. (eds.) 2001. *Mosaic: Festschrift for A. H. S. Megaw* (London).
- MAGUIRE, H. (ed.) 1997. *Materials Analysis of Byzantine Pottery* (Washington).
- MANGO, C., and DAGRON, G. (eds.) 1995. *Constantinople and its Hinterland* (Aldershot).
- MANGO, M. MUNDELL 2001. 'Polychrome tiles found at Istanbul: typology, chronology and function', in Gerstel and Lauffenburger 2001: 13–41.
- (ed.) 2008. *Byzantine Trade* (Aldershot).
- MASON, R. B., and MANGO, M. MUNDELL 1995. 'Glazed "Tiles of Nikomedia" in Bithynia, Constantinople and elsewhere', in Mango and Dagron 1995: 313–58.
- MEGAW, A. H. S. 1968. 'Zeuxippus Ware', *BSA* 63: 67–88.
- 1975. 'An early thirteenth-century Aegean ware', in Henderson 1975: 35–45.
- 1989. 'Zeuxippos ware again', in Déroche and Spieser 1989: 259–66.
- and JONES, R. E. 1983. 'Byzantine and allied pottery: a contribution by chemical analysis to problems of origin and distribution', *BSA* 78: 235–263.
- ARMSTRONG, P., and HATCHER, H. 2003. 'Zeuxippus Ware: an analytical approach to the question of provenance', in Bakirtzis 2003: 91–100.
- MEYERS, E. M. (ed.) 1997. *Archaeology in the Near East* (Oxford).
- MORGAN, C. H. 1942. *Corinth XI: The Byzantine Pottery* (Cambridge, Mass.).
- MOTIKA SANDERS, J. 1992. *Philolakon: Lakonian Studies in Honour of Hector Catling* (Oxford).
- PAPANIKOLA-BAKIRTZI, D. 1983. 'Ergasterio efyalomenes kerameikes ste Thessalonike. Protes paratereseis', in Pelikanides 1983: 377–87.
- 1986. 'The tripod stilts of Byzantine and post-Byzantine pottery', in Andronikos 1986: 641–8.
- 1987. 'The Palaeologan glazed pottery of Thessaloniki', *Recueil des Rapports du IVe Colloque serbo-grec sur l'art de Thessalonique et les pays balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle* (Belgrade): 193–304.
- (ed.) 1996. *Mesaionike efyalomemes keramike tes Kyprou. Ta ergasteria Paphou kai Lapethou* (Thessalonike).

- (ed.) 1999. *Byzantine Glazed Ceramics: The Art of Sgraffito* (Athens).
- DAUTERMAN MAGUIRE, E., and MAGUIRE, H. 1992. *Ceramic Art from Serres* (Chicago).
- PELIKANIDES, S. 1983. *Aphieroma ste mneme Stylianou Pelikanide* (Thessalonike).
- PENNAS, C. 1994. 'To mesaioniko frourio Kotzinos tes Lemnou', *Archaologia* 50: 69–76.
- PERALTA, J. A. P. 1991. *Ceramica de Mesa Romana de los Siglos III ai VI d. c. en la Provincia de Zaragoza* (Zaragoza).
- PESCHLOW, U., ŞİFMANOĞLU, G., and ŞİFMANOĞLU, S. 1977–8. 'Byzantinische Keramik aus Istanbul. Ein Fundkomplex bei der Irenenkirche', *Istanbuler Mitteilungen* 27–8: 363–414.
- POBLOMÉ, J., DEGRYSE, P., SCHLITZ, M., DEGEEST, R., VIAENE, W., LIBRECHT, I., PAULISSEN, E., and WAELEKENS, M. 2000. 'The ceramic production centre of Sagalassos', *Rei Cretariae Romanae Fautorum. Acta* 36: 39–42 (Abingdon).
- POBLOMÉ, J., DEGRYSE, P., COTTICA, D., and NALAN, F. 2001. 'A new early Byzantine production centre in western Asia Minor. A petrographical and geochemical study of red slip ware from Hieropolis, Perge and Sagalassos', *Rei Cretariae Romanae Fautorum. Acta* 37: 119–26 (Lyon).
- SANDERS, G. D. R. 1993. 'Excavations at Sparta: The Roman Stoa, 1988–91, Preliminary Report, Part IC. Medieval Pottery', *ABSA* 88: 252–86.
- 2001. 'Byzantine Polychrome Pottery', in Herrin, Mullett, and Otten-Froux 2001: 89–103.
- 2003. 'An overview of the new chronology for 9th to 13th century pottery at Corinth', in Bakirtzis 2003: 35–44.
- SPIESER, J.-M. 1996. *Die byzantinische Keramik aus der Stadtgrabung von Pergamon* (Berlin–New York).
- TALBOT RICE, D. 1930. *Byzantine Glazed Pottery* (Oxford).
- 1965. 'The pottery of Byzantium and the Islamic world', in Creswell 1965: 194–236.
- TOTEV, T. 1987. 'L'Atelier de céramique peinte du monastère royal de Preslav', *CA* 35: 65–80.
- 1999. *The Ceramic Icon in Medieval Bulgaria* (Sofia).
- USCATESCU, A. 2003. 'Report on the Levant Pottery (5th–9th century A.D.)', in Bakirtzis 2003: 546–58.
- VAAG, L. E. 2005. 'Phocaeen red slip ware: main and secondary productions', in Briesche and Vaag 2005: 132–8.
- VAN DOORNINCK, F. H. 2002. 'Byzantine Shipwrecks', in *EHB*: 899–905.
- VASSI, O. 1993. 'An unglazed ware pottery workshop in twelfth-century Lakonia', *BSA* 88: 287–293.
- VOGT, C. 1993. 'Technologie des céramiques byzantines à glaçure d'époque Comnène: les décors incisés: les outils et leurs traces', *CA* 41: 99–110.
- VON WARTBURG, M.-L. 2001. 'Earthquakes and archaeology: Paphos after 1222', in *Acts of the Third International Congress of Cypriot Studies* (Nicosia).
- VROOM, J. 2003. *After Antiquity: Ceramics and Society in the Aegean from the 7th to the 20th century A. C.: A Case Study from Boeotia, Central Greece* (Leiden).
- YAKOBSON, A. L. 1966. 'Srednevekovjje pifosi Severnogo pricernomorja', *Sovietskaya Arkheologiya*: 189–220.
- ZEKOS, N. 1999. 'Pottery workshop at Mikro Pisto in Thrace', in Papanikola-Bakirtzi 1999: 243–248.

Углубленное чтение

Не упомянутые здесь в отдельности статьи, выходявшие во многих из вышеупомянутых сборников, содержат информацию о тех аспектах исследований, посвященных византийской керамике, которые в данной работе не рассматриваются.

Также рекомендуем следующее:

AVISSAR, M., and STERN, E. 2006. *Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk Periods in Israel* (Israel Antiquities Authority 26; Jerusalem).

BAJALOVIĆ-HADŽI-PEŠIĆ, M. 1981. *Keramika u srednjovekovnoj Srbiji* (Belgrade).

BAKIRTZIS, C. 1980. 'Didymoteichon, un centre de céramique post-Byzantine', *Balkan Studies* 21: 147–53.

BARNEA, I. 1967. 'Ceramica de import', in Barnea and others 1967: 238–50.

BARNEA, S. I., COMȘA, M., and COMȘA, E. (eds.) 1967. *Dinogetia I* (Bucharest).

BERTI, G., and TONGIORGI, L. 1981. *I bacini ceramici medievali delle chiese di Pisa* (Rome).

BÖHLENDORF-ARSLAN, B. 2004. *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei* (Istanbul).

ČIMBULEVA, J. 1980. 'Vases à glaçure en argile blanche de Nessèbre (IXe–XIIe siècles)', in Velkov 1980: 202–53.

EMPEREUR, J.-Y., and GARLAN, Y. (eds.) 1986. *Recherches sur les amphores grecques, BCH Suppl.* 13 (Paris).

FRANÇOIS, V. 1995. *La céramique byzantine à Thasos* (Paris).

— 1997. *Bibliographie analytique sur la céramique byzantine à glaçure* (Istanbul).

— 1999. *Céramiques médiévales à Alexandrie* (Cairo).

GELICHI, S. 1986. 'La Ceramica ingubbiata medievale nell'Italia nord-orientale', *Congresso Internazionale dell'Università degli Studi di Siena 8–12 ottobre 1984, Faenza 13 ottobre 1984* (Florence): 353–407.

— (ed.) 1993. *La Ceramica nel mondo bizantino tra XI e XV secolo e i suoi rapporti con l'Italia* (Florence).

ROMANČUK, A. I. 2005. *Studien zur Geschichte und Archäologie des byzantinischen Cherson. Colloquia Pontica* 11 (Leiden–Boston).

STEVENSON, R. B. K. 1947. 'The Pottery 1936–37', in *The Great Palace of the Byzantine Emperors, First Report* (Oxford): 31–63.

VELKOV, V. 1980. *Nessebre I* (Sofia).

YAKOBSON, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj tavrski* (Leningrad).

Глава II.8.5 ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВ

Марлиа Манделл Мэнго

Рудники

Упоминания о рудниках византийского периода встречается в письменных источниках, а сами они обнаружены археологами в целом ряде поселений (McCormick 2001: 42–53). В ранний период золото добывали на Балканах под наблюдением *comes metallorum per Illyricum*. Золотые рудники, открытые археологами в Бир Ум Фавакир в восточном Египте, разрабатывались в V–VI вв., тогда как Прокопий и Малала описывают важные золотоносные источники Армении. Джонс утверждает, что о добыче серебра в позднеантичный период ничего не известно (Jones 1986: 838), а византийские нумизматы некогда считали, что серебро постоянно подвергалось переработке и новый материал с рудников не поставляли (Hendy 1989: art. VI). Однако керамические археологические находки в шахтах рудников, свидетельствуют, что в древних рудниках Лавриона в Греции в IV–V вв. добывали серебро, тогда как проведенный изотопный анализ руд, шлаков, монет, художественных изделий доказал, что в VI–VII вв. серебро добывалось в горах Тавра и в причерноморской Малой Азии. Археологические данные указывают на добычу в районе Тавра в эпоху средневековья руд различных металлов: регион поставлял также медь, железо, свинец, олово и золото, хотя предметом исследования [до сих пор] являлась только добыча серебра. Значительные запасы меди находились в горах Трудос на Кипре, где в долине Лагудеры была обнаружена местность, предположительно являвшаяся в ранней Византии медеплавильной территорией. Еще одной горнодобывающей территорией был Синай и Палестина Третья; медные шахты ранневизантийского периода были обнаружены там вблизи древнего Фаинана, а также южнее – в Вади Амран, что доказывало продолжительность существования римской технологии добычи металлов в рудниках. Как уже отмечалось, доступные запасы меди имелись также и в Малой Азии, и в районе хребта Тавра (Mango, M. Mundell 2007).

Крупное месторождение железной руды в горах Ливана обеспечивало сырьем производственные центры в Дамаске и Бостре (Lombard 1974: 162–9). Железо до-

бывали также в Малой Азии в Тавре и Причерноморье, около Трапезунда и Синопа. Известно, что масштабная обработка железа велась в Сардах, византийские мастерские которых, обнаруженные археологами, предположительно работали на местном сырье (Waldbaum 1983: 5). Свидетельства обработки железа были получены в ходе археологических исследований в Крыму. Железо в незначительном количестве было обнаружено во многих местах; его также могли ввозить и из Индии. Олово, уплаченное в виде налога при входе через Аназарб в Киликию, возможно, добывалось в окрестностях Тавра, хотя в VI–VII вв., вероятно, было доступно и британское олово (Salter – находится в печати), если судить по *Житию Иоанна Милостивого* (610–620 гг.), повествующему о том, как корабль, ушедший с грузом зерна в Британию, вернулся в Александрию с оловом, распродав часть его по пути, в Киренаике. Свинец, также упоминавшийся в перечне Аназарба, встречается вместе с серебром в составе свинцовой руды, добывавшейся в Тавре и Далмации. Археологические данные относительно средневизантийской добычи руды получены на северо-западе Малой Азии и Греции, тогда как добыча и производство железа отмечены в нескольких поселениях позднего периода (EHB: 620, 627, 675).

Производственные центры

Металлы обрабатывали как в государственных, так и в частных мастерских. Золотые, серебряные и медные монеты чеканили на государственных монетных дворах и в казначействе (*thesauri*), находившихся в ведении *comes sacrarum largitionum*, так же, как и предназначенные для безвозмездной раздачи (*largitio*) золотые и серебряные наградные знаки, знаки отличия государственных служащих и церемониальные доспехи. Прочие доспехи и вооружение изготавливали в одиннадцати государственных оружейных мастерских восточной империи, находившихся в ведении *magister officiorum*, как указано в *Notitia Dignitatum* ок. 400 г. (Jones 1986: 834–6). Мастерская в Сардах предположительно была расположена в северо-восточной части города (Waldbaum 1983: 9). В отношении частных мастерских, письменные источники утверждают, что если медь и золото обрабатывали в сельской местности (для использования в домашнем хозяйстве и изготовления ювелирных украшений соответственно), то серебро (серебряную посуду) производили в больших городах. В качестве такого производственного центра некоторые источники упоминают Александрию. Кроме того, в свидетельствах о мореплавании из этого города в Афины (475 г.) есть сведения о перевозке обработанного серебра, а торговые грузовые суда патриаршего флота Александрии, по некоторым данным, в начале VII в. плавали в Адриатику, вероятно, в том числе с грузом изделий из серебра. В Константинополе серебряных дел мастера обосновались на Меси (ранний и средневековый период), медники – напротив собора Св. Софии; в VII в. упоминается также кузница в портике Домниана. Юстиниана Прима насчитывала две кузницы, производившие сельскохозяйственные орудия, и мастерскую золотых дел мастера. В Сардах мастерские, все еще работавшие в VII в. на *decumanus maximus*, ремонтировали металлические предметы, как, например, замки; в других мастерских было обнаружено множество медной металлической посуды (Mango, M. Mundell 2001: 93–5).

Использование металлов

Золото (*chrysos*). В византийском мире использование золота сводилось к чеканке монет, производству ювелирных изделий и различных предметов для нужд императора (Grierson 1993). Изготавливали также тонкое листовое золото для позолоты и стеклянной мозаики. К числу золотых ювелирных изделий относились знаки отличия позднеантичной государственной службы (пряжки для поясов, фибулы, витые золотые ожерелья (*torque*), а также императорские регалии, включая императорскую фибулу, – все это описано у Прокопия, Иоанна Лида и Кориппа. Письменные источники как раннего, так и средневекового периодов сообщают об использовании в императорском дворце золотых блюд. В средневековый период золотые пластины с эмалью прикрепляли к серебряным изделиям, которые, имитируя золото, часто полностью покрывали позолотой.

Серебро (*argyros*). В период приблизительно от 400 до 615 г. в Восточной империи не чеканили монет из серебра. Был ли рост производства серебряной посуды (преимущественно кованой) следствием этого факта, или же простым стечением обстоятельств, неясно. Кроме того, некоторые типы металлических предметов (тарелки, ложки) стали больше по размерам. Самый крупный (тяжелый) из исследуемых предметов – *missorium* Феодосия (388 г.) весил по изготовлению 50 римских фунтов. Дошедшие до нас серебряные блюда начала IV в. с изображениями императоров или надписями изготавливали для бесплатной раздачи по случаю государственных празднеств и прочих памятных дат. Лучшее сохранилось серия блюд, появившихся десятилетиями Лициния и изготовленных в 317 г., небольших по размерам, весом, в отличие от *missorium* Феодосия, всего около фунта серебра. На некоторые из этих серебряных блюд нанесено клеймо, указывающее на место изготовления (Антиохия, Никомидия, Наисс) (Baratte 1975). После начала IV в. клейма на серебре больше не содержат имени или изображения императора, хотя приблизительно к 500 г. сами клейма носят [все же] выражено имперский характер: серия из пяти штампов включает портрет императора с монограммой, а также монограммы и имена других высокопоставленных должностных лиц. Эти клейма предположительно наносили в Константинополе (Cruikshank Dodd 1961), хотя город не указан, а в некоторых случаях на отдельных штампах указаны названия Антиохии и Тарса. Прочие современные им серии содержат имена императоров, часто в виде надписей наподобие наносимых на монеты; одна из таких надписей была сделана в Карфагене в 541 г. По содержанию металла, изделия со штампами и без них были практически чистыми (92–98 %), различаясь при этом по уровню нечистоты медных примесей, добавляемых в сплав при производстве серебра. На то, что чеканное серебро государственного производства VI–VII вв. в больших количествах продавалось жителям империи, а не раздавалось по торжественным поводам при дворе, указывают многочисленные личные пометки. Как и серебро, изготавливаемое частным образом, оно стало предметом торговли, предположительно чтобы заменить золото в тот период, когда монеты из серебра не чеканили (Mango, M. Mundell 1993b: 203–16). Как серебро, чеканившееся в центре империи, так и продукция провинциальных имперских монетных дворов могли продаваться в неоконченном виде, хотя и с оттисками, и дорабатываться где-либо еще.

Византийская домашняя серебряная посуда продолжала традиции римского периода. Об этом свидетельствуют клады как IV–V вв. (Латакия, Севсо, Каникатины Баньи), так и VI–VII вв. (Лампсак, Кипр, Милитина). Они содержат разнообразны́е предметы обихода: подносы, миски, ложки, кубки, умывальницы, зеркала, шкатулки, лампы, а также искусно украшенные блюда декоративного характера (Mango, M. Mundell 2007).

В дополнение к главным литургическим сосудам – потиру и дискосу (*diskopoterion*) – для церковного использования изготавливались и другие предметы из серебра: лжицы, кувшины, рипиды (опахала), кадила, подсвечники, кресты, оклады книг. Реликварии, в особенности в форме шкатулок, также производили из серебра и даже из золота, как и изготовленные по обету, votivные диски. Еще в 314 г. император Константин пожертвовал в храмы города Рима множество дорогой серебряной утвари и облицовки – полный перечень содержится в Книге понтификов (*Liber Pontificalis*). Юстиниан передал 40 000 фунтов серебра на украшение храма Св. Софии в Константинополе, что частично описал в 563 г. Павел Силенциарий. В 622 г. персы вывезли 112 000 фунтов серебра из собора Св. Софии в Эдессе. Облицовка требовала серебра в больших количествах: алтарь обычно весил 200 фунтов, дарохранительница 2000 фунтов, алтарная преграда 6000 фунтов. Встречающиеся в описях светильники из серебра, а также бронзы были, вероятно, массивными и тяжелыми. Многочисленные сохранившиеся предметы IV–VII вв. с указанием названий сельских храмов в Британии, Италии, Малой Азии и Сирии (Mango, M. Mundell 1986) доказывают, что серебряное блюдо было доступно разным слоям общества (Mango, M. Mundell 1993a: 123–36).

Использование контрольных клейм на серебре прекратилось в 661 г., сорок пять лет спустя после повторного начала чеканки серебряных монет. Обработка драгоценных металлов продолжалась в средневековый период, в то время как позднеантичные приемы обработки серебра – открытый способ, инкрустация чернением, *heroussé*, частичная позолота также продолжали применяться, но часто не с тем результатом, что прежде. Упоминания заслуживают искусно выполненные сложносоставные изделия, включавшие другие драгоценные и полудрагоценные материалы (оникс, горный хрусталь, янтарь, лазурь, и т. д.; об эмалевых инкрустациях см. выше). Серебряные и сложносоставные изделия в основном были предметами церковного использования, как потиры, дискосы, кресты, оклады книг, реликварии (Hahnloser 1971). Выдающимися примерами являются потир Романа II (959–963 гг.), реликварий Лимбурга (969–970 гг.) и три серебряных дарохранительницы архитектурной формы, изготовленные (в порядке очередности) в 969–970 гг. (ныне в Аахене), в 1059–1067 гг. (из Фессалоники) и в конце XI в. Некоторые из этих предметов подписаны именами императоров или известных лиц, в отличие от многих сохранившихся серебряных блюд VI–VII вв., преподнесенных в дар сельским церквям. Однако в текстах упоминаются также искусно выполненные светские предметы обихода: блюда, умывальницы из драгоценных материалов, изготовленные в тот период, и некоторые из дошедших до нас мисок, подсвечников, кубков могли предназначаться для домашнего использования (Mango, M. Mundell 2007). Серебряная отделка мебели характерна для императорского дворца эпохи средневековья. Серебряные оклады изготавливались для

украшения икон (Grabar 1975). Кроме изделий такого «элитарного» производства имеется серия крестов из посеребренного железа с личными надписями, которые эпиграфисты считают принадлежностью монашествующих (Mango, С. 1988).

Многие сохранившиеся изделия из драгоценных металлов были вывезены из Константинополя во время Четвертого Крестового похода и теперь хранятся в Западной Европе. Судя по описаниям, дошедшее до нас серебро средневекового высшего общества предположительно изготовлялось в Константинополе, как, вероятно, и сохранившийся набор домашнего столового серебра, украшенный фигурными и другими мотивами (Drandaki and Ballian 2003), принадлежавший Константину Алану, занимавшему должность проэдра и, по-видимости, упоминаемому Скилицей в 1042 г. Другие домашние серебряные кубки, украшенные сценами охоты, музыкальными сценками, а в двух случаях греческими надписями, вероятно, датируются концом XI–XII вв. Обнаруженные в большинстве своем в России, они настолько ориентальны в некоторых деталях, что выдвигалось даже предположение об их изготовлении на востоке Малой Азии. Имитации (а, возможно, подлинные изделия) византийского серебра документально зафиксированы за пределами [империи] в нескольких известных случаях: серебряный кубок IX в. (около 865 г.), принадлежавший Сивину, жупану Великой Болгарии, и золотой дискос, оба имеют греческие надписи и обнаружены в Преславе; еще один серебряный кубок, обнаруженный в Готланде (Швеция), и пара позолоченных серебряных кратеров XII в. с греческими и славянскими надписями, некогда хранившиеся в соборе Новгорода. В оформлении последних сочетаются черты работ византийских мастеров серебряного дела VI и X вв. (Mango, M. Mundell forthcoming a). Серебряные изделия, относимые к Византии, изготавливались в средневизантийский период в Грузии.

Медь (*chalkos*) и ее сплавы. Медь и ее основные сплавы, бронза и латунь, находили в Византии разнообразное применение. Крупномасштабные работы включали: покрытие металлом общественных памятников (Анемодулий и каменный обелиск в Константинополе), изготовление статуй (Колосс в Барлетте, конная статуя Юстиниана в Августиионе), сооружение фонтанов (Большой дворец в Константинополе). От раннего периода (собор Св. Софии в Константинополе, Синайский монастырь) и времен средневековья (собор Св. Софии в Константинополе, 836 г.) до наших дней сохранились двери из медного сплава. Между 1060 и 1087 гг. в Константинополе под управлением семьи некоего амальфитянина для экспорта в Италию (Венеция, Монте-Кассино, Рим, Атранто, Салерно, гора Сант Анджело) был изготовлен ряд украшенных надписями медных дверей с фигурной инкрустацией серебром и чернением (ниелло) (Frazer 1973).

Что касается металлических предметов, то они делятся на четыре основные группы: бронзовое литье, кованые латунные изделия, кованые изделия из меди и олова, кованые медные изделия. Бронзовое литье можно подразделить на посуду и светильники. Литые бронзовые предметы обихода и прочие изделия, как-то: светильники, подсвечники, люстры (поликандилы) (Bouras 1981), кадилницы, наливные и с длинными ручками чаши, тазы, кувшины и миски производились массово. На некоторых из декоративных изделий имелись надписи по-гречески. Эти предметы из сплавов меди с другими металлами часто копировали аналогич-

ные и современные им, но изготовленные из серебра, а некоторые имели серебряное или оловянное покрытие, непосредственно имитируя более дорогие металлы. Примеры всех типов были обнаружены в Скифополе (Бет-Шеан) и прочих городах империи, в том числе в ходе нелегальных раскопок, по некоторым сообщениям проводившихся в Сирии, где было извлечено множество металлических кованых и литых предметов, предположительно принадлежавших одному домохозяйству. Еще больше их было обнаружено за пределами империи. Между V и VII вв. приблизительно 300 литых предметов, в частности, сосудов для умывания (тазы, кувшины), были вывезены за рубеж в качестве экспорта. Около 120 попали в северную Европу, где и были найдены в результате раскопок, в особенности в верхнем течении Рейна и юго-восточной Британии, в том числе в королевской усыпальнице в Саттон-Ху (620-е гг.). Более 170 из них попали на самый юг – в Нубию (обнаружены в Баллана и Куштуле) и Аксум (найжены в ходе раскопок в Адули Матаре). Эти южные находки, очевидно, имеют египетское происхождение. Осветительные приборы (поликандила, светильники и подставки под них), очевидно, экспортировались на юг, но не на север. Вероятно, можно заключить, что масло для светильников в Европе было менее доступно (Mango, M. Mundell 2001: 89–92).

Серия кованых латунных шлемов была изготовлена в трех различных формах и украшена мифологическими, охотничьими и религиозными жанровыми сценами, выполненными посредством использования по отдельности закругленных, плоских и других инструментов. На некоторых шлемах имеются надписи по-гречески, эпиграфически датируемые серединой VI в. Предполагалось, что они являлись частью офицерского снаряжения и были изготовлены на государственных оружейных фабриках. По своему оформлению они близки к ножнам меча, извлеченным из земли в ходе раскопок в Сардах (место расположения оружейной мастерской), а их обширное распространение (Месопотамия, Кесария Палестинская, Испания, три поселения в Британии, Кувейт) вполне согласуется с их военным (в том числе наемничьим) назначением (Mango, M. Mundell, and others 1989).

Несмотря на отдельные спекуляции, ни для одного из этих предметов места производства определены не были. Литые бронзовые предметы часто именовали коптскими, указывая на их египетское происхождение, по причине сходства с некоторыми экспонатами, появившимися в каталоге Каирского музея, составленном в 1904 г. Стриговским, и в берлинском каталоге Вульфа (1920 г.), также включавшем материалы из Египта. Некоторые из этих металлических изделий были обнаружены «при перевозке» – среди останков кораблекрушений у берегов Сицилии, Испании и Франции, в одном случае в их числе имелись монеты, датируемые приблизительно 631 г. Гороскоп о плавании в 479 г. из Александрии в Смирну сообщает, что в состав груза входили предметы из бронзы и кухонная посуда (*skeue chalka*, *skeue mageirika*) (Mango, M. Mundell 2001: 98).

Некоторые формы изделий продолжали производить и после VII в. Средневековые разновидности фляг, кувшинов, чаш для вина и обычных тазов для умывания, как известно, обнаружены на Крите, в Коринфе, Малой Азии и Плиске. То, что они не столь многочисленны, как находки раннего периода, можно объяснить меньшими масштабами раскопок. Продолжали изготавливать и другие литые изделия, в частности, поликандилы (горизонтальный диск с серией круглых

отверстий, в которых закреплялись стеклянные лампы), развитие производства которых мы можем проследить от V до XIV в. Хотя напольные светильники из меди и ее сплавов (а также глиняные) перестали делать уже к началу средневековья, подвесные лампы и поликандилы производить продолжали (Bourgas 1981). Последние к тому времени начали украшать верхним вертикальным диском с именем владельца или дарителя. Набор из семи таких поликандил, найденный возле Бурсы в Вифинии, некогда принадлежал некоему Марину, носившему титул протоспафария, впервые документально зафиксированный в 718 г. (Mango, M. Mundell, – находится в печати, а). Как вертикальный, так и горизонтальный диски в итоге проходили сборку – соединялись с другими, отливавшимися по-отдельности частями, образуя огромные подсвечники (хоросы), освещавшие храмы, а возможно, и другие большие здания (Evans 2004: no. 60). Пять таких подсвечников, изготовленных в Сербии при короле Вукашине (ум. 1371 г.), свидетельствуют о том, что данный тип изделия у Византии заимствовали и использовали на протяжении долгого времени. Бронзовые архитравы (лампы), снабженные прожекторными стойками (подставками) для свечей, также описаны (Bourgas 1981) и сохранились до наших дней, как и односвечники в виде человеческой руки, сжимающей такую же подставку для свечи.

Еще один вид обработки меди, точнее, ковanej меди с оловянным покрытием (эпиграфика датирует его IX–XI вв.), упоминается как *chalka ganota* в Книге Церемоний в связи с резервуарами для воды и светильниками, изготовленными для критской морской кампании 949 г., а также для императорского вещевого обоза. В число дошедших до нас византийских медно-оловянных изделий входят потиры и диски, открытые светильники в виде чаши на подставке и так называемые поликандилы. Последние с большой натяжкой сравнивают с традиционным типом изделий из медного литья, они скорее могут иметь стеклянную чашу по центру, нежели ряд стеклянных подсвечников. Потиры и диски, украшенные гравировкой в виде креста или фигурной гравировкой, возможно, лучше всего рассматривать как средневековые заменители серебра в сельской местности в ранневизантийскую эпоху. Около двадцати пяти таких предметов обнаружено в местах их изготовления в средневековой империи и за ее пределами (в Малой Азии, Антиохии, Плиске, Киеве) (Mango, M. Mundell 1994).

Кованые медные листы без покрытия использовались для изготовления домашней банной и кухонной утвари, в частности, фляг, кувшинов, котлов. Несколько изделий раннего периода (включая три самовара типа обнаруженных при раскопках в Нубии) были найдены в Сардах, в мастерских и других местах, и, исходя из контекста обнаружения, датированы VII в. Медные фляги и котлы также находили среди останков кораблекрушений (Ясси Ада, Дор и т. д.), ими пользовались мореплаватели. Подобные емкости, изготовленные в период средневековья, при сходных обстоятельствах находили в Коринфе, Пергаме и Константинополе. Тот же тип фляги, обнаруженный на месте кораблекрушения в Доре (VII в.), вновь находят в Коринфе и Константинополе, где она содержала, несомненно, современный клад монет XI в. Ранее в средневековом производстве поощрялись стандартные формы посуды для использования в домашнем хозяйстве, использовался также зубчатый шов. Это технологическое нововведение, вероятно, развивавшееся

как технический прием ремонта изделий, впервые возникло в III в. и вплоть до настоящего времени продолжало использоваться при изготовлении кованых сосудов на Ближнем Востоке и в Индии; к VIII в. его с Ближнего Востока завезли в Скандинавию (на ящиках, содержавших драхмы). К сожалению, кованная медь недолговечна и эти предметы домашнего обихода, без сомнения, часто подвергались переработке в случае повреждения (Mango, M. Mundell 2001: 93).

Медь и ее сплавы использовались при изготовлении медицинских и навигационных инструментов (таких, как Брешия астролябия 1062 г.) (Dalton 1926), весовых приборов, колоколов, штампов, конических печатей. Эти металлы использовали также для изготовления ювелирных изделий (колец, пряжек, фибул, браслетов), часть которых покрывали позолотой, имитируя золото. В средневековый период огромное количество массивных нательных крестов иногда служивших мощевиками, реликвариями, изготовлялось из медного сплава и украшалось рельефной фигурной гравировкой.

Железо (*sideros*). Служило, в первую очередь, для изготовления оружия, инструментов и сельскохозяйственных орудий. О государственных оружейных предприятиях упоминалось выше; ряд мечей, копий, рельефных щитов обнаружен в ходе раскопок в мастерской у западных ворот Иерусалима (Maier 1993). Якоря, строительные балки, двери, ворота также изготавливали из железа. В перечень изделий меньших размеров входят формы для отливки монет и печатей, замки, ключи, гвозди, обручи и кое-что из домашней утвари (например Davidson 1952).

Олово (*kassiteros*). Использовалось в составе сплавов с медью (бронза) и свинцом, а также как покрытие меди для достижения сходства с серебром.

Свинец (*molybdos*). Понижал температуру плавления в случае добавления его в сплав при литье. В качестве мягкого металла он был идеальным материалом для запечатывания документов и тюков. Свинец использовали для изготовления саркофагов, водопроводных труб в строительстве и покрытии крыш, сводов, куполов, для укрепления столбов собора Св. Софии в Константинополе. В составе сплава с оловом его использовали для ампул (Vikan 1982) и прочих предметов, которыми пользовались в дороге паломники.

ЛИТЕРАТУРА

- BARATTE, F. 1975. 'Les ateliers d'argenterie au Bas-Empire', *Journal des Savants*: 193–212.
- BOURAS, L. 1981. 'Byzantine lighting devices', *JÖB* 32/3: 479–91.
- BOYD, S. A., and MANGO, M. MUNDELL (eds.) 1993. *Ecclesiastical Silver Plate in Sixth-Century Byzantium* (Washington, DC).
- CRUIKSHANK DODD, E. 1961. *Byzantine Silver Stamps* (Washington, DC).
- DALTON, O. M. 1926. 'The Byzantine astrolabe of Brescia', in *Proceedings of the British Academy*: 133–46.
- DAVIDSON, G. R. 1952. *Corinth XII. The Minor Objects* (Princeton).
- DRANDAKI, A., and BALLIAN, A. 2003. 'A Middle Byzantine silver treasure', *Benaki Museum* 3: 47–80.

- EDMONDSON, J. C. 1989. 'Mining in the Later Roman Empire and beyond', *JHS* 79: 84–102.
- EVANS, H. (ed.) 2004. *Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York).
- FRAZER, E. M. 1973. 'Church doors and the Gates of Paradise: Byzantine bronze doors in Italy', *DOP* 27: 145–62.
- GRABAR, A. 1975. *Les revêtements en or et en argent des icônes byzantines du Moyen Âge* (Venice).
- GRIERSON, P. 1993. 'The role of silver in the Early Byzantine economy', in Boyd and Mango, M. Mundell 1993: 137–46.
- HAHNLOSER, H. R. (ed.) 1971. *Il Tesoro di San Marco*, vol. 2: *Il Tesoro e il Museo* (Florence).
- HENDY, M. F. 1989. *The Economy, Fiscal Administration and Coinage of Byzantium* (Northampton).
- JONES, A. H. M. 1986. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative survey* (Baltimore).
- LOMBARD, M. 1974. *Les métaux dans l'Ancien Monde du Ve au XVe siècle* (Paris).
- MCCORMICK, M. 2001. *Origins of the European Economy: Communications and Commerce AD 300–900* (Cambridge).
- MAIER, A. 1993. 'Jerusalem, Mamilla (2)', *Excavations and Survey in Israel* 12: 61–3.
- MANGO, C. 1988. 'La croix dite de Michel le Cérulaire et la croix de Saint-Michel de Sykéon', *CA* 36: 41–9.
- MANGO, M. MUNDELL 1986. *Silver from Early Byzantium: The Kapar Koraon and Related Treasures* (Baltimore).
- 1993a. 'The monetary value of silver revetments and objects belonging to churches, 300–700 AD', in Boyd and Mango, M. Mundell 1993: 123–36.
- 1993b. 'The purpose and places of Byzantine silver stamping', in Boyd and Mango, M. Mundell 1993: 203–16.
- 1994. 'The significance of Byzantine tinned copper objects', in *Thymiana stê mnêmê tês Laskarinas Mpoura* (Athens): 221–7.
- 2001. 'Beyond the amphora: non-ceramic evidence for late antique industry and trade', in S. Kingsley and M. Decker (eds.), *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity* (Oxford): 87–106.
- 2007. 'From "glittering sideboard" to table: silver in the well-appointed *triclinium*', in L. Brubaker (ed.), *Eat, Drink and Be Merry. Production, Consumption and Celebration of Food and Wine in Byzantium* (Aldershot): 127–61.
- forthcoming a. 'Tracking Byzantine silver and copper metalware, 6th–12th centuries', in Mango, M. Mundell forthcoming b.
- (ed.) forthcoming b. *Byzantine Trade (4th–12th Centuries): Recent Archaeology of Local, Regional, and International Exchange* (Aldershot).
- MANGO, C., EVANS, A. C., and HUGHES, M. 1989. 'A 6th-century Mediterranean bucket from Bromeswell Parish, Suffolk', *Antiquity* 63: 295–311.
- SALTER, C. J. forthcoming. 'Early tin extraction in the southwest of England: a resource for Mediterranean metalworkers of late antiquity?', in Mango, M. Mundell forthcoming b.
- STRZYGOWSKI, J. 1904. *Koptische Kunst* (Catalogue général du Musée du Caire) (Vienna).
- VIKAN, G. 1982. *Byzantine Pilgrimage Art* (Washington, DC).
- WALDBAUM, J. C. 1983. *Metalwork from Sardis* (Cambridge, Mass.).
- WULFF, O. 1909. *Altchristliche Bildwerke* (Königliche Museen zu Berlin; Berlin).

Глава II.8.6 **СЛОНОВАЯ КОСТЬ, СТЕАТИТ, ЭМАЛЬ И СТЕКЛО**

Энтони Катлер

Наши познания относительно изготовления предметов из слоновой кости, стеатита, эмали, стекла в значительной мере являются результатом учебных и / или научных исследований самих изделий, тогда как информация об их использовании (в той мере, в которой о них вообще где-либо упоминается) исходит из литературных и документальных источников. Эта дихотомия между производством и потреблением послужила в пользу распространенного предположения, что эти художественные изделия изготавливались преимущественно в Константинополе. Такое заключение, однако, не поддерживалось археологами, которые лишь изредка находили образцы упомянутых материалов в городе. Следствиями такого противоречия явились различия между художественным ремесленным и серийным производством, а также между столицей и провинциями. Этому можно найти, а можно и не найти подтверждения.

Слоновая кость

Слоновая кость, более чем любой другой материал, претерпела от представления о том, что она всегда являлась предметом роскоши, поскольку в текстах после VI в. о ней упоминается лишь два или три раза и при раскопках она попадалась не чаще. Это искажение свидетельств. Поскольку письменные источники создавались представителями и для представителей высшего сословия, их нельзя считать полноценным указанием на то, в каких социальных слоях использовалась слоновая кость; с другой стороны, результаты раскопок свидетельствуют о том, что в эпоху поздней античности слоновую кость использовали для изготовления предметов домашнего обихода в окрестностях Александрии (Engemann 1987) и в Риме (St. Clair 2003), наряду со многими другими предметами, изготовленными из кости. Относительно ее денежной стоимости у нас нет более поздних данных, чем Эдикт о ценах Диоклетиана, в котором она оценивалась как 1/40 эквивалентного по весу серебряного слитка, но размеры, вес и раз-

нообразие возможностей применения данного материала в V–VI вв. наводят на мысль о том, что слоновая кость отнюдь не была той редкостью, которой станет впоследствии, в средневизантийскую эпоху. Обычно самыми важными из дошедших до наших дней художественных изделий из слоновой кости считаются диптихи, выпускавшиеся в честь вступления в должность консулов и других должностных лиц (Delbrück 1929): они ценятся современными исследователями, поскольку в случае, если сохранилось имя консула, возможно точно установить дату изготовления. Они также свидетельствуют о серийности производства в мастерских, целью которого было воссоздание некоего идеального типа изделия, однако продукция мастерских демонстрирует разнообразие, привносимое различными мастерами-ремесленниками (Cutler 1984). Артели таких мастеров, похоже, обслуживали клиентов, не делая различия между язычниками и христианами: Лондонский диптих, надписанный именем аристократической фамилии Симахов по типу фигур и лицам, технике резьбы и орнаментальным украшениям фактически почти идеально совпадает с миланским изображением Жен Мироточниц у гроба Господня (Volbach 1976: nos. 55, 111).

Таким образом, мы столкнулись с ситуацией, знакомой нам и по другим материалам, когда различие заказчиков не сопряжено с различием способов производства. Это расхождение в равной мере проявляется в огромном количестве пиксид, цилиндрических емкостей, являющихся простыми секциями, вырезанными в бивне вдоль его вертикальной оси. Навык, необходимый для вырезания фигур и сцен на образовавшейся в результате неровной поверхности, с очевидностью проявляется в разнообразии техник исполнения более чем шестидесяти сохранившихся экземпляров. И если разновидности изделий с иудео-христианскими сюжетами (например, Житие Св. Иосифа, Умножение Хлебов, Чудеса Христовы) использовались для хранения принадлежностей Евхаристии или ладана, как обычно предполагалось, нет ничего удивительного в том, что таких изделий сохранилось больше, нежели экземпляров, украшенных мотивами из античной мифологии. Но, несмотря на разницу в воспринимаемой эстетической ценности, позволившую исследователям приписывать те или иные образцы всем векам от конца IV до VIII в. и различным мастерским в географическом диапазоне от Галлии до Сирии, техники, использовавшиеся при их производстве, остались практически неизменными.

Диаметр пиксид (самая большая в Берлине, 14,6 см в ширину; Volbach 1976: no. 161) наводит на мысль о том, что, поскольку бивень нарезают как можно более широкими пластинами (одна створка диптиха Стилихона в Милане имеет размер 32,4 x 15,9 см), то родина материала – Африка. Однако во все времена и независимо от происхождения ремесленники стремились максимально увеличить доступную для резьбы поверхность. Это проявилось в углах многих диптихов, сохранивших естественное сужение клыка к верхушке, и в медицинских ящичках, изнутри сделанных из двухсоставного бивня и снабженных отделениями и выдвижной крышкой с вырезанными на ней языческими божествами врачевания (Асклепием, Гигиеей), Иисусом, исцеляющим слепого и т. д. На гребнях из слоновой кости, товаре более высокого качества, нежели костяные и деревянные изделия, производимые в той же местности, сцены чудес, такие, как Воскреше-

ние Лазаря или Даниил среди львов, заменили изображения мягкого эротического содержания (и ассоциирующиеся с косметикой) греко-римской романтики. Но что бы ни включала в себя система верований, изготовители как вертикальных, так и горизонтальных гребней снабжали свои изделия набором тонких и более широких зубцов и рамочным приспособлением, что помогало как защитить изображаемые сцены, так и зафиксировать зубцы, когда, на последнем этапе производства, их вырезали.

Обилие художественных изделий из слоновой кости, а также отделки интерьера (Павел Силенциарий упоминает слоновую кость как один из материалов, украшавших амвон собора Св. Софии в Константинополе), по всей вероятности, иссякло в конце VI в., возможно, в результате сокращения импорта слоновой кости и ввоза слонов, и произошло это однозначно еще до начала того периода, когда сокращение поставок материала можно было истолковать как результат завоевания арабами Северной Африки. Само собой разумеется, что изготовление пластин с христианскими изображениями по своим масштабам сократилось под натиском иконоборства, но это не обязательно означает полное исчезновение изделий из слоновой кости: Феодор, настоятель Студийского монастыря, отнес пряжки из этого материала и из кости к числу безделушек, которые вновь поступающим оставлять при себе в монастыре запрещалось. Заключительными для ремесла в целом, сосредоточенного в Константинополе, вероятно, были VIII – начало IX вв., на протяжении которых, как принято считать, были созданы два шедевра – так называемое навершие скипетра в Берлине, которое, вероятнее, все же, является ручкой от ящика или основанием массивного гребня, и шкатулка в Палаццо Венеция, с изображением сцен из Жития Давида (Cutler and Oikonomides 1988), – оба предположительно созданы по заказу Льва VI. С другой стороны, возрождение ремесла [резьбы по слоновой кости] в Византии с появлением эмали *cloisonné* (см. выше) могло быть вызвано влиянием Запада. Изготовление пластин из слоновой кости в империи Каролингов огромными шагами шло к своему расцвету при Македонской императорской династии.

По крайней мере, в том, что касается датируемых периодов, об этой экспансии свидетельствует ряд изделий либо изображающих Константина Великого, либо содержащих надписи с наилучшими пожеланиями императору с тем же именем, – и тот, и другой типы прозрачно намекают на Константина VII Багрянородного, сына Льва VI. И хотя нет никаких доказательств существования «Придворной школы» (наподобие имевшейся у Каролингов), множество высококачественных пластин наводит на мысль о наличии, предположительно в столице, искусных ремесленников, выполнявших заказы высшего общества на изготовление пластин, диптихов и триптихов. На некоторые работы из слоновой кости нанесены изображения галерей святых или отдельных святых, возможно, покровителей заказчиков или церковных учреждений, в дар которым преподносили тот или иной предмет. В целом, назначение и пути использования этих предметов менее разнообразны, нежели в ранневизантийский период. Однако большинство из них можно отнести к категории икон, с которыми, в свою очередь, по форме и содержанию близко сходны расписные панно и полностраничные миниатюры X – начала XI вв. Различие, тем не менее, проявляется в техниках резьбы,

что, возможно, указывает на принадлежность различным мастерам (Cutler 1994), хронологическую смену которых можно проследить по продукции, обнаруженной на Западе, — упомянутые техники применялись для изготовления окладов богослужебных книг, преподносившихся в дар императорами, епископами, настоятелями монастырей (Effenberger 1993; Cutler 1998).

Один или несколько мастеров изготовили также первые экземпляры ящичков, облицованных слоновой костью (или другими разновидностями костяного материала), условно именуемых шкатулками. Знаменитая шкатулка Вероли в Лондоне, к примеру, выполнена в той же технике, что и триптих Рождества в Париже (Cutler 1988). Несмотря на общее происхождение, основная тема, представленная на ящичках, является либо подражанием классическим образцам (Goldschmitt and Weitzmann 1930–4: vol. 1), либо пародией на них же, причем далеко не в духе уважительного отношения к античности, обычно приписываемого мастерам «Македонского Ренессанса» (Cutler 1984–5). Ящички с пародийными и прочими сюжетами, за некоторыми исключениями вроде шкатулки Вероли, имели деревянный остов и костяную облицовку. Такая конструкция резко отличала их от шкатулок из цельной слоновой кости Венецианского дворца и икон из слоновой кости.

Именно потому, что византийские иконы X в. породили подражания в Южной Италии и Германии, возникло предположение, что большое количество облицованных слоновой костью ящичков на самом деле были произведены в венецианских или сицилийских мастерских. Эти гипотезы, выдвинутые на основании мест обнаружения изделий, предстоит еще подтвердить либо документально, либо археологическими данными. Ясно одно, что резьба по слоновой кости почти исчезла в Византии XI в. А так называемую «Романову» слоновую кость в Cabinet des Médailles в Париже, которую в XIX в., а потом и в XX в. (Kalavrezou-Maxeiner 1977) приписали четвертому императору, носившему это имя (1068–1071 гг.), почти наверняка следует отнести к эпохе Романа II, ставшего соправителем императора в 945 г. Полное отсутствие изделий из слоновой кости во времена династии Комнинов, которые всеми прочими художественными средствами самовлюбленно прославляли свою Богом данную власть, является молчаливым свидетельством упадка обработки слоновой кости в конце XI–XII вв. Действительно, после изготовленного для императора Никифора Фоки (963–969 гг.) креста-реликвария, изначально хранившегося в соборе Св. Софии и увезенного в Кортону после Четвертого Крестового похода (Goldschmitt and Weitzmann 1930–4: vol. 2, no. 77), только один предмет — крошечную коробочку (пиксиду), изготовленную, вероятно, в Фессалонике и находящуюся ныне в Дамбартон Оакс, можно с уверенностью считать работой греческих ремесленников.

Стеатит

Объяснять видимое исчезновение обработки слоновой кости в Византии следствием итальянского главенства в морской торговле Восточного Средиземноморья в XII в. не более обоснованно, чем предполагать, что в то же самое вре-

мя стеатит заменил слоновую кость в качестве элитного материала. Хрупкость стеатита, нарезанного тонкими слоями, наводит на мысль, что все сведения о его использовании, а, следовательно, и датирование изделий из этого материала, подвержены действию случайностей, связанных с его сохранностью в большей степени, нежели слоновая кость. Более того, обширное географическое распространение стеатита в его природном состоянии и его мягкость (по сравнению со слоновой костью) сделали его, как и кость, тем материалом, которым пользовались для резьбы жители многих стран. Предположение, что в Византии его начали обрабатывать не ранее X в. (Kalavrezou-Maxeiner 1985) остается под вопросом. Это мнение основано на изучении «мыльного камня» (просторечное, ненаучное название стеатита) как художественного средства; в более широком понимании утилитарные способы применения материала следует рассматривать в свете его современного использования (раковины, лабораторные столики и т. д.), но применительно к Византии это еще предстоит подтвердить данными археологии.

В византийские описи имущества стеатит, предположительно, внесен как *amiantos lithos* (камень без пятен), хотя такое обозначение ничего не говорит о цвете (сохранившиеся образцы обычно бледно-зеленого оттенка) или состоянии объекта (которое, по крайней мере, сегодня находится в диапазоне от слегка поврежденного до плачевно фрагментарного). Хотя образцы могут иметь размеры от 30,6 x 23 см (изображение Двенадцати Пиров в Толедо; Kalavrezou-Maxeiner 1985: no. 52), большинство из них все же значительно меньше и потому могут считаться личной собственностью и часто интерпретироваться как филактерии, носившиеся на шее (что зачастую приводило их в ужасное состояние). Образцы X в., в частности, повторяют по содержанию и композиции пластины из слоновой кости, возможно, потому, что изготовлены они одними и теми же резчиками. Но мягкость стеатита препятствует применению таких виртуозных техник, как точная подрезка и высокий рельеф, тогда как ограниченный, как правило, размер пластин помогает объяснить, почему на иконах мы находим его в сочетании с другими материалами чаще, нежели это считается нормальным для слоновой кости. В некоторых случаях вставки являются более поздними – подтверждение этому Николаев диск с горы Синай (XI в. (?)), в обрамлении в сводчатой деревянной арке с изображениями Деисуса, Петра, Павла и прочих святых. Там, где стеатит не накладывали таким образом, за пределами повествовательных сцен изображения обычно являются фронтальным, в половину роста изображением Одигитрии или святого (в особенности святых-воинов). Некоторые сюжеты, такие как Муж Скорбей и Христос Иммануил, выполнены из стеатита, а не из слоновой кости; это объясняется тем, что сами сюжеты являются новыми и получили развитие в искусстве уже после того, как слоновую кость сменил стеатит. Некоторые весьма немногочисленные изделия, в частности, ныне утраченная стеатитовая пластина из монастыря Св. Пантелеимона на горе Афон, принадлежали императору, о чем иногда свидетельствует особая надпись, чаще же стандартная легенда. Описания стеатитовых табличек в эпиграммах Мануила Фила не обязательно означает, что материал пользовался предпочтением прежде всего богатых и влиятельных слоев населения,

ведь именно эти группы имели наилучшие возможности пользоваться услугами столь знаменитых авторов. Могли быть и другие заказчики, не нанимавшие таких авторов.

Эмаль

Если в средневизантийский период заказчики и клиенты проявляли в случае со стеатитом готовность использовать новые материалы, история византийской эмали свидетельствует об аналогичной открытости в отношении технических нововведений. До конца VIII или IX вв. эмали производились методом, известным еще со времен эллинизма, согласно которому расплавленное стекло заливали между границ из золотой проволоки или полос того же материала, припаянных на концах к поверхности изделия. Эта техника, подвергавшаяся многократным подделкам со стороны современных фальсификаторов, использовалась при изготовлении аутентичной подвески в Британском музее (Buckton 1994a: no. 98). Но более известные образцы, в течение долгого времени считавшиеся ранневизантийскими, как уже доказано, являются изделиями эпохи позднего средневековья. Техника эмали *cloisonné* (в которой различные цвета стекла разделены металлическими полосами, закрепленными на концах – *cloisons*) была западным изобретением, неизвестным на Востоке до иконоборства. Так, шкатулка из Пуатье, изготовленная для частицы Животворящего Креста, посланного Юстином II королеве Радегунде в 569 г. (Buckton 1988; Durand 1992: no. 241; Cormack 1994: 68–9), не могла быть современницей подаренной реликвии, но, вероятно, была изготовлена в XI в. К тому времени, техника воллшмельц, названная так, поскольку эмаль полностью покрывает металлическое основание, уже была усовершенствована.

Эту технику (воллшмельц) на ранней стадии развития можно наблюдать в короне Льва VI, которая сейчас находится в сокровищнице Сан Марко в Венеции. На протяжении X в. также приобрел популярность еще один метод производства, известный ученым как сенкшмельц. В этой технике растопленное стекло выливают в неровности металлического основания, оставляя значительную часть основания непокрытой, примером чему является крест-реликварий в Лимбург-андер-Лахн с именной надписью Василия, сына Романа II, на которой значится титул проэдр, полученный им в 963 г. или 964 г. Тогда как своим эстетическим воздействием предметы наподобие короны Льва IV обязаны, в первую очередь, схожести эмали с драгоценными камнями (наиболее поразителен полупрозрачный зеленый цвет), воздействие на зрителя Лимбургского реликвария, в котором присутствуют и драгоценные камни, как будто соперничая с ячейками, заполненными эмалью, является следствием непокрытого золотого основания. Этот эффект наиболее явно прослеживается на примере так называемого Goldene Tafel в Шлосс Нимфенбург (Kahsnitz, in Baumstark 1998: no. 30). Нифембургский диск состоит из цельной золотой пластины размером 24,3 x 17,5 x 0,1 см, полный вес 430 г. Такой невероятный по масштабам расход драгоценного металла однозначно имел целью подчеркнуть ценность, которую следовало придавать изображению на нем Распятия. Возможно, с неизбежностью, эти расходы напояз вынуждали реакцию и еще большую экономию материалов: были попытки исполь-

зовать позолоченное серебро и медное основание, особенно когда в XII–XIII вв. воллшмельц, скрывавший металлическое основание (и, возможно, с этой целью и употреблявшийся), снова вошел в моду. Но золото, которое не окисляется и из всех металлов имеет коэффициент расширения наиболее близкий к коэффициенту расширения стекла, служило, помимо своего очевидного символического значения, оптимальным основанием при изготовлении эмали и потому оставалось предпочтительным материалом вплоть до самого конца империи.

Из всех византийских ремесел изготовление эмалей, возможно, являлось ремеслом, требовавшим наибольшего искусства и выдумки. Практиковавшие его использовали различные техники одновременно. В нижней части Св. Корони Венгрии, к примеру, надписи и фигурные пластины создавались неодинаково, и даже сами пластины явно говорят о различных методах обработки (Kovacs and Lovag 1980). Как бы то ни было, такое разнообразие отражает страсть Византии к многоцветному блеску, чему прекрасно служил такой материал, как эмаль. Именно как символ щедрости эмаль идеально подходила для подарков и пользовалась первоочередным спросом за рубежом, известным проявлением чего является заказ дожа Орделафо Фалиера на изготовление Пала де Оро – антепендиума главного алтаря собора Сан-Марко. Этот особый заказ был сделан в Константинополе, но нет причин предполагать, что ремесло изготовления эмали полностью принадлежало столице. Теоретически в любом месте, где изготавливали стекло и добывали золото и медь (как в восточной Анатолии), могла производиться и эмаль. И хотя относить те или иные изделия к Фессалонике, южной Италии, Киевской Руси, Грузии и христианским общинам христианского Востока можно не более, чем предположительно и на основании исследований, широту распространения эмали, в особенности светских драгоценностей (серег, перстней, энколпионов и других украшений), вряд ли всегда можно объяснить исключительно как результат торговли на большие расстояния.

Стекло

Как и доиконоборские образцы эмали, художественные изделия из стекла того же периода технически соответствовали нормам позднеантичного производства. Кодекс Феодосия (XIII.4.2) включает стеклодувов (*vitarii vasa vitrea conflantes*) в список ремесленников, освобожденных от налогообложения; работавшие с этим материалом часто встречаются в ранней агиографии и гомилетике. Оконное стекло было обнаружено в Сардах, Герасе, Каранисе, на горе Небо и в других поселениях Святой Земли, тогда как одна только мастерская в первом из перечисленных мест дала исследователям более 3500 фрагментов ранневизантийской посуды из этого материала. Юстиниановы храмы, как, например, собор Св. Полиевкта в Константинополе, имели застекленные окна (Harrison 1986: 204–6), но гораздо более обширные поверхности стен были облицованы мозаичными кубиками [смальты], для которых стекло являлось главным компонентом (Freestone, Bimson, and Buckton 1990; а в данном издании П.7.4. Стенная роспись и мозаика).

Анализ стеклянных кубиков мозаики сосредоточен в первую очередь на образцах XI–XIII вв. из собора Сан-Марко в Венеции, тогда как прочие исследова-

ния были посвящены цветному оконному стеклу церкви в Хоре (начало XII в.). Эти образцы проявляют удивительное различие композиций, как между собой, так и в сравнении со стеклом, обнаруженным в монастыре Вседержителя в Константинополе. В последних двух местах, вероятно, имело место производство стекла на основе окиси натрия в локальном масштабе, возможно, под руководством латинских стекольщиков, работавших либо в столице, либо в Леванте, что отвечало императорскому интересу со стороны Комнинов к западному типу отделки зданий (Dell'Acqua 2004).

Особенно ценным было бы включение в сферу исследования исламских данных, поскольку мусульманские гончары использовали широчайший ряд всевозможных глянец для своей продукции, которые могут иметь отношение к поливной черепице, широко применявшейся в средневизантийский период в Константинополе (Gerstel and Lauffenburger 2001). Такое взаимодействие могло бы также прояснить связь, если таковая имеется, между гранеными и полированными сосудами из прозрачного стекла в сокровищнице Сан-Марко, часто приписываемыми мастерским XI в. в Константинополе, и изделиями эпохи Сасанидов и ранних Аббасидов, в которых, как считается, параллели проявились с довольно большой точностью (von Saldern 1998: 2). Связь между византийской позолоченной и эмалированной стеклянной посудой, в том числе легендарной чашей, также находящейся в веницианской сокровищнице (Cutler 1974), и методами, описанными в трактате Феофила XII в., поясняет на основе интуитивного подхода немецкий автор (Buckton 1994b; Whitehouse 1998). И если, как то кажется вероятным, его рецепты основывались на аутопсии, это предполагает византийский экспорт типа упомянутого в трактате «О церемониях» (De Cer. 2.44: 661, p. 13-16), где сказано о том, что Роман I послал семнадцать стеклянных сосудов Гуго Ломбардскому. Эти изделия не описаны, но прочие образцы художественного стекла, использовавшие жидкую позолоту или серебряную краску, орнаментально украшенные медальоны или фризы с птицами, животными, человеческими фигурами, были обнаружены весьма далеко – на Кипре, в Англии, Швеции, в Беларуси и Армении (для обзора см. Whitehouse 1998). Некоторые из этих предметов приписывали мастерским в Коринфе и на афинской Агоре, где были обнаружены печи и сопутствующие материалы. К тому же эти разрозненные находки достаточно разнообразны по технике изготовления для того, чтобы можно было считать их изделиями местных ремесленников. Прежнее восприятие учеными стеклянных предметов, распространившихся далеко за пределы мест своего создания – многочисленных известных исследователям мастерских, требует смены теоретической модели; нечто вроде этого характерно и для исследований керамики (см. выше II.8.4), отличающейся как разнообразием местного производства, так и распространением на дальние расстояния.

ЛИТЕРАТУРА

- BAUMSTARK, R. (ed.) 1998. *Rom und Byzanz: Schatzkammerstücke aus bayerischen Sammlungen* (Munich).
- BUCKTON, D. 1988. 'Byzantine enamel and the West', in J. Howard-Johnston (ed.), *Byzantium and the West ca 850 – ca 1200* (BF 13): 235–44.
- (ed.) 1994a. *Byzantium: Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections* (London).
- 1994b. 'Theophilus and enamel', in D. Buckton and T. A. Heslop (eds.), *Studies in Medieval Art and Architecture presented to Peter Lasko* (London): 1–13.
- CORMACK, R. 1994. 'Reflections on early Byzantine cloisonné enamels: endangered or extinct?', in *Thumiamas ste mneme tes Laskarinas Bouras* (Athens): 67–72.
- CUTLER, A. 1974. 'The mythological bowl in the Treasury of San Marco in Venice', in D. K. Kouymjian (ed.), *Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History: Studies in Honor of George C. Miles* (Beirut): 235–54.
- 1984. 'The making of the Justinian diptychs', *Byzantion* 54: 75–115.
- 1984–5. 'On Byzantine boxes', *Journal of the Walters Art Gallery* 42–3: 32–47.
- 1988. 'Un triptyque byzantin en ivoire. La Nativité du Louvre', *Revue du Louvre des Musées de France* 38: 21–8.
- 1994. *The Hand of the Master: Craftsmanship, Ivory, and Society in Byzantium (9th – 11th Centuries)* (Princeton).
- 1998. 'A Byzantine triptych in medieval Germany and its modern recovery', *Gesta* 37: 3–12.
- and OIKONOMIDES, N. 1988. 'An imperial Byzantine casket and its fate at a humanist's hands', *Art Bulletin* 70: 77–87.
- DELBRÜCK, R. 1929. *Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler*, 2 vols. (Berlin).
- DELL'ACQUA, F. 2004. 'The stained glass windows from the Chora and the Partokrator Monasteries: A Byzantine "Mystery"?', in H. A. Klein and R. G. Ousterhout (eds.), *Restoring Byzantium: The Kariye Camii in Istanbul and the Byzantine Institute Restoration* (New York): 68–77.
- DURAND, J. (ed.) 1992. *Byzance: l'art byzantin dans les collections publiques françaises* (Paris).
- EFFENBERGER, A. 1993. 'Byzantinische Kunstwerke im Besitz deutscher Kaiser, Bischöfe und Klöster im Zeitalter der Ottonen', in M. Brandt and A. Eggebrecht (eds.), *Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen*, 2 vols. (Hildesheim): vol. 1, 145–59.
- ENGEMANN, J. 1987. 'Elfenbeinfunde aus Abu Mena/Ägypten', *Jahrbuch für Antike und Christentum* 30: 172–86.
- FREESTONE, I. C., BIMSON, M., and BUCKTON, D. 1990. 'Compositional categories of Byzantine glass tesserae', in *Annales du 11e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre* (Amsterdam): 271–9.
- GERSTEL, S. E. J., and LAUFFENBERGER, J. H. (eds.) 2001. *A Lost Art Rediscovered: The Architectural Ceramics of Byzantium* (University Park, Pa.).
- GOLDSCHMITT, A., and WEITZMANN, K. 1930–4. *Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X. bis XIII. Jahrhunderts*, 2 vols. (Berlin).
- HARRISON, R. M. 1986. *Excavations at Sarachane in Istanbul*, vol. 1: *The Excavations, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones, and Molluscs* (Princeton).

- KALAVREZOU-MAXEINER, I. 1977. 'Eudokia Makrembolitissa and the Romanos ivory', *DOP* 31: 305–25.
- 1985. *Byzantine Icons in Steatite*, 2 vols. (Vienna).
- KOVACS, E. and Lovag, Z. 1980. *The Hungarian Crown and Other Regalia* (Budapest).
- SALDERN, A. VON 1998. 'Byzantine glass: problems of terminology and chronology', in Ward 1998: 1–3.
- ST. CLAIR, A. 2003. *Carving as Craft: Palatine East and the Greco-Roman Bone and Ivory Carving Tradition* (Baltimore).
- VOLBACH, W. F. 1976. *Elfenbeinarbeiten der Spätantiken und des frühen Mittelalters* (Mainz, 3rd edn.).
- WARD, R. (ed.). 1998. *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* (London).
- WHITEHOUSE, D. 1998. 'Byzantine gilded glass', in Ward 1998: 4–7.

Глава II.8.7 ИЗГОТОВЛЕНИЕ КНИГ

Джон Лауден

Византийская книга была рукописной, то есть представляла собой «манускрипт». Языком большинства византийских книг был греческий, хотя разнонаправленные изменения границ империи означают, что в разное время книги на коптском, сирийском, армянском, грузинском и различных славянских наречиях, языке готы и латыни с полным основанием можно считать до некоторой степени «византийскими». Понятие «изготовление книг» охватывает все стороны процесса, в котором содержание византийских книг обретало материальную форму.

Источники для изучения книгопроизводства на территории Византии можно охарактеризовать следующим образом. Непосредственные сведения, которые сами византийцы сообщают об изготовлении книг, весьма ограничены. Часто цитируемым источником является краткий перечень наказаний, налагавшихся на изготовителей книг в Студийском монастыре Константинополя, авторство которого приписывают его настоятелю, Св. Феодору (ум. 826 г.) (*PG* 99: 1740 C, nos. 55–60). К примеру, на сломавшего в гневе перо налагалось наказание в 30 земных поклонов. К этому можно добавить случайные замечания в хрониках, проповедях, агиографических произведениях и других литературных источниках (см., к примеру, Lemerle 1986), которые, однако, до сих пор не были собраны и систематизированы. Немногочисленные и скудные сведения можно почерпнуть в колофонах рукописей (краткий эпилóg, часто формализованный, в котором могли быть описаны некоторые из обстоятельств создания той или иной книги, к примеру, обычной причиной являлся обет: Vogel and Gardthausen 1909). Такие колофоны, однако, гораздо менее информативны, нежели обнаруженные, к примеру, в рукописях современной Армении (Sanjian 1969). Заметно отсутствие в византийском мире аналогов фискальным записям и / или правилам и предписаниям гильдии [изготовителей книг], которые делают возможным, к примеру, обширное и детализированное исследование книгопроизводства в Париже эпохи позднего средневековья. Книга Эпарха X в. (Koder 1991) не упоминает о торговле в связи с изготовлением книг. В Эдикте о ценах Диоклетиана (301 г. н. э.) назва-

ны некоторые материалы (Lauffer 1971: 35.1 папирус; 7.8 пергамент – цены указаны за четверть), но (по очевидным причинам) не цены на готовую продукцию, столь разнообразную, как книги. Учитывая ограниченность источников, анализ информации, которую можно извлечь из десятков тысяч сохранившихся рукописных книг как таковых (ее можно обозначить термином «скрытые данные»), приобретает, таким образом, особенное значение.

Книгопроизводство было длительным и сложным процессом, требовавшим широкого ряда материалов и профессиональных навыков (в общем см. Gardthausen 1913; Devreesse 1954; Dain 1964; Hunger 1989). Многие из них не претерпели существенных изменений за всю тысячелетнюю историю Византии. Структура, применяемая в данной статье, таким образом, скорее, соответствует микрохронологии производственного процесса, направляя внимание на ключевые его изменения во времени, чем следует макрохронологии императоров и династий.

Все основные материалы, на которых писались византийские книги – папирус, пергамент, бумага – изготавливали вручную. Среди этих носителей пергамент имел гораздо большее значение, чем остальные. Техника подготовки шкур животных к написанию на них текста, в отличие от дубления для изготовления кожи, предположительно, развивалась в эллинистическом Пергаме, отсюда греческий термин «*pergamene / pergamenon*» (Lauffer 1971: 7.38; Atsalos 1977: 85). Пергамен является плотным материалом, исключительно прочным и неветшающим. Основными угрозами существованию рукописных книг, кроме намеренного уничтожения, всегда были огонь, сырость, вредители (насекомые, грызуны), и вошедшее в поговорку «обветшание» (*wear and tear*) вследствие употребления. Пергамен гораздо менее подвержен всем этим опасностям, нежели папирус или бумага.

Шкуры, предназначенные для изготовления пергамента, являясь, прежде всего, побочным продуктом забоя животных на мясо, принадлежали овцам, козам, крупному рогатому скоту (около 1300 г. Максим Плануд жаловался, что получил ослиные шкуры; Wilson 1975: 2). Мы можем с уверенностью утверждать, что животных не убивали по одиночке специально для производства книжного пергамента, поэтому стоимость домашнего скота и цены шкур значительно различались. Тем не менее, стоимость пергамента, вероятнее всего, всегда была высокой, а предложение не столько зависело от спроса (со стороны переписчиков), сколько от уровня животноводства и [объемов] потребления мяса. Восемь недель Великого Поста, следовательно, являлись тем периодом, когда [недостаток] предложения пергамента не так легко было восполнить, и это обстоятельство необходимо принимать во внимание, учитывая, что писцы, переписывавшие книги в течение Поста, похоже, пользовались, особенно хорошей в духовном плане репутацией (Rapp 2007).

Типичная византийская книга, или кодекс, состояла из собранных вместе обычно по четыре) и сшитых листов (*bifolios*, *diphylla*), образующих кватернионы – четверти (тетради) (*quaternions / quires* (*tetradia*). Горизонтальная сшивка была общепринятой в начале периода, а вертикальную сшивку временами использовали для литургических манускриптов в средние и поздние эпохи. Книга-

кодекс, не будучи византийским изобретением, была обязана своим широким и быстрым распространением энтузиазму ранневизантийских заказчиков (патронов) и ремесленников (Turner 1977; Roberts and Skeat 1983). Всю важность, в широчайшем смысле этого слова, удобства в пользовании кодексом и его надежности, — факторов, весомых и в наше время, сложно переоценить.

В отличие от свитка, состоящего из склеенных вместе листов, сама конструкция кодекса служила залогом того, что величина двух страниц или книги, лежащей открытой, определяла размер наименьшего прямоугольного листа, который только можно было использовать. Для изготовления большой книги из 240 страниц с размером страницы 40 x 30 см требовалось, таким образом, 120 листов пергамена размером, по крайней мере, 40 x 60 см каждый. С учетом отходов в процессе вырезания прямоугольника нужных размеров из шкуры животного, книга такой величины, состояла из 120 овечьих / козьих шкур (или, возможно, 60 шкур крупного рогатого скота, поскольку до селекции выращиваемые животные были мельче нынешних). Те же самые шкуры, если их перегнуть напополам, послужат материалом для двух книг из 240 страниц, каждая размером 30 x 20 см, или же четырех книг из 240 страниц, 20 x 15 см каждая, и так далее *pro rata*. Размер книги имел, таким образом, самое прямое отношение к ее стоимости. В добавок при изготовлении самых дорогих и роскошных книг ремесленники избегали использования материала, поврежденного в процессе производства или ранее. Реальная цена пергамена для книг иногда встречается в письменных источниках. К примеру, в 895 г. пергамен для сочинений Платона из 424 страниц, размер страницы 32,5 x 22,5 см, стоил 8 золотых номисм, а переписка — 13 (Wilson 1975: 3).

По сравнению с пергаменом, папирус как текстовый носитель был, конечно же, менее дорогостоящим (Lewis 1974: 129–34). Состав из мелко нарезанных стеблей папирусного тростника, вероятно, очень широко использовался в начале византийской эпохи, но до наших дней в значительных количествах папирус сохранился только в местах с исключительно сухим климатом, в том числе в Египте (главнейшем из мест его производства) (см. также I.2.11 Папирология). Тем не менее, в имперском делопроизводстве для документов его продолжали использовать до IX в. (Dölger 1956).

Бумага (изготовленная из бумажной массы, которую получали из волокнистых растений и / или хлопковой ветоши) также была менее дорогостоящей, нежели пергамен. Первый тип, использовавшийся в Византии, был ближневосточного происхождения, и наиболее часто обозначался термином *bombykinon* (*bombycine*) или *bagdatikon* (предполагая возможным его происхождение из Мембиджа или Багдада). Бумага типа *bombykinon* была слегка коричневатого цвета с блестящей поверхностью, без водяных знаков. Впервые ее стали использовать приблизительно между 1050–1350 гг. для книг и документов, включая имперские золотые буллы (хрисовуллы) (Irigoien 1977: 46–7).

В повседневном использовании бумагу *bombykinon* постепенно, начиная с конца XIII в. и далее, сменяла высококачественная бумага с водяными знаками, как правило, изготовленная в северной Италии (также встречается и «восточная» бумага, изготовленная в арабских производственных центрах Запада). В результате усиленных исследований водяных знаков на тысячах западных документов

можно локализовать и датировать (причем, весьма точно) отдельные бумажные мануфактуры (Briquet 1907; Harlfinger 1974). В эпоху Палеологов бумага начинает заменять пергамен во всем, за исключением наиболее дорогостоящих книг. Иногда обе они использовались в сочетании, пример – сочинения Гиппократов, принадлежавшие мегадуке Алексею Апокавку (Paris, BN, gr. 2144) 1335–1338 гг., в которых бумага используется как носитель текста, а пергамен предваряет текст в виде листов (bifolios) с иллюстрациями к нему (*Byzance* 1992: по. 351). Обычные по величине листы североитальянской бумаги, сложенные [и скрепленные], достигали максимального размера 35 x 25 см, но в сочинениях Гиппократов использованы листы почти вдвое больших размеров (42 x 31 см).

После приобретения в достаточном количестве пергамена или бумаги требуемого формата листы необходимо было приготовить для нанесения текста, разлиновывая по образцу. Страницу размечали, а поля прокалывали [в соответствующих местах] для нанесения горизонтального и вертикального линования, которое после этого продавливали (процарапывали) стилосом, иногда на одном листе, а иногда на двух и более наложенных друг на друга листах одновременно. Способ линования, особенно если книга содержала комментарии на полях (цепные – *catena*), мог быть весьма сложным. Оно должно было быть процессом, требующим времени и, возможно, проводилось ассистентом (помощником), если таковой имелся. Исследование способов линования (Sautel 1995) помогает выявить виды мастерских и типы деятельности переписчиков. Но для надежности его следует изучать в сочетании с данными о шрифтах, оформлении и т. п. (см, например, Nelson 1991).

Ни один из византийских переписчиков не создавал книг «ни с того ни с сего»: для такого дорогостоящего и затратного по времени предприятия был необходим заказ или особая потребность, даже если эта потребность исходила от самого переписчика. По большей части деятельность переписчика сводилась к понятию «копирование». Даже новые тексты наверняка являлись чистовиками, списанными с черновиков. Однако понимание книгопроизводства всего лишь как «копирования» было бы слишком упрощенным, поскольку от византийских переписчиков редко требовалось воспроизвести некий исходный текст в точности (факсимиле), вместо этого они адаптировали то, что почерпнули из первоисточника или первоисточников самыми разнообразными способами, удовлетворяя пожелания заказчика. Яркими примерами такого баланса преемственности и изменений в процессе переписывания книг являются, к примеру, выполненные в IX–X вв. по новым каллиграфическим правилам строчными буквами транскрипты текстов, сохранившихся до того момента со времен поздней античности, только в виде записей заглавными буквами, без ударений, пунктуации, разделения на слова. Дошедшие до нас иллюстрированные рукописи *De Materia Medica* Диоскорида (VI и X вв.) являются свидетельством того, как проходил данный процесс (Gerstinger 1965–70; Dioscurides 1935). Все наследие классической греческой литературы неминуемо должно было пройти такую «фильтрацию» и многое из-за этого потеряло (Reynolds and Wilson 1974: 51–8; Wilson 1983).

Для изготовления книги требуется, по меньшей мере, один исходный ее экземпляр, а также заказчик и переписчик. В этом отношении в самом простом

и удобном положении находилось «внутреннее» монастырское производство: настоятель в случае необходимости поручал одному из своих монахов выполнить новую копию. Данные рукописей, сохранившихся в монастырях горы Афон, в которых и для которых они были изготовлены, к примеру, в Ватопедском монастыре, служат тому примером (Lamberz 1998). Но и ряд возможных альтернатив «внутримонастырскому» сценарию достаточно широк: переписчик мог быть не монахом (монахиней) или священником, а «профессионалом» из мирян (возможно, женщиной); заказ также с большой вероятностью мог исходить от мирянина или мирянки; исходный экземпляр (экземпляры) в случае необходимости брали взаймы, иногда издалека; книгу могли заказать в одной местности, чтобы пользоваться ею в другой и т.п. Без специальной информации эти непрогнозируемые обстоятельства, жизненно важные для процесса изготовления книги, так и останутся полностью невыясненными. Важно отметить, однако, что пример Студийского монастыря как центра книгопроизводства в IX–XI вв. (Eleopoulos 1967; Fonkič 1980–2; Barber 2000), или надежно подтвержденная документально (в колофонах) деятельность [переписчика] монаха Иосафа из Ходегонского монастыря в Константинополе XIV в. (Politis 1958), не признаются типичными. Сложность связи высококачественных книг, производных от иллюстрированного Евангелия (Vat. gr. 1158), изготовленного по заказу Палеологини около 1300 г., является примером тех трудностей, которые неминуемы при установлении места производства, определении заказчика, выявлении факта сотрудничества переписчиков и художников и т. д. (Buchthal and Belting 1978; Nelson and Lowden 1991).

Имея на руках заказ и исходный экземпляр (или исходные экземпляры), переписчик принимался за работу. Он пользовался тростниковым пером и нуждался в ноже (перочинном ноже), которым время от времени его заострял, а также закреплял (пришпиливать к поверхности) лист пергамента при письме. Материалом для изготовления чернил первоначально служили либо уголь, либо танин, а, возможно, смесь того и другого (De Pas 1977). Но для заглавий, начальных букв, прочих букв, слов или отрывков, которые подлежали выделению, писец обычно имел в своем распоряжении ряд более дорогостоящих материалов: густой, темный, минеральный краситель, обычно киноварь (сульфид ртути, ярко-красный краситель), реже – свинцовый сурик (красный свинец) и тонкий, полупрозрачный лак, возможно, кармин (из насекомых под названием кермес). Их можно было купить в готовом виде. Иногда также использовали серебро, как правило, порошковое, в частности, в VI в. в дорогостоящих рукописях, в которых тончайший пергамен предварительно окрашивали пурпурным красителем (пурпуром). В позднейшие столетия признаком высокой ценности было использование переписчиком порошкового золота. Обычно переписчик вначале наносил текст, предназначенный для позолоты, чернилами из кармина, а потом покрывал его сверху золотой суспензией. Дополнительная стоимость добавления позолоты в текст количественно неизмерима, но можно проследить явные прогрессивные изменения: к примеру, в списках Евангелия от золотых заглавных букв в евангельских зачалах (incipit) до первой строки, написанной золотом, от нее – до первой «вызолоченной» страницы, далее – до множества страниц золотом и (наиболее

Рис. 1. Монастырь Мегаспелайон, рукопись 8, XII в.: Евангелие, начало Евангелия от Луки

исключительный случай) – до текста книги, полностью написанного позолотой (пример: Sinai, gr. 204).

К украшению самого текста переписчики обычно старались добавить более или менее сложные элементы оформления, иногда выполняя их самолично. Такое оформление зачастую служило для привлечения внимания к началу нового текста, но никогда не ограничивалось этим своим функциональным назначением. Позолоту, часто в форме начищенных до блеска золотых листьев, могли использовать в сочетании с дорогостоящими красителями, в том числе голубой ляпис-лазурью, в огромном разнообразии вариантов (о красителях см. Mathews and Sanjian 1991: 227–30). Такое оформление развивалось в том числе в послеиконоборский период, а со второй половины X в. применялась отделка, напоминающая эмали cloisonné того периода (Weitzmann 1935; Hutter 1972). Заставки могли принимать форму горизонтальных полос, рамок в форме «П» вокруг заглавия, либо же более широких прямоугольных или квадратных полос, а иногда заглавие обрамлял круг, четырехлистник или прямоугольник (рис. 1).

Если в книге предполагались иллюстрации, равно как и оформление, переписчик должен был позаботиться об этом заранее, оставив в соответствующих местах достаточно пустого пространства, которое позднее следовало заполнить (рис. 2). Художник (которым мог быть и сам переписчик) обычно наносил миниатюры в соответствии с традициями мастерской и формализованными моделями, преобладавшими в византийском книгопроизводстве (Lowden 2002). Материальная структура книги позволяла переписчику осуществлять вставку изображений на отдельных листах пергамента в соответствующих местах, к примеру, полностраничный «портрет» (говоря языком современной терминологии) перед каждым Евангелием. Это имело те преимущества, что изображение можно было нанести и на лист, не размеченный тем же способом линования, каким размечали листы для текста. Это означало также, что художник мог работать независимо от переписчика. Более того, если переплет старой книги рассыпался, можно было

Рис. 2. Иерусалим, Греческий Патриархат, рукопись Taphou 14, XI в. (Гомилии св. Григория Наззианзина)

добавить новые иллюстрации и таким образом «дополнить» («усовершенствовать») ее (Buckton 1994: no. 176). Реже старые изображения повторно размещали в новой книге (Buckton 1994: nos. 69–70).

Случалось, что переписчики оставляли места в тексте, над которым работали, и для намного большего количества иллюстраций (более 350 в семействе тесно связанных между собой рукописей Октоиха [«Воьмигласника»] (Бытие – Книга Руфи): Lowden 1992) (рис. 3). Выдвигалась гипотеза, что такие циклы изображений изначально происходят от утраченных иллюстрированных

манускриптов раннего периода (Weitzmann and Bernabò 1999). Это весьма маловероятно (Lowden 1999). Как и другие стороны византийской религиозной культуры, производство иллюстрированных рукописей зачастую влекло за собой сокрытие инновации под видом давно установившейся традиции. Это наиболее отчетливо проявилось в иллюстративном оформлении новонаписанных текстов, посредством прежних традиционных визуальных формализованных моделей (Homilies of James of Kokkinobaphos: Canart and Dufrenne 1991). В таких случаях у нас нет возможности выяснить, насколько изготовление иллюстраций повышало и без того уже высокую цену книги. Не вызывает, однако, сомнений, что богато иллюстрированные рукописи являются в книгопроизводстве исключением.

Поскольку византийцы предпочитали для своих книг лощеный, гладкий, глянцебитый пергамен, изображения очень часто страдали от более или менее интенсивного осыпания (отшелушивания) красящих пигментов вследствие плохого прилегания к поверхности (Paris, BN, gr. 510: о рукописи см. Vrubaker 1999). Этот вид повреждения затрагивал некоторые из книг уже в раннюю эпоху, как мы можем заключить, к примеру, из факта реставраций Палеологами Октоиха середины IX в. (Hutter 1972). Такие реставрационные работы, как переработка текстов или изображений, или добавление в книгу дополнительной литургиче-

Рис. 3. Стамбул, Музей Топкапи Сарай, рукопись 8, XII в.: (Октоих, неоконченная миниатюра)

ской информации (Buckton 1994: no. 178), указывают на то, что книга высоко ценилась на протяжении длительного времени и использовалась веками.

Последним этапом книгопроизводства была сшивка листов (до нее их могли предварительно скрепить) и изготовление защитного переплета (Federici and Houlis 1988). Все книги вшивали в твердый деревянный переплет, створки которого, сжимая страницы, предохраняли их от загнивания [не давали им коробиться] и помогали создать между листами такой микроклимат, который во многом способствовал сохранности чернил и красящих веществ. Характерные, направленные вверх [приподнятые] ленты сшивки не позволяли хранить византийские книги вертикально установленными на полках (современное изобретение), а гибкий корешок книги (без закрепляющих горизонтальных ремней, знакомых нам по западным переплетам) обеспечивал то, что такие книги раскрывались во всю плоскость. Кожа была обычным покрытием створок переплета и корешка, но иногда книги снабжали и «драгоценным» переплетом, включавшим в определенном сочетании драгоценные металлы, эмали, драгоценные камни, слоновую кость и даже реликвии (Lowden 2007). Такие переплеты во все времена часто становились жертвой алчности грабителей. В сокровищнице собора Сан-Марко в Венеции имеется несколько наиболее выдающихся экземпляров великолепных византийских переплетов, ставших обложками латинских книг (Treasury 1984: nos. 9, 14, 20).

После своего изготовления византийские книги складировались и использовались их частными владельцами или учреждениями, но редко подвергались инвентаризации. В завещаниях и прочих документах время от времени упоминаются и книги (например, в завещании Воилы: Vryonis 1957; *Diataxis* of Attaleiates: Lemerle 1977), но, в отличие от Запада, ранневизантийские библиотечные каталоги — исключительная редкость (*ODB*: 'Inventory'). Только в монастыре Св. Иоанна на Патмосе сохранилась серия перечней книг раннего периода (Astruc 1981; Waring 2002). Библиотекари, должно быть, знали наизусть все кни-

ги, находящиеся в их попечении. Но в результате отсутствия каталогов даже те немногие библиотеки, что дошли до нас в той или иной форме еще с ранневизантийских времен, такие, как библиотека монастыря Св. Екатерины на горе Синай, не сохранили, кроме отдельных единичных случаев, данных о том, как, когда и откуда появилась в библиотеке та или иная книга (см. III.17.5 Библиотеки).

ЛИТЕРАТУРА

- ASTRUC, C. 1981. 'L'Inventaire dressé en septembre 1200 du trésor et de la bibliothèque de Patmos', *TM* 8: 15–30.
- ATSALOS, B. 1971. *La terminologie du livre-manuscrit à l'époque byzantine. Première partie: Termes désignant le livre-manuscrit et l'écriture* (Thessalonike).
- 'La terminologie médiévale du livre dans ses rapports avec la description codicologique', in *La Paléographie* 1977: 83–91.
- 2000. 'Termes byzantins relatifs à la décoration des manuscrits grecs', in *Prato* 2000: 445–51.
- BARBER, C. 2000. *Theodore Psalter: Electronic Facsimile* (Champaign, 111.).
- BRIQUET, C.-M. 1907. *Les filigranes: dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600*, 4 vols. (repr. Amsterdam, 1967).
- BRUBAKER, L. 1999. *Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium* (Cambridge).
- BUCHTHAL, H., and BELTING, H. 1978. *Patronage in Thirteenth-Century Constantinople* (Washington, DC).
- BUCKTON, D. 1994. *Byzantium: Treasures of Byzantine Art and Culture* (London).
- Byzance 1992. *Byzance: L'art byzantin dans les collections publiques françaises* (Paris).
- CANART, P., and DUFRENNE, S. 1991. *Marien Homilien: Faksimileausgabe des Cod. Vat. gr. 1162* (Stuttgart).
- DAIN, A. 1964. *Les manuscrits* (Paris, rev. edn.).
- DE PAS, M. 1977. 'Recherches sur les encres noires manuscrites', in *La paléographie* 1977: 55–60.
- DEVREESE, R. 1954. *Introduction à l'étude des manuscrits grecs* (Paris).
- Dioscurides 1935. *Pedanii Dioscuridis Anazarbaei de Materia Medica* (Paris, facsimile edn.).
- DÖLGER, F. 1956. *Byzantinische Diplomatik* (Ettal).
- ELEPOPOULOS, N. X. 1967. *E Bibliothēke kai to bibliographikon ergasterion tes mones tou Stoudiou* (Athens).
- FEDERICI, C., and HOULIS, K. 1988. *Le legature bizantine vaticane* (Rome).
- FONKIČ, B. 1980–2. 'Scriptoria bizantini. Risultati e prospettivi della ricerca', *RSBN*, NS 17–19: 73–118.
- GARDTHAUSEN, V. 1913. *Griechische Paläographie*, 2 vols. (Leipzig, 2nd edn.).
- GERSTINGER, H. 1965–70. *Dioscurides. Codex Vindobonensis Med. Gr. 1 der Oesterreichischen Nationalbibliothek* (Graz).
- HARLFINGER, D., and HARLFINGER, J. 1974. *Wasserzeichen aus griechischen Handschriften*, 2 vols. (Berlin).
- HOLMES, C., and WARING, J. (eds.) 2002. *Literacy, Education and Manuscript Transmission in Byzantium and beyond* (Leiden).

- HUNGER, H. 1977. 'Minuskel und Auszeichnungsschriften im 10.–12. Jahrhundert', in *La paléographie* 1977: 201–20.
- 1989. *Schreiben und Lesen in Byzanz: Die byzantinische Buchkultur* (Munich).
- HUTTER, I. 1972. 'Paläologische Übermalungen im Oktateuch Vaticanus graecus 747', *JÖB* 21: 139–48.
- IRIGOIN, J. 1977. 'Papiers orientaux et papiers occidentaux', in *La paléographie* 1977: 45–54.
- KLINGSHIRN, W. and SAFRAN, L. (eds.) 2007. *The Early Christian Book* (Washington, DC).
- KODER, J. (ed.) 1991. *Das Eparchenbuch Leons des Weisen* (Vienna).
- LAMBERZ, E. 1998. 'The library of Vatopaidi and its manuscripts', in *The Holy and Great Monastery of Vatopaidi: Tradition – History – Art* (Mt Athos), vol. 2: 562–74, 672–77.
- La paléographie* 1977. *La paléographie grecque et byzantine* (Paris).
- LAUFFER, S. (ed.) 1971. *Diokletians Preisedikt* (Berlin).
- LEMERLE, P. 1977. 'Le diataxis de Michel Attaleiate (mars 1077)', in *Cinq études sur le XIe siècle byzantin* (Paris): 65–112.
- 1986. *Byzantine Humanism*, trans. A. Moffatt and H. Lindsay (Canberra).
- LEWIS, N. 1974. *Papyrus in Classical Antiquity* (Oxford).
- LOWDEN, J. 1992. *The Octateuchs: A Study in Byzantine Manuscript Illumination* (University Park, Pa.).
- 1999. 'The beginnings of biblical illustration', in J. Williams (ed.), *Imaging in the Early Medieval Bible* (University Park, Pa.): 9–59.
- 2002. 'The transmission of "visual knowledge" in Byzantium through illuminated manuscripts: approaches and conjectures', in Holmes and Waring 2002: 59–79.
- 2007. 'The Word Made Visible: the exterior of the early Christian book as visual argument', in Klingshirn and Safran 2007: 13–47.
- MATHEWS, T., and SANJIAN, A. 1991. *Armenian Gospel Iconography: The Tradition of the Glajor Gospel* (Washington, DC).
- NELSON, R. 1991. *Theodore Hagiopetrites: A Late Byzantine Scribe and Illuminator* (Vienna).
- and LOWDEN, J. 1991. 'The Palaeologina group: additional manuscripts and new questions', *DOP* 45: 59–68.
- POLITIS, L. 1958. 'Eine Schreiberschule im Kloster von Odegon', *BZ* 51: 17–36, 261–87.
- PRATO, G. (ed.) 2000. *I manoscritti greci tra riflessione e dibattito* (Florence).
- RAPP, C. 2007. 'Holy texts, holy men and holy scribes: aspects of scriptural holiness in late antiquity', in Klingshirn and Safran 2007: 194–222.
- REYNOLDS, L. D., and WILSON, N. G. 1974. *Scribes and Scholars* (Oxford, 2nd edn.).
- ROBERTS, C. H., and SKEAT, T. C. 1983. *The Birth of the Codex* (London).
- SANJIAN, A. K. 1969. *Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480: A Source for Middle Eastern History* (Cambridge, Mass.).
- SAUTEL, J.-H. 1995. *Répertoire de régimes dans les manuscrits grecs sur parchemin* (Turnhout).
- Treasury* 1984. *The Treasury of San Marco Venice* (Milan).
- TURNER, E. G. 1977. *The Typology of the Early Codex* (Philadelphia).
- 1980. *Greek Papyri: An Introduction* (Oxford).
- VOGEL, M., and GARDTHAUSEN, V. 1909. *Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance* (Leipzig).
- VRYONIS, S. 1957. 'The will of a provincial magnate, Eustathios Boilas (1059)', *DOP* 11: 263–77.

- WARING, J. 2002. 'Literacies of lists: reading monastic inventories', in Holmes and Waring 2002: 165–85.
- WEITZMANN, K. 1935. *Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts* (Berlin).
- and BERNABO, M. 1999. *The Byzantine Octateuchs* (Princeton).
- WILSON, N. 1975. 'Books and readers in Byzantium', in *Byzantine Books and Bookmen* (Washington, DC).
- 1983. *Scholars of Byzantium* (London).

Углубленное чтение

- В дополнение к работам уже цитировавшимся здесь, а также в главах 1.2.10 Греческая палеография и III.17.5 Библиотеки, полезно будет ознакомиться со следующими:
- BELTING, H. 1970. *Das illuminierte Buch in der spätbyzantinischen Gesellschaft* (Heidelberg).
- CANART, P. 1991. *Paleografia e codkologia greca: una rassegna bibliografica* (Vatican City).
- CAVALLO, G. (ed.) 1982. *Libri e lettori nel mondo bizantino* (Rome).
- (ed.) 1988. *Le biblioteche nel mondo antico e medievale* (Rome).
- DE GREGORIO, G., and MANIACI, M. (eds.) 1991. *Scritture, libri e testi nelle aree provinciali di Bisanzio* (Spoleto).
- GAMBLE, H. 1995. *Books and Readers in the Early Church* (New Haven–London).
- HARLFINGER, D. (ed.) 1980. *Griechischer Kodikologie und Textüberlieferung* (Darmstadt).
- and PRATO, G. (eds.) 1991. *Paleografia e codkologia greca* (Alessandria).

Глава II.8.8 ТЕХНОЛОГИИ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Джон Хэлдон

Оружие и доспехи

Византийские технологии вооружения составляли часть гораздо более масштабной картины, участвуя в развитии и способствуя эволюции технических приемов защиты и нападения, общих для всего Евразийского мира, сначала – путем заимствования технических приемов и вооружения на Востоке, позднее – путем передачи византийской версии этих же приемов соседним культурам. Посредством различных народов, населявших степные районы к северу от Дуная и Черного моря (или в разное время кочевавших в этих районах), империя поддерживала постоянную связь с более отдаленными обществами, так что некоторые элементы центральноазиатского вооружения или даже еще более восточных военных доспехов и приемов ведения боевых действий проникали на Балканы, в Малую Азию и на Средний Восток. В конце VI в. было позаимствовано стремя особой формы, предположительно от авар, пронесших это нововведение через всю восточную степь из Китая; тот же народ, вероятно, дал толчок использованию пластинчатых (чешуйчатых) доспехов с гораздо большим количеством пластин, чем до того; тогда как в VIII–IX вв. заостренная с одной стороны кавалерийская сабля и пластинчатая кираса с прикреплявшимися к ней накладными латами для рук также были позаимствованы в степях, вероятно, при посредничестве хазар и мадьяр (Bivar 1955 and 1972: 286–7; Lazaris 2005).

В пехоте конца V–VI вв. полные защитные доспехи, состоявшие из нагрудника, шлема, лат для ног (наголенники из стали, кожи или войлока, накладывавшиеся поверх ног) и широких круглых или овальных щитов 1,5 м (более 5 футов) диаметром, носили воины первой и второй шеренги. Щиты, находившихся в первой шеренге, предположительно имели острые шипы. Основным оборонительным оружием таких солдат были копья и мечи. В такой информации присутствует некий элемент «антикварной» детализации: так, создатель анонимного трактата «О стратегии» (на сегодняшний день датируемого IX или

X вв., но содержащего и гораздо более ранний материал, относящийся к VI в. и предшествующим периодам, приписываемого полководцу Сириану Магистру) (Zuckermann 1990)), утверждает, что надевался прочный нагрудник – его могли носить некоторые офицеры, и, возможно, солдаты в парадной униформе, но об этом нет сведений в других источниках (Dennis 1985: 53 (§16.14–15)). Источники, скорее, указывают на то, что на самом деле поверх подбитой войлоком короткой куртки или удлиненной верхней одежды, скорее всего, одевалась короткая кольчуга. Кавалерия VI–VII вв. описана у Прокопия и особенно в Стратегиконе (около 600 г.; Dennis 1985), предписания которого наводят на мысль о том, что влияние авар было в то время исключительно сильно. Согласно описанию Прокопия (возможно, идеализированному) (История войн Юстиниана. I.1.12–16), всадник в полном боевом вооружении носил кольчугу до колен поверх плотной удлиненной верхней одежды с подбоем, смягчавшей всевозможные удары; он носил шлем, маленький круглый щит, крепившийся ремнем к левому плечу (еще одно заимствование из степей), и был вооружен пикой, мечом (свисавшим на ремне с плеча по левой стороне) и луком со стрелами (колчан крепился справа). Лошадь защитных лат не имела, поскольку описанная Прокопием кавалерия выполняла функции отряда внезапного нападения и высокомобильного конного подразделения лучников. Анонимный трактат VI в. далее уточняет, что лошади кавалеристов первой шеренги должны были иметь защищенные шею, грудь и голову, а их копыта следовало предохранять от «шипов» (заостренных металлических стержней) металлическими пластинами. Эта практика сохранялась на протяжении долгого времени, поскольку в донесении о сражении в XI в. между имперской кавалерией и арабскими силами в Сицилии упоминается о металлических пластинах, защищавших копыта лошадей ромеев (Haldon 1999: 129).

Из случайных сообщений об отдельных сражениях, а также из вышеупомянутых трактатов становится ясным, что тяжелое вооружение ограничивалось относительно небольшим количеством людей и предназначалось в первую очередь находившимся в первой шеренге (шеренгах) боевого строя. Большая часть пехоты и кавалерии носила стеганные или набивные одежды (забы) до колен, нагрудники из кожи, возможно, в виде чешуйчатых лат. Для пехотинца, независимо от того, носил он шлем или нет, щит, копье и удлиненная верхняя одежда с подбоем являлись наиболее распространенной формой экипировки. Легкая пехота носила стеганные куртки, также могла иметь небольшие щиты и была вооружена пращами, луками, метательными дротиками. Это описание схоже с тем, что по изображениям и находкам археологов известно о типичных доспехах римской пехоты III в., и наводит на мысль о значительной степени преемственности в том, что касается основ стиля и формы воинского одевания.

К IV в. цельные шлемы, защищавшие голову и шею, изготовленные из одного куска металла, были заменены составными шлемами из двух частей, соединенных сварной на заклепках деталью, ставшей в дальнейшем еще и декоративной; защитные элементы, прикрывавшие щеки и шею, прикреплялись кожными ремешками или просто изнутри по контуру шлема, хотя и не все такие остроконечные шлемы имели гребни. Вероятно, что данный тип ведет происхождение от парфяно-иранского архетипа. Другие разновидности [шлемов] со-

стояли из нескольких сегментов, некоторые из них имели прикрепленные на петлях нащечники и латы для шеи на заклепках. Этот тип, известный нам сегодня как *Spangenhelme*, происходящий, вероятно, от шлемов трансдунайского образца, широко применялся на протяжении V–VI вв. (Bishop and Coulston 1993: 167–72).

К концу VI в. влияние авар проявилось особенно очевидно: воины тяжелой кавалерии носили длинные плащи, прикрывавшие их с головы до пят (до лодыжек), стеганные либо же с нашитой кольчугой, [собственно] кольчугу, прикрывавшую голову и шею, остроконечный шлем и маленький круглый щит. Элитные подразделения имели также наручи. В конце VI в. Стратегикон не скрывает, что большая часть этой экипировки создавалась по образцу аварских доспехов, в частности, защитный элемент, прикрывавший горло и грудь (латный нагрудник), ремень, прикрепленный к середине пики, свободного покроя и украшенное одеяние. Воины носили также широкий плотный войлочный плащ-накидку, защищавший их в непогоду; в их экипировку входили два стремени, – нововведение, также заимствованное у авар. Дополнением к доспехам служил кавалерийский меч, а лошадь должна была быть защищена спереди «фартуком» и нашейником из железа или войлока, или «по аварской моде» (пластичной кольчугой из железа или кожи). Пластинчатые доспехи, по-видимому, не получили широкого распространения, хотя различные типы пластинчатых защитных изделий, кольчуг для лошадей и для самих воинов, конечно же были известны.

Пехота была экипирована не столь хорошо. Лучшие из тяжеловооруженной пехоты носили заборы, если только могли их достать, а бойцам первой шеренги приходилось также носить наголенники (железные или деревянные и потому, вероятно, накладные) и шлемы. Каждый был вооружен копьем, щитом и «герульским» мечом; герульскую пехоту выразительно описывает Прокопий в главах о войне в Италии (История войн Юстиниана I.XVIII,44–48; VIII.29–32), она со всей очевидностью повлияла в определенной мере на имперскую технику ведения боя. Легкая пехота имела на вооружении небольшие щиты, пращи, дротики, лук с приспособлением в виде желоба, задававшим направление полета стрелы и позволявшим стрелять короткими, тяжелыми стрелами, а также стрелами нормальной длины (такое устройство было общераспространенно в исламском мире и, вероятно, также от авар пришло в Византию и Западную Европу). Влияние варваров здесь столь же очевидно, как и в случае с кавалерией: Стратегикон отмечает, что пехота обязана была носить «готские» ботинки, чаще – короткие плащи-накидки, реже – широкие, громоздкие «болгарские» (то есть гуннские) плащи, а также то, что некоторые солдаты легкой пехоты имеют на вооружении славянские пращи.

В основе своей экипировка как тяжелой, так и легкой пехоты, вероятно, мало изменилась за период с V до начала VII вв., если не считать допущения в Стратегиконе, что большинство тяжелой пехоты не располагало дорогостоящими доспехами (кольчугами), в отличие от тех, кто составлял первую шеренгу боевого строя. Напротив, доспехи тяжелой и средней кавалерии отличаются явно выраженным влиянием степи, столь же явно прослеживается влияние кавалерийской тактики и вооружения Сасанидов (Haldon 1975 and 2002:

68–72; Dixon and Southern 1992: 43 ff; Bishop and Coulston 1993: 149ff.; also Nikonov 1998).

К X в. доспехи в основном очень мало изменились, хотя VII, VIII и IX вв. стали свидетелями ряда усовершенствований в отношении как формы, так и внешнего вида доспехов и вооружения, а также развития техники ведения боя. Появление заостренной с одной стороны сабли (похоже, именно таково значение термина *парамирий* (*paramerion*) в трактатах X в.) и возрастание использования войлочной и набивной защитной одежды являются наиболее очевидными изменениями, а последнее, в частности, – отражением общего обеднения, снижения уровня экипировки фемных подразделений пехоты и кавалерии, что уже обсуждалось. Фемная кавалерия была экипирована кольчугами, чешуйчатými или стегаными защитными одеждами, в соответствии с уровнем индивидуального благосостояния и положением в обществе; чешуйчатые доспехи в виде короткой, до линии талии кольчуги (клибанион (*klibanion*)), похоже, были общепринятой нормой, также носили плащи-кольчуги (лорика (*lorikia*)). Длинный плащ, описанный в Стратегиконе, больше не появлялся в источниках середины X в., предположительно, он вышел из употребления в VII в.; хотя куртки до колен, вероятно, из кольчужных пластинок, появляются на иллюстрациях византийской рукописи XI в. (Diehl 1933: pl. LXXXII). Шлемы, вероятно, также были стандартными, хотя некоторые солдаты, возможно, их не имели, а использовали фетровые головные уборы с латными нагрудниками; в то же время основными видами оружия были копье или пика, меч в сочетании с легким кавалерийским щитом. Перечень вооружения дополняли лук и колчан со стрелами (на иранский манер). Легкая кавалерия имела меньше доспехов и была вооружена луками и (или) дротиками.

Пехота носила стеганные или чешуйчатые доспехи, или кольчуги, хотя тот, кто был в состоянии позволить себе приобрести более дорогостоящие кольчугу или чешуйчатые доспехи, мог также, обзаведясь лошадью, быть причислен к кавалерийским войскам: данные свидетельствуют о том, что в целом солдат-пехотинец был экипирован хуже, чем в позднеримский период. Большая часть пехоты, даже тяжеловооруженной, носила, к примеру, войлочные головные уборы вместо металлических шлемов, что, предположительно, было стандартной униформой, начиная с конца VII или VIII в. и позже, а также оставалось ею вплоть до XI в. и какое-то время после (хотя, конечно же, имелись и исключения, в особенности, среди пехотинцев тагм, набиравшихся, к примеру, из числа иностранных наемников, чьи доспехи отражали их собственные культурные и материальные традиции). Щиты для пехоты были круглыми, удлиненными или треугольными; круглыми – для легковооруженных войск, а также для кавалерии, но сам размер варьировал в зависимости от роли войск, о которых шла речь. В состав вооружения входили копья, булавы, топоры (с одним и двумя лезвиями, одним лезвием и шипом (острым выступом) и т. д.), наряду с традиционным мечом, хотя его носил не каждый пехотинец. Типичное (стандартное) копье пехотинца в трактатах середины – конца X в., вероятно, было длиннее, чем в более ранний период, что, возможно, отражает рост статуса и роли тяжеловооруженной пехоты на поле сражения, где ей приходилось противостоять

тяжеловооруженной кавалерии и, выставив «заграждение» из копий, отражать нападения противника.

Тяжеловооруженный кавалерист середины X в. описан в нескольких источниках, в частности, в *Praecepta militaria*, трактате, приписываемом императору Никифору II Фоке: его доспехи состояли из чешуйчатого клибаниона (*klibanion*) с накладными латами для рук, нарукавников, латных рукавиц, последние – из грубого шелка или стеганного хлопка. От талии до колен он носил плотные войлочные защитные покрытия, действие которых усиливала кольчуга; на клибанион надевался безрукавый стеганный или набивной плащ (епилорика (*epilorikon*)), а для защиты головы и шеи использовался железный шлем с кольчугой или стеганой защитной тканью, крепившейся к шлему и оборачивавшейся вокруг лица. Ниже ноги защищали накладные бронзовые латы. Оружие нападения состояло из железной булавы с 3-х, 4-х или 6-тигторцовым наконечником, парамирия (*paramerion*) и стандартного меча (спафияна (*spathion*)). Лошади были также защищены доспехами из стеганого войлока или чешуйчатыми / пластинчатыми латами из кожи, или шкурами животных: так были защищены голова, шея, грудь, бока и задняя часть лошади. Копыта, вероятно, так же, как и ранее, защищали от шипов металлические пластины. В дополнение к этой информации текст середины X в. (Dain 1938: § 39.4) приводит некоторые подробности о луках, использовавшихся византийскими солдатами: основной моделью оставался гуннский лук, взятый на вооружение в V–VI вв., размером от 45 до 48 дюймов в длину со стрелами в 27 дюймов (McGeer 1995; Breccia 2004).

Пехотинцы, возможно, также использовали прицел, упомянутый выше, – трубку с желобом, применявшуюся для стрельбы короткими (арбалетными) стрелами, как достоверно известно, использовавшуюся после VII в. в мусульманском мире. Будучи впервые упомянутым в конце VI в. в Стратегиконе, это нововведение, согласно более поздним арабским источникам, было привезено из степей. Таким образом, налицо еще один пример военной технологии из центральноазиатского и китайского арсенала, принесенной на запад степными народами. Сомнения вызывает факт использования византийскими солдатами также ручных самострелов (арбалетов), чему существует лишь некоторое подтверждение в позднеримский период (в противовес многочисленности оружия на рамочной или шарнирно-подъемной основе, применявшегося в качестве осадной артиллерии, которое, конечно же, использовали в течение длительного времени). Почему их не использовали, неясно; ответ, вероятно, следует искать в условиях и характере боевых действий, осуществлявшихся пехотой в период с конца V в. и далее (Nishimura 1988).

Почти ничего неизвестно о некоторых аспектах воинской экипировки: типах и стилях эфесов, конструкции ножен, щитов и шлемов и соответствующем их украшении. В этом византийские оружейники придерживались своей собственной традиции и специфики, как косвенно свидетельствуют о том описания в военных трактатах форменных цветов элементов экипировки отдельных подразделений: щитов, вымпелов, кистей и гребней на шлемах и пр. Но лишь немногие из таких специфических примеров установлены точно (Haldon 1975; Kolias 1988; Dawson 1998 and 2002).

Тогда как византийские солдаты продолжали экипироваться в своем собственном стиле, иностранцы (как то: норманны, печенеги или варяги) вступали в битву в своем традиционном доспехе. С течением времени, особенно на протяжении XII в., полевые армии императоров все чаще набирали из иностранных наемников, и византийские доспехи подвергались влиянию всех стилей, в особенности западноевропейского и сельджуков Анатолии. Византийская тяжелая кавалерия была вооружена в большей степени по западной моде (там где это представлялось возможным); легкая кавалерия и пехота продолжали экипироваться по примеру своих противников – сельджуков и сарацин, в традиционное сочетание входили: пластинчатые доспехи или кольчуга, стеганные ткани или кожа, войлочные и хлопковые головные уборы и вышеописанное оружие. Острая зависимость от наемников привела в конце XII в. к такому положению, когда исконно римские подразделения не всегда в достаточной мере отличали противников от собственных солдат, а иностранные главнокомандующие приписывали досадные имперские поражения [того времени] низкому уровню византийского вооружения и артиллерии (Babuín 2002).

Метательные орудия (Артиллерия)

В изучении византийской артиллерии существует ряд проблем и нерешенным остается вопрос уровня преемственности и неизменности [вооружения] в период, начиная с IV–V вв. до времен поздней Византийской империи. Зачастую само собой разумеющимся считается, что римская торсионная артиллерия продолжала производиться в Византии, хотя фактически серьезные основания для такого утверждения отсутствуют. Недавно проведенная работа с уверенностью говорит о том, что двухплечевые, горизонтально установленные, торсионные орудия вышли из употребления к концу V в. (Chevedden 1995), хотя Прокопий и описывает гораздо более простой одноплечевой, торсионный, вертикально установленный камнеметательный механизм онагр при осаде Рима. Иллюстрированный манускрипт X в., собрание трактатов по артиллерии, приписываемых Герону Византийскому, копирует изображения во многих отношениях архаичных конструкций; непохоже, чтобы описанные там механизмы существовали в действительности, а не в теории (Sullivan 2000). Болто-метательная артиллерия, описанная Прокопием, использовавшаяся римлянами при осаде Рима готами в 537 / 538 гг., является тензионной, причем словарный состав византийских военных трактатов, там, где он вообще проливает хоть какой-то свет на проблему, только усиливает данную вероятность.

Византийцы наверняка употребляли широкие, установленные на раме, тензионные орудия в качестве полевой или осадной артиллерии, как наводящиеся вручную, так и наводящиеся с помощью ворота. Продолжали ли использоваться установленные на повозках, передвижные карробаллисты, применявшиеся в позднеримский период полевыми подразделениями пехоты, еще один вопрос, поскольку тому существует немного достоверных подтверждений. В трактате *De administrando imperio* (Об управлении империей), составленном Константином

Багрянородным в X в., упоминание об артиллерийских подразделениях, вооруженных хиробаллистами во времена Диоклетиана (284–305 гг.) и Константина I (307–337 гг.), похоже, фактически являются искажением латинского термина и относятся именно к этому разряду артиллерии, но для средневизантийского периода соответствующие упоминания отсутствуют (Jenkins and Moravcsik 1967: § 53.30» 34, 37, 133 and comm.). Напротив, трактат Тактика Льва, представляя Стратегикон Маврикия устаревшим в том, что касалось раздела о полевой артиллерии, могущей сопровождать подразделения пехоты, упоминает о передвижной артиллерии, известной как алакатия (*alakatia*) (илакатия (*eilaktia*)). Термин дословно означает прялку или жердь, но также мог использоваться и в позднем греческом в значении лебедка, ворот, брашпиль и предположительно являлся жаргонным прозвищем орудия (ср.: позднеримское онагр (*onager*) или «мул» – торсионный, вертикально установленный камнемет). Эта машина описывается как размещаемая на повозке и вращающаяся из стороны в сторону (Leo, *Tactica*, V.7; VI.27; XIV.83; XV.27). Из прочих описаний следует, что, вероятно, имелись и орудия со скользящим затвором, воротом или тому подобными механическими наводящими приспособлениями, спусковым механизмом и сопутствующими элементами, которые могли использовать для стрельбы и болтами, и камнями, подобно карробаллистам (*carroballist*).

Тогда как простейшей формы торсионный камнемет, онагр, вероятно, долгое время просуществовал в исламском, византийском и средневековом западном мире, применялись также и камнеметные механизмы, действие которых не основывалось ни на торсионном, ни на тензионном принципе. В конце VI в. авары ввели в употребление тракционное (наводящееся вручную) орудие с рычагом и противовесом, созданное в Китае, оно очень быстро прижилось в Византии. Похоже, имелось, по меньшей мере, два класса подобных механизмов и управление ими явно требовало технических знаний и навыков. В Мадридской рукописи XII в. истории Иоанна Скилицы имеется два изображения тягловосилового рычагового орудия с явными различиями конструкции двух механизмов (Estopañan 1965: I, fos. 151b, 166). Подобные устройства имеются и на средневековых изображениях на Западе.

Причины исчезновения большинства приспособлений торсионной артиллерии по-прежнему неясны, но тензионная артиллерия намного дешевле, ее легче производить и содержать; будучи менее мощной, она являлась более надежной: поддержание на должном уровне натяжения метательного волокна в обеих точках его эластичности для двухплечевой торсионной катапульты требовало математических и технических знаний, которые до V–VI вв., возможно, не сохранились. Византийская армия, похоже, всегда содержала определенное количество инженерных специалистов, ответственных за артиллерию: они упомянуты в большинстве трактатов, а также в других источниках. Но описание Прокопия одноплечевого онагра, вертикально установленного торсионного камнемета (История войн Юстиниана V.xxi.19), показывает, что простейшие торсионные механизмы продолжали использоваться в восточной империи вплоть до VI в., а, возможно, и позднее, поскольку с того времени они также использовались и представителями всех соседних культур. Появление тракционного рычагового

камнемета, потенциально гораздо более мощного и многократно более простого по своей конструкции и использованию, должно быть, повлияло на необходимость и желание строить даже такие простые торсионные устройства (Haldon 2000; Chevedden 1995).

Возможно, наиболее известное византийское артиллерийское оружие – это «греческий огонь», в отношении которого до сих пор нет согласия среди тех, кто изучал источники. Он применялся как дальнобойное метательное устройство для использования на борту кораблей и при осадах, но на протяжении конца IX–X вв. использовалась также меньших размеров, «ручная» версия (которая, возможно, однако, и не действовала в точности по тем же самым принципам); она описана и в византийских, и в арабских источниках. Существуют некоторые разногласия в том, что касается изготовления огнемета. Обычно в нем использовали сырую нефть (добывавшуюся на Кавказе и в южно-русских степях, где имперское правительство, судя по всему, было особо заинтересовано в сохранении своего дипломатического присутствия). Византийские источники приводят данные о различных составных частях и общем воздействии прибора, а отчеты латинов IX–X вв. дают совершенно ясное представление об этом устройстве (Haldon 2000: §45, II.141, 157 f., 202). Было ли оружие столь эффективным, как то утверждают греческие источники, зависит от природы и надежности источника, его описывающего. Сами византийцы, очевидно, рассматривали его как действенное оружие разве что из-за психологического эффекта (Haldon 2006).

Метание зажигательной смеси катапультами практиковалось, конечно же, повсеместно, и ясно, что противники империи использовали это средство там, где оно было уместно и применимо. Предполагалось, что и арабы обладали тем же типом огнеметов, что и византийцы, но источники в этом отношении однозначной информации не дают, и вопрос остается открытым. Но и само устройство, и способ «метания» отличает «греческий огонь» от зажигательных орудий в целом, хотя путаницу внесло неразборчивое использование со времен Первого Крестового похода самого термина «греческий огонь» для буквально всех и каждого из таких орудий западными рыцарями и летописцами, сражавшимися на Востоке (Haldon and Byrne 1977).

ЛИТЕРАТУРА

- BABUIN, A. 2002. 'Later Byzantine arms and armour', in Nicolle 2002: 97–104.
- BISHOP, M. C. and COULSTON, J. N. C. 1993. *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome* (London).
- BIVAR, A. D. H. 1955. 'The stirrup and its origins', *Oriental Art* 1.2: 61–5.
- 1972. 'Cavalry equipment and tactics on the Euphrates frontier', *DOP* 26: 271–91.
- BRECCIA, G. 2004. 'L'arco e la spada. Procopio e il nuovo esercito bizantino', *Nea Rome, Rivista di ricerche bizantinistiche* 1: 72–99.
- CHEVEDDEN, P. E. 1995. 'Artillery in late antiquity: prelude to the Middle Ages', in I. A. Corfis and M. Wolfe (eds.), *The Medieval City under Siege* (Woodbridge): 131–73.

- DAIN, A. (ed.) 1938. *Sylloge Tacticorum, quae olim 'inedita Leonis Tactica' dicebatur* (Paris).
- DAWSON, T. 1998. 'Kremasmata, kabadion, klibanion: some aspects of middle Byzantine military equipment reconsidered', *BMGS* 22: 38–50.
- 2002. 'Suntagma hoplôn: the equipment of regular Byzantine troops c. 950 to c. 1204', in Nicolle 2002: 81–90.
- DENNIS, G. T. 1985. 'Anonymi Peri strategias, the Anonymous Byzantine Treatise on Strategy', in *Three Byzantine Military Treatises* (Washington, DC): 1–136.
- DIEHL, C. 1933. *Peinture byzantine* (Paris).
- DIXON, K. R., and SOUTHERN, P. 1992. *The Roman Cavalry from the First to the Third Century A.D.* (London).
- ESTOPAÑAN, C. 1965. *Sykillitzes Matritensis. Reproducciones de miniaturas*, I (Madrid).
- HALDON, J. 1975. 'Some aspects of Byzantine military technology from the sixth to the tenth centuries', *BMGS* 1: 11–47.
- 1999. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204* (London).
- 2000. 'Chapters II, 44 and 45 of the *Book of Ceremonies*: theory and practice in tenth-century military administration', *TM* 13: 201–352.
- 2002. 'Some aspects of early Byzantine arms and armour', in Nicolle 2002: 65–79.
- 2006. '“Greek fire” revisited: recent and current research', in E. Jeffreys (ed.), *Byzantine Style, Religion and Civilization: In Honour of Sir Steven Runciman* (Cambridge): 290–325.
- and BYRNE, M. 1977. 'A possible solution to the problem of Greek fire', *BZ* 70: 91–9.
- JENKINS, R. 1962. *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*, vol. 2: *Commentary* (London).
- and MORAVCSIK, G. 1967. *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*, vol. 1: *Text and translation* (Washington, DC).
- KOLIAS, T. 1988. *Byzantinische Waffen* (Vienna).
- LAZARIS, S. 2005. 'Considérations sur l'apparition de l'étrier: contribution à l'histoire du cheval dans “Antiquité tardive”', in A. Gardeisen (ed.), *Les équidés dans le monde méditerranéen antique* (Lattes): 275–88.
- LEO, *Tact. Leonis imperatoris tactica*, in *PG* 107, cols. 672–1120; also ed. R. Vari, *Leonis imperatoris tactica* I (proem., const, i–xi); II (const, xii–xiii, xiv, 1–38) (*Sylloge Tacticorum Graecorum* III, Budapest, 1917–22).
- MCGEER, E. 1995. *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* (Washington, DC).
- NICOLLE, D. (ed.) 2002. *Companion to Medieval Arms and Armour* (Woodbridge).
- NIKONOV, V. P. 1998. 'Cataphracti, catafractarii and clibanarii: another look at the old problem of their identification', in *Military Archaeology: Weaponry and Warfare in the Historical and Social Perspective* (International congress, St Petersburg): 131–8.
- NISHIMURA, D. 1988. 'Crossbows, arrow-guides and the solenarion', *Byzantion* 58: 422–35.
- SULLIVAN, D. F. 2000. *Siegecraft: Two Tenth-Century Instructional Manuals by 'Heron of Byzantium'* (Washington, DC).
- ZUCKERMANN, C. 1990. 'The military compendium of Syrianus Magister', *JÖB* 40: 209–24.

Углубленное чтение

См. III.18.8 Тексты о войне, в данном издании, а также следующее:

ANASTASIADIS, M. P. 1994. 'On handling the menavlion', *BMGS* 18: 1–10.

BARTUSIS, M. C. 1992. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453* (Philadelphia).

BISHOP, M. C. (ed.) 1985. *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar* (British Archaeological Reports, int. ser. 275, Oxford).

BRUHN-HOFFMEYER, A. 1966. 'Military equipment in the Byzantine manuscript of Scylitzes in the Biblioteca Nacional in Madrid', *Gladius* 5.

DIXON, K. R., and SOUTHERN, P. 1996. *The Late Roman Army* (London).

NICOLLE, D. 1995. *Medieval Warfare Source Book*, vol. 1: *Warfare in Western Christendom* (London).

— 1996. *Medieval Warfare Source Book*, vol. 2: *Christian Europe and its Neighbours* (London).

Глава II.8.9 КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ И МОРЕПЛАВАНИЕ

Джон Прайор

*Господи наш, Господи, истинный и живой путь,
сопутствовавшему Тебе Иосифу спутешествовавший,
сопутствуй, Господи, такожде сему рабу твоему
и сохрани его от многообразных бед, разбоя и потопления.
Даруй ему мир и здравие, и сподоби творити всякую правду по воле Твоей,
и дозволи возвратится всеми благами земными и небесными изобилующу.
Яко Твое есть царство и сила и слава, Отца и Сына и Святаго Духа
ныне, присно и во веки веков.*

Молитва о путешествующих, датируемая (по меньшей мере) XI в.
Goar 1730: 681; trans. Jeffreys

Иногда высказывалось мнение о том, что византийцы боялись моря, и моряки, капитаны, и морские торговцы пользовались у них дурной славой (Kazhdan and Constable 1982: 42–3). Однако такие мнения являются результатом неправильной интерпретации источников и малоопытности современных историков в области истории мореплавания. В греко-римском прошлом греки и сирийцы были самыми известными мореходами и торговцами античного мира, и в поствизантийском, османском мире их присутствие, вероятно, все еще было ощутимо. Просто невозможно поверить, что за тысячу лет такие народы полностью распрощались со своим мореходным прошлым и будущим. Историкам необходимо правильно интерпретировать записи византийской знати. Когда Генесий и автор Продолжателя Феофана написали о том, как император Теофил, узнав, что владельцем великолепных торговых кораблей, плававших по Босфору, была его жена, Феодора, разгневался и приказал сжечь корабли, это всего лишь означало, что авторы считали управление кораблями неподобающим для императрицы занятием, а не то, что мореплавание и морская торговля были чужды Византии (Genes. 3.20; *Theoph. Cont.* 3.4). Как видно из содержания Морского закона родосцев (ок. 700 г. н. э.), византийцы были опытными мореплавателями, во множестве участвовавшими в морской торговле (Ashburner 1909).

Византийские моряки не стали бы разделять негативное отношение церковного и аристократического высшего общества к морю, существует масса подтверждений тому, что византийские мореходы море любили. Стихотворные восхваления мореплавания, вошедшие в коллекцию Агафия Миринейского в VI в., а позднее воспроизведенные в Палатинской антологии около 900 г. н. э., доказывают, что восторг и благодарность, испытанные весной в открытом море при легком ветре, не забываются никогда:

*Спокойна и необозрима синь,
Шторм не взволнует и не вспенит вод, не потревожит рябью синевы,
Волна не разобьется о скалу, и, пятась, не вернется в глубину.
Зефир прохладой дышит над водой, и ласточка с раздвоенным хвостом
кружится над жильем своим лепным из глины и травы сухой...
Крепись!
Крепись-мужайся, славный мореход!
Куда бы ты ни направлял свой путь – в Сирт иль к Сицилийским берегам.
Лишь в гавани, под самым алтарем Приапа, плещет рыба-попугай и рыба красная.*
(Ant. Gr. X. 14; trans. Paton)

Однако, как любовь к Богу подразумевает страх Божий, и любовь к морю также подразумевает страх. Все моряки и любят море, и боятся его в том смысле, в котором люди боятся Бога: иначе им не приходится долго оставаться моряками. В эпоху античности и средневековья этот страх, прежде всего, проявлялся в общеизвестном «закрытии» моря зимой. Оно никогда не являлось чем-то абсолютным – длительность «закрытия» была различна, [к примеру], для «низкопосаженных» гребных судов, которые не предназначались для того, чтобы рассекал высокие волны, и для парусников, которые именно для этого и предназначались. Длительность «закрытия» сокращалась с течением веков. Не будучи опытным мореходом, земледelec Гесиод в VIII в. до н. э. сводил длительность мореходного сезона приблизительно к 50 дням после летнего солнцестояния. Но в IV в. н. э. Вегетий расширил пределы мореходного сезона: для гребных судов – до периода с 26 мая по 14 сентября, а для кораблей – до периода с 10 марта до 10 ноября. Позже время «закрытия» еще более сократилось, но, в любом случае, чем-то абсолютным и неизменным оно не было. Отчаянные и алчные капитаны, либо же лица, выполнявшие важные дипломатические или военные поручения, постоянно бросали вызов зимнему морю. Даже военно-морские походы, случалось, затевались зимой, хотя зачастую с разгромным результатом. Тем не менее именно зима обусловила сезонность морской торговли и коммуникаций (Hes. *Works* 646–94; Veget. IV.39; Pryor 1988: 87–8; McCormick 2001: 98, 450–68).

Подобные обстоятельства не столько в точности определяли навигационные маршруты, сколько [отчасти] влияли на их формирование. Черное море, Мраморное море, Эгейское море, на берегах которых протекала большая часть всего существования Византийской империи, были географически сложными водными территориями. Моряки, прокладывая там курс, руководствовались преимущественно сезонностью ветров, расположением островов и в меньшей степени си-

стемами подводных течений. Также зависели они и от мореходных возможностей своих кораблей. По большей части возможности весельных кораблей ограничивались прибрежной навигацией или очень краткими переходами от строва к острову. Парусники легко могли совершать и более длительные переходы в открытом море, хотя экономические соображения создавали различия и между ними. Морская торговля большей частью заключалась в нерегулярных грузоперевозках или каботаже (судоходство между портами одного государства) из порта в порт и от острова к острову, при этом грузы брались на борт или сгружались в любом месте, где торговля сулила выгоду. Поэтому длительные переходы в открытом море от Крыма до Константинополя, от Александрии до Родоса, от острова Лесбос до Афин, от Кипра до Крита или от Крита до Сицилии нормой не являлись. Гребные суда и флотилии из них выбирали путь вдоль линии побережья, поскольку для них оказаться застигнутыми в открытом море при усиливающемся волнении было крайне опасно. По большей части купцы-мореплаватели, вероятно, поступали так же, хотя и по другим соображениям. Только самые большие корабли с зерном, либо незаурядные купцы или купцы, оказавшиеся в чрезвычайных обстоятельствах, совершали переходы в открытом море. Поэтому самыми важными [морскими] путями стали пути от Азовского моря до Константинополя через Дунайское побережье, из Трапезунда в Константинополь через Синоп, от Константинополя до Леванта через Анатолийское побережье и Родос, из Константинополя на Запад через Фракию и восточное побережье Греции, и от Родоса на Запад через южный берег Крита и Пелопоннес. Из Александрии путь на север и запад пролегал вдоль побережья Палестины, Киликии и Ликии до Эгейского моря и за его пределы (McCormick 2001: в разделах «пути, море»).

Парусники

Письменные источники и скудные иллюстративные материалы содержат крайне мало информации о византийских парусниках. Однако, у нас есть археологические данные о кораблях Ясси Ада IV–VII вв. (Bass and van Doorninck 1982). Корабль VII в. имел в длину полных 20,5 м, 12-и метровый киль, 5 м ширины и трюм глубиной 2,25 м. Был ли на корабле один капитан, или же их было двое, неизвестно. Судно, вероятно, имело треугольные, а не квадратные паруса, но точных данных по этому вопросу нет. Паруса, предположительно, треугольной формы, изображены на некоторых галерах в манускрипте начала VI в. *Ilias Ambrosiana*, но одна из галер в нем явно имеет квадратные паруса. Галеры в манускрипте *Roman Vergil* (конец V в.) изображены неоднозначно – с парусами, которые можно счесть как треугольными, так и прямоугольными. Знаменитая мозаика начала V в. в церкви Сант-Аполинаре Нуово в Равенне с изображением корабля в порту Классис [также] может изображать либо квадратный, либо треугольный парус (Martin 2001: 31); мозаику заменили в 561 г., после чего очень плохо отреставрировали в 1855 г.

Оба корабля из Ясси Ада являются разительно отчетливой иллюстрацией античного метода кораблестроения, при котором в первую очередь сооружали корпус корабля путем соединения концов бортовых досок близко расположен-

ными, тесно стоящими шипами, закрепленными в пазах (гнездах) деревянными колышками (нагельями); данная техника наиболее впечатляюще обнаруживается на примере корабля из Кирены (IV в. до н. э.) (Steffy 1991a: 1–2). В кораблях IV в. шипы были шире, но короче, менее плотно фиксировались в гнездах, и располагались гораздо дальше друг от друга. В останках кораблекрушения VII в. шипы были всего 3 см шириной и 3,5 см глубиной, свободно сидели в гнездах, на концах имели коническую форму и располагались на различном расстоянии (35–90 см) друг от друга. Важные изменения произошли в конструкции корабля – от «корпусной» до «каркасной» техники. От сооружения в первую очередь корпуса, к которому добавляли остов (каркас), позднее перешли к тому, что в конце концов стало «каркасной» техникой, согласно которой вначале сооружали остов, а уже на него гвоздями набивали обшивную доску (Bass 1972: 138, 143; Bass and van Doorninck 1982: 55; Steffy 1991a; Pryor 1994: 65–7).

К IX в. данный переход, вероятно, полностью завершился. В корабле из Бозбуруна, около 15–17 м длиной и 5 м шириной, древесина для строительства которого была срублена в 874 г., уже невозможно обнаружить шипо-гнездовое соединение досок, так как, вероятно, первым сооружался его каркас, а отверстия конопатили смолой (Hocker 1995, 1998a, and 1998b). Корабль в Серце Лимани (ок. 1025 г.), еще одно маленькое каботажное судно общей длиной около 15,36 м и 5,12 м шириной, также состоял из досок, соединенных между собой не шипово-гнездовым методом, а, скорее всего, прибававшихся к каркасу металлическими костылями и деревянными гвоздями (Steffy 1982).

Однако обнаружение в 2005–2006 гг. в гавани Элевтерия или Феоодосиевой гавани в Стамбуле останков 27 или 28 кораблей, из которых все, кроме одного, датированы концом X – началом XI в., доказывает нечто полностью противоположное. Все они были выстроены из скрепленных на концах досок, но вместо шипо-гнездовых соединений, использовались деревянные «болты» (штифты), скреплявшие доски между собой. Таким образом, они строились до самого вельса у ватерлинии, после чего вставлялись каркасные доски и верхняя часть корпуса формировалась, начиная с каркаса, на который деревянными и металлическими гвоздями набивали доски (информация любезно предоставлена Кемалем Пулаком).

Подобные небольшие прибрежные суда, вероятно, весьма походили на изображения в манускриптах, таких как Хлудовская Псалтырь и Парижская рукопись Проповедей Св. Григория Богослова (Shchepkina 1977: no. 88; Weitzmann 1980: ch. IV, fig. 1). Однопалубные, одно- или же двухмачтовые, с двумя кормовыми рулями и маленькой кабиной, с очагом на корме, они, конечно, не имели ничего общего с кораблями, принадлежавшими императрице Феодоре, но описания таких кораблей, которые были бы сделаны в средневизантийскую эпоху, отсутствуют.

К XII в. на Латинском Западе длина, ширина, количество мачт и палуб парусников начинают возрастать. Общераспространенными стали трехмачтовые корабли с тремя палубами. Неизвестно, шли ли в отношении таких усовершенствований в ногу со временем византийские купцы. Исторические данные говорят о том, что некоторые византийцы приобретали огромные «современные»

корабли в эпоху поздней империи, но строились ли эти корабли в Византии, или же были делом рук западных судостроителей, спорный вопрос.

Даже если византийцы в разное время приобретали или строили и очень большие корабли, большая часть имперских морских перевозок ложилась на плечи многочисленных мелких судов, которые, даже будучи способными совершать в случае необходимости переходы в открытом море, по причинам экономии, а также из соображений навигации обычно путешествовали из порта в порт, от острова к острову.

У кормы корабля VII в. из Ясси Ада был обнаружен отдельно стоящий крупный шарообразный пифос без ручек, который почти наверняка служил водным контейнером судна. Исходя из его размеров (71 см в высоту и 58,5 см максимум в диаметре) и емкости, по приблизительным оценкам, не более 90 литров (Bass and van Doorninck 1982: 186–8), он содержал количество воды, достаточное для всей команды на четыре дня, или немногим больше. Членам экипажа, вероятно, необходимо было около 8 литров в день для питья и приготовления пищи. То, что запас воды на судах часто истощался, подтверждают две истории о чудотворениях из Луга Духовного Иоанна Мосха. В первой затворник, направлявшийся морем в Константинополь, когда запасы воды закончились, превратил морскую воду в пресную. Во второй набожный навклир в течение четырех дней молился о дожде, который принес бы утешение скорбящему экипажу и пассажирам, полностью исчерпавшим запас воды. Наградой ему стал ливень, пролившийся исключительно в том месте, где проследовал корабль (PG 87.3: 3041–4; trans. Wortley 1992: 142–3). Нет сомнений в том, что пассажиры везли с собой собственные запасы воды, и в случае, если расходовали ее расточительно, а путешествие затягивалось по причине неблагоприятного ветра, им приходилось тяжело. Родосский морской закон предписывал, чтобы пассажиры употребляли воду «в меру», «умеренно», а некоторые рукописи уточняли, что это означало по две унции, то есть 53,5 миллилитра – небольшой глоток за один прием (Ashburner 1909: Parssecunda, ιβ' (p. 2).

Родосский морской закон позволял принимать пассажиров в количестве трех человек на пехис (*pecheis*), то есть на участок палубы, равный 1,875 x 0,625 м. По вполне очевидным причинам, они не могли колоть дрова и разводить костры, будучи на борту, менее понятно то, почему они не могли также жарить рыбу. Если пассажиры не сдали золото и ценные вещи навклиру, они не имели права жаловаться на то, что ценности утеряны или украдены. Моряк, пойманный при попытке воровства у пассажиров, подвергался избиению.

Согласно двум самым поздним манускриптам, моряков просто нанимали на работу за плату. Однако, во времена Родосского морского закона многие морские путешествия, вероятно, совершались на условиях «участия в прибыли». Экипажу платили часть дохода, а не заработную плату. Морское путешествие было своего рода совместным венчурным предприятием и пассажиры, торговцы, экипаж разделяли право принятия решений с навклиром. Купцы могли арендовать весь корабль на один рейс, и если они поступали так, то навклир не имел права принимать на борт груз без разрешения. Навклиры обязаны были сохранять груз от повреждений морской и трюмной водой, в частности, предохраняя кожаным и брезентовым покрытием в сильную непогоду.

Потери от кораблекрушений и пиратства, и условия, при которых спасенные ценности, имущество, груз, рабы, корабельная утварь и сам корабль могли служить контрибуцией, встречаются в Родосском морском законе повсеместно.

Галеры

В начале VI в. боевые галеры получили новое имя – ‘дромон’. Как подразумевает само это название, корабли славились своей скоростью или маневренностью, или тем и другим одновременно. Прокопий писал о дромонах времен похода Велисария против африканских вандалов:

И были у них боевые корабли [длинные корабли], как бы приготовленные к бою на море, числом девяносто два, и были весла на них в один ряд, и прикрывала гребцов палуба, так, чтобы стрелы неприятеля, по возможности, не задела их. Такие корабли и поныне носят название дромонов; поскольку могут они достигать немыслимой скорости.

(Prok. Wars III. XI.15–16; trans. Pryor and Jeffrey)

К концу VI в. палубные моноремы-дромоны с двумя рядами по 25 весел с каждой стороны, одно- или двух- мачтовые, с треугольными парусами, направляемые двумя кормовыми рулями, стали основным видом боевых галер византийского флота. Однако таран на уровне ватерлинии, отличительная деталь греко-римских боевых галер, заменила надводная «шпора» – длинная выступающая балка на носу судна, предназначенная крушить скамьи гребцов на неприятельском корабле. Наиболее ранние изображения таких кораблей, вероятно, приведены в рукописи *Ilias Ambrosiana* или, возможно, *Roman Vergil* (Rosenthal 1972: pl. VIII; Bandinelli 1955: fig. 190, pl. 34). В обоих случаях явно видны надводные «шпоры». Однако изображены ли там треугольные паруса, вопрос спорный. Художник-иллюстратор рукописи *Roman Vergil* был явно несведущим в отношении кораблей, и его паруса могли быть как треугольной, так и прямоугольной (квадратной) формы. Иллюстратор *Ilias Ambrosiana* предположительно изобразил треугольные паруса на миниатюре XXVII, хотя квадратный парус однозначно изображен на миниатюре VIII, – единственной среди прочих миниатюр, на которой парус изображен развернутым.

Сведения о дальнейшей эволюции [данного типа судна] в VI–X вв. скудны, хотя и ясно, что дромоны постепенно становятся шире. Двухмачтовые боевые галеры изображены на иллюстрациях к рукописи *Sacra Parallela* (ок. 850–875 гг.), приписываемой Иоанну Дамаскину (Weitzmann 1979: fig. 203).

Из всех источников, повествующих о византийском военно-морском флоте, наиболее многочисленны относящиеся к периоду правления Македонской династии, из которых особо выделяют три. Во-первых, это глава XIX из Тактики Льва VI (она содержится в виде отрывка под названием «Военно-морские походы императора Льва» в Миланской рукописи (Milan, Ambros. B 119–sup. (Gr. 139)), а во-вторых – спорный анонимный трактат «Военные действия на море», выполненный по заказу патрикия и паракимомена Василия в той же самой рукописи (Pryor and Jeffreys 2006: 483–545). В-третьих, это инвентарная опись имущества двух неудачных походов с целью отвоевать Крит в 910–912 и 949 гг., и двух других походов в Италию в 934 и 935 гг.,

вошедшие в состав трактата, известного как «О церемониях византийского двора» в рукописи Лейпцигского университета (Leipzig, Univ. 28 (Rep. i.17) (Haldon 2000; selections in Pryor and Jeffreys 2006: 547–70).

Ко времени правления Льва VI линейные дромоны имели по два ряда весел с каждой стороны, один из которых располагался ниже уровня палубы, второй – выше, на веслах в каждом ряду было по 25 гребцов (в связке) с каждой стороны, то есть всего около 100 гребцов. Стандартный экипаж корабля или усия (*ousia*) насчитывал 108 человек. Корабли имели две мачты, кормовые рули, шпоры (тараны) и сифоны для греческого огня в носовой части. Они имели общую длину около 31,25 м, ширину около 3,8 м посередине корабля на уровне нижнего ряда весел, и 4,46 м на уровне палубы, глубину трюма 1,9 м. Их полная грузоподъемность составляла предположительно около 30 т. Мачты посередине корабля (грот-мачты) имели, вероятно, высоту около 8,3 м, фок-мачты – около 11,85 м, при этом их высота над уровнем воды составляла около 10,65 м. Их треугольные паруса, вероятно, имели размеры около 15,45 м на рее грот-мачты и 20,15 м на рее фок-мачты (Pryor and Jeffreys 2006).

Новый термин для обозначения боевого корабля, хеландий (*chelandion*), впервые упомянут в летописи Феофана Исповедника при описании транспортировки коней для имперского похода Юстиниана II на Херсонес. Такие хеландии почти наверняка были галерами, приспособленными для перевозки лошадей путем увеличения ширины и глубины трюма. Термины дромон и хеландий смешались и стали почти взаимозаменяемыми. Это однако, совсем не обязательно означает, что и сами корабли также были равны и взаимозаменяемы. Византийские писатели были невеждами в морском деле. Кто мог знать, как назвать весельное судно? Дромон? Хеландий? Только моряк, но как раз моряки письменных сведений на этот счет не оставили.

Лошадей, без сомнения, перевозили также и на парусниках, но и галеры, безусловно, имели все возможности для их транспортировки, поскольку Лев Диакон писал, что Никифор Фока использовал трапы для разгрузки коней при высадке на Крит в 960 г., а это можно было сделать только с галер. Такие галеры, перевозившие лошадей, изображены в Мадридской рукописи *Synopsis Historiarum* Иоанна Скилицы на иллюстрации, представляющей флот Фомы Славянина, направляющийся в Авидос (Madrid, Biblioteca Nacional, vitr. 26–2, т. 31^v; Tselikas 2000). Именно эту иллюстрацию отличает византийский стиль исполнения, она наверняка скопирована с более раннего византийского оригинала. В правление Македонской династии имперские эскадры с заметным успехом атаковали мусульманские флотилии с Сицилии и верхней части Эгейского моря. Наряду с этим следует упомянуть о многочисленных разгромных поражениях. Лев VI советовал, чтобы перед выходом в открытое море дромоны традиционно благословлял священник и об успехах флота возносилась молитва. Такие молитвы могли быть чем-то наподобие следующей:

Молитва о судах, уходящих (на завоевание города):

Господи, наш Господи, по воде, яко по суху управляющий, управивый святых Твоих учеников и в бурю от потопления избавивый, ныне, Владыко, изволи плыти с рабом Тво-

им в кораблях противу Твоих врагов отсылаемых. Посли ны ветры тихи и покойны, море благооттишно и безопасно. Позволи свершающим в сим путешествии успети противу восстающих на Тя, борющихся Тя, Истинный и Единый Боже, с хулением отрицающих Промышление Твое святое.

Яви верующим во славу Твою такожде и ныне милосердие Твое, и подай помощь чающим я, в путь шествующим воинам, готовым свершати должное[и творити Волю Твою даже до последнего издыхания].

Яко Ты еси мир наш и Тебе славу возсылаем.

(Goar 1730: 684; trans. Jeffreys)

Навигация на галерах никогда не была простым делом. Невысокий подводный борт и сама конструкция судна предполагала, что корабль как бы прорезает волны, а не балансирует на них, это делало их исключительно удобопотопляемыми и обрекало на прибрежную навигацию. О них шла дурная слава как о никудышних парусниках, и они могли ходить под парусами только при легком благоприятном попутном бризе. Лев VI советовал снаряжать морские походы только когда ветер был благоприятным, и укрываться от шквалов в убежищах, аплектах.

Учитывая размеры экипажа, галеры типа дромон требовали не меньше метрической тонны воды в день и наверняка не могли принять на борт больше трех-, четырехдневного запаса продовольствия. Сириан Магистр писал, что на каждом корабле должны были находиться моряки, близко знакомые с побережьем и знавшие, где раздобыть пресную воду:

Очевидно, однако, что стратегу необходимо всегда иметь с собой людей [сведущих], знающих море, по которому он плывет, и к которому направляется; я имею в виду опытных мореплавателей, знающих, каковы волны в шторм, какие ветра дуют со стороны берега, знающим подводные скалы и глубины (места с неизвестной глубиной), равно как и побережье, вдоль которого совершается плавание, прибрежные острова, гавани, расстояния от одних до других, местность и источники пресной воды. Поскольку многих и многих погубило незнание моря и близлежащих земель, каждому кораблю необходимо иметь кого-либо знающего все это, с тем, чтобы он смог дать добрый совет, когда дело того потребует.

(Pryor and Jeffreys 2006: 457–9)

Дромоны, хеландии и подобные им корабли на латинском Западе и в мусульманском мире преимущественно оставались боевыми галерами до конца XI в. Однако с 1080 г. западные источники начинают упоминать о новом типе судна — галее. Он развивался на основе византийского судна типа моноремных дромонов X в, известного как галеи, но был сконструирован таким образом, что оба ряда гребцов могли грести, находясь на одних и тех же скамьях над уровнем палубы. Это привело к возрастанию мощности, гигиеничности и, следовательно, усовершенствованию гребли, и обеспечило дополнительное пространство для хранения снаряжения и продовольствия.

К концу XII в. галеи и подобные им корабли заменили дромоны и хеландии по всему Средиземноморью. Византийцы понемногу прекратили использо-

вать и сами эти названия. Новое слово, обозначавшее боевую галеру, – катерга (*katerga*), возникнув, начиная с XII в., стало стандартным термином. В последние века существования Византии катерга для византийцев наверняка означало то же самое, что и галера на латинском Западе. Турки-османы преобразовали это слово в кадирга (*kadirga*) и называли им свои собственные галеры.

ЛИТЕРАТУРА

- ASHBURNER, W. (ed. and trans.) 1909. *The Rhodian Sea-Law* (Oxford).
- BANDINELLI, R. B. 1955. *Hellenistic-Byzantine Miniatures of the Iliad (Ilias Ambrosiana)* (Olten).
- BASS, G. F. (ed.) 1972. *A History of Seafaring based on Underwater Archaeology* (London).
- and VAN DOORNINCK, F. H., jr. (eds.) 1982. *Yassi Ada*, vol. 1: *A Seventh-Century Byzantine Shipwreck* (College Station).
- and others (eds.) 2004. *Serçe Limani: An Eleventh-Century Shipwreck*, vol. 1: *The Ship and its Anchorage, Crew and Passengers* (College Station).
- GOAR, J. 1730. *Euchologion sive rituale Graecorum* (Venice; repr. Graz, 1960).
- GRABAR, A., and MANOUSSACAS, M. 1979. *Illustration du manuscrit de Skylitzes de la Bibliothèque Nationale de Madrid* (Venice).
- HALDON, J. 2000. 'Theory and practice in tenth-century military administration: Chapters II, 44 and 45 of the *Book of Ceremonies*', *TM* 13: 201–352.
- HOCKER, F. M. 1995. 'The Byzantine shipwreck at Bozburun, Turkey: the 1995 field season', *Institute of Nautical Archaeology Quarterly* 22.4: 3–8.
- 1998a. 'The Byzantine shipwreck at Bozburun, Turkey: the 1997 field season', *Institute of Nautical Archaeology Quarterly* 25.2: 12–17.
- 1998b. 'Bozburun Byzantine shipwreck excavation: the final campaign 1998', *Institute of Nautical Archaeology Quarterly* 25.4: 3–13.
- KAZHDAN, A., and CONSTABLE, G. 1982. *People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies* (Washington, DC).
- MCCORMICK, M. 2001. *Origins of the European Economy: Communications and Commerce, AD 300–900* (Cambridge).
- MARTIN, L. R. 2001. *The Art and Archaeology of Venetian Ships and Boats* (College Station).
- PRYOR, J. 1988. *Geography, Technology, and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean 649–1571* (Cambridge).
- 1994. 'The Mediterranean round ship', in R. W. Unger (ed.), *Cogs, Caravels and Galleons* (London): 59–76.
- and JEFFREYS, E. 2006. *The Age of the ΑΡΟΜΩΝ: The Byzantine Navy ca. 500–1204* (Leiden).
- ROSENTHAL, E. 1972. *The Illuminations of the Vergilius Romanus (Cod. Vat. hat. 3867): A Stylistic and Iconographical Analysis* (Zurich).
- SHCHEPKINA, V. 1977. *Miniature Khludovskoi psaltyri (Miniatures of the Khludov Psalter)* (Moscow).
- STEFFY, J. R. 1982. 'The reconstruction of the eleventh-century Serçe Liman vessel: a preliminary report', *International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration* 11: 13–34.

- 1991a. 'The Mediterranean shell to skeleton transition: a northwest European parallel?', in R. Reinders and P. Kees (eds.), *Carvel Construction Technique* (Oxford): 1–9.
- 1991b. 'The ram and bow timbers: a structural interpretation', in L. Casson and J. R. Steffy (eds.), *The Athlit Ram* (College Station): 6–39.
- TSELIKAS, A. 2000. *Joannis Skylitzae Synopsis Historiarum, Codex Matritensis Graecus Vitr. 26–2 (facsimile edition)* (Athens).
- WEITZMANN, K. 1979. *The Miniatures of the Sacra Parallela: Parisinus Graecus 923* (Princeton).
- 1980. *Byzantine Book Illumination and Ivories* (London).
- WORTLEY, J. (trans.) 1992. *John Moschos, The Spiritual Meadow (Pratum Spirituale)* (Kalamazoo).

Углубленное чтение

- AHRWEILER, H. 1966. *Byzance et la mer: la marine de guerre, la politique, et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècles* (Paris).
- ANTONIADIS-BIBICOU, H. 1966. *Etudes d'histoire maritime de Byzance: à propos du 'Thème des Caravisiens'* (Paris).
- CASSON, L. 1995. *Ships and Seamanship in the Ancient World* (Baltimore).
- HORDEN, P., and PURCELL, N. 2000. *The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History* (Oxford).
- MACRIDES, R. (ed.) 2002. *Travel in the Byzantine World* (Aldershot).
- MORRISON, J. (ed.) 1995. *The Age of the Galley: Mediterranean Oared Vessels since Classical Times* (London).
- Quand voguaient les galères: exposition du 4 octobre 1990 au 6 Janvier 1991 Musée de la Marine. Paris. 1990* (Paris).
- UNGER, R. W. (ed.) 1994. *Cogs, Caravels and Galleons: The Sailing Ship 1000–1650* (London).

Глава II.8.10 БЫТОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Майкл Деккер

Внутренняя среда

Византийское общество, как большинство доиндустриальных обществ, существовало с минимальными удобствами и имело доступ лишь к таким технологиям, которые сегодня едва ли заслуживают даже названия примитивных. Технологии, использовавшиеся в повседневной жизни, Византия унаследовала от предшествующих цивилизаций. Государство, имевшее в своем распоряжении широчайший спектр ресурсов, в дополнение к техническим трактатам и специальным знаниям, являлось, таким образом, наиболее технологичным общественным институтом, производившим механизмы и оборудование, и имевшим к ним доступ, которого не имело большинство частных лиц. Мы должны также отдавать себе отчет в том, что продукты и процессы, воздействовавшие на повседневную жизнь, различались, иногда существенно, для богатых и бедных, а также для той или иной профессии.

В тех редких случаях, когда перед нашими глазами промелькнет та или иная технология, возникшая в Византии впервые, невозможно определить, в каких масштабах данная технология применялась в обществе. Важно придерживаться перспективы и не оценивать понятия прогресса на основе технических достижений трех последних столетий, поскольку такой стремительный марш-бросок технических знаний не имеет прецедентов в истории человечества. Технологические изменения, оказавшие воздействие на повседневную жизнь, происходили и в Византии, но они были своего рода макроизменениями, способными непосредственно повлиять только на один из элементов экономики и общества. Различные методы кораблестроения, к примеру, привели к ускорению и удешевлению строительства, а устойчивое распространение в эпоху поздней античности астрояхты и парусов треугольной формы принесло пользу многим морякам и купцам. Но эти усовершенствования, сколь бы они ни были важны, касались повседневной жизни большинства людей лишь косвенно, почти не затрагивая ее.

В продолжение эпохи поздней античности последовала фаза динамичного технологического развития, сопровождавшаяся новыми изобретениями, заметными по письменным и археологическим источникам. Наравне с этим наблюдалось более широкое применение технологий, которые, будучи известны еще в довизантийский период, похоже, достигли широкого распространения только в эпоху поздней античности. Некоторые из них, как, например, вышеупомянутые навигационные приборы, отличались надежностью и широтой применения. Поэтому они составляют часть всей массы практически применявшихся технологий, доставшихся от Византии ее соседям. Правда и то, что вследствие трудностей VII–IX вв. внедрение технологических инноваций явно замедлилось, хотя характер наших источников не позволяет определить это наверняка. С общего согласия принято считать, что к XII в. Византия отставала от соседних государств в том, что мы могли бы назвать «стратегическими технологиями», особенно в сфере вооружения и кораблестроения. Но по большей части, повторимся, византийцы жили в той же технологической среде, что и их соседи. Темпы изменений во всех королевствах Западной Европы [были столь незначительны, что] на протяжении столетий после падения Рима оказывали мало влияния на повседневную жизнь населения, и византийцы на протяжении всей истории оставались технологически на равных с ближайшими восточными соседями.

Технологии домашнего хозяйства

Складирование и хранение составляли значительную часть технологических потребностей среднестатистического жителя империи. К началу византийского периода многие технологии, применявшиеся для сохранения продуктовых запасов, уже насчитывали многие столетия. Скоропортящиеся продукты (фрукты и овощи) сушили на солнце, консервировали в масле и уксусе или замачивали в вине. Геопоника (ed. Beckh), к примеру, советовала хранить груши в сосудах, наполненных виноградным суслом или вином (10.25), тогда как яблоки и прочие фрукты могли заворачивать в листья (грецкого ореха или инжира) либо глину и высушивать на солнце (10.21). Сосуды для хранения зачастую покрывали смолой или воском (Геор. 6.7; 10.25). Товары массового хранения, как, например, зерно складировали в амбарах, некоторые из которых являлись каменными постройками, но чаще всего такие пищевые продукты, как зерно и прочие запасы продовольствия, помещали в большие керамические сосуды (пифосы). Из монастырских описей нам известно, что керамические сосуды для хранения вина, масла и сухих продуктов (сушеных овощей и фруктов) использовались наряду с мешками и деревянными бочками. Долии (вместительные керамические сосуды для хранения [пищевых продуктов]) оставались общей типичной, характерной чертой средиземноморского дома, иллюстрацией чему служат их поздневизантийские экземпляры, обнаруженные при раскопках в Пергаме (Rheidt 1990: 199). Несмотря на все эти приспособления, сохранность продуктов оставалось предметом постоянной заботы: книга 7 Геопоники во многом посвящена второсортному или испорченному (прокисшему) вину. Продукты животного происхождения вызывали разнообразные вопросы относительно их хранения,

которое осуществлялось методами сушки, копчения, засолки или соления. Молоко перерабатывали в сыр (Геор. 18.19).

Технология [хранения] большинства основных видов использовалась повседневно в приготовлении и потреблении пищи. Можно не сомневаться, что широкие деревянные или каменные пестики и ступы, типичные для античности (римские *pilum* и *mortarium*) были распространены на протяжении всего византийского периода, поскольку они были востребованы в процессе очистки от шелухи различных сортов ячменя и пшеницы, из которых готовили кашу (Bryer and Hill 1995) на протяжении всей истории империи. Каменные ступы и миски – довольно распространенные находки при археологических раскопках на месте поселений, их примеры известны в Константинополе, Коринфе и Эмпории (Gill 1986: 234–6; Davidson 1952: 122f.; Ballance and others 1999: 124). Евстафий Фессалоникийский (*Comm. ad Horn. Od.* 1.402.46 ed. Stalbaum) отмечал, что зерновые молотили с целью удаления шелухи, а высевки отделяли от зерна при помощи веялок. Последний этап переработки зерна в домашних условиях чаще всего выполнялся на обычной ручной роторной мельнице (см. II.8.1 Сельское хозяйство и сельскохозяйственные технологии) или запряженной ослом конусообразной мельнице. Ручные мельницы были переносными и недорогими; Эдиктом о ценах Диоклетиана 15.55 установлена цена ручной мельницы – 250 денариев, всего в 2,5 раза больше указанной там же цены модия¹ пшеницы. Они были распространены во всем восточном средиземноморском регионе, начиная от железного века и до XX столетия. Разумеется, византийцы продолжали их использовать. Муку тогда зачастую просеивали, чтобы удалить остатки шелухи, но ее качество и степень измельчения были большей частью сомнительны; доступные [на тот момент] технологии не позволяли выпекать хлеб на уровне современных стандартов.

Очаг простой конструкции, – центр домашней жизни, – являлся синонимом византийской семьи. В дополнение к кирпичным частным или общинным очагам женщины могли выпекать хлеб во дворе, в малой печи для хлеба (*kribanos*) из глины или же в золе (полученной в результате сжигания древесины или навоза) в [особого рода] яме. Типичная сводчатая печь для выпечки хлеба состояла из двух отделений; пищу запекали в в отделении, расположенном выше, тогда как в нижнем отделении разводили и поддерживали огонь. Такие печи были широко распространены на территориях, ранее входивших в состав Византии, таких, как Греция и Южная Италия, вплоть до XX в. (White 1984: 44).

Жаровни и простые открытые очаги в жилищах, такие, как в поздневизантийских жилищах Пергама (Rheidt 1990), в основном обогревали дома. Но VII в. засвидетельствовал начало постепенных перемен в освещении помещений. Глиняным лампам, дарившим империи свет на протяжении поздней античности, пришли на смену поликандилы, подобные обнаруженным в Коринфе (Davidson 1952: 128). Использование масел в освещении никогда не прекращалось полностью, но масляные лампы все больше отступали на задний план при растущем предпочтении свечам, произведенным в свечных мастерских, впервые возникших в VII в. (Mango 1982: 255–7) и ставших достаточно многочисленны-

¹ Мера объема сыпучих тел, равна 8, 74 л – прим. переводчика.

ми, что подтверждается предписаниями на их счет в Книге Эпарха (11.1–9). Также не прерывалась зародившаяся в римский период практика освещения главных улиц таких крупных городов, как Константинополь, Александрия и Эдесса (Trombley and Watt 2001: 107; Sly 1996: 37), надолго пережившая VII в.

Повседневные технологические приспособления для приготовления пищи сводились к простым предметам, весьма различным по своему составу и качеству. Керамическая посуда для приготовления пищи и столовые приборы были самыми что ни на есть распространенными образцами византийской кулинарной технологии. Такие сосуды были второсортным товаром, зачастую неукрашенным (без росписи) и грубого качества. Посуда, предназначавшаяся для приготовления пищи, размещалась на открытом огне очага или над жаровней, одна такая жаровня с четырьмя вытяжными отверстиями и конической сужающейся верхней частью была обнаружена в Эмпории (Ballance and others 1999: 114, pl. 26.279). Благодаря их дешевизне, такая керамика была доступна даже беднейшим домохозяйствам Византии. Это объясняет частоту обнаружения домашней посуды в ходе археологических раскопок на всей территории Византии, а также обнаружение в Афинах (Frantz 1988) и столице (Hayes 1992) обычной домашней посуды средневизантийского периода. Византийцы долго производили керамическую продукцию, технически превосходившую западноевропейские аналоги, особенно в V–VIII вв., поскольку большая часть византийской посуды по-прежнему производилась на гончарном круге, тогда как западная керамика зачастую регрессировала до низкосортных изделий ручного производства. Производство тонкостенной керамики также претерпело со временем значительные изменения. С целью отделки посуды ее обмазывали глиной при помощи кисти или погружая сосуд в раствор. Такое покрытие выравнивало и украшало поверхность глины, придавая, таким образом, изделию более эстетичный вид. Красный был типичным цветом поверхности ранневизантийской тонкостенной керамики, к примеру, фокейской краснолаковой, произведенной в Малой Азии. Обширное количество этой и подобной посуды, произведенной в Средиземноморье, означало, что ряд блюд, мисок, кувшинов высокого качества были легко доступны беднейшим членам византийского общества. Техника покрытия посуды глазурью постепенно заменила глиняное покрытие. Глазурная керамика, похоже, являлась результатом переноса технологии производства стекла на изготовление керамической посуды, вероятно, пришедшей в Византию из Южной Италии. И хотя исламская посуда с глазурным покрытием на сегодняшний день в основном более известна и повсеместно изучаема, византийцы были первой средиземноморской цивилизацией, производившей и широко распространявшей керамическую поливную столовую посуду (Dark 2001: 61–2). Именно в землях, отвоеванных у Империи, арабы впервые столкнулись с крытой глазурью посудой, которая приобрела свою коммерческую значимость лишь в аббасидский период. С 700 по 1200 г. типичной разновидностью византийской тонкостенной посуды являлась белоглиняная керамика, занимавшая во всей зарубежной торговле художественными изделиями, – от Китая и до исламского Средиземноморья, – такое же высокое место, как и знаменитые в то время персидские технологии и оформление (Talbot Rice 1937).

Исследования материальных данных

В дополнение к глиняной, кухонная и столовая посуда, сосуды для хранения продуктов, производились также из металлов, в особенности из меди и серебра. Изобилие таких предметов, хотя и более дорогостоящих, нежели керамика, наводит на мысль о повсеместном превосходстве металлов и общем распространении технических навыков. В состав обнаруженных на месте кораблекрушения VII в. в Ясси Ада медных изделий входили чайники, кувшины, котлы, один большой кувшин и кастрюля (Katzen 1982: 266–80). В высших слоях общества металлические столовые приборы были сравнительно широко распространены, начиная с римского периода и позднее (Boger 1983), наряду с дошедшими до нас отдельными экземплярами металлических вилок и ложек (Millikin 1957). Двужубые металлические вилки известны из Персии, но столовые вилки редко фигурируют в литературе и непосредственно в материальном виде, хотя их изображения в стенной росписи в Каранлик Килисе в Каппадокии свидетельствуют о продолжительности их популярности среди элиты (de Jerphanion 1938: 244–8). Обычно предполагается, что византийцы передали вилку дальше на Запад в свои владения в южной Италии и Венеции. Во всяком случае, для среднестатистического византийского домохозяйства такая утварь, вероятно, оставалась редкостью (Oikonomides 1990: 212).

В ходе раскопок в позднеантичных городах, в том числе в Анемурии и средневековом Константинополе, обнаружен обширный ряд металлических предметов. Металлические пуговицы, иглы, наперстки, пряжки, запоры, дверные петли, обшивка – вот лишь немногие из предметов, свидетельствующие о добыче, обработке и потреблении металлов в быту византийского простонародья. В производстве этих предметов византийцы использовали многие общераспространенные металлы, в основном железо, медь и бронзу. Высокий уровень точности обработки меди Византия продемонстрировала в изготовлении и использовании астролэбии, морского навигационного прибора. Астролэбия была известна со времен античности и продолжала претерпевать усовершенствования на протяжении поздней античности. Она описана у Иоанна Филопона (Greene 1976: 61–81) и перекочевала из Византии в арабский мир.

Хотя византийцы, как и их греческие и римские предшественники, производили латунь, они делали это, не имея возможности произвести основную ее составляющую – металлический цинк. Процесс, необходимый для получения металлического цинка, находился за пределами возможностей любого средневекового общества. Соответственно, византийцы компенсировали это, используя старинную практику, зафиксированную, согласно псевдо-аристотелеву трактату (*De Mirabilibus Auscultationibus* LXII, ed. Apelt), из Понтийского региона, предполагавшую сплавление цинкосодержащей руды с медью. В этом процессе большая часть цинка испарялась и, окисляясь, оседала, покрывая коркой стенку плавильного горна. Полученный в результате оксид цинка (каламиновая окалина) был известен Диоскороду и использовался в повседневной фармакопее. Несмотря на кажущийся относительный избыток металлов, технологии их добычи и технические приемы металлургии в средневизантийский период находились

на низком уровне развития, а ко времени Крестовых походов Византия в этой жизненно важной области явственно отставала от Запада (Matschke 2002; см. также II.8.5 Металлообработка).

Кроме описываемых повсеместно сельскохозяйственных инструментов, известны также орудия труда, применявшиеся в Византии представителями многих общераспространенных профессий. Греческая антология сохранила перечень плотничьих инструментов, характерных для всех периодов жизни империи: пила, рубанок, коловорот, напильник, топор, отвертка, буравчик (сверлильный инструмент), тесло, отвес, долото, зубило (Russell 1982: 136) и т. д. Общеизвестными были инструменты, использовавшиеся в плотничьем деле и строительстве, такие как молот и кирка из Дара (Kingsley 2006: 53). Преемственность и продолжительность применения древних методов деревообработки известна из иллюстраций к манускриптам: миниатюра к Проповедям Св. Иоанна Златоуста демонстрирует богато украшенный резной аналой, тогда как столбики кровати, изображенные на миниатюре «Мученичество Св. Алексия человека Божия» (Sinai gr. 183, fo. 211^r; Anderson 2002: 101, fig. 56) ясно показывают, что токарные работы не прекращались на протяжении всего византийского периода. Нововведения, касавшиеся дерево- и металлообрабатывающих инструментов и методов строительства, лучше всего отразились в изменениях техники кораблестроения, развивавшейся со времен поздней античности. Заметными достижениями в кораблестроении, мореплавании, навигации стали каркасный метод кораблестроения, треугольный парус и астролябия. Переход от шиповых конструкций к корпусному строительству, ранняя стадия которого началась уже в римский период, продолжался на протяжении поздней античности, а к XI в. фрагтовщики Византии прекратили строить по методу шипо-гнездовых соединений, характерному для их римских предшественников. Выгоды вследствие применения этого метода были, прежде всего, экономическими: каркасные методы строительства были более быстрыми и менее трудоемкими, нежели предшествующие, и в меньшем количестве требовали применения в строительстве дорогостоящего металла (Pryor 1995: 97; Kingsley 2006: 65; см. также II.8.9 Кораблестроение и мореплавание).

Еще одним материалом, имевшим широкое техническое применение, было стекло. Его часто использовали для окон, в особенности, в храмах: оконные стекла и железные рамы для них были обнаружены в производственных центрах — Коринфе и Сардах (Davidson 1952: 84; von Saldern 1980; Crawford 1990, fig. 347). Промышленное производство Коринфа (наиболее распространенным продуктом которого являлись кубки, чаши, бутылки (см. Weinberg 1979) занимает особо выдающееся место среди археологических данных XII в. (Davidson 1952: 81–4). В позднеантичный период были распространены стеклянные лампы-светильники, подтверждением тому служат археологические находки в Никополе-на-Истре, Бет-Шиане, Герасе и Каранисе (Poulter 1998; Crowfoot and Harden 1931) (лишь немногие места их обнаружения). Стеклянные лампы продолжали производить на протяжении всего средневизантийского периода в Сардах и Коринфе, а фрагменты стеклянных светильников встречаются в большинстве городских центров, таких как Константинополь (Saraçhane: Hayes, 1992), Аморий (Olcaý 2001: 285–7) и даже в относительно бедных поселениях, таких как Нихория (Rosser 1983: 408).

Византийские стеклянные разновесы были нововведением времен поздней античности. Они представляют собой значительный шаг вперед в применении материалов в быту, поскольку стеклянные разновесы сохраняли свою массу гораздо лучше, нежели металлические гири, зачастую окислявшиеся в процессе использования. Разновесы из стекла были, таким образом, более полезными при взвешивании тогда, когда особенно желательной была точность. Их ранние образцы известны по раскопкам в Александрии, но их обнаруживали также и за пределами империи, в частности, в захоронении аварского золотых дел мастера (Werner 1970: 71–3).

Вода и санитария

Водоснабжение

Средневизантийский Константинополь продолжал пользоваться проточной водой из восстановленного акведука Валента, который был, по крайней мере, частично, отреставрирован в 767 г.; записи о дальнейших ремонтных работах в системе водоснабжения датируются XI в. (Mango 1995: 17–18). После Четвертого Крестового похода латинские хозяева столицы, похоже, не проявляли интереса к содержанию системы водоснабжения: огромные городские открытые цистерны были заброшены, а водоснабжение, очевидно, прервалось (Magdalino 2002: 536). Фессалоника продолжала пользоваться действующей системой акведуков, которую содержали еще со времен античности (Tafrali 1913: 115–19). Многие города, включая столицу, в вопросе регулярного водоснабжения в засушливые месяцы зависели от вместительных цистерн (Mango 1995), а цистерны при храмах, монастырях и частных домах встречались повсеместно.

Проточная вода в домах была редкостью, будучи ограничена местами, где функционировали акведуки. В общественных местах по всему средневековому Константинополю имелись действующие фонтаны: в *Notitia* (ed. Seeck, 1876: 229–43) значатся четыре нимфея, а Большой Нимфей, находившийся на форуме Тавра, являлся завершением акведука Валента (Janin 1964: 200–1). Мало что известно и о водопроводных кранах, регулировавших подачу воды в жилища, но технологию их создания и сам факт наличия можно предположительно установить из их использования в римском мире и из того, что в других византийских механизмах, таких, как автоматы в императорском дворце и сифоны, использовавшиеся для того, чтобы привести в действие «греческий огонь», применялись при эксплуатации металлические вентили. Почти каждый дом был оснащен цистерной с водонепроницаемой изоляцией из гидравлического раствора, особенно в столице, где особенно остро ощущалась нехватка воды.

Санитария и гигиена

Санитария в Византии почти не привлекала внимания ученых, и вследствие этого о ней нам известно крайне мало. Позднеантичные города занимали то же географическое пространство, что и их классические предшественники, и многие главнейшие из древних городских центров, к примеру, Апаimea-на-Евфрате и Коринф, имели собственную канализацию (в той или иной форме) (Wilson 2000).

Такие системы к VII в. в основном прекратили свою работу (Scranton 1957). Согласно традиции, коллекторы Константинополя были построены в правление Константина (Halkin 1959: 87.30–6). Уборные, как общественные, так и частные, были обыкновенно частью богатых византийских домов и элементом городского пространства, их образцы, находившиеся в эксплуатации вплоть до позднеантичного периода, известны во многих городах, к примеру, Неа Пафосе, Саламисе и Антиохии. Лабиринты труб, опутавшие города наподобие средневековых Фив, не изучены, но заставляют предполагать, что элементарные водопроводы продолжали [существовать] в провинциях, хотя общественные санитарные сооружения там были во многом непродуманы и спланированы кое-как (Bouras 2002: 527). Строительные кодексы, сохранившиеся у Юлиана Аскалонита и дошедшие до времен поздней империи в составе «Шестикнижия» XIV в., описывают выгребные ямы и изображают отдельные попытки защитить окружающее пространство от влияния водостока и канализации (Harmenopulos 1969: 2.4.79, 80, 82). Следовательно, прилагались сознательные усилия к поддержанию неких стандартов элементарной санитарии. Однако большинство частных уборных были простыми сооружениями вблизи жилых кварталов со стоком в выгребные ямы, вырытые в земле; уборные в Мистре были обычно герметизированы (Nikolakaki 2001: 53). Археологические данные из провинций и дальше обнаруживают озабоченность вопросами санитарии. Скальные комплексы Каппадокии свидетельствуют о целом ряде строений, создававшихся специально для отбросов, как, например, уборные, обнаруженные в подземных городах Джелвери и Татларин (Demir 2000: 62), оканчивавшиеся выгребной ямой; в случае Деринкую открытые стволы ям оканчивались подземной рекой, уносившей отбросы. Частный туалет и ванная были обнаружены в каппадокийском скальном комплексе Селиме Кале (Kalas 2000: 131, 143–5). Также известны уборные и в небольших городах: их ранневизантийские примеры – в Лимстоунском массиве, где на верхних этажах в специальных нишах имеются уборные, которые, возможно, углубляясь, оканчивались выгребными ямами в основании строений (Butler 1920: 232–4). Во многих других случаях уборные находились вне дома и соединялись стоком с выгребной ямой, утечка из которой постоянно угрожала здоровью людей и окружающей среде. В большинстве своем сточные ямы в домах отсутствовали и в таком случае комнатный ночной горшок служил первичным контейнером для сбора нечистот. Что еще хуже, каких-либо удобств и приспособлений для сбора нечистот могло не быть вообще; ночные горшки зачастую опорожняли на улицу, этот отвратительный факт подтверждает «Шестикнижие» (Harmenopulos 1969: 2.4.71), которое повторяет более ранние римские предписания против выбрасывания мусора из окон (см. также III.13.6 Здоровье, гигиена и лечение).

В позднеантичную эпоху все еще были распространены общественные бани: Константинополь начала V в. насчитывал 153 таких бани (*Notitia urbis Constantinopolitanae*, ed. Seeck, 1876: 229–43); провинциальными банями во времена поздней античности особенно славилась Сирия (Sergilla, Tchalenko 1953–8: 24–8; Andarin: Mango 2003). Но к VII в. традиция строительства монументальных публичных бань ушла в прошлое, и можно с уверенностью сказать, что общественные банные учреждения стали более редкими, во многом вследствие сокраще-

ния доходов, необходимых для содержания и постоянной работы общественных бань. Однако публичные бани продолжали использоваться. Здание, предположительно являвшееся общественной баней (монастырской или городской – неизвестно) в верхнем городе в Фессалонике (Bakirtzis 2003: 61, fig. 18), было первоначально сооружено в средневизантийский период и продолжало функционировать вплоть до поздневизантийских времен. В Константинополе бани Зевксиппа, вероятно, функционировали вплоть до VIII или IX в. (Mango 1959: 39), а Дагисфей и на протяжении IX в. (Mango 1990: 60), тогда как гости города во времена Палеологов сообщают о функционирующих банях и XV в. (Tafur 1926: 143). Банные заведения в числе монастырских построек и в домах богачей известны (*Vita Theophano*, ed. Kurtz 1898: 3), но общераспространенными не являются. Баня Льва VI (Magdalino 1984a; 1988) в северо-восточном углу Большого дворца – очевидный пример роскошной императорской бани и явное указание на то, что и цель, и технологическое предназначение – снабжать теплом и водой для купания – сохранялись в византийской строительной традиции, по крайней мере, в высших слоях общества, но многие из технологий и профессиональных навыков, необходимых для обустройства и содержания большой общественной бани, стали забываться, и вероятно, были утрачены. Конечно же, банные домики [позднейших времен] были менее амбициозны и изысканы, нежели их предшественники: только кальдарий, парное отделение оставалось типичной византийской баней (Berger 1982: 87, 93; Magdalino 1984a: 234). Сохранившиеся кальдарии указывают на то, что подогрев через гипocaust сохранялся в арсенале византийских строителей.

Стирку белья осуществляли вручную, единственным специальным приспособлением для этого являлся обычный таз. Ранневизантийская прачечная, дешевая постройка с использованием споллий (вторичных материалов), была обнаружена в [пределах] Геруловых стен в Афинах. Она состояла из простого прямоугольного бассейна (около 1 м шириной на 3,35 м длиной); вода в емкость подавалась при помощи плотины из прилегающего водосточного канала раннеримской постройки (Frantz 1988: 119). Монастырские общины продолжали иметь прачечные, обслуживавшие монахов и монахинь, как упоминается в Житии Св. Афанасия Афонского (Noret 1982: 151).

ЛИТЕРАТУРА

- ANDERSON, J. C. 2002. 'Illuminated manuscripts', in H. Evans and W. Wixom (eds.), *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, AD 843–1261* (New York): 82–7.
- APELT, O. 1888. *Aristotelis quae feruntur De plantis, De mirabilibus auscultationibus, Mechanica, De lineis inseparabilibus, Ventorum situs et nomina, De Melisso, Xenophane, Gorgia* (Leipzig).
- BAKIRTZIS, C. 2003. 'The Urban Continuity and Size of Late Byzantine Thessalonike', *DOP* 57: 35–64.

- BALLANCE, M., and others. 1999. *Byzantine Emporio: Excavations in Chios, 1952–1955* (London).
- BECKH, H. (ed.) 1895. *Geoponica Sive Cassiani Bassi Scholastici De Re Rustica Eclogae* (Leipzig).
- BERGER, A. 1982. *Das Bad in der byzantinischen Zeit* (Munich).
- BOGER, A. 1983. *Consuming Passions: The Art of Food and Drink* (Cleveland).
- BOURAS, C. 2002. 'Aspects of the Byzantine City', in *EHB*: 497–528.
- BRYER, A., and HILL, S. 1995. 'Byzantine Horridge: *tracta, trachana, tarhana*', in J. Wilkins and others (eds.), *Food in Antiquity* (Exeter): 44–54.
- BUTLER, H. C. 1920. *Syria: Publications of the Princeton University Archaeological Expedition to Syria 1904–1905 and 1909. Division II – Architecture: section A: Southern Syria II. B.* (Leiden).
- CRAWFORD, J. S. 1990. *The Byzantine Shops at Sardis* (Cambridge, Mass.).
- CROWFOOT, G., and HARDEN, D. B. 1931. 'Early Byzantine and Later Glass Lamps', *JEA* 17: 196–208.
- DARK, K. 2001. *Byzantine Pottery* (Stroud).
- DAVIDSON, G. 1952. *Corinth 12. The Minor Objects* (Princeton).
- DEMIR, O. 2000. *Cappadocia: Cradle of History* (Nevşehir).
- FRANTZ, A. 1988. *The Athenian Agora 24. Late Antiquity, A.D. 267–700* (Princeton).
- GILL, M. V. 1986. 'Small Finds', in M. Harrison (ed.), *Excavations at Sarachane*, vol. 1: *The Excavations, Structures, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones, and Mol-luscs* (Princeton): 226–77.
- GREENE, H. W. 1976. 'Treatise concerning the using and arrangement of the astrolabe and the things engraved', in R. T. Gunther (ed.), *The Astrolabes of the World*, vol. 1/2 (Oxford, 1932; repr. 1976): 61–81.
- HALKIN, F. 1959. 'Une nouvelle Vie de Constantin dans un legendrier de Patmos', *AB* 77: 63–108.
- HARMENOPULOS, K. (ed.) 1969. *Manuale legum sive hexabiblos: cum appendicibus et legibus agrariis* (Aalen).
- HAYES, J. 1992. *Excavations at Saraçhane in Istanbul*, vol. 2: *The Pottery* (Princeton).
- JANIN, R. 1964. *Constantinople byzantine: développement urbain et répertoire topographique* (Paris).
- JERPHANION, G. DE. 1938. *La voix des monuments, études d'archéologie, nouvelle série* (Rome).
- KALAS, V. 2000. 'The Rock-Cut Architecture of the Peristrema Valley: Society and Settlement in Byzantine Cappadocia' (Ph. D. diss., New York University).
- KATZEN, S. 1982. 'Miscellaneous finds', in G. F. Bass and F. van Doorninck (eds.), *Yassi Ada* (College Station): 266–95.
- KINGSLEY, S. 2006. *Shipwreck Archaeology of the Holy Land: Processes and Parameters* (London).
- KURTZ, E. (ed.) 1898. *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI* (St Petersburg).
- MAGDALINO, P. 1984a. 'The Bath of Leo the Wise', in A. Moffatt (ed.), *Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance Studies for Robert Browning* (Canberra): 225–40.
- 1984b. 'The Aristocratic *oikos*' in M. Angold (ed.), *The Byzantine Aristocracy, IX–XIII Centuries* (Oxford): 92–111.

- 1988. 'The Bath of Leo the Wise and the "Macedonian Renaissance" Revisited: Topography, Iconography, Ceremonial and Ideology', *DOP* 42: 97–118.
- 2002. 'Medieval Constantinople: Built Environment and Urban Development', in *EHB*: 529–37.
- MANGO, C. 1959. *The Brazen House: A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople* (Copenhagen).
- 1982. 'Addendum to the report on daily life', *JÖB* 32.1: 252–7.
- 1995. 'The water supply', in C. Mango and G. Dagron (eds.), *Constantinople and its Hinterland* (Aldershot): 9–18.
- 1990. *Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles)* (Paris).
- MANGO, M. MUNDELL 2003. 'Excavations and survey at Androna, Syria: the Oxford team 2000', *DOP* 57: 293–7.
- MATSCHKE, K.-P. 2002. 'Mining', in *EHB*: 115–20.
- MILLIKIN, W. M. 1957. 'Early Christian fork and spoon', *Bulletin of the Cleveland Museum of Art* 44: 184–7.
- NIKOLAKAKI, L. 2001. 'The drainage system', in D. Evgenidou and others, *The Byzantine House: The City of Mystras* (Athens).
- NORET, J. (ed.) 1982. *Vitae duae antiquae sancti Athanasii Athonitae* (Turnhout).
- POULTER, A. 1998. *Nicopolis ad Istrum: The Pottery and the Glass* (London).
- OIKONOMIDES, N. 1990. 'The Contents of the Byzantine House from the Eleventh to the Fifteenth Century', *DOP* 44: 205–214.
- OLCAY, B. YELDA 2003. 'The Glass finds from 1998', in C. S. Lightfoot and others, 'The Amorium Project: research and excavation in 2000', *DOP* 57: 285–7.
- PRYOR, J. 1995. 'Late Roman, Byzantine, and Islamic Galleys and Fleets', in R. Gardiner (ed.), *The Age of the Galley* (London): 86–100.
- RHEIDT, K. 1990. 'Byzantinische Wohnhäuser des 11. bis 14. Jahrhunderts in Pergamum', *DOP* 44: 195–204.
- ROSSER, J. 1983. 'The pottery', in W. A. McDonald and others (eds.), *Excavations at Nichoria in Southwest Greece III: The Byzantine Occupation* (Minneapolis): 378–424.
- RUSSELL, J. 1982. 'Byzantine *instrumenta domestica* from Anemurium: the Significance of Context', in R. Hohlfelder (ed.), *City, Town and Countryside in the Early Byzantine Era* (Boulder): 133–63.
- SCRANTON, R. 1957. *Mediaeval Architecture in the Central Area of Corinth* (Princeton).
- SEECK, O. 1876. *Notitia dignitatum: accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et Laterculi provinciarum* (Berlin).
- SLY, D. 1996. *Philo's Alexandria* (London).
- STALBAUM, J. G. (ed.) 1825. *Commentarii ad Homeri Iliadem et Odysseam* (Hildesheim).
- TAFRALI, O. 1913. *Thessalonique au quatorzième siècle* (Paris).
- TAFUR, P. 1926. *Travels and Adventures 1435–1439*, trans. M. H. I. Letts (London).
- TALBOT RICE, D. 1937. 'Persian Elements in the Arts of Neighbouring Countries', *Journal of the Royal Asiatic Society* 24: 385–96.
- TCHALENKO, G. 1953–8. *Villages antiques de la Syrie du Nord; le massif du Bélus à l'époque romaine* (Paris).
- TROMBLEY, R. and WATT, J. W. (trans.) 2001. *The Chronicle of pseudo-Joshua the Stylite* (Liverpool).

- VON SALDERN, A. 1980. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis* (Cambridge, Mass.).
- WEINBERG, G. D. 1979. 'The Importance of Greece in Byzantine Glass Manufacture', in *Actes du XVe Congrès international d'études byzantines, Athènes Septembre 1976* (Athens): 915–19.
- WERNER, J. 1970. 'Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Mettalarbeiten', *Antikvarist Arkiv* 38: 60–81.
- WHITE, K. D. 1984. *Greek and Roman Technology* (Ithaca, NY).
- WILSON, A. 2000. 'Drainage and sanitation', in O. Wikander (ed.), *Ancient Water Technology* (Brill): 151–79.

ИЛЛЮСТРАЦИИ, ПЛАНЫ, КАРТЫ, ТАБЛИЦЫ

I.2.3. Эпистол: Разновесы (гири) и весовое оборудование

Табл. 1. Позднеримская и византийская метрологическая система.

Рис. 1. Сфероидальная гиря в 6 унций из медного сплава, 200–400 гг. н. э. (любезно предоставлена Британским Музеем).

Рис. 2. Гиря в 3 унции из медного сплава с архитектурным украшением, IV–V вв. н. э. (любезно предоставлена Британским Музеем).

Рис. 3. Гиря в 1 фунт из медного сплава с изображением двух императоров; конец IV – конец V вв. н. э. (любезно предоставлена Британским Музеем).

Рис. 4 а и б. Гири *exagium solidi* из медного сплава с изображением Гонория, Феодосия и Фортуны (реверс), 408–423 гг. н. э. (любезно предоставлены Британским Музеем).

Рис. 5. Противовес из медного сплава в форме медведя, обнимающего своего детеныша, V–VI вв. н. э. (любезно предоставлен Британским Музеем).

I.2.4. Кроу: Археология

Рис. 1. Рабочие Гертруды Белл на раскопках византийского поселения в Мэден Сехире, Бинбиркилиз, Турция, 1907 г. (из фотоархива Гертруды Белл, Исторические исследования, университет Нью-Касл).

Рис. 2. Скелет, обнаруженный в ходе раскопок храма поздневизантийского периода в Килиз Тепе в Исаврии. По результатам радиоуглеродного анализа кости могут быть отнесены к концу XII–XIII вв. (M. P. C. Jackson, у Postgate and Thomas 2007; о радиоуглеродном методе датирования см.: Bronk Ramsey and others 2000: 73–74).

Рис. 3. Восстановленные фрагменты амфоры VIII–IX вв. «византийского глобулярного» типа, представляющей собой сохранившуюся копию более ранних позднеримских форм ПР1 и 2. Найдена на раскопках позднеантичного и византийского пресса оливкового масла в Пиргос Чеймарру, Наксос. Амфоры данного типа также известны по раскопкам в Константинополе, Крите, Эгине и указывают на наличие продолжительных и устойчивых торговых связей между удаленными друг от друга на большие расстояния населенными пунктами на побережье Эгейского моря (информация и фото А. Вионис).

I.2.10. Уилсон: Греческая палеография

Рис. 1. Lincoln Gr. 15, p. 243: Евангелие (Колледж Линкольна, Оксфорд).

Рис. 2. Laud Gr. 75, fo. 2^r (977 н. э.). Иоанн Златоуст. Гомилии на Книгу Бытие (библиотека Бодлиана Оксфордского университета).

I.2.11. Хики: Папирология

Рис. 1. Производство листа папируса.

Рис. 2. Количественный и качественный состав литературных текстов, 301–700 гг. (источник: Leuven Database of Ancient Books).

Рис. 3. Диоскор Афродитский, ямбический энкомий Роману (P. Rein II 82; joins with P. Lond. Lit. 98).

Рис. 4. Расписка об авансе в счет заработной платы из архива Апионов (P. Оху. Descr. 19).

Рис. 5. Происхождение греческих и латинских документальных папирусов (источник: Heidelberg Gesamtverzeichnis der griechischen Papyrusurkunden Ägyptens).

1.2.12 А. Мюллер: Документы: имперские хрисовулы

Рис. 1. Хрисовул, 22 сентября 1355 г., выданный Иоанном V Палеологом монастырю Дохиар, Святая Гора Афон (Dölger 1965: no. 3048) (воспроизводится с разрешения Bayerische Akademie der Wissenschaften).

Рис. 2. *Chrysobullon sigillion*, Nov. 1342, выданный Иоанном V Палеологом воинам Клазомен (Dölger 1965: no. 2883) (воспроизводится с разрешения Bayerische Akademie der Wissenschaften).

Рис. 3. Простагма, январь 1344 г., выданная протосу Святой Горы Афон Иоанном V Палеологом (Dölger 1965: no. 2893) (воспроизводится с разрешения Bayerische Akademie der Wissenschaften).

1.2.12 Б. Моррис: Документы: Афон

Рис. 1. Типикон Цимиския (до 972 г.) с подписями монахов (Любезно предоставлен изд-вами Lethielleux).

1.2.13. Мэнго: Эпиграфика

Рис. 1. Постамент египетского обелиска, Ипподром, Стамбул (390 г. н. э.) (фото: Кирилл Мэнго).

Рис. 2. Соборный эдикт, 1166 г., Музей Айя Софии, Стамбул (фото: Кирилл Мэнго).

1.2.14. Несбитт: Сигиллография

Рис. 1. Печать Николая Афинянина (© Дамбартон Оакс, Византийская коллекция, округ Вашингтон)

Рис. 2. Печать Никифора Вотаниата (© Дамбартон Оакс, Византийская коллекция, округ Вашингтон)

Рис. 3. Печать Василия, хартулария Армениака (© Дамбартон Оакс, Византийская коллекция, округ Вашингтон)

Рис. 4. Печать Панарета, судьи фемы Армениак (© Дамбартон Оукс, Византийская коллекция, округ Вашингтон).

1.2.15. Георгантели: Нумизматика

Рис. 1. Медный *фоллис* Анастасия (491–518), большая серия, монетный двор Константинополя, оффицина Δ, вес 18.12 г., the Barber Institute Coin Collection B109; P. D. Whitting Collection

Рис. 2. Золотой солид Анастасия (491–518), монетный двор Константинополя, вес 4.47 г., the Barber Institute Coin Collection B16; P. D. Whitting Collection

Рис. 3. Медный *фоллис* Юстиниана I (527–565), монетный двор Антиохии, оффицина Γ, 13-й год царствования (=539/40), вес 17.45 г., the Barber Institute Coin Collection B792; P. D. Whitting Collection

Рис. 4. Золотой *солид* Юстиниана II, второе царствование (705–711), монетный двор Константинополя, класс II, вес 4.41 г., the Barber Institute Coin Collection B4463; P. D. Whitting Collection

Рис. 5. Золотой *солид* Льва IV (775–780), монетный двор Константинополя, класс I, вес 4.41 г., the Barber Institute Coin Collection B4583; P. D. Whitting Collection

Рис. 6. Серебряный *милиарисий* Льва V (813–820), монетный двор Константинополя, вес 2.15 г., the Barber Institute Coin Collection B4634; P. D. Whitting Collection

Рис. 7. Медный *фоллис* Феофила (829–842), монетный двор Константинополя, вес 6.84 г., the Barber Institute Coin Collection B4695; G. Haines Collection

Рис. 8. Золотая *номисма гистаменон* Никифора II (963–969), монетный двор Константинополя, класс II, вес 4.44 г., the Barber Institute Coin Collection B4928; G. Haines Collection

Рис. 9. Золотая *номисма гистаменон* Никифора III (1078–1081), монетный двор Константинополя, класс II, вес 4.1 г., the Barber Institute Coin Collection B5498; G. Haines Collection

Рис. 10. Золотая *номисма тетартерон* Никифора III (1078–1081), монетный двор Константинополя, класс II, вес 3.2 г., the Barber Institute Coin Collection B5502; P. D. Whitting Collection

Рис. 11. Медный *фоллис* Никифора III (1078–1081), монетный двор Константинополя, вес 6.69 г., the Barber Institute Coin Collection B5510; P. D. Whitting Collection

Рис. 12. Золотой *иперпирон* Алексея I (1081–1118), монетный двор Константинополя, послереформенный период (1092–1118), вес 4.27 г., the Barber Institute Coin Collection B5545; P. D. Whitting Collection

Рис. 13. *Электрум трахи* Мануила I (1143–1180), монетный двор Фессалоники, вес 4.2 г., the Barber Institute Coin Collection B5782; P. D. Whitting Collection

Рис. 14. *Биллон трахи* Алексея III (1195–1203), монетный двор Константинополя, вес 4 г., the Barber Institute Coin Collection B5931; P. D. Whitting Collection

Рис. 15. Медный *тетартерон* Иоанна II (1118–1143), монетный двор Фессалоники, вес 5.80 г., the Barber Institute Coin Collection B5673; P. D. Whitting Collection

Рис. 16. Серебряный аспр Феодора (ок. 1285), монетный двор Трапезунда, вес 3 г., the Barber Institute Coin Collection ET124; P. D. Whitting Collection

Рис. 17. Золотой *иперпирон* Михаила VIII (1258–1282), монетный двор Константинополя, вес 4.28 г., the Barber Institute Coin Collection B6141; P. D. Whitting Collection

Рис. 18. Золотой *иперпирон* Иоанна V Палеолога с Иоанном VI Кантакузином (1347–1353), монетный двор Константинополя, вес 3.83 г., the Barber Institute Coin Collection B6370; P. D. Whitting Collection

Рис. 19. Серебряный *василикон* Андроника II с Михаилом IX (1294–1320), монетный двор Константинополя, вес 2.13 г., the Barber Institute Coin Collection B6288; P. D. Whitting Collection

Рис. 20. Серебряный *ставрат* Иоанна V (1341–1391), период 1354–1376, монетный двор Константинополя, вес 8.8 г., the Barber Institute Coin Collection B6380; P. D. Whitting Collection

Рис. 21. 1/8 серебряного *ставрата* Константина XI (1449–1453), монетный двор Константинополя, вес 0.57 г., the Barber Institute Coin Collection 4-2006; the Despot Collection of Late Byzantine Coins

1.2.18. Бардилл: Оттиски на кирпиче

Рис. 1. Константинополь (источник Bardill 2004); Фессалоники (источник: Hébrard 1920, Tafrafi 1913, Soteriou 1952); Рим.

1.2.19. Хеннесси: Константинополь

План 1. Константинополь в VI в. (по: J. Haldon, *The Palgrave Atlas of Byzantine History*).

Рис. 1. Стены Константинополя.

Рис. 2. Внешний вид храма Св. Софии (середина XIX в.) (Fossati).

Рис. 3. Внутренний вид храма Св. Софии (середина XIX в.) (Fossati).

П.3.1. Уиттоу: Географический обзор

Карта 1. Балканы: физическая география (по: J. Haldon, *The Palgrave Atlas of Byzantine History*).

Карта 2. Малая Азия: физическая география (по: J. Haldon, *The Palgrave Atlas of Byzantine History*).

П.3.2 А. Гритрекс: Политико-исторический обзор, ок. 250–518

Карта 3. Римская империя в конце IV в. (по: С. Mango, *The Oxford History of Byzantium*).

П.3.2 В. Хэлдон: Политико-исторический обзор, 518–800 гг.

Карта 4. Византийская империя в VI в. (по: С. Mango, *The Oxford History of Byzantium*).

Карта 5. Византийская империя в VIII в. (по: С. Mango, *The Oxford History of Byzantium*).

П.3.2 С. Холмс: Политико-исторический обзор, 800–1204 гг.

Карта 6. Византийская империя при Василии II (по: С. Mango, *The Oxford History of Byzantium*).

П.3.2 D. Лайу: Политико-исторический обзор, 1204–1453 гг.

Карта 7. Византийская империя в 1204 г. (по: С. Mango, *The Oxford History of Byzantium*).

Карта 8. Византийская империя во второй половине XIV в. (по: С. Mango, *The Oxford History of Byzantium*).

П.4. Белке: Коммуникации

Карта 9. Главные дороги Балкан, VII–XII вв. (по: J. Haldon, *The Palgrave Atlas of Byzantine History*).

Карта 10. Основные дороги Малой Азии, VII–XII вв. (по: J. Haldon, *The Palgrave Atlas of Byzantine History*).

П.7.1. Бардилл: Строительные материалы и техники

Рис. 1. Виды византийских сводов

П.7.2. Оустерхаут: Церкви и монастыри

Рис. 1. Иерусалим, Храм Гроба Господня (рис. по Корбо)

Рис. 2. Константинополь, храм Св. Иоанна Студита (рис. по Мэтьюзу)

Рис. 3. Константинополь, храм Св. Софии (рис. по Ван Найсу)

Рис. 4. Трили, храм Св. Стефана (?) (рис. по Пикаку)

Рис. 5. Константинополь. Мирилион (Mυρελαϊον), ныне Бодрум Ками (рис. по Стрикеру)

Рис. 6. Хиос, Неа Мони (рис. по Бурасу)

Рис. 7. Константинополь, храм Христа Вседержителя, ныне Зейрек Ками (рис. по Мегроу)

Рис. 8. Хосиос Лукас (рис. по Стикасу)

Рис. 9. Константинополь, церковь Христа в Хорах, ныне Кахрие Ками (рис. по Андервуду)

П.7.4. Кормак: Стенная роспись и мозаика

Рис. 1. Апсида церкви Коимесис в Никее.

II.8.2. Парани: Ткани и одежды

Рис. 1. Средневизантийское императорское одеяние-хламида (на основе портрета Михаила VII Дуки в Coislin 79, fo. 2^r, 1071–1081 гг.; по: M. Parani, *Reconstructing the Reality of Images*).

Рис. 2. Средневизантийское мужское одеяние со скрещенным лором (на основе портрета Михаила VII Дуки в Coislin 79, fo. 1 (2 bis)^v, 1071–1081 гг.; по: M. Parani, *Reconstructing the Reality of Images*).

Рис. 3. Поздневизантийское мужское одеяние с упрощенным лором (на основе портрета Мануила II Палеолога в Pap. suppl. gr. 39, fo. VI, 1407 г.; по: M. Parani, *Reconstructing the Reality of Images*).

Рис. 4. Средневизантийское женское одеяние с лором (на основе портрета Марии Антиохийской в Vat. gr. 1176, fo. II, 1166 г.; по: M. Parani, *Reconstructing the Reality of Images*).

Рис. 5. Поздневизантийское женское одеяние с лором (на основе портрета Анны Савойской в Stuttgart, cod. hist. 2° 601, fo. 4, 1328–1341 гг.; по: M. Parani, *Reconstructing the Reality of Images*).

Рис. 6. Поздневизантийское мужское церемониальное одеяние (на основе портрета протосеаста Константина Комнина Пауля Палеолога в Oxford, Lincoln College, MS gr. 35, fo. 6^r, 1327–1342 гг.).

Рис. 7. Епископское одеяние (на основе портрета Св. Игнатия в кафоликоне монастыря Хосиос Лукас, Фокида, Греция, XI в.).

Рис. 8. Монашеское одеяние (адаптировано по портрету Св. Григория Агригентского из часовни Св. Троицы, монастырь Св. Иоанна Златоуста, Куцувенди, Кипр, начало XII в.).

II.8.4. Армстронг: Керамика

Рис. 1. Кухонные горшки: а) округлой (луковичной) формы; б) кастрюля; с) кастрюля с одной ручкой и плоским дном.

Рис. 2. Простая настольная посуда: а) малый кувшин; б) кувшин; с) настольная амфора; д) жаровня.

Рис. 3. Посуда для хранения продуктов: а) открытый контейнер для сыпучих сухих продуктов; б) свободно стоящие пифосы; с) пифосы с заостренным или коническим основанием.

II.8.7. Лауден: Изготовление книг

Рис. 1. Монастырь Мегаспелайон, рукопись 8, XII в.: Евангелие, начало Евангелия от Луки (фото Дж. Лауден).

Рис. 2. Иерусалим, Греческий Патриархат, рукопись Taphou 14, XI в.: гомилии Св. Григория Назианзина (фото Дж. Лауден).

Рис. 3. Стамбул, Музей Топкапи Сарай, рукопись 8, XII в.: Октоих, неоконченная миниатюра (фото Дж. Лауден).

Научное издание

Нартекс
Byzantina Ukrainensia

Том 3

**ОКСФОРДСКОЕ РУКОВОДСТВО
ПО ВИЗАНТИНИСТИКЕ**

Выпуск 1

Редакторы:

Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак

Перевод с английского:

В. В. Швец

Главный редактор:

С. Б. Сорочан

Редакторы:

А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын,

А. Г. Чекаль

Художественное оформление:

В. А. Носань

Корректор:

И. Д. Мироненко

Технический редактор:

Е. В. Онишко

Підписано до друку 20.05.14. Формат 70х100/16.
Папір офсетний. Гарнітура Таймс. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 32,25. Наклад 300 прим. Зам. № 14-44.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com